

**ГОРОД В КОНТЕКСТЕ
МИКРО И МАКРОИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ**

**Сборник научных трудов
Международной научно-практической конференции
Республика Башкортостан, г. Стерлитамак,
14 ноября 2019 г.**

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**СТЕРЛИТАМАКСКИЙ ФИЛИАЛ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

**ГОРОД В КОНТЕКСТЕ
МИКРО И МАКРОИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ**

**Сборник научных трудов
Международной научно-практической конференции
Республика Башкортостан, г. Стерлитамак,
14 ноября 2019 г.**

Стерлитамак 2019

УДК 94:316:325.11
ББК 63.3+60.546
Г 70

Рецензенты:

кафедра всеобщей истории и философских дисциплин (Стерлитамакский филиал БашГУ); кандидат исторических наук, доцент Н.А. Киреева (филиал Уфимского государственного нефтяного технического университета в г. Салавате)

Ответственный редактор – кандидат исторических наук, доцент **И.И. Явнова** (Стерлитамакский филиал БашГУ)

Заместитель ответственного редактора – кандидат исторических наук, доцент **Р.И. Кантимирова** (Стерлитамакский филиал БашГУ)

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук, доцент Н.С. Мысляева; кандидат филологических наук, доцент О.А. Шарипова; кандидат исторических наук, доцент Н.Л. Семенова; кандидат исторических наук, доцент О.С. Павлова; кандидат педагогических наук, доцент А.А. Богданова (Стерлитамакский филиал БашГУ)

ГОРОД В КОНТЕКСТЕ МИКРО И МАКРОИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ:
Г 70 Сборник науч. трудов Всерос. науч.-практ. конф., Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 14 ноября 2019 г. / отв. ред. И.И. Явнова, зам. отв. ред. Р.И. Кантимирова. – Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2019. – 223 с.

Сборник научных трудов включает материалы участников Международной научно-практической конференции. В них рассматриваются проблемы политической, экономической, военной и культурной истории городов.

Издание представляет интерес для преподавателей, учителей, аспирантов, магистрантов, студентов и всех, кто интересуется историей городов.

© Коллектив авторов, 2019

© Стерлитамакский филиал БашГУ, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Международная научно-практическая конференция «Город в контексте микро и макроисторических процессов», организованная кафедрой всеобщей истории и философских дисциплин исторического факультета Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета состоялась 14 ноября 2019 г. На конференции были рассмотрены вопросы теоретико-методологических основ изучения города в контексте национальной идентичности, национальная идентичность и культурная антропология города, самоорганизация и саморазвитие городского сообщества, социально-экономическое развитие городов и модернизационные проекты, история города в лицах, город как центр культуры и образования, история города в контексте макроисторических процессов общественного развития. Привлечение к участию в конференции молодых ученых продемонстрировало возросший интерес к рассмотрению и освещению ключевых вопросов истории городов.

В сборнике научных трудов Международной научно-практической конференции «Город в контексте микро и макроисторических процессов» представлена широкая география исследований ученых. Издание будет представлять интерес для преподавателей, учителей, аспирантов, магистрантов, студентов и всех, кто интересуется историей городов.

Редакционная коллегия выражает искреннюю признательность нашим уважаемым авторам за участие в Международной научно-практической конференции.

Отв. ред. И.И. Явнова, к.и.н., доцент

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДА В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

УДК 930.2(092)

Развитие советской альтернативной историографии во второй половине 50-х – середине 80-х гг. XX в.

Самородов Д.П.
г. Стерлитамак

Аннотация. В статье анализируется процесс развития в СССР в предметной области историографической науки и за ее пределами альтернативных подходов к пониманию природы исторического познания: предмета изучения исторической науки, хронологии всемирно-исторического процесса, принципов постижения исторических явлений, попыток по-новому осмыслить диалектическую суть исторического материализма. Предпринимается попытка обосновать новые категории понятийного аппарата исторической науки, а именно: 1. «внутриакадемическая альтернативная историография», связанная с общими нормами марксистской методологии и моделями академической хронологии; 2. «внеакадемическая альтернативная историография», свободная от жестких методологических нормативов марксизма и ориентированная на цивилизационное, циклическое развитие исторического процесса, обусловленного внешнекосмическим и провиденциальным воздействием. Показываются особенности зарождения метаисторического мировидения на примере творчества крупных представителей эмигрантской философской и эзотерической мысли и отдельных советских мыслителей, занимавшихся изысканиями в конспиративной обстановке. Подчеркивается научно-историческая значимость и благородный вклад представителей советской альтернативной историографии в дальнейшее свободное поступательное развитие исторической науки и ее методологического субстрата в постсоветский период, в благоприятных для гуманитарных наук условиях существования новой, демократической России.

Делается вывод, что история изучения академической мысли и история изучения вообще исторического познания – это не одно и то же.

Ключевые слова: альтернативная история в СССР, метаистория, марксизм, историзм, предмет исторической науки, ортодоксальная наука, внеакадемическая историография, исторический процесс.

*«Жизненная программа человека составляет так, что он всегда оказывается перед альтернативным выбором: в каждой ситуации есть двойственное решение и человек выбирает, куда ему идти, в сторону добра или зла, взять или отдать, получить удовольствие или отказаться от него»
Л.А. Секлитова, Л.Л. Стрельникова «Словарь космической философии»*

Сегодня в области теоретической истории категория альтернативности, применяемая в научном миропонимании при оценке исторических событий прошлого, занимает одно из центральных мест. При должном господстве в современной отечественной историографии плюрализма мнений существование подходов альтернативных устоявшимся общепринятым нормам трактовки исторического материала является естественным положением вещей. Действительно, Quot capita, tot sensus – сколько людей, столько мнений, как когда-то говорил Теренций. Однако многоконцептуальность в исторической науке существовала не всегда. Почти на протяжении всего советского периода в отечественной историографии жестко господствовало материальное (марксистско-ленинское) понимание истории, истмат. Согласно «Словарю иностранных слов» под ред. И.В. Лепехина и Ф.Н. Петрова (1949 г.), исторический материализм – суть созданная Марксом, Энгельсом и развитая Лениным и Сталиным наука о закономерностях общественной жизни, законах развития истории. Истмат, таким образом, был распространением диалектического материализма на изучение исторических явлений. Для истмата была характерна атеистическая в основе аксиома, согласно которой «не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» (Маркс) [33, с. 265].

В сталинскую эпоху советские историки руководствовались теоретической работой Вождя народов «О диалектическом и историческом материализме», в которой содержался сталинский взгляд на формационную теорию исторического процесса, предполагавшего примат экономики в истории, экономический детерминизм [33, с. 265]. При таком положении дел альтернативное (нематериалистическое) толкование исторических явлений было никак невозможно.

В указанном «Словаре иностранных слов», изданном при Сталине, термин «альтернатива» объясняется как «каждая из двух исключаящих друг друга возможностей» [33, с. 38], а «альтернативный» – как «допуска-

ющий одну из двух возможностей». Марксистское, заземленно-материалистическое понимание истории, нацеливавшее историков на восприятие исторического процесса через фокус идеи исторического прогресса, линейного (формационно-стадиального) развития по существу исключало возможность иного, альтернативного понимания прошлого. Марксизм, претендующий на открытие законов исторического развития, был закономерно и неразрывно повязан с «обезьяньей» теорией антропогенеза, с эволюционным учением Ч. Дарвина. В силу этих обстоятельств марксизм, не допускающий принципиально иных подходов к истории (нелинейных, циклических, метаисторических), обнаруживал свою когнитивную, познавательную неспособность в объяснении, к примеру, событий древнейшей истории человечества и конкретных артефактов. Через линейные парадигмы мышления марксисты по определению не в состоянии были объяснить артефакты, свидетельствовавшие о существовании Триантиды, Гипербореи, Атлантиды, Лемурии и прочих высокоразвитых допотопных цивилизаций, «засеянных», как убеждены сегодня многие альтернативные историки, при участии «внешнего», космического фактора и высших внеземных форм негуманоидного разума. Марксизм с его примитивной атеистической историософией не мог вразумительно объяснить феномен сознания и психического естества человека, а значит ответить на вопрос: в чем смысл истории.

Несмотря на монопольную власть марксизма-ленинизма над общественными науками, после окончания сталинской эпохи на протяжении второй половины XX в. альтернативное историческое мировидение все же имело место быть в академическом пространстве советской историографии, и не только. Если в исторической науке, строго контролируемой высшими партийными органами советской власти (Отдел науки при ЦК КПСС), альтернативистика за указанное время сводилась к попыткам и нормам «очищенного» марксистско-ленинского взгляда на историю (прежде всего, на проблему революционного движения и Октябрьской революции 1917 г.), то на межпредметных «стыках» исторической науки и других общественных наук (и даже некоторых точных наук), а также вообще за пределами академической науки начинают зарождаться очаги исторических отраслей знаний, которые не вписывались в предметную епархию официальной историографии и методологии, не коррелировались с марксистской идеологией исторического познания (атлантология, поллярная теория происхождения белой расы, «новая» математическая хронология истории, пассионарная теория этногенеза, цивилизационный подход к пониманию истории, метаисторическая обусловленность планетарной истории и проч.). С должным основанием можно утверждать, что в постсталинское тридцатилетие (до начала Перестройки) в СССР исподволь и как-то незаметно шло развитие альтернативного мировидения на исторический процесс, которое было отличным от норм академической историографии, основанной на научном материализме. Следует подчеркнуть, что в данной нашей работе речь будет идти не столько собственно о самой альтернативности в истории (альтернативных путях развития), сколько об альтернативных взглядах на исторический процесс, его хронологию, движущие силы, предмет исторического познания. Еще в доперестроечное время замечательный советский ученый-методолог Б.Г. Могильницкий предлагал понимать предмет историографии более широко, а именно – как изучение вообще исторического знания, а не только историю развития академической науки. Действительно, историческое знание по определению никогда не могло быть заперто в предметных границах официальной науки, ибо процесс постижения истории был и будет соотнесен с естественно-научным и художественным знанием, а также с другими областями интеллектуальной и духовной жизни социума.

Очевидно, что характерным явлением для времени хрущевской «оттепели» становится развитие такой причудливой отрасли научного знания, как атлантология, занимающаяся геолого-географическими и историко-этническими доказательствами существования допотопного материка Атлантиды и обретающейся на нем высокоразвитой цивилизации. Зарождение русской науки атлантологии приходится на начало XX в., когда вышли в свет первые труды русских ученых и публицистов, как то: доктора геолого-минералогических наук и палеонтолога В.В. Богачева (1912 г.) [18, с. 3, 11], А. Башмакова (1912 г.), П. Чирвинского (1912 г.), С. Башинского (1914 г.). В 20–е гг. XX в. проблема Атлантиды захватывает и мэтров советской научной фантастики – А. Толстого («Аэлита»), В. Брюсова, А. Беляева («Последний человек из Атлантиды»). Во второй половине 50-х гг. происходит новый всплеск интереса ученых и научных фантастов к тайне атлантической цивилизации. Следует отметить, что проблемой атлантологии занимались тогда одиночные представители естествознания, а не историки-академики, которые «по определению» не имели права ставить вопрос об атлантической цивилизации, ибо это никак не коррелировалось с пресловутой «формационной» теорией линейного исторического прогресса, властвующей над советской историографией. Поэтому разработка атлантологии велась с предметной стороны геологии и географии.

Принято считать, что возрождению интереса к проблеме существования Атлантиды непосредственно способствовала дискуссия известных академических ученых и писателей на страницах весьма популярного тогда журнала «Техника – молодежи» в 1956 г. [18, с. 14]. В этой необычной дискуссии «Существовала ли Атлантида?» [15] участвовали Н.С. Ветчинкин, М. Плям, Е.Ф. Хагемейстер, а также знаменитый писатель-фантаст, доктор биологических наук И.А. Ефремов и доктор химических наук Н.Ф. Жиров, которому и будет суждено стать основателем советской науки атлантологии. Весьма удивительным представляется творческий путь этого нестандартно мыслящего ученого. Николай Феодосьевич Жиров (1903 г.р.) до выхода на пенсию по инвалидности был известным ведущим специалистом по промышленному производству люминофоров для

нужд оборонной промышленности. В 1949 г. ВАК МО СССР присвоила ему ученую степень доктора химических наук «по совокупности» опубликованных научных трудов (т.е. без защиты диссертации и даже без формального наличия высшего образования) [19]. В первой половине 50-х гг. Н.Ф. Жиров, находясь на пенсии, активно разрабатывал основы атлантологии (декларирована им в 1959 г.) [19], определенное как один из разделов биогеографии четвертичного периода и учитывающего, в частности, данные сравнительной мифологии. По убеждению Н.Ф. Жирова, проблема Атлантиды имеет три аспекта [18, с. 59]. Геолого-географический – предполагает доказательство обширной тверди в Атлантике в далеком прошлом; историко-этнический – исследование факта существования на Атлантиде высокоразвитой цивилизации; исторический – разработка историографической стороны проблемы. В 1957 г. в свет выходит его первый труд «Атлантида», а в 1964 г. Н.Ф. Жиров публикует основное научное произведение «Атлантида. Основные проблемы атлантологии», которая и по сей день не устаревает, как убежден доктор геолого-минералогических наук, академик РАН А. Городницкий (нашедший со своей экспедицией в 70-х гг. XX в. в Атлантике рукотворные сооружения, возможно, и сооруженные атлантами). В этой второй книге, представляющей главный труд его жизни, он ставил вопрос о введении атлантологии в круг академических дисциплин. Во вводной части монографии автор утверждает: «Атлантологию как науку можно считать одним из разделов биогеографии современного, четвертичного периода (антропогена) геологической истории Земли, притом той части его, которая хронологически относится ко времени становления разумного человека, времени, непосредственно предшествующего нашей исторической эпохе начиная с последнего оледенения» [18, с. 63]. Владея несколькими европейскими языками, Ф. Жиров привлек к исследованию огромный круг источников и литературы; библиография указанной книги включает 730 (!) наименований работ. В первом разделе автор дает критику текстов философа Платона об Атлантиде, а также анализирует эзотерическое предание о мифическом континенте. В остальных разделах монографии Н.Ф. Жиров, рассматривая природу океанов, акцентирует внимание на вопросе об Атлантиде как биогеографической и геологической реальности, рассуждает о причинах и датах гибели материка. В заключение автор утверждает, «что в настоящее время большинство научных данных свидетельствует о былом реальном существовании Атлантиды Платона» и выражает надежду, что следующий труд по атлантологии будет выпущен с участием коллектива ученых-специалистов разных научных дисциплин, в том числе, как надо полагать, и историков. Однако планам советского основоположника атлантологии не суждено было сбыться.

В академической советской историографии его дерзкие взгляды, конечно, не нашли отклика. Как указывалось выше, концепция Н.Ф. Жирова «не вписывалась» в формационную теорию, основанную на марксистском взгляде линейного исторического прогресса и смене общественно-экономических формаций. Более того, его деятельность привлекла внимание КГБ [18, с. 15], сотрудники которого навевались к уже смертельно больному Николаю Феодосьевичу, умершему в 1970 г. в Москве. Только через столетие после его рождения монография «Атлантида. Основные проблемы атлантологии» была переиздана в новой, свободной России и была с почетом встречена сторонниками альтернативной истории.

Во второй половине 50-х и первой половине 60-х гг. XX в., в эпоху хрущевской «оттепели», помимо Н.Ф. Жирова вопросами атлантологии занимались некоторые энтузиасты-одиночки. В 1961 г. в СССР была издана книга Екатерины Андреевой «Атлантида. В поисках затерянного мира» [4], вступление к этой работе было написано академиком В. Струве. В начале 60-х гг. ряд статей о погибших допотопных цивилизациях были опубликованы Александром Горбовским в журналах «Байкал» и «Наука и жизнь» [10]. В 1966 г. вышла в свет отдельная работа этого автора под названием «Загадки древнейшей истории». Новаторские идеи в ракурсе так называемой теории полеоконтакта некоторые авторы излагали в статьях, размещенных на страницах нового альманаха (1960 г.) «На суше и на море» [18, с. 16], в редколлегию которого входили такие известные ученые-фантасты, как доктор биологических наук С.В. Обручев, А.П. Казанцев, И.М. Забелин. В 1961 г. в указанном альманахе вышла статья «Космонавты древности», написанная кандидатом физико-математических наук М. Агрестом [18, с. 16].

Развитию космофилософских взглядов на исторический процесс, несомненно, в какой-то степени способствовало творчество Александра Петровича Казанцева, известного советского писателя-фантаста, сторонника гипотезы о палеоконтактах. Современные специалисты называют этого писателя-космиста одним из пионеров советской уфологии, придумавшего более 100 новых слов (к примеру, «инопланетяне») [21]. Размышляя над исторической тайной Тунгусского метеорита, А.П. Казанцев в ряде своих произведений обосновал версию, что метеорит был кораблем пришельцев из далекого Космоса и взорвался при посадке.

Советских ученых и фантастов интересовала не только тайна атлантической цивилизации. Мифический северный материк и проживавшая на его тверди высокоразвитая цивилизация (именуемая античными греками Гипербореей, а также Даарией, Северией, согласно Славяно-арийским Ведам) будоражили воображение Владимира Афанасьевича Обручева, выдающегося геолога, путешественника, академика АН СССР (1929 г.), Героя Социалистического труда (1945 г.), лауреата двух Сталинских премий, автора 660 статей и книг [30]. Очевидно, знакомый с теорией полой земли и взглядами Б. Тилака о полярной родине ариев, В.А. Обручев еще в 20-е гг. XX в. опубликовал научно-фантастические романы «Плутония» и «Земля Санникова» [29].

Свои соображения относительно существования разумных гуманоидных цивилизаций в пространствах полой Земли знаменитый ученый-геолог дерзнул вынести за пределы научной фантастики на почву академической

науки. Однако его научный доклад не был воспринят его академическими коллегами; подобные взгляды В.А. Обручева никак не коррелировались с марксистской, линейно-материалистической концепцией истории.

Космофилософский взгляд на историческое бытие земного человечества нашел причудливое отражение в творчестве Ивана Антоновича Ефремова, доктора биологических наук, ученого-палеонтолога, знаменитого советского писателя-фантаста, философа-космиста, лауреата Сталинской премии второй степени [17]. Среди источников научного миропонимания И.А. Ефремова были идеи индийской философии, русского космизма К. Циолковского, а также положения Живой Этики супругов Рерихов. В своих историко-приключенческих повестях («На краю Ойкумены») и фантастических романах («Туманность Андромеды», «Таис Афинская») этот ученый-космист размышляет через призму крипто-марксизма о светлом коммунистическом будущем земного социума и беспредельности эволюционного совершенствования человека. В научной статье «Космос и палеонтология» И.А. Ефремов утверждает, что «общие законы, действовавшие и действующие в процессе исторического развития жизни на Земле, те же самые, как на планетах Солнечной системы, и отдельных звезд». Применяя тезис о том, что белково-кислородно-водная жизнь распространена во вселенной, ученый призывает изучать нашу планету «как гигантскую лабораторию эволюции жизни на пути ее самоусовершенствования» [16, с. 368]. В этом отношении эти идеи ученого коррелируются с концепциями таких современных метаисториков, как Барбара Марсиниак (книга «Земля. Плеядианские ключи к живой библиотеке») или Влада Булгакова (книга «Неизвестная история человечества»). Правы, очевидно, те современные специалисты по истории русского космизма, которые считают, что И.А. Ефремов (как и великий К. Циолковский) был одним из основоположников гипотезы о палеоконтактах (палеовизитах). Научное и писательско-фантастическое творчество И.А. Ефремова пронизано идеями о разумном Космосе, о существовании на других планетах человекоподобных (и не только) цивилизаций. Верил ли ученый-космист в существование Высшего Разума (Бога-Творца)? В указанной научной статье (вошедшей в сборник «Населенный Космос», опубликованный в издательстве «Наука» в 1972 г.) автор утверждает: «Что касается миров, где разум (выделено нами – Д.С.) создал уже цивилизации одного с нами уровня или даже более высокие, то их обитатели, без сомнения, сами проникли в глубь своей предыстории и при контакте с нами покажут весь путь исторического развития жизни, приведший к возникновению интеллекта» [16, с. 355]. Интересно отметить, что проф. Н.Ф. Жиров в своей автобиографии (1963 г.) считает «крестным отцом» атлантологии Ивана Антоновича Ефремова.

Развитие «свободной» альтернативной историографии, обретающей за предметными и методологическими пределами академической, марксистской исторической науки, неразрывно связана с удивительным творчеством Даниила Андреева, поэта-мистика, визионера, одного из основоположников мета-исторического мировидения, автора книги «Роза Мира» [2]. Обвиненный за роман «Странники ночи» в антисоветчине по пресловутой 58-й статье в 1947 г., Д.Л. Андреев провел десять лет в тюремных застенках. Испытывая беспрецедентные по своей грандиозности мистические переживания Андреев с декабря 1950 г. начинает создавать свое главное произведение по мета-истории, книгу «Роза Мира», которую он завершит после освобождения в октябре 1958 г., будучи уже смертельно больным человеком. Во второй книге трактата «О метаисторическом и трансфизическом методах познания» Д.Л. Андреев дает такое определение этой апокалиптической форме познания: «Метаистория – ныне находящаяся вне поля зрения науки и вне ее методологии, совокупность процессов, протекающих в тех слоях нематериального бытия, которые, пребывая в других видах пространства и в других потоках времени, просвечивают иногда сквозь процесс, воспринимаемый нами как история» [2, с. 59].

Советский основоположник метаистории Д.Л. Андреев, увы, не дождал до публикации мистического трактата. «Роза Мира» впервые вышла в свет лишь три десятилетия спустя после смерти автора, в 1991 г. [3]. Таким образом, советским историкам этого времени было, к сожалению, ничего не известно об этой книге и изложенном в ней метаисторическом подходе. До конца советской эпохи в отечественной истории официальная историография была под властью материалистического понимания истории, атеизма и «принципа партийности».

Следует отметить, что разработка проблемы метаистории была характерна также для позднего творчества Николая Бердяева, крупнейшего представителя эмигрантской русской религиозной мысли. Свои метаисторические воззрения Н.А. Бердяев изложил в последней книге «Самопознание», являвшейся опытом философской автобиографии, где постулируется его окончательная философия (первая публикация книги осуществлена в 1953 г. спустя несколько лет после смерти мыслителя, во французском Клармате). В своей автобиографии Н.А. Бердяев писал: «История происходит в своем историческом времени, вставленном во время космическое. Метаистория же вкоренена во времени экзистенциальном и лишь прорывается во время историческое» [6, с. 310]. С должным основанием можно утверждать, что и космофилософия супругов Рерих имела метаисторический стержень. В книге «Семь великих тайн Космоса» Николай Рерих утверждал: «Мир управляется Космическим Разумом» [31, с. 13]. С воззрениями отцов-основателей метаисторизма советские люди первоначально ознакомятся лишь в конце эпохи перестройки.

После судьбоносного для советского социума XX съезда КПСС 1956 г. академическая историческая наука вступила в стадию противоречивого развития, когда при начавшейся либерализации общественной жизни и некоторого освобождения гуманитарных наук от партийного контроля, появлялась возможность обоснования альтернативных сталинским оценкам подходов в трактовке исторических событий в общих ме-

тодологических границах исторического материализма (материалистического понимания истории), составной части марксистско-ленинской философии.

Между тем, развенчание культа личности Сталина советским лидером Н.С. Хрущевым на XX съезде не означало, что советским историкам было позволено трактовать историю революционного движения и другие спорные и неоднозначные вопросы отечественной истории методологически иначе, чем в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Любые попытки дать альтернативные оценки по истории Великой Октябрьской Социалистической революции 1917 г. сразу выявлялись и пресекались цензурными и репрессивными органами, а такие историки–смельчаки подвергались репрессиям. К примеру, в 1956 г. подвергся критике журнал «Вопросы истории» и его редактор академик А.М. Панкратова за статью Э.Н. Бурджалова «О тактике большевиков в марте-апреле 1917 г.», концепция которого не была сообразна с методологией пресловутого «Краткого курса» [34, с. 118]. Благодатной ментальной почвой для проникновения антисталинских идей была студенческая столичная среда, представители которой по-своему пытались использовать секретный доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС в новой трактовке революционного движения. Участниками таких открытых акций по декларированию антисталинского подхода в оценке революционного движения являлись студенты и молодые преподаватели исторических факультетов, которые за свое вольнодумство заплатили дорогой ценой, угодив на несколько лет в тюремные застенки. Примером может служить так называемое «Дело» молодых историков (1957-1958 гг.) [14, с. 106–135]. Это движение (именуемое в историографии еще «Делом Краснопевцова» или «Университетским делом») возглавил аспирант кафедры истории КПСС МГУ Л.Н. Краснопевцов, который в начале 1957 г. в статье «Основные моменты развития русского революционного движения 1861–1905 гг.» попытался по-новому осветить, в частности, феномен большевизма как главного фактического преемника русского самодержавия. По мнению Л.Н. Краснопевцова, революционеры, представители «Красного самодержавия», стремились «заменить царское самодержавие самодержавием одной из своих сект. Заменить одно насилие над экономической и социальной жизнью России другим, гораздо более тяжелым в первую очередь для экономики страны» [14, с. 111]. В группу входило девять человек (шесть из которых окончили истфак МГУ), которые дерзко обсуждали сущность существовавшего советского строя. После ареста в 1957 г. и проведения следствия участники кружка Л. Краснопевцова в феврале 1957 г. решением Московского горсуда были приговорены к длительным срокам заключения.

Л.Н. Краснопевцов, В.Б. Меньшиков (сотрудник Института Востоковедения АН СССР) и Л.А. Рендель (преподаватель истории) получили наивысший срок – 10 лет [14, с. 106]. Такова была цена, которую заплатили молодые советские патриоты от исторической науки за законное (даже по меркам того времени) право по-новому, в ракурсе обновленного марксистского мировидения взглянуть на некоторые ключевые моменты новейшей истории Отечества.

В 1994 г. в редакции журнала «Вопросы истории» состоялась встреча с историками, проходившими по «Университетскому делу». Присутствующий на этой встрече Л.Н. Краснопевцов так характеризовал идейные позиции членов кружка: «Выступление нашей группы в 1957 г., как и иных молодежных групп Ленинграда, Киева, других городов страны, было первым сигналом вхождения в политическую жизнь нового поколения молодежи, выросшего в послевоенные годы... В среде политически активной молодежи произошел раскол на «детей XX съезда», то есть сторонников очищенного ленинизма и партийности, и тех, кто шел дальше, не связывая себя этими рамками, по пути общечеловеческого демократизма, иногда не осознавая этого в полной мере» [14, с. 107–110].

В 1964 г. Президиум Академии Наук СССР принял Постановление «О разработке методологических вопросов истории» [22, с. 13]. Понятно, что речь шла о развитии методологического субстрата советской исторической марксистско-ленинской концепции истории. Усовершенствование методологических основ исторической науки в СССР тогда, по сути, предполагалось осуществлять за счет лишь осторожного преодоления догматизма, субъективизма и иллюстративности. В том же 1964 г. в Институте истории АН СССР, главной цитадели академизма советской исторической науки, был образован Сектор методологии истории, который почти на десятилетие превратился в легальный центр по осторожному переосмыслению мировой истории под лозунгами возвращения к подлинному марксизму. Сотрудники указанного сектора, представители «шестидесятников» от исторической науки, тем не менее, постоянно подвергались идеологическому натиску со стороны коллег, ортодоксально настроенных историков и высокопоставленных функционеров от академической науки. В начале 70-х гг., в эпоху Брежнева и времени некоторого возрождения сталинизма, сектор методологии был закрыт, придавлено было и так называемое «новое направление» в академической историографии.

Развитие альтернативных воззрений на социально-экономическую историю России пореформенного времени и историю русских революций 1917 г. (т.е. самых приоритетных направлений в академической историографии того времени) получило воплощение в творчестве профессиональных, академических историков-шестидесятников, образовавших в академической историографии т.н. «новое направление». Его представителями были уже известные в 60-е гг. XX в. молодые мэтры науки: директор Института истории СССР П.В. Волбуев, К.Н. Тарновский, И.Ф. Гиндин, А.Я. Аврех, А.М. Анфимов и др. Пытаясь отойти от устоявшихся в науке догм сталинской эпохи, «новонаправленцы» не соглашались с трафаретным тезисом о том, что Октябрьская революция 1917 г. была закономерно обусловлена зрелостью русского капитализма [28]. Эти уче-

ные-историки смело ставили вопрос не только об особой значимости фактора многоукладности экономики России, но и предлагали признать важность фактора стихийности в революционных событиях 1917 г. Таким образом, с точки зрения ортодоксов-историков, «новонаправленцы» перешли на непозволительные позиции ревизионизма, усомнившись в наличии «прямой связи между уровнем развития производственных сил и зрелостью страны к социалистической революции, об особом, российском типе капиталистической эволюции и порожденном им новым типе революционно-освободительного движения, о роли многоукладности экономики, о принципиально иной расстановке классовых и политических сил в ходе Октябрьской революции, чем считалось ранее, демократическом потенциале социалистической революции в России и т.п.» (доктор исторических наук П.В. Волобуев).

Принято считать, что фактическим лидером «нового направления» в историографии изучения предпосылок Октябрьской революции 1917 г. был Константин Николаевич Тарновский (1921–1987 гг.), защитивший докторскую диссертацию по советской историографии социально-экономической истории России начала XX в. в октябре 1970 г. в Институте истории СССР АН СССР. Однако его диссертация так и не была утверждена ВАК [35, с. 3]. Главный куратор и инквизитор советской исторической науки С.П. Трапезников (заведующий Отделом науки ЦК КПСС) и прочие высокопоставленные «вершители судеб исторической науки» (по выражению П.В. Волобуева) всячески противились процессу восстановления ленинской концепции отечественной истории, принципа фактической объективности и возможности обосновывать альтернативные взгляды на историю. Уже после смерти К.Н. Тарновского его монография была издана в 1990 г. в издательстве «Наука». В четвертой главе этого проекта автором излагается сущность дискуссий по методологическим вопросам и незавершенных дискуссий [35, с. 250–274].

Между тем, кукловоды и ведущие партocrats от исторической науки в СССР в 70-е гг., конечно, не могли не знать, о стремлении многих советских историков трактовать исторические процессы с современных методологических позиций, укладывающихся в целом в прокрустово ложе материалистического понимания истории. Тем более, что некоторые советские историки участвовали в международных форумах, посвященных проблемам мировой историографии. Материалы же XIII Международного конгресса историков, проведенного в СССР, были опубликованы на русском языке, стали достоянием общественности и дали возможность отечественным специалистам получить представление о теоретических подходах к истории со стороны иностранных коллег.

Чтобы как-то упорядочить и поставить под контроль процесс усиления интереса советских историков к проблемам методологии истории и осовремененному пониманию марксистского взгляда на мировую историю Отдел науки при ЦК КПСС (верховный властный орган академической науки в СССР) санкционировал дискуссию по методологическим проблемам в журнале «История КПСС». Дальнейший ход событий показал, что из этой затеи ничего путного не вышло. Дискуссионный процесс проходил в русле обсуждения вопроса о сущности научно-исторической методологии и ее компонентах (принципах, методах) в ракурсе строгого следования так называемому принципу партийности и марксистско-ленинской парадигмы исторического мышления.

Особое место в плеяде академических историков, представляющих альтернативную советскую историографию занимает Михаил Яковлевич Гефтер (1918–1995 гг.), известный советский и российский историк-экономист, мыслитель, общественный деятель. После окончания Великой Отечественной войны (участником которой он являлся и был награжден орденом Славы III степени) он долгие годы работал в Институте истории АН СССР. В 1953 г. им была защищена кандидатская диссертация «Царизм и монополии в топливной промышленности России накануне Первой мировой войны». В круг его научных интересов входили также проблемы революционного движения XIX–XX вв., методологии и историософии. Как уже указывалось, именно им в 1964 г. был создан сектор методологии истории, что способствовало развитию альтернативных идей в академической среде. В 1969 г. в свет вышла коллективная монография «Историческая наука и некоторые проблемы современности», в которой М.Я. Гефтер, являясь одним из соавторов, дерзнул представить «очеловеченный» исторический образ В.И. Ленина, показав его не полубогом, а вполне земным противоречивым человеком, находившимся во власти мучительных психических переживаний об историческом будущем России, которую он по-своему любил. Такой отчаянный демарш был воспринят Отделом науки ЦК КПСС, инквизиционным органом советской академической науки, как наглый вызов. Сектор методологии был закрыт «по идеологическому несоответствию», а М.Я. Гефтер, которому по сути запретили печататься, в 1976 г. вышел на пенсию, а в 1982 г. добровольно покинул ряды КПСС. Во второй половине 70-х гг. Михаил Яковлевич примыкает к диссидентскому движению, участвует в работе самиздатских журналов, характеризуя себя не диссидентом в привычном смысле, а аутсайдером, еретиком [9]. Только в годы перестройки М.Я. Гефтер снова начинает публиковаться и в 1991 г. издает авторский сборник статей «Из тех и этих лет».

Как и многие историки-шестидесятники, М.Я. Гефтер признавал неразвитость русского капитализма и неготовность России в 1917 г. к переходу к социалистической трансформации. По мнению современных специалистов по проблемам альтернативности исторического развития, М.Я. Гефтер оказался первым советским историком, который в изучении проблем альтернативности вышел за рамки марксистской методологии [9]. Вполне точную оценку вклада М.Я. Гефтера в развитие альтернативистики дает Алексей Бочаров в своем автореферате кандидатской диссертации («Проблемы альтернативности исторического развития: историогра-

фические и методологические аспекты», 2002 г.): «Глубинные, сущностные причины возникновения исторических альтернатив М.Я. Гефтер видел в поступках тех, кто показал, что можно действовать вопреки старым традициям, вопреки сложившимся обстоятельствам. В борьбе за свою индивидуальность личность способна вырваться за имеющийся круг альтернатив действия, сохраняя тем самым в обществе саму потенцию подобных поступков. Согласно М.Я. Гефтеру, противоборство и альтернативность – это не синонимы. Он понимал альтернативность исторического развития не как выбор между имеющимися тенденциями, а как творчество при создании новых возможностей. В этом его идеи очень близки к положениям философской концепции А. Бергсона. Поиск альтернатив выбора, их утрата и обретение – это всегда сохранение и переживание незавершенности истории. М.Я. Гефтер провоцировал на вопрошание – чтобы читатели или слушатели могли ощутить эту незавершенность так же, как ощущали ее те, кто вопрошал, оказавшись перед выбором в историческом прошлом, и так же, как должен ощущать ее каждый историк, не претендующий на окончательное понимание всех смыслов и законов истории» [7, с. 15].

Весьма яркой и противоречивой фигурой в советской альтернативной историографии был доктор исторических наук Лев Николаевич Гумилев (1912–1992 гг.), историк-этнолог, востоковед, археолог, автор 12 монографий и более 200 статей, основоположник т.н. пассионарной теории этногенеза [11]. Сын известных поэтов «серебряного века» начала XX в. – Анны Ахматовой и Николая Гумилева – он в молодые годы (в 30 – нач. 50-х гг.) два раза оказался жертвой политических репрессий, проведя в местах заключения около 15 лет и был реабилитирован после XX съезда КПСС в 1956 г. Проработав несколько лет в Эрмитаже и защитив докторскую диссертацию по истории в 1961 г., Л.Н. Гумилев до выхода на пенсию четверть века (1962–1987 гг.) проработал в НИИ при географическом факультете Ленинградского университета. С начала 60-х гг. ученый приступает к обоснованию своей пассионарной концепции, объясняющей, по его мнению, логику исторического процесса и историю отдельных народов [11, с. 3]. Пассионарные толчки, имеющие внеземное происхождение, порождают этносы и суперэтносы, а также мировые религии, и, таким образом, способствуют эволюционному развитию человечества. Пассионарность (от фр. – *passion* – страсть), избыток биохимической энергии, порождающая жертвенность ради иллюзорной цели, направленная против инстинкта личного и видового самосохранения, способствует появлению пассионарного толчка – микромутации, которая вызывает к жизни новые этносистемы в тех или иных регионах. Л.Н. Гумилев в своей книге «Этногенез и биосфера Земли» пишет: «Пассионарность – это способность и стремление к изменению окружения, или, переводя на язык физики, – к нарушению инерции агрегатного состояния среды. Импульс пассионарности бывает столь силен, что носители этого признака – пассионарии не могут заставить себя рассчитать последствия своих поступков. Это очень важное обстоятельство, указывающее, что пассионарность – атрибут не сознания, а подсознания, важный признак, выражающийся в специфике конституции нервной деятельности. Степени пассионарности различны, но для того, чтобы она имела видимые и фиксируемые историей проявления, необходимо, чтобы пассионариев было много, т.е. это признак не только индивидуальный, но и популяционный» [11, с. 266]. Согласно пассионарной теории Л.Н. Гумилева, народ, этнос существует как энергетическая система и противопоставляет себя всем прочим таким же этносам. Исходя из ощущения т.н. комплиментарности, ощущения подсознательной взаимной симпатии или антипатии людей (особей), определяющего деление на «своих» и «чужих».

Разрабатывая свою пассионарную теорию этногенеза на межпредметном «стыке» истории, философии, географии и биологии, Л.Н. Гумилев оформил свои изыскания в виде второй докторской диссертации по специальности «География» и успешно, казалось бы, защитил свою работу 23 мая 1974 г. в большом зале Смольного [12]. Тем не менее, ВАК (Высшая аттестационная комиссия) СССР не утвердила ученую степень доктора географических наук, ссылаясь на отрицательный отзыв «черного рецензента» профессора МГУ Ю.Г. Саушкина, упрямо считавшего Л.Н. Гумилева – историком, а не географом, и утверждавшего, что диссертация творца пассионарной теории ничего не внесла в географическую науку, не обогатила ее новыми научно доказанными положениями [12]. Свою вторую многострадальную, так и не утвержденную диссертацию Лев Николаевич в 1979 г. депонировал во Всесоюзном институте научной и технической информации и на которую в результате поступило рекордное число заявок – более 2000. Его основная работа стала достоянием общества лишь в конце перестройки.

Следует признать, что во второй половине эпохи Брежнева в свет вышло немало статей и даже монографических проектов, посвященных вопросам методологии. Понятно, что почти все эти работы по характеру и концептуальной направленности по-прежнему прочно основывались на ортодоксальном марксистском (материалистическом) субстрате, на принципе «историзма и объективности».

Однако, при сохранении жесткого партократического контроля над общественными науками до конца 80-х гг. XX в. и невозможностью развития новых (немарксистских) парадигм и принципов исторического ревизионизма и много-концептуального (альтернативного марксизму) пониманию истории, отдельные советские историки пытались развивать такое направление исторической альтернативистики, как контрфактическое моделирование. Примером может служить причудливое творчество Натана Яковлевича Эйдельмана (1930–1989 г.), известного в СССР историка, кандидата исторических наук, писателя, пушкиниста, автора многих книг по истории декабристского движения и около 300 статей [56]. Окончив в 1952 г. истфак МГУ (где он был

одним из самых блестящих студентов, учеником П.А. Зайончковского и М.В. Нечкиной), Н.Я. Эйдельман впоследствии выбрал главным направлением своих научных интересов историю общественного движения и русской культуры XIII–XIX вв.

В 1975 г. в известном издательстве «Политиздат» вышло в свет исследование Эйдельмана «Апостол Сергей: Повесть о Сергее Муравьеве-Апостоле» тиражом в 200000 (!) экземпляров (второе и третье переиздание этой книги тиражом в 300000 экземпляров будет в 1980 и 1988 гг.) [39]. В этом книжном проекте автором была включена необычная глава «Фантастический 1826 г.», написанная в ракурсе альтернативно-исторического жанра и содержащая прогнозы исторических последствий при предполагаемой победе декабристов. По подсчетам современного специалиста К.Г. Фрумкина (автора статьи «Альтернативно-историческая фантастика как форма исторической памяти»), в 70-80-х гг. XX в. в СССР достоянием читателей, сориентированных на научную и историческую фантастику, стали лишь несколько книжных трудов советских и иностранных авторов [37]. В 1989 г. была опубликована книга Арнольда Тойнби (1898-1975 гг.), знаменитого английского историка и мыслителя, автора фундаментального 12-томного труда «Постижение истории», одного из крупнейших теоретиков цивилизационного (культурно-исторического) подхода к пониманию истории. В этой книге «Если бы Александр не умер во цвете лет», написанной в жанре эссе, всемирно известный историк гипотетически конструирует канву истории империи Александра Македонского вплоть до новейшего периода мировой истории, до нашей эпохи. В указанной статье К.Г. Фрумкина резонно упоминается книга известного писателя-эмигранта Василия Аксенова «Остров Крым», написанная частично в Коктебеле, опубликованная в США в 1981 г. Писатель-антисоветчик описывает гипотетическое островное государство, основанное командармом белой армии в Крыму генералом П.Н. Врангелем, и независимое от СССР [1].

Еще одним ярким представителем научной фантастики и контрфактного моделирования конца советской эпохи, несомненно, является Андрей Владимирович Аникин, известный экономист, лексикограф, доктор экономических наук (1964 г.), профессор (1970 г.). Областью его научных изысканий являлись проблемы денежного обращения, банковское дело, кредиты, экономика США, кризис валютной системы капитализма. За несколько десятилетий своей научной деятельности профессор А.В. Аникин опубликовал 12 монографий по указанной экономической проблематике. Из-под пера советского ученого вышло несколько специфических справочных изданий из области многоязычной лексикографии (англо-русские экономические словари, в издании которых Аникин участвовал в качестве соавтора и редактора). За монографию «История финансовых потрясений. От Джона Ло до Сергея Кириенко» ученый удостоился премии имени Е.С. Варги РАН в 2001 г. Неравнодушен был профессор-экономист и к проблемам мировой истории. Его пытливый ум интересовался как раз гипотетическими схемами исторических событий. В 1988 г. была опубликована книга А.В. Аникина «Смерть в Дрездене», в которой автор изложил свою альтернативную версию истории Отечественной войны 1812 г. В жанре научной исторической фантастики А.В. Аникин написал еще несколько книжных работ: «Пятое путешествие Гулливера», «Вторая жизнь», «Друг, который мог быть» [5].

Разработка так называемой «удлиненной» модели всемирно-исторической хронологии в рассматриваемое время начала проследиваться в предметном поле советской академической археологии, а именно – в творчестве украинского археолога, доктора исторических наук Валентина Николаевича Даниленко, автора монографий «Космогония первобытного общества» (1965 г.), «Неолит Украины» (1969 г.), «Каменная могила» (1986 г.). По мнению его учеников, В.Н. Даниленко стал основоположником «углубления» отечественной и славянской, индоевропейской и всемирной цивилизации (государственности) в VII тысячелетие до нашей эры. Концептуальная работа «Космогония первобытного общества» [26], завершенная еще в 1965 г., вышла в свет лишь в 1998 г., благодаря стараниям одного из последних учеников В.Н. Даниленко, кандидата исторических наук Ю.А. Шилова. Ныне считается, что три поколения археологов спасали от уничтожения эту книгу В.Н. Даниленко. На основе богатого археологического материала автор, характеризуя систему воззрений древних земледельцев, осветил ряд взаимосвязанных аспектов: историографический момент; комплекс неба в системе религиозно-космогонических воззрений; воззрения охотников и скотоводов Юго-восточной Европы и Западной Прибалтики; общее, религиозное и локальное в религиозно-космогонической системе. Выводы В.Н. Даниленко нашли независимые подтверждения в изысканиях его учеников (Ю.А. Шилова, В.А. Сафронова, А.Г. Кифишина) и предполагали наличие у индоевропейского населения Подунавья и Поднепровья VII-III тыс. до н.э. письменности и государственности первобытно-коммунистического типа. Известный лингвист А.Г. Кифисин классифицировал обнаруженные В.Н. Даниленко надписи (десятки строк) как протошумерские. Спустя три десятилетия после смерти профессора В.Н. Даниленко в 1982 г. его ученик кандидат исторических наук Ю.А. Шиллов издал ряд монографий («Прародина ариев» – 1995 г.; «Праистория Руси» – 1998 г.), в которых на основе новой концепции истории и цивилизаций попытался обосновать контуры праистории Руси в немислимом для историков-ортодоксов хронологическом диапазоне (VII тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) и поставил вопрос о существовании древнейшего в мире государства – Аратта [26].

В наше время неоднозначное творчество Ю.А. Шилова (полагающего, что русские и украинцы – суть выходы из Трипольской культуры правобережной Украины) вызывает критику со стороны археологов-ортодоксов, сторонников линейной (по сути – формационной) концепции всемирной истории. Даже академик Б. Рыбаков назвал монографию Ю.А. Шилова «забавной беллетристкой, но отнюдь не научной работой».

Интересно отметить тот факт, что в далеком 1965 г. в академическом журнале «Советская археология» (№ 1-2) вышла статья Б.А. Рыбакова «Космогония и мифология земледельцев энеолита», написанная, как убеждены сведущие люди, после ознакомления Бориса Александровича с рукописью и альбомом «Космогонии первобытного общества», т.е. с докторской диссертацией В.Н. Даниленко, написанной еще в конце 50-х гг. XX в. и ставшей позже методологической основой для экстравагантных научных трудов Ю.А. Шилова.

Отдельные попытки отойти от норм классического марксизма в оценке узловых моментов истории Древней Руси имели место в 70-е – нач. 80-х гг. XX в. Примером может служить самобытное научное творчество Игоря Яковлевича Фроянова, доктора исторических наук (1976 г.), декана исторического факультета СПбГУ (1982–2001 гг.). В 1973 г. И.Я. Фроянов защитил докторскую работу «Киевская Русь. Главные черты социального и политического строя», но только в 1976 г. ВАК СССР утвердила диссертацию после внесения многих корректив. Концепция ученого предполагала доклассовый, общинный характер социального и государственного строя Древней Руси. И.Я. Фроянов пытался доказать, что население Киевской Руси было свободным, участвуя в вечевых сходах, а значит государственные образования появились на Руси до разделения социума на классы. Таким образом, подобный смелый теоретический подход дал основание эксцеллентам ортодоксальной советской историографии (Б.А. Рыбаков, В. Пашуто, Л.В. Черепнин, М.Б. Свердлов) обвинить И.Я. Фроянова в отходе от марксизма и отрицании классового характера древнерусского социума.

В конце 90-х – начале «нулевых» годов со стороны либероидных сил и прозападных СМИ началась реальная травля профессора И.Я. Фроянова, которого критики-западники обвиняли в антисемитизме, ксенофобии и изоляции истфака СПбГУ от «мировой» науки. Ученый был сначала отстранен от руководства факультетом и кафедрой, а возглавляемый им Диссертационный совет был вскоре закрыт [36].

В первой половине 80-х гг. XX в., в канун наступления горбачевской Перестройки, положение в советской исторической науке в методологическом отношении не изменилось почти никак. Если отношение партocraticкого научного руководства к безобидным попыткам некоторых историков экспериментировать с контрфактическим моделированием было относительно лояльным, то методологический ревизионизм марксистско-ленинских теоретических основ исторической науки, конечно, был почти полностью исключен. Исторический материализм, истмат, (принципы которого предполагали, что не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их бытие определяет их сознание) оставался пока еще теоретической сердцевинкой методологии общественных наук. Руководствуясь истматом, советские историки наивно верили, что изучают прошлое во всей его конкретности и многообразии. Выражение В.И. Ленина: «...Действительная история есть база, основа, бытие, за коим идет сознание» по-прежнему вмнялось историкам как непреложная истина. При таком положении дел советская марксистская историография упорно твердила о несостоятельности методологических основ западноевропейской историографии, представители которой как раз имели возможность оценивать историю в ракурсе многоконцептуального понимания, свободного от безальтернативного материалистического мировидения. В августе 1980 г. в Бухаресте состоялся XV Международный конгресс историков, на котором присутствовали видные мэтры западной и советской историографии. Оценивая методологические позиции западных историков, советские ортодоксы указывали на якобы кризисное состояние «буржуазной» исторической науки, которая, напротив, создавала возможность свободного развития альтернативной историографии. Известные советские историки-академисты С. Хромов, В. Буганов, В. Шерстобитов в своей коллективной статье об итогах развития советской историографии в свете решений XXVI съезда КПСС делали следующее категорическое утверждение: «Субъективно-идеалистический подход к историческому процессу, лишаящий буржуазную историческую науку возможности трезво оценить социальные изменения в мире, ее неспособность содействовать стабилизации буржуазного общества – все это ориентирует буржуазных историков, с одной стороны, на умозрительное антинаучное конструирование различных «моделей» общественного устройства, а с другой – на отход от глобальных проблем науки в область частных вопросов, на иррационально-релятивистское толкование исторических событий, лишенных внутренней связи» [20, с. 7]. Таким образом, советская историография в указанное время продолжала разрабатывать методологические проблемы в фокусе исторического материализма на основе более широкого освоения ленинской методологии и теоретических положений, содержащихся в документах КПСС. По иронии судьбы уже через несколько лет, в конце 80-х гг., в перестроечное время многие молодые историки в условиях гласности начнут повально переходить на позиции европейских «буржуазных» методологов («Школа Анналов» М. Блока и Л. Февра), отдавая предпочтение, в частности, традициям того самого иррационально-релятивистского толкования истории и прочих моделей немарксистского, немеханистического понимания исторического процесса. В первой половине 80-х гг. XX в. в условиях «застоя» в методологических надстройках советской исторической науки, тем не менее, стали зарождаться позитивные тенденции, свидетельствующие о появлении новых подходов к пониманию предмета изучения истории, хронологии всемирной истории, модели теоретической трактовки исторического процесса. Стали появляться работы историков, которые, не скрывая неудовлетворенности формационной теорией в объяснении специфических историй неевропейских народов, стали осторожно выдвигать вопрос о трактовке исторических событий через призму цивилизационной парадигмы [38]. В 1983 г. состоялось Всесоюзное координационное совещание «Цивилизация и исторический процесс», на котором, по меткому выражению Л.И. Новиковой, состоялось «разведение» и соотнесение формационного и цивилизационного подходов [27].

Причем категория «цивилизация» рассматривалась, конечно, как проблема исторического материализма. В указанное время также начинают появляться статьи московских ученых-математиков А.Т. Фоменко и Г. Носовского о новых методах датировки исторических событий. Таким образом, постепенно получала скрытое развитие т.н. «новая хронология», которая стала возрождаться с начала 70-х гг. XX в., когда А. Фоменко ознакомился с трудами Н.А. Морозова, основоположника «новой хронологии».

В конце советской эпохи отдельные представители академической историографии начинают смело ставить вопрос об альтернативности отечественной истории и об альтернативности собственно исторического познания. Ярким примером может служить креативное творчество доктора исторических наук Бориса Георгиевича Могильницкого, крупнейшего отечественного методолога, автора более 180 научных работ и 5 монографий, создателя томской исторической школы (Томский государственный университет), подготовившего более 50 кандидатов и докторов наук [25]. Еще в 70-е гг. XX в. проф. Б.Г. Могильницкого (декана истфака ТГУ) занимали проблемы соотношения исторического и естественно-научного знания, генезиса немецкого идеалистического историзма. В 1978 г. в Томске вышла его книга «О природе исторического познания». Принято считать, что этот историк-академик один из первых в советской науке выдвинул идею об относительности исторической истины, а также был убежденным сторонником того, что предметом историографии должна быть не только история исторической науки, но и историческое знание в более широком смысле. Звездный час в творческой жизни ученого начинается в конце перестроечного времени, когда в свет вышла книга «Введение в методологию истории» [24] (первый проект такого рода) и статья «Альтернативность в истории советского общества» [23] в журнале «Вопросы истории» (1989 г., № 11). В указанном выше учебном пособии Б.Г. Могильницкий пишет: «...в исторической действительности существуют лишь такие альтернативы ее развития, которые вытекают из объективных условий жизни общества». В наше время проблемами альтернативности исторического развития занимается А.В. Бочаров, ученик Б.Г. Могильницкого [7].

Интересно отметить, что, несмотря на жесточайший партократический контроль за советской исторической наукой со стороны верховной власти, советские историки (и не только) все же имели определенную возможность познакомиться с теоретическими моделями истории знатных «буржуазных» историков. Примером может служить книжное творчество Марка Блока, знаменитого французского историка, основателя научной школы «Анналы», методолога-реформатора, считавшего предметом исторического исследования «человека во времени» и предложившего т.н. регрессивный метод исследования прошлого. До сих пор не вполне понятно, как в 1973 г., в условиях ползучей сталинизации стала возможна первая публикация в Москве книги Марка Блока «Апология истории или ремесло историка». Согласно Википедии, эта знаменитая во всем мире книга была издана только в 1983 г. в Таллине, а в 1986 г. в Москве в главном академическом книгоиздательстве «Наука». Советские историки имели возможность познакомиться и с оригинальными идеями Робина Джорджа Коллингвуда (1889–1943 гг.), английского философа-историка, представителя историцизма в неогегельянстве, специалиста по проблемам метода в истории. В 1980 г. в СССР была издана его известная работа «Идея истории. Автобиография». Очевидно, совсем не случаен тот факт, что в скоротечную эпоху Ю.В. Андропова в 1983 г. в СССР вышла в свет книга известного французского ученого Жана-Клода Гардена «Теоретическая археология» [8]. Переводная работа знатного западного археолога вызвала резонанс среди советских ученых-историков и обществоведов. Это и понятно. В указанное время начинает оформляться цивилизационная теория (тогда еще в теоретических границах марксизма) и осовремененные парадигмы научно-исторического мышления. Современный специалист, автор научно-популярной книги «Многовариантная история России» А.К. Гуц так характеризует суть концепции Ж.-К. Гардена: «Теоретическая история является наукой в значительной мере формализованной, хотя специфика истории требует бережного отношения и к неформализованным рассуждениям. Это сблизит ее с естествознанием, но предмет ее – не природа, не общество и не история, а разработка принципов существования и объяснения исторических фактов и знаний в рамках сформулированных основных законов с целью их потребления в общественной практике» [13, с. 29]. Идеи вышеперечисленных западных историков, конечно, создавали должную почву для иного, не вполне родственного марксизму, альтернативного взгляда на мировую историю, стимулировали исподволь в головах людей основы исторического ревизионизма (в хорошем, не марксистском, смысле этого слова).

* * *

Передовая научная мысль зачастую зарождается за пределами методологических границ академической, ортодоксальной науки. И такое положение дел имеет закономерную природу. Тем более, что советская гуманитарная наука в целом в рассматриваемое время коренилась на постулатах научного материализма и марксистско-ленинской философии. Поэтому новые методологические подходы к пониманию исторического процесса, предполагающие немеханистическую картину неоднородной одухотворенной вселенной, зарождались в ментальных просторах научной фантастики, космофилософии, ченнелингового, контактерского творчества и, конечно, в те времена господства атеизма и материализма не могли быть допущены в академическую среду и стать должным предметом научного дискурса. По понятным причинам такие антиматериалистические подходы, предполагающие метаисторическую обусловленность истории, факторы палеоконтактов, не могли быть достоянием гласности и, более того, их авторы подвергались гонениям и репрессиям со стороны государственных органов. (Примером может служить жизнь и творчество основоположника метаисторического

и трансфизического методов познания Д.Л. Андреева). Резонно будет поставить вопрос о реальном существовании в ментальных научных мерностях духовной жизни советского социума внеакадемической историографии, некоторые представители которой были вообще неизвестны научному сообществу и рядовым советским интеллектуалам.

Вместе с тем, в предметных границах правоверной, «подлинной» советской исторической науки также существовали неортодоксальные подходы к различным узловым моментам отечественной и мировой истории и научно-исторической методологии, основанной на догмах исторического материализма, законоведении развития истории. Представители внутриакадемической советской историографии, обладающие научными званиями, учеными степенями (а значит являвшимися признанными учеными за конкретный вклад в развитие науки), пытались обосновать несколько отличные от марксистских догм точки зрения на следующие элементы теоретической истории: движущие силы истории (д.и.н. Л.Н. Гумилев); всемирно-историческая хронология (д.и.н. В.Н. Даниленко); контрфактическое моделирование (к.и.н. Н.Я. Эйдельман); теория русского капитализма и проблема закономерности перехода России к социализму (группа Л.Н. Краснопевцева; представители «нового направления» – К.Н. Тарновский, И.Ф. Гиндин, А.М. Анфимов); альтернативность в истории (к.и.н. М.Я. Гефтер, Б.Г. Могильницкий); нелинейность в истории и проблема существования Атлантиды и прочих (в т.ч. и внутриземных) высокоорганизованных цивилизаций (д.х.н. Н.Ф. Жиров; д. г-м.н. В.А. Обручев), цивилизационная теория (Л.И. Новикова).

Стоит отметить позитивное значение переводных книжных трудов мэтров западноевропейской (по терминологии того времени – «буржуазной») историографии (М. Блок, Л. Февр, Дж. Коллингвуд, Ж.–К. Гарден и др.), чьи идеи и исторические концепции, отличные от линейно-материалистического подхода к истории, конечно, способствовали формированию в сознании советских историков нового исторического мировидения. Таковы были итоги причудливого и позитивного развития альтернативной исторической мысли в СССР с середины 50-х гг. до середины 80-х гг. XX в., когда в начавшуюся эпоху Перестройки в советской стране станут появляться условия для нормального процесса формирования плюрализма мнений в среде академических и «вольных» историков на фоне падения значимости господствующего ранее исторического материализма [32].

Список источников и литературы

1. Аксенов Василий Павлович. [Электронный ресурс]. URL.: <http://ru.wikipedia.org/wiki>
2. Андреев Д. Роза Мира. М.: Мир Урании, 2006. 608 с.
3. Андреев Даниил Леонидович. [Электронный ресурс]. URL.: <https://ru.wikipedia.org/wiki>
4. Андреева Е.В. В поисках затерянного мира (Атлантида). Л., 1961.
5. Аникин Андрей Владимирович. [Электронный ресурс]. URL.: <http://ru.wikipedia.org/wiki>
6. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Книга, 1991. 445 с.
7. Бочаров А.В. Проблема альтернативности исторического развития: историографические и методологические аспекты. Автореф. дис.... канд. ист. наук. Томск, 2002.
8. Гарден Ж.–К. Теоретическая археология. М.: Прогресс, 1983.
9. Гефтер Михаил Яковлевич. [Электронный ресурс]. URL.: <http://ru.wikipedia.org/wiki>
10. Горбовский А. Старые загадки истории и новые гипотезы // Наука и жизнь. 1963. № 1, 2, 3, 4, 6.
11. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеиздат, 1990. 526 с.
12. Гумилев Лев Николаевич. [Электронный ресурс]. URL.: <https://ru.wikipedia.org/wiki>
13. Гуц А.К. Многовариантная история России. М.: ООО «Изд-во АСТ»; Изд-во «Полигон», 2001. 384 с.
14. «Дело» молодых историков (1957–1958 гг.): материалы круглого стола // Вопросы истории, 1994. № 4. С. 106–135.
15. Дискуссия на тему: «Существовала ли Атлантида» // Техника молодежи, 1956. № 9, 10, 11, 12.
16. Ефремов И.А. Космос и палеонтология. Статья в кн.: Ефремов И.А. Туманность Андромеды. Соч. Т.3. Кн.2. М.: Молодая гвардия, 1976. С. 354–370.
17. Ефремов Иван Антонович [Электронный ресурс]. URL.: <https://ru.wikipedia.org/wiki>
18. Жиров Н.Ф. Атлантида. Основные проблемы атлантологии. М.: Вече, 2004. 506 с.
19. Жиров Николай Феодосиевич. [Электронный ресурс]. URL.: <http://ru.wikipedia.org/wiki>
20. Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. М.: Наука, 1992. 599 с.
21. Казанцев, Александр Петрович. [Электронный ресурс]. URL.: <http://wikipedia.org/wiki>
22. Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования / Отв. ред. Ю.Г. Волков. М., 2004.
23. Могильницкий Б.Г. Альтернативность в истории советского общества. М.: Наука, 1989.
24. Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. Учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по специальности «История». М.: Высшая школа, 1989. 174 с.
25. Могильницкий, Борис Георгиевич. [Электронный ресурс]. URL.: <http://wiki.tsu.ru/wiki>
26. Начала цивилизации: Даниленко В.Н., Космогония первобытного общества. Шилов Ю.А. Праистория Руси. Екатеринбург: Деловая книга; М.: Раритет, 1999. 376 с.

27. Новикова Л.И. Цивилизация и культура в историческом процессе. Материалы докладов советских ученых к XVII Всемирному философскому конгрессу «Философия и культура» (Канада, Монреаль, 21-27 августа 1983). М., 1983. С. 4–9.

28. Новое направление. [Электронный ресурс]. URL.: <http://ru.wikipedia.org/wiki>

29. Обручев В.А. Плутония; Земля Санникова. Л.: Лениздат, 1977. 590 с.

30. Обручев Владимир Афанасьевич. [Электронный ресурс]. URL.: <https://ru.wikipedia.org/wiki>

31. Самородов Д.П. Метаисторический стержень космофилософии Рерихов (взгляд на проблему в фокусе новейшей историографии) // Клио (ежемесячный журнал для ученых). № 6 (138). СПб.: ООО «Полторак», 2018. С. 13–22.

32. Самородов Д.П. Развитие альтернативной историографии в СССР в перестроечное время // Россия и общества Востока: динамика социального развития, политические отношения, межкультурная коммуникация. // Материалы Всерос. науч.-практ. конференции (с международным участием), посвящ. празднованию Дня России, г. Стерлитамак РБ, 11 июня 2018 г. / Отв. ред. Н.С. Мысляева. Ч. 1. Стерлитамак: СФ БашГУ, 2018. С. 125–148.

33. Словарь иностранных слов / Под ред. И.В. Лепехина и Ф.Н. Петрова. 3-е изд. М., 1949. 801 с.

34. Спицын Е.Ю. Россия – Советский Союз 1946–1991 гг.: Полный курс истории для учителей, преподавателей и студентов. Кн. 4. М.: Концептуал, 2015. 512 с.

35. Тарновский К.Н. Социально-экономическая история России. Начало XX в. Советская историография сер. 50-х – начала 60-х годов. М.: Наука, 1990. 292 с.

36. Фроянов, Игорь Яковлевич. [Электронный ресурс]. URL.: <https://ru.wikipedia.org/wiki>

37. Фрумкин К.Г. Альтернативно-историческая фантастика как форма исторической памяти.

38. Цивилизация как проблема исторического материализма: Сб. ст. – М., 1983. Ч. 1–3.

39. Эйдельман Н.Я. Апостол Сергей: Повесть о Сергее Муравьеве-Апостоле. – М.: Политиздат, 1975. 391 с.

УДК 101

Иерусалим против Афин... и снова Афины (по поводу одной оценки противопоставления Л.И. Шестовым типов философствования)

Тарасов О.В.
г. Стерлитамак

Аннотация. В работе анализируется критическая оценка В.Н. Порусом ведущейся Л.И. Шестовым борьбы против культуры гипертрофированного рационализма. Демонстрируется недостаточная последовательность некоторых позиций В.Н. Поруса, то есть возможность их интерпретации в рамках противоположных типов мировоззрения, хотя и одинаково враждебных по отношению к религиозному иррационализму.

Ключевые слова: типы мировоззрения (философствования), гипертрофированный рационализм, иррационализм, эмпиризм.

Возобновленное Л.И. Шестовым в двадцатом столетии (и максимально заостренное) древнее Тертуллианово противопоставление Иерусалима Афинам – а это самые известные символы радикально различающихся типов мировоззрения (философствования) – то более, то менее критично, но всегда с искренним чувством обсуждается уже многие десятилетия. Юбилейный для мыслителя 2016 год закономерно вызвал новую волну интересных публикаций, посвященных его творчеству. Относительно одного такого, в целом, бесспорно, справедливого исследования [4], точнее, относительно его заключительного положения, мы, все-таки, хотели бы высказаться критически.

Вот это, на наш взгляд, несколько сомнительное положение: «Залог жизненности культуры в непреходящем сосуществовании и борьбе противоположных начал: должного и сущего, свободы и необходимости, всеобщего и особенного – соединенных в человеке» [4, с. 137]. Что в нем не так? Оно кажется нам слишком абстрактным, двусмысленным (допускающим разные, в том числе взаимно исключаящие толкования) и потому странно диссонирующим со всем смысловым содержанием, со всем «духом» данной работы В.Н. Поруса. Чтобы убедиться в сказанном, припомним ее основные положения, дополняя их, где это возможно, соответствующими выдержками из размышлений самого Л.И. Шестова.

Центральным, исходным положением статьи В.Н. Поруса является следующее: «Философия Шестова – предупреждение о грозящей человечеству катастрофе, к которой ведет гипертрофия рационализма как культурной ценности». Рационализм становится гипертрофированным тогда, когда жизнь конкретного человека в индивидуальной неповторимости его мыслей и чувств, страхов и надежд начинает подчиняться бездушным идеям-абстракциям и «рациональным схемам». В этом случае культура неизбежно становится «чуждой и даже враждебной человеку», превращается в уродливое «чудище» под маской благообразности. Она заставляет лю-

дей безропотно подчиняться «вечным и неизменным истинам», слепо повиноваться общим для всех «незыблемым моральным правилам» [4]. Мало того. В такой культуре, как осуждающе отмечал еще и сам Л.И. Шестов, перед философией ставится изощренно издевательская задача: «приучить людей *радостно* (курсив мой. – Т. О.) покоряться ничему не слышащей, ко всему безразличной Необходимости» [5, с. 343].

Жесточайшая борьба с бесчеловечной культурой гипертрофированной рациональности, в которую вступает религиозный мыслитель, практически почти безнадежна, поскольку он «сам принадлежит этой культуре» и в использовании своих приемов не может избежать зависимости от нее. Отсюда происходит неподдельный трагизм философствования Л.И. Шестова [4]. Трагизм этот усиливается еще и тем, что, по его собственным словам, «несравненная... парадоксальность» и «чудовищная нелепость библейского откровения выходит за пределы всякой человеческой постижимости». Видимо, неспроста говорится о «глазе вопиющего в пустыне». Видимо, подлинно великой истине, хоть и провозглашаемой время от времени пророками, суждено быть не услышанной, а, скорее, «убитой» людьми [5, с. 335, 646].

Однако, какой бы безысходно трагической ни была на самом деле ситуация с абсолютизированной рационализацией культуры, все-таки «жизнь не до конца раздавлена гнетом идей». О едва сохраняющейся жизни свидетельствуют «тоска» и «отчаяние», овладевающие человеком, почти поработанным «властью идей». Отчаяние становится последней и «единственной надеждой» страдающего под «прессом культуры» человека, именно «оно открывает ему путь к Богу» [4]. Действительно, и, по словам Л.И. Шестова, несмотря на то, что «Афины» с их «знанием» исторически «восторжествовали над Иерусалимом» с его «верой», история не может считаться «последней инстанцией». Из мучающих человека «ужасов бытия», из людского «плача и проклятия» готовится, «выковывается страшный «Божий молот»», под ударами которого плач и проклятия превратятся в «новую силу». Эта сила «даст нам смелость вступить в борьбу со страшным чудовищем», даст надежду на возвращение «истинной свободы», то есть на возвращение невинности и неведения, утраченных падшим «первым человеком» [5, с. 595–596, 509–510].

Получается, что усугубление безысходности ситуации в культуре современного гипертрофированно рационализованного общества вместе с отчаянием порождает надежду. И, оказывается, не только надежду. Дело оборачивается таким образом, что уже можно и нужно констатировать наличие в современности глубокого культурного кризиса, и даже говорить о том, что бездушная «культура... не заслуживает спасения», что «ей и должно погибнуть». Однако здесь начинают возникать серьезные сомнения и вопросы. Допустим, что рано или поздно абсолютизовавшая разум культура рухнет, доказав тем самым его внутреннюю противоречивость и несовместимость с живой и изменчивой эмпирической реальностью, с индивидуальным существованием людей, проживающих неповторимые и непохожие судьбы. Можем ли мы быть уверенными в том, что «на развалинах рухнувшей культуры» будет создан более гуманный «новый мир», мир «с человеческим лицом»? Такая перспектива в высокой степени сомнительна, туманна и ненадежна, ведь «путь к Богу» люди проходят, по Шестову (как и по Кьеркегору), каждый по-своему, скорее, в одиночку, чем коллективно. Обретение же «единения в культурном бытии» возможно, как правило, «только... через прямое или косвенное насилие». Следовательно, весьма велика вероятность того, что человеческие сообщества, потеряв надежду «найти Бога», найдут успокоение в своем превращении в людское «стадо», которое будет пасти «небескорыстные «земные боги»». А если так, то выходит, что «бунт против разума», или против культуры, основанной на абсолютизированной рациональности, не является адекватным ответом на неспособность «классического рационализма» быть основным мировоззрением современного общества. Не является этот бунт, иначе говоря, «путем возрождения человеческого мира», то есть мира с «человеческим лицом» [4].

Что же нам остается, если не бунт против гипертрофированного разума, если «поход» Иерусалима на Афины, вероятнее всего, не имеет перспектив восстановления и сбережения человечности, на самом деле искажаемой и угнетаемой безразличными ко всему абстрактными идеями претендующего на абсолютный статус «разума»? Чтобы ответить на поставленный вопрос, и заодно четче пояснить нашу оценку заключительного положения В.Н. Поруса как двусмысленного, вспомним одну немаловажную особенность в противопоставлении Л.И. Шестовым «афинского» и «иерусалимского» типов мировоззрения (философствования), возможно, кем-то из исследователей уже до нас отмечавшуюся. Эта особенность заключается в чрезвычайно односторонней, зауженной трактовке «афинского» типа философствования. Все мировоззренческое разнообразие «Афин» сводится Л.И. Шестовым лишь к той философской традиции (конечно, тоже достаточно разнообразной: одно дело – Платон, другое – Гегель и т.д.), которую как раз и можно обобщенно назвать, вслед за В.Н. Порусом, гипертрофированным рационализмом. Но почти без внимания Л.И. Шестов оставляет (по сути, лишь вскользь упоминает) ту философскую традицию, которая зародилась в деятельности античных софистов и скептиков (тоже ведь «афиняне») и прошла долгий и сложный путь развития в творчестве мыслителей, представляющих эмпиризм, позитивизм, прагматизм и т.п. Так вот, именно эти «Афины», то есть «Афины» Протагора, Юма, Милля, Маха, Витгенштейна, Поппера и других им подобных философов, и должны рассматриваться как альтернатива тем, первым, так сказать, «Афинам», представленным философами, преувеличивающими роль разума (от Платона и Аристотеля до Гегеля и Маркса).

Конечно, «Афины» Протагора противостоят не только «Афинам» Платона, но и мировоззрению «Иерусалима». Поэтому сомнения и критика в адрес иерусалимского «бунта против разума», – что мы и видим

в статье В.Н. Поруса, – это сомнения и критика именно со стороны Протагоровых «Афин», а не со стороны какого бы то ни было другого мировоззрения. А поскольку это действительно так, то мы вправе ожидать, что все положения, высказываемые исследователем, будут соответствовать именно духу Протагоровых «Афин», то есть будут эмпирически конкретными в максимально возможной степени. Но ожидаемой конкретики в заключительном утверждении как раз и не хватает. Ведь очевидно, что «соединение в человеке» борющихся «противоположных начал», например, свободы и необходимости, можно понимать совершенно по-разному. Можно, к примеру, заявить об их гармонии и отождествить (связав «познанием» – «свобода есть познанная необходимость»). В этом случае, однако, мы окажемся на позициях «Афин» не Протагора, а Платона (Спинозы, Гегеля...). Если же мы, все-таки, хотим быть последовательными и на протяжении *всего* исследования оставаться в лагере «афинян»-эмпириков, мы должны рассуждать иначе. Прекрасные образцы таких рассуждений (на тему взаимодействия «противоположных начал»), которые в достаточной мере соответствуют эмпирическому духу «Афин» Протагора, мы находим, например, в работах И. Берлина. Такими образцовыми рассуждениями мы и закончим наши заметки. Итак, И. Берлин утверждает, что состояние мира, в котором «все хорошее гармонически соединится», где ценности не конфликтуют, является фантастическим, находится «за пределами нашего понимания», вынужденного «копираться на обычные ресурсы эмпирического наблюдения». Необходимо признать фактические свидетельства о постоянных столкновениях «глубочайших ценностей» во взаимодействиях как между различными культурами, так и между группами внутри одной культуры, как между разными индивидами, так и «даже в... сердце» одного и того же человека. Ценностные конфликты, по-видимому, сводятся к несовместимости таких, бесспорно, равновеликих целей, как «свобода для сильных и одаренных» и «право на достойное существование» для «слабых и менее способных». Признание факта одинаковой важности подобного рода целей и невозможности их одновременного достижения приводит к осознанию необходимости поиска «жизнеспособных компромиссов», позволяющих смягчить неизбежные столкновения разнонаправленных притязаний. Поскольку эмпирические ситуации часто изменяются, равноправные, вообще говоря, желания и потребности не всегда одинаково сильны, какие-то проявляются острее, порождая конкретные проблемы. Решая их, мы устанавливаем те или иные ценностные приоритеты, но «не абсолютные», не навсегда, так как в новой ситуации придется действовать по-новому, возможно, совершенно противоположным образом, идя на уступку другим принципам и приоритетам. Лучшее, на что способны люди в неустойчивом мире меняющихся ситуаций – «поддерживать неустойчивое равновесие», раз за разом искать новые компромиссы и «избегать крайностей», то есть решений, претендующих на окончательность, а потому ведущих к большим страданиям, чем нерадикальные компромиссные решения [1, с. 178–185; 3, с. 16–20, 23–25; 2, с. 98].

Список источников и литературы

1. Берлин И. Два понимания свободы // Берлин И. Философия свободы. Европа / Предисловие А. Эткин-да. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 122–185.
2. Берлин И. Назначение философии // Вопросы философии. 1999. № 5. С. 91–98.
3. Берлин И. Стремление к идеалу // Берлин И. Философия свободы. Европа / Предисловие А. Эткин-да. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 7–25.
4. Порус В.Н. О так называемом иррационализме Льва Шестова // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 131–137.
5. Шестов Л.И. Афины и Иерусалим // Шестов Л.И. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1993. С. 313–664.

РАЗДЕЛ 2. НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ГОРОДА

УДК 94(520).02

Образ японского города в сочинениях русских путешественников XIX в.

Григорица А.В.
г. Нижневартовск

Аннотация. В статье рассмотрен образ японского города в воспоминаниях русских путешественников XIX в., показано какие стороны жизни горожан Японии привлекали внимание авторов этих воспоминаний, как оценивались в последних изменения в быте и культуре японцев.

Ключевые слова: города Японии, Токио, Киото, Хакодате их архитектура, быт и нравы японцев, воспоминаниях русских путешественников XIX в.

В течение XIX в. в Японии побывало много русских путешественников, отправлявшихся в эту страну, как правило, по долгу службы: военные, дипломаты, священники, врачи. Некоторые из них оставляли записки о своем пребывании в Японии. В воспоминаниях описывались разные стороны жизни японцев, в зависимости от профессиональной принадлежности каждый мемуарист сам очерчивал интересующую его тематику, большую роль играло и то, где именно и как долго автор пробыл в стране. Конечно, в первую очередь рассматривались такие вопросы, как политика, религия, образ жизни японского народа. Сообщая читателю о бытовом укладе японцев, мемуаристы не могли не упомянуть о жизни города, где они находились. В сочинениях можно встретить описание не только двух столиц – Киото и Токио, но и Иокогамы, Хакодате, Нагасаки.

О Хакодате и его окрестностях сообщается в одном из первых опубликованных сочинений о Японии – «Записках флота капитана Головина. О приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах». В.М. Головин подчеркивал чистоту городских улиц, а также отмечал, что в Японии строят здания исключительно из дерева; «могли бы и каменные дома строить, не хуже других народов, но землетрясения, часто у них бывающие, того не позволяют» [2, с. 103]. Даже в конце XIX в. деревянные строения в связи со своей практичностью преобладали над каменными. Теми же наблюдениями делились и путешественники последующих десятилетий. Таким образом, по запискам этих путешественников можно выявить типичные черты городов Японии.

Сравнивая Киото и Токио, в 1899 г. Николай Японский в своем дневнике писал о сильном влиянии вестрианизации на мировоззрение молодого поколения. Выходя на прогулку по улицам Киото, «нигде никакой грубости, брани, насмешки — совершенная противоположность Токио, где в продолжение подобной прогулки пришлось бы десятый раз выслушать «бака», «идзин», взрыв хохота и подобные приличия – так просветилась восточная сторона Японии от иностранцев, и так еще остается не тронутая европейскою цивилизацией западная» [4, с. 74], – читаем в дневнике.

Григорий Де-Воллан, напротив, характеризовал людей на улицах Токио и Хакодате положительно. «В толпе ни толкотни ни шума. У всех веселье радостные лица» [3, с. 117]. Как подчеркивал Де-Воллан, на улицах города нет нищих, что в свою очередь очень удивительно.

Сильное европейское влияние на архитектуру и быт японских городов отметил другой священнослужитель – Архимандрит Сергей (Страгородский), прибывший в Нагасаки в 1890 г. для того, чтобы присоединиться к штату японской православной миссии. Но несмотря на западное влияние, город не теряет своей самобытности: «японцы умеют перенимать чужое, не теряя своего» [1, с. 104].

Многие путешественники последней трети XIX в. писали о вестрианизации японского общества, однако эти изменения не касались домашнего обихода японцев и строительства жилья. Например, Архимандрит Сергей сетует, что японский тип дома очень непрактичен для северной части страны и гораздо более был бы удобен дом европейский, но именно этот опыт японцы перенимать пока не желали.

А.А. Черевкова, делаясь воспоминаниями о Японии, сообщила о том, что там принято неспешно вести торговлю. Вот как она описывает магазины в Иокогаме в 1890 г.: «во многих магазинах и торговых учреждениях Японии существует патриархальный обычай: вы пришли купить что-нибудь, или просто посмотреть и прицениться; а вас сейчас же усаживают, угощают чаем и сладостями, а потом уже заходит речь о деле, причем сам торговец никогда не начнет первым этой речи» [5, с. 479].

В целом можно отметить, что наблюдения о японском городе в сочинениях русских путешественников носят эпизодический и бессистемный характер, никто из авторов не задавался целью комплексного описания данной темы.

Список источников и литературы

1. Архимандрит Сергей (Страгородский). На Дальнем Востоке. (Письма японского миссионера). М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013. 384 с.

2. Головин В.М. Записки флота капитана Головина. О приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах: С приобщением замечаний его о японском государстве и народе. Часть первая. СПб.: Морская Типография, 1816. 285, [3] с., 2 л. карт.

3. В стране восходящего солнца. Очерки и заметки о Японии Григория Де-Воллана СПб., М.: Изд-во М.О. Вольф, 1906. 577 с.

4. Дневники святого Николая Японского: в 5 т. / сост. К. Накамура. Т. 4. СПб.: Гиперион, 2004. 976 с.

5. Черевкова А.А. Из воспоминаний о Японии // Исторический вестник. 1893. №5. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/japan.html>.

УДК 94(47) (091)

Русская Духовная миссия в Корее в XX веке

Косарева А.Е.
г. Стерлитамак

Аннотация. Данная статья посвящена деятельности РПЦ в Корее в XX столетии. Показаны причины создания и рассмотрены основные направления деятельности Русской Духовной Миссии в Корее в прошлом столетии.

Ключевые слова: Православие; миссионерская деятельность; христианские конфессии; русская диаспора.

Корея («Страна утренней зари»), а также Япония и Китай были на протяжении веков закрытыми для европейцев землями. В то же время император Кореи не обладал меньшей независимостью, силой и властью, чем японский или китайский императоры, и всегда был вассалом либо тех, либо других.

Вопрос о создании Русской Духовной миссии в Корее был поднят в середине XIX века, но только в начале 1897 года Священный Синод рассмотрел обращение российских дипломатов в Корее Н.А. Шуйского и З.М. Поляновского, в послании которых было отмечено, что для российского государства выгоды Кореи особенно важны, и чем сильнее будет влияние российской политики в Корее, тем важнее встанет вопрос о необходимости завоевать умы и сердца корейцев.

В июле 1897 года по решению Священного Синода в Корее была учреждена Русская духовная миссия, в задачи которой входило «кормление» (поддержка) русских христиан, а также активная пропаганда Православия среди местного населения. Миссия состояла из трех человек во главе с архимандритом Амвросием (Гудко), его содержание отпускается по 10 170 рублей в год. Миссию поддержало Министерство иностранных дел.

Будучи владыкой, Амвросий всегда имел своё представление о нравственных представителях всех сословий русского общества и, кроме того, придерживался крайне правой монархической линии, что вызывало крайнее раздражение у его паствы. В результате интриг 18 марта 1917 года он был лишён титула архимандрита и назначен на должность настоятеля (игумена) Свяжского Богородицкого монастыря Казанской епархии. Однако и здесь он надолго не задержался. Он узнает, что хозяйственная и духовная жизнь монастыря ведутся крайне неупорядочно и вступает в конфликт с местной братией. Через год местная ЧК арестовывает его и 9 августа 1918 года он был расстрелян по обвинению в контрреволюционной деятельности [3, с. 15].

Вместо архимандрита Амвросия Главой Русской Духовной Миссии был назначен архимандрит Хрисанф (Щетковский). В январе 1900 года он приехал в Сеул со своим другом Ионой Левченко (окончившим ту же семинарию и Академию). Поверенный в делах А.И. Павлов отдал под проведение богослужений одну из лучших комнат в его квартире, она и стала впоследствии походным храмом, в котором находилось около 60 молящихся. 17 февраля 1900 года этот походный храм был освещён в честь святого Николая. Этот день и считается началом деятельности Русской Духовной Миссии в Корее.

В результате этих перипетий Русскую Миссию в Корею возглавляет иеродиакон Николай, который в итоге в 1899 году получил разрешение ехать в Сеул (псаломщик А. Красин за это время перешёл на гражданскую службу). О. Николай прибыл с походным храмом и со всей необходимой литургической утварью в Сеул.

В Сеуле было около 30 корейцев, крещенных в православие, бывших переводчиков, но они крайне мало знали о православии, многие даже забыли свои крещенские имена. Император и местные чиновники относились к Русской Духовной Миссии довольно снисходительно, но несколько настороженно. Среди паствы архимандрит Хрисанф получил титул «великий отец». Он вёл активную миссионерскую деятельность среди простых корейцев, вникал в их нужды, всячески помогал им, особое внимание, уделяя женщинам, которые находились в Корее на низшей стадии - их даже не признавали полноценными гражданами страны [1, с. 28].

Архимандрит Хрисанф начал заниматься переводческой работой, одной из первых книг стало краткое изложение православной веры и отрывки из книги святого Макария (Невского) «Простые речи о великих делах Божиих». Затем он продолжил перевод богослужения со славянского языка на корейский. Первые переводы Символа веры, десяти заповедей и первых молитв провалились, было решено снова обратиться к корей-

ским ученым. Поскольку корейцы пользовались китайскими иероглифами (произношение этих иероглифов было корейским), было принято решение привезти книги на китайском языке из китайской Русской Духовной Миссии, что значительно облегчило работу корейских переводчиков. Это совпало с боксерским восстанием в Китае (1900 год), которое вызвало определенные трудности, поскольку вскоре пришлось вернуть книги в Пекин, чтобы сделать копии книг, полностью утраченных в ходе беспорядков.

При поддержке императора Кореи вскоре началось строительство зданий для РДМ. 17 апреля 1903 года церковь была освещена в честь святого Николая. Миссия открыла первую школу для мальчиков, учителями были христиане-корейцы, а также была открыта школа-интернат для мальчиков-сирот. Уже через год Победоносцев писал о том, что успех Православной миссии в Корее можно считать обеспеченным [2, с 135].

В 1904 году началась война между Россией и Японией, и Корея была оккупирована Японией. В 1904 году миссия была закрыта, все работники Русской Духовной Миссии отправились в Шанхай, а архимандрит Хрисанф – в Россию. Он был рукоположен во епископа Елисаветградского и умер от туберкулеза в 1906 году. В результате поражения в войне Корея стала зоной влияния Японии, и в 1907 году над Кореей был создан японский протекторат, а в 1910 году ее возглавил японский генерал-губернатор [6, с 105]. Эта зависимость продолжалась до 1945 года: это были годы, когда японцы стремились навязать свой язык, культуру, веру Кореи, и все, что связано с культурой и религией Японии, включая христианство, преследовалось в Корее.

Список источников и литературы

1. Августин (Никитин), архим., Боровской Г. В. Россия и Корея: обзор церковных связей // Миссионерское обозрение. 2004. № 1. С. 25–29.
2. Августин (Никитин), архим. Русская Православная Миссия в Корее // Православие на Дальнем Востоке. СПб.: Питер, 1993. С. 133–147.
3. Архангелов С. А. Наши заграничные миссии: Очерк о русских духовных миссиях. СПб.: Питер, 2000. 268 с.
4. История Российской Духовной Миссии в Корее: Сб. ст. / Сост. свящ. Дионисий Поздняев. М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1999. С. 21–29.
5. Недачин С. В. К вопросу о принятии корейцев в христианство и русское подданство. СПб.: Нева, 1993. 24 с.
6. Пак Б. Д. Россия и Корея. М.: Наука, 1979. 169 с.

УДК 338.48

Святые покровители городов России

Косых Е.С.
г. Стерлитамак

Аннотация. В статье рассмотрено почитание небесных покровителей и русских святых. Решение о канонизации принимала Русская Православная Церковь. Такие места становились центрами паломничества. Паломники приезжают помолиться, попросить Бога о спасении души, ощутить его любовь и поддержку.

Ключевые слова: небесный покровитель, святые заступники, канонизация, паломничество, святые места, почитание.

За тысячелетнюю историю наша страна пережила много судьбоносных событий. Нашим предкам мы обязаны тем, что из разрозненных земель возникла могучая держава. Небесный покровитель и заступник был у каждого города. Прославление того или иного святого было в большей мере связано с народным почитанием подвижника – преподобного, юродивого, святителя или благоверного князя. У его мощей совершались чудеса. Это могли быть исцеления или чудесная победа над врагом, избавление от эпидемии или скорое восстановление города от пожара, наводнения или землетрясения.

Таких святых в церкви именуют «местночтимыми». Их почитание, составление икон и житий ограничивались областью или городом. Но часто почитание того или иного святого становилось всенародным. Русская Православная Церковь принимала соборное решение о канонизации после того, как распространялось всенародное почитание. Решение о прославлении принимал собор епископов, там же утверждался текст соответствующей службы. После этого можно было совершать богослужение в церквях, писать иконы, имя святого вносилось в церковный календарь, детей могли крестить его именем.

Город, где жил праведник, где находились его мощи и места, связанные с его жизнью, становился центром паломнического почитания. В России немало таких святых мест. Это и древние города, и областные центры, и тихие провинциальные местечки. Покровителям городов молились о защите от стихийных бедствий и от вражеских набегов, о помощи при начале строительства, о благополучии и процветании. Покровителем

Москвы является Георгий, заступницей – святая блаженная Матрона Московская. Покровителем Санкт-Петербурга – святая блаженная Ксения Петербургская и святой апостол Петр; покровитель Сочи – архангел Михаил; святые благоверные князья Феодор, Давид и Константин – покровители Ярославля; небесный покровитель и защитник города Владимира – святой благоверный князь Глеб; Архангельск находится под покровительством Архистратига Михаила.

Святым покровителем малых городов России является Никола Можайский – образ Святителя Николая Мирликийского. Николай Чудотворец изображен с мечом в правой руке и городом (крепостью) в левой руке. На этих иконах Святитель почитается как защитник христианских городов. Назван образ «Можайским» в честь чудесного прославления Святого в городе Можайске, осажденном в XIV веке монголо-татарами. В ответ на молитву Святой Николай возник в небе, в грозном виде стоящим над собором. Одной рукой он держал сверкающий меч, в другой – как бы град Можайск в знак охранения его. Устрашенные враги в ужасе бежали.

Много мест в России связано с именами святых подвижников. Православные святые места помогают решать духовные проблемы людей, меняют их сознание. Такие святые места обладают особой энергетикой, насыщают силой веры. Паломники приезжают помолиться, попросить Бога о спасении души, ощутить его любовь и поддержку.

На Руси всегда уважали людей, которые посвящали свою жизнь православному служению. Таких мест немало. Одним из них является Свято-Троицкая Сергиева Лавра.

Лавра – это мужской монастырь особого статуса. Его основал в 1337 г. Сергей Радонежский, один из наиболее значимых в православии святых. Столетиями в Лавре собирались книги, копились знания и опыт. Впоследствии в Лавре будет открыта Московская духовная академия. В Смутное время Лавра стойко сопротивлялась польским интервентам, чему способствовало чудесное явление святого Сергия.

В наши дни люди со всей страны приезжают в Сергиев Посад, чтобы полюбоваться красотой Лавры. Сюда приезжают, чтобы полюбоваться красотами и приобщиться к духовной силе. В Лавре служит архимандрит Герман (Чесноков), самым известным экзорцист в России. В России всего несколько человек имеют право проводить отчитку. Чин изгнания отцом Германом злых духов из человека записан на видео по личному благословению Святейшего Патриарха Алексия и выложен в Интернет [3].

Душевную гармонию и спасение от проблем помогут обрести Соловки. На территории музея-заповедника расположен мужской монастырь, основанный в первой половине XV века. У монастыря славное прошлое. В XVII веке монастырь достойно выдержал осаду английского флота [2], а чуть позже стал центром сопротивления церковной реформе патриарха Никона. Монахи 8 лет не сдавали монастырь царским войскам. В XIX веке во время Крымской войны монастырь опять был осажден англичанами.

С XVII века до 1903 года Соловецкий монастырь был местом ссылки политических преступников. В революционные годы монастырь был закрыт, имущество разграблено. В 1923–1939 гг. работал СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения. Сейчас это место входит в список всемирного наследия ЮНЕСКО. В 1990 году монастырь возобновил работу.

В Нижегородской области находится место, которое в православном мире называют четвертым уделом Святой Богородицы (три других – это Иверия, Афон и Киево-Печерская Лавра). В 1760 г. монахине Александре был явлен дух Пресвятой Богородицы, изрекший, что это место подходит для ее последнего пристанища на Земле).

Монахиня Александра основала монашескую общину в селе Дивеево. Позднее там был построен храм, вскоре получивший статус монастыря. На этой территории находится Троицкий храм и Спасо-Преображенский собор, где хранятся мощи св. Марты Дивеевской и блаженной Параскевы, чьи молитвы исцеляли людей.

В Дивеевский монастырь ежегодно приезжает огромное количество паломников. Это связано с именем святого Серафима Саровского. Святой Серафим Саровский (в миру Прохор Мошнин) родился в 1759 г. в Курске. Его отец и мать были купеческого звания и большую часть своей жизни отдали богоугодным делам.

В 1778 году молодой Прохор прибыл в Свято-Успенскую Саровскую пустынь, а в 1786 году принял постриг с именем Серафима. С 1794 года после получения чина иеромонаха стал вести аскетическую жизнь, удалившись в келью в нескольких километрах от монастыря. Отец Серафим круглый год ходил в одной одежде, питаясь травами и кореньями, все время посвящая молитвам и изучению Евангелия [1].

В 1807 году Серафим Саровский принял обет молчания и три года не контактировал с внешним миром. Вернувшись в монастырь, он ушел в затворничество. Только через 15 лет он начал принимать посетителей, в том числе таких знатных, как царь Александр I. Серафим обрел дар пророчества и целительства.

Умер иеромонах Серафим в 1833 году во время молитвы. Спустя почти 70 лет после смерти, в 1903 году, при личном участии императора Николая II, Серафим Саровский был причислен к лику святых. В 1920 году его мощи были вскрыты и изъяты, и до 1990 года хранились в разных местах, пока не были обнаружены в запасниках Музея истории религии и атеизма. В 1991 году были возвращены в Дивеево.

Список источников и литературы

1. Житие святого Серафима, Саровского чудотворца. [Электронный ресурс]. URL: https://pravoslavie.ru/put/sv/seraphim_sarov.htm
2. История Соловецкого монастыря в XVII веке. [Электронный ресурс]. URL: <http://solovki-monastyr.ru/abbey/history/XVII/>
3. Отчитка архимандрита Германа в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре [Электронный ресурс]. URL: <http://bogistina.ru/exorcism/german.shtml>.

УДК 930(470.57)

Урбанизация башкир в пореформенный период на материалах Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.

Мухаметзянова Э.В.
г. Стерлитамак

Аннотация. В статье рассмотрен процесс урбанизации башкир в пореформенный период на основе материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. На основе данных переписи и сопоставительного анализа автор приходит к выводу о том, что процесс урбанизации башкир носил ограниченный характер в силу специфики, как менталитета башкир, так и особенностей социально-экономического развития этноса, обусловленного наследием кантонной системы и массового расхищения башкирских земель.

Ключевые слова: урбанизация, башкиры, Уфимская губерния, города.

Статья издается в рамках проекта В19-78 «Российская провинция в контексте экономического, общественно-политического и социокультурного развития в XIX-XX вв. (на примере Южного Урала)»

Важнейшим аспектом, отражающим степень интеграции народа в социальную структуру общества, является его адаптация к существующим социально-экономическим отношениям. В этой связи значительный интерес приобретает исследование процесса адаптации к новой экономической реальности одного из народов Евразии, занимавших значительную территорию Южного Урала, вошедших в состав Русского государства во второй половине XVI века – башкир. Проявлением успешной интеграции в экономическое пространство страны служит процесс урбанизации населения и его вовлечение в новые отрасли производства, а особенно в торгово-рыночные отношения и промышленность.

Данная проблема представляет интерес в контексте того, что территория проживания башкир, включавшая в себя во второй половине XIX – начале XX в. Уфимскую и Оренбургскую губернии являлась периферийной частью Российской империи. Специфика обширного региона заключалась в многонациональном составе населения. Развитие городов и промышленности происходило в результате, как стихийного переселения, так и политики русского правительства и русских предпринимательских кругов, связанной с колонизацией края. Первые крупные поселения, такие как Уфа, Мензелинск, Бирск и др., основанные на территории Южного Урала, изначально создавались как административные центры управления регионом, и только потом превращались в торгово-ремесленные центры.

Возникновение городов в горно-лесной части Южного Урала было обусловлено строительством горных заводов, так как вокруг завода создавался округ, в котором основывались поселения для мастеровых и рабочих людей [1, с. 293].

Башкиры длительное время были скотоводческим народом и по типу хозяйства были близки к кочевым народам, таким, как казахи, киргизы. Соответственно, процесс урбанизации башкир начался только после разрушения их традиционного типа хозяйства. Однако процесс трансформации хозяйства башкир начался уже в XVII в., когда в результате массового переселения в Башкирию населения из Центральной России и Поволжья, начинается процесс обезземеливания башкир. Пореформенный период характеризовался тотальным расхищением башкирских земель, что привело к качественной трансформации социальной структуры башкирского народа в связи с утратой возможности ведения традиционного образа жизни и занятия полукочевым скотоводством.

Процесс проникновения башкир в городскую среду осуществлялся в условиях полиэтничности региона, и, безусловно, главная роль в создании и развитии городов принадлежала пришлым народам, в особенности русским. Проследить процесс увеличения количества городского населения в Уфимской и Оренбургской губерниях можно на основе статистических данных Первой всеобщей переписи населения 1897 г. Осуществляя

анализ социального и национального состава городского населения, следует учитывать, что во время переписи учитывалась языковая, а не этническая принадлежность.

Согласно Первой переписи населения 1897 г., в Уфимской губернии проживало 68,6 % всех башкир, в Оренбургской – 19,4, Пермской – 7, Самарской – 4,4, Вятской – 1,1, Саратовской – 0,1 %. Кроме того, в Тобольской и Томской губерниях насчитывалось 526 чел. башкирской национальности, в Пензенской, Симбирской и Казанской губерниях – 177 и в Уральской области – 709 чел. [2, с. 15.]

Согласно данным переписи, башкирское население в городах Уфимской губернии составляло 5671 человек, или 5,3 %, Оренбургской губернии – 3382 человека, или 2,2 % всего городского населения. В данном контексте башкиры существенно уступали русским, так как в городах Уфимской губернии проживала 90294 человека, что составляло более 81 %, а в Оренбургской губернии количество русских составляло 116003 человек, т.е. 76 % городского населения. Следом по численности шли татары, составляя в городах Уфимской губернии 8030 человек, или 7,5 % всего городского населения, в Оренбургской губернии численность городских татар была равна 25764 человекам, или 16,9 % всех горожан губернии [4, с. 293–294]. Малочисленными группами в городах также проживали тепляри, мишари, чувашаи, мордва, латыши, евреи, поляки, немцы и др.

В Уфе, Стерлитамаке, Белебее, Бирске, по данным 1865–1869 гг., проживало около 500 башкир, а к XX в. в городах Уфимской и Оренбургской губерний проживали 9053 башкира [4, с. 8–10]. Это составляло 0,9 % населения этих городов.

За период между двумя переписями (1897 и 1920 гг.) число русских в городах выросло на 75 %, татар и башкир – на 72 % [7, с. 135]. Для многих городов края был характерен многонациональный состав, но наиболее пестрым был этнический состав населения городов региона – Уфы и Оренбурга.

В рамках урбанизации города региона ранее преимущественно заселенные русскими становились полиэтническими. Однако русские во всех городах сохраняли большинство населения, играя ключевую роль в структурах управления, экономического, социального и культурного воспроизводства.

В Уфимской и Оренбургской губерниях в сфере индустриальной промышленности и кустарно-ремесленных промыслов было занято 333,5 тыс. русских, или 17 % всей численности этнической группы, башкир – 75,1 тыс., или 6,5 %, татар – 26,2 тыс., или 10,4 % [5, с. 96].

Следует охарактеризовать социальный статус и род занятий той немногочисленной группы башкир, которая расселялась в городах. По данным переписи 1897 г, она состояла преимущественно из служащих, мелких торговцев, ремесленников, приказчиков. По всей видимости, многие из них уже полностью порвали с сельской местностью и общинными традициями. Определенную часть городского населения составляли башкирские крестьяне, численность которых к концу XIX в. составляла 5548 человек в Уфимской губернии и 3170 человек в Оренбургской [5, 6].

Материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. содержат сведения о сословном составе населения Уфимской и Оренбургской губерний. Дворяне, купцы и мещане, имеющие башкирские происхождение, составляли довольно небольшую долю городского населения. К сожалению, материалы переписи 1897 г. не содержат сведений о возрастном составе городских башкир.

Таким образом, вовлечение башкирского населения в сферу торгово-промышленной деятельности и предпринимательства было незначительным. В пропорциональном соотношении с другими народами (русскими, татарами, евреями) из числа башкир вышло наименьшее количество предпринимателей. Причина такой ситуации заключалась, на наш взгляд, не только в особенностях социально-экономического развития башкирского народа в пореформенное время, но и в силу особенностей цивилизационного развития данного народа.

В качестве объективных факторов, негативно влиявших на процесс формирования буржуазии в среде башкир, следует назвать мрачное наследие кантонной системы, в результате которой народ определенное время был отлучен от производительного труда в силу перевода в военно-служилое сословие и необходимость, по 6 месяцев в год, охранять Оренбургскую пограничную линию. Казалось бы, ликвидация кантонной системы управления в 1865 г. должна была создать возможность для развития хозяйства башкир. Однако политика расхищения башкирских земель, и специфика земельной и социальной политики местной администрации в отношении башкирского населения способствовала разорению башкир, и к началу 1860 годов большинство из них не имели капиталов для занятий предпринимательской деятельностью. Другим фактором, который, на наш взгляд, не способствовал активному вовлечению башкир в торговлю, являлись черты менталитета башкир сложившиеся в силу особенностей их положения в составе России. Вотчинное право на землю, которое получили башкиры после вхождения в состав Русского государства, носило характер общинной собственности, что способствовало формированию психологии коллективизма. Только после межеваний земли, осуществлявшихся правительством в XIX в. башкиры получали возможность выделить землю в свою собственность, но сам процесс межевания сопровождался массовым расхищением земель и утратой возможности заниматься отгонным скотоводством. Поэтому основная масса башкир, проживающая в сельской местности, вынуждена была заниматься извозом, рубкой, перевозкой и сплавом леса, нагрузкой барж хлебом и иными грузами, углежжением для горных заводов, работой на рудниках и золотых приисках.

Список источников и литературы

1. История башкирского народа: в 7 т./гл. ред. М.М Кульшарипов; институт истории, языка и литературы УНЦ РАН. Т. 4. СПб.: Наука, 2011. 400 с.
2. История башкирского народа: в 7 т. / гл. ред. М.М Кульшарипов; институт истории, языка и литературы УНЦ РАН. Т. 5. СПб.: Наука, 2010. 468 с.
3. Кузеев Р.Г. Развитие хозяйства башкир в X–XIX вв.: К истории перехода башкир от кочевого скотоводства к земледелию // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1968 Т. 3. 321 с.
4. Памятная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1873. Ч. 1. 236 с.
5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. 45. Уфимская губерния. Тетрадь 2.
6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. 28. Оренбургская губерния.
7. Юлдашбаев Б.Х. История формирования башкирской нации (Дооктябрьский период). Уфа: БКИ, 1972. 336 с.

УДК 94(47) (091)

Армянская община Темир-Хан-Шуры в середине XIX в.: формирование, состав, численность

Суздальцева И.А.
г. Махачкала

Аннотация: в статье обращено внимание на проблемы формирования армянской общины военного укрепления Темир-Хан-Шура, которое было заложено в 30-х гг. XIX в., а во второй половине XIX в. превратилось в важный торгово-экономический и политический центр, столицу Дагестанской области. «Люди торгового сословия» – выходцы из Кизляра и Тифлиса – положили начало общины. Важную роль в её укреплении сыграло строительство армяно-григорианской церкви Св. Богородицы и устройство при ней школы. Позже община пополнялась выходцами из Грузии, Карабаха, Шемахи, Кизляра, Моздока и т.д., которые составили немногочисленную, но заметную часть населения города.

Ключевые слова: Дагестан, Апшеронский полк, Якуб-бек Лазарев, Б.О. Бебутов, армяно-григорианская церковь, приходская школа.

Начиная с XVIII в. на территории современного Дагестана шел процесс формирования армянских общин. Притоку в Россию переселенцев из Закавказья способствовали успешная внешняя политика России, покровительственное отношение к христианам и переселенческие мероприятия, проводимые российским правительством на Северо-Восточном Кавказе [8, с. 145]. Наиболее активно армяне селились в приморских и низменных районах края. В Дагестане центрами притяжения для переселенцев стали города и слободы, бывшие центрами торговли и ремесла. Одна из армянских общин Дагестана сформировалась в Темир-Хан-Шуре (с 1922 г. – г. Буйнакск).

В 1832 г. в центре владений шамхала Тарковского на соединении нескольких дорог, ведущих в Нагорный Дагестан, на месте небольшого кумыкского аула российские власти zaloжили военное укрепление Темир-Хан-Шура. В 1834 г. здесь была учреждена штаб-квартира Апшеронского полка, переведенного из Кубы. Затем в укрепление перешли семейные солдаты и «люди торгового сословия» [5, с. 20]. С 1847 г. Темир-Хан-Шура стала центром военного и гражданского управления в Дагестане. Здесь находился управляющий гражданской частью Прикаспийского края.

И.С. Костемеровский посвятил истории Темир-Хан-Шуры обширный очерк, опубликованный в двух номерах газеты «Кавказ» за 1858 г. Он подчеркнул, что территория укрепления неоднократно расширялась в связи с «окончательным переходом полка и прибытием значительного числа семейных солдат и людей торгового сословия» [5, с. 20]. Тогда же в Темир-Хан-Шуре появились первые армянские поселенцы. И.С. Костемеровский обратил внимание, что «вновь прирезанные пространства постепенно застраивались домами семейных офицеров, солдат и прибывших торговцев всех возможных наций и особенно из Армян, сперва кизлярских, а потом тифлиских» [5, с. 20].

Е.И. Козубский – автор «Очерков истории города Темир-Хан-Шуры» – также подтверждал факт участия армян в формировании гражданского населения слободы. Он писал, что «Ведомость всем, свободно торгующим здесь жителям» содержит «указание на первых гражданских насельников Шуры», называя «андреевского жителя из армян Осипа Оветова, ... кизлярского мещанина Фугаса Уганова, ... кизлярского мещанина А. Арбемова ...» и др. [3, с. 152].

В середине XIX в. военное укрепление Темир-Хан-Шура постепенно превратилось в экономический и торговый центр Дагестана. По сведениям Е.И. Козубского, в 1857 г. население слободы насчитывало до

7 тыс. человек; представители торгового сословия имели здесь 117 домов и 108 лавок [4, с. 11]. Этническая принадлежность торговцев была такой: армян – 64, русских – 60, персиян – 52, грузин – 23, евреев – 6, греков – 3 [4, с. 28, 41].

Значительную часть Темир-Хан-Шуры составляли военные, среди которых известных известны имена армян. Так, генерал-лейтенант князь Барсег (Василий) Овсепович Бебутов в 1844-1847 гг. занимал должность командующего войсками Северного и Горного Дагестана. Он оказывал помощь и поддержку армянской общине Темир-Хан-Шуры. В частности, так как в городе не было армянской церкви, он разрешил верующим исполнять религиозные обряды в одной из комнат своего дома и пригласил для этого священника из Кизляра. В Дагестанском пехотном полку в середине 50-х гг. XIX в. проходил службу капитан Якуб-бек Лазарев. Он был известен тем, что написал работу «Открытие вековых тайн для истории Восточного Кавказа до XVII столетия по Рождеству Христову, или Краткий критический взгляд на древности Дагестана и Албании», посвященную истории взаимоотношений армян с народами Восточного Кавказа. За этот научный труд он был принят в Императорское географическое общество [1, с. 151].

Важную роль в поддержании внутреннего единства общин и сохранении национальной идентичности армян играла религия [9, с. 500]. В связи с этим, в середине XIX в. в Темир-Хан-Шуре велось строительство армянской церкви. Об этом писал в 1861 г. в Астраханскую духовную консисторию епархиальный предводитель архиепископ Матевос, который, находясь в Темир-Хан-Шуре, сам благословил и освятил церковь Святой Богородицы [7, л. 32]. В «Очерке истории города Темир-Хан-Шуры» Е.И. Козубский более подробно описал строительство армянской церкви: «В марте 1843 г. астраханский армянин Матвей Лукьянов Карагашев подал Ключки (Ф.К. Ключки-фон-Клугенау – автор) прошение, что, проживая с 1833 г. в Шуре для торговли, приобрел капитал в 2500 руб. ассигнациями, почему изъявляет желание построить армянскую часовню, по примеру уже имевшейся римско-католической церкви, куда бы ежегодно приезжал священник. 24 декабря 1844 г. военный министр уведомил командира корпуса, что Государь император, по рассмотрении чертежей армянской часовни, утвердил оные, а в марте 1847 г. инженер штаб-капитан Клименко представил краткое исчисление на постройку армяно-григорианской на 3 468 руб. 30 ½ коп., а как Карагашев в 1845 г. был убит неизвестно кем в своей лавке, а оставшееся после него имущество было отдано сестре его Федосье Шапошниковой, то были запрошены проживавшие в Шуре армяне не найдут ли они возможность собрать между собой нужную сумму, но они ответили, что не имеют возможности. Но как видно средства скоро нашлись, ибо 28 июня 1850 г. князь писал воинскому начальнику, чтобы он отвел место на старом форштадте под армянскую церковь, которую местное армянское общество вызвалось построить своими средствами; для церкви дома частью были сломаны, за что уплачено 200 руб., частью отведены новые места по Дербентской улице. Уже 18 апреля 1852 г. князь Аргутинский писал католикосу всех армян, что усердными приношениями армян в Темир-Хан-Шуре строится армяно-григорианская церковь, которая к сентябрю месяца сказанного года будет окончена; при церкви также будет построен дом для священника и причта, почему и просил о назначении последнего. В 1853 г. священник был назначен из Кизляра (Теръ Сааковъ) и с ним командирован дьячок Ованес Паремуньянц (в 1854 г.)» [3, с. 160-161]. В 1906 г. Темир-Хан-Шуре была открыта армянская церковно-приходская школа, где по данным 1908 г. обучалось 15 человек [6, с. 109].

И.С. Костемеровский привел интересные сведения об этническом составе населения Темир-Хан-Шуры. По его данным, в городе проживало «130 армян мужчин и 44 женщин». Среди них было 65 «торговцев» и «цырюльников вольных 1» [3, с. 31–32, 169]. В конце 1864 г. 75 армян владели недвижимым имуществом в Темир-Хан-Шуре [3, с. 170]. О составе населения Темир-Хан-Шуры говорили и названия городских площадей. Их было шесть: Церковная, Армянская, Аварская, Апшеронская, Плац-парад и Базарная.

29 ноября 1866 г. Темир-Хан-Шура получила статус города и стала столицей Дагестанской области. Численность городского населения составляла 7 100 человек [3, с. 171]. Армянская община Темир-Хан-Шуры продолжала формироваться за счет выходцев из Грузии, Карабаха, Шемахи, Кизляра, Моздока и т.д. В 1860-е гг. здесь проживало до 700 армян. По данным 1865-1866 гг. среди жителей города числилось: армяно-григориан – 248 мужчин и 77 женщин; армяно-католиков – 16 мужчин и 12 женщин. Среди лиц, занимавшихся торговлей и промыслами, было 120 армян [3, с. 171]. По данным 1882 г. в Темир-Хан-Шуре проживало 390 армян [2, с. 129]. В начале XX в. они составляли 7 % населения города [3, с. 90].

Таким образом, вскоре после основания Темир-Хан-Шуры здесь начала формироваться армянская община, основу которой составили представители купечества из Кизляра и Тифлиса. С ростом торгово-экономического и политического влияния военной крепости увеличивалось её гражданское население. В 1866 г. Темир-Хан-Шура получила статус столицы Дагестанской области. Армянская община продолжала пополняться выходцами из разных районов Закавказья и Северного Кавказа. К началу XX в. армяне составляли немногочисленную (около 7 %), но экономически активную группу горожан.

Список источников и литературы

1. Аганесова Д.В., Суздальцева И.А. Армянские общины Дагестана в XVIII-XIX вв. Махачкала: Народы Дагестана, 2007. 240 с.
2. Кавказский календарь на 1885 г. Отдел III. Тифлис, 1884. 309 с.

3. Козубский Е.И. Очерки истории города Темир-Хан-Шуры // Дагестанский сборник. Выпуск II. Темир-Хан-Шура: «Русская типография» В.М. Сорокина, 1904. С. 136–188.
4. Козубский Е.И. Очерки истории города Темир-Хан-Шуры // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Выпуск 19. Тифлис, 1894. 77 с.
5. Костемеровский И.С. Темир-Хан-Шура // Кавказ. 1858. № 4. С. 20–21.
6. Обзор Дагестанской области за 1909 г. Темир-Хан-Шура, 1910. 109 с.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 52. Оп. 1. Д. 611. Л. 32.
8. Суздальцева И.А. Восточная политика России и начало массовой миграции армян в прикаспийские районы Дагестана в первой четверти XVIII века. // Кавказ, Ближний и Средний Восток в мировой политике: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. Махачкала: ДГУ, 2006. С. 143–146.
9. Суздальцева И.А. Роль духовенства в организации самоуправления армянских общин и церковное строительство в Дагестане в XVIII-XIX вв. // Общероссийская национальная идентичность. Материалы международной научно-практической конференции. Пятигорск: ПГЛУ, 2012. С. 499–504.

УДК 37/035/6(476)(091)

**Актуализация этнокультурного самоопределения в гражданско-патриотическом воспитании личности
(на примере педагогической мысли Беларуси)**

Щербин М.М.
г. Мозырь, Республика Беларусь

Аннотация. В статье рассмотрены аспекты этнокультурной идентификации личности через востребованность гражданско-патриотических качеств в воспитании молодого поколения. На примере педагогической мысли Беларуси показана значимость данных качеств в сохранении приверженности своим корням, единстве и согласии общества, преемственности в развитии своего народа и государства. Отмечена взаимосвязь между этнокультурным самоопределением и самосознанием патриота и гражданина, для которого небезразлична судьба его Отечества.

Ключевые слова: гражданско-патриотическое воспитание, этническая идентификация, педагогическая мысль Беларуси, этнокультурные ценности.

Важным фактором успешной социализации личности в конкретно историческом времени и пространстве является национальное самоопределение. В свою очередь его успех во многом обусловлен результативностью системы воспитания молодого поколения. Последовательное приучение к приверженности определенным этнокультурным ценностям, доминантам поведения, стереотипным маркерам осуществляется посредством влияния не только объективных условий этногенеза, но и благодаря формированию гражданско-патриотических черт и качеств в отношении своей земли, народа и страны.

Ренессансно-реформационные идеи, несшие в себе масштабные преобразующие изменения, способствовали актуализации вопросов формирования молодого поколения, преданного новым формам государственно-правового и общественного развития страны. Положительным импульсом для пересмотра содержательного наполнения гражданско-патриотического воспитания в XVI в. явились также толерантно-гуманистические и правовые ценности Возрождения, обусловившие активизацию духовной жизни общества. Кроме того, в условиях этнической идентификации белорусского этноса востребованность воспитания патриота и гражданина являлась одним из важных аспектов национального самоопределения народа. Это детерминировало эволюцию гражданско-патриотических черт и качеств в педагогической мысли Беларуси XVI в.

В связи с этим направленность гражданско-патриотических отношений к Родине-земле приобретает новое звучание, перерастает границы дома, вотчины, «родного уголочка» и расширяется до размеров государства, страны, характеризуется исчезновением ограниченности размерами окрестностей и ближайшего окружения человека. Родина-земля отождествляется с конкретным культурно-религиозным, а позже и этногосударственным пространством.

Исключительную роль среди гражданско-патриотических качеств играла этническая идентификация, которая ярко проявилась в соотношении индивида с определенной территорией, народом, страной. Это способствовало углублению сущностного наполнения гражданско-патриотических качеств по отношению к Родине, обусловило осмысление общности на основании единства этнических признаков.

Одним из первых привязанность и любовь к месту, «... игде зродился и ускармлины сьць по бозе», выразил Ф. Скорина [1, с. 27]. Первопечатник, отождествляя себя с конкретным городом («славны город Полоцк»), народом («аз русин») и языком («Аз., нарожены в рускым языке») выделил в качестве ведущих гражданско-

патриотических ценностей Родину и особенности своего народа, которые играют исключительную роль в формировании личности [1, с. 29]. Просветитель в качестве фундамента жизни и деятельности человека определял сохранение связи с окружением, к которому он принадлежал. Как дерево не может существовать без прочного корня, так и человек должен опираться в познании самого себя на свои истоки: общность миро-восприятия, культурно-религиозное единство, этнические предпочтения. Такая преемственность вместе с христианским служением общему благу рассматривались мыслителем в качестве основы этнической идентификации личности, формирования устойчивых гражданско-патриотических чувств личности.

Приверженность к своему Отечеству и его ценностям через стремление прославить, содействовать благополучию и миру своей земли выражали почти все представители общественно-педагогической мысли Беларуси XVI в. (Н. Гусовский, С. Будный, В. Тяпинский, Л. Сапега, А. Волян и др.). Мыслители направляли свои усилия на благо и процветание конкретной Родины, связывали с нею свою жизнь, активную деятельность и самоопределение как личностного, так и профессионального характера, что способствовало общественной востребованности данного гражданско-патриотического качества.

Проявление этнической идентификации являлось особенностью развития национально-патриотического сознания на основе осмысления сопричастности судьбе конкретной Родины и ее ценностям, что нашло отражение в содержании гражданско-патриотического воспитания XVI в.

Важное значение среди гражданско-патриотических качеств имело также сохранение исторической памяти. Данное качество рассматривалось просветителями XVI в. основой преемственного развития и процветания своей земли. Обращение к своим истокам, тесная связь со своим прошлым придавали устойчивый характер личностному росту, являлись востребованными чертами содержания воспитания человека-патриота и человека-гражданина.

Восхвалением величественности родного края, его великолепия и красочности проникнуты строки «Песни о зубре» Н. Гусовского. Поэт обращается к традициям единения и связи человека с природой, прославляет многочисленные богатства и достояния своей земли. Автор с гордостью подчеркивает, что, несмотря на все испытания и невзгоды, благодаря преемственности, «наш пращур ... остался собою» [1, с. 53]. Историческая память, по мнению мыслителя, является фундаментом становления человека, формирования его чутким и преданным своим корням, вдохновляет его на верность и служение своему Отечеству. Для самого поэта, находившегося далеко от дома, связь с Отечеством – источник силы и таланта. «Единственная отрада ..., когда мыслью летишь быстрокрылой ночью и днем на родину ...», – отмечал гуманист [1, с. 62]. Для патриота Н. Гусовского «музыка наших лесов благозвучием строгим ухе и сердцу милее литавры и лиры», ведь это – «голос крови», который нельзя забывать человеку [1, с. 70].

Ф. Скорина выразил своеобразное признание в любви к своей земле, продемонстрировал патриотическую преданность своей Родине: «Понеже от прирожения звери, ходящие в пустыни, знают ямы своя, птицы, летающие по въздуху, ведают гнезда своя; рыбы, плавающие по морю и в реках, чуют виры своя; пчелы и тем подобная защищать ульев своих – тако же и люди, игде здилися и вскормлены суть по Бозе, к тому месту великую милость имають» [1, с. 27]. Для первопечатника естественная любовь к своему краю выступает обязательным личностным качеством человека, важным условием жизни по-божески. Человек, по мнению Ф. Скорины, благодаря чувству Родины, которое проявляется в тесной взаимосвязи с родной землей и передается от поколения к поколению, способен сохранить себя как представителя определенного этноса. Преданность Родине, что проявляется «в добрых делех и в любви отчины», демонстрирует результат достойного формирования личности патриота и гражданина [1, с. 27].

Привязанность к своему краю, его истокам через сохранение исторической памяти выступала отражением жизненно необходимой связи индивида со своей Родиной, рассматривалась как источник личностного развития, роста и самоопределения, что нашло отражение в содержании гражданско-патриотического воспитания XVI в.

Распространение гуманистических идей на белорусских землях происходило в тесной связи с христианскими ценностями, которые трансформировались в так называемый «христианский гуманизм» [2, с. 104]. В связи с этим синтез христианско-гуманистических убеждений определял «направленность путей совершенствования человека и общества», что нашло отражение в содержательном наполнении гражданско-патриотического воспитания [3, с. 18]. «Возлюблиши ближнего своего, яко сам себе», – известный христианский постулат рассматривался основой формирования уважительных чувств не только по отношению к другим людям, но и выступал фундаментом привязанности к своей Родине [1, с. 22]. Именно такая интерпретация западных идей гуманизма вывела на первое место идеи общей пользы и добродетели в контексте приоритета национально-патриотического становления человека, составила особенность формирования содержания гражданско-патриотического воспитания на белорусских землях. И хотя данные убеждения содействовали определенной нивелировке личности, ценность которой терялась за «общим благом», преобладание общественного над индивидуальным выступало ключевым концептом благополучия Родины, без которого не мыслилось и личное благополучие отдельного человека.

Таким образом, актуализация этнокультурного самоопределения личности определялась педагогической мыслью Беларуси XVI века в качестве одной из востребованных задач гражданско-патриотического воспита-

ния молодого поколения. Именно следование ценностям этнокультурной общности рассматривалось в качестве основы личностного роста, развития и общественного признания человека. Возможности идентификации во многом были обусловлены отождествлением индивида с конкретным культурно-религиозным единством, а впоследствии и этногосударственным пространством. Однако и сегодня следование общим целям, приверженность своим истокам и традиционным взглядам, ментально-поведенческие ориентиры выступают залогом общественного единства и согласия.

Список источников и литературы

1. История общественной и философской мысли в Беларуси: раннее и развитое Возрождение: хрестоматия: пособие / авт.-сост. В.В. Старостенко. Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2010. 332 с.
2. Подокшин С.А. Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы (вторая половина XVI–начало XVII в.). Минск, 1990. 212 с.
3. Старостенко В.В. Становление национального самосознания белорусов: этапы и основополагающие идеи (X–VII вв.). Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2001. 200 с.

РАЗДЕЛ 3. САМООРГАНИЗАЦИЯ И САМОРАЗВИТИЕ ГОРОДСКОГО СООБЩЕСТВА

УДК 94(47) (091)

Основные принципы, цели и задачи государственной молодежной политики в РФ

Гайнуллина В.Ф.
г. Стерлитамак

Аннотация. В статье рассмотрены основные принципы, цели и задачи государственной молодежной политики в Российской Федерации. Отмечается, что молодежная политика в первую очередь опирается на мощный инновационный потенциал, который характеризует молодое поколение и при наличии определенных условий и влиянии политических сил, молодежная политика может иметь конструктивную или деструктивную направленность для государства, общества и самой молодежи. Определены основные требования государства к молодежной политике. Обозначен ряд приоритетных направлений молодежной политики.

Ключевые слова: государственная молодежная политика, приоритетные направления, конструктивная и деструктивная направленность, фестиваль молодежных инициатив, системообразующие факторы для работы с молодежью.

Основы государственной молодежной политики в Российской Федерации на период до 2025 года определяют легальное понимание государственной политики как направление деятельности РФ, которое представляет собой систему мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового и научного направления, реализующихся при взаимодействии с институтами гражданского общества и гражданами активного межведомственного взаимодействия с целью гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания молодежи, которое при том будет расширять возможности самореализации молодого поколения и повышать уровень его потенциала для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности страны и т.п.

Такое определение раскрывает комплексность и сложность государственной молодежной политики как одну из важных институциональных составляющих внутреннего политического курса Российской Федерации. В данном контексте следует отметить, что на сегодняшний день характерно наличие стремительного развития разных сфер общественного-государственной жизни и политического курса страны, которые также определяют государственную молодежную политику.

Следует отметить, что молодежная политика в первую очередь опирается на мощный инновационный потенциал, который характеризует молодое поколение. При наличии определенных условий и влиянии политических сил, он может иметь конструктивную или деструктивную направленность для государства, общества и самой молодежи. В связи с этим мероприятия государственных органов направляются на развитие созидательной и творческой деятельности молодежи, реализацию ее инициатив в той или иной сфере жизнедеятельности, формируя притом ответственность за общество и его будущее [6].

Вместе с тем, сегодня молодежь характеризуется также как социально пассивная группа, которая выступает потребителем социальных услуг, безвозмездной поддержки со стороны государства, замкнутую на свои внутренние, зачастую сугубо экономические интересы и потребности.

Тем самым, государство не всегда может мобилизовать молодежное движение и инициативу для осуществления общественных интересов, что вызывает наличие ряда требований к государственной молодежной политике. Среди них выделяют следующие:

1. Инициатива молодых на благо страны, которая предусматривает содействие и поддержку развития молодежных движений, стимулирование молодежного самоуправления и активизацию деятельности молодежных объединений.
2. Диверсификация молодежной политики, предполагающая применение диверсифицированного подхода к молодежи по социальной и возрастной группе, а также разработку новых технологий для работы с молодежными движениями, опираясь на возрастные и социальные различия.
3. Межведомственная кооперация и интеграция, которая направлена на определение приоритетов государственной молодежной политики как межотраслевой сферы, совместное применение материальной базы учреждений разных ведомств, разработку целевых и инвестиционных программ всех уровней.
4. Доступность социальных учреждений посредством интеграции источников финансирования государственной молодежной политики, усиления роли экономических рычагов привлеченных ресурсов, обеспечение оснащения учреждений молодежной политики современными технологиями и оборудованием.
5. Приближение к интересам молодежи, которое предполагает перепрофилирование деятельности молодежных центров, учитывающее современные потребности и интересы молодого поколения.

6. Ликвидация упущенной выгоды, предусматривающая утверждение принципа долгосрочного инвестирования на затраты в сфере государственной молодежной политики и прогнозирования объемов прибыли.

7. Создание информационного молодежного пространства, которое позволит интерактивно взаимодействовать государству и молодежи в информационных глобальных сетях, создать всероссийский молодежный информационный портал.

8. Диалог с молодежью посредством организации встреч, проведения ежегодных фестивалей молодежных инициатив и стимулирования создания молодежных объединений в рабочей, сельской, творческой и силовой структуре.

9. Обеспечение толерантности посредством создания системы уличной социальной работы силами старшей молодежи для обеспечения каналов взаимодействия между различными молодежными движениями, в частности с неформальными субкультурами [4].

Опираясь на данные направления государственной молодежной политики, можно выделить системообразующие факторы для работы с молодежью:

– активность молодежи, которая обусловлена расширением потенциальных возможностей в ее социальном становлении;

– реализация потребностей отдельных возрастных групп молодежи;

– создание целевых проектов и программ на разных уровнях, которые будут базироваться на нормативном подкреплении, обеспечиваясь механизмом государственной поддержки и финансовыми средствами [3].

Что касается принципов молодежной политики в России, то они являются следующими:

– ответственность государства за соблюдением прав и законных интересов молодежи;

– ответственность молодого поколения за реализацию конституционных прав и обязанностей;

– приоритетность государственной поддержки молодежи при выборе социального, культурного, физического и духовного развития и становления;

– преемственность, стабильность и совершенствование мер по формированию и осуществлению государственной молодежной политики [5].

Для осуществления государственной молодежной политики в Российской Федерации определены ряд целей, которые взаимодополняют друг друга:

1. Содействие социальному, культурному, духовному и физическому развитию молодого поколения, применение инновационного потенциала для обеспечения интересов государственного и общественного развития и для интересов самой молодежи.

2. Реализация общественно значимых инициатив, полезной деятельности молодежи и общественных объединений, создание условий для включения их в социально-экономическую, политическую и культурную жизнь общества [2].

Сегодня государственная молодежная политика осуществляет свою деятельность по выбранным направлениям, используя при этом основные механизмы их реализации. Обозначим ряд приоритетных направлений молодежной политики.

1. Обеспечение государственной поддержки молодого поколения в сфере образования, воспитания и развития.

2. Оказание содействия и поддержки молодежи в сфере охраны здоровья, профилактики опасных заболеваний и формирования здорового образа жизни.

3. Обеспечение экономической самостоятельности молодых граждан, а также реализацию их трудовых прав и обязанностей.

4. Оказание государственной поддержки молодых семей.

5. Осуществление государственной поддержки молодых людей, которые оказались в трудной жизненной ситуации.

6. Ведение поддержки общественно значимых инициатив, общественно-политической деятельности молодежи [1].

Таким образом, национальная молодежная политика направляется на развитие и реализацию потенциала молодого поколения, опираясь на конституционные принципы и задачи осуществления государственной молодежной политики. Помимо того, в основе молодежной политики лежит развитие и эффективная самореализация личности и ее потенциала с целью обеспечения развития всего общества.

Список источников и литературы

1. Бойченко А. В. Приоритетные направления реализации государственной молодежной политики // Молодой ученый. 2014. № 21. С. 495–498.

2. Гусев Б.Б., Лопухин А.М. Стратегия государственной молодежной политики. М.: РГСУ, 2017.

3. Клименко А.И. Разработка основных направлений муниципальной молодежной политики. М.: ПЕРО, 2010.

4. Леонов Ю.С. Молодежная политика: зарубежный и отечественный опыт // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ 207. № 4 (321).

5. Ховрин А.Ю. Государственная молодежная политика: синтез патернализма и социального партнерства // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 1. С. 121–138.
6. Чирун С. Молодежная политика в ситуации постмодерна. Модели, механизмы, риски. М., 2011.

УДК 342.2

Особенности конституционно-правового статуса законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации

Ганина О.Ю., Кузнецов А.И.
г. Оренбург

Аннотация. В научной работе анализируется конституционно-правовой статус законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Проанализирован спектр полномочий по организации решения вопросов местного значения, удовлетворения потребностей населения.

Ключевые слова: законодательный орган государственной власти субъекта Российской Федерации.

Согласно Конституции Российской Федерации одной из основ конституционного строя является федеративный и демократический характер государства. Это обуславливает необходимость организации государственной власти как на уровне федерации, так и на уровне регионов. Все публичные органы организуют свою деятельность исходя из признания народа источником власти, выборности основных органов государственной власти и др.

Законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации являются представителями жителей, проживающих в конкретном регионе. Их место в системе органов государственной власти базируется на принципе разделения властей, нормативно закрепленном в законах субъектов федерации [2].

В большинстве своем конституции (уставы) субъектов не выделяют полномочия региональных органов законодательной власти в определенные группы. Поэтому интересна научная классификация их полномочий.

Условно в основу классификаций полномочий региональных законодательных органов можно положить такие критерии, как: предметы ведения; сферы деятельности; направления деятельности, принцип разделения властей.

Отдельно хотелось бы остановиться на классификации полномочий, в основу которой положены сферы деятельности. Здесь условно выделяются три группы: организационные, социально-экономические и международные. К первой группе относятся полномочия, связанные с государственно-правовым «строительством». Среди таких полномочий можно назвать: принятие основного закона субъекта, внесение в него поправок, определение предметов ведения федерации и субъекта, принятие законов о территориальном устройстве субъекта и др.

Вторую группу составляют полномочия в социально-экономической и финансовой сферах. На орган законодательной власти возлагаются обязанности по формированию бюджета, разработке программ развития, внедрения региональных налогов и сборов и др.

В третью группу объединяются полномочия в международных отношениях. Орган законодательной власти утверждает международные соглашения, выносит решения об одобрении проектов договоров между федерацией и субъектом по вопросам разграничения полномочий [3, с. 17].

Одним из важных направлений работы законодательных органов власти субъекта федерации можно назвать представительную функцию. Региональный парламент – это орган, претендующий на всеобщее представительство населения независимо от механизма его формирования. Следствием представительной функции является реализация полномочий по обеспечению и институциональному оформлению переговорного процесса. Именно в парламенте происходит конверсия требований общества на язык законов. В процессе политизации интересов, их трансформации в политическую волю и проекты решений именно на парламент возложена задача по решению конфликтов интересов и нахождению возможных компромиссов [1, с. 23].

Среди представительных полномочий, по нашему убеждению, можно отметить полномочия по организации выборного и референдумного процессов на территории региона.

Среди учредительных полномочий можно выделить полномочия по формированию государственных органов региона. Так, среди таких полномочий выделяются полномочия по закреплению системы исполнительных органов власти субъекта федерации; назначению на должность судьи конституционного (уставного) суда субъекта федерации и др.

Законодательный орган государственной власти региона наделен реальными полномочиями по контролю за исполнением региональных законов. Он полномочен контролировать исполнение законов и бюджетов субъектов федерации, соблюдение порядка распоряжения собственностью регионов.

Законодательные органы заслушивают ежегодные отчеты глав субъектов федерации о результатах их работы. Налицо повсеместное внедрение в практику деятельности законодательных органов новой формы непосредственного парламентского контроля за деятельностью органов исполнительной власти. Однако практика показывает, что пока еще обсуждение таких отчетов не всегда сопровождается должной оценкой деятельности высшего органа исполнительной власти за отчетный период со стороны депутатского корпуса. Нередки случаи, когда отчет носит характер обычной констатации.

Сегодня правовой статус законодательных органов субъектов федерации как региональных парламентов и контрольных органов закрепляется только в конституциях республик Саха (Якутия) и Удмуртия. В других субъектах федерации только контрольные полномочия законодательных органов частично закреплены в основных законах регионов. Так, это можно встретить в Конституции Республики Марий Эл. Однако следует признать, что контрольные функции парламента преимущественно закреплены только в законах субъектов о законодательных органах государственной власти.

Таким образом, анализ федеральных и региональных законов позволяет заключить о преимущественном отсутствии прямого указания законодательных органов власти субъектов федерации в качестве контрольных органов, но фактически, и это следует из их правового положения в системе региональных органов власти, они таковыми являются. Через реализацию представительной, законодательной и контрольной функций обеспечивается удовлетворение потребностей населения субъекта федерации.

Список источников и литературы

1. Кравченко, Л.А. Парламент как институт представительной демократии / Л. А. Кравченко // Конституционное и муниципальное право. 2002. № 2. С. 22–26.
2. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: [федер. закон: принят Гос. Думой 22 сентября 1999 г.: по состоянию на 02 августа 2019 г.] // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1999. № 42. Ст. 5005; 2019. № 31. Ст. 4472.
3. Ситников Е.С. Законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации: полномочия и структура // NOVAUM.RU. 2016. № 1. С. 15–19.

УДК 342.2

Специфика территориальной организации местного самоуправления в городах федерального значения

Ганина О.Ю.
г. Оренбург

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы территориальной организации местного самоуправления в городах федерального значения Москва, Санкт-Петербург, Севастополь. Определены специфические черты организации местного самоуправления применительно к каждому городу федерального значения как субъекту Российской Федерации. Проведены параллели в организации территориальной организации местного самоуправления в городах федерального значения Российской Федерации.

Ключевые слова: территориальная организация местного самоуправления, субъекты Российской Федерации.

Согласно Конституции Российской Федерации местное самоуправление является одной из основ конституционного строя [3]. Оно организуется на различных территориях с учетом специфики местности, населяющих ее народностей, их традиций и обычаев, быта и т.д. Особый интерес представляет организация местного самоуправления в городах федерального значения.

В настоящий момент в Российской Федерации образованы три субъекта федерации, имеющие статус города федерального значения, – Москва, Санкт-Петербург и Севастополь [3]. Это крупнейшие городские хозяйственные комплексы, в которых законодательно оформлена своя специфическая территориальная организация местного самоуправления.

Согласно Уставу г. Москвы и Закону г. Москвы от 6 ноября 2002 г. № 56 «Об организации местного самоуправления в городе Москве» местное самоуправление в городе федерального значения реализуется во внутригородских муниципальных образованиях [8, 10]. Территориальными единицами здесь являются районы, поселения и административные округа, каждый из которых имеет свои нормативно закрепленные наиме-

нование и границы. Административные округа организуются для реализации административного управления на конкретной территории [1, с. 108]. Внутри административных округов расположены районы и поселения. Специфика построения границ территорий заключается в том, что границы административных округов не должны пересекать границы районов или поселений на территории г. Москвы [8].

Согласно законодательству г. Москвы территориальная организация местного самоуправления в этом субъекте федерации предусматривает двухуровневую модель функционирования, которая действует на городском и районном уровнях. В границах района могут формироваться одно или несколько муниципальных образований, но они не должны включать в себя территории двух и более районов города. На уровне города местное самоуправление реализуется в административных округах согласно региональному законодательству. В районах структурные единицы так же разделены между административными округами [8].

Поселения в г. Москве представлены территориями в границах московской кольцевой автомобильной дороги, и примыкающими к ней землями, отдельными поселками и г. Зеленоградом [8]. Здесь реализуется как местное самоуправление, так и государственная власть, но в границах этих территорий формально реализуется лишь местное самоуправление.

Анализ законодательства г. Москвы по организации местного самоуправления в этом субъекте федерации позволяет сделать вывод о фактическом существовании одной административно-территориальной единицы – административного округа, создаваемого для административного управления соответствующими территориями. Территориальным образованием как правовой категорией в Москве можно назвать административно-территориальную единицу и муниципальное образование, что дает право региональному правительству законно реализовывать государственную власть в городских районах, городских поселениях через соответствующие органы.

Другой город федерального значения – Санкт-Петербург имеет не менее интересную территориальную организацию местного самоуправления. До 1917 г. в городе отсутствовали законно установленные границы. С приходом к власти большевиков в Санкт-Петербурге были организованы 18 административных районов, однако не предусматривалась организация административных округов как более крупных административно-территориальных единиц. Этот вариант территориального деления существовал вплоть до введения деления городов федерального значения на внутригородские территории.

В настоящее время Санкт-Петербург поделен на муниципальные образования трех видов: муниципальные округа, поселки, города. Границы муниципальных образований входят в границы районов Санкт-Петербурга. Это необходимо для реализации управления на уровне субъекта федерации. Согласно ст. 2 Закона г. Санкт-Петербурга от 25 июля 2005 г. № 411-68 «О территориальном устройстве Санкт-Петербурга» административно-территориальными единицами города федерального значения являются районы, а внутригородскими муниципальными образованиями – муниципальные округа, к которым относятся города и поселки [5]. Тем самым, региональный законодатель четко разграничивает административные единицы и виды муниципальных образований. Следовательно, для города федерального значения Санкт-Петербург характерна одноуровневая территориальная организация местного самоуправления, предусматривающая деление на муниципальные образования, объединенные в городские округа.

Согласно Уставу г. Санкт-Петербурга и Закону г. Санкт-Петербурга от 23 сентября 2009 г. № 420-79 «Об организации местного самоуправления в Санкт-Петербурге» под внутригородским муниципальным образованием города федерального значения понимается часть территории, в границах которой местное самоуправление реализуется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления [9, 12]. Однако установление и изменение границ внутригородских муниципальных образований Санкт-Петербурга, их преобразование могут быть закреплены только законами Санкт-Петербурга. Например, изменить границы муниципальных образований можно путем внесения изменений в Закон Санкт-Петербурга от 25 июля 2005 г. № 411-68 «О территориальном устройстве Санкт-Петербурга» [5]. Этим же законом устанавливается перечень муниципальных образований и описание их границ.

Анализ ст. 59 Устава Санкт-Петербурга позволяет заключить о дублировании положения с определением внутригородского муниципального образования, закрепленном в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [7, 12]. Однако в ч. 1 ст. 2 Закона г. Санкт-Петербурга от 23 сентября 2009 г. № 420-79 «Об организации местного самоуправления в Санкт-Петербурге» дается четкое определение внутригородского муниципального образования, прежде всего, закрепление, что внутригородские муниципальные образования включают муниципальные округа, города, поселки [9]. Эти виды муниципальных образований закреплены также в ч. 2 ст. 2 Закона г. Санкт-Петербурга № 411-68 «О территориальном устройстве Санкт-Петербурга» [5]. Однако ни в одном из названных законов не содержится определения этих видов муниципальных образований, что не позволяет выявить специфику правового статуса этих видов муниципальных образований. Отсутствует раскрытие определения и в уставах муниципальных образований. Справедливо также отметить обоснованность закрепления муниципального округа как вида муниципального образования Санкт-Петербурга, для которого характерно наличие городской территории, обладающей территориальной, экономической, социальной, культурной целостностью и своеобразием. Таким образом, территориальное устройство Санкт-Петербурга складывалось на

протяжении длительного времени, однако муниципальные образования, организованные в рамках исторических границ города, получили правовой статус муниципальных округов. Для иных муниципальных образований (пригород Санкт-Петербурга) характерен правовой статус городов и поселков.

Третьим городом федерального значения в Российской Федерации является Севастополь. Согласно Уставу г. Севастополя и Закону г. Севастополя от 30 декабря 2014 г. № 102-ЗС «О местном самоуправлении в городе Севастополе» местное самоуправление реализуется в границах внутригородских муниципальных образований [4, 11]. Город разделен на административные районы, при этом два из них – Гагаринский и Ленинский – совпадают с границами одноименных муниципальных округов [2, с. 16].

Вопросы установления и изменения границ внутригородских муниципальных образований Севастополя, их преобразования, так же, как и в других городах федерального значения являются предметом ведения региональных властей. Согласно Закону г. Севастополя «Об административно-территориальном устройстве города Севастополя» в состав района входят территории городов, поселков, сел и иных населенных пунктов, находящиеся в границах района [6].

Анализ территориальной организации местного самоуправления Севастополя позволяет заключить об идентичности структуры территориальных единиц этого субъекта федерации структуре территориальных единиц г. Санкт-Петербурга. Однако в Севастополе отсутствует законодательное разграничение понятий административно-территориального устройства и территориальной организации местного самоуправления.

Таким образом, для городов федерального значения характерна своя специфика территориальной организации местного самоуправления. Анализ регионального законодательства выявил правовые проблемы в определении правового статуса конкретных видов муниципальных образований, их нормативном закреплении. Кроме того, сложности возникают и в реализации двухуровневой системы управления в городах федерального значения как субъектах Российской Федерации, что свидетельствует об усилении роли органов государственной власти и ограничении самостоятельности органов местного самоуправления.

Список источников и литературы

1. Алпатов Ю. М. Особенности территориальной организации системы местного самоуправления в Москве и Санкт-Петербурге // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 2. С. 106–110.
2. Евдокимов В.Б., Тухватуллин Т.А. Правовой статус города Севастополя (историко-правовые аспекты) // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8 (57). С. 16–20.
3. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Собрание законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
4. О местном самоуправлении в городе Севастополе: [закон города Севастополя: принят Законодательным Собранием города Севастополя 30 декабря 2014 г.: по состоянию на 26 марта 2018 г.]. [Электронный ресурс]. URL: <https://sevzakon.ru/>.
5. О территориальном устройстве Санкт-Петербурга: [закон Санкт-Петербурга: принят Законодательным Собранием Санкт-Петербурга 30 июня 2005 г.]. [Электронный ресурс]. URL: <https://peterburg-pravo.ru/>.
6. Об административно-территориальном устройстве города Севастополя: [закон города Севастополя: принят Законодательным Собранием города Севастополя 02 июня 2014 г.: по состоянию на 23 июля 2019 г.]. [Электронный ресурс]. URL: <https://sevzakon.ru/>.
7. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: [федер. закон: принят Гос. Думой 16 сентября 2003 г.: одобрен Советом Федерации 24 сентября 2003 г.: по состоянию на 02 августа 2019 г.] // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822; 2019. № 31. Ст. 4472.
8. Об организации местного самоуправления в городе Москве: Закон г. Москвы от 6 ноября 2002 г. № 56 (в ред. Законов г. Москвы от 26 декабря 2007 г. № 51, от 26 мая 2010 г. № 25). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mos.ru/>.
9. Об организации местного самоуправления в Санкт-Петербурге: [закон Санкт-Петербурга: принят Законодательным Собранием Санкт-Петербурга 23 сентября 2009 г. № 420-79]. [Электронный ресурс]. URL: <https://peterburg-pravo.ru/>.
10. Устав города Москвы. Принят Московской городской Думой 28 июня 1995 г. (в ред. Законов г. Москвы от 19 декабря 2012 г. № 69, от 02 июля 2014 г. № 39, от 20 сентября 2017 г. № 30). [Электронный ресурс]. URL: <https://duma.mos.ru/>.
11. Устав города Севастополя. Принят Законодательным Собранием города Севастополя 11 апреля 2014 г. (в ред. Законов города Севастополя от 29 ноября 2016 г. № 292-ЗС, от 30 октября 2019 г. № 546-ЗС). [Электронный ресурс]. URL: <https://sevzakon.ru/>.
12. Устав Санкт-Петербурга. Принят Законодательным Собранием Санкт-Петербурга 14 января 1998 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://peterburg-pravo.ru/>.

Идентичностные проекты и варианты самоорганизации пространства Парижа в романе Ж.-П. Сартра «Дороги свободы»

Даркина А.В.
г. Воронеж

Аннотация. Статья посвящена изучению вариантов построения идентичностей, а также практикам самоорганизации пространства Парижа в романе Ж.-П. Сартра «Дороги свободы». Рассматривая бытование персонажей произведения не только с позиции экзистенциальной философии, но и в контексте психоаналитической теории, можно выявить некоторые специфические особенности, присущие эпохе постмодернизма. Предпринята попытка проследить взаимосвязи «кризисов бытия» главного героя с теми пластами психики, что потенциально ответственны за это, с одной стороны, и пространств Парижа, где разворачиваются связанные с этим события, с другой.

Ключевые слова: идентичностные проекты; постмодернизм; самоорганизация городского пространства; экзистенциализм; психоанализ.

Зарождающийся во второй половине XX века постмодернизм как философское, литературное и психологическое явление возник как результат мировоззренческого кризиса, наступившего после окончания Второй мировой войны. Однако предпосылки постмодернистских настроений, как представляется, начинают оформляться несколько ранее: таким локусом становится довоенная Франция. Именно столица как широкое пространство подчиняется новой логике выстраивания идентичностных проектов, демонстрируя как полноту личностных переживаний и трансформаций героев, так и общие тренды предвоенных лет в Западной Европе как суперпространстве. Образы «Свой / Другой» (транс) формируются, взаимодействуют друг с другом и прекращают бытование в небольших локациях городских сообществ. В этом отношении «Дороги свободы» Жана-Поля Сартра демонстрирует классический образец смены философско-культурологических, психологических и иных концепций.

Структуру психики главного героя можно рассматривать с позиции психоаналитической теории, представляя части психики в связи с его отношениями с противоположным полом в широком понимании. Так, образ юной Ивиш следует приравнять к слою Ид, к тому, к чему стремится главный герой на полубессознательном уровне. Это что-то постоянно ускользающее от него, впоследствии по этой причине невротизирующее. Притом что на уровне Эго автор отдаёт себе отчёт в критической разнице в уровне образования, разнице в возрасте и потенциала развития отношений, проблема не решена: Ивиш становится причиной экзистенциальной неудовлетворённости, фрустрации и меланхолии мужчины. Образ Марсель соотносим с пластом Суперэго: рассудок подсказывает Матье, что данная личность сходна с ним по мировоззренческим установкам, однако инстинктивное начало соперничает с разумом, вынуждая заставить женщину совершить противоправное деяние по избавлению от плода.

«Голос совести» соперничает с более низкими уровнями психики, что порождает конфликт на уровне сознательных реакций, а в итоге (как своеобразное оправдание) вина переносится именно на партнёршу как на главный источник бед мужчины. Работница абортария, как представляется, суть Эго автора: Матье не отрицает тёмную сторону своей личности, способной к аморальным действиям, и в какой-то мере данное отождествление есть результат беспристрастного признания автора самому себе, это суть констатация основы бытия философа. Анализируя связь женских образов романа и частей личности Матье, вероятны некоторые заключения о том, что все женщины равны тому или иному срезу его психики: Ивиш, как и Марсель, о многом умалчивает – аллюзии на свойства скрытности автора; неспособность чётко артикулировать собственные мысли отсылает читателя к тому же свойству автора, но применительно к эмоциональной составляющей (и это одновременно и фрустрирует, и служит источником творческих поисков); недосказанность Марсель как предпосылка ненавязчивости характера её партнёра.

По этим же причинам Ж.-П. Сартр предпочитает обращаться к нетрадиционным элементам в своём повествовании: феминное как враждебное автору, с одной стороны, и влекущее, с другой, идёт в повествовательной части параллельно с сюжетами мужской гомосексуальной бытийственности. По-видимому, это та экзистенциальная сторона, что имеет право на существование вне зависимости от предпочтений: женское влияние (давление) чрезвычайно сильно, и только удаляясь от того, что не даёт однозначных актуальных ответов, автор чувствует себя в безопасности, всё же мнимой, а не реальной. Только таким образом мужчина на неопределённое время выходит из пространства личной неустроенности и психологического раскола.

Сама логика повествования с присущей ей непоследовательностью отсылает к тем или иным свойствам характера автора: думать одновременно о нескольких вещах для Ж.-П. Сартра так же естественно, как и подерживать (пусть самые незначительные) контакты с большим кругом лиц. Однако насколько длительны /

кратковременны и эмоционально насыщены / поверхностны подобные контакты – решает сам Сартр-философ, подобно тому как Сартр-литератор определяет длительность того или иного сюжета «Дорог свободы». Персонажи произведения, скорость их появления и исчезновения подобны хаотичным мыслям исследователя; для него личность равна исчезающей человеческой натуре, и это ещё более осложняет ситуацию, привнося меланхолические настроения от невозможности проконтролировать мысль / познать человеческую природу. Соотнесённость бытия и сознания здесь характеризуется попытками абстрагироваться через размышления, развлечения, научную деятельность, употребление психоактивных веществ. Ж.-П. Сартр как бы отпускает проходящих в его жизнь людей, не задумываясь над тем, какова их сущность, опасаясь через них и ими привносимыми эмоциональными переживаниями встретиться с тайнами своего бессознательного, заглянуть за определённый воображаемый рубеж. Именно это и фрустрирует философа, указывая на его ограниченный эмоциональный и исследовательский потенциал и помещая в ментальный тупик.

Автор сам для себя подобен культурному проекту эпохи постмодернизма, несмотря на то, что роман описывает действительность Парижа как локуса штудий ещё не наступившей эпохи; Ж.-П. Сартр превосходит время, моделирует его, абстрагируясь от тех, кто в той или иной мере вредит этому: юная, но сложная Ивиш (мнимую сложность создаёт сам Матье), этически выверенная корректная Марсель (моральная составляющая мужчины), требовательная эксцентричная Лола (его непредсказуемая сторона). Все эти женские образы, пересекаясь в романе, являются не одним, а несколькими женскими началами в психике автора (Анима) [Теоретическое обоснование концепций Анимы/ Анимуса см. напр.: 4]. Некоторая часть ценна («Навсегда бывший любовник Марсель, а теперь её муж преподаватель...» [3, с. 193]); другая – преходяща и бесперспективна («Он увидел Ивиш, она танцевала, откинув назад голову, она выглядела какой-то потерянной, без возраста и будущего...» [3, с. 194]), в совокупности все они составляют суть бытия: «Эти жизни тянутся сквозь стены танцзала, сквозь парижские улицы, они пересекаются, перекрещиваются и остаются такими же строго индивидуальными ... как предметы туалета, которые не берут взаймы. Я знал, что у каждого есть своя жизнь. Но я не знал, что она есть и у меня» [3, с. 192].

Анима и влекуща, и презираема; мыслитель отдаёт себе отчёт в том, что он далек от классического образца мужественности. Именно поэтому большую ценность в глазах автора имеют не сами люди, а образы людей, не всегда равнозначные их истинной натуре. Мысли появляются, трансформируются и исчезают точно так же, как и персонажи романа / люди, встречаемые в течение жизни: от кого-то проще отстраниться на время, кто-то появляется для решения специфических целей и задач жизни / повествования. Ж.-П. Сартр осознаёт, что подобное восприятие затрудняет контакты с людьми, всё же философ, таким образом, формирует (и формулирует) суть теории экзистенциализма: «Позитивная свобода «позитивна» в том смысле, что индивиды хотят быть хозяевами самим себе» [5].

Кафе как локус обоюбого (место встречи персонажей нетрадиционной ориентации; место отдыха лиц с традиционными ценностями) также можно исследовать как пространство романа, имеющее отношение к выстраиванию версий идентичности: вероятно, диада «люди-мысли» сопряжена с парой «кафе-пространство сознания», что заключает в себе образы и включает в канву повествования / жизни разных людей. Следовательно, кафе – место, с одной стороны, общедоступное, а с другой, временное, неспособное стать прибежищем как таковым. Так или иначе кафе как вариант комфортного времяпрепровождения останавливает неприятный для героя поток мыслеобразов (архетипов – возможно, коллективного бессознательного), и он, получая очередную «дозу» умиротворения, стремится снова попадать в этот локус псевдорешения его проблем. Комментируя ситуацию со сменой моральных приоритетов приверженцем экзистенциализма, А.Ф. Бурханов утверждает в пользу онтологической заданности действий субъекта: «Поскольку человек свободен, то его вечный удел – покидать собственные пределы и терять вовне свою былую сущность, обретая при этом новое качество» [1, с. 44]. Действительно, трансформация персональная (как и коллективная?) достигается через посредство вариативных ресурсов (ментальных, морально-этических, медикаментозных), потенциально приводящих как минимум к переосмыслению предшествующего опыта и набора статусов субъекта.

Квартира как приватное пространство имеет иной статус по сравнению с кафе. Комната – локус ментальности, когнитивных схем автора по созданию иных вариантов реальности. Главный герой использует комнату на утилитарный манер, однако не совсем так, как он делает это с другими пространствами или же действующими лицами: замкнутое пространство служит ресурсом безопасности и, как ему представляется, новых возможностей вне прежних обязательств и связей. Наполненность образами не страшит рассказчика: он добровольно создаёт их и тут же устраняет, то есть чувствует себя хозяином положения, что не скажешь об иных вариантах организации пространства Парижа. Не исключено, что самоорганизация других пространств города и есть тот невротизирующий фактор, что, принимая «людей-мыслей», неподконтролен Матье-Сартру и таким образом ещё более его фрустрирует. Примечательно, что во время войны персональные пространства автором сохраняются, смыслы ещё более нивелируются в силу утраты вероятной будущности всего человечества и отдельных локусов, в частности: «Бар погрузился в суховатую тишину, в воздухе витал запах бедствия» [3, с. 244]. Тем не менее, проблемы общественного превалируют над частным, что однако не меняет образцов поведения главного героя, желающего жить в онтологической безопасности без изменения статусных позиций.

Открытые пространства (улица) предлагает как пути решения экзистенциальных проблем (абортарий), так и ещё более усугубляет их на постмодерный манер: «Матье зашагал по бульвару Монпарнас, он был рад остаться один. ...Его обступили вчерашние заботы ... в центре всего, слепое пятно – смерть» [3, с. 214]. Концепт смерти также можно рассматривать не только в качестве квинтэссенции экзистенциальной философии Ж.-П. Сартра, но и как ещё одну феминную (дегендеризированную и деструктурированную) составляющую его психики. Автор как бы препарировывает данное событие конца жизни, оно суть центральная тема всего романа, вне зависимости от того, через кого или что представлена: если это пространственно-временной хронотоп, то здесь следует рефлексия на профессионально-бытовом уровне; в ситуации с идентичностными проектами персонажей (беременность, личные отношения в паре и пр.) смерть отражает как постмодерный модный тренд (рассуждения Бориса о смерти в раннем возрасте), так и финальную версию неизбежности бытия. Однако смерть как таковая не затрагивает основ существования философа, и он вводит данный концепт в тело романа с целью продемонстрировать ядро эпохи, это своего рода предчувствие глобальных либо личных перемен отстранённого наблюдателя.

Архетипы, идеологемы, ментальные пограничья – багаж, имеющийся в наличии у любого исследователя; писатель обращается с ними сообразно потребностям времени, а, возможно, некоего заказа, привнося долю субъективного. Относительно творчества Ж.-П. Сартра, на наш взгляд, следует заключить, что его произведения не были предназначены для публики в классическом понимании: отражая исключительно персональные философские поиски (перефразируя нарицательное имя другого близкого к экзистенциализму философа А. Камю, подобную ситуацию, по-видимому, стоит определить как «Незаинтересованность Запада»), записи первоначально создавались сами для себя, впоследствии став частью культурного кода французской и в целом западноевропейской послевоенной цивилизации. Демонстрируя незаинтересованность в итогах своих размышлений, «фигура одиночного бытия» [2] добивается реализации глубинных потребностей быть если не услышанным и понятым, то реализованном в своём бытийственном пространстве через ментальные трансформации постмодернистского плана.

Список источников и литературы

1. Бурханов А. Р. Жан-Поль Сартр об экзистенциалах человеческого бытия // Вестник БГУ. 2011. №14. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhan-pol-sartr-ob-ekzistentsialah-chelovecheskogo-bytiya>.
2. Воротилин А.Г. Абсурд как эстетический экзистенциал субъекта постмодерна // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2016. №3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/absurd-kak-esteticheskiy-ekzistentsial-subekta-postmoderna>.
3. Сартр Жан Поль. Дороги свободы: [сборник: перевод с французского]. М.: Издательство АСТ, 2015. 976 с.
4. Фоминых Е.А. Анима и Анимус: философско-культурологическая интерпретация // Вестник ЧелГУ. 2016. № 10 (392). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anima-i-animus-filosofsko-kulturologicheskaya-interpretatsiya>.
5. Manzi Y. Jean-Paul Sartre: Existential «Freedom» and the Political. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e-ir.info/2013/01/23/jean-paul-sartre-existential-freedom-and-the-political/>.

УДК 94 (470.5) «18/19»

Екатеринбургские самодеятельные организации и процесс саморазвития городского общества (вторая половина XIX – начало XX в.)

Микитюк В.П.
г. Екатеринбург

Аннотация. В статье рассмотрен процесс создания общественных организаций в Екатеринбурге, выявлена их роль в саморазвитии городского общества и их вклад в развитие сфер культуры, благотворительности, медицины, народного образования, спорта и пр.

В результате исследования установлен факт создания более 50 общественных организаций, выявлены их конкретные достижения. На основании последнего делается вывод о весомом вкладе самодеятельных организаций в саморазвитие екатеринбургского общества.

Ключевые слова: Екатеринбург, самодеятельные организации, факторы модернизации.

Процесс создания общественных организаций в Екатеринбурге стал более или менее заметен, начиная с 1870-х гг., хотя старт ему был дан еще в 1856 г., когда возникло Екатеринбургское горное попечительство детских приютов. В 1860-е гг. также было образовано всего одно самостоятельное объединение – Екатеринбургское благотворительное общество. В 1870-х гг. в Екатеринбурге появились три самостоятельные организации – Уральское общество любителей естествознания (1870), местный комитет Российского общества Красного Креста (1877) и вольная пожарная дружина (1879), в начале следующего десятилетия преобразованная в вольное пожарное общество.

Урожайными на создание общественных организаций оказались 1880-е гг. За 10 лет было создано 12 самостоятельных объединений. В 1890–х гг. последовал спад: возникло лишь 6 организаций. В 1900-е гг. оживление общественной жизни было присуще всей России, и Екатеринбург не стал исключением: в этом период было учреждено 13 самостоятельных обществ. В 1910-е гг. реестр общественных организаций пополнился 7 объединениями.

Таким образом, установлено, что во второй половине XIX – начале XX в. было создано 44 самостоятельных обществ. Этот показатель может быть увеличен до 50, так как известно о существовании в городе ряда церковно-приходских попечительств, но даты их создания установить не удалось. Стоит отметить, что оба показателя весьма относительны, так как в них не включены отделения политических партий и общества, существовавшие всего несколько лет, в частности, организации, созданные в период революции 1905–1907 гг. и в Первую мировую войну.

Несмотря на указанный разницей в количественных данных, можно утверждать, что с ростом числа самостоятельных организаций общественная жизнь в Екатеринбурге приобретала все более разнообразный и оживленный характер. Кроме того, можно сказать, что создание каждого самостоятельного общества отражало стремление горожан к самоорганизации и саморазвитию городского общества.

Екатеринбург во второй половине XIX – начале XX в., являясь крупным административным и торгово-промышленным центром, в то же время страдал от недостаточного развития сфер культуры, спорта, медицины, народного просвещения и т.д. Частично подобные недостатки устранялись за счет усилий казны, земских и городских органов самоуправления. Но по ряду направлений этих усилий было явно недостаточно, что открывало широкие перспективы для проявления частной и общественной инициативы.

Екатеринбуржцы далеко не сразу принялись устранять существующие недостатки. Во-первых, инициативы по созданию общественных организаций длительное время не поддерживались государством, во-вторых, сказывалась инерция мышления: горожане, привыкшие, что все городские проблемы решаются казной и органами самоуправления, не торопились прилагать усилия, направленные на устранение каких-либо дефектов в жизни города. Однако со временем желание сделать свой населенный пункт более комфортным для проживания, причем по многим направлениям, крепло, и, в конце концов, привело к созданию большой группы общественных организаций. Как правило, их учредители в качестве основной задачи создаваемых обществ рассматривали устранение какого-нибудь конкретного недостатка, присущего негласной столице Урала.

Так, вольное пожарное общество должно было оказывать помощь городским пожарным командам, которые нередко сталкивались с дефицитом кадров, снаряжения, конского состава и пр. Создание вольного пожарного общества, весьма многочисленного (в 1879 – 250, в 1915 г. – 364 человека) [8, с. 3], позволило повысить пожарную безопасность Екатеринбурга. Общества вспомоществования недостаточным учащимся, существовавшие почти при всех средне-учебных заведениях города, давали возможность завершить образование учащимся, чье материальное положение ухудшилось. Семейно-педагогический кружок, решая самые разные задачи, в то же время прилагал немалые усилия для организации детского летнего отдыха.

Екатеринбургские общественные организации оказывали значительное влияние на жизнь уездного города и его жителей. Заседание правлений, общие собрания, многие из которых были бурными, привлекали внимание горожан и служили темой для длительных пересудов. Интерес к заседаниям подогревался прессой, регулярно печатавшей отчеты об их ходе, снабжая комментариями, порой весьма едкими. Таким образом, многие горожане вольно или невольно втягивались в обсуждение общественных проблем.

Деятельность общественных организаций, разумеется, не сводилась к заседаниям правлений и общим собраниям. Все организации, едва возникнув, начинали проводить мероприятия разного характера, а, окрепнув, брались за открытие различных учреждений. И то, и другое являлось важной составной частью процесса самоорганизации городского общества.

Иным обществам удавалось сочетать проведение массовых мероприятий с открытием и содержанием своих учреждений. В качестве примера можно привести плодотворную деятельность Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), одной из старейших общественных организаций Екатеринбурга. Не располагая крупными финансовыми средствами, оно, тем не менее, организовало массу разнообразных мероприятий. Его членами была проведена целая серия археологических раскопок, организованы масштабные метеоро-

рологические наблюдения, в которые были вовлечены сотни жителей Пермской губернии, а также начаты исследования по «этнографии, статистике, истории» [1, с. 34].

В начале 1880-х г. активисты УОЛЕ задумали организовать грандиозное по меркам уездного города мероприятие. Получив поддержку властных структур, органов самоуправления, общественности и предпринимательских кругов, УОЛЕ в 1887 г. провело Сибирско-Уральскую научно-промышленную выставку, ставшую наиболее масштабным событием во всей истории дореволюционного Екатеринбурга. Выставку, действовавшую три месяца, посетило более 80 тысяч человек, что вдвое превышало численность жителей Екатеринбурга [3, с. 243]. Важными достижениями общества стало создание научной библиотеки и открытие музея, ставшего одной из главных достопримечательностей Екатеринбурга.

Немалое разнообразие общественной жизни Екатеринбурга принесло создание спортивных организаций – общества охотников конского бега, общества велосипедистов-любителей и общества правильной охоты. Этим организациям были присущи болезни роста, и они порой балансировали на грани развала, но, тем не менее, все три организации сумели организовать проведение состязаний и создать спортивные сооружения – ипподром, тир и велодром. Конские скачки и бега на ипподроме, гонки велосипедистов на велодроме (позднее к ним добавились игры в футбол, хоккей, теннис, состязания по легкой и тяжелой атлетике) полюбили горожанам и стали одним из наиболее массовых зрелищ.

Многие общественные организации, не имевшие солидных средств, не смогли создать каких-либо постоянно действующих учреждений, однако, они сумели оживить общественную жизнь за счет разовых или периодических мероприятий. Так, общество любителей изящных искусств и местный отдел Российского общества императорского сельскохозяйственного птицеводства, возникшие в 1896 г., взялись за организацию выставок.

Общество любителей изящных искусств до начала Первой мировой войны успело провести 10 художественных выставок. Они не только привлекли профессиональных деятелей культуры и любителей различных искусств, но и подарили горожанам новую возможность для препровождения свободного времени. Этой возможностью воспользовались не все екатеринбуржцы, но очень многие. Первая выставка (1897 г.) длилась 6 дней: за этот период «ее посетило около полутора тысяч человек» [4, с. 2]. Вторую выставку, действовавшую 13 дней, посетило около трех тысяч человек [5, с. 2].

Несмотря на то, что не все выставки были удачны по подбору экспонатов, они, тем не менее, стали заметным явлением в жизни не только Екатеринбурга, но и всей Пермской губернии. В частности, значимость им придавало присутствие на выставках картин и эскизов известных русских художников, в том числе А.Н. Бенуа, А.К. Денисова-Уральского, А.С. Егорнова, В.Г. Казанцева, К.Я. Крыжицкого и др.

Общество любителей изящных искусств из-за внутренних разногласий действовало эпизодически. Тем не менее, оно смогло провести 10 выставок и немало других мероприятий, а также предпринять усилия, способствовавшие появлению в Екатеринбурге общественной библиотеки имени В.Г. Белинского, существующей и поныне.

Отдел Российского общества императорского сельскохозяйственного птицеводства за время существования организовал проведение не менее 16 выставок. Организаторы выставок ставили перед собой следующие цели: «ознакомить публику с существующими породами домашней птицы, преимущественно полезными для улучшения птиц местных пород, дать возможность сельским хозяевам и птицеводам приобрести племенную птицу по доступной цене, служить для распространения правильных сведений по вопросам птицеводства» [6, с. 2].

Организация выставок встретила немало препятствий, но, тем не менее, они проводились почти ежегодно, привлекая все новых экспонентов, порой из очень отдаленных мест. В частности, на выставках в Екатеринбурге появлялись экспоненты из Казани и из Екатеринославской губернии. Усилия организаторов не пропали даром. Интерес к выставкам начали проявлять не только горожане, но и жители окрестных селений. Пресса отмечала: «Интерес к выставке заметно прогрессирует, возрастает также и интерес к ней крестьян, считавших ее раньше лишь «барской» затеей. Теперь крестьянин охотно покупает породистых петухов, уступаемых ему для удобства за пуд пшеницы за штуку» [9, с. 3].

Ряд общественных организаций сумели создать учреждения, сыгравшие заметную роль в жизни города. Так, общественные организации внесли крупный вклад в развитие медицинского кластера Екатеринбурга. Городу катастрофически не хватало специализированных больниц, что ощущалось и общественностью. В начале XX в. местный отдел Российского общества Красного Креста и Уральское медицинское общество, опираясь на поддержку многих горожан, осуществили постройку глазной больницы имени доктора А.А. Миславского. В 1902 г. начались подготовительные работы, а к началу 1905 г. здание было построено. Из-за разных проблем открытие больницы состоялось только в марте 1906 г. В 1908 г. обе организации профинансировали расширение здания глазной лечебницы.

В 1906 г. местный отдел Российского общества Красного Креста задумал построить в Екатеринбурге детскую больницу. 28 марта 1910 г. состоялось ее торжественное открытие. Подобных медицинских учреждений в Пермской губернии еще не было. В 1910-х гг. к процессу открытия специализированных лечебниц подключилось общество борьбы с чахоткой. Сначала им была открыта амбулатория, к которой в 1913 г. добавилась лечебница для чахоточных больниц. В 1914 г. ее посетило 1130 больных туберкулезом [2, с. 3].

Не менее заметным был вклад общественных организаций в развитие сферы народного образования. Например, общество взаимного вспоможения приказчиков при поддержке министерства финансов, земств (губернского и уездного) и городской думы Екатеринбурга открыло в 1902 г. торговую школу, целью которой была подготовка кадров для торгово-промышленных заведений. Набор в школу осуществлялся на демократических началах: принимались дети всех вероисповеданий и сословий.

Еще одно заведение, связанное с образовательной сферой, было открыто обществом попечения о начальном образовании в г. Екатеринбурге и его уезде. 1 августа 1902 г. в наемном помещении начало функционировать «общежитие для детей учителей и учительниц Екатеринбургского уезда, учащихся в Екатеринбурге» [7, с. 3]. Первое время в нем могли находиться лишь девочки, однако с осени 1903 г. в общежитии было открыто отделение для мальчиков. Сначала в нем было не более 10 десятка обитателей, но со временем это число увеличилось почти вчетверо. В 1911 г. в общежитии содержалось 39 человек, 35 из них были детьми учительниц и учителей. Несмотря на скромные размеры своей деятельности, общежитие позволило получить среднее образование многим детям педагогов, работающим в основном в сельских и заводских школах Екатеринбургского уезда.

Во второй половине XIX–начале XX столетия в Екатеринбурге было создано более полусотни общественных организаций. Их учреждение явилось прямым следствием растущего стремления горожан к самоорганизации и саморазвитию городского общества, к превращению Екатеринбурга в зону комфортного проживания. Все возникшие организации оказали влияние различного масштаба на общественную жизнь города и горожан, внесли в нее существенное разнообразие. Некоторые из самодеятельных обществ смогли открыть в городе разные учреждения, необходимые горожанам, в том числе, общественную библиотеку имени В.Г. Белинского, торговую школу, детскую и глазную больницы, лечебницу для чахоточных больных, летнюю колонию для детского отдыха, музей, ипподром, велодром, тир, зимние катки и т.д.

Большая часть самодеятельных обществ, возникших в Екатеринбурге и действовавших в качестве явных факторов модернизации, смогла способствовать успешному развитию самых разных сфер городского хозяйства Екатеринбурга. Деятельность всех возникших общественных организаций содействовала росту стремления горожан к самоорганизации.

Список источников и литературы

1. Зорина Л.И. История Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1996. 208 с.
2. Зауральский край. 1915. 18 апреля.
3. Корепанова С.А. Промышленные выставки России XIX века. Екатеринбург: Изд-во Квадрат, 2007. 320 с.
4. Урал. 1898. 31 декабря.
5. Урал. 1899. 6 января.
6. Уральская жизнь. 1900. 8 июля.
7. Уральская жизнь. 1902. 13 октября.
8. Уральская жизнь. 1916. 26 мая.
9. Уральский край. 1908. 31 декабря.

УДК 34.037

Организационно-правовые основы контроля за проституцией до 1917 года

Мысляева Н.С.
г. Стерлитамак

Аннотация. В статье анализируются организационно-правовые основы контроля за проституцией в России. Автор анализирует указы, наказания, законодательные акты, принятые государством до Октябрьской революции в сфере борьбы и регламентации проституции.

Ключевые слова: проституция, уставы, наказания, указания, регламентация, полиция.

Исследование выполнено при поддержке гранта СФ БашГУ, проект № В 19-76

На территории нашей страны факт вступления женщины в связь с мужчиной за деньги находился в одном ряду с такими порицаемыми явлениями как супружеская измена и интимные отношения до брака. Постепенно, при переходе от многобрачия к моногамии, росла потребность в восполнении утраченной половой свободы. Именно эту функцию и взяли на себя те, кого окрестили «непотребными девками» и «блудницами».

На Первом Всероссийском Съезде Российского общества защиты женщин, проходившего 21-25 апреля 1910 г. в г. С.-Петербурге, были названы причины, дававшие начало этому явлению. Это:

- 1) бедность;
- 2) алкоголизм;
- 3) бесправное положение женщин;
- 4) брошенность, беспризорность детей;
- 5) низкий уровень в обществе понятия нравственности.

Проблема женской проституции в России недостаточно изучена в историческом сообществе, хотя последствия этого явления негативно влияют на развитие нашего общества и сейчас необходимо знание того, как боролись с этим злом в нашем государстве, знание наших побед и неудач в таком трудном деле.

На Руси первой обратила внимание на проблему «непотребства» церковь, в ведении которой находилась вся сфера, как в целом семейных отношений, так и область интимных, половых взаимоотношений. Князья в издаваемых уставах подтверждали факт отнесения указанных отношений к исключительному ведению религиозных чинов. Так, в Уставе князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных [10, с. 139] был официально закреплен перечень дел подлежащих ведению епископов. Среди них: незаконная связь мужчины и женщины, нарушение супружеской верности, доказанное свидетелями, изнасилование [10, с. 139–145].

Устав князя Ярослава о церковных судах включал в себя 39 статей, 25 из которых были направлены на урегулирование семейных и половых отношений. Например, пятая статья предусматривала наказание в виде заключения в церковный дом за рождение внебрачного ребенка. Ст. 89 была направлена на пресечение внебрачных связей мужа, что не являлось поводом к расторжению брака, но влекло наложение епитимьи. В других статьях указывалась о запрете половых связей с родственниками. Статья 18 предусматривала епитимью за блуд с монахиней и скотоложство, статья 20 – наказание за вступление в половую связь мужчины одного рода с двумя сестрами другого рода, статья 23 – за связь двух братьев с одной женщиной, статья 34 – за блуд монахов и попов [10, с. 167–188]. Пространная редакция этого же устава содержала аналогичные статьи, однако они были расписаны более детально, а их число увеличилось. Так в пятой статье указывалось, что блуд незамужней женщины, за который она должна быть помещена в церковный дом, может быть ее постоянным занятием. То же распространялось и на вдову. По аналогии с Краткой редакцией содержались статьи о запрете на связь с родственниками, при этом увеличилось число родственников. Закреплялось, что дела о блуде монахов рассматривались закрытыми церковными судами. Добавились новые статьи о сожительстве с представителями нехристианских вероисповеданий, что каралось штрафом и отлучением от церкви. В 53 статье были перечислены деяния жены, которые давали основание для расторжения брака. В их числе – прелюбодеяние, за которым ее застал муж либо подтвержденное послухами; – общение жены с чужими людьми, в частности ночевка вне своего дома и без разрешения мужа; – посещение женой без сопровождения мужа днем или ночью игрищ. При этом любая связь мужа вне брака (вплоть до двоеженства) влекла за собой лишь наложение епитимьи [10, с. 189–208].

Как видно из приведенных примеров, объектом воздействия государственных и религиозных органов в большей мере выступают половые отношения, происходящие вне брака вообще. Что же касается блуда, как ремесла, постоянного занятия, осуществляемого за плату, то он в княжеских уставах упоминается крайне редко, в отличие от различных церковных документов. Поддержание чистоты нравов осуществлялось посредством выпрашивания на исповеди о совершенных прегрешениях, связанных с блудом, и назначения последующего наказания (епитимьи, сводившейся к самым различным постам, ежедневным поклонам, лишению на какой-либо срок причастия и тому подобному). Таким образом, уже на ранних стадиях развития российской государственности власть уделяла большое внимание борьбе с продажей женщиной собственного тела.

В 1649 г. при правлении царя Алексея Михайловича в «Наказе о градском благочинии» говорилось – «по улицам и переулкам в день и ночь ходить и беречь накрепко, чтобы в улицах и переулках бою, грабежу и порчи, и табаку, и никакого воровства и блудни не было» [2, с. 48]. Упоминание проституции в одном ряду с другими преступлениями и требование ее пресечения явно свидетельствуют о том, что занятие ею было поставлено вне закона. Государство пошло по пути запрещения, искоренения продажной любви.

В «Соборном Уложении» 1649 г., в гл. 22, ст. 25 говорится: «А буде кто мужского полу или женского, забыв страх Божий и Христианский закон, учтут делати свады женками и девками в блудное дело, а сыщется про то допряма: и им за такое беззаконное и скверное дело учинити жестокое наказание, бити кнутом» [11, с. 250].

Так, борьба с «непотребством» была одним из многочисленных направлений деятельности регулярной полиции России. 25 мая 1718 г. петербургскому генерал-полицмейстеру было велено «всех гулящих и слоняющихся людей из всех подозрительных домов, а именно шинков, зерни, картежной игры и других похабств, хватать и допрашивать» [2, с. 49]. Дела о «любодействе» были изъяты у церкви и отнесены к юрисдикции светского суда. 12 сентября 1728 г. был издан указ, который обязывал губернаторов и воевод препятствовать организации «кормчевых и непотребных домов» [4, с. 123]. В указе Анны Иоанновны Сенату от 6 мая 1736 г. говорилось: «Понеже правительствующему Сенату известно стало, что во многих вольных домах происходят многие непорядки, а особливо многие вольнодумцы содержат непотребных женок и девок, что весьма против-

но христианскому благочестивому закону. Того ради смотреть, ежели где такие непотребные женки и девки, тех высечь кошками и из тех домов их выбить вон...»).

Борьба продолжалась и при Елизавете I. В указе, изданном ею в августе 1750 г. сказано: «Понеже по следствиям и показаниям пойманных сводниц некоторые указываемые ими непотребные (женщины) скрываются [2, с. 59]. Ее Императорское Величество указала: тех скрывающихся непотребных жен и девок, как иноземок, так и русских, сыскивать, ловить и приводить в главную полицию, а оттуда с запискою присылать в комиссию и чинить наказание – сечь плетьюми, а сверх того, когда вторично в том пойманы... – ссылать на прядильные дворы [3, с. 12]». С этого времени меры, принимаемые в отношении проституток, стали расширяться, а также законодательно определялись органы, в обязанность которых входило указанные меры реализовывать. 20 мая 1763 г. Екатериной II, которая была противницей репрессивных мер, был подписан указ «О скорейшем излечении в госпиталях воинских чинов, одержимых венерической болезнью, и о ссылке обличающихся в непотребстве женщин по их излечению от болезни». При этом лечение непотребных девок проводилось бесплатно, медикаментами и штатными докторами из тех же госпиталей, где лечили и военных. Таким образом, государство было заинтересовано не только в выявлении и «отлове» проституток, но и в их оздоровлении. Простой запрет дополнялся мерами по устранению последствий спроса на продажную любовь. В указе от 4 мая 1765 г. Екатерина II, учитывая то, что задержанных непотребных девок до ссылки необходимо на что-то содержать, отметила, что средства на содержание последних должны идти из наличных денег Полицмейстерского управления. Эти меры по содержанию женщин должны были сдерживать последних от занятий непотребством, так как у большинства это «занятие» было в основном главным способом добывания денег и зачастую единственным. Подобная попытка предупредить рост проституции путем приобщения проституток к труду была первой. Однако дальнейшее трудоустройство данной категории лиц было затруднено. Хозяева фабрик не хотели принимать к себе на работу таких женщин. С целью недопущения отказов со стороны хозяев фабрик и заводов о принятии на работу непотребных девок 30 сентября 1771 г. был издан Сенатский указ, «О безотворном приеме на фабрики на работу непотребных девок присылаемых из полицмейстерского управления в Мануфактур-Конттору».

Внимание государства к проблеме проституции росло вместе с увеличением списка предпринимаемых мер и числом различных органов и учреждений, осуществляющих борьбу с продажной любовью. К середине XVIII в. стало ясно, что следование по пути простого запрета и устранения последствий не дает желаемых результатов. Выход виделся в государственном контроле за проституирующими особами. Первый аристократический публичный дом был открыт в Петербурге в конце 50-х гг. XVIII в. Его основательницей была немка из Дрездена, которая сняла роскошный дом на Вознесенской улице и набрала штат девушек-иностранок. Заведение погубил скандал: одна из женщин, завлеченная сюда обманом, подала жалобу на высочайшее имя. Неудачная попытка повлекла незамедлительную реакцию.

Будучи противницей проституции, Екатерина II приняла «Устав о благочинии» от 8 апреля 1782 г., где в 263 статье говорилось: «Буде кто дом свой или нанятой откроет днем и ночью всяким людям ради непотребства, с того взыскать пеню 12-дневное содержание в смиренном доме и сажать его в тот дом, пока не заплатит. Буде кто в дом, открытый всяким людям ради непотребства, войдет, с того взыскать пеню 6-суточное содержание содержимого в смиренном доме и сажать под стражу, пока не заплатит. Буде кто непотребством своим сделает ремесло, от того имеет пропитание, то за такое постыдное ремесло отослать его в смиренный дом на полгода» [6, с. 45]. Указанная статья дополнялась статьей, где говорилось о борьбе с венерическими болезнями: «Пользующихся от заразной болезни в госпиталях допрашивать, от кого заразился, и по показанию, буде заразившие их женщины действительно окажутся виновными в непотребстве и суть бродящие, подлые и подозрительные девки, таковых брать и лечить от заразной болезни в госпиталях и по вылечении поступать с ними, как о бродягах постановлено. Те из непотребных женщин и девок, которые имеют происходящую от их образа жизни заразительную болезнь *lues venerea*, должны открывать о том врачу при самом начале болезни» [5, с. 63]. Данные статьи не были официально отменены до самой революции.

Однако частичное возвращение к запрету и искоренению не помогло избавиться от непотребных женщин. Павел I, известный любовью к мундирам и знакам отличия, даровал проституткам спецодежду. Публичные женщины были обязаны под страхом тюремного заключения носить специальное желтое платье. В этих нарядах проститутки щеголяли недолго, однако именно с того времени желтый цвет стал символом профессии. Появившееся позже медицинское свидетельство публичной женщины стали называть «желтым билетом».

В целом, в XVIII в. в русском законодательстве складывалась целая система безусловного запрещения так называемого «непотребства». Однако к середине XIX в. государство становится на путь регламентаризма, то есть оно не только признает факт наличия проституции, но и осуществляет ее регулирование посредством контроля за домами терпимости. Пути, которыми женщины попадали в публичный дом, не отличались особым разнообразием. Многие подобные заведения нанимали мужчин (так называемых «присяжных») специально для того, чтобы они развращали, насиловали порядочных девушек. Под угрозой обнародования потерянной невинности, предъявляя неоплаченные счета, накопившиеся за период ухаживания, мужчины пополнили штат нанявшего их заведения. Выбраться же оттуда было практически невозможно. На каждую девушку заводилась специальная книжка, куда вносились все ее расходы, а так как львиную долю заработанных денег

забирала хозяйка дома, то наличных средств у ее подопечных не оставалось. Так, в Правилах содержательницам борделей, утвержденных министром внутренних дел 29 мая 1844 г., было указано открывать бордели с разрешения полиции, женщин в бордели принимать только старше 16 лет, запрещалось содержательницам по воскресным и праздничным дням принимать посетителей до окончания обеда [5, с. 67]. До 1843 г. надзор за публичными домами в Петербурге находился в ведении участковой полиции. В 1843 г. в целях ограничения быстрого распространения сифилиса в Петербурге при медицинском департаменте Министерства Внутренних Дел, в качестве опыта, впервые в России был организован особый врачебно-полицейский комитет. Он осуществлял борьбу с «любоэстрастными». Все лица женского пола, промышлявшие продажной любовью, были поставлены на учет, или, как указывалось в документах, превратились в «поднадзорных». В результате было выделено две формы проституции, для обозначения которых использовалась разная терминология: официально признанная («поднадзорная», «комиссионная», «разрядная») и тайная, неофициальная («гражданская»). Всем зарегистрированным проституткам был выдан знаменитый «желтый билет» – бланк вместо паспорта, что явилось существенным ограничением прав продажных женщин.

В 1843 г. под надзором С.-Петербургского врачебно-полицейского комитета находилось до 400 проституток, а уже в 1852 г. их было 1075, из которых в домах терпимости находилось 884, одиночек 191, домов терпимости было 152. Однако указанные данные несколько не отражали реального числа «ночных бабочек» [1, с. 24]. Та часть публичных женщин, которые не входили в разряд поднадзорных, делилась на три типа. К первому относились так называемые «камелии» – блистательные молодые и дорогие женщины, пользующиеся спросом у состоятельных мужчин. Этот слой был малочисленным и считался элитарным, а его представительницы были вхожи в свет. Ко второй разновидности («мещанской») относились женщины, служившие домашней прислугой, гувернантками, швеями, портными, модистками, продавщицами и т.п. Торговля телом для них была дополнительным источником дохода помимо основной работы и осуществлялась вне стен того дома, где им платили жалование. Их клиентами были представители среднего класса, оплата услуг не превышала расценки в публичных домах средней категории. Женщины – представительницы третьей категории («панельной») проживали в ночлежных домах и обсуживали социальные низы («кабачницы», «гнилушницы»). Нередки были случаи, когда женщина, будучи в молодости «камелией», со временем переходила во второй разряд и, постепенно опускаясь и теряя «товарный вид», оказывалась на самом дне. Публичные дома также делились по уровню обслуживания и состоятельности посетителей. Одним из критериев деления было число клиентов, принимаемых одной женщиной в сутки. Так в привилегированных заведениях «барышня» обязана была принимать 5-6 гостей в сутки, если ее не нанимали на всю ночь, в средних 10–15 человек, а в низших – от 20 до 40. На Рождество и Пасху в самых дешевых заведениях на одну женщину приходилось 60–80 клиентов в сутки [1, с. 38].

В «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. кары за сводничество и непотребство были пересмотрены и ужесточены: туда подпали сводничество во всех его видах, предоставление своего или наемного дома для разврата другим, заработок проституцией, посещение проституток. Однако введение в силу данного Уложения совпало с регламентацией проституции, в основу которой был положен протекционизм по отношению к публичным домам. Вопросы борьбы за народную нравственность оказались неактуальными перед проблемой народного здоровья.

В 1846 г. в циркуляре от 4 декабря было закреплено положение «об уменьшении виновным следуемых наказаний за непотребство, если они принадлежат к числу лиц, подчинившихся врачебно-полицейскому надзору». Позже, 6 апреля 1853 г., было принято решение, что «публичные женщины, состоящие под врачебно-полицейским надзором, не подвергаются определенному собственно за непотребство наказанию даже в тех случаях, когда они привлекаются к суду во второй, третий и следующие разы, если только они не изобличаются в совершении какого-либо другого, кроме непотребства преступления». Законодательно было закреплено негативное отношение государства к факту вовлечения женщин в проституцию, получению от него материальной выгоды и сводничеству (Уголовное уложение 1903 г., ст. 524, 526, 527), а также предусматривалось наказание в виде ареста либо выплаты штрафа за «неисполнение установленных правил для предупреждения непотребства и пресечения вредных от него последствий» [9].

Пытаясь оградить общество от негативных последствий существования секс-бизнеса, представители органов власти не слишком заботились о качестве выполнения отданных им распоряжений в отношении непосредственно проституток. Принудительные и унижительные медицинские осмотры оскорбляли женщину, если она не совсем отупела и погрязла в своей жизни. Подобные процедуры зачастую производились в абсолютно неподходящих условиях: в канцелярии полиции, в арестантских ротах, при этом в помещении могли находиться не только полицейские чины и доктора, но и любые посетители и зеваки, временно попавшие сюда. Некоторые женщины признавались: «Хожу на осмотр только напившись» [1, с. 27].

Для проституток С.-Петербурга существовало специальное отделение в Калининской больнице, куда женщины направлялись полицией для лечения венерических заболеваний.

В 1898 г. врачом Баар был проведен опрос этих пациенток (было опрошено 53 человека). Главным был вопрос о причине, заставившей их вступить на этот скользкий путь. 30 опрошиваемых заявили, что не хотели работать, троих заставила нужда. Одна пришла в дом терпимости, так как у нее не было паспорта. Трое попа-

ли туда по незнанию. Трех за поведение выгнали из дома родители. Одна заявила, что только хотела попробовать. Двоих уговорили подруги. У четверых родные вели разгульный образ жизни. Одна сказала, что хотела бы быть барыней.

Таким образом, нежелание работать заняло лидирующее место в опросе.

Второй вопрос был о том, что если бы была возможность выбора, изменили бы эти барышни свою жизнь? Только 16 из 53 девушек ответило утвердительно, но и ими тут же были приведены аргументы, что такое невозможно [8, с. 11].

В целом, как в период проведения политики регламентации проституции, так и до него, в период безусловного запрещения всей сферы коммерческого секса, общественное мнение осуждало как явление торговли женщинами собой, так и самих «жриц любви» за их занятие. Подобное отношение было во многом обусловлено позицией церкви относительно любых видов интимной связи вне брака, осуждающей такую связь, характеризующей ее как греховную и потому недозволенную. Однако следует отметить, что со временем активное осуждение проституции, высказываемое светскими людьми, чиновниками, приобрело лицемерный характер. Нередко тех, кто днем заявлял о своем нетерпимом отношении к «продажной любви», можно было вечером встретить в домах терпимости в окружении их обитательниц.

В 1889 г. в Российской империи было проведено статистическое изучение явления проституции. По всей России (кроме Финляндии) было зарегистрировано 176030 проституток, из которых 69,9 % были моложе 25 лет. Причем в домах терпимости таких женщин оказалось больше, чем одиночек (80,7 % и 61,3 % соответственно) [8, с. 10].

77,6 % из них не имели никакого образования, 87,4 % – были круглыми сиротами. 83,5 % проституток происходило из бедных семей [12, с. 10]. Последние данные, в сущности, и объясняют причину существования этого явления. К этому же можно добавить, что занятие проституцией было присуще 45 % личной прислуги, белошвейкам, портнихам, поденщицам, прачкам [8, с. 11]. Эти профессии отличались тяжелыми условиями труда, поэтому, когда появлялись соблазны облегчить свою жизнь, многие были не в состоянии с ними бороться.

Только в С.-Петербурге, городе, насчитывающем 1400000 человек населения, было зарегистрировано 50 000 «жриц любви» – 3,6 % от всех жителей, а если считать только женщин, то 7,2 %. Это – каждая 14 женщина [12, с. 57]!

Широко была представлена торговля российскими женщинами за границу. Из России их вывозили в Стамбул, Египет, Индию, Китай, Аргентину и Бразилию.

В Буэнос-Айресе за 5 лет (1900–1905 гг.) русские проститутки заняли второе место по численности после аргентинок (293/598 человек соответственно) [12, с. 35].

Для борьбы с этим негативным явлением весной 1899 г. в С.-Петербурге был основан Временный комитет под председательством Ее Высочества Принцессы Елены Георгиевны Саксен-Альтенбургской, который, для привлечения внимания к такой болезненной проблеме российского общества, проводил постоянный обмен опытом борьбы с проституцией. Именно ему принадлежит план, предполагающий искоренение торговли женщинами. Он включал в себя поддержку молодых женщин в экономическом плане, борьбу с алкоголизмом, заботу о беспризорных детях, просвещение женщин, создание приютов для девушек-матерей, улучшение правового положения женщин.

Но эти меры так и не были применены на практике. Решение этих вопросов взяла на себя советская власть.

Список источников и литературы

1. Голосенко И.А. Голод. Социологические исследования проституции в России. СПб., 1998. 532 с.
2. Курицын В.М., Альхименко В.В., Коряков В.П., Мулукаев Р.С., Рожнов С.Н., Яцкова А.П. История полиции России. Исторический очерк и основные документы. М., 2001. 523 с.
3. Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге. М., 1994. 375 с.
4. Лысенко В.В. Нравственно-правовые аспекты в деятельности ОВД России. СПб., 1996. 321 с.
5. Люблинский П.И. Преступления в области половых отношений. М., 1925. 513 с.
6. Малахов А.А. Три века российской проституции. М.: Коммерсантъ Деньги. № 17. 2001. 321 с.
7. Нарбутов Р.В. Правовые основы надзора полиции за проституцией в дореволюционной России. М., 1991. 432 с.
8. Покровская М.И. Борьба с проституцией женщины-врача. Доклад 2-му Отделению Российского общества охранения народного здоровья 10 декабря 1899 г. СПб., типография П.П. Сойкина, 1900. 87 с.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. М.: Госуд. Типография. 1903. 658 с.
10. Российское законодательство X–XX вв. В девяти томах. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. 265 с.
11. Российское законодательство X–XX вв. В девяти томах. Т.3. Акты Земских соборов. М.: Юрид. лит., 1985, 512 с.

12. Труды первого всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами, проходившем в С.-Петербурге с 21 по 25 апреля 1910 г. В двух томах. Т. 1. СПб.: типография С.-Петербургской Одиночной Тюремь, 1911. 334 с.

УДК 94 (100-87)

**Законодательство болгарского города после Освобождения:
между местными традициями и европейскими моделями**

Пеев Г.Й.
г. София, Болгария

Аннотация: В статье рассмотрены проблемы, затрагивающие использование различных моделей управления болгарским городом после Освобождения 1878 года. Декларированное в Тырновской Конституции «широкое самоуправление» встречает неприятие со стороны большинства правительств, заставших во главе управления страной, которые в угоду собственным политическим целям старались ввести принцип более сильной централизации власти. Из-за нехватки собственных административных моделей, управляющие обращаются к опыту различных иностранных моделей.

Ключевые слова: местное самоуправление, Танзимат, Временное русское управление, централизация, Наполеоновская модель администрирования.

В болгарской административной практике наблюдается интересный феномен – здесь обращается слишком большое внимание на модели, использованные за границей, чем на базирующиеся на болгарских традициях. Но очень часто буквальный перенос и приложение чужих образцов в стране не удачно и в дальнейшем, чтобы исполнять свое предназначение и успешно работать, они нуждаются в доработке уже в соответствии с местными традициями. Административное устройство болгарской державы содержит одну важную отличительную черту – оно отражает идеи, господствующие в Европе в XIX веке и очень сильно повлияно от них. При создании своего административного устройства болгары обращаются как к наследству Османской империи и Временного Русского Управления, так и к преобразованиям, наступившим во второй половине 19 века в Западной Европе.

Около 500 лет болгары находились под чужой властью Османской империи. После эпохи реформ (Танзимата) в середине 19 века в империи к некоторым постам в администрации начали допускать и болгар-христиан. В 1856 году Хатихумаюн уже предоставляет официальную возможность христианам принимать более широкое участие в органах местной власти. Закон вилаетов, Устав управления Дунайского вилаета и принятый в 1870 году Закон управления вилаетами базируются на основе французского закона от 28 июля 1800 года VIII (17 февраля 1800 г.) [1, Т. 2, Т.3]. Создается административная пирамида, заимствованная из модели Франции времен Наполеона. Во главе ее находится валия, который подобно французскому префекту осуществляет связь между центральной и местной властью [7, с. 193]. Законы, введенные реформатором Мидхат пашой дают возможность болгарам принимать участие в османской администрации на самых различных уровнях.

Создаются городские советы (беледие), в которых обеспечиваются полномочия в области местного самоуправления. Мюдюрин это служебное лицо, которое упражняет контроль центральной власти над выборными советами при решении местных дел и который в большой степени наделен полномочиями, ограничивающими деятельность и компетентность советов. Официальный пост, который очень часто доверяется болгарам, это заместитель мюдюра в городской управе.

После Русско-турецкой войны 1877–1878 года и Освобождения страны создается специальная русская комиссия при Канцелярии гражданского управления, которая занимается проблемами местной администрации и административно-территориального деления болгарских земель. 8 августа 1877 года принимаются «Временные правила губернских и городских советов Болгарии», которые превращают общину в административную единицу, и она уже не является частью «милетской» системы, базированной на религиозной общности. Одна часть членов этих советов предлагается быть избранной, а другая назначенная губернатором. Председатель избирается всеми участниками, но в соответствии с вотом, утвержденным губернатором. Введение этих правил помогает установить порядок в администрировании освобожденных территорий, в которых уже несколько месяцев действуют русские войска. Во время наступления они обеспечивают местное управление, но различными методами. В некоторых местах военные командиры или чиновники гражданской канцелярии назначают членов административных советов, в других некоторые советы избираются напрямую населением во время специальных собраний [10, с. 31].

В сентябре 1878 года утверждаются «Временные правила городских советов», их целью является удовлетворение желаний городского населения, настаивающих на важных переменах. Посредством нового закона власти стараются ограничить эффект численного превосходства сельских избирателей над городскими, так как к соответствующему городу начинают примыкать и соседние сельские общины. Их представители, которых становится большинство, принимают решения, относящиеся к управлению городов, прерогатива, неприемлемая для городских жителей. Большой перевес сельских элементов в выборных учреждениях доводит до кассаций некоторых советов по причине недостаточного количества грамотных избирателей. Благодаря этим Временным правилам усиливается местная автономия и расширяется самоуправление. Сделан шаг к децентрализации. Административные решения уже принимаются избранными в городах и округах страны высшими чиновниками и избранными представителями в губерниях. Но городские советы сохраняют свои полномочия в деле управления и финансирования. Поставлено начало разделения власти на местном уровне [8, с. 129].

Эти временные правила базированы на русских законах. Они сопровождались подробными приложениями, в которых указывались как количество чиновников, так и их вознаграждение. Определялась форма и содержание множества документов, необходимых для функционирования администрации, прилагались конкретные образцы. Османская система предоставляла избирательное право любому лицу, которое платит прямые налоги в размере 100 грошей. Новая русская система предоставляет это гражданское право двум категориям лиц – собственникам недвижимости и лицам, имеющим образование, к которым причислены также торговцы и ремесленники. Согласно правилам, принятым в сентябре 1878 года, полномочия различных советов идентичны тем, которые были приняты в русских земских советах, отмеченных в их Статуте от 1 января 1864 года (12, Т. 39).

Созданная русскими властями административная система не успела продемонстрировать свои преимущества и слабости, так как в стране начинает действовать уже ее основной закон. В принятой 16 апреля 1879 года Тырновской конституции содержатся совсем другие, новые постановки. В чл.3 объявляется, что «Территория административно делится на окружия, околии и общины. Особый закон определяет правила этого административного деления, целящего положить начало самоуправлению общин». Во время дебатов по этому тексту в Учредительном собрании преобладает мнение, что «каждой общине, которая составляет единицу управления, предоставляется право делать все, что ей по силам и что она может» [3, с. 68]. Определяется община следующим образом: «Это город или большое поселение, вместе с окружающими его территориями, с которыми оно связано топографически, экономически и культурно». Дебаты того времени по поводу местного самоуправления это один из редких случаев, когда соперничающиеся политические партии действуют в полном согласии друг с другом, причем примеры из законодательства других государств, на которые они ссылаются, демонстрируют хорошее знание чужой административной практики.

14 августа 1879 года первое болгарское правительство, составленное консерватором Тодором Бурмовым принимает «Временные правила общинного, городского и сельского управления» [4, бр. 4].

В праве голосовать вводится возрастной, имущественный и образовательный ценз. Общинные советы могут насчитывать от 7 до 21 члена, из них губернатор назначает кмета – мэра селения. Последним правилом правительство целит уменьшение влияния либеральных деятелей на местные органы управления, что естественно вызвало протесты либералов. Этот выработанный первым консервативным правительством административный проект опирается на французский опыт. Не случайно Т. Бурмов обращается единственно к французскому дипломатическому агенту в Софии Жюлю Шеферу, у которого попросил содействия при создании болгарского государственного законодательства. Чтобы добиться поставленной цели, с одной стороны предлагается знакомство и использование французских законов, указов и прочих документов, а с другой – назначение французов в качестве технических советников в различных государственных службах. Преждевременное падение консервативного правительства отложило исполнение и реализацию его намерений.

Либералы – следующие, кто пришел к власти в Народном Собрании. Они предлагают несколько законопроектов, затрагивающих общинные законы и в конце концов принимаются предложения Премьер-министра Драгана Цанкова. Закон не очень успешен и встречает неодобрение даже среди большей части либералов, в сущности управляющей партии в этот период. Злополучный закон не отвергается, но и не принимается. Австрийский граф Кевенхюлер пишет в своем рапорте по этому поводу: «Этот отказ – счастье для страны, потому что проект настолько сложный и обширный, что ни один мэр не сможет его реализовать и приложить в действие» [11, bl. 206–211].

После случившегося 1 июля 1881 года переворота устанавливается Режим полномочий, Конституция не действует и вся власть переходит к князю Александру I Болгарскому сроком на 7 лет. Поддерживающие его консервативные лидеры предлагают программу самых необходимых преобразований. Один из важнейших вопросов, который должен был решен в данный период, это новая административная система. Осенью 1882 года приняты ряд законов, утверждающих идеи управляющих, ратующих за сильную централизованную власть, идеи, которые в большей степени были взяты из французской административной модели, предложенной еще Наполеоном Бонапартом и завершенной его племянником Наполеоном III. 23 сентября 1882 года князь утверждает «Закон общин и городского управления» [5, бр. 117]. Согласно его клаузулы, кметы, в зависимости от размера общин, или назначаются князем, или министром внутренних дел [ч. 14, 15, 16]. Они обяза-

тельно должны быть членами выбранных населением советов. После своего назначения кметы становятся председателями этих советов и в их руках сосредоточивается вся исполнительная местная власть. Вновь становится явным влияние французского административного закона от 7 июля 1852 года, тем более, что закон в большей степени выработан французским юристом Бастианом, который был привлечен к болгарской службе [2, с. 9, 15].

Принятые законы демонстрируют стремление управляющих во времена Режима полномочий ввести централизацию в государственной машине и свидетельствуют о желании власти установить более строгий контроль над администрацией. Это с одной стороны должно было уважать чиновников, среди которых насчитывалось много недовольных режимом, а с другой – контролировать местные выборные советы. Критика по отношению к этим законам не заставляет себя долго ждать. Вмешиваются видные русские политические деятели, которые оказывают на князя давление, рекомендуя ему дать отпор западным влияниям. В письме к князю видный славянофил И.Аксаков выступает против административной централизации. По его мнению славяне должны создать такие законы, которые были бы основаны на «традиционном местном самоуправлении» [9, с. 76].

Установленный после государственного переворота режим быстро теряет свою популярность и в конце 1883 года преустанавливает свою деятельность. Конституция восстановлена, как и возможности самоуправления общин. Законы городских и сельских общин, принятых летом 1886 года с незначительными изменениями, будут в силе еще несколько десятилетий [6, № 69, 70]. Их автор Премьер-министр П.Каравелов. Болгария будет разделена на 1891 общину (79 городских и 1812 сельских), образованных в населенных местах, где есть минимум 100 домов.

Среди обязанностей городских общин является «обеспечение первоначального образование для обоих полов», «создание общинных больниц», пожарных команд, библиотек, читален, забота о благоустройстве района. В состав общинных городских советов входят от 12 до 16 членов, в зависимости от размера общины. Советники должны быть не моложе 30 лет, иметь гражданские права, быть грамотными и не быть государственными чиновниками, полицейскими или даже военными и не иметь договорных отношений с государством на строительство или поставки. Близкие родственники не могут быть членами одного и того же совета, как и лица, получающие пособия или пенсии от общины. Выбранные советники утверждаются окружным начальником. Князь при определенных условиях может распустить городские советы.

Совет уже сам может выбрать кмета из своих членов, который впоследствии должен быть утвержден князем. Кмет и его помощники, числом от одного до трех, получают зарплату и числятся в штате «общинного управления». Городские общинные советы заседают четыре раза в год и рассматривают все дела, представляющие общественный интерес: местные налоги, общинную собственность, общинные благотворительные учреждения, дороги, лечебницы, школы, церкви, мосты, базары и ярмарки. Общины, в которых живут более 4000 жителей, должны иметь общинного доктора и акушерку, а каждая община – свою общинную полицию. Кметы имеют право назначать некоторых чиновников на работу, разрешать строительство, открытие или закрытие различных кафе, гостиниц, трактиров и т.д. Они отвечают за составление списков «молодцов, подлежащих службе в армии», а также обязаны составлять списки для выборов. Решения совета отменяются или откладываются только окружным управителем (для софийского кмета – министром внутренних дел) и только по причинам законосообразности. Чтобы выработать этот закон Каравелов использовал французский общинный закон от 5 апреля 1884 года.

Должность кмета становится двойственной по своему характеру – он одновременно является представителем центральной власти и избранныком, который должен защищать местные интересы. Успешное сочетание этих двух функций не всем оказывается по силам, поэтому текучесть кметов большая, мало кому удается поработать на этом посту в течение целого мандата.

Законы третируют и финансовые проблемы городов, чьи бюджеты становятся объектом контроля Верховной счетной палаты. В самых больших городах с бюджетом более 500 000 левов, правительство назначает особого правительственного чиновника, без разрешения которого не может быть израсходована никакая сумма денег. Таким способом центральная власть утверждает свою опеку над этими городами. Правительство оставляет за собой право назначать кмета столицы. Этот французский административный опыт был использован не только в Болгарии, но и в других странах – Испании, Италии, Португалии, Бельгии, Голландии. Следование законам времен начала Третьей республики Франции не всегда соответствовало болгарским традициям и идеям либеральных однопартийцев Премьер-министра. Но Каравелов всегда был противником крайних идей полного освобождения местного самоуправления от опеки центральной власти. Лидер либералов заявлял, что пока государство платит, оно должно следить за тем, что происходит в различных советах. Едва тогда, когда государство перестанет выделять им деньги, только тогда они могут стать полностью независимыми [13, с. 209]. Принятые во время правления Каравелова законы утверждают сравнительно умеренную централизацию и в качестве доказательства хорошего баланса является тот факт, что они действуют почти полвека, вплоть до 19 мая 1934 года, когда будут отменены после очередного государственного переворота.

Центральная власть и главное, министр внутренних дел являются деятельными участниками во взаимоотношениях с общинами. Окружные письма министерству, датированные этим периодом, показывают, какие

проблемы стояли перед городскими общинами и как центральная власть вмешивалась в них, чтобы помочь. Заглавия писем особенно красноречивы: «О создании кладбища», «О строительстве здания для взрывоопасных веществ», «О непозволительном ниществе», «О поддержании бедных», «О чистке деревьев от гусениц», «О регулярном осмотре докторами жриц из Домов терпения», «О запрете на разрушение мечети при регулировании улицы», «Об истреблении диких зверей», «О праздниках, во время которых не работают лавки», «О запрете стрелять из ружей во время веселий», «О запрете брать налоги, если они не предвидены законами» и т.д. [14, с. 134, 154, 188, 192, 203, 287]. В одном окружном письме МВР от 16 июня 1887 года речь идет о штрафах, которые были наложены на кметов окружными управителями. В письме пишут, что министр отменил эти штрафы, объявляя их незаконными. Если какой-нибудь кмет откажется исполнять некоторые свои обязанности или пренебрегнет ими, окружной управитель должен напомнить ему о них два раза в письменной форме, после чего назначается чиновник, который может выполнить эту работу, причем проштрафившийся кмет должен заплатить из своего кармана чиновнику деньги за суточные и проживание. Это письмо свидетельствует о частых проблемах, возникающих между представителями местного самоуправления и государственными чиновниками.

Болгарская традиция повелевает создать приемлемый для всех баланс в отношениях между центральной властью, местной властью и городскими органами самоуправления. Всегда, когда правительство пытается поставить под полную опеку города или общины – прямо или через своих назначенных лиц, это приводит к излишней централизации и неэффективности управления. Не зависимо от того, что по Конституции Княжества Болгарии общинам обеспечиваются довольно широкие границы самоуправления, на практике все внесенные подобные законопроекты не успевают получить одобрение в Народном собрании. Это показывает, что историческая традиция болгарской державы до принятия Конституции в 1991 году не знает широкого самоуправления общин, сел и городов.

Список источников и литературы

1. Aristarchi bey, Legislation ottoman. Т. 2. Т. 3.
2. Български исторически архив, фонд 14. Архивна единица 570.
3. Дневници на Първото Учредително Събрание. С., 1890.
4. Държавен вестник, бр. 4, 18 август 1879 г.
5. Държавен вестник, бр. 117, 12 октомври 1882 г.
6. Държавен вестник, бр. 69 и 70, 10 и 11 юли 1886 г.
7. Engelhardt, Ed. La Turquie et le Tansimat. Paris, 1882. Т. 1.
8. Колев В. Българските общини в периода на Временното руско управление // Създаване и развитие на модерните институции в българското възрожденско общество. С., 1996.
9. Кох А. Александър I Български княз. Пловдив, 1895.
10. Никитин С.А. Русское гражданское управление в Болгарии (1877–1878) // сб. Освобождението на България. С., 1970.
11. Osterreichisches Staatsarchiv, Wien, Haus-, Hof und Staatsarchiv, Politisches Archiv, Bulgarien, XV, Karton 17, 1880, Rapports de Sofia, Bl. 206–211.
12. Полное Собрание Законов Российской Империи, II серия, Т. 39, № 40457.
13. Радев, Симеон. Строители на съвременна България. Т. 1. С., 1990.
14. Сборник на окръжните писма, издадени от МВР до 1 януари 1890 г.

УДК 94(470.57)

Дореволюционная Уфа на страницах журнала «Городское дело»

Полянина О.А.
г. Уфа

Аннотация. Статья посвящена проблемам выявления и анализа материалов о деятельности уфимского городского самоуправления, опубликованных в журнале «Городское дело». Прослежены каналы коммуникации между редакцией журнала и городскими деятелями Уфы, а также влияние «Городского дела» на решения Уфимской думы и управы. На основе проведенного анализа оценивается степень вовлеченности Уфы в общероссийские процессы трансформации института городского самоуправления.

Ключевые слова: городское самоуправление, журнал «Городское дело», Уфа, межмуниципальное сотрудничество.

Одной из характерных черт дореволюционной модели городского самоуправления являлось отсутствие официальных, законодательно одобренных форм межмуниципального сотрудничества и, как следствие, появление альтернативных каналов коммуникации между органами власти и между отдельными городскими деятелями. Уникальной площадкой для обмена опытом стали периодические издания, полностью или частично посвященные проблемам городского хозяйства и управления.

Журнал «Городское дело», выходящий в свет два раза в месяц на протяжении 1909–1918 гг., был учрежден группой общественных деятелей Санкт-Петербурга во главе с известными кадетами Львом Александровичем Велиховым и Дмитрием Дмитриевичем Протопоповым. В числе постоянных рубрик журнала были «Хроника городской жизни в России», «Вопросы и ответы», «Муниципальное обозрение», «Книги, поступившие в редакцию», «Сенатская практика», «Хроника иностранной городской жизни». Основными целями нового издания являлись тиражирование успешных муниципальных практик, повышение правовой и финансовой грамотности городских деятелей, преодоление разобщенности городских деятелей разных регионов.

Уфа всегда являлась сторонником активизации межмуниципальных контактов. Ещё в 1901 г. уфимский голова А.А. Маллеев обратился к головам губернских центров с письмом, предлагая внести на обсуждение дум вопрос о периодических съездах представителей городских общественных управлений. Предложение, по словам самого Маллеева, вызвало сочувственное отношение всех без исключения городских дум, однако губернаторы расценили такую инициативу как противозаконную. Министерство внутренних дел, в свою очередь, признало ходатайства городских дум о разрешении съезда не подлежащими удовлетворению.

После полулегального съезда земских деятелей, состоявшегося в ноябре 1904 г., Маллеев вновь обратился с письмом в министерство внутренних дел, задавая справедливый вопрос: «Для земства блеснул луч света, а мы-то почему забыты?». Это обращение поддержали Одесская, Самарская и другие думы [18, с. 99–112], но московский генерал-губернатор запретил намеченный на 6 июля 1905 г. съезд земских и городских деятелей, которым было объявлено: «не трудитесь приезжать» [22, с. 2]. В данном контексте очевидно, что уфимские городские деятели не могли не поддержать идею нового периодического издания. Уфимская городская общественная библиотека являлась постоянным подписчиком «Городского дела» с первого года его издания. Судя по библиотечным штампам, свежие номера появлялись в Уфе уже через одну-две недели после выхода в свет. Характерно, что первое упоминание в журнале об Уфе тоже связано с межмуниципальным сотрудничеством: в октябре 1910 г. Л. Велихов назвал ее в числе городов, командировавших своих представителей на Всероссийский съезд деятелей по городскому благоустройству [2, с. 1346–1360].

Уездные центры Уфимской губернии также проявили интерес к новому изданию. Подписчиками журнала стали Мензелинская и Златоустовская городские управы. Первая неоднократно участвовала в опросах, проводимых редакцией. В частности, в 1915 г. Мензелинск принял участие в анкетировании, результаты которого были опубликованы под заголовком «Финансы городов во второй год войны». Город отметил ухудшение финансового положения из-за «падения ярмарочных доходов на 55%» [15, с. 823–829]. В том же 1915 г. Златоустовская управа воспользовалась своим правом подписчика на бесплатный ответ от редакции журнала [11, с. 596]. Упоминания о других уездных городах губернии (Стерлитамаке, Бирске, Белебее) не дают возможности однозначно отнести соответствующие управы к числу постоянных читателей «Городского дела» [10, с. 445–450].

Формируя единое информационное пространство муниципальной России, журнал уделял значительное внимание составлению библиографических указателей. В большинстве номеров публиковались списки «новых книг по городским вопросам». По замыслу Л. Велихова и его коллег эти издания должны были стать основой для так называемых «думских» библиотек, которые следовало открыть в каждом городе. Журнал предлагал провинциальным городам отправлять в редакцию все любопытные материалы, и Уфимская городская управа оказалась в числе таких корреспондентов.

За годы Первой мировой войны «Городское дело» рекомендовало своим читателям несколько уфимских изданий [9, с. 231; 14, с. 617; 15, с. 869], самыми интересными из которых следует признать книги А.А. Гаврилова «Выкуп Городской Центральной станции Н.В. Коншина» [3] и С.Д. Стрежнева «Опыт краткой характеристики задач городского управления в деле народного образования» [21]. Оба автора были «на одной волне» с редколлегией журнала: А.А. Гаврилов (заведующий электрическим отделом Уфимской городской управы) являлся сторонником муниципализации городских предприятий; С.Д. Стрежнев (заведующий отделом народного образования той же управы [1, с. 44]) придерживался левых взглядов, настаивал на «рациональном изменении бюджетных прав городов», усилении социальной защиты педагогов [21, с. 2–3, 27]. Одновременно с книгой Гаврилова [14, с. 617] в редакцию поступила брошюра городского головы Мензелинска А.Н. Якимова «Откуда берутся и на что расходуются городские средства в Мензелинске» [19], и, возможно, именно отправка в Петербург сохранила для нас это редкое издание.

Как уже отмечалось, журнал отслеживал и приветствовал все формы межмуниципальных контактов. «Отчет Уфимского городского архитектора С.С. Плудермахера по командировке его на 5-й всероссийский съезд зодчих» [20] упоминается дважды: сначала «среди новых изданий по городским вопросам» [7, с. 231], а затем как «поступивший в редакцию» [9, с. 337]. При этом интересы редколлегии не замыкались на материалах органов городского самоуправления. Когда читатель из Баку попросил «сообщить книги по вопросам

о народных домах и вольных пожарных дружинах», среди перечисленных изданий значились «Доклады Уфимского губернского земского собрания по организации народных домов» [8, с. 287–288].

В соответствии с редакционной политикой центральной темой большинства довоенных номеров журнала являлись проблемы городского благоустройства. Для провинциальных городских дум такие публикации нередко являлись единственным источником информации об управленческих и инженерных решениях в сферах транспорта, связи, электро- и водоснабжения. Так, в 1910 г. в журнале была опубликована статья рижского профессора А.К. Енша, посвященная техническим и финансовым аспектам строительства канализаций [16, с. 60–68]. Два года спустя эта проблема стала предметом обсуждения уфимских гласных. Убедившись «в полной неразработанности вопроса», городской голова обратился за советом именно к Еншу – как к признанному специалисту. В ответном письме Енш порекомендовал обязательно составить общий план канализации для всего города [17, с. 397–405, 595–598], и летом 1913 г. по просьбе управы преподаватели и учащиеся землемерного училища провели детальную топосъемку Уфы.

Помимо проблем благоустройства почти в каждом номере обсуждался «проклятый» финансовый вопрос [2]. В предвоенные годы журнал регулярно составлял перечень городов с «тяжелым дефицитом бюджета» [4, с. 90–95]. Уфа не попадала в этот антирейтинг, не могла похвастаться крупными инфраструктурными проектами, поэтому вплоть до начала Первой мировой войны упоминания о ней были отрывочны. В феврале 1914 г. постоянный автор «Муниципального обозрения» А.М. Гибшман пожурил Уфимскую думу за «страстность, лишаящую необходимой объективности в вопросе о выделении из земств» [5, с. 242]. Через несколько месяцев журнал отметил, что «в Уфе в управу поступило заявление Н.К. Блохина о желании построить и оборудовать за свой счет двухэтажное здание для больницы с тем, чтобы передать его городу» [6, с. 854].

Война резко подорвала финансовое положение губернского центра, ставшего местом размещения тысяч беженцев. И в феврале 1915 г. журнал опубликовал первый сравнительно большой материал, посвященный Уфе. Автор статьи «Городские финансы и хозяйство» отмечал: «Ещё хуже <по сравнению с Саратовом и Вяткой> обстоит дело в Уфе: финансовой комиссии предстояла очень трудная работа – борьба с дефицитами как по смете 1915 г., так и по смете 1914 г. Против дефицита 1915 г. комиссией принята следующая мера: решено составить как бы две сметы – минимальную и максимальную. В сокращенной рабочей смете будут предусмотрены самые неотложные работы. В полной же смете будут показаны все желательные работы, исполнение которых будет зависеть от поступлений в городскую кассу» [7, с. 224]. Далее автор сообщал, что 5 февраля в Петрограде состоялось заседание особого присутствия по дорожным делам, посвященное рассмотрению ряда ходатайств городов об установлении в их пользу попутного сбора с железнодорожных грузов. На заседании съехались представители заинтересованных городов: Благовещенска, Константинограда, Поти, Ростова-на-Дону, Уфы, Симбирска. Уфе взимание сбора было разрешено при условии замощения 115 тыс. кв. сажен подъездных путей, сооружения 7 мостов и 42 труб [7, с. 224].

В дальнейшем журнал продолжал следить за судьбой города, и майский номер 1915 г. стал самым «уфимским» за все время существования издания. Читатели могли узнать, что Уфимская дума «решила немедленно строить изоляционные помещения и заразные бараки» [11, с. 568], постановила «обратиться в министерство внутренних дел с ходатайством об отпуске 218 тыс. <руб.> на борьбу с эпидемиями», одновременно «признав необходимым ходатайствовать о передаче борьбы с эпидемиями земскому и городскому союзам» [11, с. 574]. Только «Городское дело» сохранило упоминание об инициативе уфимских врачей, постановивших «обратиться к населению с воззванием о прекращении рукопожатий в виду опасности передачи этим путем заразы» [11, с. 569]. Ещё две короткие заметки сообщали, что «Уфа, которой попутный сбор был разрешен 5 февраля, до сих пор не может добиться формального удостоверения такого разрешения», и что «Уфимская управа обратилась в несколько городов с просьбой о высылке копий со всех материалов по дороговизне и продовольственному вопросу» [11, с. 578, 583].

По мере обострения социально-экономической и политической ситуации редколлегия (прежде всего Л.А. Велихов, В.Н. Твердохлебов, Д.Д. Протопопов) демонстрировала всё возрастающую уверенность в необходимости расширения муниципального сектора хозяйствования. «Городское дело» вело кропотливую работу по сбору и систематизации сведений о появлении или развитии всех видов муниципальных предприятий: от паромов и водопроводов до скотобоен и прачечных. Постоянный акцент на успехах предприятий, находившихся в городской собственности, не мог не повлиять на решение Уфимской думы о выкупе городской электростанции. Журнал, в свою очередь, откликнулся на это событие. Уфимский корреспондент сообщал, что «осуществить 1 февраля постановление Уфимской думы о выкупе у Коншина электрической станции не удалось по вине Коншина, не пожелавшего согласиться на сумму, определённую городом по договору, и по состоянию станции. Город обратился к судебной защите, но обе стороны продолжают вести переговоры о мировом соглашении» [13, с. 472]. Важно отметить, что данный материал появился раньше, чем в редакцию была прислана книга Гаврилова, то есть между управой и журналом существовали разные каналы коммуникации.

Через месяц в материале, посвященном муниципальным хлебопекарням, упоминалось, что Уфимская городская дума «испрашивает на устройство механической пекарни 50000 р., хотя в 1915 г. её можно было оборудовать за сумму в три раза меньшую». В этом же номере публиковался перечень городов, «где было предположено ввести карточную систему». Уфа значилась в списке с пометкой: «продовольственная комиссия

предлагает для ускорения введения системы всем вступить в санитарно-благотворительное попечительство» [14, с. 599, 602]. С учетом крайней отрывочности источников по истории уфимского городского самоуправления военного периода каждая из таких публикаций превращается в важный исторический источник.

В целом, проведенный анализ позволяет достаточно высоко оценить степень вовлеченности Уфы в общероссийские процессы модернизации городского хозяйства. Идеи расширения муниципального сектора экономики нашли отражение в деятельности Уфимской городской думы и управы. В свою очередь, уфимские материалы были востребованы авторским коллективом «Городского дела». В редакционной статье «Значение городов» подчеркивалось, что Россия становится страной городов, а между тем «до недавних пор общественность в деле местного самоуправления знала одну форму, одну идеологию – земскую» [12, с. 1297]. Создав площадку для обмена опытом, редколлегия журнала, тем самым, оказала заметное влияние на формирование новой – городской – идеологии самоуправления.

Список источников и литературы

1. Адрес-календарь Уфимской губернии на 1916 год. Уфа: Электрическая губернская типография, 1916. 187 + 80 с.
2. Велихов Л. А. Первоначальные сведения о всероссийском съезде деятелей по городскому благоустройству // Городское дело. 1910. № 19. С. 1346–1360.
3. Гаврилов А.А. Выкуп Городской Центральной станции Н.В. Коншина. Уфа: Электрическая типо-литография Ф.Г. Соловьева, 1916. 140 с.
4. Городское дело. 1913. № 2.
5. Городское дело. 1914. № 4.
6. Городское дело. 1914. № 13-14.
7. Городское дело. 1915. № 4.
8. Городское дело. 1915. № 5.
9. Городское дело. 1915. № 6.
10. Городское дело. 1915. № 8.
11. Городское дело. 1915. № 10.
12. Городское дело. 1915. № 24.
13. Городское дело. 1916. № 9.
14. Городское дело. 1916. № 11–12.
15. Городское дело. 1916. № 18.
16. Енш А.К. Канализация городов // Городское дело. 1910. № 1. С. 60–68.
17. Журналы Уфимской городской думы. 1912 год. Уфа: Электрическая типо-литография Ф.Г. Соловьева, 1916. 977 с.
18. Нардова В.А. Нарастание оппозиционности органов городского самоуправления в канун Первой русской революции 1905-1907 годов / Новое о революции 1905–1907 годов в России. Л., 1989. С. 99–112.
19. Откуда берутся и на что расходуются городские средства в Мензелинске. Составил А.Н. Якимов. Уфа, 1916. 16 с.
20. Отчет Уфимского городского архитектора гражданского инженера С.С. Плудермахера по командировке его на 5-й всероссийский съезд зодчих, состоявшийся в гор. Москве с 15 по 22 декабря 1913 г. Уфа, 1914. 50 с.
21. Стрежнев С. Опыт краткой характеристики задач городского управления в деле народного образования. Составлено по поручению Уфимского городского головы. Уфа: Типо-литография Г. Соловьева, 1916. III + 52 с.
22. Уфимские губернские ведомости. 1905. 26 июня. № 136.

УДК 94(470.56)

Всеподданнейший отчет гражданского губернатора за 1843 г. о состоянии городов Оренбургской губернии

Семенова Н.Л.
г. Стерлитамак

Аннотация. В статье рассмотрено состояние городов Оренбургской губернии на основе всеподданнейшего отчета гражданского губернатора за 1843 г. Сведения о городах были помещены в разные разделы отчета и включали данные о количестве городов, их доходах и расходах, числе зданий, состоянии городской полиции, пожарной части, «народной нравственности», учебных заведений, типографий, газет, библиотек. Автор пришла к выводу, что данный вид источников отличался достаточно высокой степенью объективно-

сти, поэтому содержащаяся в отчетах информация может быть использована в исторических исследованиях.

Ключевые слова: Оренбургская губерния, губернатор, Комитет министров, всеподданнейший отчет, город, полиция, доходы, расходы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке СФ БашГУ (грант № В19-78 «Российская провинция в контексте экономического, общественно-политического и социокультурного развития в XIX-XX вв. (на примере Южного Урала)»

Изучение истории городов Южного Урала в первой половине XIX в. основывается на достаточно широком круге опубликованных и архивных документов. Среди опубликованных материалов большим информационным потенциалом обладают справочные издания, «историко-географические» и «историко-статистические» описания, описания путешественников, воспоминания и дневники [1; 2; 4; 5].

Особое место среди архивных материалов занимают отчеты губернаторов о состоянии вверенных им губерний, которые можно считать комплексными источниками, содержащими информацию о всех сторонах жизни губернии.

Целью нашей статьи является анализ сведений о городах и городском населении, содержащихся во всеподданнейшем отчете оренбургского гражданского губернатора И.Д. Талызина за 1843 г. [3].

В первой половине XIX в. четко выделяются два периода формирования системы губернаторской отчетности: первая треть XIX в. и период с 1837 г. по 1850-е гг. В рамках первого периода происходило утверждение норм и порядка представления регулярных систематических отчетов, проведения ежегодных губернаторских ревизий губерний, складывался формуляр отчета, утверждались правила сбора информации. В этот период содержание губернаторских отчетов во многом определялось собственными представлениями начальника губернии. На его содержание влияли особенности губернии и личного стиля губернатора. Порядок представления всеподданнейших губернаторских отчетов определялся именными указами и ведомственными циркулярами.

Начиная с 1837 г. губернаторский отчет приобрел статус «всеподданнейшего», установились его четкий формуляр, виды статистических таблиц и ведомостей, порядок сбора сведений. Согласно Наказу 1837 г. ежегодный губернаторский отчет делился на 16 статей, которые включали сведения о населении, состоянии урожая и народного продовольствия, здоровья, нравственности, состоянии преступности, устройство и порядок управления, положение городов, дорог, переправ, ярмарок, торгов, состояние недоимок и отправление повинностей, учебных заведений. В особые статьи были выделены «Разные сведения и замечания» и «Общие виды и предположения». Таким образом, формуляр губернаторских отчетов 1837 г. отказался от систематизации сведений по департаментам МВД, а приобрел ведомственный характер. Губернатор стал выступать в нем как чиновник Министерства внутренних дел.

Всеподданнейший отчет о состоянии Оренбургской губернии за 1843 г. был составлен в канцелярии гражданского губернатора И.Д. Талызина. Он делился на две части: собственно отчет и приложения к нему, включавшие ведомости и цифровой материал. Объем текстовой части губернаторского отчета составлял 36 страниц, а статистической – включал 27 ведомостей [3].

Сведения о городах Оренбургской губернии содержались в нескольких разделах губернаторского отчета и включали характеристику их внешнего облика, доходов, хозяйства, происшествий, деятельности городской полиции, обычаев местного населения, состояния образования и «народной нравственности».

Согласно всеподданнейшего отчета за 1843 г. в Оренбургской губернии насчитывалось 12 губернских и уездных городов, 1 заштатный, 2 посада, 1 местечко, 21 слобода, 249 сел, 4544 деревень [3, л. 66].

Города Оренбургской губернии представляли собой, прежде всего военно-административные центры, как правило, не имели мощеных улиц, площадей. Так, в отчете гражданского губернатора за 1843 г. говорилось, что «... в губернском городе Уфе иждивением самих жителей продолжалось устройство тротуаров на главных улицах и около торговых площадей. Улиц мощеных в городах не имеется, Новых частных домов выстроено всего 48, в том числе 5 каменных» [3, л. 16 об.]. Губернатор отмечал, что не везде обустройство городов происходит успешно, особенно в Белебее «...по незначительности и бедности городского общества и по жительству дворян более в своих поместьях» [3, л. 16 об.]. Количество домов и других зданий в Оренбургской губернии в 1843 г. представлено в таблице.

Таблица 1

Количество домов и других зданий в Оренбургской губернии в 1843 г. [Таблица составлена по:
НА РБ. Ф. И-6. Оп. 2. Д 59. Л. 66–68].

п/п	Город	Казенные дома		Частные дома		Другие заведения
		Камен- ные	Дере- вянные	Каменные	Деревян- ные	
	Уфа	10	2	49	1 493	Церкви – 11 Монастыри – 2 Мечети – 1 Гостиный двор – 1 Магазин – 1 Пороховой погреб – 1
	Оренбург	31	12	19	1 723	Церкви – 9 Мечети – 3 Магазинов – 5 Кордегардии – 3 Казармы – 7 Пороховые погреба – 3 Гостиный двор – 1 Караван сарай – 1
	Бирск	1	-	3	370	Церкви – 3 Магазины – 3
	Мензелинск	2	1	4	684	Церкви – 2 Магазины – 1
	Троицк	1	9	3	302	Церкви – 1 Часовни – 1 Мечети – 2 Магазины – 6 Пороховой погреб – 1
	Челябинск	2	2	3	593	Церкви – 3 Магазины – 4 Пороховой погреб – 1
	Верхнеуральск	1	3	-	695	Церкви – 3 Магазины – 5 Пороховой погреб – 1
	Бузулук	1	-	1	473	Церкви – 2
	Бугуруслан	2	3	17	611	Церкви – 2 Магазины – 3
	Бугульма	4	2	1	502	Церкви – 1 Часовни – 1 Магазины – 3
	Белебей	1	1	-	217	Церкви – 1 Мечети – 1
	Стерлитамак	1	1	2	381	Церкви – 1 Мечети – 1 Пороховой погреб – 1
	Итого:	57	36	102	8044	

Как свидетельствует таблица, самое большое количество каменных казенных зданий в 1843 г. было в Оренбурге (31), затем шла Уфа (10). Но общее количество всех каменных зданий (казенных и частных) в Уфе было больше – 59, в то время как в Оренбурге их насчитывалось – 50. Это можно объяснить тем, что Оренбург являлся столицей губернии, здесь находился военный губернатор, высшее губернское чиновничество, органы пограничного управления. Уфа была центром гражданского управления во главе с гражданским губернатором. Следовательно, каменные здания в 1840-е гг. строили казна и купцы.

Раздел всеподданнейшего отчета «Суд. Полиция. Народное здравие» включал анализ состояния городской полиции. Согласно выводам гражданского губернатора, в 1843 г. городская полиция в губернии действовала «без особых беспорядков». Одна из причин этого состояла в том, что по ходатайству губернского начальства были прибавлены помощники городничих в Бугульминскую, Мензелинскую, Троицкую и Бузулукскую полиции. Эта мера заметно усилила ее деятельность [3, л. 3 об.].

Вместе с тем, гражданский губернатор объективно писал о существующих нарушениях закона: Бугульминский городничий, «состоящий по армии поручик Дрейдер», был предан суду за злоупотребления при раздаче в 1841 г. ярмарочных помещений в Бугульме. Он же содержался под следствием по должности оренбургского полицмейстера, которую временно исполнял по распоряжению военного губернатора. Белебеевский и Троицкий городничие также подверглись «невыгодному сомнению» и оказались под следствием. Напротив, Бирская городская полиция находилась в полном порядке.

Обязательным пунктом всеподданнейшего отчета являлась характеристика пожарной части в городах губернии. Для Оренбургской губернии это имело особое значение, поскольку в первой половине XIX в. пожары случались очень часто. В Уфе пожары происходили почти ежегодно. Например, в 1821 г. сгорела почти половина домов в городе. В 1827 г. здесь была создана первая пожарная команда и появились пожарные вышки.

В 1843 г. в Уфе сгорело 3 частных дома, в уфимском уезде – 25, в Оренбургском уезде – 83 крестьянских дома, Троицке – 5 домов, в Челябине, Бугульме – по 1. Всего в Оренбургской губернии сгорело 784 дома и 7 мельниц. Среди основных причин гражданский губернатор назвал следующие: 3 пожара произошло от молнии; 35 – от неисправного состояния печей; 72 – от неизвестных причин; 6 – от поджогов и 668 домов сгорели от «распространения пожаров, начавшихся в других зданиях» [3, л. 110 об.]. Очень крупный пожар произошёл в Уральске, в ходе которого сгорело 168 домов.

Выводы гражданского губернатора И.Д. Талызина свидетельствовали о том, что пожарная часть была в исправном виде только в Уфе и Бирске, в прочих же городах – «неисправна и недостаточна по состоянию городов». Пожарная команда в Уфе насчитывала – 100, в Оренбурге – 6 человек, в остальных 10 городах действовали наряды от обывателей. Такой порядок нельзя признать удовлетворительным, поэтому, как писал гражданский губернатор, «ожидается разрешение на сделанное начальством представление о улучшении пожарной части» [3, л. 4 об.].

Согласно ведомостям, представленным в губернаторском отчете, в 1843 г. наблюдался рост городских доходов, который, по сравнению с 1842 г. составил 2312 руб. 35 коп. серебром. Однако доходы губернского города Уфы и трех уездных городов – Бугуруслана, Бузулука и Белебея – не покрывали их расходов, которые в основном распределялись на содержание «управления», полиции и гражданской части. Благоустройство городов происходило преимущественно за счет самих жителей.

В 1843 г. администрация Оренбургской губернии представила предложение в Комитет министров распространить на местную гимназию «преимущества, дарованные гимназиям Сибирским и Кавказской области» и обеспечить за счет казны обучение 20 воспитанников. Однако, как писал гражданский губернатора, инициатива пока не была осуществлена «за неимением в настоящее время помещения». В целом же, И.Д. Талызин заключал, что воспитание и образование детей в Оренбургской губернии «далеко не соответствует попечительности правительства, и большая часть жителей, коснея в неведении, не пользуются теми средствами которые повсюду учреждаются для народного образования» [3, л. 18].

В 1843 г. в Оренбургской губернии было две типографии. Одна из них находилась в Уфе при губернаторском правлении и служит для печатания указов, циркуляров, бланков и ведомостей. Кроме того, типография печатала губернскую газету. Интересно, что согласно отчету гражданского губернатора, в 1843 г. число подписчиков губернской газеты увеличилось до 84. Типографией заведовал чиновник особых поручений гражданского губернатора коллежский секретарь Маслов.

Другая типография была в Оренбурге при штабе Отдельного Оренбургского корпуса. Типографии выполняли не только государственные заказы, но и выполняли частные работы. Так, в 1843 г. за частные заказы было выручено 2000 рублей.

В отдельной комнате при Оренбургском дворянском собрании находилась губернская библиотека, которая комплектовалась за счет «присылки экземпляров по распоряжению министра внутренних дел».

Таким образом, всеподданнейшие отчеты оренбургских гражданских губернаторов представляли собой важный информационный канал, по которому в центр поступала информация о состоянии губернии, в том числе о состоянии городов. Сведения о городах были помещены в разные разделы отчета и включали данные о количестве городов, их доходах и расходах, числе зданий, состоянии городской полиции, пожарной части, «народной нравственности», учебных заведений, типографий, газет, библиотек. Учитывая особенности характера сбора информации и подготовки материалов для губернаторского отчета, можно сделать вывод о достаточно высокой степени объективности данного вида источников и возможности использования в исторических исследованиях.

Список источников и литературы

1. Арсеньев К.И. Статистические очерки России. СПб., 1848.
2. Дебу И.Л. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии. М., 1837.
3. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-6. Оп. 2. Д. 59.
4. Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, составленные в Статистическом отделении Совета Министра внутренних дел. СПб., 1840.
5. Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859.

РАЗДЕЛ 4. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ И МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ

УДК 94(470.57): 314.8"1920 "

Население Башкирской АССР в 1920-е годы

Залилова Л.Р.
г. Стерлитамак

Аннотация. Социальные бедствия и природные катаклизмы стали причиной девиантного поведения граждан, сыгравшие роль катализатора роста снижения численности, увеличения неполных семей, прости-туции, многоженства, детской беспризорности в Башкирской АССР. В исследуемый период наблюдается наибольшая диспропорция численности мужского и женского населения.

Ключевые слова. Башкирская АССР, население, голод, рождаемость, смертность, внутренняя миграция.

Национальный состав населения Башкирии на протяжении многих веков претерпевал изменения из-за притока в регион из многих губерний России граждан различных национальностей.

К 1917 году территория Башкирии включала в себя Оренбургскую, Уфимскую, частично Вятскую, Пермской и Самарской губерний. Полиэтнический состав населения региона включал в себя башкир, татар, русских, а также украинцев, белорусов, чувашей, марийцев, удмуртов, мордвы, латышей, в основном населявших Уфимский, Белебеевский, Бирский, Стерлитамакский и Зилаировский кантоны [3, с. 251].

Городское население было более восприимчивее к нововведениям советской власти в сфере семейно-брачных отношений. Города были экономико-политическими и культурными центрами, что было первопричиной массового притока населения из окраин республики. 1920-е годы обусловлены массовым переселением сельчан в города, что послужило изменением характерного поведения жителей в реалиях современности.

Неурожаи 1921-1922 гг. особенно остро был ощутим для жителей Южного Урала и Поволжья. Число голодающих на территории Башкирской АССР достигало двух миллионов человек. В эти годы основными причинами смерти являлись голод и инфекционные заболевания. В еду жители республики употребляли суррогатную продукцию, в результате чего вымикали целыми деревнями. Единственным выходом для выживания сельчане видели в переезде в город «чтобы прокормиться», бросая своих детей на произвол судьбы [5, л. 10]. Особенно трудно переживало эти времена население горно-лесных кантонов, именно в этих кантонах фиксировались многочисленные случаи людоедства и трупоедства. Так, например, на одном из сельских сходов в Уфимской губернии было подано прошение о легализации канибализма: «...отцы требовали от местных властей разрешения на убой своих детей» [6, л. 156]. Один из американских работников АРА в отчете о проделанной работе в Уфимской губернии писал, что в регионе в большинстве случаев жертвами канибализма становились дети, убитые обезумевшими от голода родными матерями [9, с. 56].

Наибольший процент естественной убыли населения совпадает с неурожайным 1922 годом. Уровень смертности достиг 25,9 %. Наряду с нищетой, голодом, антисанитарией ситуация усложнялась с быстрым распространением остроинфекционных заболеваний. Так, в регионе наблюдались массовые вспышки тифа, холеры, цинги и оспы, которые стали причиной смерти тысяч жителей республики. Примерно 40 % населения было охвачено эпидемией брюшного и сыпного тифа [3, с. 258]. Эпидемии ряда инфекционных заболеваний сохранялись вплоть до начала 1940-х гг.

Уровень смертности в период с 1921 по 1922 гг. по территории Уфимской губернии среди мужского населения достигало 95414 и среди женского – 70712. Активно осуществлялась внутренняя миграция, в результате чего уровень городского населения вырос на 63 %, а сельское сократилось на 10,5 %. Разрыв полового соотношения населения был достигнут в относительно нормальной тенденции, но все же результаты Первой мировой войны и голода были преодолены частично. Общая численность мужского населения в регионе составляла 1185789, а женского 1322681, то есть на 1000 мужчин приходилось 1134 женщины [4, с. 45]. Наибольшая диспропорция численности мужского и женского населения наблюдалась в возрастной группе от 20 до 39 лет, в результате чего было оказано негативное влияние на брачно-семейные отношения и половую мораль [8, с. 34–35].

В Башкирской АССР наблюдается резкое снижение материального благополучия большинства семей в виду потери кормильца, а также в результате либеральной политики советского государства в отношении брака в виде снижения авторитета института брака в обществе. Согласно статистическим данным, в отделах ЗАГС, ведущих деятельность на территории Уфимской губернии с 1 августа 1921 г. по 1 января 1922 г. рождений мужского пола было зарегистрировано – 14852, женского – 14184, число зарегистрированных смертей среди мужчин – 30781, женщин – 25258, число заключенных браков – 12237, фактов расторжения брака – 3167, заявлений о внебрачных детях подано 92 [1, с. 5–6].

Людские потери в результате Первой мировой и гражданской войны, голод и эпидемии инфекционных заболеваний не только сократили прирост, но стали причиной естественной убыли населения. Перепись населения, проведенная в 1926 г. общее число населения в регионе зафиксировала 2547 тысяч человек, что на 264 тысяч меньше, чем по данным переписи 1913 г. [2, с. 5]. Несмотря на интенсивный прирост населения, в период с 1925 по 1926 годы общая численность жителей республики не достигала уровня 1917 г. на 15,5 %. В 1926 г. в республике на 1000 женщин в возрасте 25–29 лет приходилось 742 мужчин, что свидетельствовало о сохранении половой диспропорции в обществе [7, с. 64].

События Первой Мировой и гражданской войны, революционных событий и борьбы за автономию привели к половой диспропорции населения. Социальные бедствия и природные катаклизмы стали причиной девиантного поведения граждан, сыгравшие роль катализатора роста снижения численности, увеличения неполных семей, проституции, многоженства, детской беспризорности в регионе.

Середина 1920-х гг. отличалась высокой рождаемостью и тенденцией к снижению уровня смертности населения, но рост ее показателей был довольно кратковременным. В 1930-х гг. в период бурных урбанизационных процессов и нестабильных общественно-политических событий смертность увеличивалась и рождаемость стекалась, что привело к нарушениям в половозрастной структуре населения республики.

Список источников и литературы

1. Башкирский народный комитет внутренних дел. С. 5–6.
2. Галин Р.А., Галина Л.Л. Население Республики Башкортостан: динамика и особенности формирования. Уфа, 1996. С. 5.
3. История Башкортостана 1917-1990-е годы. Т. 2: 1945-1990. Уфа. 2005. С. 258.
4. Кузьмин А.И. Семья на Урале: демографические аспекты выбора жизненного пути. Екатеринбург, 1993. С. 45.
5. НА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 500. Л. 10.
6. НА РБ. Ф. 122. Оп.7. Д. 126. Л. 156.
7. Население Башкортостана: XIX- XXI века. Стат. сб. Уфа, 2008. С. 64.
8. Нафиков З.З. Социалистическая семья: вопросы становления и развития (на примере Башкирской АССР). Уфа, 1974. С. 34–35.
9. Хмелевская Ю. О некоторых аспектах неформальной коммуникации о каннибализме в советской России во время голода 1921-1923 гг. // Слухи в России XIX-XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты в российской истории». Сб. ст. Челябинск. 2011. С. 56.

УДК 433.90

Динамика численности населения в уездах и городах Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

Кантимирова Р.И.
г. Стерлитамак

Аннотация. Статья посвящена исследованию динамики численности населения в уездах и городах Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Автор приходит к выводу, что после отмены крепостного права в условиях развития капитализма, заметно увеличилось народонаселение Уфимской губернии. Источниками роста населения являлись естественный приток крестьянского населения из центральных, западных и приволжских губерний.

Ключевые слова: Уфимская губерния, города, уезды, население, перепись населения.

Исследование выполнено при поддержке гранта СФ БашГУ, проект № В 19-76

После отмены крепостного права, в условиях развития капитализма, заметно увеличилось народонаселение Российской империи. За период с 1857 г. до первой всеобщей переписи 1897 г. оно возросло с 67,5 млн. до 116 млн. человек, то есть в 1,71 раза [1, с. 103]. Это было результатом роста рождаемости и уменьшения смертности населения.

Рост численности населения был характерен и для Уфимской губернии. В ней за период с 1865 по 1914 г. население увеличилось с 1 290 809 до 3 260 639 душ обоего пола [2, л. 4]. В абсолютном исчислении этот рост составил 1 969 830 человек или 150 %. То есть за 49 лет общая численность населения Уфимской губернии увеличилась в 2,5 раз. Однако по уездам показатели роста заметно колебались. В условиях развития капитализма увеличивалось как сельское, так и городское население. В 1870–1897 гг. в Уфимской губернии сельское

население выросло на 59,6 % (с 1 309 097 до 2 089 339 человек), городское – на 95,3 % (с 54 949 до 107 303 человек). Таким образом, в губернии темпы роста сельского населения были выше, чем по России в целом, а городского населения – почти на таком же уровне (в 1863–1897 гг. по Европейской России сельское население увеличилось на 48,5 %; городское – на 97 %) [5, с. 4–6].

На территории Уфимской губернии в 1865 г. насчитывалось 6 городов, из которых Уфа имела статус губернского города, Белебей, Стерлитамак, Мензелинск, Златоуст, Бирск – уездных городов. В 1863 г. во всех этих городах за исключением Уфы, Стерлитамака численность городских жителей едва достигала 5 тыс.

Сравнение данных за 1865, 1897, 1914 годы показывает неуклонный рост населения городов Уфимской губернии, значительно опережающий общее увеличение населения данного региона. За это время городское население Уфимской губернии увеличилось в 6,71 раза, а все население возросло только на 60 %. Общая численность городских жителей Уфимской губернии с 1863 по 1912 гг. ежегодно увеличивалась в среднем на 8461 чел. Естественный прирост в исследуемый период не имел определяющего влияния на численность и состав городских жителей. Наиболее интенсивный рост населения происходил во время, и после строительства Самаро-Оренбургской (1873–1876 гг.) и Самаро-Златоустовской (1886–1897 гг.) железных дорог, которые соединили Южный Урал с Центральной Россией.

Увеличение численности населения городов отнюдь не означало качественного изменения соотношения численности жителей городов и уездов Уфимской губернии [8, с. 2]. Доля городских жителей Уфимской губернии увеличилась от 4,01 % до 5,96%. Для ряда областей и губерний Европейской России доля городских жителей в 1897 г. составляла 12,80%, что свидетельствует о слабом развитии городской жизни на Южном Урале. Уфимская же губерния по удельному весу городских жителей занимала одно из последних мест в Российской империи [9, л. 10].

В начале XX в. Уфимская губерния по-прежнему оставалась регионом со значительным преобладанием сельского населения над городским. Общее количество жителей, проживавших в уездах Уфимской губернии, к 1914 г. составило 3 068 630 человек или 94,11 % от общего числа населения [3, л. 10].

Удельный вес городского населения Уфимской губернии был еще крайне низок. Об этом свидетельствует таблица 1.

Таблица 1

Численность населения в уездах и городах Уфимской губернии

Годы Города и уезды	1870		1897		1914	
	В абс. цифрах	В %	В абс. цифрах	В %	В абс. цифрах	В %
Мензелинск	4 913	0,37	7 552	0,34	8 247	0,25
Мензелинский уезд	260 437	19,10	372 429	16,95	514 618	15,78
Бирск	3 868	0,29	8 589	0,39	12 675	0,39
Бирский уезд	308 142	22,60	489 107	22,26	673 094	20,64
Белебей	2 514	0,18	5 835	0,26	6 857	0,21
Белебеевский уезд	265 561	19,46	427 344	19,45	657 807	20,17
Уфа	21 019	1,54	49 275	2,24	109 498	3,36
Уфимский уезд	188 029	13,79	323 631	14,73	481 168	14,76
Стерлитамак	5 896	0,43	15 550	0,70	17 937	0,55
Стерлитамакский уезд	185 770	13,61	311 832	14,19	495 111	15,19
Златоуст	16 684	1,22	20 502	0,93	36795	1,13
Златоустовский уезд	101 158	7,41	164 996	7,51	246832	7,57
Итого в городах	54 949	4,03	107 303	4,88	192 009	5,89
Итого в уездах	1 309 097	95,97	2 089 337	95,11	3 068 630	94,11
Итого в губернии	1 364 046	100	2 196 642	100	3 260 639	100

Подсчитано по данным: НА РБ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 890. Л. 4; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 45, тетрадь 1. С. 2–3; Обзор Уфимской губернии за 1914 г. Уфа, 1915.

К 1897 г. в Европейской России городское население достигло 12,80 % всего населения, а в Уфимской губернии оно составляло лишь 4,88 % всего населения губернии. Рост городского населения происходил, главным образом, за счет притока из деревни. Быстрее других городов росли Уфа, Златоуст, медленнее – Стерлитамак, Бирск, Мензелинск и Белебей.

К 1914 г. самыми крупными по числу жителей были города Уфа (109 498 человек) и Златоуст (36 795). В Стерлитамаке (17 937), Бирске (12 675), Мензелинске (8 247) и Белебее (6 857) рост населения был незначительным. В результате к 1914 г. в городах проживало 5,89 % всего населения губернии. Следовательно, несмотря на быстрое развитие промышленности, Уфимская губерния оставалась сельскохозяйственной окраиной Российского государства.

Под влиянием развивавшихся буржуазных отношений в Уфимской губернии изменялся сословный состав населения. Посмотрим таблицу 2.

Таблица 2

Динамика изменения численности населения
Уфимской губернии по сословиям

Годы	1870		1897	
	В абс. цифрах	В %	В абс. цифрах	В %
Сословия				
Дворяне	12 133	0,89	15 822	0,72
Духовенство	3 125	0,22	4 426	0,20
Купцы	4 270	0,31	1 876	0,09
Мещане	23 930	1,76	87 715	3,99
Крестьяне	1 281 566	93,95	2 081 284	94,74
Военнослужащие	33 211	2,44	-	-
Иностран. под.	495	0,03	341	0,02
Остальные	5316	0,40	5178	0,24
Итого	1 364 046	100	2 196 642	100

Подсчитано по данным: НА РБ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 890. Л. 7; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 45, тетрадь 2. С. 8.

Из таблицы видно, что в губернии среди сословий первое место по численности принадлежало крестьянам, удельный вес которых с 1870 по 1897 гг. увеличился с 93,95 % до 94,74 % всего населения. Второе место занимали мещане, составлявшие в 1865 г. 1,76 %, в 1897 г. – 3,99 % всего населения. Удельный вес дворянского сословия в 1870–1897 гг. сократился с 0,89 % до 0,72 %, духовенства – с 0,22 % до 0,20 %, купцов – с 0,31 % до 0,20 % всего населения. Иностранцев в губернии было немного (0,02 %), большинство их являлось германскими подданными [7, с. 38–40].

Развитие капитализма способствовало распространению грамотности среди населения. В 1897 г. в губерниях европейской части России грамотное население насчитывало 22,90 %. В Уфимской же губернии было только 16,70 % людей, знающих грамоту. По грамотности населения губерния занимала 43-е место среди губерний Европейской России [2, л. 7].

Таким образом, после отмены крепостного права в условиях развития капитализма, заметно увеличилось народонаселение Уфимской губернии. Источниками роста населения являлись естественный приток крестьянского населения из центральных, западных и приволжских губерний. В масштабах страны Уфимская губерния была умеренно заселенным регионом. В 1897 г. среди 50 губерний Европейской России по площади она занимала 10-е место, по количеству жителей – 17 место и по площади населения – 40-е [8, л. 2].

Список источников и литературы

1. Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XV – нач. XX вв.). М., 1973, с. 103.
2. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 9. Оп. 1. Д. 1675. Л. 4.
3. НА РБ. Ф. 11 ОП. 1. Д. 890. Л. 7.
4. Обзор Уфимской губернии за 1914 г. Уфа, 1915. С. 2–8.
5. Обзор Уфимской губернии за 1914 г. Уфа, 1915. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1675. Л. 4–6; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 28. С. 8.
6. Обзор Уфимской губернии за 1914 г. Уфа, 1915.
7. Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. С. 38–40.
8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи в 1897 г. МВД, 1904. XVIII. Оренбургская губерния. Л. 8. Тетрадь 2; Уфимская губерния. Л. 2–3; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 45, тетрадь 2. С. 2.
9. Списки населенных мест Российской империи по сведениям 1870 г. Уфимская губерния. XLV. СПб., 1870. Л. 10.

Эргонимы питейных заведений как показатель социально-экономического развития городов Республики Башкортостан

Кривицкая А.В.
г. Стерлитамак

Аннотация: В статье рассматривается ряд проблем, связанных с классификацией заимствований в современной эргонимии городов республики Башкортостан. Анализируются особенности топонимов, антропонимов тюркского и арабского происхождения, эргонимов, отображающих особенности разных стран.

Ключевые слова: эргонимы, заимствования, топонимы, антропонимы.

Развитие Российской Федерации в сфере социологии и экономики конца XX – начала XXI вв. находит отражения в русском языке, порождая появление большого количества предприятий разного профиля (в том числе, коммерческого), каждое из которых получает собственное название. На смену старым названиям приходят другие, «свежие», «модные», отвечающие новым тенденциям и явлениям в нашей мире. Проследить эти изменения представляется важным и интересным.

«Номинационный взрыв» современного города в начале XXI века обращает на себя внимание многих лингвистов, историков, географов, этнографов и даже психологов. Зачастую далеко не просто определить и раскрыть тайный смысл, который номинатор вложил в имя торгового объединения.

Все изменения в жизни общества, которое никогда не бывает статичным, отражает специфический пласт лексики – эргономия.

Важно отметить, что в современном языкознании наблюдается терминологический плюрализм в обозначении этого раздела ономастики. Кроме термина «эргоним» в работах встречаются и такие обозначения, как «эргонизм» (аналогично историзму), используемый по отношению к названиям организаций и предприятий, прекративших своё существование, «ойкодомонимы» – названия домов, связанных с наименованием магазина или банка, находящихся в доме, «эргоурбоним» – деловое объединение и объект на местности, «эмпороним» – названия магазинов.

Мы в нашей работе вслед за Н.В. Подольской [4, с. 151], используем термин «эргоним», поскольку те коммерческие объекты, названия которых являются предметом нашего исследования, – а это названия питейных заведений (места продажи и/или употребления алкогольной продукции – входят в различные категории онимов: эмпоронимы (магазины), клубонимы (клубы и другие увеселительные заведения), темонимы (объекты, функционирующие в правовом пространстве) и пр. Кроме того, мы учитываем тот факт, что этот термин отвечает таким современным требованиям, как краткость, системность, стилистическая, экспрессивная и модальная нейтральность, а также независимость от контекста.

Современный человек живет в веке глобализации и коммерциализации, где законы бизнеса проникают даже в самые «некоммерческие» области. Поэтому коммерческое имя объекта, приносящего доход в сфере услуг, промышленности или продаже становится исключительно важным.

В языковой ситуации городов республики Башкортостан, как и в других регионах, большой пласт лексики составляют иностранные слова. Это неудивительно, поскольку изменения в политической и культурной жизни регионов России повлекли за собой активное сотрудничество с зарубежными государствами, а усиление международных связей способствовало наплыву иноязычной лексики [3, с. 183]. Иноязычные названия в эргонимах питейных заведений представлены разными способами. Выделим некоторые из них:

1) эргонимы, образованные от заимствованных топонимов

Данный факт говорит об актуализации географической тематики: «Берлин» (столица Германии), «Бавария» (земля в Германии), «Бухарест» (столица Румынии), «Старая Прага» (столица Чехии), «Амстердам» (столица Нидерландов), «Бристоль» (населенный пункт в Великобритании), «Амазонка» (река в Америке), «Чикаго» (город в США), «Эверест» (высочайшая вершина в Гималаях), «Тартуга» (исп. Черепаха – остров в Карибском море), «Арега» (район в Португалии).

2) эргонимы, отражающие особенности разных стран

Двнные эргонимы часто характеризующие национальную принадлежность предлагаемого товара: «BARBOSS ireland's PUB», «Натюрлих» (нем. Natürlich - конечно), «Кавказская пленница», «Мимино» (груз. сокол), «Медео» (каз. Поддержка, опора), «Амигос» (исп. Amigo - друг), «Бон аппети» (фр. Bon appetit – приятного аппетита), «McHighlander» (шотл. Мой горец), «Centootto» (итал. Сто восемь), «Bravo!» (итал. Похвала в адрес исполнителей оперы [2, с. 61].

3) эргонимы, подтверждающие звание города–мегаполиса.

Данные эргонимы содержат иноязычные компоненты и отражают реалии зарубежных стран: «BEER» (пиво), «Rest-Time» (время отдыха) или названия, отражающие особенности разных стран и часто характери-

зующие национальную принадлежность предлагаемого товара: «BARBOSS ireland`s PUB», «Натюрлих» (нем. Natürlich – конечно), «Кавказская пленница», «Мимино» (груз. сокол), «Амигос» (исп. Amigo – друг), «Бон аппети» (фр. Bon appetit – приятного аппетита).

Наличие эргонимов, отражающих иноязычные реалии, позволяет утверждать, что города республики Башкортостан (например, Уфа, Стерлитамак) представляют собой полиэтничный мегаполис, в котором активно используется иноязычная лексика, во-вторых, крупный центр, сотрудничающий с различными странами.

4) Эргонимы тюркского и арабского происхождения

Данные эргонимы особенно актуальны в городах республики Башкортостан, поскольку в республике сосуществуют ислам и христианство, а башкирский и русский языки признаны государственными. Эргонимы, указывающие на полиэтничность республики, представлены названиями, отражающими национальную специфику русского и тюркских народов. Это обусловлено тем, что основную массу среди людей разных национальностей, проживающих в Уфе, составляют (с учетом численности) русские, башкиры и татары. «Бай» (тюрк. Богач, крупный землевладелец, скотовод, торговец), «Ватан» (араб. Отечество, Родина), «БА-БАЙБЕЕР» (здесь и иноязычное «беег» (пиво), и тюркское «бабай» в значении «дед, дедушка»). Некоторые названия продублированы на двух языках, например, «Инкеш/Шмель».

Особое значение для республики имеют эргонимы-имена тюркского и арабского происхождения: «Аниса» (женское имя; араб. Дружелюбная собеседница); «Кай» (ряз. Договор, Обет) – мужское имя (в переводе с греч. Рожденный землей). Данное название носит группа островов в Афуруском море. Кай в переводе с тюркского языка «крепкий».

Мужское имя «Алан» (у евреев Алел или Алон – «дуб») переводится с кельтского как «скала» или «красивый», с французского – «согласие», а с иранского – «божественный». Так же есть версия, что это имя произошло от названия древнего племени аланов, предков современных осетин. Алан в переводе с тюркского языка «поляна, равнина».

«Арабелла» имеет несколько происхождений: от латинского «ogabilis» («ogare» – молиться, «abili» – способности) и интерпретируется как «посвященная молитве»; от латинского «Amabilis» – «привлекательная»; от названия арабского народа – в переводе буквально означает «арабская женщина». Данное название имеет трёхпалубный модернизированный круизный речной теплоход, эксплуатирующийся в бассейне реки Волга. «Алладин» – арабское имя означает в переводе «религия Аллаха- ислам» или «верящий в бога».

Таким образом, языковая ситуация любого региона оказывает воздействие на процессы формирования его эргонимического пространства. Эргонимы представляют особый интерес для научных исследований, поскольку этот пласт лексики содержит богатую информацию об истории и современном состоянии самого региона, о развитии культуры проживающих в нем народов и их языков. В эргонимах находят отражение изменения, происходящие в общественной жизни города и всего региона. Названия коммерческих предприятий несут на себе отпечаток жизни и деятельности народа, в связи с чем на формирование и развитие эргонимии определенного народа, кроме лингвистических факторов, огромное влияние оказывают экстралингвистические факторы. Вследствие этого в эргонимах отражаются языковой облик современного города, городская лингвокультура. Каждое название несет в себе определенную информацию, в названиях отражаются нравы, обычаи, традиции и культурные взаимосвязи совместно проживающих народов.

Список источников и литературы

1. Емельянова А.М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтничного города: Автореф. дис... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 23 с.
2. Кривицкая А.В. Заимствования в эргонимах питейных заведений Республики Башкортостан // Славянские чтения 2019: Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 25-26 апреля 2019 г. / Отв. ред. Л.В. Климина. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2019. С. 58–62.
3. Кривицкая А.В. Эргонимы в поликультурном пространстве // Актуальные исследования языка и культуры: теоретические и прикладные аспекты: материалы II Всерос. науч.-практ. конф., 11-12 апр. 2019г. / отв. ред. Е.А. Денисова. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2019. С. 181–184.
4. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 192 с.

Аннотация. В статье рассмотрены причины и последствия голода в «Малой Башкирии» в 1921–1922 гг. Автор приходит к выводу, что причинами голода являлась продразверстка, низкий уровень развития земледелия у кочевых народов, низкая урожайность. Особое внимание уделено сокращению численности башкирского населения и распространению эпидемиологических заболеваний.

Ключевые слова: голод, Башкирия, последствия, Поволжье, продразверстка.

Исследование выполнено при поддержке гранта СФ БашГУ, проект № В 19-76

Во времена гражданской войны на территории России был массовый голод. Сложной ситуация была на территории Поволжья, так как там голод был наиболее массовым и длительным по времени. Основная волна голода происходила с осени 1921 по весну 1922 года, но часть современных исследователей, например, Андрей Артемов отмечает, что в некоторых регионах, массовое голодание регистрировалось с осени 1920 – до начала лета 1923 года [1, с. 2–3]. Согласно статистике, во время голода погибло около 5 миллионов человек [8, с. 446]. Для борьбы с голодом большевики принимали помощь у капиталистических стран, которые были их противниками. Голод использовали в своих целях, для атаки властями на православную церковь, то есть отниманием церковных ценностей для победы над голодом.

На территории Башкирии, народ был доведен до нищеты, отчасти и голодной смерти. Ситуация была крайне печальной и тяжелой. Видя все происходящее, устаревший валидовский Башревком различными методами мешал центральному Российским властям в проведении продразверстки на территории. В то время продразверстка действовала достаточно эффективно, исполнение по РСФСР составляло 70 %, в то время как на I Съезде Советов Башкортостана были подведены итоги, которые заявляли, выполнение продразверстки не превышало 13–30 %. Около июня 1920 года ситуация неожиданно изменилась, после того как был совершен коммунистический переворот и к власти в Башкирии пришло новое правительство, которое именовалось как мансыревско-шамигуловское. После чего около 700 солдат продразверстки ежедневно занимались изъятием, грабежом продовольствия у народа. Естественно процент продразверстки начал расти быстрыми темпами и уже к 9 ноября 1920 г. процент исполнения продразверстки составлял 33 %. За короткий срок по республике было изъято около 3 млн. пудов зерна. В одном из документов от 21 марта 1921 г. записано, что население Бурзян-Тангауровского кантона, которое достаточно пострадало от террора и грабежей продармейцев «никаких содействий не оказывается». Итогом всего стало страшное признание: «положение башкир в горах критическое, тысячи голодных, голых башкир с 3–4-летнего возраста до 80 лет обоих полов странствуют по русским селениям в поисках хлеба, меняют последние остатки хозяйства, как самовары, посуду и др. на хлеб. Настроение у башкирского населения отчаянное, народ гибнет...» [6, с. 14–96].

Голод 1921–1922 гг. вошел в каждую деревню, но наибольшие потери понесла юго-восточная часть республики, а это была именно та часть, где как раз и проживали истинно коренные башкиры. Итоги голода были катастрофически тяжелыми, а потери среди населения невозполнимы для республики.

В юго-восточном Башкортостане основные причины голода отличались от причин по Республике. Эта разновидность обусловлена тем, что хозяйственная деятельность коренного населения промыслы и полукочевое скотоводство, вследствие чего развитие земледелия было на низком уровне и это не позволяло иметь некий резерв зерна, что бы пережить голод. А вот с юго-восточным регионом было все иначе, он подвергся достаточно жесткому грабежу в марте – апреле 1919 г., чего смогли избежать другие регионы Республики. В 1920–1921 гг. происходило уничтожение повстанческого движения, которое проводилось широкомасштабным террором, грабежами, изъятием имущества, насильственным изъятием продовольствия у башкирского населения. Все эти события привели к тому, что в 1920 г. юго-восточные башкиры голодали. На год раньше чем в остальных регионах, коренные жители умирали от голода в 1920 г. Причинами голода являются последствия Первой мировой и гражданской войн, а также новая продовольственная политика коммунистических властей против своего народа, лишившая последних запасов продуктов питания населения за счет политики продналога и продразверстки. Одной из главной причиной голода считаются, так же стихийное бедствие и засуха в 1921 г.

Согласно статистическим данным, посевные площади в Башкирии за 1914–1920 гг. сократились на 61 %, количество скота у населения на 55 % [9, с. 398].

Народы Башкирии голодали и раньше. Следует учесть, что за период 1865–1915 гг. в Башкортостане лишь однажды, в 1891–1892 гг., произошло уменьшение населения на 0,5 %, в остальные голодные годы,

уменьшались лишь темпы прироста [5, с. 80–83]. Вся вина за голод 1921–1922 гг. ложится на политику большевиков.

По свидетельству одного из самого знаменитого народного поэта Башкортостана Мажита Гафури, который своими глазами наблюдал ужасы голода того времени, народ проживавший на юго-восточной территории республики массово стал голодать с января – февраля 1921 г. Уже спустя месяц голод охватил и Уфу. «Словами не расскажешь, что творится в Тамьян-Катайском кантоне, – пишет Мажит Гафури. – Целыми семьями умирают с голода. Голыми сидят взаперти в своих домах, как дикие народы. О муке и хлебе не вспоминают. Что и скота осталось после разверстки, все съедено. Обязательные госналоги продолжают душить их; разверстку заставляют заплатить. Кому платить нечем, тот продает последнее, что есть – таким образом, расплачивается. Многие всю зиму питались древесной корой... Некоторые, чтобы не слышать голодного плача своих детей, отвозят их в глухие леса и там оставляют умирать. У этих бедных нет никаких надежд... Человеческих качеств у них не осталось, дух исчез. Эти жалкие существа опустились до уровня животных, съедают, что попало и ждут своей смерти. Если так будет продолжаться, они умрут все. Никто не слышит их стоны, никто им руки помощи не протягивает... От этого народа, проживающего в дебрях Урала, возможно, останется лишь название, имя в истории...» [2, с. 156–159].

Стоит отметить, что до конца августа 1921 г. голодающему башкирскому народу не оказывали помощь и поддержку. В 1921 г. по всей стране голодало всего лишь 10 %, когда в свою очередь в Башкортостане показатели голода достигали – 90 % [6, с. 14–96].

На втором съезде, обсуждался вопрос голода 1921–1922 гг., на котором подвели итоги 1921 г. в этот год было собрано урожая зерновых культур всего 1059000 пудов, приблизительно пуд приходился на одного человека. Естественно этого было очень мало и не хватило даже на два месяца. В след за голодом на территории республики начали распространяться холера и тиф. Это распространение эпидемических заболеваний привело к сокращению на территории башкирского населения и сокращение на 29,1 % [6, с. 14–96].

По данным за декабрь 1921 г. голодало:

– в Бурзян-Тангауровском кантоне – 75660 человек или три четвертых населения;

– в Тамьян-Катайском кантоне – 76158 человек или половина населения (башкиры как раз составляют половину населения кантона);

– в Усерганском кантоне – 48820 человек, что равно 50 % населения кантона [8, с. 446–550].

Нужно выделить тот факт, что 90 % голодающих составляли башкиры; среди русского населения люди так же умирали от голода и болезней, но их численность жертв не была настолько велика, как у башкир. Скорее всего, дело было в том, что русские больше занимались земледелием, в отличие от башкир и у них оставались запасы хлеба. Принято считать, что основными жертвами голода стали, более половины башкир и около 40 % татарского населения [3, с. 120–124].

В 1906 г. в Республике собрали среднее количество урожая, примерно 20 пудов с десятины, в 1911 г. – 6,9 пудов, а вот в 1921 г., как раз во время голода, всего – 2.1 пуда [10, с. 5–60].

В январе 1923 г. в Тамьян-Катайский кантон прибыл председатель ВЦИК М.И. Калинин, практически сразу он обратил внимание на то, что «в деревнях абсолютно почти не имеется скота, даже редко можно встретить кошек и собак, которых при таком ужасном голоде употребили в пищу» [6, с. 14–96]. В д. Хамитово Узьянской волости Тамьян-Катайского кантона до начала голода проживало около 300 душ населения, 80 домохозяйств, 380 рабочих лошадей, 400 коров. После прошедшей волны голода осталось 162 души населения, 48 домохозяйств, 15 рабочих лошадей, 10 коров – это в несколько десятков, а то и сотен раз был меньше чем, до голода. В д. Казмашево ситуация наблюдалась ужасающая. До голода имелось 11 домохозяйств, 45 душ населения, 55 рабочих лошадей, 70 коров. После прошедшей волны голода осталось одно домохозяйство, лошадей и коров – не наблюдалось, по всей видимости, их употребили в пищу. В с. Серменово проживало более 5000 человек, после голода численность населения сократилась более чем в половину и составила 1860 человек [5, с. 80–83].

В других кантонах ситуация была не лучше. Например, в Бурзян-Тангауровском кантоне, там доходило до того, что исчезали целые деревни и села. Так, исчезли такие деревни, как Байрамгулово, Яикбаево, Гадельгареево и др. В источниках отмечается, что в Темясово лежат не захороненными 70, в Юлуке – 50, в Билалово – 48 трупов. «90 % населения кантона страдает от голода» [7, с. 68–69]. Тяжелее приходилось тем, кто проживал в горно-лесных волостях. Башпомгол информировал, что: «Положение в горных деревушках Башкирии ужасное, мучительное. Голодных масса. Умирают от голода целые семьи, вымирают целые деревни» [5, с. 80–83].

Кооперативные объединения активно участвовали в организации помощи голодающим. Успешно была оказана помощь в Бурзян-Тангауровском кантоне, по линии кооперативного объединения в 26 столовых в январе 1922 г. питались 2500 человек, в феврале – в 36 столовых – 4000 человек, в марте – 4500, в апреле – 6000 человек [6, с. 14–96].

Человек находился в ужаснейших условиях, вследствие чего начала происходить его деградация: было зафиксировано 55 фактов людоедства, 920 случаев трупоедства. В апреле 1922 г. вышло постановление правительства «О людоедстве» [5, с. 80–83].

В Байсакаловской (горно-лесной) волости Тамьян-Катайского кантона. 1 января 1922 г. насчитывалось около 720 душ. В течение месяца от голода погибло 30 человек. В феврале осталось 690 человек, мучаются от голода – 690. Вскоре умерло еще 35 людей. В этом же месяце открывают столовую, где нашли пропитание 11 взрослых и 43 детей. В следующем месяце численность умерших составила 24 человека, в апреле – 30 человек, в мае – 22 человек. В июне от голода скончались еще 33 человека. В июле умерло еще 15 человек. В августе, голод не унес ни одной жизни, численность населения составила 524 человека. В июле 1922 г. благодаря оказанию помощи голодающему населению организацией «АРА» продовольствие получали 150 детей и 270 взрослых. Постепенно смерть от голода начала отступать.

Таким образом, масштабы голода и его последствия наиболее остро и жесточайшим образом оказались на юго-восточной территории Башкирии, там, где была сосредоточена основная масса Башкирского населения и наблюдалось отставание региона в социально-экономической сфере [3, с. 120–124].

Список источников и литературы

1. Артемов А.К. Голод в Поволжье – страшная страница истории Самарского края «Другой город» самарский интернет-журнал. 2018. С. 2–3. [Электронный ресурс]. URL6: <http://drugoigorod.ru>.
2. Гафури М. Ужасы голода. Страницы дневника // Ватандаш. 1997. № 3. С. 156–159.
3. Давлетшин Р. Г. Голод 1921–1922 гг. // Ватандаш. 1997. № 3. С. 120–124.
4. Десять лет Башкирии. Уфа, 1929. Издание Правительства Башкирской АССР, 1929. С. 30.
5. Зарипов А.Б. Голод 1921–1922 гг. в «Малой Башкирии» и его особенности // Труды Сибайского института Башкирского Государственного университета: Сборник статей. Сибай: Издание Сибайского института БГУ, 2001. 152 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://urgaza.ru/library-portal/articles/299/1812>
6. Калинин М.И. в Башкирской АССР. М.: Просвет, 1998. С. 14–96.
7. Каракулов Д.В. Голод 1921–1922 гг. на Урале. Уфа, 2000. С. 68–69.
8. Кондратов С. А. Энциклопедия в 4 томах. Революция и гражданская война в России: 1917–1923 гг. М.: Терра, 2008. Т. 1. С. 446–560.
9. Кульшарипов М.М. История Башкирского народа. 2010. 398 с.
10. Линькова А.П. Документы Сызранского филиала ЦГА Самарской области о деятельности АРА в Поволжье в 1921–1923 гг., 2009. №1. С. 55–60.
11. Советская Башкирия. Исторические очерки. Уфа, 1957. 112 с.
12. Сайранов Х.С. Упрочение Советской власти в Башкирии. Уфа, 1957. 118 с.

УДК 94(47).066

Роль Жалованной грамоты городам 1785 г. в сословной политике Екатерины II

Мухаметдинова А.В., Семенова Н.Л.
г. Стерлитамак

Аннотация. В статье сделана попытка провести анализ правового положения сословий, которые были выделены Екатериной II в «Жалованной грамоте городам» 1785 г. По мнению автора, одним из результатов введения грамоты городам стало появление единого городского общества, объединяющего отдельные сословия, имеющими права и обязанности.

Ключевые слова: «Жалованная грамота городам», сословия, мещанин, городские обыватели, обывательская книга, сословная политика Екатерины II.

Актуальность выбранной темы определяется той важной ролью, которую Екатерина II отводила сословиям в своей внутренней политике. В отечественной историографии сословная политика императрицы становилась предметом анализа ученых. В дореволюционной историографии А.А. Кизеветтер дал оценку «Жалованной грамоте городам» Екатерины II. Как считал историк, грамота не изменила основ городского строя, поэтому попыток объединения городского населения в одно общество, как единое сословие, невозможно увидеть. Современный исследователь А.Б. Каменский наоборот считает, что грамота принесла новые аспекты в организацию городского общества. Так, например, проживание в городе означало принадлежность его к городскому сословию, и таким образом, грамота хотя и прописывала положения отдельных слоев (сословий) общества, но в то же время способствовала ее консолидации [4, с. 451]. Данную идею поддерживает и Б.Н. Мионов, считая, что «Жалованная грамота городам» способствовало формированию города как единое юридическое лицо. При этом историк отмечает, грамоту как переломный момент в истории российского города, когда вместо городской общины приходит «общество градское» (или гражданское общество).

Тем не менее, на наш взгляд, проблема разделения городского населения Российской империи согласно «Жалованной грамоте городам» требует более пристального рассмотрения в контексте проблемы «просвещенного абсолютизма» Екатерины II.

Целью данной работы является попытка изучить текст «Жалованной грамоты городам», выделить сословия, которые согласно документу, должны были составить городское население, проанализировать их правовое положение, права и привилегии, определить их место во внутренней политике Екатерины Великой.

21 апреля 1785 г. была опубликована «Грамота на права и выгоды городам Российской империи», причину создания которой чаще связывают с необходимостью завершения преобразования города и модернизации общества, начатую еще реформой 1775 года. «Грамоту на права и выгоды городам Российской империи» в историографии чаще именуют как «Жалованная грамота городам». А. Б. Каменский считает, что использование слова «жалованная», прежде всего, связано с тем, что императрица «жалует» данную грамоту сословиям и устанавливает между сословиями и престолом вассально-сюзеренные отношения [5, с. 440], правитель выступает сюзереном, а городское сословие, несмотря на всю свою пестроту, вассалом. Если рассматривать данный аспект с точки зрения «Просвещенного абсолютизма», то Екатерина Великая предстает в роли «просвещенного монарха», который заботиться о свободах и правах каждого сословия, поэтому дарует им «Жалованную грамоту городам». В свою очередь, городское население должно следовать за просвещенным монархом и также заботиться о благе государства.

«Жалованная грамота городам» не была компиляцией уже существующих привилегий и положений сословия, как это было сформировано в «Жалованной грамоте дворянству» [4, с. 248], составленной также Екатериной II. Грамота городам вносила новые положения третьему (городскому) сословию, и лишь краевугольно затрагивала два первых сословия – духовенство и дворянство. Очень важно то, что данный законодательный акт был адресован не лично сословию, а всем городам, предусматривая и городоустройство.

«Жалованная грамота городам» состояла из манифеста, шестнадцати разделов и ста семидесяти восьми статей. В манифесте Екатерина II обращает внимание на то, что города всегда способствовали развитию торговли, ремесел, промыслов и объединению населения. И цель данного законодательного акта, «Жалованной грамоты городам», Екатерина Великая видит в объединении всего городского населения в одно общество – в юридическую корпорацию. Такая единая корпорация способствовала бы упрощению проведения каких-либо политических мер и способствовала бы объединению населения, взаимодействию, развитию экономической сферы.

В начале рассматриваются основные вопросы планирования и строительства городов, второе – это мещанские повинности, обывательские книги, все аспекты, касающиеся сословий, и третьим императрица затрагивает городское самоуправление. Для изучения особый интерес имеют, конечно же, отражение сословной политики в данной грамоте, то как Екатерина II прописывает положение, привилегии и обязанности каждой группы, при этом объединяя их как общее – третье (городское) сословие.

Все городское население императрица формально делит на шесть групп, при этом каждая группа имеет свои права и привилегии, то есть устанавливается стратификация между сословиями. При этом отмечалось, все рядовых жителей города объединяет общее почетное звание «мещанин», которое, как и дворянин, наследуется, и человек может быть лишен данного звания лишь по решению суда [5, с. 441].

В городах создаются обывательские книги, в которые записываются все жители города: «55. В городской обывательской книге вписать имя и прозвание всякого гражданина в том городе дом или строение, или землю имеющего, или в гильдии или в цехе записанного, или мещанским промыслом промышленяющего» [2, с. 363]. Самые знатные лица записывались в первые части книг, а далее следовали менее знатные лица, и в последнюю, шестую часть книги, входили обыденные горожане, занимавшиеся промыслом или рукоделием. Данная стратификация выглядела следующим образом: в первую группу входили «настоящие городские обыватели» – владельцы недвижимости из дворян, чиновников и духовенства; во вторую – купцы трех гильдий; в третью – ремесленники, записанные в цехи; в четвертую группу входили иностранцы и иногородние граждане; в пятую – «именитые граждане» (имели 7 категорий: дважды с похвалой отслужившие на выборных должностях; ученые, имеющие академические и университетские аттестаты; дипломированные художники; лица, объявившие капитал свыше 50 тыс. руб.; банкиры с капиталом 100–200 тыс. руб.; оптовые торговцы; кораблехозяева) и в шестую – «посадские» (все остальные граждане, занимающиеся в городе промыслами или рукоделием).

Первая группа – это дворянство, духовенство и чиновничество. Примечательно то, что при Петре I дворяне и духовные лица не включались в состав городского населения и рассматривались отдельно, а Екатерина II первая из монархов, кто изменил этот принцип и в своей «Жалованной грамоте городам» включает данные два сословия в «настоящих городских обывателей». Возможно, таким образом императрица стремилась ввести данные два привилегированных сословия в городское управление. Однако грамота отдельно не затрагивает положение первой группы, это можно объяснить тем, что Екатерина Великая для дворянского сословия издала отдельную жалованную грамоту, в которой более подробно расписывается положение дворянства.

Наиболее подробно «Жалованная грамота» рассматривает вторую группу – гильдии купцов. В данное сословие включаются купцы, чей доход от 1000 до 50 000 рублей в год, также грамота утверждает исключать купца из данной группы при банкротстве. Все три гильдии купцов получают право заменять рекрутскую по-

винность денежным. Освобождаются от услужения в следующих казенных службах: продажа соли и вина (так как принадлежало казне), «к смотрению казне принадлежащего» и в другие службы, как целовальник, ларечный и т.д. Само купечество разделялось еще на три гильдии, которые имели ряд своих привилегий и обязанностей. Разделение на гильдии было необходимо с целью упорядочения, ведь купеческое сословие было многочисленным, а, во-вторых, каждый купец имел разный капитал, что обуславливало невозможность установления единого размера налога с продаж.

Первая гильдия состояла из лиц обоего пола и разного возраста, имеющих капитал от 10 000 до 50 000 рублей. Купцы первой гильдии могли торговать как внутри страны, так и за ее пределами, также разрешалось иметь фабрики, заводы, морские суда. По городу представители первой гильдии могли разъезжать на карете с парными конями. Весьма было важно то, что первая гильдия, как и дворяне, освобождалась от телесного наказания [2, с. 368].

Во вторую гильдию входили представители обоего пола и разных лет, чей доход был от 5 000 до 10 000 рублей. Купцы второй гильдии торговали внутри империи только, могли торговать оптом и в розницу, владеть фабрикой, заводом и речным судом. Также освобождалась от телесных наказаний и разрешалось ездить по городу «в коляске парною» [2, с. 369].

Третья гильдия – это купцы разных лет и обоего пола, имеющие капитал от 1 000 до 5 000 рублей. Купечество третьей гильдии могло торговать лишь в городе или уезде, то есть в местных ярмарках и малых торжках. И купцы данной гильдии могли владеть малыми речными судами, станами, трактирами, гербергами, торговыми банями, постоялыми дворами, заниматься рукоделием, и запрещалось впрягать в коляску более одной лошади [2, с. 369].

Обобщая положения по купечеству, можно сказать, что из всех сословий, указанных в «Жалованной грамоте городам» (конечно же, кроме дворянства), они получили больше всех прав и привилегий, что две первые гильдии по своему положению приближались к дворянству. Также расширились возможности для участия купцов в городском самоуправлении посредством избрания в городские думы, магистраты.

Третья группа сословия, которая была отражена в «Жалованной грамоте городам», – это ремесленники. Екатерина устанавливает цехи во главе с Управками, которые организуют деятельность цеховых ремесленников. Как подмечает А.Б. Каменский, в Европе цехи были пережитками Средневековья и уже изживали свое, а в России Екатерина II лишь вводила их. Историк это связывает тем, что Екатерина Великая скорее придерживалась мысли о недостаточном экономическом развитии в России, поэтому цехи должны были наоборот способствовать данному развитию [5, с. 442]. Императрица прописывала следующий ряд обязательств для ремесленников: ремеслом разрешалось заниматься, но надо было обязательно вступать в цехи, запрещается вступать в цехи других государств и отдавать своих учеников в подмастерье в иностранные цехи. Далее затрагивается вопрос самоуправления цехов через избрание управного старшины и двух старшинских товарищей из числа мастеров, состоящих в цехе, подробно рассматриваются взаимоотношения в цехе: между мастером и Управой или мастером и учеником и т.д. Екатерина Великая, устанавливая такую четкую регламентацию, стремилась, чтобы система цехов прижилась в российской экономике и способствовала бы ее развитию.

Четвертой группой выделялись иностранцы, иногородние, проживающие в данном городе в связи с обстоятельствами. Им разрешалось «справлять» свою веру, если они иноверцы. Весьма главный аспект то, что иностранцы могли владеть заводом, фабрикой или мануфактурой на территориях российских губерний. Вводя данное разрешение, Екатерина II, конечно же, стремилась к привлечению иностранного капитала для развития российской экономики, так как российского государственного и частного капитала на развитие промышленности, аграрного сектора в стране не хватало.

В пятую группу были определены «именитые граждане», в состав этого сословия входили лица, дважды с похвалой отслужившие на выборных должностях; ученые, имеющие академические и университетские аттестаты; дипломированные архитекторы, живописцы, скульпторы или «музыкочинители»; лица, объявившие капитал свыше 50 тыс. руб.; банкиры с капиталом 100–200 тыс. руб.; оптовые торговцы; «кораблехозяева». «Именным гражданам» разрешалось иметь фабрики, заводы, морские и речные суда, за городом дворы, сады. Также данная категория населения освобождалась от телесных наказаний и могли ездить на карете запряженную двумя-четырьмя конями. В третьем поколении по исполнению 30 лет потомок «именных граждан» мог просить дворянство [2, с. 381].

Шестую группу императрица назвала «посадскими», он объединял всех рядовых горожан. В посад мог записаться каждый. Посадские могли иметь лавку, трактиры, герберги, торговые бани, харчевни, постоялые дворы, станы и заниматься рукоделием. Также мог помышлять мелкой торговлей плодов и овощей, вступать в казенные подряды и откупы, ездить на карете с двойкой. Не смотря на некоторые нововведения, «Жалованная грамота городам» не меняла основ сословной организации посадского населения, как и раньше основное требование к посаду оставалось платить посадскую подать, а условиями, указанными в грамоте, мог воспользоваться ни каждый.

Подводя итог исследованию по теме: «Роль жалованной грамоты городам 1785 г. в сословной политике Екатерины II, можно сказать, что Екатерина II хотя и четко регламентировала положения разных сословий, тем самым разделяя все население на группы, но все же с «Жалованной грамотой городам» возникает некото-

рая идея общности, единства городского населения. Поэтому В.О. Ключевский назвал «Жалованную грамоту городам» «замечательной попыткой» правительства в деле уравнивания и сближения русских сословий, то есть законодатели пытались решить одновременно две взаимоисключающие задачи: с одной стороны, объединить городское население в градское общество, с другой – разделить его на отдельные сословия [3].

Но суть данной грамоты императрицы сводилась не только к объединению всех групп населения, но и приданию некоторой структуры российскому обществу. Как пишет Б.Н. Миронов в своей работе, именно с изданием «Жалованной грамоты городам», происходит переход от городской общины в городское общество, возникают понятия «общество градское» и «гражданское общество» [6, с. 495]. Таким образом, можно сказать, что вместо старой общей массы городского населения приходит новое стратифицированное общество с четко установленными правами и обязанностями.

Список источников и литературы

1. Анисимов Е.В. Императорская Россия. XVIII век. Санкт-Петербург: Норинт, 2008. 517 с.
2. Грамота на права и выгоды городам Российской империи // ПСЗ Российской империи. [Электронный ресурс]. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php
3. Грамота на права и выгоды городам Российской империи // 100 главных документов российской истории. [Электронный ресурс]. URL: <http://doc.histrf.ru/18/gramota-na-prava-i-vygody-gorodam-rossiyskoj-imperii/>
4. Каменский А. Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. Москва: Новое литературное обозрение, 1999. 328 с.
5. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). Москва: РГГУ, 2001. 575 с.
6. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.) // В 2 т. Т. 1 – 2-е изд., испр. Санкт-Петербург: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. 548 с.
7. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. [Электронный ресурс]. URL: http://yakov.works/libr_min/16_p/la/tonov_05.htm
8. Три века: Россия от Смуты до нашего времени // Исторический сборник под ред. В. В. Каллаша. Т. 4. Москва: Издание Т-ва И.Д. Сытина, 1913. 289 с.

УДК94 (470).332.834.7 “18/19 “

Социальная история городов России: возможности научного анализа

Олейникова Е.Г., Симонова С.С.
г. Волгоград

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы научного анализа социального развития городов в контексте социальной истории. Авторы доказывают, что город представляет интерес для социальной истории с точки зрения динамики условий жизни населения. Важными критериями служат уровень доступности для жителей социальных благ, степень социальной защищенности, возможности получения социальной помощи. Исследование выполнено на материалах городов Саратовской губернии 2-й половины 19 – начала 20 вв.

Ключевые слова: социальная история, город, социальное развитие, социальные потребности, социальная защищенность, социальные учреждения.

В настоящее время Российская Федерация переживает период становления социального государства, отличительной чертой политики которого является обеспечение свободного развития и достойного уровня жизни всем членам общества. Поэтому всестороннее изучение проблем социального развития, опыта решения социальных проблем в нашей стране на разных исторических этапах актуально и востребовано. Ряд исследователей определяют социальную историю как форму исторического исследования, в центре внимания которой находятся социальные группы, их взаимоотношения, роли в экономических, культурных структурах и процессах [8, с. 408].

По нашему мнению, социальную историю можно рассматривать в качестве направления исторической науки, предметом которого служит человек как член социальной группы – его уровень жизни, степень реализации потребностей и интересов, социальное самочувствие. В этом смысле города представляют бесспорный интерес для социальной истории не только как единицы территориальной организации общества. Каждый город – это по-своему уникальная человеческая общность, где люди являются коллективным субъектом социального действия. Изучение социальной истории города включает научный анализ территориальных, административных, экономических изменений, оказывающих влияние на социальное самочувствие населения; демографических показателей; взаимоотношений слоев и социальных групп жителей; динамику культурных и мен-

тальных особенностей. С практической точки зрения изучение социальной истории городов может способствовать сохранению идентичности, уникальных культурных традиций, воспитанию патриотизма у молодого поколения.

Важным аспектом исследования социальной истории города является изучение динамики социальных условий жизни его населения, которые характеризуются множественными факторами, в том числе: состоянием сфер здравоохранения, образования, транспорта, связи, коммунальных систем жизнеобеспечения, продовольственного снабжения. Существенным показателем, характеризующим социальное самочувствие горожан, служит уровень доступности для них социальных благ, защищенности в критических ситуациях, возможности получения социальной помощи, как государственной, так и общественной. Исходя из этого, в числе важнейших документальных источников изучения социальной истории городов следует отметить социальное законодательство, материалы справочных, статистических сборников, периодической печати исследуемого периода.

В последние десятилетия интерес к социальной истории населенных мест России возрастает. В данной связи следует отметить труды Т. Булыгиной, Н. Торошиной, И.Черновой. [4, с. 9–24; 11, с. 111–115]. Однако специальных работ, в которых социальные условия жизни населения города, или ряда городов, составляющих хозяйственную и культурную общность, являются основным объектом исследования, немного. Наше исследование посвящено ряду аспектов социальной истории городов Саратовской губернии в период значительных общественных трансформаций, которые существенно влияли на уровень социального развития населения.

Саратовская губерния входила в число пяти поволжских губерний, наряду с Казанской, Симбирской, Самарской и Астраханской. Местоположение этих губерний оценивалось как далеко не самое удобное для проживания и ведения сельского хозяйства. К примеру, в статистическом очерке «Хозяйственная статистика России» дается следующая характеристика Поволжья и примыкающих ему территорий. «Волжская калмыцкая степь. Начинаясь у Каспийского моря и Урала, она продолжается солончако-глинистою сухою почвою до Самары и нижней части Волги, имея местами реки и степные озера с худою водою. Только низменности берегов Волги, Самары, Урала и некоторых других речек, в Волгу впадающих, покрыты мелким лесом, плодоносны» [12, с. 17]. Резко-континентальный климат, частые погодные аномалии, приводившие к потере урожая, скота, жилищ, существенно утягощали условия жизни населения. Большую опасность представляли эпидемии холеры. Так, в 1830 году в Саратовской губернии от нее умерло около 10 тысяч человек. Особенно много жертв было в Саратове (около 3 тысяч) и Царицыне (317). Как подчеркивал историк и краевед А.Леопольдов, «эта пропорция с числом жителей была ужасной» [6, с. 163–164].

К началу 1860-х годов в Саратовской губернии располагалось 10 городов с общей численностью населения 162.034 человека. Самыми густонаселенными были Саратов (69.660 жителей) и Волгск (23.519 жителей); в остальных городах насчитывалось от 6 до 12 тыс. человек [10, с. XXXII – XXXV].

Саратов, столица губернии, располагал наиболее развитой социальной инфраструктурой. В начале 1860-х годов в нем функционировало 3 ярмарки, 3 рынка, 1 пристань, 18 учебных заведений: 3 духовных, 14 светских, 1 военное. Лечебное заведение было одно – Александровская больница, открытая в 1806 году. При ней существовали дом для умалишенных, рабочий дом и богадельня, рассчитанная на 100 человек [9, с. 55]. Эти учреждения находились в ведении Саратовского Приказа Общественного Призрения.

В городе действовало несколько заведений Ведомства учреждений Императрицы Марии. В 1843 году открылся Маринский детский приют. На его открытие городом была выделена 1 тысяча рублей, в дальнейшем на содержание была установлена ежегодная сумма в 2500 рублей, из доходов города. Приют был рассчитан на 100 приходящих детей [2, с. 147–148].

Остальные города губернии по количеству учебных и медико-социальных заведений значительно проигрывали Саратову. В уездных городах единственными образовательными учреждениями являлись приходские училища. Из 10 уездных городов больницы были в 5 – Балашове, Кузнецке, Петровске, Сердобске, Царицыне. Детский приют – только в Волгске; богадельня – только в Царицыне [10, с. 1–2].

Земская реформа внесла коренные изменения в государственную социальную политику. 1 января 1864 года императором были утверждены Правила для земских учреждений по делам о земских повинностях, народном продовольствии и общественном призрении. Согласно пункту 73 главы III этого документа все обязанности по управлению социальными учреждениями, предоставленные ранее Приказам Общественного Призрения, передавались губернским и уездным земствам, содержание городских больниц – городским обществам. Им также давалось право определять размеры и условия выдачи денежных выплат для неимущих [5, с. 20–21]. Кроме того, на городские органы самоуправления возлагалась вся ответственность по содержанию учреждений социальной направленности, как ранее принадлежавших Приказам Общественного Призрения, так и частных. К примеру, детский приют им. Почетного гражданина Брюханова в Волгске, начиная с 1870-х годов, наряду с частными пожертвованиями стал получать ежегодную постоянную субсидию от местной городской Думы.

Городские органы самоуправления стали принимать меры по развитию систем образования, здравоохранения, социальной поддержки, рассчитанных на широкие слои населения. В 1865 году в Саратове были открыты первые педагогические курсы для подготовки учителей народных школ, в 1869 году – «учебно-заработный дом» для нищих детей [9, с. 83–84].

Новые лечебные, образовательные, социально-реабилитационные учреждения расширили возможности оказания помощи наиболее уязвимым слоям населения, в первую очередь – городского. К примеру, о преимуществах горожан в получении медицинской помощи свидетельствуют следующие данные. В 1897 году в Саратовской губернии работало 214 врачей. Из них в Саратове и уездных городах – 137 (по 2.349 жителей на одного доктора), во всех остальных населенных пунктах – 77 (соответственно на одного доктора приходилось по 28.715 жителей) [1, с. 49].

В 1860-е – 1890-е годы изменения произошли в государственном регулировании частной благотворительности. В 1862 году функции координации и надзора за всеми благотворительными заведениями были переданы Министерству внутренних дел. Принятые ранее правила открытия частных благотворительных заведений исключительно с позволения монарха были отменены, после чего начался их стремительный количественный рост.

В 1901 году в Саратовской губернии насчитывалось 92 благотворительных общества и более 100 благотворительных заведений. Подавляющее большинство этих учреждений находилось в Саратове и уездных городах. К примеру, из 12 сиротских домов, которые действовали на территории губернии, только один располагался в сельской местности – посаде Дубовка [3, с. 25–26].

Рассмотрим особенности развития социальных учреждений на примере уездного города Камышина Саратовской губернии. По состоянию на 1900 год численность его населения составляла 16.091 человек. В городе действовали 4 благотворительных общества и 3 благотворительных заведения. Общество вспомоществования нуждающимся ученикам реального училища было открыто в 1882 году, включало 63 члена, оказывало помощь «недостаточным» ученикам путем взноса оплаты за обучение, содержание на квартирах, выдачей книг, снабжением одеждой и обувью. Поддержкой малообеспеченных учеников занимались еще два благотворительных учреждения. Общество вспомоществования нуждающимся в низших мужских и женских училищах, открытое в 1900 году и включавшее 42 члена, занималось выдачей денежных пособий детям из бедных семей. Общество вспомоществования нуждающимся учащимся в Камышинской женской гимназии, открытое в 1902 году и включавшее 62 члена, снабжало одеждой бедных учениц и вносило плату за их обучение. Поддержку взрослых осуществляло только одно учреждение, Общество взаимного вспоможения приказчиков г. Камышина, существовавшее на членские взносы и пожертвования. Общество занималось выдачей денежных пособий своим членам и их семьям по старости, в случае болезни, пожара, потери работы.

К благотворительным заведениям Камышина относились богадельня, ночлежный приют и столовая. Александровская богадельня, открывшаяся в 1869 году, принимала увечных жителей Камышина обоего пола, православного вероисповедания, купеческого и мещанского сословий. Большую часть дохода получала от городского общества. Количество призываемых в 1901 году составляло 29 человек. Городской ночлежный приют, открытый в 1880 году, бесплатно предоставлял помещения для ночлега нуждавшимся лицам мужского пола, содержался на средства города. Городская столовая-чайная, открытая в 1900 году, снабжала желающих дешевой пищей за умеренную плату, нуждавшихся – бесплатно. В 1901 году столовой было выдано за плату 30.824 порций пищи и 35.000 порций чая, бесплатно 60 порций пищи [3, с. 16–17].

Показательно, что во всех остальных населенных пунктах Камышинского уезда, за исключением немецкой колонии Таловка (Бейдек), где в 1893 году открылся дом милосердия «Вифания», благотворительных учреждений не было [7, с. 1004].

Исследованные нами аспекты социального развития городов Саратовской губернии позволяют сделать следующие выводы. В ходе буржуазных реформ государство возложило основные социальные функции на органы местного самоуправления, в результате количество социальных учреждений возросло, расширился спектр их деятельности, и эти позитивные изменения коснулись главным образом населения городов. В пореформенные годы была сделана ставка на предоставление социальной помощи максимальному количеству нуждавшихся и усиление дифференциации этой помощи в зависимости от возрастных, гендерных, социальных характеристик ее получателей. Но на уровне провинциальных городов большинство из поставленных задач решить не удалось.

Таким образом, по нашему мнению, исследование социальной истории городов позволяет получить значимые результаты в сфере изучения как общероссийских тенденций социального развития, так и динамики социальных условий жизни населения отдельных общностей.

Список источников и литературы

1. Адрес-Календарь Саратовской губернии на 1898 год. Издание Саратовского Губернского Статистического комитета. Под редакцией Члена-секретаря Ф. Шиманского. Отдел II. Статистический. Саратов: паровая скоропечатня Губернского правления, 1898. 582 с.

2. Благотворительная Россия. Издание Светлейшей Княгини О.Ф. Имеретинской и П.И. Лыкошина. История государственной, общественной и частной благотворительности в России. Ч. II / под ред. П.И. Лыкошина. С-Петербург: С-Петербургская Электротпечатня. Коломенская, 38–41, 1901. 264 с.

3. Благотворительность в России. Составлено по Высочайшему повелению Собственной Его Императорского Величества Канцеляриею по учреждениям Императрицы Марии. Том II. Часть I С.Петербург, 1904. 944 с.

4. Булыгина Т.А. «Говорящие источники»: социальная история Ставрополя в измерениях «новой локальной истории» // Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1917-1929 годах: сборник документов. Составители Г.А. Никитенко, Т.Н. Колпикова. Ставрополь: изд. Комитета СК по делам архивов, 2009. 760 с.

5. Высочайше утвержденные временные Правила для земских учреждений по делам о земских повинностях, народном продовольствии и общественном призрении // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXXIX. Отделение первое. 1864. От №40458-44318. Санкт-Петербург: в Типографии II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. № 40458.

6. Леопольдов А. Исторический очерк Саратовского края. Москва: типография С. Селивановского, 1848. 196 с.

7. Минх А.Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1. Вып. 3. Саратов: Типография Губернского Земства, 1901. 1093 с.

8. Ritter H. Dictionary of concepts in history. N.Y. etc., 1986. P.408.

9. Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов: Паровая скоропечатня Губернского Правления, 1893. 376 с.

10. Список населенных мест Российской империи по сведениям 1859 года. Вып.38: Саратовская губерния. Издан Центральным Статистическим Комитетом Министерства Внутренних Дел / Обработан старшим редактором А.Артемьевым. Санкт-Петербург: типография Карла Вульфа, 1862. 130 с.

11. Торощина Н.В., Чернова И.В. Локальная история населенных пунктов Притымыя (на примере юрт Пыль-Карамо) // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 3 (4). С. 111–115.

12. Хозяйственная статистика России, составленная Василием Андросовым, Императорского Московского Общества Сельского Хозяйства Действительным Членом. Москва: Типография С. Скливановского, 1827. 283 с.

УДК 94 (470.5) «18»

Екатеринбург в 1845 году: социально-экономический облик города

Рукоусев Е.Ю.
г. Екатеринбург

Аннотация: В статье на основе архивных материалов показан облик города Екатеринбурга в 1845 г., его территория, население, число городских зданий и промышленных предприятий. Рассмотрен социальный и классовый состав населения, динамика рождения и смертности, половой состав жителей, их повседневная жизнь.

Ключевые слова: Екатеринбург, население, сословный и социальный состав, предприятия, занятия и питание жителей.

В отечественной исторической науке в последнее время повысился интерес к истории российского провинциального города, повседневной жизни горожан, в том числе и городов Урала XIX – начала XX в. [6]. Повседневная жизнь жителей Екатеринбурга рубежа веков очень хорошо представлена в работе Л.Д. Злоказова и В.Д. Семенова [3], а также прекрасно иллюстрированной серии работ В.П. Микитюка и О.Н. Яхно [4, 5, 8, 9]. М.А. Горловский в своей работе показал общую картину развития города в первой половине XIX в. (1806–1863 гг.) [1]. В нашей работе, приводятся сведения позволяющие получить исторический «снимок» жизни города в течение одного года.

25 октября 1845 г. Пермское губернское правление специальным циркуляром предписало всем градским и земским полициям губернии доставить к 15 января следующего 1846 г. сведения о народонаселении, торговле, промышленности, фабриках, заводах, ремёслах, сёлах, деревнях, монастырях и других селениях, расположенных на подчинённых им территориях. К циркуляру были приложены специально разработанные формы, которые местные полицейские чиновники должны были заполнить и отослать в Пермь [2, л. 36–37 об.]. Интересен этот документ тем, что это была практически первая попытка сбора информации о городах и жителях губернии по вновь выработанной программе.

Полиция Екатеринбурга, как и все остальные органы местного самоуправления города, в это время находилась в подчинении Уральского горного правления, и финансировалась наполовину из городского бюджета, составлявшегося из налогов и сборов с жителей, и наполовину за счёт казённых Екатеринбургских горных заводов. Горное правление участвовало в составлении сметы городского бюджета и осуществляло контроль,

ревизию, над расхождением денежных сумм. В административном отношении Екатеринбург был разделён на две части, граница между которыми, почти на всем протяжении, проходила по реке Исети: на правом берегу – 1-я часть, на левом – 2-я. Во главе полиции каждой части стояли частные приставы: Власов в 1-й части и Оберюхтин во 2-й. Каждая часть в свою очередь делилась на четыре квартала во главе с квартальными надзирателями.

Общее число жителей в конце 1845 г. составляло 17659 человек – 9536 мужского (54,1 %) и 8123 женского (45,9 %) пола. В течение года был заключён 151 брак. Родилось 808 младенцев – 397 мальчиков и 411 девочек. Умерло 804 человека – 432 мужчин и 372 женщины, т.е. среди мужчин смертность на 35 человек превысила число родившихся, среди женщин, наоборот – родилось на 37 человек больше, чем умерло. Естественного прироста населения города за год практически не произошло. В примечаниях к отчётам было указано, что в течение года было рождено 94 незаконнорождённых ребёнка. Близнецов родилась только одна пара: «солдатская девка Марфа Моркова родила двоих мёртвых женского пола младенцев». Также было отмечено, что «смерть похищала преимущественно стариков от 80 до 90 лет и детей от рождения до трёхлетнего возраста» [2, л. 43–43 об.].

В сословном отношении городское население состояло из следующих категорий: дворян потомственных 125 человек, в том числе имеющих право голоса на выборах в Губернском собрании 45; дворян личных – 580; разночинцев – 9102; священников, церковнослужителей и членов их семей – 150; монашествующих мужского и женского пола – 386; купцов – 421, в том числе объявивших капитал – 4; мещан – 1593; почётных граждан – 15; отставных солдат и членов их семей – 713; единоверцев – 600; казённых крестьян – 173; казаков – 21; удельных, дворцовых и других наименований крестьян – 1727; помещичьих крестьян – 1716; дворовых людей – 542 человека [2, л. 43–43 об.]. Представителей таких сословий как свободные хлебопашцы, колонисты и духовенства иностранных исповеданий среди жителей Екатеринбурга не было зафиксировано.

Следует отметить, что представленные в отчётах частных приставов данные об общей численности населения (17659 человек) отличаются от списка жителей по сословной принадлежности (17864 человека), на 205 человек. Вполне вероятно, что в состав дворян могли быть записаны горные и армейские офицеры, которые были учтены и в составе других категорий населения. Также непонятно почему единоверцы, особое направление старообрядчества, были выделены как сословная группа, хотя среди них были представители различных сословий.

Отдельно от гражданского населения были учтены военнотрудовые, расквартированные в города: 70 человек артиллерийской команды, состоящей при приёмке орудий на уральских заводах; в составе Оренбургского линейного № 8-го батальона числилось 1043 человека – офицеры, унтер-офицеры и рядовые, основная задача их службы состояла в охране Екатеринбургского монетного двора, казённых горных заводов и золотых приисков, расположенных в окрестностях города, охрана водных и пеших караванов с металлом, золотом и монетами, отправляемых в различные районы страны; один офицер и 431 солдат Корпуса внутренней стражи, охранявших городской тюремный замок и конвоировавших проходившие через город партии арестантов; команда от Оренбургского казачьего войска, один офицер и 21 казак, занятых развозкой почты и охраной дорог в Екатеринбургском уезде (их почему-то учли и при подсчёте гражданского населения, хотя эти казаки несли службу в течение года, после чего их сменяли) [7, т. 27. № 26681]; 32 военных кантониста (солдатские дети), проживавших на воспитании у родителей или родственников, 14 бессрочноотпускных нижних чинов и 123 отставных солдата. Всего 1734 человека [2, л. 46]. Население города, как подчинённое Горному ведомству, было освобождено от военного постоя. Холостые солдаты размещались в каменных двухэтажных казармах, женатые проживали в собственных домах или снимали квартиры у местных жителей.

Постоянные жители города (дворяне, купцы, мещане, мастеровые) имели право выбирать органы местного самоуправления – городского голову и городской совет, но все выбранные должностные лица могли приступить к исполнению своих обязанностей только после утверждения их главным начальником горных заводов хребта Уральского [7, т. 24. № 23294]. 5 февраля 1846 г., по инициативе главного начальника, был принят закон, который обязывал всех жителей города, не зависимо от сословия, сообщать городской полиции «о всех прибывающих на жительство или постой и отъезжающих из города». За нарушение этого правила полагался штраф – с каждого домовладельца по 60 копеек серебром в сутки [7, т. 21. № 19694]. Кроме того, в том же 1846 г., 12 марта, указом императора, Строительному комитету, учреждённому при Уральском горном правлении, было дано право «рассматривать и утверждать проекты на постройку в Екатеринбурге и его округе частных деревянных и каменных зданий, которые будут вышиной в один или два этажа, не считая подвалов, и длиной по улице до девяти окон включительно» [7, т. 21. № 19819]. Строительный комитет должен был ежемесячно сообщать в Санкт-Петербург в Главное управление путей сообщения и публичных зданий сколько домов и с каким фасадом разрешено построить. Из этих примеров хорошо видно, что Горное ведомство контролировало самые разные стороны жизни горожан.

Общая площадь городской земли под усадьбами и выгоном, согласно плана города, утверждённого императором Николаем I 26 февраля 1829 г. [7, т. 4. № 2697], составляла 6398 десятин (6973,8 га или 70 кв. км), из них 234 десятины (255,1 га или 2,55 кв. км) находились под реками, дорогами и болотами [2, л. 46]. В городе находилось всего 9 каменных и 4 деревянных казённых дома, в частном же владении состояло 148 камен-

ных (из них 8 построенных в 1845 г.) и 2831 деревянных (17 из них были также построены в 1845 г.) домов. Кроме того, в Екатеринбурге имелось несколько зданий общественного пользования: семь православных церквей, одна единоверческая церковь, Ново-Тихвинский женский монастырь, молитвенный и архиерейский дома, две часовни, Главная контора Екатеринбургских заводов, Монетная контора, заводской архив, заводской госпиталь, цейхгауз, магистрат, Градская управа благочиния, тюремный замок, больница Александра, девять питейных домов [2, л. 40, 45 об.]. Действовала контора Государственного коммерческого банка, открытая в 1847 г. «в видах содействия частным горным заводам хребта Уральского к выгоднейшему сбыту их произведений и для облегчения денежных оборотов Ирбитской ярмарки». В конторе был управляющий и три директора, один из которых был чиновником горного ведомства [7, т. 22. № 20808]. Конторой осуществлялись операции по приёму вкладов от населения, выдача ссуд под залог железа, меди и золота (по квитанциям Уральского горного правления), обмен государственных кредитных билетов – крупных номиналов на мелкие и ветхих на новые.

Несмотря на то, что Екатеринбург считался городом, его население активно занималось сельским хозяйством, выращивая на приусадебных участках различные садовые и огородные растения. Городской выгон использовался как сенокосные угодья и пастбище для скота. В 1845 г. жители имели в личном пользовании 2149 лошадей, 2918 голов крупного рогатого скота, 482 простых овец и 25 тонкорунных, 1713 свиной и 352 козы [2, л. 47 об., 87–88]. Однако конезаводов, ферм крупного рогатого скота и овчарен, занятых разведением домашних животных в промышленном масштабе в пределах города и выгона не было.

К государственным промышленным предприятиям относились Екатеринбургский монетный двор и Уральская химическая и золотосплавочная лаборатория, принадлежавшие Уральскому горному правлению, и Екатеринбургская гранитная фабрика, принадлежавшая Кабинету его императорского величества. Частные промышленные предприятия, в основном занятые переработкой продуктов сельского хозяйства, были размещены в городе очень неравномерно, так в 1-й части Екатеринбурга находилась 21 фабрика, выпускавшие в год товаров на сумму почти 400 тыс. руб. серебром: писчебумажная (53 тыс. руб.), две свечевосковые (63 тыс. руб.), две свечесальные (31,2 тыс. руб.), свечестеариновая (3,4 тыс. руб.), мыловаренная (3,4 тыс. руб.), выпускавшая серную кислоту и стеариновое масло (около 1 тыс. руб.), колокольная (5,25 тыс. руб.), занимавшаяся варением клея (3 тыс. руб.), кожевенная (9 тыс. руб.), четыре салотопенные (218 тыс. руб.) и шесть кирпичных (8,1 тыс. руб.). Во 2-й же части действовало только две фабрики – вино-водочная и москательных товаров, на которой изготавливались различные краски, лаки, клеи, технические масла и др. [2, л. 47].

В рассматриваемом годовом отчёте приведены справочные цены на зерновые продовольственные товары, которые менялись в зависимости от времени года [2, л. 48].

Название товара	Цена за четверть* (копеек серебром)			
	Зима	Весна	Лето	Осень
Овёс	14¾	12½	11¼	16
Просо	74¼	74¼	74¼	74¼
Горох	34¼	34¼	34¼	34¼
Ячмень	11¼	14¼	14¼	11¼
Мука ржаная	18½	23¼	17½	20
Мука пшеничная	28½	37	28½	28½
Мука ячневая	14¼	20	14¼	14¼
Крупа ячневая	28½	35½	31¼	31¼
Толокно	34¼	34¼	34¼	34¼
Солод ячневый	114¼	114¼	114¼	114¼
Солод ржаной	80	80	80	80
Крупа гречневая	100	100	100	100
Крупа овсяная	45½	45½	45½	45½

* Четверть – русская единица измерения объёма сыпучих тел = 209,91 л., использовалась для измерения количества зерна, круп и муки.

На практике, учитывая, что четверть это достаточно большая единица измерения и по объёму и по весу, продажа указанных продуктов производилась в розничной торговле не четвертями, а пудами. Так в 1845 г. в город на продажу было привезено: муки ржаной – 3500 тыс. пудов (57331, 7 т), муки пшеничной – 500 тыс. (8290,1 т), пшеницы – 3,5 тыс. (57,3 т), овса – 2500 тыс. (40,9 т), различных круп – 500 тыс. (8290, 1 т) пудов. Привоза больших партий ржи и ячменя отмечено не было [2, л. 18 об.].

Большая часть овощей, фруктов, ягод и грибов привозилась в Екатеринбург на продажу из окрестных сел и деревень и продавалась на местных рынках по свободным ценам.

В городе ежегодно забивалось до 10 тыс. голов крупного рогатого скота, до 15,5 тыс. голов овец и баранов, до 5 тыс. телят. Полагая в среднем в быке мяса весом до 9 пудов (147, 42 кг), в баране до 1 пуда (16,38 кг) и в телёнке до 30 фунтов (12,28 кг), то получается, что в год в Екатеринбурге употреблялось в пищу до 5100

пудов (83,5 т) свежей говядины, до 4500 пудов (73,7 т) баранины и 3500 пудов (57,33 т) телятины. Кроме того в зимнее время привозилось до одной тысячи пудов (16,38 т) мороженой свинины. Свежей рыбы употреблялось жителями также «значительное количество», которую привозили главным образом из Тобольска [2, л. 18–18об.] или ловили в местных озёрах, расположенных вокруг Екатеринбурга (Таватуй, Балтым, Шувакиш и Чусовское), и заводских прудах на реке Исети (Городской, Верх-Исетский, Нижне-Исетский).

В качестве топлива использовались в основном берёзовые и сосновые дрова, но чаще всего отходы (сухой, валежник и вершинник), получавшиеся при заготовке строительного материала и древесного угля, из казённых лесных горнозаводских дач [2, л. 19]. За дрова и строительный лес жители города обязаны были платить деньги в Уральское горное правление по утверждённым лесным таксам [7, т. 17. № 16366].

К сожалению, нам не удалось пока обнаружить в архивах отчётов за последующие годы, чтобы составить динамику изменения численности населения Екатеринбурга и изменения повседневной жизни.

Список источников и литературы

1. Горловский М.А. Горный город Екатеринбург. 1807–1863: Краткий очерк. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1948. 152 с.
2. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 35. Оп. 1. Д. 323.
3. Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Старый Екатеринбург: Город глазами очевидцев. Екатеринбург: Музей истории Екатеринбурга, 2000. 605, [2] с.
4. Микитюк В.П. Екатеринбургские «спорты». Екатеринбург: Изд-во ООО Универсальная тип. «Альфа Принт», 2018. 88 с.
5. Микитюк В.П., Яхно О.Н. Повседневная жизнь Екатеринбурга на рубеже XIV–XX веков: Очерки городского быта. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2014. 488 с.
6. Миненко Н.А., Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 2006. 380, [3] с.
7. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. 1825–1881 гг. Т. 1–55.
8. Яхно О.Н. Повседневная жизнь Екатеринбурга: Очерки. Летний сезон в городе. Екатеринбург: Изд-во ООО Универсальная тип. «Альфа Принт», 2017. 100 с.
9. Яхно О.Н. Повседневная жизнь Екатеринбурга: Очерки. Зимний сезон. Екатеринбург: Изд-во ООО Универсальная тип. «Альфа Принт», 2019. 112 с.

УДК 94(470.5)

Реализация молодежной политики в городских поселениях Республики Башкортостан

Тимерказыков И.Р.

г. Стерлитамак

Аннотация. В данной статье рассматривается деятельность администраций городских поселений Республики Башкортостан в области реализации молодежной политики. Показаны мероприятия, которые проводятся для формирования молодого поколения. Также указаны проблемы, являющиеся актуальными на данный момент в реализации молодежной политики.

Ключевые слова: молодежная политика, политика, Республика Башкортостан, городские поселения, город.

Молодежная политика городов и городских поселений представлена в системе мер правового, организационно-управленческого, финансово-экономического, информационного и кадрового характера, направленных на реализацию всех условий для формирования личности молодого человека, на развития патриотизма и уважения к своей истории и культуре, на развитие и поддержку молодежных сообществ. Молодежная политика ориентирована на местное население в возрастных рамках от 14 до 30 лет.

Основными приоритетами молодежной политики городских поселений Республики Башкортостан являются: – поддержка на муниципальном уровне детей и молодежи в процессе социального, культурного, духовного, физического развития, выбора профессии, получения образования, формирования семьи, реализации общественных идей, воспитание морально-нравственных ценностей, патриотизма молодежи. Актуальными проблемами в сфере реализации молодежной политике являются: отсутствие в поселениях муниципальных учреждений по работе с молодежью, несоответствие кадрового состава, материально-технической базы, несоответствие структур работающих с молодежными организациями в поселениях с современными технологиями и ожиданиями молодежи. А так же низкая социальная активность, отсутствие у молодежи интереса к участию в общественно политической жизни, несоответствие ценностей и моделей поведения молодых людей потребностям поселения. Перечисленные проблемы требуют системных решений, так как проявляются во всех сфе-

рах жизнедеятельности молодежи на фоне ухудшения здоровья молодого поколения, роста социальной апатии молодежи, снижения экономической активности, криминализации молодежной среды, роста в ее среде нетерпимости, этнического и религиозно-политического экстремизма.

Важным направлением работы с молодежью является организация работы по гражданско-патриотическому и духовно-нравственному воспитанию молодежи. В городских поселениях Республики Башкортостан ежегодно проводятся военно-патриотические и спортивные мероприятия. В данных мероприятиях принимают участие молодые специалисты общественных организаций, студенты и т.д. В этом направлении следует обеспечить развитие подведомственных сфер физической культуры, спорта для работы с молодежью в среднесрочной перспективе, станет реализация на территории городских поселений. Также проводятся тематические вечера, устные журналы, диспуты, деловые игры, встречи за круглым столом трибуны на тему общественной жизни, вечера встреч с ветеранами войны и труда, проведенные по специальному плану, театрализованные праздники и представления, концерты и спектакли, праздники города, театральные постановки и конкурсы талантов, киносеансы, дискотеки, благотворительные и другие мероприятия способствуют формированию и личностному росту молодежи.

Молодёжная политика закладывает стратегию развития общества, стабильности нашего общего будущего. В этой связи молодежную политику можно определить как способ регулирования процессов преемственности межпоколенческих отношений. В условиях преобразования общества молодежная политика становится инструментом преобразования государства. Это требует от всех участников процесса социального становления молодежи разработки и последовательной реализации подходов, ориентированных на вовлечение молодого поколения в решения общенациональных задач.

Список источников и литературы

1. О молодежной политике в Республике Башкортостан (с изменениями на 10 июля 2019 года). URL: <http://docs.cntd.ru/document/935108816>
2. Постановление Правительства РБ от 20.06.2012 № 201 (ред. от 31.12.2014) «О государственной программе «Развитие молодежной политики в Республике Башкортостан».

УДК 342.9

Проект «Умный город» как механизм социально-экономического развития городов в РФ

Усманова Р.М.
г. Стерлитамак

Аннотация. В статье рассмотрены правовые основы реализации пилотного ведомственного проекта «Умный город», который разработан в целях реализации Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и национального проекта «Жилье и городская среда». Отмечено, что проект направлен на обеспечение комфорта и благополучия населения в городах, подъема экономического потенциала муниципального образования, путем использования передовых цифровых и инженерных решений. Отдельно автор рассматривает механизм внедрения пилотного проекта «Умный город» в Республике Башкортостан в г. Уфе.

Ключевые слова: умный город, муниципальное образование, проект, население, благополучие.

В настоящее время актуальным для РФ и нашей республики является вопрос, связанный с реализацией национального проекта «Жилье и городская среда». В рамках этого проекта активно внедряется и ведомственный проект Цифровизации городского хозяйства «Умный город», суть которого во внедрении передовых цифровых и инженерных решений в городской и коммунальной инфраструктуре. При этом четко определены базовые и дополнительные требования к умным городам, мероприятия которые необходимо внедрить, а это: городское управление; умное ЖКХ; инновации для городской среды; умный городской транспорт; интеллектуальные системы общественной безопасности; интеллектуальные системы экологической безопасности; инфраструктура сетей связи; туризм и сервис.

Определение умного города нормативно не закреплено. Оно дано лишь в концепции проекта, разработанного Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации по цифровизации городского хозяйства «Умный город». В ней под умным городом понимается город, который внедряет и использует комплекс передовых цифровых и инженерных решений и организационных мероприятий, направленных на достижение максимально возможной эффективности управления ресурсами и предоставления услуг, в целях создания на своей территории устойчивых благоприятных условий проживания и пребывания, деловой активности нынешнего и будущих поколений. Верно, отмечено, что «умный город» «не имеет четкой дефиниции, это очень многоплановое явление. Это использование ИТ-технологий в городском разви-

тии, для того чтобы сделать жизнь людей в этих городах комфортной, благополучной и сохранить ресурсы для следующих поколений. То есть здесь смешаны и цели устойчивого развития, и информационные технологии [5]. Есть и мнение, согласно которому понятие «умный город» по существу означает эффективность, достигаемую на основе интеллектуального управления и интегрированных ИКТ, а также активного участия граждан в развитии города [4].

На наш взгляд главный признак умного города это наличие передовых цифровых и инженерных решений, информационно-коммуникативных инструментов, которые должны быть использованы в целях повышения качества жизни населения. Использование различных информационно-коммуникативных технологий должно повысить эффективность функционирования города и предоставления городских услуг, в том числе повысить объем, качество и доступность в электронной форме информации об объектах и ситуации в городе, сервисов для ее обработки, вовлеченность граждан, в процессы управления городом. В любом случае сущность умного города заключается в использовании технологий с целью повышении комфорта людей, в том числе повышение надежности и эффективности электро-, тепло-, водоснабжения, водоотведения, систем обращения с отходами. Отметим, что экономическое благополучие городов может быть обеспечено и через создание различных экономических зон, о которых мы уже ранее писали [1, 6, 7].

В мире существуют уже «умные города». Так, например, во многих домах Сингапура есть особые датчики, которые следят за передвижениями пожилых людей и, в случае необходимости, отправляют сообщения в ближайшие больницы. Относительно небольшой китайский город Иньчуань примечателен, прежде всего, тем, что здесь нет необходимости не только в наличных деньгах, но и в банковских картах. Для того чтобы совершить покупку, достаточно поднести свое лицо к специальному сенсору. Уникальная система распознавания лиц автоматически спишет нужную сумму с вашего счета. В здании местной администрации посетители встречают не госчиновники, а голограммы, которые способны решить многие проблемы горожан. В Японии имеется умный город Фудзисава, где по улицам колесят исключительно электрические автомобили, а все дома используют только энергию Солнца.

В Российской Федерации проект по цифровизации городского хозяйства «Умный город» реализуется в соответствии с нормативно-правовой документацией разработанной Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. Данным ведомством подготовлены акты, которыми определены методические рекомендации по включению мероприятий по цифровизации городского хозяйства в государственные программы субъектов Российской Федерации и муниципальные программы формирования современной городской среды, базовые и дополнительные требования к умным городам, условия отбора муниципальных образований в пилотный проект «Умный город», требования к соглашению по реализации пилотного проекта в рамках проекта «Умный город». Определены условия и порядок включения муниципальных образований в проект.

1. Отбор осуществляется среди муниципальных образований, имеющих статус города или имеющих на своей территории населенные пункты со статусом города.

2. Муниципальное образование должно предоставить в Министерство заявку с обязательным приложением «дорожной карты» пилотного проекта муниципального образования по цифровизации городского хозяйства.

3. После одобрения на включение в проект, между Министерством, субъектом Российской Федерации и муниципальным образованием заключается соглашение о реализации пилотного проекта.

Именно такое соглашение на основе поданной заявки заключено и с Республикой Башкортостан и г. Уфа о включении г. Уфы в пилотный проект «Умный город».

В г. Уфе уже реализуются различные технологии «умного города». Так, это проект Квартала Smart Grid т.е. «умных» городских электросетей задача которого, омоложение производственных фондов исключительно на базе «умных» решений. Как результат обеспечивается надежное энергоснабжение, а также устраняются неисправности всего за несколько минут. Или другой проект – интеллектуальная гибридная модульная система управления зданием (умный дом) «ИНСАЙТ». Система управления умным домом может быть разбита на подсистемы, которые внедряются по отдельности или вместе: подсистема управления освещением; подсистема безопасности и сигнализации; подсистема управления водоснабжением и вентиляцией; система управления солнцезащитой; диспетчеризация. Необходимо отметить, что будут реализованы и другие проекты, такие как: проект «умные остановки, теплые остановки»; проект цифровой двор; проект, направленный на ликвидацию накопленного экологического ущерба и др.

В целях реализации пилотного проекта «Умный город» в Республике Башкортостан приняты региональные проекты по цифровой экономике, утвержденные Правительством РБ 7 мая 2018 г: информационная инфраструктура; кадры для цифровой экономики, информационная безопасность, цифровые технологии и проекты, цифровое государственное управление. Все они направлены на обеспечение городского управления, обеспечения систем безопасности в городе, развитие и внедрение инноваций. Также для реализации проекта «Умный город» который является частью национального проекта «Жилье и городская среда» в республике принят региональный проект «Формирование комфортной городской среды», суть которого в повышении

комфортности городской среды, создания механизма участия граждан в формировании комфорта городской среды.

Примечательно, что в муниципальных образованиях РБ принимаются свои муниципальные программы по формированию комфортной среды. Такие программы приняты не только в городских округах, но в муниципальных районах и даже поселениях. В любом случае финансирование муниципальных программ должно осуществляться из федерального бюджета в рамках реализации федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» утвержденного постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2017 г. № 1710 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 9 февраля 2019 № 106, из бюджета РБ в соответствии с республиканским проектом и из бюджета муниципального образования.

В РФ пилотные проекты «Умный город» внедрены и в других городах. Например, в г. Сочи в рамках проекта будет сделан акцент на развитии туристических сервисов, а также на умных решениях для ливневой канализации, в г. Москве реализованы локальные решения в области системы транспортной навигации, в г. Тюмени реализуется проект умные пешеходные переходы, а в г. Самаре – умные трамваи.

Тем не менее, безусловно, на сегодняшний день в России имеется ряд проблем на пути к реализации «умного города», среди которых:

- дефицит бюджетных ресурсов для решения задач функционирования городов, так как создание умных городов, это все-таки дорогое удовольствие;

- отсутствие заинтересованности со стороны населения в различных проектах, в реализации собственных инициатив. Верно отмечено, что главной движущей силой развития становится активное участие граждан в жизни города и управлении им с использованием интеллектуальных и информационных систем на базе ИКТ. Жители должны понимать его предназначение, потенциал и перспективы развития, разделять цели и способы их достижения [2, с. 133];

- отсутствие понимания со стороны местных властей о всеобщем гражданском участии;

- нехватка компетенций, соответствующих новому уровню развития технологий [3, с. 18].

На наш взгляд для решения имеющихся проблем необходимо: во-первых, нормативно закрепить понятия «умный город» и связанных с ним видов деятельности; во-вторых, активно внедрять отечественные цифровые платформы; в-третьих, выгоднее реализовывать проекты в городах с населением свыше 500 тысяч человек, где за счет масштаба происходит удешевление технологий, и появляется большой простор для компаний; в-четвертых, расширять возможности для приобретения новых навыков и обучении в разнообразных, в том числе, «виртуальных» формах, возможности освоения смежных специальностей, повышать обязательную цифровую грамотность.

Таким образом, ориентация на реализацию проекта «Умный город» обеспечит высокое качество жизни населения за счет применения информационно-коммуникативных технологий, что в свою очередь повысит социальное и экономическое благополучие муниципального образования.

Список источников и литературы

1. Boyko N.N., Usmanova R.M. State regulation of special economic zones in Russia // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. Т. 9. № 1. С. 48–57.
2. Ганин О.Б., Ганин И.О. «Умный город»: перспективы и тенденции развития // ARS Administrandi. 2014. № 1. С. 125–134.
3. Ерохина О.В. Перспективы создания «умных городов» в России // Т-Comm - Телекоммуникации и Транспорт. 2018 Том 2 № 4 С. 17–22.
4. Seiseddos G. Que es una Smart City? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.coit.es/publicaciones/bit/bit188/monograficosseiseddos>
5. Умные жители для умных городов [Электронный ресурс]. URL.: <http://bujet.ru/article/344315php>
6. Усманова Р.М. «Особые зоны» как механизмы социально-экономического развития субъектов РФ // Правовое государство: теория и практика. 2018. Т. 3. № 53. С. 159–165.
7. Усманова Р.М. Создание территорий опережающего социально-экономического развития как мера государственной поддержки муниципальных образований // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 6. С. 54–57.

Причины и последствия голода после Великой Отечественной войны 1946–1947 гг.

Фомушкина А.Н.
г. Стерлитамак

Аннотация. В статье рассмотрены причины голода 1946 г. – разруха страны, нехватка рабочих рук, неблагоприятные климатические условия. Последствия: высокая смертность. Рассмотрены некоторые вопросы истории изучения болезней голода – алиментарно-токсической алейкии или «септической ангины», дистрофия.

Ключевые слова: «септическая ангина», дистрофия, голод, железнодорожники, смертность.

После Великой отечественной войны 1941–1945 гг. наступили голодные 1946–1947 года. Война привела к огромным людским потерям. Число трудоспособных мужчин к 1946 г. уменьшилось по сравнению с 1940 г. в 2 раза. Основная нагрузка легла на женщин, стариков, подростков. Техническое оснащение сельскохозяйственного производства значительно уступало предвоенному уровню.

Последствиями войны были: общая разруха, нехватка рабочих рук и специалистов-агротехников, отсутствие механизации сделали сельское хозяйство страны особенно уязвимым перед лицом природных катаклизмов, что послужило причинами голода 1946–1947 гг. Кроме этого причиной стали и неблагоприятные климатические условия [1, с. 92].

Одним из главных последствий голода был рост смертности. В разработках медицинских ученых за 1946–1947 гг. указывается, что причина роста смертности – голод. Эта причина скрывалась такими диагнозами, как желудочно-кишечные заболевания (дизентерия, токсическая диспепсия), септическая ангина. Это говорит о том, что врачи были вынуждены скрывать истинную причину смертности. Лишь в исключительных случаях за отдельные месяцы среди причин смерти называется дистрофия, алиментарная дистрофия, авитаминоз. В секретных переписках регионов с центром дистрофия среди населения (слово «голод» и здесь не упоминалось) – одна из основных тем, обсуждавшаяся в связи с угрозой срыва производственных планов [5, с. 160].

Голод вызвал массовые заболевания населения дистрофией. Вот статистика больных: Ульяновская область – 104, 6 тыс. человек, Тамбовская – 67,5 тыс. Молотовская – 33,6 тыс. Башкирская АССР – 35 тыс. человек и др. Численность больных дистрофией в колхозах Костромской области в апреле 1947 г. составила 30 тыс. человек. По неполным данным здравоохранения Коми-Пермяцкого национального округа, в том же месяце имелось свыше 12 тыс. человек, страдавших дистрофией, в том числе 7 тыс. детей [3, с. 120].

По данным Министерства здравоохранения РСФСР, в апреле 1947 г. зарегистрировано 372,3 тыс. больных алиментарной дистрофией, а в мае их численность возросла до 507,7 тыс. из них 706 человек умерли. Впереди были июнь и июль – не менее трудные для выживания месяцы, но из-за пробелов учета мы не располагаем данными о численности больных дистрофией и умерших от нее [2, с. 19].

По всей стране голодали рабочие железной дороги, проживавшие в сельской местности, у которых в 1946 г. сняли с централизованного снабжения детей и иждивенцев. В декабре 1946 г. отмечены массовые заболевания дистрофией среди семей железнодорожников. По неполным данным, к концу года на 16 железных дорогах страны насчитывалось более 11 тыс. больных дистрофией. Наиболее неблагоприятное положение было на Забайкальской железной дороге (2,5 тыс. больных), Кишиневской (2,243 тыс.), Сталинской (670), Кировской (260), Сталинградской (250 больных). Из-за истощения некоторые рабочие не могли выходить на работу, дети не посещали школу, зарегистрированы случаи смерти от голода. Чтобы получить больше хлеба по карточкам, многие железнодорожники увольнялись, переходили на другие участки.

Голодные люди собирали перезимовавшее на полях зерно, которые содержали токсические вещества, и использовали его в пищу. Начались массовые отравления, нередко приводившие к смертельному исходу, так как многим больным не оказывалась во время медицинская помощь.

Многотысячные потоки голодных, ослабленных людей, передвигавшихся по стране в поисках пропитания, стали благодатной средой для распространения эпидемий. Действовавшая сеть лечебно-санитарных учреждений, переполненная дистрофиками, не получала самого необходимого обеспечения продуктами, мылом, лекарствами. И в деревне, и в городе сказывался острый дефицит мыла, так как его производство в 1946 г. составляло всего лишь треть предвоенного уровня 1940 г. В строго ограниченном количестве мыло поступало в Москву и Ленинград [2, с. 32].

Наиболее уязвимой частью общества, как уже отмечалось выше, были дети. В 1947 г. в Нижнем Поволжье не выжило 11,8 тыс. младенцев, не достигших годовалого возраста – в 1,8 раза больше, чем в 1946 году. Материалы Сталинградского горздравоохранения показывают: удельный вес детей среди умерших в 1947 г. достиг 41 %, что усугубляло и без того тяжелые демографические последствия войны. Помимо человеческих жертв,

голод негативно отразился на морально-психологическом состоянии общества, привел к подрыву здоровья населения, что сказалось на продолжительности жизни послевоенного поколения и темпах восстановления страны [4, с. 51].

Непризнание факта голода в стране позволяло правительству пренебрегать организацией необходимой продовольственной помощи населению. Повидавшее за годы войны немало лиха руководство областей, краев и республик не спешило информировать центр о бедствии и обращаться за помощью. Сообщали в Москву только тогда, когда массовое голодание населения не было возможности скрыть. Без постановления Совета Министров СССР или распоряжения Сталина помощь не оказывалась. На переписку и согласование во многих инстанциях уходило не меньше месяца, тем самым упускалось драгоценное время, стоившее жизни тысячам людей. Выделялось из госрезерва намного меньше того, что испрашивалось. К тому же отпускались совсем не те продукты: вместо крупы – соевый жмых, вместо мяса и рыбы – овощи, а вместо молока – обезжиренная молочнокислая смесь [2, с. 32].

Список источников и литературы

1. Большакова О.В. Гансон Н. Голод в СССР в 1946–1947 гг. в глобальной и исторической перспективе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: история. Реферативный журнал. М.: институт по научной информации по общественным наукам РАН, 2012. № 3. С. 91–96.
2. Зима В.Ф. Голод в России 1946–1947 годов // Отечественная история. М.: Наука, 1993. № 1. С. 35–52.
3. Зима В.Ф. Голод, медицина, власть: 1946–1947 годы // Отечественная история. М.: Наука, 2008. № 1. С. 117–126.
4. Кузнецова Н.В. Уровень заболеваемости и смертности населения Нижнего Поволжья в условиях голода 1946–1947 гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, История. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2010. № 1 (17). С. 43–52.
5. Маркова С.В. Болезни войны и голода // Научно-медицинский вестник центрального Черноземья. Воронеж: Воронежский гос. мед. ун-т им. Н.Н. Бурденко, 2016. № 63. С. 156–162.

РАЗДЕЛ 5. ИСТОРИЯ ГОРОДА В ЛИЦАХ

УДК 101.9

Кенигсбергский мыслитель: размышления о Канте

Баширов Т.А.
г. Стерлитамак

Аннотация. В статье рассматривается жизнь и творчества великого немецкого философа Иммануила Канта сквозь призму литературных и философских книг и статей, создающих в итоге неожиданный ракурс. Выясняется, что с годами кантоведение не только не теряет актуальность, но приобретает новые грани и черты.

Ключевые слова: Кант, Кенигсберг, философия, трансцендентальное, кантоведение.

В апреле 1724 года в Кёнигсберге, оживлённой, но уютной, столице Восточной Пруссии, родилась величина в философском понимании запредельного масштаба – на свет появился Иммануил Кант, сын литовского народа, отец немецкой философии и гордость современного Калининграда. Благодаря кантоведению, которое можно уже выделить в отдельное философское направление, даже далекие от философии люди слышали о категорическом императиве, о нравственном доказательстве бытия Бога, о трансцендентальной теории опыта, о вещи-в-себе, о многочасовых обедах Канта, об его холостяцкой жизни и ежедневных прогулках по липовой аллее. Если же говорить о современной философии, то «сегодня нет ни одной философской школы, адепты которой не начинали бы строительство своей философии с ее отношения к философии Канта» [3, с. 25].

Так получилось, что жизнь философа обросла невероятным количеством вымыслов и легенд, а сам он стал героем многих литературных произведений. Например, в романе М.А. Алданова «Девятое Термидора» Иммануил в разговоре с русским дипломатом Штаалем в свойственной ему манере заявляет о себе как подлинном революционере, совершившем истинную революцию духа [1]. Биографы И. Канта, сомневаясь в историческом факте самого данного разговора, подтверждают стиль и манеру рассуждений великого философа.

В романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» Кант показан фигурой куда более значительной, переступающей грани человеческого, ибо побеседовать с ним за завтраком изъявляет желание Воланд [2]. Есть точка зрения, что данный разговор есть булгаковский пересказ разговора Сатаны с праведником из библейской книги Иовы, и по этой причине Воланд нисколько не восхищался мыслью Канта, а, наоборот, потешался над детской наивностью Иммануила. Но с этим утверждением сложно согласиться, ибо предложение Ивана Бездомного отправить Канта года на три в Соловки вызывает у Воланда неопиcуемый восторг, что лишь доказывает значимость наследия философа его глазах. Интересно, но поднятая в романе тема нравственного доказательства бытия Бога Кантом не лишена в действительности путаницы и противоречий, что в принципе характеризует практически все аспекты творчества мыслителя.

К слову, прогрессивная современная общественность начинает пересматривать философию и в перспективе возможно полное отрицание вплоть до запрета творчества великих мыслителей за их нетолерантные изречения в стиле «плеток и женщин», «общих жен и детей», «говорящих орудий» и т.п. Кант, которого еще поругивал за «позорную» точку зрения по поводу полового общения Г. Гегель, потенциально одним из первых может быть подвергнут публичному порицанию и философскому ostracismu, тем более процесс уже начался. Так, в современном норвежском учебнике по философии авторы сокрушённо в извиняющейся манере рассуждают о взгляде Иммануилана естественное и противоестественное половое общение и делают обличающий его вывод: «По-видимому, Кант не имел бы никакого уважения к правам гомосексуалистов!» [4, с. 469]. Выяснилось, что новая эпоха рождает новые требования к личности, ведь совсем ещё недавно многие осуждали философа за его холостяцкую жизнь и избегание женского пола.

Впрочем, как выяснилось, есть к нему претензии и у российской общественности. В 2018 году в стране проходило интернет-голосование для выбора названий аэропортов. С калининградским аэропортом случился неожиданный конфуз, т.к. первоначально лидировал вариант «Аэропорт имени Иммануила Канта», а немецкое имя многих россиян смутило, что совершенно удивительно ввиду специфики правящих династий в российской истории. Скандала после ряда резких высказываний о личностных качествах Канта во многом удалось избежать благодаря сдержанной позиции пресс-секретаря президента России Дмитрия Пескова, заявившего 4 декабря 2018 года, что тема голосования взволновала общественность слишком сильно.

Сказанные Генрихом Гейне в работе «К истории религии и философии в Германии» (1834) слова о сокрушающей мира мыслью Канта ныне представляются горькой иронией. Другое дело, представляется маловероятным, что самого Канта такие обвинения смутили бы, ибо как привык он быть в авангарде передовой мысли своей эпохи, так явно не побоялся обвинений в предательстве, унижении и патриархально-мужском шовинизме в наши дни. К тому же, он «считает язык не трансцендентальным, а эмпирическим феноменом» [5,

с. 134], что подразумевает расхождение между словами и реальным положением вещей, когда созерцания подводятся в опыте под понятия.

В современном кантоведении, таким образом, проблема понимания и интерпретации трудов Канта применительно к теории познания сталкивается с не менее важной и сложной проблемой понимания Канта как человека и учёного.

Список источников и литературы

1. Алданов М.А. Девятое Термидора. Москва, Берлин: Директ-Медиа, 2015. 389 с.
2. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 480 с.
3. Михайлов Ф.Т. KantversusModernPsychology // Вопросы философии. 2005. № 8. С. 22–41.
4. Скирбекк Г., Гилье Н. История философии: учебное пособие для студентов вузов / Пер. с англ. В.И. Кузнецова; Под ред. С.Б. Крымского. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2008. 799 с.
5. Соболева М.Е. Как читать Канта, или Кант в контексте современных эпистемологических дискуссий в западном аналитическом кантоведении // Вопросы философии. 2018. № 3. С. 129–140.

УДК 168.521

Вклад Н.И. Вавилова в отечественную и мировую науку

Баширов Т.А., Фаизов А.И.
г. Стерлитамак

Аннотация. В статье рассказывается о жизни и творчестве выдающегося отечественного ученого Николая Ивановича Вавилова, внесшего огромный вклад в развитие мировой науки. К наиболее значимым достижениям можно отнести основание им Всероссийского института растениеводства и основание Коллекции генетических ресурсов.

Ключевые слова: растениеводство, сельскохозяйственная культура, ботаника, коллекция генетических ресурсов, Н.И. Вавилов.

Николай Иванович Вавилов – основатель Всероссийского института растениеводства, названного впоследствии его именем. Он известен как выдающийся биолог и селекционер, лично участвовавший в десятках научных экспедициях по всему миру. Генетика, геоботаника, систематика растений и фитопатология – лишь малый перечень научных дисциплин, в которых работал Николай Иванович и которые без его огромного научного вклада было бы трудно представить такими, какие они есть сегодня. Как отмечает Э.И. Колчинский, ученый был «избран членом Лондонского и Эдинбургского Королевских обществ, индийской академии наук, Германской академии естествоиспытателей «Леопольдина», Лондонского Линнеевского общества» [1, с. 85].

Главный труд его жизни – учение о центрах (очагах) происхождения культурных растений – спустя почти век не теряет своей актуальности и продолжает оставаться руководством для ученых-агробиологов.

Основанный им институт известен в первую очередь тем, что в его стенах располагается Коллекция генетических ресурсов, содержащая около 400 тысяч образцов растений – живые образцы и семена. Пшеница, рожь, ячмень, гречиха, кукуруза, чечевица – это лишь малая часть из общего списка хранимых здесь только культурных растений [3].

Более 20 % от общего числа образцов уже исчезли с лица Земли. Они нужны для изучения и возможной гибридизации с ныне существующими видами для выведения новых, устойчивых к тем или иным условиям внешней среды сельскохозяйственных культур. Естественно, данная коллекция имеет стратегическое значение. Подобные коллекции имеются только в США, Мексике, Италии и Австралии [3].

Эту коллекцию Николай Иванович начал собирать еще в 20-е годы XX века. Организовывая поездки в разные страны, он исследовал сельскохозяйственные культуры в разных частях планеты, попутно собирая тысячи образцов растений. Во время таких экспедиций он и его соратники проходили сотни километров в поисках новых образцов.

Вавилов, кроме прочего, сформулировал несколько учений в ботанике: учение об иммунитете растений (1919), закон гомологических рядов в наследственной изменчивости (1920) и другие.

«Нет пророка в своем отечестве» – эта цитата из одной известной книги стала отражением жизненного пути многих выдающихся личностей. В их числе был и Николай Вавилов. Несогласие с новыми, антинаучными по своей сути, принципами выдвинутого им же самим аспиранта, ставшего теперь «главой сельского хозяйства» Советского Союза Трофима Лысенко, а затем многочисленные доносы, последовавшие от бывших соратников, вылились в конфликт с действующей тогда властью. И, несмотря на международный статус члена академий наук разных стран, его – выдающегося ученого, открывателя многих новых принципов в том числе

и сельского хозяйства – посадили в тюрьму и приговорили к расстрелу. Последнее научное достижение ученого произошло уже в неволе. Как пишет Я.Г. Рокитянский: «23 апреля 1942 г. Николай Иванович, находившийся в камере смертников, был представлен для баллотировки в Лондонское королевское общества и избран его членом 18 июня 1942 г. 27 июня высшая мера наказания была заменена 20 годами исправительно-трудовых лагерей» [2, с. 161]. Здоровье немолодого тогда уже Вавилова было сильно подорвано и 26 января 1943 года Николая Ивановича не стало.

Список источников и литературы

1. Колчинский Э.И. Николай Иванович Вавилов (1887-1943) // Историко-биологические исследования. 2013. №3. С. 85–89. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nikolay-ivanovich-vavilov-1887-1943>
2. Рокитянский Я.Г. Сталин – инициатор, Лысенко – главный подстрекатель убийства академика Н. И. Вавилова // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. 2012. № 4. С. 150–163. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stalin-initiator-lysenko-glavnyu-podstrekatel-ubiystva-akademika-n-i-vavilova>
3. УНУ Коллекция ВИР // Федеральный исследовательский центр. Всероссийский институт генетических ресурсов растений имени Н.И. Вавилова (ВИР). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vir.nw.ru/unu-kollektsiya-vir/>.

УДК 008:930.85:929(470.57)

Вклад башкирских деятелей культуры в историю Уфы

Баширов Т.А., Чернова А.И.
г. Стерлитамак

Аннотация. В статье рассказывается о творческой интеллигенции, которая внесла огромный вклад в развитие отечественной и мировой культуры и оставила след в истории города Уфы.

Ключевые слова: Уфа, Башкортостан, культура, писатель, искусство.

Сама республика Башкортостан – не похожий ни на один другой уголок нашей Родины, славящийся своей удивительной природой и богатой культурой. Однако самое главное его богатство – это люди, среди которых видные деятели литературы, науки, искусства. В историю Уфы навсегда вписаны имена многих знаменитых людей, уважаемых, как в Башкортостане, так и во всем мире.

В 2012 году Уфа отметила знаменательную дату – минуло сто пятьдесят лет со дня рождения блестящего художника М.В. Нестерова. Башкирский государственный художественный музей, один из старейших музеев в России расположенный в Уфе, назван именем художника. Известно, что начало его коллекции, да и основание самого музея связано с Нестеровым.

Традиционно в столице Республики Башкортостан отмечаются дни памяти Федора Шаляпина, получившего в Уфе свои первые уроки актёрского мастерства, и Рудольфа Нуреева, начинавшего свой творческий путь в детском фольклорном ансамбле в Уфе.

Выдающийся писатель Башкортостана Сергей Аксаков жил в Уфе с рождения вплоть до поступления в Казанскую гимназию. Примечательно, что его книга «Детские годы Багрова-внука» в 1980-е годы находилась на высоких местах топа бестселлеров Англии. Книги Аксакова «Семейная хроника» (1856) и «Детские годы Багрова-внука» (1858) стали любимейшими читателями и важнейшими в его творчестве. Не стоит забывать о не менее знаменитой «Семейной хронике» (1856) и, конечно, о сказке «Аленький цветочек», полюбившейся миллионам детей и взрослых во всем мире.

Особое место в культуре региона занимает творческое наследие Мустая Карима. Чингиз Айтматов отзывался о нашем соотечественнике: «Мустай Карим останется заветным ликом башкир...» [5]. Башкирский советский поэт, писатель и драматург был замечен ещё в юности, когда ему на первом курсе предложили печататься в журнале «Октябрь». Сразу после того, как Мустай Карим окончил институт, он поступил в ряды Красной Армии. Писатель был тяжело ранен на фронте, и, пройдя курс реабилитации, стал корреспондентом фронтовых газет «Советский воин», «За честь родины». Он стал обладателем многих почётных боевых наград [2].

Активная и разнообразная общественная деятельность переплеталась с продуктивной творческой работой: с 1955 по 1980 был депутатом Верховного Совета РСФСР, заместителем председателя Президиума Верховного Совета РСФСР, заместителем председателя Верховного Совета РСФСР, избирался делегатом съездов КПСС, депутатом Верховного Совета БАССР. Так же много лет являлся председателем Башкирского комитета

защиты мира, членом комитета по Ленинским и Государственным премиям при Совете Министров СССР, членом Президентского совета Республики Башкортостан. Мустай Карим опубликовал свыше 10 драматических произведений и более сотни прозаических и поэтических сборников. С творчеством писателя знакомы не только в России, но и во многих других странах [1]. На сегодняшний день существует некоммерческая организация «Фонд имени Мустая Карима», которую основали родственники великого поэта. Деятельность организации заключается в поддержке изучения башкирского языка в образовательных учреждениях республики, краеведению и истории Башкирии в ВУЗах.

Уфа подарила миру удивительного художника Б.Ф. Домашникова. Во время войны он не попал на фронт, из-за слабого здоровья его не призвали на воинскую службу, но Домашников всё же старался внести свой вклад в победу, работая в художественной мастерской колхоза. Он поднимал дух соотечественников, сочинял лозунги, рисуя плакаты. После окончания войны, в 1945 году Домашников поступил и в 1950 году закончил Уфимское театральное-художественное училище. После получения образования он преподаёт черчение и рисование в школе, создаёт декорации в Уфимском кукольном театре. Реализует себя как художник и участвует в выставках с 1953 года: в Уфе (1953), Москве (1954), Салавате (1966), Ленинграде (1972), Франции, Англии, Голландии (1976), Японии, ГДР, Польше, Венгрии (1977). Звание «Народный художник РСФСР», присвоено ему в 1975 году, а в 1982 году – «Народный художник СССР».

Нередко в частных коллекциях любителей искусства встречаются произведения Домашникова. Так же их можно увидеть примерно в сорока музейных коллекциях, в том числе и в Государственной Третьяковской галерее, Академии художеств, Государственном музее искусств народов Востока. Картины уфимского художника – предмет гордости в Национальном музее республики Башкортостан в Уфе, в Башкирском государственном художественном музее имени М. В. Нестерова, Севастопольском художественном музее и других. Именем Домашникова в Уфе названа улица, на доме, где находилась мастерская художника (ул. Салавата, 17), установлена мемориальная доска, посвященная ему [3].

Пожалуй, один из самых важных и почётных композиторов – Загир Гарипович Исмагилов – выдающийся башкирский композитор, педагог, государственный и общественный деятель, народный артист СССР. Его творчество широко повлияло на развитие театра. Заставило сделать новый виток в развитии национальной оперы, камерно-вокальной, хоровой и инструментальной музыки. Сама идея творчества Исмагилова, его направленность и тематика произведений созвучна времени и отражает гражданско-патриотическую, национальную направленность творчества, утверждающую темы дружбы и любви. В своём творчестве продолжает развивать традиции классиков русской музыкальной культуры, их исторических и музыкально-драматических концепций.

Большой вклад в развитие искусства города Уфы и Башкортостана внес знаменитый хореограф Файзи Гаскаров – основатель Башкирского академического ансамбля народного танца [4]. В военные годы он разъезжал по военным и морским частям, даря радость и поднимая дух боевым товарищам. Его концерты вселяли в солдат веру в победу. Такие отважные люди, как Гаскаров – внесли особый вклад победу СССР. Ведь в условиях военной жизни, когда кругом обычно можно лицезреть только разруху, голод, слёзы и смерть, возможность посетить концерт и увидеть улыбки людей очень ценно для фронтовиков. У них появлялась уверенность в завтрашнем дне и рождалось чувство неминуемой победы.

Газиз Альмухаметов – певец и композитор, основоположник башкирского профессионального искусства. С 1929 года жизнь и творчество народного артиста башкирской эстрады связаны с Уфой. Он первый осветил состояние башкирской музыкальной культуры в работе «В борьбе за создание башкирской советской музыки», где наметил перспективы её развития.

Альмухаметов является одним из учредителей Башкирской студии при Московской консерватории имени П. И. Чайковского и инициатором открытия Башкирской филармонии. В надежде найти среди ещё юного молодого поколения свежие голоса, он выезжает в окраины республики.

В 1929 году к юбилею Башкирской АССР Газиз Салихович в соавторстве с Виноградовым и Габяши написал торжественный марш «Башкортостан». В правительственном концерте для делегатов VII Всебашкирского юбилейного съезда Советов Альмухаметов исполнил его. На этом съезде было принято решение о присуждении певцу звания «Народный артист Башкирской АССР». С 1932 года Альмухаметов преподавал в Уфимском музыкальном училище и одновременно трудился в Башкирском научно-исследовательском институте языка и литературы. Композитор записал многие башкирские народные песни «Буранбай», «Ашкадар», «Урал», «Тафталяу», отрывок из эпического сказания «Кунгыр-буга» и другие.

Мелодии курая, народного башкирского музыкального инструмента, узнал весь мир. С народной культурой башкир иностранцы познакомились, благодаря музыке Ишмуллая Дильмухаметова. С концертами башкирской эстрады он побывал во всех районах и городах родной республики, всего Советского Союза. В составе советских делегаций культуры выступал в Италии, Франции, Швейцарии, Швеции, ГДР, ФРГ, Венгрии, Польше, Пакистане, Афганистане, Японии, Иране, Бирме и многих других странах мира. В сердцах слушателей надолго поселились волшебные мелодии курая, звучание нашего родного края.

Уфа гордится именами и многих других выдающихся деятелей искусства и культуры. В хронику культуры Башкортостана вошли имена Амира Абдразакова, братьев Аскара и Ильдара Абдразаковых, Радика Гарее-

ева и многих других знаменательных личностей. Эти люди неизмеримо обогатили культурное наследие своего города, своей республики, своей страны. Их произведения не оставили ни единого равнодушного свидетеля и коснулись самого сердца всех любящих творчество людей.

Невозможно выразить полноту любви башкирского народа к своей Отчизне, желание подчеркнуть и высветить красоту родного края. Эта любовь выливается в возвышенные произведения искусства: стихи, картины, музыкальные композиции. На Уфу, как на столицу Республики Башкортостан, возложена большая ответственность – дать возможность развиваться культурному народному движению в регионе.

Список источников и литературы

1. Гайнуллин М.Ф., Хусаинов Г.Б. Писатели советской Башкирии. Библиографический справочник. Уфа, 1977. 241 с.
2. Мустай Карим. Биография // Некоммерческая организация «Фонд имени Мустая Карима». [Электронный ресурс]. URL.: <http://mustai.ru/biography>
3. Оськина И.Н. Домашников Борис Федорович // ГАУН РБ «Башкирская энциклопедия». [Электронный ресурс]. URL.: <http://xn----7sbacsfscnbdnzsqis3h5a6ivbm.xn--p1ai/index.php/2-statya/11614-domashnikov-boris-fjodorovich>
4. Сайтов С.С., Шафиков Г.Г. Гаскаров Файзи Адгамович // Архивы Башкортостана. Сайт Управления по делам архивов Республики Башкортостан. [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.gasrb.ru/shegere822.html>
5. Чингиз Айтматов: «Мустай Карим останется заветным ликом башкир» // АО ИА «Башинформ». Политика. [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.bashinform.ru/news/127784-chingiz-aytmatov-quot-mustay-karim-ostanetsya-zavetnym-likom-bashkir-quot/>
6. УНУ Коллекция ВИР // Федеральный исследовательский центр. Всероссийский институт генетических ресурсов растений имени Н.И. Вавилова (ВИР). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vir.nw.ru/unu-kolleksiya-vir/>

УДК82-94(470.40)

Взгляд на роль Владивостока в воспоминаниях представителей местного бизнеса (конец XIX – начало XX в.)

Боровик Е.В.
г. Владивосток

Аннотация. В статье рассматривается образ города Владивостока конца XIX – начала XX в. в воспоминаниях местных предпринимателей и их потомков. На примере их видения бизнеса отражаются отличительные особенности Владивостока и Приморского края: особенности торговли, природа, промышленности и сельского хозяйства.

Ключевые слова: город, история, воспоминания, интеллектуальная история, эго-документы, бизнесмены, торговля.

Образ Владивостока, взгляд на его судьбу и роль можно найти в отчетах и различных документах, составленных чиновниками, в воспоминаниях представителей местного бизнеса, а также различных деятелей искусства и образования, в официальных и неофициальных переписках.

В данной статье мы рассмотрим, каким был город Владивосток в представлении некоторых предпринимателей, живших во Владивостоке и землях близ него в конце XIX – начале XX века.

Первой личностью, в контексте жизни которой мы складывается образ Владивостока, станет Жюль Бриннер, купец первой гильдии, швейцарец, поселившийся во Владивостоке спустя 10 лет после его основания. Сейчас рядом с Владивостоком, как в своих воспоминаниях пишет Ирина Бриннер, внучка Жюля, «есть мыс Бринера – его назвали в честь моего деда» [1, с. 25]. В качестве источников нами использованы воспоминания его внуков Рока Бриннера [2] и Ирины Бриннер [1].

Кем же был Жюль Бриннер? До того момента, как судьба связала его с русским Дальним Востоком, он в очень раннем возрасте покинул дом, успел морем проехать полмира, остановился в Азии, работал в Шанхае и Нагасаки. Впервые он приехал во Владивосток в середине 1970-х годов, после чего уже история города и этого человека развивались параллельно.

Взгляд Жюля Бринера на Владивосток, как считает его правнук Рок Бриннер, был лишен романтики, а представлял собой в основном прагматический интерес. Тем не менее, его глубокая заинтересованность местными особенностями природы, торговли, добычи полезных ископаемых была достаточно широкой и вы-

ходила за рамки лишь личного интереса: Жюль Бринер «изучал предприятия и компании Дальнего Востока и то, как они могут сотрудничать, чтобы регион этот развивался» [2, с. 28].

Предприниматель видел в молодом регионе огромный потенциал и предсказывал ему большое будущее. Причиной тому был все же европейский дух России и всех ее, пусть даже самых отдаленных регионов: «Жюль наверняка прикидывал, что настанет день, когда он сможет из нового русского порта доехать до Европы» [2, с. 31]. И поэтому Жюль Бринер и переносит сюда свою «штаб-квартиру», получая при этом налоговые преимущества.

Владивосток времен Жюля Бринера был уже не тем диким местом, «с большой землей которое соединяла лишь коровья тропа» [2, с. 32]. Но все же это был город, постоянно подверженный нападениям тигров: «Тысячи амурских тигров бродили по густым лесам вокруг Амурского залива, с наступлением темноты забредали и к матросским баракам в поисках поживы, и утаскивали домашний скот. Ночи на военно-морском посту не проходило без выстрелов» [2, с. 33]. Это был город деревянных некрасивых построек, малочисленных русских людей, и большого количества китайцев и корейцев, которые на тот момент были дешевой рабочей силой. Жюль вспоминал о том, что этот город с сонной гаванью, который посещало очень мало судов (порядка 20 в год) [2, с. 37]. Жюль также отмечал, что город этот отделяют на Европы непроходимые и непроездные дороги, к которым полгода пути, а населяют его в основном выходцы из Китая и Кореи. Так что, в понимании молодого предпринимателя, городу требовались серьезные и сознательные усилия в плане реформации [2, с. 38]. Рок Бриннер отмечает, что будущее Владивостока его прадед всегда видел в деятельности небольшой группы заинтересованных, «сведущих» людей («уже по мере развития города усилиями горстки личностей, заботящихся об интересах общества, он приобрел огромное стратегическое и геополитическое значение») [2, с. 48]. Эту группу заинтересованных лиц, Жюль Бринер называет «отцами города» [2, с. 50].

Но из всего вышеперечисленного для молодой предпринимателя важнее скорее то, что Владивосток – это город, соединенный телеграфным кабелем с Шанхаем и подводным кабелем с Нагасаки [2, с. 36]. К тому же, это был город, где работал торговый дом «Кунсту и Альберсу» («нигде больше в России не существовало ничего подобного» [2, с. 40]): здесь можно было купить самые разные товары с самых разных концов света – товары самые обычные и необходимые, а также редкие и даже дикие.

Вероятно, что именно этот факт стал одной из причин «увеличения объемов торговли «Кунста и Альберса» с торговцами шелка, чьи заказы поступали через судоходное агентство в Нагасаки» [2, с. 36].

Владивосток 70-х гг. – это место, где молодому предприимчивому предпринимателю, не владеющему русским языком, не составило труда познакомиться с особенностями региона – в этом деле ему помогли немецкие предприниматели Густав Альберс и Адольф Даттан. Жюль воспринимал немецкоговорящих партнеров как общину, которой под силу будет развить этот город, сделать его истинно европейским, а также собственный бизнес [2, с. 37]. В этом вопросе ему на руку было еще и то, что режим порто-франко, установленный во Владивостоке, освободил его от значительных налогов.

Удачное расположение города, близость к азиатским державам, торговый потенциал – все это убедило Жюля Бринера в том, что необходимо открывать здесь собственное парокходство.

Жюль Бринер старался разнообразить собственные деловые интересы, а порядок дел в городе давал возможность для этого. Возможность заключалась в следующем – суда Жюля из порта Владивосток уходили пустыми (что увеличивало стоимость импорта в два раза), так как город не экспортировал ничего кроме морской капусты. В то время, как удаленность города предполагала вечный дефицит предметов первой необходимости. «Поэтому причин создавать новые предприятия, которые наполняли бы трюмы его судов, ушедших в Нагасаки, Шанхай и Гонконг, у него было более чем достаточно» [2, с. 39]. Молодой предприниматель начинает вкладывать капитал в уже существующие предприятия, а потом и принимает важное решение – основывать собственные. Таким образом, Владивосток Жюля Бринера – это место, дающее большое количество возможностей, которые при желании можно освоить: бескрайние леса, горы, уголь. Осваивая лесную, горную, угольную промышленность, золотодобычу, Жюль находит, чем заполнить трюмы своих кораблей, а также, как отмечают его потомки, предоставляет региону немалое число рабочих мест: «лесорубы, тележники и колесники, фрезеровщики, канатчики, счетоводы и многие другие» [2, с. 44].

Рок Бриннер отмечает, что спустя почти десять лет проживания в русских дальневосточных землях образ города для Жюля Бринера изменился. К 1884 году это был населенный пункт, который насчитывал порядка восьми тысяч человек, имел городскую элиту, земли вблизи и вокруг него постепенно заселялись переселенцами из европейской части России, появилась телефонная сеть. Отмечается также космополитический характер города: «здесь жили североамериканцы, французы, шведы, турки, итальянцы, сербы, немцы, датчане, швейцарцы и англичане, а также множество представителей соседних наций японцев, корейцев и китайцев» [2, с. 43].

Спустя еще 5 лет образ города значительно изменяется. Он стал конечным пунктом Транссибирской магистрали, самой длинной железной дороги в мире. Такой статус город приобрел после посещения его цесаревичем Николаем, который собственноручно заложил первый камень владивостокского вокзала, чем, как отмечает уже в XXI веке потомок Жюля Бринера, «поставив честь империи на завершение строительства магистрали» [2, с. 51]. Изменился не только статус, но и облик города, потомок Жюля сравнивает его с «Сан-

Франциско после золотой лихорадки: в грубую инфраструктуру метрополии там были вправлены неожиданные изощренность и культура» [2, с. 52].

Еще одной важной вехой в истории Владивостока и Приморья стала семья Янковских. Пан Михаил Иванович Янковский, поляк, ссыльный каторжник после Польского восстания 1863 года, прибыл во Владивосток, управлял золотым прииском на острове Аскольд, а позднее жил и работал на «девственном гористом полуострове на берегу Амурского залива под Владивостоком, который теперь носит его имя» [3, с. 8]. Сейчас этот полуостров называется полуостровом Янковского, на котором расположено село Безверхово, носившее старое удэгейское название Сидими (или Сидеми), также называлась и усадьба Янковских в этом месте. Михаил Иванович и его сын Юрий Михайлович внесли огромный вклад в жизнь и развитие края. Их жизнь в Приморских землях описана в книге «Полвека охоты на тигров» [3].

Образ местных земель в «жизнеописании» Янковских несколько отличен от того, что мы видели в воспоминаниях Рока Бриннера. Начало предпринимательской деятельности Михаила Ивановича Янковского, «пионера Приморья» [3, с. 15], датируется концом 1870–х гг. В это время, не имея почти ничего, он начинает собственное дело в достаточно разных направлениях. Его внук, Валерий Юрьевич Янковский, так описывал начало работы своего деда: «Началом конного завода в 1879 году явился невзрачный российский жеребчик Атаман и десяток крохотных корейских, маньчжурских и монгольских кобылок, четырех из которых со всем приплодом в первую же зиму задрал тигр. Пантовое оленеводство – с трех забредших на полуостров из тайги пятнистых оленей. Первая в России плантация женьшеня возникла из горстки корешков и семян, доставленных аборигенами – тазами» [3, с. 9].

Интересно то, что сын, Юрий Михайлович Янковский, создание одного из самых больших хозяйств Приморья объясняет любовью своего отца к природе, не указывая при этом на прагматические причины, попытки обрести финансовую независимость и пр.: «Будучи большим любителем природы, решительным и храбрым человеком, он не удовлетворялся жизнью города и решил одним из первых поселиться в провинции, зная заранее, на какие опасности и лишения он идет» [3, с. 10].

Таким образом, сама природа этого места, еще дикая и неосвоенная, давала поле для действий. А с другой стороны место определяли и дальнейший образ жизни: все Янковские любили труд, «приказчиков» не нанимали, наемных работников брали как можно меньше, работали с самого раннего утра. «Отец с зарею бывал уже в седле, объезжая все работы, часто за пределами полуострова. А двое вооруженных дежурных ежедневно скакали верхом в объезд полуострова. В этом хозяйстве никогда не возникало палов, за десятилетия поднялись прекрасные леса, едва ли не всех дальневосточных пород. Дом-замок, олений парк, лошади, женьшень» [3, с. 9].

И результат в конечном итоге на заставил себя ждать. Усадьба Янковских к началу XX века стала образцом того, к чему приводит упорный совместный труд: «Сотни прекрасных лошадей пополняли кавалерию и артиллерийские части, тянули плуг русского переселенца-хлебопашца, с блеском выступали на бегах и скачках, украшая полки гостиной старого дома серебряными кубками. Стадо оленей за эти годы перевалило за две тысячи голов. Плантация женьшеня насчитывала десятки тысяч корней» [3, с. 12]. Сидеми посещали известные писатели и поэты, ученые, натуралисты. Губернаторы самых высоких гостей знакомили с хозяйством Янковских.

Но образ далекого края в воспоминаниях Янковских связан еще и большими трудностями, опасностями, непреодолимыми препятствиями и тяжелыми потерями. Вечными противниками дела Янковских были хищники – тигры, барсы. Хищники, спокойно гуляющие в населенной местности, нападающие на домашний скот, породистых лошадей, были обычным делом. В воспоминаниях Юрия Михайловича Янковского много страниц посвящено этому неравному бою с тиграми, где порой человеку даже удавалось побеждать. «Для борьбы с четвероногими и двуногими хищниками на всех вершинах гор были установлены егерские сторожки, связанные телефонами с центральной усадьбой» [3, с. 20]. В целом же охота на тигров, защита от них своего дома, своего имущества стала семейным делом, в котором участвовали все домочадцы (и даже женщины имели винчестер) и наемные работники.

Но образ здешних мест в воспоминаниях Янковских – это не только бескрайние леса, дикие животные, но и страшные опасности из мира людей. Еще одной важной составляющей Владивостока и края конца XIX века являются хунхузы, маньчжурские разбойники, которые грабили и убивали жителей дальневосточной окраины – от их действий страдали как русские, как и азиаты. Михаил Иванович Янковский и его сосед капитан Гек, потерявший семью из-за действий хунхузов, возглавили сопротивление против грабителей. В воспоминаниях образ Янковского-старшего – это образ бесстрашного защитника: «Когда дани не хватало, хунхузы убивали корейцев, и те обратились к отцу за защитой. Отец согласился, объединил их со своими служащими, вооружил и организовал правильную борьбу с хунхузами. Как храбрый начальник и исключительно меткий стрелок, отец получил от корейцев прозвище «Нэнуни» (четыреглазый)» [3, с. 25].

Он боролся с разбойниками почти 20 лет. Поэтому дело Янковских – это не только огромное и успешное хозяйство, это еще и образ «запертого дома»: «Куда-то посылают разведчиков, вечером осматривают, прочно ли заперты дубовые, окованные железом двери дома. Во всех окнах были решетки из толстого круглого желе-

за, через которые в дом нельзя было проникнуть. Идя по воду или доить коров, захватывали на всякий случай винчестер» [3, с. 26].

Образ города Владивостока в воспоминаниях семей Бриннеров и Янковских складывается достаточно разный: для Жюля Бриннера город, это множество возможностей для развития бизнеса. Окружающий мир как будто сам подсказывал молодому предпринимателю, чем можно заниматься в молодом и диком края. Владивосток для Янковских – это непростые, но удивительные отношения с природой и обществом: природа – это опасности, леса, наполненные хищниками-животными и хищниками-людьми, но природа – это и бесконечно щедрый ресурс (возможность земледелия и животноводства), требующий большого труда и уважения.

Список источников и литературы

1. Бриннер Р. Империя и одиссея. Бриннеры в Дальневосточной России и за ее пределами. Владивосток: Валентин, 2016. 368 с.
2. Бриннер И. Что я помню. Воспоминания. Владивосток: Тихоокеанское издательств «Рубеж», 2014. 280 с.
3. Янковский М.И., Янковский Ю.М, Янковский В.Ю. Нэнунни. Дальневосточная одиссея. Владивосток: Рубеж, 2012. 640 с.

УДК 94(470.5)

Кто они-люди Югры?

Гайнуллина В.Ф.
г. Стерлитамак

Аннотация. В статье рассмотрены известные спортсмены, актеры Югры, экс губернатор Тюменской области, а ныне мэр Москвы С. Собянин. Особое внимание уделено первой приемной семье города Нижневартовска, общественному деятелю и волонтеру Р. Губайдуллину.

Ключевые слова: ХМАО-Югра, ханты, манси, С. Собянин, К. Сухинова, Н.В. Богатырёва, добровольцы.

У нашей необъятной страны много легендарных людей, и у каждого из них была своя малая родина. Ханты-Мансийский автономный округ Югра гордится людьми, которые прославили себя, свой край Среднего Приобья и благодаря которым о суровой земле становится известно в мире.

Югра – это древнерусское название Югорской земли, которая занимает часть Северного Урала. Известно, что первое письменное сообщение о народах, живущих в центре Западной Сибири, было записано в 1118 г. в «Повести временных лет». На основании экспертных заключений РАН, в 2018 году Югре исполнилось 900 лет с момента первого упоминания в русских исторических летописях. Тогда же появился знаменитый рассказ о походе новгородцев в «Земли неведомые».

Летопись рассказывала о неизвестном народе – югра: остяки (ханты) и вогулы (манси). Летописец сообщает: «Теперь же хочу поведать, о чем слышал четыре года назад и что рассказал мне Гюрята Рогович, новгородец, говоря так: «Послал я отрока своего в Печору, к людям, которые дань дают Новгороду. И пришел отрок мой к ним, а оттуда пошел в землю Югорскую. Югра же – это люди с языком непонятным, и соседствуют они с самоядью в северных странах» [2]. В 1930 г. округ назывался Остяко-Вогульский национальный округ, с центром в с. Самарово (современный г. Ханты-Мансийск). 10 декабря 2018 г. в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре отмечалось 88 лет со дня его образования и ровно 40 лет с момента его автономии. Округ расположен к востоку от Уральских гор. В самом центре Западно-Сибирской равнины. Югра славится своими месторождениями нефти и газа, но главное богатство – это люди, которые работают, живут на территории округа, прославляя его.

Югра имеет славу спортивного региона не только в России, но и в мире. Здесь культивируются 103 вида спорта, 16 из них определены федеральной властью как приоритетные: биатлон, сноуборд, легкая атлетика, лыжные гонки и др. В Югре выросло и проживает не мало спортсменов, которые показывают успехи не только в соревнованиях по России, но и в олимпийских и паралимпийских играх: Алексей Витальевич Ашапатов [7] – чемпион и рекордсмен летних Паралимпийских игр 2008 и 2012 годов, чемпион мира (2006), чемпион Европы (2005), десятикратный чемпион России по лёгкой атлетике; биатлонист Алексей Анатольевич Волков – заслуженный мастер спорта, Олимпийский чемпион 2014 года, единственный в истории шестикратный чемпион Европы, многократный призёр чемпионатов Европы, восьмикратный чемпион России, многократный призёр чемпионатов России, двукратный чемпион мира по летнему биатлону; Мария Юрьевна Шарапова [6] – заслуженный мастер спорта и звезда мирового тенниса; Евгений Михайлович Макаренко – многократный чемпион мира и Европы по боксу.

66 спортсменов-инвалидов Югры входят в состав сборных команд России. 7 из них завоевали титул олимпийских чемпионов.

Много писателей художников, чьи фамилии могут быть и не известны за пределами ХМАО-Югры, но внёсшие свой вклад для её культуры: В.П. Андреев, П.В. Бармин, Е.Д. Айпин, Г.М. Визель, В.В. Колов, Е.Д. Айпин [3] – хантыйский советский и российский писатель.

Гордость Югорской земли-Сергей Николаевич Рыжиков – герой России, российский космонавт-испытатель отряда космонавтов Роскосмоса.

Бывший губернатор Тюменской области, а ныне руководитель Администрации президента В.В. Путина, третий мэр Москвы Сергей Семёнович Собянин [5] также родился, вырос и начинал свою карьеру в Ханты-Мансийском автономном округе. Достижения Сергея Собянина на посту мэра Москвы по достоинству были оценены его коллегами и руководством страны. Он остановил разрушение исторической Москвы, добился развития общественного транспорта, наладил борьбу с организованной преступностью и незаконной торговлей, модернизировал городские системы образования и здравоохранения, обеспечил прозрачность бюджета города.

Молодое поколение знает такие имена как Ксения Сухинова (победительница конкурса «Мисс Россия 2007», «Мисс Мира 2008»), Полиина Сибатуллина (российская актриса сатирического жанра, бывшая участница проекта «ComedyWoman»), Елена Гуцина (певица, актриса, телеведущая), Татьяна Шаманина (российской певицей, вокалисткой англоязычной группы «GuruGrooveFoundation»), но мало кто знает, что родились они в сибирском городе Нижневартовск.

Особое внимание следует уделить людям менее известным за пределами ХМАО-Югры, но определенно именно по их деятельности можно судить о людях, проживающих в столь суровых климатических условиях.

История нижевартовской семьи Богатыревых Геннадия Петровича и Нины Владимировны похожа на подвиг. Они стали родителями для 52 детей, став примером для других семей.

В 1989 году Геннадий Петрович и Нина Владимировна открыли семейный детский дом. В это же время одновременно с ними в Нижневартовске открылось еще 2 семейных детских дома, но только они существуют и по настоящее время.

По мнению Н.В. Богатырёвой для детей семья – это колодец, из которого черпаются ценности для будущей взрослой жизни. Именно в семье они учатся уважению, ответственности и состраданию. Теплота и любовь, которую получают приёмные дети в семье, послужит фундаментом для их счастья. И, взрослея, именно на этом фундаменте, они будут с такой же любовью выстраивать свои взаимоотношения с людьми и с окружающим миром.

Нина Владимировна согласно Указу № 621 Президента РФ от 29.04.2008 г. награждена Орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Если в ближайшее время хотим видеть среди подрастающего поколения законопослушных и добропорядочных граждан, нам всем необходимо принять посильное участие в их судьбе, это и стало основным кредо в деятельности Рената Иншаровича Губайдуллина – сторонника здорового образа жизни и общественика. Он является не только руководителем Благотворительного фонда «Во благо», но и обладает рядом регалий: посол Мира, факелоносец Универсиады в Казани, волонтер Олимпийских Игр, руководитель регионального проекта «Беги за мной». Он же – один из создателей проекта «Час спорта со звездой». Вот уже три года он собирает людей на воскресные пробежки, среди которых обязательно есть известная личность.

Следует отметить, что процесс развития добровольческого движения в Югре рассматривается в неразрывной связи с общими процессами развития добровольчества в стране и в мире, с потребностями социального развития, с учетом социальной специфики в условиях многонационального муниципального образования. Основная часть работы по развитию, поддержке и координации молодежного добровольчества в городе Нижневартовске осуществляется Городским добровольческим центром, созданным в декабре 2010 года при МАУ города Нижневартовска «Молодёжный центр».

Добровольческая деятельность в городе представлена многими общественными объединениями, которые проводят акции, праздники, флешмобы в поддержку здорового образа жизни. На сегодняшний день, опыт добровольческой деятельности в Нижневартовске показывает, что вопросы серьёзной, структурированной, системной организации добровольчества требуют специальных профессиональных подходов, поскольку в данной работе заложен колоссальный потенциал. Можно сказать, что развитие волонтерства может стать незаменимым ресурсом, который в свою очередь, может мобилизовать доступные силы на решении действительно важных социально-экономических и социально-политических проблем. Ведь в современных условиях важно отходить от понимания общественной работы, как чего-то необязательного, малозначительного и непрофессионального. По мнению А.И. Солженицына нашей стране не добиться процветания без сочетания действий централизованной власти и общественных сил.

Велика наша история и как мало мы её знаем, интересуемся большим, но забываем про малое, а ведь именно с этого малого и начинается Родина.

Список источников и литературы

1. Югра 20/11/2013 [Электронный ресурс] URL: <https://ugra.aif.ru/society/1027775/>.
2. Официальный сайт Коренный малочисленный народы севера ХМАО-Югры. [Электронный ресурс]. URL: <https://kmns.admhmao.ru/personalii/tvorcheskayaintelligentsiya/299468/aypin-eremey-danilovich/>
3. Официальный сайт органов местного самоуправления города Нижневартовска. [Электронный ресурс]. URL: https://www.n-vartovsk.ru/inf/youth_policy/320009.html/.
4. Сергей Семёнович Собянин. Биография. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sobyenin.ru/biography>.
5. Шарапова Мария Юрьевна. Биография. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sharapova.ru/biography.html/>.
6. Электронная библиотека биографических данных Виперсон. [Электронный ресурс]. URL: <http://viperson.ru/people/ashapatov-aleksey-vitalievich/>.
7. Электронное периодическое издание: Российское информационное агентство Руспех. [Электронный ресурс]. URL: <https://ruspekh.ru/people/makarenko-evgenij-mikhajlovich/>.

УДК 908

Память о великом сказочнике

Делова Л.А.
г. Майкоп

Аннотация. В статье рассказывается о знаменитом писателе Евгении Львовиче Шварце, чьи детские годы прошли в Майкопе. Этот город Е. Шварц впоследствии не раз называл родиной своей души. В 2009 г. были опубликованы дневники писателя, хранившиеся до этого в Центральном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ), г. Москва Мемуары Е. Шварца передают атмосферу Майкопа – молодого провинциального городка начала XX века, рисуют жизнь местной интеллигенции, описывают различные уголки города. Его дневники стали энциклопедией жизни Майкопа 1900-х – 1910-х годов. Майкопчане трепетно хранят память о великом сказочнике: в городе установлены две мемориальные доски на зданиях, где учился и жил Е.Л. Шварц; разработаны маршруты экскурсий по местам, связанным с именем известного писателя.

Ключевые слова: Майкоп, детство, мемуары, писатель, начало XX века.

Город Майкоп, расположенный на юге России, в Южном федеральном округе, славен людьми, которые здесь родились или жили в разное время, в разные годы жизни. Это герои, совершившие подвиги в годы войн (Х. Андрухаев, И. Бригидин, Н. Юдин и многие другие), деятели искусства (М. Магомаев, Л. Ахеджакова).

Но одним из наиболее известных людей, проживавших в Майкопе и с теплотой и любовью описавших город, его жителей, атмосферу провинциального городка начала XX века, стал известный писатель, драматург Евгений Шварц (1896–1958), живший здесь в детские годы. Большая часть жизни писателя прошла в Ленинграде.

Советскому, а потом российскому читателю и зрителю Евгений Львович Шварц известен как автор сценариев фильмов «Первоклассница», «Золушка», «Дон-Кихот», «Обыкновенное чудо», «Тень», «Дракон», «Камин XVII».

Его отец, Лев Васильевич Шварц, врач, был лишён права проживания в столичных губернских городах за революционные взгляды. Волею судьбы писатель с родителями оказался в Майкопе в начале XX века и стал практически единственным и в высшей степени выдающимся летописцем интересной во многих отношениях жизни молодого провинциального городка на южной окраине России. В возрасте пяти лет Женя Шварц впервые попал в Майкоп. Годы детства до учёбы в гимназии, потом гимназия – всё это было в Майкопе. Его детство и юность прошли здесь на рубеже столетий, и драматург всегда считал, что он состоялся и как человек, и как писатель благодаря своему любимому городу. Об этом он многократно упоминает в своих мемуарах.

Вот как он об этом вспоминал (запись в дневнике от 18 августа 1950 г.): «Но вот, наконец, совершается переезд в Майкоп, на родину моей души, в тот самый город, где я вырос таким, как есть. Все, что было потом, развивало или приглушало то, что во мне зародилось в эти майкопские годы» [3, с. 65].

Майкопчане трепетно хранят память о человеке, который с такой теплотой писал о любимом им городе: в честь 80-летия писателя на стене старинного здания, училища, где до революции учился Женя Шварц, а теперь городской гимназии № 5, в 1976 году была установлена мемориальная доска.

В 2008 году, в год 50-летия со дня смерти писателя, в торжественной обстановке была открыта ещё одна мемориальная доска – на здании дома № 19 по ул. Победы, где жил Женя с родителями. Надпись гласит, что здесь «с 1906 по 1913 гг. прошли детские и юношеские годы всемирно известного писателя и драматурга Ев-

гения Шварца». На открытие памятной доски приехала из Петербурга внучка писателя, Мария Олеговна Крыжановская. Обаяние города, нежно любимого бабушкой, было так велико, что Мария Олеговна хотела переехать в Майкоп [1]. Этого не случилось, но внучка знаменитого писателя выкупила половину дома, в котором её бабушка жила в детстве вместе с родителями. М.О. Крыжановская планирует выкупить весь дом и создать музей, воссоздав атмосферу того времени, когда здесь жил Евгений Львович Шварц [1].

В научной библиотеке технологического университета города разработан и осуществлён проект «Майкопчанин Евгений Шварц». На основе дневников Шварца и старых фотографий города составлен маршрут по тем местам города, о которых писал знаменитый сказочник. Многие здания сохранились до нашего времени.

«Ирина Константинова (главный библиотекарь Майкопского технологического университета) начинает экскурсию с площади имени Ленина. Прямо напротив памятника вождю по улице Краснооктябрьской находится двухэтажное розовое здание. Сегодня здесь располагается учреждение, подведомственное МВД республики. А в начале XX века это была гостиница «Европейская», владельцем которой был купец Иван Васильевич Завершинский. Именно сюда заселился по приезду в Майкоп Евгений Шварц со своими родителями в 1902 году» [2].

Любому майкопчанину, читающему мемуары Е. Шварца или идущему с экскурсией по местам, описанным знаменитым сказочником, интересно узнать, что там, где сейчас находится площадь имени Ленина, в самом центре города, в начале XX века «...лежала базарная площадь, на которую было интересно смотреть. Возы с сеном, возы с серыми мешками: что в них – зерно, мука, подсолнухи? Волы, кони и даже верблюды, которых я видел впервые» [3, с. 64].

В мемуарах Евгения Шварца не раз упоминается городской сад, ныне парк культуры и отдыха. Писатель рассказывает о зданиях, расположенных в центре города, многие из которых сохранились до нашего времени. Нашим современникам интересно узнать о том, что располагалось в этих зданиях в начале XX века, кому они принадлежали.

Но особенно интересны страницы дневника писателя, где рассказано о жизни интеллигенции того времени: врачах, учителях, архитекторах – людях, с которыми общалась семья Шварцев.

Мемуары писателя дают возможность узнать о социокультурной жизни города Майкопа начала XX века.

Не случайно публикация отрывков из дневников Е.Л. Шварца, хранившихся до этого в Центральном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ), г. Москва, в журнале «Советская Адыгея» в 2009 году вызвала огромный интерес у майкопчан.

Жители Майкопа помнят и чтут Евгения Львовича Шварца, так пронзительно и душевно описавшего любимый им город на юге России.

Список источников и литературы

1. Филонова Т. А вдруг случится обыкновенное чудо? Интервью «СА» с внучкой писателя Евгения Шварца // Советская Адыгея. 2019. 20. 08. [Электронный ресурс]. URL: <https://sovetskaya-adygeya.ru/index.php/intervyu/17970-a-vdrug-sluchitsya-obyknovennoe-chudo-intervyu-sa-s-vnuchkoj-pisatelya-evgeniya-shvartsa>.
2. Филонова Т. Проект научной библиотеки МГТУ «Майкопчанин Евгений Шварц» получил продолжение // Советская Адыгея. 2017. 26.07. [Электронный ресурс]. URL.: <https://sovetskaya-adygeya.ru/index.php/intervyu/17970-a-vdrug-sluchitsya-obyknovennoe-chudo-intervyu-sa-s-vnuchkoj-pisatelya-evgeniya-shvartsa>.
3. Шварц Е. Л. Родина моей души. Воспоминания о Майкопе. Из дневников разных лет // Литературная Адыгея. 2009. № 1.

УДК 81'271; 82.085; 808.5

«Белая роза» Александра Шмореля

Ежова Т.В., Малахова А.В.
г. Оренбург

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы, связанные с деятельностью в середине XX века студенческой антифашистской группы «Белая роза». Ее основатель – Александр Шморель – герой-оренбуржец.

Цель работы – рассмотреть социокультурные, религиозные и гражданско-нравственные итоги деятельности «Белой розы»; изучить вклад А. Шмореля в борьбу с нацизмом; исследовать современный воспитательный и морально-нравственный потенциал подвига студентов-антифашистов.

В работе отражены и проанализированы основные этапы работы группы студенческого Сопротивления. Исследован гражданский и христианский подвиг студентов-антифашистов. Приведена информация

о шагах, предпринимаемых оренбургскими общественными лидерами, образовательными учреждениями, властями, нацеленных на сохранение и увековечивание благодарной памяти о земляке-герое.

Делается акцент на морально-нравственном и гражданском аспектах деятельности антифашистской организации в рамках образовательного процесса современного вуза.

Ключевые слова: Александр Шморель, герои-антифашисты, «Белая роза», гражданский подвиг.

У каждой эпохи – свои герои, у каждого города – свои славные сыновья и дочери. Оренбург по праву может гордиться именами тех, кто в нем родился, жил, трудился или учился, принося пользу и славу не только родному краю, но и всей стране: известный историк П.И. Рычков, выдающийся ученый В.Н. Татищев, писатель С.Т. Аксаков, драматург, поэт Г.Р. Державин, лексикограф, этнограф В.И. Даль, руководитель крестьянского восстания Е.И. Пугачев, генерал-полковник, командовавший дивизией, защищавшей Сталинград, А.И. Родимцев, космонавты Ю.А. Гагарин, Ю.В. Романенко, виолончелист, дирижер М.Л. Ростропович, политик В.С. Черномырдин, офицер, вызвавший огонь террористов на себя, А. Прохоренко и многие другие. Имя Александра Шмореля занимает почетное место в этом ряду, поскольку именно благодаря его христианской убежденности и гуманизму, твердой уверенности в губительности и гибельности для всего человечества нацистских идей и пылкому желанию «открыть глаза», «достучаться до сердец и совести» всех равнодушных, верующих и честных граждан Германии стало возможным и реальным внутреннее сопротивление в стране, объятай и опутанной фашизмом.

Александр Шморель – один из создателей и активных участников подпольной студенческой группы сопротивления нацизму «Белая роза». За распространение антигитлеровских листовок участников «Белой розы» в 1943 году казнили в Мюнхене, учинив несправедливый суд. За свой христианский и жизненный подвиг, стоивший жизни основателю (и всем участникам «Белой розы») в 2012 г. Александр Шморель был канонизирован Русской православной церковью как святой Александр Мюнхенский, ныне почитаемый как христианский защитник и праведник.

Александр Шморель родился 17 сентября 1917 г. в Оренбурге в семье немецкого доктора Г. Шмореля и дочери русского священника Н. Введенской. Мать умерла от тифа, когда сыну исполнилось два года. Семья покинула Россию в 1921 году, взяв с собой няню Феодосию, которая так и не выучила ни слова по-немецки, зато рассказывала детям сказки, пела колыбельные и взрастила в Александре невероятную, преданную и чистую любовь к России, воспитав его православным христианином. Свой христианский долг перед людьми Александр Шморель осознавал удивительно лично и глубоко. Глубокая религиозность Александра и его единомышленников стала фундаментом, на котором основывалась идея гражданского сопротивления против страшных, разрушительных, бесчеловечных идей нацизма.

Весной 1940 г. А. Шморель был мобилизован и в составе санитарной роты принял участие в боевых действиях в оккупированной Франции. У молодого студента-медика давно зрело чувство ненависти к национал-социализму, но увидев ужас, который сеяли фашисты во Франции, он окончательно определился со своим непримиримым отношением к политическому курсу набиравшего силу Третьего Рейха. Осенью этого же Шморель вернулся в университет, где сдружился с Гансом Шолем, тоже ненавидящим тоталитарный режим Германии, и познакомил Шоля со своим другом детства и единомышленником Кристофом Пробстом [6].

Переломным стал 1941 год: Германия вероломно нападает на вчерашнего союзника, СССР. Негативное отношение к Гитлеру в Германии нарастает: образованная, прогрессивная, христианская часть немецкого общества выражает протест против проводимой государством политики. Тогда же студенты-медики впервые узнали от знакомых о еврейских гетто и решились на сопротивление, решительно осуждая происходящее в стране.

В книге Игоря Храмова – президента Оренбургского благотворительного фонда «Евразия» – «Русская душа «Белой Розы» есть проникновенные слова о том, что Ганса Шоля, Кристофа Пробста, Вилли Гранта и Александра Шмореля, а также их профессора Курта Хубера, решивших высказаться против бесчеловечной идеологии национал-социализма, объединяла вера во Христа, дружба, любовь к культуре, литературе, поэзии, музыке. Они любили спорить о Достоевском и Толстом, о России. Они зачитывались Гетте, Гессе, Аристотелем и Навалисом. Молодые люди, будучи культурными, образованными, верующими, мыслящими людьми, не могли молчать, не имели морального права перед собой и согражданами не выражать протест против бесчеловечной государственной политики. И они не молчали! И начали действовать.

Весной 1942 г. студенты-антифашисты напечатали, откопировали на гектографе, упаковали в конверты с марками и отослали по адресам, найденным в телефонном справочнике, первые листовки. Эти политико-философские тексты, опирающиеся на нормы христианской морали, взывающие к разуму и совести немецкой нации, были рассчитаны на высокообразованную часть населения страны. Они обращались к тем, кто осознавал актуальность движения Сопротивления, кто также как и они видел в Гитлере «демона» и «посла Антихриста», приносящего в жертву молодое поколение Германии. О «тайной почте» практически сразу стало известно гестапо: многие из сотен получателей оказались «бдительными гражданами» и отнесли листовки в полицию [6].

Позднее к юношам примкнула Софи Шоль, сестра Ганса, а также профессор Хубер, оказавшийся в числе адресатов «тайной почты».

Летом 1942 г. Шморель, Шоль и Граф были отправлены на Восточный фронт. Юноши своими глазами увидели ужас, горе, смерть, что нес с собой фашизм. А еще Шморель «заразил» всех их любовью к России; они приобрели друзей в полевом госпитале в Гжатске, познакомились с деревенскими русскими мужиками, тайно похоронили русского солдата и подкармливали русских хлебом, лечили их. А главное, близко к сердцу приняв увиденное на оккупированных территориях, убедились, что дело их сопротивления – правое, нужное, своевременное.

После поражения немецких войск под Сталинградом участники «Белой розы» стали действовать более активно: они расширили список адресов своих листовок. А 3 февраля 1943 года, когда из-за поражения генерала Паулюса в стране был объявлен четырехдневный траур, Шоль и Шморель вышли ночью с ведром черной краски и трафаретом, чтобы на главных зданиях в самом центре Мюнхена написать: «Долой Гитлера!» и «Свобода».

День 18 февраля 1943 г. стал точкой обратного отсчета: Ганс и Софи Шоль пришли в университет с чемоданом, полным листовок. Во время лекций разложили их перед дверями аудиторий, чтобы после занятий студенты смогли их прочитать. Они уже закончили, собирались вернуться в свою аудиторию, но оказалось, что осталось еще около 30 экземпляров. Тогда Софи просто стала бросать их одну за другой во внутренний университетский дворик, где их увидел все понявший дворник Якоб Шмид, объявивший, что арестовывает их. Они тут же были отправлены в гестапо. После обыска задержали и К. Пробста. Очень быстро над ними был организован процесс. Был организован процесс, последовал суд, 22 февраля 1943 г. был вынесен смертный приговор, который привели в исполнение через несколько часов.

Объявление о розыске государственного преступника Шмореля было опубликовано в центральных газетах: он не был в университете в день ареста брата и сестры Шоль. Шморель отправился на север, на границу с Австрией в надежде попасть в лагерь для советских военнопленных. Но из-за морозов Шморель вернулся в Мюнхен 24 февраля 1943 г.; в тот день началась бомбардировка города. В бомбоубежище, к сожалению, его узнала одна из сокурсниц и выдала полиции. В апреле 1943 года состоялся процесс над Шморелем, профессором Хубером и Графом. 13 июля 1943 года А. Шморель был казнен. Прощаясь после исповеди и причастия со своим священником, А. Шморель сказал: «Я выполнил свою миссию в этой жизни, и не представляю, чем мог бы ещё заняться в этом мире».

Бесспорно, изначально листовки «Белой розы» были не столько манифестом политического, идеологического сопротивления, сколько серьезным философским, социокультурным проектом, рассчитанным на пробуждение совести и христианского миропонимания. Наверное поэтому тексты «тайной почты» поначалу не вызвали в гестапо бурной реакции: их посчитали неопасными. Но граффити-протест на городских стенах в феврале 1943 г. взбудоражили и население, и полицию. И хотя в целом листовки не были политическими лозунгами, а были, прежде всего, обращениями к христианам, к их совести, являлись призывом осознать несправедливость, творимую Гитлером с молчаливого попустительства граждан Германии, все же они угрожали правящему режиму, поскольку их содержание заставляло всех здравомыслящих людей задуматься и осознать личную ответственность за происходящее в стране и мире.

В прощальном письме к родителям незадолго до казни А. Шморель проникновенно сказал: «Помните о миллионах молодых людей, расстающихся с жизнью там, на поле битвы. Их судьба – моя судьба... Через несколько часов я окажусь в ином, лучшем мире, у мамы. Я не забуду вас и буду молить Господа об утешении и покое для вас. Я буду ждать вас! Об одном прошу вас: Не забывайте Бога! Ваш Шурик».

Первая выставка, посвященная участникам «Белой розы», открылась в мюнхенском университете в 1979 году. Здесь множество фотографий, тот самый гектограф, большой медный крест и икона святого Александра Мюнхенского. Более 180 немецких школ носят имя брата и сестры Шоль. Десятки улиц по всей современной Германии названы именами участников «Белой розы». Сразу две площади перед главным зданием мюнхенского университета были в конце семидесятых годов XX в. переименованы в память о брате и сестре Шоль. История «Белой розы» – одна из важных тем школьной программы в образовательных учреждениях Германии. Для иностранных студентов, которые начинают учиться в мюнхенском университете, организуют показ помещений вуза и мемориала «Белой розы». Германия помнит о своем славном герое, помнит о нем и Россия, помнит и Оренбург!

Оренбург – историческая родина Александра Шмореля. Давняя идея воздвигнуть в Оренбурге мемориал в честь героя-антифашиста, героя-гражданина, героя-христианина Александра Шмореля скоро будет реализована. Интерес к этому масштабному проекту проявили власти города, а также некоторые образовательные учреждения: Оренбургский государственный медицинский университет, Оренбургский государственный педагогический университет. Инициатором проекта выступил президент Оренбургского благотворительного фонда «Евразия» Игорь Храмов [7].

Проект мемориала А. Шморелю

Из трех проектов выбран вариант оренбургских авторов Александра и Ивана Сукмановых, которые уже работают над воплощением облика святого антифашиста, мученика, отдавшего жизнь на Правду и Добро. Проект предусматривает бронзовый бюст Александра Шмореля, мозаичное изображение одной из его икон и пояснение, рассказывающее об оренбуржце-герое, его гражданском и христианском подвиге [7].

В Оренбургском государственном педагогическом университете традиционно организуются Дни немецкой культуры, в их рамках торжественно вручаются именные стипендии студента-антифашиста Александра Шмореля. На факультете иностранных языков ОГПУ для преподавателей, учителей немецкого языка школ Оренбурга, студентов и школьников проводятся экскурсии по постоянной действующей на факультете выставке «Белая роза», а также организуются встречи почетными гостями: российскими и зарубежными общественными деятелями, учеными, представителями творческой интеллигенции.

В сентябре 2019 г. ими стали генконсул Матиас Крузе, председатель фонда «Белая роза» Хильдегарда Кронавиттер, продюсер Мириам Дюссель, актёр Леонард Шайхер и шеф протокола Илона Сухнева. Генконсула среди прочего интересовали мотивы выбора изучения именно немецкого языка, а студенты задавали гостям вопросы на исторические и социально-культурные темы. Бесспорно, такой формат встреч позволяет обмениваться мнениями по многим вопросам, укрепить образовательное и историко-культурное взаимодействие между двумя странами. А объединяет всех присутствующих гражданский и христианский подвиг нашего земляка – студента-антифашиста Александра Шмореля.

На открытых лекциях, диспутах, организуемых на базе факультета иностранных языков ОГПУ со студентами, школьниками, изучающими немецкий язык, выстраивается диалог, позволяющий всем участникам узнать много нового из новейшей истории страны и мира; осознать роль гражданского общества в формировании государственной и мировой цивилизации; осмыслить значение личного вклада в ее развитие [1; 2; 3].

На наш взгляд, такие формы работы несут значительный воспитательный и духовно-нравственный потенциал, поскольку заставляют молодежь задуматься о том, что, по сути, их ровесники смогли не только обозначить свою гражданскую позицию, но и «разбудить» совесть других [1; 5; 6].

Исследовав гражданский и духовно-нравственный подвиг участников Сопротивления, можно сделать вывод о том, что на фоне тогдашнего всеобщего страха деятельность «Белой розы» является по всеобщему мнению сегодня и в России, в Германии актом героизма, а ее участники заслуживают высшего уважения и благодарной памяти. И хотя листовки будущего святого Александра Мюнхенского не были политическими лозунгами, а были, прежде всего, обращениями к христианам, к их разуму, совести, они стали несомненно колоколами, будившими Правду и звавшими к деятельному сопротивлению. «Белая роза» – пример мужества и гражданского долга для всех неравнодушных, свободомыслящих людей.

Оренбуржцы бережно хранят память о герое-земляке – бесстрашном антифашисте Александре Шмореле. Его имя – символ бесстрашия, пламенной веры, гражданского активного неравнодушия не только для оренбуржцев, но и для всех ценящих Свободу, Веру и Долг.

Список источников и литературы

1. Ежова Т.В., Малахова А.В. Потенциал духовно-нравственных ценностей православия в современном образовании: аксиологический и социокультурный аспекты // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. Материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2017. Ч. 8. Актуальные проблемы психологии и педагогики. С. 10–13.
2. Ежова Т.В. Реализация компетентностного подхода в педагогике высшей школы: монография. Оренбург: ОГПУ, 2011.
3. Ежова Т. В., Малахова А. В. Формирование речевой культуры студента вуза: тенденции, условия, приоритеты // Научный поиск: теория и практика: альманах. Уфа: Аэтерна, 2017. С. 175–178.

4. Малахова О.Ю., Попов А.Н. Философско-педагогические аспекты выбора социокультурных ориентиров личности в современном российском образовании // Наука и образование транспорту. Самара: СамГУПС, 2018. С. 286–288.

5. Попов А.Н., Малахова О.Ю. Гуманистическая траектория развития высшего образования в современных российских социокультурных условиях // Научный поиск: теория и практика. Уфа: Аэтерна. 2017. С. 126–128.

6. <https://www.pravmir.ru/aleksandr-shmorel-ya-vyipolnil-svoyu-missiyu-v-etoy-zhizni>

7. <http://antifashist.com/item/v-orenburge-poyavitsya-memorial-geroyu-antifashistu-aleksandru-shmorelyu.html#ixzz62D1WMoSR>

УДК 378

Оренбург в лицах: Олег Валерьевич Бухарин – академик РАН

Заболотная С.Г.
г. Оренбург

Аннотация. В статье рассматривается многогранность личности оренбургского ученого, педагога и общественного деятеля Олега Валерьевича Бухарина. Олег Валерьевич – ученый, получивший мировое признание, но считающий своей родиной Оренбург. Автор обращает особое внимание на непосредственное личностное влияние академика Бухарина на развитие научной школы Оренбурга. Являясь основателем микробиологической школы в Оренбуржье, Олег Валерьевич сделал очень многое для процветания родного города.

Ключевые слова: Оренбург, личность ученого, история становления, высшая медицинская школа, микробиология.

История любого города – это история его жителей, тех людей, которые составляют его ценность, историю и потенциал. Оренбург, расположившийся на реке Урал (Яик), границе Европы и Азии, всегда служил центром исторических событий, науки, образования и культуры, притягивая к себе передовых ученых, деятелей культуры и образования.

Олег Валерьевич Бухарин, доктор медицинских наук, профессор, академик, основоположник оренбургской школы микробиологов, уроженец города Челябинска, по истине, стал народным достоянием города Оренбурга, его почетным гражданином.

Олег Валерьевич Бухарин родился 16 сентября 1937 года в Челябинске. В 1954 году. После окончания средней школы, он поступает в Челябинский медицинский институт, который с успехом заканчивает в 1960. За особые научные достижения в период обучения в вузе, О.В. Бухарин, специальным приказом Министерства здравоохранения РСФСР, был оставлен в родном вузе ассистентом на кафедре микробиологии для продолжения научной работы. В этой должности Олег Валерьевич проработал 7 лет, защитив в 1963 году кандидатскую диссертацию на тему: «Материалы по изучению защитного неспецифического действия витамина В₁₂ в инфекционном процессе». В 1968 году Олег Валерьевич Бухарин был избран на должность заведующего кафедрой микробиологии Оренбургского государственного медицинского института, навсегда связав свою жизнь с Оренбургом. В 1969 году он успешно защищает докторскую диссертацию на тему: «Лекарственное стимулирование естественной сопротивляемости организма к инфекции».

С отъездом из Челябинска нужно было спешить: из Оренбурга пришла телеграмма, у студентов второго курса начинались занятия на кафедре микробиологии. Олега Валерьевича ждали в Оренбурге с нетерпением.

Оренбургский период жизни Олега Валерьевича Бухарина оказывается чрезвычайно насыщенным и интересным. Прибыв в Оренбург в начале марта 1968 года, он сразу же приступает к чтению лекций, проведению занятий, с головой погружившись в кафедральные дела. Естественно, что Олег Валерьевич не собирался замыкаться только на преподавательской работе. В сферу его интересов попадает научная работа кафедры. По словам Олега Валерьевича: «Стволом научно-исследовательских работ кафедры решил сделать тему естественной резистентности организма» [1].

Вскоре были защищены две кандидатские диссертации – Б.А. Фролова и А.В. Герасимова. Они изучали, новое по тем временам и не утратившее своей перспективности сегодня, явление бактериоциногении. Вскоре от руководства вуза О.В. Бухарину поступило предложение стать научным руководителем Студенческого научного общества (СНО) Оренбургского государственного медицинского института (ОрГМИ). Вникнув в ситуацию, Олег Валерьевич активно поддерживает студенческую науку, сохраняя традиции и развивая новые идеи. Студенты ОрГМИ, принимающие участие в работе научных кружков, становятся соавторами патентов и авторских свидетельств на изобретения. Работы кружковцев получают признания на различных студенческих конференциях [3]. При непосредственном участии Олега Валерьевича начинают издаваться сборники тезисов конференции СНО. Данная работа имела свои плоды. Интерес студентов к науке возрос, что стало

мощным стимулом не только привлечения студентов к работе в СНО, но и повышения результативности их научной работы. Необходимо отметить, что появление такой личности, лидера студенческой науки – её научного руководителя, Олега Валерьевича Бухарина в стенах Оренбургского вуза, имело крайне важное значение и для самого медицинского института. Вчерашние кружковцы становились преподавателями вуза, одновременно занимаясь и научной работой, что способствовало формированию кадрового потенциала кафедр.

Будучи страстным ученым и преподавателем, увлеченным своим делом, Олег Валерьевич Бухарин заражал своим интересом к микробиологии не только студентов и молодых ученых ОрГМИ, но и простых горожан. Олегу Валерьевичу как популяризатору науки, поступило предложение о небольшом цикле передач «Микробы и мы» на местном телевидении.

При этом жизнь на кафедре оставалась по-прежнему очень насыщенной. На кафедре микробиологии существовала небольшая межкафедральная лаборатория, в рамках которой выполнялись комплексные научные работы. Впоследствии Олег Валерьевич Бухарин вместе со своими сотрудниками и единомышленниками разрабатывал теоретические аспекты и прикладные подходы к изучению персистентных свойств бактерий; обосновал положение о персистенции патогенов как форме симбиоза, основанной на их длительном переживании в экосистеме. Именно Олегом Валерьевичем Бухариным введено понятие «персистентный потенциал». За эти работы академику О.В. Бухарину были присуждены: премия РАН по биологии им. И.И. Мечникова (2002), а также премия УрО РАН по медицине им. В.В. Парина (2005).

Удивительная целеустремленность, преданность своему делу и потрясающая энергетика Олега Валерьевича поражала и поражает всех, кто когда-либо с ним работал или учился у него. Его способность находить достойный выход из трудных ситуаций вызывала неподдельное восхищение. Не случайно, что вскоре О.В. Бухарин был назначен ректором Оренбургского мединститута и избран депутатом Верховного Совета РСФСР. Появились новые заботы, на первый взгляд никак не связанные с научной деятельностью. Но забота о людях, имела своим результатом увеличение количества желающих работать в Оренбургском медицинском институте. За период руководства вузом был создан профилакторий, организован студенческий театр «Горизонт» и решено много других не менее важных хозяйственно-организационных вопросов.

Вершиной интенсивной хозяйственной, организационной и научной работы О.В. Бухарина стала организация проблемной лаборатории по изучению естественного иммунитета. Силами кафедры микробиологии и проблемной лаборатории были подготовлены 34 доктора наук и 120 кандидатов. Оренбург становится микробиологической Меккой.

Как говорит сам Олег Валерьевич: «Меня уже считают аборигеном Оренбурга, пятьдесят лет – это срок!» [1]. Стоит отметить, что Оренбург стал не только плодородной почвой для становления микробиологической школы академика Бухарина, но и дал семью. Татьяна Леонидовна Бухарина, доктор педагогических наук, профессор, более 25 лет возглавлявшая кафедру иностранных языков Оренбургского медицинского вуза, стала его надежной соратницей. Вся сознательная жизнь Олега Валерьевича напрямую связана с Оренбургом и всё, что делает это удивительный человек, направлено на процветание города, ставшего родным для великого микробиолога. «Я сделал удачный выбор, и здесь обязан судьбе» [1].

С конца восьмидесятых годов О.В. Бухарин начал заниматься созданием академической структуры в Оренбуржье. По мере развития научных исследований шло преобразование структуры: Лаборатория, Отдел, Институт, Научный центр. Став директором Института и руководителем Научного центра, Олег Валерьевич снова оказывается в окружении бесконечных организационных и хозяйственных проблем. Однако пылкий ум, интерес и чутье ученого заставляют Олега Валерьевича обратиться к разработке метода межмикробного распознавания «свой-чужой» в паре «доминант-ассоциант» и, таким образом, сформулировать новое направление в микробиологии – инфекционная симбиология [2]. Исследование персистентных свойств микроорганизмов способствовало изучению механизма защитного действия противогриппозного иммуномодулятора «Циклоферон». В составе коллектива авторов О.В. Бухарин получил Премию Правительства РФ в области науки и техники, постановление № 85 от 16.02.2004 года «За разработку технологии, организацию промышленного выпуска и внедрение в медицинскую практику готовых лекарственных форм отечественного препарата «Циклоферон»».

Ещё одна премия Правительства в области науки и техники была вручена О.В. Бухарину в составе авторского коллектива в 2011 году.

Олег Валерьевич Бухарин является неоднократным лауреатом Премии Правительства Оренбургской области, автором более 500 научных публикаций, 25 монографий и более 100 патентов и авторских свидетельств, автором и соавтором учебных пособий и руководств по медицинской микробиологии, вирусологии и иммунологии для студентов. Олег Валерьевич Бухарин избран академиком 2 государственных академий: РАМН (2003) и РАН (2011). Он награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» IV степени, «Почета», орденом М.В. Ломоносова, медалями России и Болгарии. Олег Валерьевич Бухарин является заслуженным деятелем науки России, Почетным гражданином Оренбурга, а в октябре 2016 года ему был вручен орден «Почетный гражданин России».

Академик О.В. Бухарин является членом президиума УрО РАН и Всероссийского научно-практического общества эпидемиологов, микробиологов и паразитологов, членом редколлегий ряда профильных журналов,

а также Американского общества микробиологов. Олег Валерьевич отмечен Почетным Дипломом и Лентой Международного биографического общества (Кембридж). Его имя внесено в Справочник международных биографий с посвящением «За выдающийся вклад в медицинскую микробиологию» и в международный справочник «International Who's who of intellectuals».

В заключение необходимо отметить, что Оренбург стал родиной великого ученого, замечательного человека, который сделал и продолжает очень многое для процветания родного города, становления научной школы не только Оренбуржья, но и России. Именно такие люди составляют гордость как малой, так и большой Родины.

Список источников и литературы

1. Радзиевский В.Л. Олег Бухарин. Санкт-Петербург: ООО «Людвик», 2017. 136 с.
2. Институт клеточного и внутриклеточного симбиоза УрО РАН Вчера, сегодня, завтра. Авторский коллектив: академик О.В. Бухарин (ответственный редактор); С.Г.Заболотная, Л.П. Попова, Т.Л.Бухарина. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2016. 367 с.
3. Заболотная С.Г. Студенческое научное общество – аксиологический потенциал современного медицинского образования // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. акад. И.П. Павлова. 2013. № 3. С. 63-65.

УДК 908

Славный сын башкирской земли – Муса Гареев

Киреева Н.А., Загидуллин Э.А.
г. Салават

Аннотация. Память об историческом периоде нашей страны – Великой Отечественной войне – важная составляющая патриотического и гражданского воспитания. Сегодня накануне юбилея Победы важно вспомнить имена, тех, кто внес значительный вклад в ее достижение. В статье освещены подвиги участника Великой Отечественной войны, дважды героя Советского Союза – Мусы Гайсиновича Гареева. Рассказано о первом вылете М.Гареева, его наградах и послевоенной деятельности. Показано как благодарные потомки чтят память славного сына башкирской земли.

Ключевые слова: Муса Гареев, Великая Отечественная война, герой Советского Союза, битва под Сталинградом, доблесть, мужество.

В преддверии 75-летнего юбилея Победы в Великой Отечественной войне нам бы хотелось вспомнить имя Мусы Гайсиновича Гареева – прославленного война башкирской земли, единственного в республике дважды героя Советского Союза.

Муса Гареев родился 9 июня 1922 года в деревне Илякшиде Республики Башкортостан. На выбор профессии летчика повлиял 1937 год, когда по всей стране гремели имена советских летчиков (В.П. Чкалов, Г.Ф. Байдуков и А.В. Беляков).

В 1940 году Муса завершил обучение в Уфимском железнодорожном техникуме Наркомата путей сообщения, в том же году без отрыва от учебы – курсы Уфимского аэроклуба. 15 декабря 1940 был призван на военную службу. 25 сентября 1942 года по окончании Энгельсской военной авиационной школы он как летчик действующей армии в звании сержанта отправлен на фронт в 944-ый полк.

Первый вылет Мусы Гареева на штурмовике Ил-2 произошел в битве под Сталинградом. Штурмовик Ил-2 – самый массовый самолет СССР в Великой Отечественной войне, который был разработан авиаконструктором С.В. Ильюшиным и назван конструкторами «летающий танк», а гитлеровцами – Schwarzer Tod (дословно «Черная смерть»).

Позднее в книге «Штурмовики идут на цель» М. Гареев вспоминал о своем первом вылете: «Все происходит так стремительно, что не успеваю даже оглядеться, рассмотреть что-либо. Куда стреляю – не вижу! Все мое внимание сосредоточено на ведущем, и, кроме него, я не вижу ничего. Вот от его самолета отделяются бомбы. Сбрасываю бомбы и я. Выхожу из пике, набираю высоту, разворачиваюсь и вслед за ним снова устремляюсь вниз» [1, с. 45].

Позднее, с целью сокращения числа потерь, конструкторы сделали самолет двухместным: спиной к пилоту теперь сидел стрелок, вооруженный пулеметом, и отбивал атаки противника сзади. Однако пулеметчик не был защищен броней и чаще летчика становился жертвой немецких пуль и снарядов.

Стрелком Мусы Гареева с 1943 по 1945 год был уроженец Челябинска Александр Кирьянов, который к концу войны стал полным кавалером Ордена Славы. Кирьянов остался жив, благодаря тактическим навыкам

напарника, который во время боя одновременно решал сразу несколько задач: вел самолет в нужном направлении, думал о стрельке и поражаля цели.

За участие в Сталинградской битве младший лейтенант Муса Гареев получил свою первую боевую награду. Он совершил 9 боевых вылетов, уничтожил 3 самолета Юнкерс-52, два танка, 5 автомашин и 20-30 солдат и офицеров. За проявленную доблесть и мужество он был награжден правительственной наградой – орденом «Красная звезда».

В 1944 году Гареев был назначен командиром эскадрильи 76-го гвардейского штурмового авиационного полка 1-й гвардейской штурмовой авиационной дивизии 1-й воздушной армии 3-го Белорусского фронта [4, с. 55].

В дальнейшем Муса Гареев воевал на Донбассе и в Восточной Пруссии, освобождал Крым и Белоруссию, участвовал в воздушных боях в Польше и Германии. Летчик-штурмовик вел разведку, штурмовал линию фронта противника, поддерживал наступающих – пехоту и танки. А нередко вступал в бой в воздухе с истребителями врага. Так, при штурмовке железнодорожной станции в Донбассе Гареев в воздушном бою сбил «мессершмитт» [2, с. 48]. Отметим, что авиаполк, в котором воевал Гареев, часто действовал там, где сражалась легендарная 112-я Башкирская кавалерийская дивизия.

Муса Гареев был награжден еще двумя орденами, после чего его отстранили от боевых вылетов. Однако он все же совершил свой последний боевой полет. Заместитель начальника штаба майор Шевчук предложил ему самовольно вылететь на Балтийскую косу, совершив разведку и бомбардировку отступающих немцев, Муса и его стрелок едва не лишились жизни.

Закончив войну, Мусса Гареев был удостоен звания майора, штурмана полка, совершив около 250 боевых вылетов. Он и его стрелок стали участниками Парада Победы в Москве 24 июня 1945 года. В своей книге Гареев пишет: «К нам с Кирьяновым тянутся сотни рук. Нас целуют, обнимают, подбрасывают вверх» [2, с. 132].

После окончания войны Муса Гареев командовал авиационным полком. В 1951 году окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе, а в 1959 году – Военную академию Генерального штаба СССР. В 1956 году ему было присвоено воинское звание «полковник». С 1964 года М. Гареев по состоянию здоровья находился в запасе. Он жил и работал в г. Уфа. С 1965 по 1977 год являлся председателем Башкирского республиканского комитета ДОСААФ.

Умер М.Г. Гареев 17 сентября 1987 года в возрасте 65 лет после продолжительной болезни, был похоронен в Уфе в Парке Победы.

За период жизни Муса Гареев неоднократно был отмечен орденами и медалями. В его честь были открыты музеи и мемориальные доски, названы улицы в городах и населенных пунктах РБ, кадетский корпус с первоначальной летной подготовкой в Уфе [3].

Имя Мусы Гареева чтят не только в Республике Башкортостан, но и далеко за ее пределами.

Список источников и литературы

1. Гареев М.Г. Штурмовики идут на цель. Уфа: Китап, 2010. 276 с.
2. Дважды герои Советского Союза / автор-сост. В.С. Вуколов. М.: Воениздат, 1973. 247 с.
3. Камалов Р. М., Шафикова Е. К. Гареев Муса Гайсинович // Башкирская энциклопедия / гл. ред. М.А. Ильгамов. [Электронный ресурс]. URL: <http://башкирская-энциклопедия.рф/?id=8526>
4. Муса Гареев: страницы жизни и подвига. Уфа: Башк. книжное изд-во, 1985. 108 с.

УДК 94(470.5)

Научная деятельность Александра Белла

Лаврентьев Н.М., Явнова И.И.
г. Стерлитамак

Аннотация. В статье рассмотрена научная деятельность такого гениального и умного человека как Александра Грейама Белла, который является изобретателем телефона и основоположником телефонии, что стало впоследствии основой не только телекоммуникационной основой США, но и всего мира в целом.

Ключевые слова телефон, история, физика, история создания, телеграф, телефония.

Работа выполнена при поддержке гранта СФ БашГУ № В19-76

4 февраля 1876 года американец шотландского происхождения Александр Грейам Белл подал в Бюро патентов США заявку на изобретенный им аппарат, который он назвал «телефоном» [1]. Позже подобную же заявку сделал другой американец Элайш Грей. Предпочтение отдали Александру Беллу, потому что его фами-

лия очень понравилась, а также из-за того что в переводе с английского его фамилия означала звон, что сыграло немало важную роль в выборе. Удача сыграла большую роль, но все же в большей степени появлением телефона Александр Грейам Белл обязан знаниям. Александр родился в Эдинбурге 3 марта 1847 года, в семье филологов. Отец, Мелвилл Белл, придумал систему «Видимая речь», в которой звуки обозначались письменными символами. С помощью этой системы люди могли правильно произносить слова. Позже Александр опробует эту систему, обучая глухонемых речи. В 14 лет он переехал в Лондон, где изучал литературу, музыку и ораторское искусство. Впоследствии он сам начал преподавать свои умения в академии Уэстон-Хаус. Следующие девять лет будущий изобретатель посвятил изучению физике. С этим багажом знаний Белл стал ассистентом своего отца, который был профессором в Лондонском университете.

В начале 1870-х Александр переезжает в Канаду, где продолжает преподавать по системе «Видимая речь». Среди подопечных молодого учителя оказалась Мейбл Хаббард – дочь бизнесмена Гарднера Хаббарда. Она потеряла слух в четыре года, переболев скарлатиной. Александр Белл сумел научить ее говорить, а впоследствии на ней женился. Еще одним из пациентов Александра Белла был пятилетний сын торговца кожей по имени Томас Сандерс. Сандерс и Хаббард стали теми людьми, которые дали денег на раскрутку великого изобретения.

Вскоре Белл переезжает в североамериканский Бостон и получает предложение, от которого трудно отказаться. Компания Western Union именно в этот период искала способ одновременной передачи нескольких телеграмм по одной паре проводов. [2, с. 44]. Это избавило бы от необходимости прокладки дополнительных телеграфных линий. Было объявлено о большой денежной премии изобретателю, который предложит подобный способ. Белл принял вызов и стал работать над этой проблемой, используя свои знания законов акустики. Он задумал установить на передающем пункте несколько камертонов, каждый из которых создавал бы в общей линии ток, пульсирующий со строго определенной частотой. На приемном пункте эти пульсации должны были восприниматься также камертонами, настроенными на соответствующую частоту. Так изобретатель собирался передавать одновременно семь телеграмм по числу музыкальных нот. Все же Александр не был электриком и потому консультировался у другого знаменитого бостонца, ученого Д. Генри. Попытки продвигались медленно. Белл пробовал подключать электрический провод к камертону, но тот отказывался звучать. В один прекрасный день Александр Грейам Белл, прекрасно знавший анатомию органов слуха, додумался использовать вместо камертона металлический язычок-резонатор от органной трубы. На эту мысль его натолкнула схожесть язычка с барабанной перепонкой уха. Но эта идея не сразу воплотилась. Резонатор зазвучал лишь после многочисленных опытов, и то по чистой случайности: помощник Белла, Томас Ватсон, закрепил его слишком туго. Патент на свое изобретение Белл получил в марте 1876 года. Спустя некоторое время состоялся первый телефонный разговор между Томасом Ватсоном и Александром Беллом.

Позже Белл начал строить некий аппарат, посредством которого рассчитывал сделать звуки речи видимыми для глухонемых сразу и непосредственно, без всяких письменных обозначений. [3]. Для этого он ставил эксперименты по изучению человеческого слуха. Главной частью аппарата по замыслу Белла была мембрана, а укрепленная на ней игла записывала на поверхность вращающегося барабана кривые, соответствующие различным звукам, слогом и словам. Размышляя над этой мыслью, Белл пришел к идее совсем другого устройства. Он уже предчувствовал возможность передачи различных звуков. Еще не рожденному аппарату Белл дал звучное имя «телефон». Работая над «музыкальным телеграфом», Белл и Ватсон трудились в разных комнатах, где были установлены передающий и принимающий аппараты. Камертонами служили стальные пластинки разной длины, жестко закрепленные одним концом, а другим замыкавшие электрическую цепь. Однажды Ватсону пришлось высвободить конец пластинки, который застрял в зазоре контакта и при этом задевал другие пластинки. Застрявшая пластинка действовала как примитивная диафрагма. Во всех прежних опытах Белла и Ватсона свободный конец просто замыкал и размыкал электрическую цепь. Теперь же звуковые колебания пластинки индуцировали электромагнитные колебания в магните, расположенном рядом с пластинкой. В этом заключалась разница между телефоном и всеми другими ранее существовавшими телеграфными устройствами. Для действия телефона необходим непрерывный электрический ток. Но в 1876 году Александр Белл продемонстрировал свой аппарат на Филадельфийской всемирной выставке. В стенах выставочного павильона впервые прозвучало слово «телефон». Это была сенсация. Первый телефонный аппарат позволял разговаривать на расстоянии максимум 250 метров и давал ужасные помехи. Организовав «Общество телефона Белла», он начал упорную работу по его усовершенствованию и уже через год запатентовал новую мембрану и арматуру для телефона. [4]. Затем применил для увеличения расстояния передачи угольный микрофон Юза и питание от батарей. В таком виде телефон благополучно просуществовал более ста лет. Впереди была жестокая борьба с конкурентами.

В течение следующих десятилетий он был объектом атак едва ли не каждой крупной электрической и телеграфной компании в Америке. Почти сразу после получения патента Белл предложил компании Western Union купить его за 100 тысяч долларов, надеясь, что вырученная сумма даст ему возможность расплатиться с долгами. Но его предложение не встретило ответного энтузиазма. Впрочем, справедливости ради скажем, что и сам Белл с его компаньонами не подозревали о том, какое великое будущее ждет «многофункциональный телеграф», как был назван телефон поначалу. Так, Мейбл Хаббард поверила в возможность передачи голоса

по проводам лишь спустя полгода после удачного опыта. Сандерс вложил в дело сумму – \$100 тыс. Чтобы хоть как-то оправдать вложения, Белл начал устраивать «шоу» в Америке и Европе, где демонстрировал возможности аппарата. На одном из таких представлений даже побывала английская королева Виктория. Хаббард и Сандерс в свою очередь пытались заставить телефон приносить деньги. Наиболее привлекательным вариантом казалась торговля патентами на изобретения Белла. Именно в этот момент они и решились сделать телеграфной компании Western Union предложение. В историю телеграфного гиганта и мирового бизнеса этот случай войдет как одна из величайших ошибок. Президент Western Union Уильям Ортон счел новое устройство несерьезной игрушкой и от сделки отказался. Впоследствии Western Union ушла из телекоммуникационного бизнеса. Сегодня эта компания занимается финансовыми услугами. Изобретатель умер 2 августа 1922 года. В день его похорон на одну минуту замолчали все телефоны Америки. Так телефонные компании США почтили память своего прародителя. [5].

Список источников и литературы

1. Самохин В.П. Памяти Александра Белла (03.03.1847–02.02.1922) // technomag.edu.ru: Наука и образование: электронное научно-техническое издание, 2012. [Электронный ресурс]. URL.: <http://technomag.bmstu.ru/doc/347553.html>.
2. Митчел Уилсон Американские учёные и изобретатели. М.: Знание, 1975.
3. Самохин В.П., Тихомирова Е.А. Томас Альва Эдисон (170-летие со дня рождения // technomag.edu.ru: Наука и образование: электронное научно-техническое издание, 2007, вып. 2. [Электронный ресурс]. URL.: <http://technomag.bmstu.ru/doc/832301.html>.
4. Энциклопедия курьёзов и необычных фактов. Гениальные изобретатели. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 1998.
5. Телеграфная и телефонная связь // Экспозиции Центрального музея связи имени А.С. Попова. [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.rustelecommuseum.ru/visit/plan/floor-2/phone/index.php?sphrase id=705>.

УДК 908 (470.51).72

Дом купеческой семьи Адамовых

Ларионова О.Ю.
г. Воткинск

Аннотация. В статье на основе впервые вводимых в оборот документов реконструируется история деловой, частной и общественной жизни семьи предпринимателей XIX – начала XX века Адамовых. Результат исследования стал основанием для создания ещё одной культурно-познавательной остановки на туристическом маршруте города Воткинск Удмуртской республики, а также для подготовки заявления о включении вновь выявленного здания, обладающего признаками объектов культурного наследия, в единый государственный реестр ОКН (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

Ключевые слова: История Удмуртии, история домов Воткинска, купечество Вятской губернии, благотворители Адамовы, культурное наследие.

Рис. 1. Бывший дом Адамовых, ул. Ленина, 2. Фото автора, 2018

Небольшой старинный город Воткинск, основанный 260 лет назад, известен всему миру как родина гениального композитора Петра Ильича Чайковского. Город входит в число исторических поселений России и обладает большим туристическим потенциалом. Каждое из старинных зданий интересно своей историей. Дом по ул. Ленина, 2 был построен в середине XIX века купеческой семьёй Адамовых [1, л. 173].

Глава семьи Агафон Тимофеевич Адамов проживал в Воткинском заводе с 1835 года, занимался торговлей красного товара (ткани, текстиль). К моменту постройки нового каменного дома (и на 1870 год) он являлся сарапульским купцом 2 гильдии [2; 3].

В июле 1852 г. его жена «Сарапульская купеческая жена Марья Адамова» получила план на постройку двухэтажного каменного дома «в улице Базарной», рядом с уже имеющимся их деревянным домом [1, л. 83]. Необычность каменного дома Адамовых состоит не просто в закруглённой форме одного из углов дома, каких много в Воткинске, а в полуциркульной форме угла здания со стороны двора, с очень красивым оформлением окон террасы в виде цветочного орнамента и деревянными колоннами между оконных рам по всей длине террасы.

В семье Агафона Тимофеевича и Марьи Дмитриевны Адамовых было восемь детей, из которых известны сыновья Василий, Тимофей, Михаил, Степан и дочь Екатерина [2].

У Василия Агафоновича (1840–1892) и его жены Елизаветы Ефимовны (1840 год рождения) также было много детей: Августа, Фёдор, Ольга, Анна, Иван, Павел, Василий (умер младенцем). Их сын, Иван Васильевич, обладая недюжинными предпринимательскими способностями, создал торговый дом «Адамов И.В. и К⁰», чьи магазины с мануфактурным товаром в 1914 году располагались в Воткинске и Сарапуле, а возможно, что и в других населённых пунктах. Он организовал сеть гостиниц в Воткинском заводе и Сарапуле, которые, судя по названиям, учитывали притязания каждого сословия: «Биржевые номера», «Коммерческие Московские номера», «Старо-Камские номера», «Центральные» и т.д. [2; 4]. В 1910 году сарапульский мещанин И.В. Адамов был записан в купцы 2-й гильдии [5, с. 39]. На одном из рекламных объявлений, размещённом в «Сарапульском листке объявлений» в 1897 году, отмечено, что в доме Адамова, который находился на Соборной площади (бывшая улица Корелина) гор. Сарапула, был продуктовый магазин, который сдавался в аренду.

Рис. 2. План двухэтажного дома по улице Базарной выдан 19 июля 1852 г. сарапульской купеческой жене Марье Адамовой [1, л. 83].

Сын Тимофея Агафоновича (1849-1895) и его жены Анны Ивановны (г.р. 1857), Агафоник, окончил Казанский ветеринарный институт, получил звание ветеринара и в 1901 г. был исключён из податного купеческого сословия [2].

Степан Агафонович Адамов (1842-1893) был женат на Юлии Дмитриевне (г.р. 1849), об их потомках нет информации [2].

Екатерина Агафоновна Адамова вышла замуж за купеческого сына Василия Ивановича Кутузова. Их каменный дом расположен напротив через дорогу, по ул. Ленина, 3 [6, л. 453–458; 7].

В 1897 г. в каменном доме под железной крышей на улице Поповской жил сарапульский мещанин, доверенный московского купца Смирнова, Михаил Агафонович Адамов 1856 года рождения [6, л. 479, 482]. Эта

улица несколько раз за свою историю меняла название: впервые улица Поповская встречается на карте улиц посёлка в 1820 году, с 1830-х годов улицу назвали Базарная, так как она выходила на рыночную площадь [8; 9; 10]. В 1860 году улице вернули её историческое название – фамилию заводских чиновников Поповых [11; 12; 13]. В 1930 году улица получила имя Ленина [14].

40-летний Михаил Агафонович родился в посёлке, образование получил дома, был холостым. В доме жила семья его брата: сарапульская мещанка Елизавета Ефимовна Адамова 52 лет с детьми: 29-летним Фёдором Васильевичем, выпускником сарапульского реального училища, он работал помощником кондитера; 20-летним Павлом Васильевичем, выпускником Воткинского окружного училища, он работал писцом; 12-летней Елизаветой Васильевной, ученицей Сарапульской женской гимназии. В те годы было традицией мужчинам брать на себя ответственность за оставшихся без мужей семей родственников не только своих по крови, но и даже родственников жён. При доме жили три прислуги: кучер, кухарка и горничная. На первом этаже своего каменного дома Адамовы организовали кондитерскую. В доме снимали жильё мастер-кондитер и рабочий при кондитерской [6, л. 482, 484].

В своём старом деревянном доме Адамовы устроили богадельню, в которой получили приют 8 человек, в основном местные женщины от 42 до 77 летнего возраста и 13-летняя дочь одной из них. Многие из проживающих занимались вязанием чулков. Одна из них была слепой, но так же, как и остальные, вязала чулки. В этом же деревянном доме снимали жильё мать и дочь Зотовы, мещанки Сарапула, которые торговали кренделями и пряли лён [6, л. 486, 488].

В конце 1917 года практически все каменные и большие деревянные дома в Воткинске были муниципализированы. Как сложилась судьба Адамовых после революционных преобразований в стране – неизвестно. Дом Адамовых был частично реконструирован. В годы Великой Отечественной войны его, в числе соседних каменных зданий, использовали под эвакуированный госпиталь № 1126. В настоящее время в доме расположены разные организации, в том числе кафе.

Рис. 3 и 4. Вид со двора на дом и окна террасы Адамовых. Фото автора, 2018

В результате исследования удалось реконструировать историю деловой, частной и общественной жизни семьи воткинских предпринимателей XIX века Адамовых и уточнить год постройки их дома, изменившего свой облик настоящему времени. Этот дом не является объектом культурного значения, однако он является частью историко-архитектурной среды ансамбля Поповской улицы (2 половина XIX – начало XX вв.), который Постановлением Экспертного Совета УО ВОО «ВООПИиК» от 28.03.02. № 3 признан объектом, представляющим архитектурную ценность [15].

Материалы исследования стали основанием для создания ещё одной культурно-познавательной остановки на туристическом маршруте города, а также для подготовки заявления о включении вновь выявленного здания, обладающего признаками объектов культурного наследия, в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

Список источников и литературы

1. Центральный государственный архив Удмуртской республики (ЦГА УР). Ф. 212. Оп. 1. Д. 6074.
2. Гаевский Э.И. Купцы города Воткинска // Воткинская газета. 1999. № 13 (89) от 2 апреля. С. 21.
3. Лигенко Н.П. Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX века. Ижевск, 2001. 320 с. / Список купцов по уездам Вятской губернии на 1.01.1870 г. // Источник: Спасский Н. Календарь Вятской губернии, 1880 г. Вятка: Губернский статистический комитет, 1879 г.
4. Торгово-промышленный справочник «Екатеринбург и Урал» на 1914 г. - О торгово-промышленных предприятиях г. Сарапула и Сарапульского уезда.
5. Лигенко Н.П. Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX века. Ижевск, 2001. 406 с.
6. ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 64.
7. Гаевский Э.И. Купцы города Воткинска // Воткинская газета. 1999. № 12 (88) от 26 марта. С. 9.
8. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 2240. Л. 20об.
9. Карта посёлка Воткинский завод, 1838 г. // Стояк Ю.А. Историко-архитектурное наследие города – завода Воткинска второй половины XVIII – начала XX веков: дисс. канд. арх.: 05.23.20: утв. 11. 06. 16. Томск, 2016. С. 219.
10. ЦГА УР. Ф. 212. Оп.1. Д.7389. Л. 15, 17, 47.
11. ЦГА УР. Ф. 526-Р. Оп. 1. Д. 32. Л. 151.
12. ЦГА УР. Ф. 409. Оп. 1. Д. 191. Л. 15, 173.
13. Ведомость распределения жителей Воткинского завода по Воткинской волости от 25.02.1863 г. // Воткинск. Документы и материалы. 1758–1998. Ижевск: «Удмуртия», 1999. С. 82.
14. ЦГА УР. Ф. 526- Р. Оп. 1. Д. 28. Л. 167.
15. Стояк Ю.А. Список объектов культурного наследия г. Воткинска, относящиеся к периоду второй половины XVIII – начала XX вв., и степень их сохранности по состоянию на 2015 г. Приложение 2. // Историко-архитектурное наследие города-завода Воткинска второй половины XVIII – начала XX веков: дис. ...канд. арх.: 05.23.20: утв. 11. 06. 16. Томск, 2016. С. 185.

Мустай Карим: «Мы с вами из одного аула...»

Низамова Д.Н., Явнова И.И.
г. Стерлитамак

Аннотация. В статье рассмотрена деятельность Мустафы Сафовича Каримова – великого поэта, драматурга и писателя. Его творчество настолько многогранно, что интересно и детям, и взрослым. Его жизнь была непростой, но он смог найти свое призвание и прославить свою фамилию на всю страну.

Ключевые слова: поэт, драматург, писатель, стихотворения, произведения, поэма, пьеса.

Работа выполнена при поддержке гранта СФ БашГУ № В 19-76

Мустафа Сафич Каримов – башкирский поэт, драматург и писатель. Родился 20 октября 1919 г. в деревне Кляшево Чишминского района недалеко от Уфы.

Отец Сафа был татарин по национальности, исповедовал ислам. Мать Вазифа любила музыку, танцы и поэтому часто устраивала домашние концерты и спектакли в свободное от хозяйства время. Она всегда рассказывала легенды и предания. Семья была большой, в ней было 12 детей, которые с раннего детства помогали родителям [1, с. 4].

Детство Мустая Карима пришлось на годы коллективизации, которые оказались тяжелыми для всех людей, но они все равно верили в светлое будущее. Крестьяне Каримовы были первыми в ауле, кто вступил в колхоз.

Поэт очень любил аул и его жизнь, особенно долгие посиделки у костра, при которых можно было рассказать и услышать множество интересных историй и рассказов.

В 1932 г. поэт оканчивает начальную школу и переходит в среднюю, которую совсем недавно открыли в ауле. Родители мальчика не обладали грамотностью, поэтому очень гордились успехам ребенка. В шестом классе Мустафа Каримов начинает писать стихотворения о детстве. В школе учителя замечают талант писателя и советуют ему отправить свои произведения детскую газету «Юный строитель». Первая публикация писателя произошла в 16 лет.

В 1935 г. Мустафа Каримов поступает в Уфимский педагогический рабфак. Здесь писатель проучился 2 года и за это время подготовился к основам будущей профессии. В 1937 г. писатель был зачислен на факультет языка и литературы в Башкирский педагогический институт имени Тимирязева. [3, с. 166–170].

На первом курсе он стал корреспондентом в газете «Ленинец» и журнале «Пионер». Здесь он познакомился с известным башкирским поэтом Баязитом Бикбаевым, который, прочитав произведения Мустая Каримова, предложил ему печатать произведения в журнале «Октябрь». Здесь поэт опубликовал свою повесть «Незнакомый гость», которая была посвящена гражданской войне.

В 1938 г. поэт выпускает свой первый сборник стихотворений «Отряд тронулся». Благодаря этому сборнику, Мустафу Каримова замечают, как писателя и зовут работать в Союзе писателей Башкирии.

Во время обучения в Уфе Мустай Карим снимает квартиру, в которой познакомится со своей первой любовью – Раузой Суфьяновой. В это время девушка училась на факультете педагогики и в будущем собиралась стать учительницей. После окончания университета молодые люди поженились и получили направление на работу в Еремеевский район. Но началась Великая Отечественная война и поехать пришлось только жене.

Мустая Карима призвали в ряды Красной Армии в Муромское училище связи. В 1942 г. получает направление в 17-ю мотострелковую бригаду начальником связи артдивизиона в звании младшего лейтенанта. Там он получает тяжелое ранение осколком снаряда, из-за которого полгода, проводит в госпитале.

После успешного выздоровления возвышается на фронт, но теперь в качестве корреспондента таких фронтовых газет как «За честь Родины» и «Советский воин».

Мустафа Карим был награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За освобождение Белграда», «За взятие Будапешта» и «За взятие Вены». Победу в Великой Отечественной войне писатель праздновал в Вене, куда отправила его редакция журнала.

После завершения войны, писатель вернулся в Уфу, где увидел в первый раз своего сына, который был рожден после его ухода на войну. Во время войны Мустай Карим писал фронтовые очерки и литературные произведения, которые начал редактировать после возвращения.

В 1947 г. писатель выпускает сборник «Возвращение», в котором прослеживается долгий путь солдат на Родину. В это же время поэт пробует себя в роли драматурга и заканчивает пьесу «Свадьба продолжается» [4, с. 115].

В 1950 г. на свет выходит пьеса под названием «Одинокая береза», а через год – «Неспетая песня». Не много погодя на эти произведения ставили спектакли, которые вошли в репертуар Башкирского Академического театра драмы имени Мажита Гафури.

В 1951 г. Мустай Карим был выбран председателем правления Союза писателей БАССР.

Во время творения поэм и пьес, поэт не забрасывал и лирику. В 1950-х г. было написано самое знаменитое стихотворение «Не русский я, но россиянин», в котором повествуется о дружбе народов: башкирского и русского. Тема жизни народов в единстве и согласии подтолкнула Мустая Карима написать цикл под названием «Европа–Азия», где рассказывалось о желании людей жить в мире.

В 1961 г. поэт выпускает сборник «Реки разговаривают», который был посвящён заграничным путешествиям, в которые он был отправлен Союзом писателей. Писатель посетил страны Азии, такие как: Таиланд, Вьетнам, Китай. Это было сделано для того, чтобы укрепить связи между зарубежными и советскими писателями.

В 1963г. Мустафа Каримов был признан народным поэтом Башкортостана. Он заканчивает работу над своей трагедией под названием «В ночь лунного затмения». Сюжет пьесы разворачивалось в степи Башкортостана XVII века, в котором рассказывается о новом поколении семьи, которое отказывалось следовать традициям своего рода. Так же в Башкирском театре драмы можно было увидеть такие пьесы как: «Страна Айгуль», «Салават», «Не бросай огонь, Прометей!», которые были написаны Мустаем Каримом в позднее время. [7, с. 150–165].

В 1985 г. поэт продолжает и завершает произведение «Помилование», которое было основано на реальных событиях, происходящих на фронте. Писатель повествует о храбрости, милосердии, отзывчивости и мужественности солдат.

Мустай Карим будучи депутатом Верховного Совета Башкортостана, после распада Советского Союза, высказался на счет того, что президенты республики Башкортостан знали свою родной язык. На сегодняшний день это требование можно прочесть в региональном законе о выборах.

В 2004 г. Мустафа Каримов был награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени за его неоценимый вклад в развитие отечественной литературы и многолетнюю творческую деятельность. В этом же году выходит его книга воспоминаний под названием «Мгновения жизни» [11, с. 32].

В 2005 году Мустай Карим скончался в республиканском кардиологическом диспансере Уфы, вследствие двух инфарктов. Похоронен на Мусульманском кладбище в столице Башкортостана.

Таким образом, Мустай Карим стал великой личностью для Башкортостана, который внес огромный и неоценимый вклад в литературное наследие башкирского народа.

На сегодняшний день, имя Мустафы Карима знает каждый человек, от мала до велика, который проживает на территории Башкортостана. Его имя носят улицы городов: Уфа, Москва, Казань, Алматы, а также населенные пункты Башкортостана: г. Нефтекамск, г. Бирск, с. Кармаскалы, с. Кляшево, п. Чишмы и многие другие.

В честь него назван Национальный молодежный театр Республики Башкортостан, находящийся в Уфе.

В селе Кляшево Чишминского района находится Башкирская гимназия и средняя общеобразовательная школа имени Мустая Карима.

В 2013 году открыли памятник Мустаю Кариму возле здания Дома профсоюзов в городе Уфе.

31 мая 2019 года имя Мустая Карима было присвоено Международному аэропорту Уфа.

В честь 100-летия со дня рождения известного башкирского поэта Банк России в 2019 год выпустил памятную серебряную монету номиналом в 2 рубля.

Прошло столько лет, а имя этого известного поэта, писателя и драматурга до сих пор остается в нашей памяти, а его произведения, пьесы и поэмы до глубины трогают наши сердца и души.

Список источников и литературы

1. Валеев И. Мустай Карим и Расул Гамзатов // Истоки. 2009. 17 июня. С. 4.
2. Валеев И. Мустай Карим о семейной педагогике // Истоки. 2008. № 36. С. 12.
3. Зиганшин К. Мудрец из Кляшева // Бельские просторы. 2006. № 10. С. 166–170.
4. Кильмухаметов Т. Драматургия Мустая Карима. Уфа, 1979. 221 с.
5. Кильмухаметов Т. Уроки Мустая Карима. Сила народности. Уфа, 1998. 486 с.
6. Ломунова М., Мустай Карим. М., 1988. 326 с.
7. Мерзабеков М. Встречи с Мустаем Каримом // Бельские просторы. 2006. № 10. С. 150–165.
8. Минеев. М.И. Исповедь Мустая Карима. «Русский язык в башкирской школе». Уфа, 1985. 235 с.
9. Хренков Д. Мустай Карим. Литературный Портрет, М., 1963. 104 с.
10. Хусайнов Г.Б. Карим Мустай // Башкирская энциклопедия / гл.ред. М.А. Ильгамов. Уфа: ГАУН «Башкирская энциклопедия», 2015–2019.
11. Хусайнов Г. Народный поэт Мустай Карим. Уфа, 1965. 50 с.

Аннотация. В статье рассматривается изобретение Нильсом Болином трехточечного ремня безопасности и роль Стокгольма как центра шведской машиностроительной отрасли в данном процессе, а также влияние этого изобретения на изменение показателей смертности по причине дорожно-транспортных происшествий.

Ключевые слова: трехточечный ремень безопасности, Стокгольм, Нильс Болин, изобретение, обеспечение безопасности в автомобиле.

Работа выполнена при поддержке гранта СФ БашГУ № В 19-76

Нильс Болин родился семнадцатого июля тысяча девятьсот двадцатого года в городе Хернёсанд, через двенадцать лет закончил обучение в колледже родного города и начал работать по своей специальности – машиностроение. Трудился он в основном в частных фирмах, стараясь заполучить хорошую репутацию и пробиться наверх по карьерной лестнице. Не так скоро, но его усилия были окуплены в полной мере – в тысяча девятьсот сороковом году его пригласили работать в авиастроительную компанию, название которой сокращенно пишется как SAAB AB и расшифровывается Svenska Aeroplan Aktiebolaget. Офис, в который его назначали, находился в Стокгольме, и именно здесь он совершил одно из величайших в истории машиностроения открытий, позволившее в разы снизить уровень смертности на дорогах. Не в маленькой степени на это повлияла и специальность, на которую его пригласили – Болин стал конструктором, а основной его задачей была работа над системами удержания пилотов и катапультируемые креслами.

Изобретение Нильсом трехточечного ремня безопасности имело свои предпосылки – вполне естественно, что ранее в истории уже встречались подобные исследования, хотя и не доведенные до конца. Так, к примеру, в начале девятнадцатого века в записях одного из многочисленных в то время изобретателей Джорджа Кейли появилось первое упоминание о конструкции, состоящей из ремней. В тот раз оно так и осталось лишь в форме простого чертежа на бумаге. Однако уже в тысяча восемьсот восемьдесят пятом году появилась первая реальная запатентованная модель ремня безопасности, больше похожая по своему внешнему виду на ту страховку, что в настоящее время используют при высотных работах монтажники. Стоит упомянуть, что данная конструкция не получила широкого распространения в силу неудобства в использовании.

В авиации ремни безопасности стали применяться относительно часто только в тридцатых годах двадцатого века. Они были отнюдь не совершенными, и именно в их улучшении принимал участие Нильс Болин. Созданию автомобильных ремней безопасности с тремя точками соприкосновения поспособствовало перефилирование компании – с конца сороковых годов она переключилась на производство автомобилей.

Примерно в это же время у Нильса обнаружили конкуренты. Боб и Кеннет Лигон запатентовали двухточечную конструкцию ремня безопасности, которую вскоре запустила в массовое производство компания Ford Motor Co. Он выглядел как лента, фиксирующая тела водителя и пассажиров за пояс. Однако совсем скоро выяснилось очень существенный недостаток данной версии изделия – при резком торможении в случае чрезвычайной ситуации люди, пристегнутые этим ремнем, получали серьезные травмы органов брюшной полости. Вследствие этого люди проявляли нежелание пристегиваться к креслу, несмотря на то, что периодически такой механизм все же спасал жизни.

После нескольких лет работы на компанию SAAB Нильса замечают в более крупной организации – шведском концерне Volvo, и предлагают ему работу. Вскоре он соглашается и становится первым инженером по безопасности Volvo Cars, фактически снова занимаясь разработкой улучшений для системы удержания человека на месте при резком торможении. Здесь ему и пригодился полученный ранее опыт – он уже был знаком с подобной системой, применяющейся касательно пилотов авиационных сил, однако при этом понимал, что такая конструкция будет слишком громоздкой, а значит и неудобной в применении для автомобилистов. Перед ним стояла задача облегчения пользования данной моделью ремня безопасности и одновременного повышения уровня ее комфортабельности. Внимательно ознакомившись с американским вариантом такой конструкции, он пришел к выводу о том, что она должна состоять из двух ремней одновременно – первый должен был поддерживать поясничный отдел, второй – грудную клетку человека. Для облегчения пользования таким поясом эти ремни были объединены единой пряжкой в районе бедра [2, с. 257]. Таким образом, в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году шведским концерном Volvo был представлен совершенно новый концепт ремня безопасности – трехточечный [1, с. 288].

В современном нам мире используется практически та же самая конструкция. Однако различие между ними все же есть, и оно заключается в повышенной комфортности. Так, к примеру, первые модели данного устройства, изготовленные по чертежам, были статическими и должны были специально подгоняться под каждого владельца и под индивидуальные особенности его тела. Между лямкой обязательно должны были проходить два пальца – но не свободно, а с трудом. Только в данном случае ремень безопасности считался правильно установленным. Эта сложность в настройке дала закономерный итог при использовании – после первого выпуска автомобилей с таким устройством было замечено, что из-за ограничения свободы движения водители пренебрегали правилами его натяжения, из-за чего он не уменьшал вероятность травмы при аварии, а наоборот, увеличивал. Следующая партия машин вышла уже с встроенной инерционной моделью ремня безопасности. Он имел большую длину лямок, которые плотно облегал тело владельца автомобиля, при резких рывках заклинивая благодаря специальному предохранителю – фиксатору.

Это изобретение стало инновационным в сфере машиностроения и в последующем спасло множество жизней. Сам Нильс отзывался о нем и результатах его внедрения в автомобили весьма благоприятно. Так, к примеру, он говорил: «Летчики прекрасно знают об опасности своей профессии, поэтому они готовы надеть на себя все что угодно, лишь бы остаться в безопасности в случае экстремальной ситуации. Рядовые же водители не станут терпеть неудобства даже в течение одной минуты. Я рад, что мое изобретение было оценено и принято обществом, ведь никакими правительственными программами или давлением со стороны автопроизводителей такого эффекта добиться невозможно» [3].

Стоит также упомянуть, что в мировом масштабе изобретение было оценено не сразу – до тысяча девятьсот шестьдесят третьего года оно встраивалось только в автомобили, производимые для внутреннего рынка потребления Швеции. Распространению такого устройства поспособствовало несколько довольно значимых факторов, и первым из них было снятие выплат за использование патента в других машиностроительных компаниях. Вторым же стал доклад, зачитанный Нильсом на одиннадцатой Международной конференции по предотвращению автокатастроф «Анализ 28 000 дорожно-транспортных происшествий, нацеленный на сохранение жизней автомобилистов» [3]. Согласно этому исследованию, примерно семьдесят пять процентов водителей не получают серьезных травм или избегают их вовсе, если они пристегнуты к сиденью трехточечным ремнем безопасности.

В связи с вышеозначенными причинами, в конце шестидесятых годов Национальное бюро США по безопасности на дорогах сделало для всех производителей автомобилей на своей территории обязательной установкой данного устройства. А вскоре, оценив благоприятный результат, к этой стране присоединились и другие.

В тысяча шестьсот шестьдесят девятом году Нильс Болин перешел на работу в центральный научно-исследовательский департамент Volvo Cars, что не составляло для него труда из-за уже наработанной репутации и совершенного научного открытия. Во многом именно благодаря его деятельности автомобили этой марки долгое время считались одними из самых безопасных в мире. А через девятнадцать лет Болин покинул свой пост в этой организации, не беспокоясь за финансовое состояние, так как кроме трехточечного ремня безопасности, патент на который еще оставался свободным, у него имелось еще несколько, хоть и не столь инновационных, изобретений в области авиации. Двадцать шестого сентября двухтысячного года Нильс скончался, но даже так его изобретение все еще поддерживает память о нем, как о человеке, невероятно сильно сократившем смертность на автодорогах. До сих пор именно его изобретение активно используется в повседневной жизни людей, обеспечивая им безопасность в пути. Таким образом, можно сказать, что Нильс Болин является одним из тех, кого можно ставить в почетный ряд с выдающимися учеными Стокгольма и Швеции вообще.

Список источников и литературы

1. Год в истории изобретений // Мир транспорта. 2019. № 3. С. 288.
2. Максимов М.Е. Выдающиеся технические решения в автомобилестроении и области безопасности // Наука молодых – будущее России. 2016. Том 3. С. 254–259.
3. Морозов Ю. Нильс Болин. Безопасность как смысл жизни // АГ. 2009. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://ag25.ru/history/223/>

Отечественный родоначальник «укороченной» модели хронологии всемирной истории.
Профессор химии Николай Александрович Морозов

Самородов Д.П.
г. Стерлитамак

Аннотация. В статье рассматриваются вехи многотрудной революционной, научной и общественной деятельности Николая Александровича Морозова, ученого-космиста, почетного члена Академии наук СССР, настоящего энциклопедиста, оставившего огромное научное наследие по изысканиям в областях астрономии, космогонии, химии, математики, геофизики, воздухоплавания, истории и хронологии древней истории. Акцентируется внимание на развитии воззрений этого самобытного мыслителя относительно альтернативных моделей исторической хронологии, которые предшествовали современной научной школе «новохронологов» МГУ во главе с академиком, доктором математических наук А.Т. Фоменко. Показывается, что Н.А. Морозов, всесторонне образованный индивидуум, обладающий самыми разносторонними знаниями во многих областях точных и гуманитарных наук и являвшийся полиглотом, совершил реальный прорыв в обосновании альтернативной модели хронологии древней истории, подвергнув обоснованной критике т.н. скалигеровскую (общепринятую и по сей день) схему хронологии исторического процесса. Используя несколько новых, естественнонаучных методов в анализе хронологии истории, Н.А. Морозов пришел к выводу, что скалигеровская хронология искусственно «растянута» по сравнению с реальной историей древности. Поясняется, что Н.А. Морозов, используя свой методологический анализ вплоть до VI в. н.э., поставил вопрос о необходимости коренных передатировок, считая, что скалигеровская хронология после VI в. н.э. является более или менее верной (такой подход лидер современных «новохронологов» проф. А.Т. Фоменко считает ошибочным). Обосновывается мысль, что своими оригинальными изысканиями Н.А. Морозов способствовал превращению хронологии в отдельную вспомогательную историческую дисциплину.

Ключевые слова: Н.А. Морозов, Апокалипсис, историческая хронология, А.Т. Фоменко, астрономический метод, панпсихизм, земная история, академические историки, альтернативная историография, «новая» хронология, «удлиненная» модель хронологии.

«Мой товар от времени не портится. Придет время мой труд выйдет в полном объеме».

Проф. Н.А. Морозов, автор многотомной монографии «Христос. Небесные вехи земной истории человечества»

«Современная физика полностью подтвердила утверждение о сложном строении атомов и взаимопревращаемости всех химических элементов, разработанное в свое время Н.А. Морозовым в монографии «Периодические системы строения вещества».

Академик Игорь Курчатов

«Морозов считал, что все в космосе взаимосвязано и космические силы, поля, излучения влияют на жизнь землян. Морозов считал о времени, что существует лишь прошлое и будущее, а настоящего нет, что это «цель в вечности, бегущая между прошлым и будущим».

А.И. Ивасенко, автор-составитель универсального словаря-справочника «Эзотерика»

В 2019 г. исполнилось 165 лет со дня рождения Николая Александровича Морозова, крупного мыслителя-космиста, полиглота, доктора химических наук, видного революционного и общественного деятеля имперской и советской России, поэта. В истории отечественной науки этот весьма необычный индивидуум давно занимает место действительного ученого-энциклопедиста, обладавшего колоссальными знаниями и новаторскими идеями в области химии, астрономии, математики и других предметных мерностях естествознания. Однако, благодаря своему оригинальному математическому мировидению, Н.А. Морозов, почти всегда проводивший научные изыскания на межпредметном стыке разных наук, внес свой неоднозначный вклад в развитие исторической науки, а именно в область хронологии, вспомогательной исторической дисциплины, изучающей не только историю летосчисления, но и периодизацию всемирно-исторического процесса. На день сегодняшний очевиден тот факт, что модель хронологии истории, предложенная Н.А. Морозовым еще в начале ушедшего в лето XX века, начинает снова привлекать внимание определенной части академических истори-

ков, а также образованных индивидуумов, занимающих позиции альтернативного исторического мировидения. И такое положение вещей закономерно. Современное состояние академической историографии характеризуется утверждением на ее методологическом субстрате новых подходов к пониманию исторического процесса, основанных не на научно-материалистической картине мира и принципе историзма (с его претензией на объективность), а на духовной, немеханистической панораме миробытия. Странники альтернативных подходов [21] к истории не без оснований подвергают критике давно устоявшуюся в науке т.н. скалигеровскую хронологию, составляющую основу ортодоксальной исторической науки. Сегодня приверженцы школы «новой» хронологии и ее лидера, академика А.Т. Фоменко действительно убеждены в том, что истинная хронология древнейшей, древней и средневековой истории мира является другой, а изложенная в учебниках история намеренно и давно фальсифицирована, сочинена средневековыми монахами [15]. «Новохронологи» всерьез считают, что многие памятники античной литературы и вообще письменные источники древности являются зачастую подделками средневековых мистификаторов или, во всяком случае, имеют гораздо позднее происхождение.

Принято считать, что зарождение «новой» (или «укороченной») модели хронологии всемирной истории приходится еще на XVI-XVII вв. Процесс выявления противоречий и явных «неувязок» в модели скалигеровской хронологии связан с именами таких исторических персон как: профессор Саламанского университета Де Арсилла, великий математик и физик Исаак Ньютон, директор Французской королевской библиотеки историк Жан Гардуин. Мало кто сегодня знает, что у нас, в России, у самых истоков «укороченной» хронологии стоял Петр Никифорович Крекшин (1684–1763), личный секретарь Петра I, который в формате отдельной книги изложил критику общепринятой и сегодня древнеримской истории [15, с. 5]. Однако в строгом смысле историческая хронология стала приобретать контуры отдельной науки, благодаря оригинальным подходам Н.А. Морозова, широко использовавшего естественнонаучные методы и поставившего вопрос о ревизии древней истории и вообще «сжатии» линейной протяженности всемирной истории.

Николай Александрович Морозов родился 7 июля 1854 г. в родовом имении Борки Ярославской губернии. Его отец, дворянин Петр Алексеевич Щепочкин, находившийся в родстве с Петром Великим [6, с. 7], был офицером в отставке, образованным индивидуумом. Сам Н.А. Морозов, интересовавшийся своей генеалогией, склонен был возводить свой род по мужской линии к черкесам [6, с. 12]. «Прямо над спальней отца и рядом с большой залой находилась также комната с портретами предков в золоченых рамах, куда прислуга не решалась ходить по ночам в одиночку из суеверного страха. Меня особенно пугал там прадед Петр Григорьевич своим жестким и высокомерным видом. Отец мне говорил, что он был черкесского происхождения, и самая его фамилия – Щепочкин – была переделана на русский лад из какой-то созвучной ей кавказской фамилии» [6, с. 12]. Являясь англоманом-конституционалистом, П.А. Щепочкин, тем не менее, был против крестьянской реформы 1861 г. и освобождения бывших крепостных крестьян с землей. Мать – Анна Васильевна Морозова была крепостной крестьянкой из имений Щепочкина в Новгородской губернии. Известно, что ее отец (кузнец) был грамотным крестьянином, научившимся читать, писать и имевшим элементарные познания по арифметике, истории, географии. Грамотным был и его отец, прадед будущего академика. О своих деде и прадеде Морозов писал: «Тот и другой представляли собою первые ростки той крестьянской интеллигенции, которой суждено было развиться только в будущей свободной России при всеобщем и обязательном обучении» [6, с. 8]. Сама Анна Васильевна была не только красавицей, но и начитанной девушкой, любившей творчество А.С. Пушкина, И.А. Крылова, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя. Помещик П.А. Щепочкин дал вольную А.В. Морозовой и женился на ней, однако не закрепив брак в церкви. Поэтому их совместны дети (два сына и пять дочерей) получили фамилию матери, отчество же – крестного отца Александра Ивановича Родожицкого.

Николай Морозов получил преимущественно домашнее образование. Его гувернером был полуфранцуз Морель, который пробудил у него интерес к ботанике и энтомологии. Уже в юные годы у взахлеб читавшего Николая стали формироваться основы энциклопедического мировидения. Любопытный юноша интересовался не только художественно-литературными шедеврами, но и естествознанием, особенно астрономией, привязанность к которой он будет испытывать всю жизнь. Две старинные «Астрономии» из библиотеки отца, по его признанию, им были перечитаны не раз до тринадцати лет, как только гувернер Морель познакомил ученика с основами физической географии. Книг же по общественным наукам, кроме скучной «Истории» Карамзина в отцовской библиотеке не было, «а потому в догимназический период моего детства мне приходилось довольствоваться лишь собственными мыслями, когда разговоры взрослых побуждали меня задумываться о тех или иных общественных отношениях» [8, с. 22]. Мечтательный отрок часто забирался на крышу родового обиталища и подолгу рассматривал звездную панораму. В 1869 г. он поступил во 2-ю Московскую классическую гимназию, которую не закончил, был исключен [8]. В бытность гимназистом Николай Морозов организовал тайное «Общество любителей естествознания», выступал с докладами, выпускал рукописный журнал, в котором размещались не только научные, но и политические статьи. Об этом периоде своей жизни Н.А. Морозов вспоминал так: «Во все время моей гимназической жизни, еще со второго или третьего класса я по целым дням и ночам просиживал над естественнонаучными книгами, ища в них не одних сухих знаний, ... но больше всего разъяснения мучивших меня почти с двенадцати лет вопросов: ... стоит ли жить или не стоит?» [11, с. 8]. Весь курс обучения в гимназии Морозов не прошел, был исключен из 6-го класса, как полагают

некоторые биографы, за неуспеваемость. В период с 1871 по 1872 гг. Морозов являлся вольнослушателем Московского университета.

С 1874 г. в жизни Н.А. Морозова начинается новый период, связанный с участием в народническом движении. В указанное время Морозов входит в Московский кружок «чайковцев» и участвует в «хождении в народ», проводя пропаганду среди крестьян Московской, Ярославской, Костромской, Курской и Воронежской губерний. Уже в зрелом возрасте Морозов признавался: «Мне не столько хотелось проповедовать новые общественные идеи, сколько изучать народные массы, войти лично в их трудовую жизнь и определить, наконец, самому, действительно ли крестьянство может оказать интеллигенции какую-либо помощь в ее трудной борьбе за свет и свободу?» [8, с. 68]. В том же 1874 г. Он, переодетый девушкой, эмигрирует в Швейцарию, где, представляя «чайковцев», редактирует журнал «Работник» в Женеве. Годом позже Морозов вступает в 1-й Интернационал, международное товарищество рабочих. При возвращении в Россию в 1875 г. он был арестован и до 1878 г. пребывал в предварительном заключении в Москве, а также в Петербурге. В петербургском доме предварительного заключения этот узник пытался заниматься естественнонаучными дисциплинами, иностранными языками, а также революционным стихотворчеством. Будучи осужденным по т.н. «процессу 193-х», Н.А. Морозов был освобожден сразу после окончания суда; ему был учтен срок предварительного заключения. После освобождения он переходит на нелегальное положение и вступает в организацию «Земля и воля», став редактором журнала с одноименным названием. В 1879 г. вступает в «Исполнительный комитет» новой народнической организации «Народная воля» и участвует в подготовке террористического покушения на Царя-Освободителя, императора Александра II. Вследствие расхождений по вопросам теории и практики борьбы с руководством «Народной воли» Николай Александрович в 1880 г. эмигрирует в Швейцарию с Ольгой Любатович, его гражданской женой [8], ждавшей ребенка. В Швейцарии он участвует в издании журнала «Русская социально-революционная библиотека», становится слушателем Женевского университета. В эмиграции им была написана небольшая книжная работа «Террористическая борьба», где он изложил свою теорию «теллизма», предусматривающую постоянный террор в политических реалиях России того времени (большинство народолюбцев считали террор исключительной мерой политической борьбы). Известно, что в замыслах Н.А. Морозова было написание книги «История социалистического движения в России в 1873–1875 гг.». Для реализации этого книжного проекта теоретик террора начал собирать источниковый материал. В его творческие планы входило также привлечение к сотрудничеству «Русской социально-революционной библиотеки» Карла Маркса, основоположника коммунистической доктрины. В декабре 1880 г. это знакомство произошло в Лондоне, К. Маркс встретил Н.А. Морозова весьма приветливо. Николай Александрович вспоминал: «... Разговор шел главным образом о наших народолюбческих делах. Маркс чрезвычайно интересовался ими и говорил, что наша борьба с самодержавием представляется ему, как и всем европейцам, чем-то совершенно сказочным, возможным только в фантастических романах» [11, с. 16]. Для перевода на русский язык К. Маркс передал Н.А. Морозову «Манифест Коммунистической партии» и ряд других работ. Впоследствии Морозов признавался, что, прочитав «Капитал» Маркса, считал себя первым русским марксистом, понимая, что это – гениальное произведение [11, с. 219].

В январе 1881 г. Морозов при переходе границы близ Вержблова был арестован, помещен сначала в Варшавскую цитадель, затем отправлен в Петербург. До царевубийства Александра II оставался месяц, и Морозов, таким образом, в этом отратном деле не участвовал. Во время следствия и в ходе суда отказался от всяких показаний. Согласно данным, приводимым современными биографами, новый самодержец России, император Александр III, следивший за судебным процессом, в беседе с шефом жандармов якобы воскликнул: «Оного Морозова мало повесить. Его уморить надобно жестокой и медленной смертью!» [18]. По «процессу 20-ти» он был осужден на вечное заключение. 26 марта 1882 г. он был заключен в одиночную камеру № 10 Алексеевского рavelина Петропавловской крепости. Началась его тюремная эпопея длиной почти в четверть века. Условия содержания в одиночной камере были рассчитаны на медленную смерть политзаключенного. Из-за сырости камеры, отсутствия прогулок и недоедания у узников начинались цинга и туберкулез. Заболел цингой и Морозов, от болезни нога распухла и болела, он начал харкать кровью. Однако, несмотря на боль, революционер заставлял себя три раза в сутки делать гимнастику, а также больше ходить, повторяя про себя как мантру: «Выжить во что бы то ни стало, назло своим врагам!» [11, с. 18]. Вскоре у него стали появляться и признаки туберкулеза, с которым Морозов боролся посредством собственной методики (старался кашлять в подушку). Тюремный врач в 1883 г. докладывал императору Александру III: «Морозов обманул смерть и медицинскую науку и начал выздоравливать». Летом 1884 г. Николая Александровича заключили в Шлиссельбургскую тюрьму на ореховом острове у истоков Невы. Эта цитадель была основана новгородцами еще в 1323 г. (Орешек, Нотебург), а в XVIII в. превратилась в политическую тюрьму с крайне суровым режимом. В этой тюрьме, в которую, как говорили современники, «входят, но никогда не выходят», томились Иван VI Антонович, мason Н.И. Новиков, декабристы, анархист М. Бакунин, прорицатель Абель.

В начале 80-х гг. XIX в., в эпоху т.н. «контрреформ», при Александре III в Шлиссельбурге была построена новая тюрьма для народолюбцев. В шлиссельбургских застенках Н.А. Морозову предстояло просуществовать более двух десятилетий. Жестокие условия содержания узников-народолюбцев (и не только) в «новой» тюрьме Шлиссельбурга впоследствии были несколько смягчены. Было улучшено питание, разрешены прогул-

ки и пользование книгами. Такое положение дел и позволило будущему академику начать заниматься научными изысканиями. Н.А. Морозов не только погружался в ментальные мерности астрономии, физики, математики, химии и собственно истории, но и изучил несколько иностранных языков, а также написал немало стихотворений, рассказов и воспоминаний «В начале жизни» и «Письма из Шлиссельбургской крепости». Именно в Шлиссельбурге Николай Александрович создал трехтомный труд «Строение вещества» и капитальную монографию «Периодические системы строения вещества», которая будет опубликована в 1907 г. после его освобождения. О своих творческих настроениях в 1897 г., т.е. после 15-летнего пребывания в тюремных застенках, Н.А. Морозов, к примеру, признавался родным: «Теперь я пишу книгу о строении вещества. Написал уже почти полторы тысячи страниц, и осталось не менее пятисот. Хотя этой книге, вероятно, и не суждено никогда попасть в печать, но все же я усердно работаю над ней почти каждый день в продолжении последних трех лет и чувствую невыразимое удовольствие всякий раз, когда после долгих размышлений, вычислений, а иногда бессонных ночей мне удается найти порядок и правильность в таких явлениях природы, которые до сих пор казались загадочными» [19]. Занимался бывший народоволец и проблемами исторической хронологии. В тюремный период своей долгой жизни Морозов в общих контурах написал работу «Откровение в грозе и буре. История возникновения Апокалипсиса», заложив, таким образом, теоретические основы «новой» (укороченной) хронологии всемирной истории. По данным советских специалистов-биографов О.А. Сойкина и К.Б. Серебровской, список научных и прочих работ, написанных Морозовым до 1905 г., разместили на 23 страницах! [11, с. 20]. Рукописный фонд всех вообще написанных им в тюрьме книжных и статейных работ составлял к 1905 г. 26 томов [11, с. 19].

Пожизненное заключение Морозова было неожиданно прервано в связи с началом Первой Русской Революции 1905–1907 гг. В момент наивысшего подъема Октябрьской Всероссийской политической стачки императором Николаем II был подписан знаменитый Манифест 17 октября 1905 г. («Об усовершенствовании государственного порядка»), провозгласившего гражданские свободы и законодательную Думу. Уже 28 октября 1905 г. Н.А. Морозов вышел из Шлиссельбургских застенков на свободу, удивляя современников своим бодрым состоянием.

Начинается новый, легально-научный период в многомерной биографии Н.А. Морозова, характеризующийся активной публицистической и преподавательской деятельностью. Написанная в Шлиссельбургской тюрьме монография Морозова «Периодические системы строения вещества» была с одобрением встречена Д.И. Менделеевым, который успел незадолго до своей смерти встретиться с автором. Именно по представлению великого русского химика, открывшего периодический закон химических элементов, Н.А. Морозову была присвоена ученая степень доктора наук по химии без защиты (*honoris causa*) [19].

В 1906 г. Н.А. Морозов избирается членом Русского физико-химического общества. На заседаниях РФХО бывший революционер выступает с научными докладами «Кристаллизационная вода» и «Апокалипсис с астрономической точки зрения». Тогда же выходит в свет статья «Кристаллизованная вода», ставшая первой его научной публикацией [11, с. 228]. В следующем (1907 г.) году Николай Александрович избирается действительным членом Русского астрономического общества, а также почетным членом Московского общества любителей естествознания, антропологии, этнографии, принимает участие в работе I Менделеевского съезда в Петербурге, выступив с докладом «Эволюция вещества в природе». О признании научным сообществом России реальных его заслуг говорит тот факт, что Н.А. Морозов выбирается приват-доцентом, а затем профессором аналитической химии в Высшей вольной школе П.Ф. Лесгафта [11, с. 21]. В указанное время устраивается и семейная жизнь бывшего узника Шлиссельбургской крепости. В 1907 г. в селе Копань (близ Борка) Н.А. Морозов обвенчался с Ксенией Алексеевной Бориславской, знатной писательницей, пианисткой, переводчицей трудов Г. Уэллса.

Вплоть до начала Первой мировой войны профессор Н.А. Морозов читает лекционные курсы по химии и воздухоплаванию в разных городах России, а также во Франции. В 1908 г. ученый был избран постоянным членом Французского астрономического общества и Британского астрономического общества. Из под пера мыслителя выходят несколько книжных работ среди которых следует отметить такие проекты, как: «Д.И. Менделеев и значение его периодической системы для химии будущего»; «Основы качественного физико-математического анализа и новые физические факторы, обнаруживаемые им различных явлениях природы» (402 с.). В том же году Н.А. Морозов проходит процедуру посвящения в масонскую ложу «Полярная звезда» [8]. В последующие годы он продолжает активную научную и общественную деятельность. По подсчетам специалистов, за период с 1906 по 1910 гг. Н.А. Морозов опубликовал более 80 статей, книг и литературных работ [11, с. 21]. За указанное время ученый-энциклопедист сотворил такие крупные книжные проекты, как: «Откровение в грозе и буре: История возникновения Апокалипсиса» (1907 г., 304 с.); «В поисках философского камня» [4] (1909 г., 300 с.). В этих капитальных работах автор изложил первоосновы своей модели исторической хронологии, которая в более развернутом виде будет представлена в главном его семитомном труде – «Христос», опубликованном во второй половине 20-х – начале 30-х гг. XX в.

Являясь многомерной творческой натурой, Н.А. Морозов самовыражал себя не только на поприще естественных наук. Не равнодушен он был и к поэтическому мировидению. Известно, что еще, будучи молодым революционером-народником, Николай Александрович издал ряд сборников стихов за границей. В 1910 г.

в послереволюционную, столыпинскую эпоху, он издал поэтическую книгу «Звездные песни», которая вызвала определенный резонанс в социуме и негативную реакцию властей. Поясняя символику интригующего названия сборника, автор указывал, что не все эти «песни» говорят о звездах, «но в них было всегда стремление к звездам, и тому непостижимому идеалу красоты и совершенства, который нам светит по ночам из глубин Вселенной». Книга со стихами явно антисоциалистического содержания хорошо раскупалась, но уже через два месяца автор «Звездных песен» оказался в суде и 24 декабря 1911 г. был приговорен к годовичному заключению. В 1912 г. знаменитый Н.А. Морозов был снова арестован в последний раз в Крыму (где он находился на излечении) и заключен в Двинскую крепость, где он написал работу по чистой математике «Разносистемное исчисление» и редактировал «Детскую энциклопедию», а также мемуары «Повести моей жизни», написанные ярким литературным языком. Высокую оценку воспоминаниям Н.А. Морозова дал сам Лев Толстой: «Талантливо написано. Интересно взглянуть в душу революционера...» [8]. Пребывая в застенках Двинской крепости, Морозов изучал древнееврейский (одинадцатый по счету) язык. О творческих планах Н.А. Морозова можно судить по переписке, в частности, по письму, адресованному академику Б.Б. Голицину от 5 сентября 1912 г.: «...К моему полному недоумению (т.к. по-прежнему не вижу в моих «Звездных песнях» ничего противозаконного), я все-таки попал в крепость за свои стихи... Здесь, в крепости, написал пока исследование по чистой математике «Разносие-темное исчисление», сущность которого заключается в исследовании бесконечных рядов путем их переложения на различные системы счисления (кроме нашей десятичной системы). Удалось открыть ряд интересных закономерностей. Думаю далее заняться тем, чем предполагал заняться в этот год и на свободе: исследованием библейских пророков с астрологической точки зрения» [9, с. 5].

После освобождения, в предвоенные годы, Н.А. Морозов работает редактором Отдела астрономии «Технической энциклопедии» и редактором отдела «Стихийная природа», а также в разных городах России читает лекции о воздухоплавании. Печатные работы ученого в указанное время были посвящены культурному значению воздухоплавания, воспоминаниям о Л.Н. Толстом. В 1914 г. в свет выходит его новый труд «Пророки», посвященный истории возникновения библейских пророчеств.

В годы Первой мировой войны Н.А. Морозов не раз приезжал на Восточный фронт в качестве делегата Всероссийского земского союза помощи больным и раненым. Собственное видение реалий военной жизни он описал в своих очерковых произведениях. В военное время он продолжал заниматься научными изысканиями, являясь профессором курса «Мировая химия» петроградского Психоневрологического института [11, с. 242].

В канун Великой русской революции 1917 г. политические воззрения бывшего революционного народника были отличными от большевистских взглядов. Принято считать, что Н.А. Морозов, критикуя В.И. Ленина в вопросе о своевременности социалистической революции, занимал примиренческие позиции, более близкие к плехановцам, примкнув позже к партии кадетов [8].

Активного участия в политических событиях революции 1917 г. и Гражданской войны Н.А. Морозов (ему было уже за 60 лет) не принимал, сосредоточившись на научной деятельности. С 1918 г. и до самой смерти Николай Александрович был директором Ленинградского естественнонаучного института им. П.Ф. Лесгафта, а также заведующим Астрономическим отделением института. Принято считать, что Морозов на посту директора этого академического института всячески поощрял научные исследования, которые на десятилетия обогнали свое время. В канун 70-летия профессор Н.А. Морозов, в 1923 г. Постановлением Совнаркома СССР (по инициативе В.И. Ленина) за заслуги перед революционными свершениями и наукой родовое имение Борок было передано ему в пожизненное пользование. В начале 30-х гг. XX в. хозяин Борок инициировал научный центр, который к нашему времени трансформировался в Институт биологии внутренних вод и Геофизическую обсерваторию «Борок» РАН. Одно время родовое имение Борок было по сути местом почетной ссылки советского ученого. Советские биографы Н.А. Морозова стыдливо умалчивали этот факт. В 1909 г. Николай Александрович был избран председателем т.н. «Русского общества любителей мироведения». В 1932 г. это странное учреждение было закрыто, а члены Совета РОЛМ были репрессированы [8]. Председателю РОЛМ было предложено уехать в имение Борки... Однако его академическая карьера не была прервана. В том же 1932 г. он избирается почетным членом Академии наук СССР, а через два года ему присваивается почетное звание заслуженного деятеля науки. Его именем была названа малая планета – «Морозовия», а впоследствии также кратер на Луне. Не были забыты заслуги Морозова и впоследствии. В связи с 85-летием со дня рождения ученого был награжден орденом Трудового Красного Знамени за заслуги перед трудящимися как революционер и ученый. Указанные факты свидетельствуют, очевидно, о том, что руководитель СССР Иосиф Сталин явно благоволил к нему. По всей видимости юбилар на тот момент пребывал в достаточно хорошей физической форме. Об этом свидетельствует тот любопытный факт, что в том 1939 г. Морозов окончил снайперские курсы ОСОАВИАХИМа [8]. В годы Великой Отечественной войны Н.А. Морозов, которому уже было под 90 лет, участвовал недолго, как считается, в военных действиях на Волховском фронте и был награжден медалью «За оборону Ленинграда». Мог ли Н.А. Морозов, уже древний старик, перенесший в 1942 г. операцию, реально участвовать в боевых действиях? Некоторые современные биографы Н.А. Морозова отвечают на этот вопрос утвердительно. К примеру, В.Н. Прищепенко, автор статьи «Сквозь тернии – к звездам!» (О Николае Александровиче Морозове) утверждают, что весной 1942 г. 88-летний Морозов на несколько дней выезжал на Волховский фронт и, со слов очевидцев, пристрелил несколько фашистов. Причем он бил по врагу из дальнобой-

ной винтовки с телескопическим прицелом (который он сам и усовершенствовал), а также из крупнокалиберных револьверов [18]. Как утверждает В.Н. Прищепенко, эти револьверы по сей день хранятся в сейфе Дома-музея Н.А. Морозова. В связи с 90-летием со дня рождения в 1944 г. Н.А. Морозов был награжден орденом Ленина за выдающуюся многолетнюю научную работу в области естествознания. Через год ученый-старец был награжден вторым по счету орденом Ленина за выдающиеся заслуги в развитии науки в связи с 220-летием Академии наук СССР. В последние годы жизни здоровье Н.А. Морозова стало ощутимо слабеть. По свидетельству друга семьи К.К. Виноградова, члена Госплана СССР, в 1942 г. перенес операцию: «Из Борка его вывезли самолетом в Москву, где он пробыл около 3 месяцев в Кремлевской больнице. Ксения Алексеевна писала: «В Борке ему стало лучше, но теперь я снова волнуюсь из-за его сердца, так как месяца полтора, как его пульс более 100. Лечим, как можем, приезжает доктор из Рыбинска»» [11, с. 223]. По свидетельству К.К. Виноградова в июне 1945 г., встретивший Морозова в Москве на торжественном заседании сессии АН СССР констатировал в своих воспоминаниях, что Николай Александрович, которому шел 91-й год, «сильно изменился, появились черты старческой дряхлости, он быстро уставал, но оживленно интересовался самыми различными вопросами». Последняя его научная работа датирована 1945 г. Это мини-статья «Эхо солнечного света» была опубликована в «Известиях АН СССР» с рецензией на английском языке [11, с. 238]. Тогда же он становится Членом Ученого Совета Института истории естествознания АН СССР, т.е. признанным историком высшего академического уровня. Жизнь 92-летнего Н.А. Морозова оборвалась 30 июня 1946 г. в поселке Борок (ныне Некоузский район Ярославской области), где он и был похоронен в парке на одной из лужаек. За несколько часов до смерти он попросил перенести его ближе к окну и, глядя в летнее небо, прошептал перед концом: «Прощайте, звезды!» [18].

Эксцентричные взгляды Морозова на проблемы древней истории и ее хронологии вызвали резкую критику у ортодоксальных историков (и не только) почти сразу после публикации книги «Откровение в грозе и буре» [5] в 1907 г., а впоследствии к книге «Пророки». Критический разбор концепции истории возникновения Апокалипсиса Н.А. Морозова еще в 1908 г. сделал в отдельной книжной работе «Спор исторической критики с астрономией» Н.М. Никольский [14], впоследствии ставший советским академиком, известным востоковедом, историком религии и критиком Библии. Развернутой критике концепцию Н.А. Морозова подверг также П. Астров в своей работе «По поводу книги Н. Морозова «Откровение в грозе и буре» (1908 г.). Опыт критического разбора указанной книги Морозова в 1912 г. осуществил В. Юнгер [25]. Интересно отметить, что резкую критику научной поэзии Н.А. Морозова дал Николай Гумилев, идейный вождь акмеистов и историк по образованию. Известно, что с книгой Н.А. Морозова «Откровение в грозе и буре» был знаком Лев Толстой, давший автору следующую оценку: «Он удивительно, должно быть, даровитый. Вероятно, из тех людей на все способных – и во всем недалек» [8].

В начале советской эпохи академическим критиком воззрений на вопросы исторической хронологии Морозова оставался Н.М. Никольский, подвергший критике книгу «Христос» в статьях и отдельной книге [13]. В середине 20-х гг. XX в., в первые годы советской власти, благожелательную оценку методом анализа в работах Н.А. Морозова дал А.А. Румянцев [20], опубликовавший статью в «Известиях научного института им. Г.Ф. Лесгафта». Очерки жизни и деятельности Н.А. Морозова еще в конце Гражданской войны в отдельной брошюре изложила Л.Я. Круковская [2]. К 90-летию ученого, в 1944 г. Академия Наук СССР издает сборник статейных и источниковых материалов [10]. Впоследствии издательство «Наука» опубликует в формате книги (95 с.) материалы и библиографический реестр трудов Н.А. Морозова в серии «Химические науки» [12]. В конце советской эпохи, в 1982 г. вышла в свет книга «Николай Александрович Морозов. Ученый-энциклопедист», представлявшая собой сборник научных и публицистических статей. Одна из участниц этого проекта З.И. Шептунова в статье «Историко-химические взгляды Н.А. Морозова» с должным основанием утверждает: «Несмотря на ряд спорных положений, историко-научные труды Н.А. Морозова, использовавшие комплекс методов для исторического анализа, обогащенные новым психологическим методом, показали важность исторической науки в развитии научного знания. Эти труды, представляющие особую страницу в историографии науки, не остались незамеченными. Видные ученые нашей страны с благодарностью вспоминают, что труды Н.А. Морозова оказали значительное влияние на формирование их научного мировоззрения и вызвали у них неослабевающий интерес к историко-научным исследованиям» [11, с. 166].

В постсоветский период интерес к причудливому творчеству Н.А. Морозова вновь начинает возрастать в связи с появлением трудов т.н. «новохронологов», математической школы исторической хронологии, возглавляемой доктором математических наук, профессором А.Т. Фоменко и Г.В. Носовским. Результаты изысканий А.Т. Фоменко и у его сторонников из среды академических математиков вызвали однозначную негативную реакцию со стороны ортодоксальных историков. Критически оценивались академическими учеными и идеи предшественника «новохронологов, почетного члена АН СССР Н.А. Морозова [1]. Примером может служить книжная работа А.П. Шикмана «Николай Морозов. Мистификация длиною в век», вышедшая в свет в 2016 г. [23]. Название говорит само за себя.

Для современного среднестатистического академического историка имя академика Н.А. Морозова, очевидно, почти что ничего не говорит. Лишь историки, специализирующиеся по методологии и теоретической истории, имеют представление о попытках этого ученого-энциклопедиста привнести в «ремесленную мастер-

скую историка» (Марк Блок) новый методологический инструментарий, естественнонаучные методы и новую, «укороченную» (по устоявшейся ныне терминологии) модель хронологии всемирной истории. Всерьез методологические инновации Н.А. Морозова академическое сообщество питомцев Клио не приняло и не принимает. Сам Николай Александрович признавался, что в своих научных изысканиях по исторической хронологии стремился «наметить общими чертами возможность построения на развалинах старой истории новой исторической науки на революционных началах в связи с географией, геофизикой, политической экономией, исторической материальной культуры и со всем вообще современным естествознанием».

Академическим историком, оперирующим в исторических исследованиях всеобщими, общими и частными (конкретно-историческими методами, методологическая платформа книги Н.А. Морозова «Христос» («естественнонаучном освещении»)) может показаться весьма необычной. Это и понятно. Напомним, что оригинальное (авторское) название этого семитомного исследования – «История человеческой культуры в естественно-научном освещении». Название это говорит само за себя. Принято считать, что работу над этим проектом Морозов начал еще в 1882 г., в застенках Алексеевского рavelина, где ему была доступна лишь одна книга – Библия. По мнению одного видного «новохронолога» С.И. Валянского проблемой естественно научного объяснения истории молодой Морозов начал интересоваться еще в 70-е гг. XIX в. [7, с. 5]. Представление Н.А. Морозовым новой исторической науки основано на естественнонаучном мировидении, а именно на оригинальном межпредметном стыке астрономии, геофизики, политэкономии и других наук. В предисловии к первому изданию книги первой «Небесные вехи земной истории человечества» автор в заявленном корпусе методологического инструментария выделяет пять основных методов: астрономический, геофизический, материально-культурный, этнопсихологический, статистический [7, с. XIV-XV]. Основополагающий астрономический метод Н.А. Морозов использовал для определения времени памятников древности, которые содержали достаточные астрономические указания в виде планетных сочетаний, а также солнечных и лунных затмений и комет: «Результат исследования этим методом, захватывающий у меня более 200 документов, получился поразительный: все записи греческих и латинских авторов, отмечающих вычисленные астрономические явления после 402 года нашей эры, подтвердились, и, наоборот, все записи о затмениях, планетных сочетаниях и о кометах (последние я сравнивал с записями китайских летописей Ше-Ке и Ма-Туань-Линь, а сочетания вычислял сам) не подтвердились и привели к датам тем более поздним, чем ранее считались. От древности за началом нашей эры не осталось ничего» [7, с. XV].

Заявленные Н.А. Морозовым методологические установки в книге «Небесные вехи земной истории человечества» скоррелированы с парадигмами культурно-исторической, цивилизационной теории (подходом). Предпринимаемую попытку реконструкции эволюционного процесса человеческой культуры с «новой точки зрения», ученый стремился осветить древне-месопотамскую, сирийскую, греческую, италийскую и прочие культуры на «новых хронологических началах».

В начале книги первой проекта «Христос» Н.А. Морозов излагает анализ Апокалипсиса с астрономической и исторической точек зрения и приходит к выводу, что срок появления Откровения св. Иоанна Богослова, содержащее пророчество о «конце света», Страшном Суде и тысячелетнем «царстве божьем», следует сократить до полуторы тысячи лет. По его убеждению, в течение веков Апокалипсис толковался с исторической, мистической, литературной, пророческой точек зрения, но не толковался с точки зрения астрономии. Автор убежден: «... Апокалипсис построен на астрономической канве. Люди, незнакомые с основаниями астрологии, конечно, не могли правильно понимать этих мест и, естественно, должны были приписывать им какое-то таинственное значение...» [7, с. 8]. По признанию Николая Александровича, еще в конце XIX в., будучи заточенным в Алексеевском рavelине и Шлиссельбургской крепости, он при первом же прочтении Апокалипсиса «сразу увидел в некоторых его картинах чрезвычайно живое и поэтическое описание звездного неба...» [7, с. 10]. Тогда же у него появилась мысль, что по изложенному в VI главе Апокалипсиса астрологическому гороскопу момента наблюдения можно вычислить с астрономической точностью не только год и день, но и самый час звездных наблюдений. Н.А. Морозов также признает, что при прочтении Апокалипсиса чувствовал, что читал не бред больного, а «чудную поэтическую книгу», которая непонятна для астрономически неподготовленного большинства, однако понятную для тех, «кто любит звездное небо, кто привык в звездную ночь сливаться с ним всей своей душой, кто в немом благоволении наблюдал и запоминал все совершающиеся в нем суточные и годовые перемены...». Подводя итог своего астрономического анализа Апокалипсиса, Н.А. Морозов приходит к выводу, что через все Откровение св. Иоанна Богослова одной сплошной канвой проходит художественное описание грозы, прошедшей над островом Патмос во время наблюдения автора, св. Иоанна.

И по сей день экстравагантные идеи Н.А. Морозова относительно сути хронологии всемирной истории не находят понимания у представителей академической, ортодоксальной историографии, у историков, традиционно придерживающихся материальной научной картины мира, позитивистских парадигм и принципа истории и «объективности» в его заземленном, материалистическом варианте.

Ученые же индивидуумы, стоящие на платформе принципа мета-историзма и немеханистической научной картины мира, признающие метаисторическую обусловленность исторического процесса и многомерную, неоднородную одухотворенную Вселенную, эфир, напротив, находят научно-исторические идеи Н.А. Морозова

зова оригинальными и полезными для обоснования новых парадигм научного мышления. Известный представитель альтернативной историографии Константин Пензев в своей капитальной книге «Альтернативная история России» утверждает, что Н.А. Морозов совершил переворот в исторической науке, «обосновав ошибочность традиционной хронологии и построив первую научную реконструкцию всемирной истории» [16, с. 447].

По мнению К.А. Пензева, важность вклада Н.А. Морозова в историческую науку в том, что этот мыслитель – космист впервые привлек к постижению истории естественнонаучные методы (астрономический, геофизический, материально-культурный, этнопсихологический, статистический, лингвистический, материально-физический), что в итоге и позволило ему сделать архиответственный вывод об ошибочности традиционной (скалигеровской) хронологии истории до III века новой эры. Также К.А. Пензев отмечает, что очевидной заслугой Н.А. Морозова является открытие принципа непрерывной преемственности человеческой культуры, а также обнаружение первых т.н. «династических дубликатов» с хронологическими сдвигами традиционной хронологии в 330 лет (между II и III Римскими империями) и в 854 года (для датировки Апокалипсиса). Таким образом, Н.А. Морозов поставил вопрос о существовании в скалигеровской хронологии «исторических дубликатов» [16, с. 451], признаков истории задолго до появления в 80–90-е гг. XX в. трудов А.Т. Фоменко, разработавшего математический анализ текстов-хроник и создавшего т.н. глобальную хронологическую карту, вскрыв фантомные отражения исторических персонажей, династий и некоторых цивилизаций.

Доктор исторических наук, профессор кафедры теории и методики архивоведения Историко-архивного института РГГУ Николай Ходаковский один из очень немногих академических историков, считающих, что историческая концепция Н.А. Морозова действительно заслуживает внимания у специалистов по методам исторического исследования. В 2000 г. этот нестандартно мыслящий историк-академик опубликовал научно-популярную работу «Спираль времени или будущее, которое уже было», в которой он попытался беспристрастно в историографическом ракурсе проанализировать концептуальные построения теоретиков «новой хронологии», начиная с Исаака Ньютона и заканчивая академиком А.Т. Фоменко, доказывающего, что история мировых цивилизаций значительно короче, чем считает академическая историография. В указанной книге Н. Ходаковский дает позитивную обоснованную оценку и взглядам предшественника А.Т. Фоменко Николая Александровича Морозова. Рассуждая о родословных египетских фараонов и родословной Иисуса Христа, Н. Ходаковский приводит позицию Н.А. Морозова на этот счет: «Сопоставляя историю еврейского народа и историю Древнего Египта, академик Н.А. Морозов обнаружил то, чего не видели другие историки – полное совпадение родословной египетского фараона Рамзеса Великого, имя которого Ра-Мессу значит «бог родил его», с родословной богорожденного Иисуса Христа. Это было как гром среди ясного неба. Выходило, что египетский фараон Рамзес Великий – это не кто иной, как Иисус Христос или, по меньшей мере, его двоюродный брат... Если мы признаем Иисуса Христа и знаем из Библии его родословную, то египетский фараон Рамзес II Великий и его предки всего лишь призраки. История фараонов Египта – повторение, переписывание истории предков Христа. Тогда получается, что Древнего Египта просто не было. Древний Египет – выдумка историков, призрак истории... История цивилизаций, родословные царей, их жизнь и деятельность зеркально повторяются, дублируют друг друга через тысячи лет. Цивилизации славно возрождаются из пепла и проживают новую жизнь, такую же, как и в прошлые века, но на другой территории, под другими названиями» [22, с. 28].

Действительно, из трудов Н.А. Морозова явствует, что древняя история Египта – суть мистификация, мифология, созданная в эпоху позднего средневековья. Факты параллелизма династических событий им установлены в Израильском и Арианском царствах, в царствах Иудейском и православном (византийско-сирийско-египетском), в истории «второй» и «третьей» латино-эллинско-сирийско-египетских империях. Из его концептуальных построений выходит, как подмечает Н. Ходаковский, что История Древнего Египта, Рима, Греции, Сирии, Израиля – это история одной средневековой цивилизации [22, с. 37].

Современный эксцеллент «новой хронологии» академик Анатолий Трофимович Фоменко, несомненно, в своих хронологических разработках отталкивался от работ Н.А. Морозова, являвшегося его прямым предшественником. В известном научно-популярном книжном проекте «Какой сейчас век?» А.Т. Фоменко и его коллега Г.В. Носовский утверждают, что Н.А. Морозов впервые осознал и сформулировал фундаментальную мысль, что пересмотр официальной, скалигеровской хронологии требует не только древний период истории, но и вплоть до VI в. н.э. По мнению этих авторов, Н.А. Морозов частично обосновал дерзкую гипотезу о том, что общепринятая в историографии хронология древности искусственно «растянута и «удлинена» [15, с. 28] по сравнению с реальностью. Указанная гипотеза основана на обнаруженных Н.А. Морозовым «повторах», текстах, описывающих одни и те же события, но имеющие разные датировки, а, значит, являющиеся различными. «Судя по всему, – утверждают авторы, – Н.А. Морозов не знал о сходных трудах И. Ньютона и Э. Джонсона, практически забытых к его времени». Тем удивительнее, что многие выводы Н.А. Морозова хорошо согласуются с высказываниями И. Ньютона и Э. Джонсона. Но Н.А. Морозов поставил вопрос существенно шире и глубже, распространив критический анализ вплоть до VI века н.э. и обнаружив здесь необходимость в коренных передатировках... Н.А. Морозов был первым ученым, ясно понявшим, что в передатировках нуждаются не только события «античной», но и средневековой истории. Тем не менее, Н.А. Морозов не продвинулся выше VI века н.э., считая, что здесь принятая сегодня версия хронологии VI-XIII веков более или менее верна» [15, с. 28]. Указывая на «радикальное» отличие версии Н.А. Морозова от своей хронологи-

ческой концепции, А.Т. Фоменко и Г.В. Носовский утверждают даже, что это отличие приблизительно настолько, насколько концепция Н.А. Морозова, отличается от скалигеровской: «Например, по Н.А. Морозову, основные библейские события происходили в III–V веках н.э., что примерно на тысячу лет позднее скалигеровской датировки. А согласно результатам наших методик, эти события происходили в XI–XVI веках н.э., что примерно на тысячу лет позднее, чем предполагал Н.А. Морозов» [15, с. 245].

Насколько обоснована данная оценка концепции Н.А. Морозова и насколько правдоподобной является сама концепция «новой хронологии» самого академика А.Т. Фоменко и его математической школы? Принимая во внимание достигнутый сегодня ортодоксальной историографией уровень, следует признать, что ответить на этот вопрос однозначно вроде бы не сложно. Действительно, наверное подавляющее большинство современных отечественных академических историков по-прежнему предпочитают воспринимать «в штывы» фантастические и даже дикие воззрения «новохронологов», включая и первого отечественного основоположника – академика, доктора химии, почетного члена Академии наук СССР Н.А. Морозова. Косность линейного, левополушарного мышления, скованного парадигмами привычной нам всем общепринятой, скалигеровской хронологии, не позволяют нашим современникам рассмотреть в концептуальной геометрии «новохронологов» какое-либо рациональное зерно.

Однако это самое рациональное зерно различают представители альтернативной историографии, чье историческое миропонимание зиждется на принципе мета-историзма и богоцентрической научной картине мира и немеханистических (духовных) парадигмах. О том, что скалигеровская, общепринятая в науке и социуме хронологическая система всемирной истории не точна в своей основе трубят не только сторонники «новой хронологии», но и серьезные представители и т.н. «удлиненной» модели хронологии исторического процесса, предполагающей реальное существование «допотопных» суперцивилизаций (Гиперборея, Атлантида и др.) десятки, сотни тысяч лет назад, которые были «засеяны», согласно теории «палеоконтакта», высокоразумными гуманоидными (и не только) визитерами внешнего космоса. Весьма многочисленные артефакты, найденные за последние 30–40 лет на всех континентах Земли, не «вписываются» никак в общепринятую модель всемирной истории и дают основание ставить вопрос о радикальном пересмотре концепции древней и древнейшей истории. Ибо очевидно, что до нашей генерации людей (*homo sapiens*) на земной тверди обреталось «другое человечество», как метко выразился доктор исторических наук Алексей Маслов [3]. Многих «новохронологов» и академических историков, очевидно, объединяет в онтологическом ракурсе материальное понимание истории и принципа историзма. Это и понятно. Ведь господствующее левополушарное мышление, обуславливающее трехмерное и «объективное» восприятие реальности, не допускает мысль, что весь земной миропорядок функционирующий в ритмах исторического процесса был создан под воздействием некой «внешней силы», как выразился Макс Планк, основатель квантовой физики. Между тем, альтернативная историография, принимающая духовную картину миробытия, рассматривает историю в фокусе богоцентрического мировосприятия и допускает, конечно, мысль, что ход истории обусловлен Первотворцом, активатором всего сущего. Сегодня настал момент, чтобы не только историки, но и вообще все ученые-академики осознали главное, что мы, люди – суть духовные существа, созданные для вечной эволюции.

Н.А. Морозов покинул физический мир и взшел в Вечность в возрасте 92-х лет, прожив весьма яркую, долгую и результативную творческую жизнь. По подсчетам современных специалистов, из этих 92-х лет он 77 лет был естествоиспытателем, 74 года – революционером, 29 лет – узником тюремных камер, 40 лет – доктором химии и чистой математики, 14 лет – почетным членом Академии наук СССР, 36 лет – вестником отечественного воздухоплавания. Согласно статистике, приводимой его биографом В.Н. Прищепенко, Морозов оставил после себя 3000 (*sic*) научных и прочих письменных трудов, 400 которых вышли в свет при жизни мыслителя-космиста [18].

Верил ли Николай Александрович Морозов в Бога, Высший Разум, Первотворца? С должным основанием можно утверждать, что он в целом придерживался основ формирующейся тогда немеханистической (духовной) научной картины мира. По утверждению А.И. Ивасенко (автора-составителя универсального словаря-справочника «Эзотерика»), Н.А. Морозов разделял идеи К.Э. Циолковского о *панпсихизме* [24, с. 165], передовом на тот момент учении, предполагающем, что все в Природе, вплоть до атомов – живое, обладает духом и сознанием. Этот русский ученый-космист, посвященный в масонскую ложу «Полярная Звезда» Великого Востока Франции, верил в существование эфира и лучистой энергии. В упомянутой выше книге «Небесные вехи земной истории человечества» Н.А. Морозов пишет: «Современный астрономически образованный человек считает окружающее его пространство бесконечным по всем направлениям и вверх, и вниз, и направо, и налево. И все оно наполнено, как будто бездонный океан водою, чрезвычайно тонким и упругим веществом, наполняющим все невидимые, но многочисленные междумолекулярные промежутки наших собственных тел и окружающих нас предметов, подобно тому, как вода наполняет в глубине моря все поры живущих в ней губок. В этом бесконечном океане мирового эфира повсюду пронесется, с головокружительной быстротой трехсот тысяч километров в секунду, волны света, теплоты и других видов *лучистой энергии* (выделено нами – Д.С.), как аккорды вечной, никогда не смолкающей музыки миров, исходящей от каждого атома небесных светил» [7, с. 13].

Ответ на поставленный вопрос можно отчасти получить, ознакомившись с поэтическим наследием Николая Александровича, который свои потаенные философские мысли смог талантливо изложить в формате стихосложения. В 1910 г. Н.А. Морозов написал одно из своих лучших стихотворений, оставшееся без названия:

*В мире вечного движения,
В превращениях вещества,
Возникают на мгновенья
Все живые существа.*

*Но, возникнув на мгновенье,
Знать уж хочет существо,
В чем же вечное движенье?
Что такое вещество?*

*И зачем в живом созданье
Отражается порой
Вся безбрежность мирозданья,
Вечность жизни мировой? [17, с. 153]*

Смог ли в конце своей жизни ответить на этот главный вопрос Николай Александрович Морозов, первый отечественный теоретик «новой» хронологии, сторонник панпсихизма и теории эфира?

Список источников и литературы

1. Бронштен В.А. Н.А. Морозов – предтеча творцов «новой хронологии» // Вопросы истории. 1998. № 6.
2. Круковская Л.Я. Н.А. Морозов: Очерки жизни и деятельности. Пг., 1920. 80 с.
3. Маслов А.А. Другое человечество. Здесь кто-то побывал до нас... Ростов н/Д.: Феникс, 2006. 384 с.
4. Морозов Н.А. В поисках философского камня. СПб.: Т-во «Общест. польза», 1909. 300 с.
5. Морозов Н.А. Откровение в грозе и буре. История возникновения Апокалипсиса. – 3-е изд., испр. и доп. М.: Саблин, 1910. 335 с.
6. Морозов Н.А. У таинственного порога. М.: «Детская литература», 1966. 205 с.
7. Морозов Н.А. Христос. Кн. 1. Небесные вехи земной истории человечества. Л.: «Крафт», 2003. 576 с.
8. Морозов Николай Александрович. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>
9. Морозов Николай. Повести моей жизни. Том 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.Libfox.ru/437758-173-nikolay-morozov-povesti-tom2.htm#book>
10. Морозова К.А. Николай Александрович Морозов: к 90-летию со дня рождения. М., Л.: АН СССР, 1944. 48 с.
11. Николай Александрович Морозов – ученый-энциклопедист. Сборник статей. М.: «Наука», 1982. 263 с.
12. Николай Александрович Морозов (1854–1946): Материалы к библиографии ученых СССР. М.: Наука, 1981. 95 с. (Серия хим.наук; вып. 64).
13. Никольский Н.М. Астрономический переворот в исторической науке. По поводу книги Н.А. Морозова «Христос». Ленинград, 1924 // «Новый Мир». 1925. №1. С. 156–175.
14. Никольский Н.М. Спор исторической критики с астрономией. По поводу книги Морозова. М., 1908. 32 с.
15. Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Какой сейчас век? М.: «АИФ-Принт», 2002. 511 с.
16. Пензев Константин Альтернативная история от Михаила Ломоносова до Михаила Задорнова. М.: «Книжный мир», 2016. 576 с.
17. Поэты революционного народничества. Л.: Изд-во «Художественная литература», 1967. 263 с.
18. Прищепенко В.Н. Сквозь тернии – к звездам! (О Николае Александровиче Морозове). [Электронный ресурс]. URL.: [www.http.:boogen.su/xmorozov](http://www.boogen.su/xmorozov)
19. Путинцева А.Н. Биография Н.А. Морозова // Сайт научного поселка Борок. История Борка. [Электронный ресурс]. URL.: www.borok.ru/history/morozov.shtml
20. Румянцев А.А. Методы исторического анализа в работах Николая Александровича Морозова. М.: Изд. научн. ин-та им. Г.Ф. Лесгафта, 1924. Т. 10. С. 9–14.
21. Самородов Д.П. Об актуальности метаисторического подхода к пониманию Всемирной истории: монография / Д.П. Самородов, О.Н. Туриянова, Я.Ю. Фатхитдинова, А.И. Нафикова, Э.Ф. Асадуллин. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 180 с.
22. Ходаковский Н.И. Спираль времени. М.: ООО «АИФ-Принт», 2000. 315 с.
23. Шикман А.П. Николай Морозов. Мистификация длиною в век. М.: Весь мир, 2016. 288 с.
24. Эзотерика. Универсальный словарь-справочник: 3-е изд., испр. и доп. / Авт.-сост. А.И. Ивасенко. М.: Амрита-Русь, 2005. 384 с.
25. Юнгер В. Откровение в грозе и буре (Опыт критического разбора книги Н. Морозова). Чернигов, 1913.

**О первом градоначальнике Мерва после вхождения его в составе России
(к 115-летию публикации «Закаспийских воспоминаний» генерала Максуда Алиханова-Аварского)**

Соегов М.
г. Ашхабад, Туркменистан

Аннотация. Статья посвящена установлению идентичности фигурантов из коллективной фотографии с лицами, которые упомянуты в «Закаспийских воспоминаниях» Максуда Алиханова-Аварского, а именно: Севериан Косых, хорунжий Соколов и Акмурад-сердар. Одновременно с этим затрагиваются некоторые вопросы, связанные с поездками автора воспоминаний в Мерв (современный город Мары) и мирного присоединения этого оазиса в состав России.

Ключевые слова: древний город, присоединение, воспоминание, фотографии, идентификация.

О генерал-лейтенанте Царской Армии Максуде Алиханове-Аварском (1846–1907) написано немало. К этим работам относится и наша статья – автора из Туркменистана, которая была опубликована в 2016 году в научном журнале, издаваемом в Махачкале – столице Республики Дагестан (РФ) [5, с. 39–44]. В свое время сам М. Алиханов-Аварский активно выступал на страницах печати. Наряду с публикациями подобного порядка, многие фотографии Алиханова-Аварского, снятые в разные годы, также стали доступными в настоящее время пользователям интернета.

Обратиться вторично к исторической личности этого незаурядного человека нас понудили именно две фотографии, обнаруженные еще в середине восьмидесятых годов XIX века через страницы тогдашнего издания «Всемирная иллюстрация» и выложенные недавно Владимиром Фетисовым в интернет для всеобщего обозрения [4]. Ниже воспроизводим эти фотографии (Рис. 1, 2), отражавшие два момента из закаспийского (туркменского) периода жизни М. Алиханова-Аварского. Начнем с выявления личностей фигурантов, отраженных на первой из них, а именно с коллективной фотографии (Рис. 1).

Рис. 1. М. Алиханов-Аварский сидит в центре на белой папахе (туркменский тельпек) и держит винтовку на правой руке

Максуд Алиханов-Аварский в своих «Закаспийских воспоминаниях, напечатанных в девятом номере «Вестника Европы» за 1904 год, рассказывая о первой своей поездке в Мерв (современный г. Мары), сообщает о нем следующее: «Мы имеем некоторые сведения о Мерве времен Зороастра, Александра, Чингиса, Тамерлана и Надира... Желателен возможно обстоятельный ответ, – что такое современный Мерв, что он представляет в географическом и политическом отношениях, кто там властвует и к кому надо обращаться в нужных случаях?» [1]. Далее он пишет, что отправились из Ашхабада в Мерв в феврале 1882 года, снарядив большой караван с русскими товарами, в составе трех человек: он сам, хорунжий Соколов и Косых. Отправлявший их в Мерв барон Аминов сказал: «Севериан Косых, должен быть в глазах туркмен начальником каравана, а вы – его помощниками». Более того, все трое еще сбрили свои головы, подстригли бороды на текин-

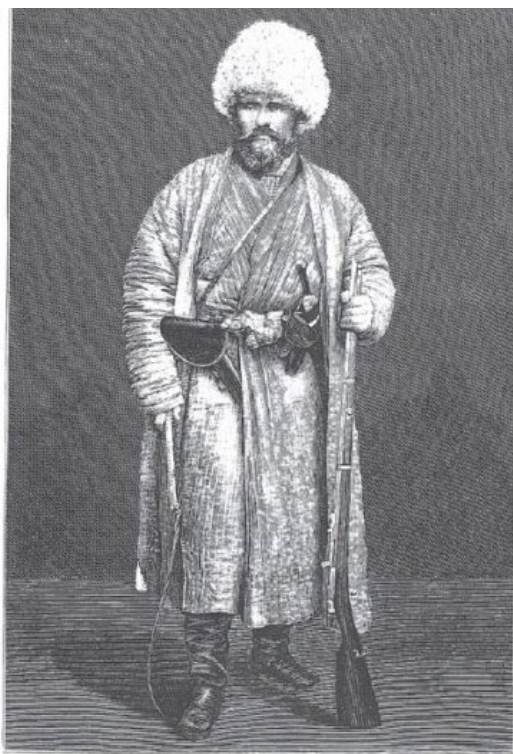
ский лад, нарядились во все текинское. Автор воспоминаний пишет, что «на время путешествия мы переменили и свои фамилии: Косых назвался Северин-баем, Соколов – Платон-агой, а я – Максудом, казанским татаринном» [Там же].

Немаловажным фактом было и то, что «для сопровождения каравана выбраны из служащих в милиции ахал-текинцев и мервцев 12 более или менее надежных джигитов» [1]. Трое из этих двенадцати туркменских джигитов были рядом с Максудом Алихановым-Аварским и во второй его поездке в Мерв, предпринятой в конце 1883 года. «В числе джигитов были трое из тех, которые сопровождали наш караван еще во время первой моей поездки в Мерв, и между ними – известный Ак-Мурад-сардар» [Там же].

Теперь возвращаясь к коллективной фотографии (Рис. 1), с большой долей вероятности можем утверждать, что на нем рядом с М. Алихановым-Аварским сидят, надев белые папахи, Севериан Косых (слева от него) и хорунжий Соколов (справа от него). Остальные фигуранты являются именно теми двенадцатыми туркменскими джигитами, которые сопровождали его в первой поездке в Мерв. В коллективной фотографии Ак-Мурад-сардар (Акмурад-сердар) на белой папаче (тельпек) стоит во втором ряду (третий слева).

Усилиями, предпринятыми со стороны М. Алиханова-Аварского во время упомянутых выше его поездок, в результате мирных переговоров с туркменскими ханами (племенными вождями) Мерва состоялось в начале 1885 года, в отличие от Ахалского оазиса, добровольное (не принудительное, т.е. не кровопролитное) вхождение Мервского оазиса в состав Российской империи, которое достаточно широко освещено в имеющейся литературе (М. Алиханов-Аварский: «Лично для меня важнейшим результатом посещения Мерва было то обстоятельство, что в голове моей гвоздем засела мысль о возможности мирного присоединения к России этого края. Эту уверенность я выразил, между прочим, еще в начале 1883 г.») [1]. В успешном завершении этого судьбоносного дела свою положительную роль сыграли Махтумкули-хан (1859–1924) и его мачеха Гуль-джемал-хатун (1836–1919) – вдова Нурберди-хана (1826–1880). Справедливым было и то, что первым начальником Мервского округа вновь образованной Закаспийской области был назначен Максуд Алиханов-Аварский, носивший тогда чин подполковника Царской Армии. Здесь же отметим, что в его бытность начальником округа (позже: уезда), если быть более точно, то решением от 6 августа 1887 года, в Мервском оазисе было создано Мургабское Государство Имение.

Весной 1888 года корреспондент лондонской газеты «Таймс» Джордж Добсон (George Dobson, 1850–1938), путешествовавший по вновь построенной Закаспийской железной дороге, получил у губернатора Мерва полковника М. Алиханова официальный отчет по организации и управлению на территории Мервского оазиса, который был использован английским автором в своей книге, изданный в 1890 году в Лондоне под названием «Russia's Railway Advance into Central Asia» («Железнодорожный прорыв России в Среднюю Азию» [См.: 2, с. 33; См. еще: Вышеуказанная книга, с. 184–192].

Подполковник Алиханов, начальник мервского округа

Рис. 2. Начальник Мервского округа Максуд Алиханов-Аварский в наряде, характерном для туркмен обычно в холодную зиму (пагталы дон и др.)

Туркмены являются тем единственным народом в Средней Азии, из представителей которых создавали местную конную милицию – вооруженные формирования в Асхабаде (с дислокацией в селе Кеши) и Мерве, второе из которых в количестве 300 чел. действовало под командованием М. Алиханова-Аварского. Оба эти милицейские подразделения в марте 1885 году участвовали в успешном бою у р. Кушка против афганцев, вторгавшихся на землю туркмен, ставшей к этому времени уже общероссийской [См.: 5, с. 39–44]. Одним из создателей Асхабадской милиции был поручик-абхазец М.К. Марганя (1859–1918), удостоенный, как и М. Алиханов-Аварский, в последующем высокого чина генерала Царской Армии [См.: 6, с. 45–50].

Туркменская конная милиция, у истоках которой стояли будущие генералы Алиханов-Аварский и Марганя, 7 ноября 1892 года была преобразована в Туркменский конно-иррегулярный дивизион, который с 30 января 1911 года стал называться просто Туркменским конным дивизионом. Прав один из первых туркменских русскоязычных писателей XX века, участник Первой мировой и Гражданской войн, адъютант генерала Л.Г. Корнилова (1870–1918), командир его конвоя в 1917–1918 гг. Р. Хан Хаджиев (1895–1966), который в своем документальном романе «Улу Бояр» (Белград, 1929), переизданном в Москве в 2014 году с несколько иным названием, утверждает, что до начала Первой мировой Текинского полка не было, а был Туркменский дивизион, развернутый наспех в полк и только на фронте переименованный Государем Императором в Текинский конный полк в знак особого Высочайшего внимания. Дивизион – основное ядро развернувшегося полка, был хорошо дисциплинирован. Эта дисциплина, чисто военная, поддерживалась вековой дисциплиной племени, предписывавшей джигитам подчиняться своему вождю – Сердару, уважать личность старшего и не делать того, что не позволяет совесть. Раньше туркмен-текинец шел в бой для поддержания своего существования, теперь же он шел как спортсмен из любви к сильным ощущениям, а главным образом и потому, что его Сердар сказал: – «Россия в опасности» [7, с. 11]. Далее автор пишет, что «Пошли туркмены потому, что Сердар их, честный и храбрый русский офицер, приказал им идти за ним, сказав: «Россия в опасности, нам надо идти и бороться в рядах русской армии за ее честь». И туркмены пошли за своим Сердаром, сыном знаменитого героя-патриота и защитника Геок-Тепе Дыкма Сердара, штаб-ротмистром Ураз Сердаром» [7, с. 12] (будущий первый генерал из туркмен Ораз-сердар – М.С.). Ратные подвиги всадников Туркменского конного полка на фронтах Первой мировой войны получили свое освещение в работах О. Гундогыева, Дж. Аннаоразова [3] и некоторых других авторов.

Что касается древнего Мерва (Мары) (Рис. 3, 4), то он в настоящее время проживает свое второе рождение (Рис. 5, 6), являясь административным и культурным центром одного из вилайетов независимого Туркменистана, нейтральный статус которого дважды в 1995 и 2015 годах был подтвержден специальными резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН.

Рис. 3, 4. Остатки из архитектуры древнего Мерва (Мары)

Рис. 5, 6. Образцы современной архитектуры города Мары

Список источников и литературы

1. Алиханов-Аварский М. Закаспийские воспоминания, 1881–1885 // Вестник Европы. 1904. № 9. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1880-1900/Alichanov_Avarskiy_M/text1.phtml
2. Банникова Н.В. Корреспондент Джордж Добсон (1954–1938): жизнь и работа в России // История и архивы. 2015, № 1. С. 28–38.
3. Гундогдыев О., Аннаоразов Дж. Слава и трагедия: судьба Текинского конного полка (1914–1918). Аш-габат: Рух, 1992. 60 с.
4. Наши путешественники в Мерве. Поручик Назиров и его спутники. [Электронный ресурс]. URL: <https://mytashkent.uz/2019/07/12/nashi-puteshestvenniki-v-merve-poruchik-nazirov-i-ego-sputniki/>
5. Соегов М. К истории сражения 1885 г. при р. Кушка с участием туркмен под командованием офицера-аварца // Вестник Института истории, археологии и этнографии (ДНЦ РАН), № 2 (46). Махачкала, 2016. С. 39–44.
6. Соегов М. Правдивые и не очень достоверные сведения о царском генерале М.К. Маргания (к 160-летию со дня рождения) // Вестник Калужского университета. 2019. № 3. С. 45–50.
7. Хаджиев Р. Жизнь и смерть генерала Корнилова. М.: Вече, 2014. 480 с.

УДК 94(47) (091)

Жизнь и творчество Михаила Афанасьевича Булгакова

Усманова А.Ш., Явнова И.И.
г. Стерлитамак

Аннотация. В статье рассмотрен творческий путь М. А. Булгакова. Выводы сделаны на основе анализа биографии писателя. Особое внимание уделяется его нелёгкой судьбе и критике советской власти.

Ключевые слова: Детство и юность, конфликт, революция, большевистский режим, эмиграция.

Работа выполнена при поддержке гранта СФ БашГУ № В 19-76

Михаил Афанасьевич Булгаков является известным писателем и драматургом, который родился 15 мая 1891 г. в городе Киеве в семье преподавателя Духовной академии Афанасия Ивановича Булгакова, а так же его супруги Варвары Михайловны. Писатель был самым старшим ребенком в семье и имел ещё шестерых братьев и сестер [5, с. 56].

Детство и юность Михаил Афанасьевич провёл в Киеве. Об этом его жизненном периоде известно довольно мало. Однако можно составить представление о его прекрасной семье, по произведению «Белая гвардия», в котором он с огромной любовью описал свой дом и членов своей семьи. Следовательно, это был необычайно счастливый и радостный период его жизни. К сожалению, детство писателя совпало с временем, когда его отец был смертельно болен, а после его смерти случился внезапный конфликт между шестнадцатилетним Михаилом и его матерью [8, с. 234]. Считается, что именно этот довольно долгий и усиливающийся конфликт стал едва ли не одной из главных причин отстранения молодого юноши от Церкви, по крайней мере, будучи писателем, Михаилу Булгакову всё же пришлось было пройти через нелёгкие испытания, которыми был переполнен период Серебряного века [3, с. 78].

Отдалившись от православия, что вполне можно считать одним из главных событий юности писателя, он всё-таки постоянно чувствовал тяжкую пустоту в своей душе. Тематика веры и безверия привлекала большой интерес Михаила Афанасьевича, как род его душевного недуга. Следует отметить, что в произведениях писателя не много детских образов. Скорее всего, тому причиной послужило то, что он не имел своих детей [10, с. 34]. Такое решение было принято им после начавшейся зависимость от морфия. Благодаря большому труду и собственной силе воли, Михаилу Афанасьевичу удалось избавиться от тяжкого недомогания. Так произошло, что трудный период его жизни совпал с военным временем и революцией [14, с. 387].

Довольно интересным является то, что в отличие от некоторых его известных своих современников, Михаил Афанасьевич не считал революцию никаким стремлением желанием к свободе или новым преобразованиям в стране, а видел в ней лишь полнейший хаос и ужас. Вследствие этих событий, уже многое испытавший и переживший молодой писатель, в 1919-м году в самой первой своей опубликованной статье под названием «Грядущие перспективы» высказал резкое неприятие и критику большевистского режима [9, с. 48]. В это время Михаилу Булгакову пришлось сделать еще один очень важный для себя выбор и на всю жизнь уйти из медицины в литературную сферу творчества. А вот выбрать иной путь – эмигрировать из Советской России, подобно его будущим героям из пьесы «Бег» судьба ему не позволила. Эпидемия тифа настигла нашу страну и остановила побег начинающего писателя в Константинополь, и, заболев под властью белых, Михаилу Афанасьевичу удалось выздороветь, в то время, когда во Владикавказ пришли красные [1, с. 68].

К сожалению, Михаил Афанасьевич даже не мог себе представить, что вся дальнейшая его судьба будет связана с чужой властью, и что ему всегда придётся прятаться и скрываться от большевиков, чтобы выжить и писать произведения [4, с. 378]. Тем не менее, так оно и вышло, и 1919 по 1926 года стали для него периодом довольно мучительного вхождения в советскую реальность, которую он всегда недолюбливал, высмеивал ее режим, но при этом, испытывая по отношению к советской власти в какой то мере уважение и требовал взаимного уважения от нее к себе. И с невероятными усилиями, трудом, огромным мужеством писатель этого добился [2, с. 45]. В тот же год, когда Михаилу Булгакову исполнилось тридцать пять лет на сцене Московского Художественного театра, не смотря на цензуру, негативную критику, донесения, различные интриги, всё-таки состоялась премьера пьесы «Дни Турбиных». Главной идеей в произведении являлась вера в такие вечные ценности людей, как дом, семья и любовь, и это являлось следствием того, что вынес писатель из страшного исторического переворота, который практически уничтожил Россию [6, с. 67].

В последующий период с 1926-го по 1933-й года, были наполнены в жизни Михаила Афанасьевича довольно насыщенными, и яркими событиями: триумф, брань, новые постановки и провалы, запрещение пьесы «Бег», роковой 1929-й год, когда от писателя отрекся сам Сталин и отдал в руки литературного синедриона, снятие трех пьес – «Дней Турбиных», «Зойкиной квартиры» и «Багрового острова», а затем запрет на постановку «Кабалы святош»; письмо вождю с обращением и просьбой отпустить за границу, звонок Сталина в 1930 года, работа в Художественном театре, запретная любовь и разлука, и в скором женитьба на Елене Сергеевне Шиловой и обретение собственного дома [7, с. 121].

А дальше в творческом пути Михаила Афанасьевича наступила семилетняя тишина. Это были последние семь лет его жизни, период, когда он ощущал себя пленником и заложником в собственной стране. Михаил Афанасьевич отчаянно пытался добиться разрешения выезда за границу, с помощью изматывающих и сложных репетиций, обруганной в газете «Правда» постановкой «Мольера», неудачами с «Александром Пушкиным» и «Иваном Васильевичем», своими походами в американское посольство, а так же окончательным разрывом связей с Художественным театром и переходом в Большой, где, к сожалению, все написанные им произведения оказывались невостребованными и не нужными. Михаила Булгакова не арестовывали, не гнобили, а за работу в театре ему выплачивалось немало денег, однако как творческого писательского таланта в нём не видели [11, с. 144–152].

Считать, что писатель смирился со своей трудной судьбой довольно трудно. Он покидал свою жизнь не только с написанными, но неопубликованными произведениями, но и также с надеждой на то, что спустя многие года после его смерти эти сочинения потрясут весь мир, но так же он осознавал, что жизнь прожита неудачно и нелепо. Можно практически с полной уверенностью считать, что он не хотел такой жизни, поскольку был готов обменять свою посмертную славу, в которой вовсе не сомневался, на признание в жизни [12, с. 78].

Роман «Мастер и Маргарита» принес писателю всемирную известность, но был опубликован с опозданием почти на три десятилетия. Михаил Булгаков сознательно писал свой роман как итоговое произведение, которое вобрало в себя различные мотивы его предшествующего творчества. Произведение «Мастер и Маргарита» довольно легко подвергнуть критике, осудить как еретический с позиций строго ортодоксальных или же заподозрить Михаила Булгакова в связях с темными силами. Это было не раз сделано, но ведь гораздо важнее и милосерднее понять и почувствовать драму человека, который на протяжении всей своей жизни хотел жить по своей воле, а прожил – по чужой [13, с. 67].

Борьба света и тьмы наполняла нелёгкую судьбу Михаила Афанасьевича Булгакова. Он желал для себя лишь покоя, но в конце жизни пришёл к выводу, что никакого покоя и не будет. Окончательным разочарованием Булгакова послужила попытка возобновления сотрудничества с МХАТом, посредством пьесы «Батум». К сожалению, пьеса была запрещена к постановке и истолкована политическими верхами как стремление писателя наладить отношения с советской властью. Умер Михаил Афанасьевич в Москве и был похоронен на Новодевичьем кладбище.

Список источников и литературы

1. Акимов В.М. Свет художника. Или Михаил Булгаков против Дьявольщины. М.: Наука, 1995. 68 с.
2. Горобец Н.В. Мастер без Маргариты // Вопросы литературы. 1991. № 8. С. 45.
3. Жилин В.А. Творчество Михаила Афанасьевича Булгакова. М.: Норма, 2003. 78 с.
4. Латышев А.Г. Творчество М. Булгакова. М.: Новости, 2001. 378 с.
5. Лукьянова Н.В. Люди русской культуры. М.: Норма, 2001. 56 с.
6. Миронов В.Н. Философ свободного духа. (Жизнь и творчество М. Булгакова). М.: Наука, 2003. 67 с.
7. Немцев В.Н. Михаил Булгаков: Становление романиста. М.: Просвещение, 1990. 121 с.
8. Паниевский Н.И. Шолохов и Булгаков. М.: Приор, 2002. 234 с.
9. Павлов Б.В. Очерки по истории литературы в России. М.: Просвещение, 2003. 48 с.
10. Рыжов К.В. 100 великих россиян. М.: Наука, 2000. 34 с.
11. Стальная Г.П. Булгаковские зеркала. Воланд. Экуменизм. Теодицея. М., 1998. С. 144–152.
12. Соколов Б.В. Булгаковская энциклопедия. М.: ЛОКИД, 1997. 78 с.
13. Симонов К.М. О трех романах Михаила Булгакова, Булгаков М. Романы. М., 1978. 67 с.
14. Яновская Л. К. Творческий путь Михаила Булгакова. М.: Советский писатель. 1983. 387 с.

Аннотация. В статье рассмотрена деятельность историков, в лице А.П. Кучкина и С.Ф. Касимова, родившихся в Белорецке, а также писателя-краеведа Я.Х. Хамматова, который, опираясь на архивные материалы, являлся автором многих исторических романов. Они внесли свой вклад в развитие не только региональной, но и российской истории, активно участвовали в общественной жизни региона. Их имена навсегда вписаны в страницы истории родного города.

Ключевые слова: Белорецк, история, краеведение, А.П. Кучкин, С.Ф. Касимов, Я.Х. Хамматов, Башкортостан.

Белорецк – город, основанный в 1762 году известными русскими купцами И.Б. Твёрдышевым и И.С. Мясниковым при Белорецком чугуноплавильном и железодельном заводе. В современной же России город известен как один из главных производителей метизов, при работающих в нём АО «Белорецком металлургическом комбинате», ПАО «Мечел» и ООО «Уральском пружинном заводе» [5].

В то же время Белорецк является не только промышленным, но и культурным и образовательным центром северо-восточной части Башкортостана. Настоящим брендом данного города стал, например, ежегодный Межрегиональный фестиваль хоров и вокальных ансамблей «Звезды Белоречья», на который ежегодно съезжаются творческие коллективы из Татарстана, Челябинской, Оренбургской, Саратовской, Свердловской областей и, конечно, со всех районов Башкортостана. Место для проведения одного из самых зрелищных конкурсов выбрали не случайно, т.к. Белорецкий район, в целом, и Белорецк, в частности, всегда славились хоровыми коллективами, многие из которых вели свое начало с 20-х годов прошлого столетия [1, с. 176].

В этом городе родились и выросли такие известные люди, как Арслан Мубаряков (башкирский советский режиссёр и актёр, народный артист СССР), Яныбай Хамматов (советский писатель, заслуженный работник культуры РСФСР) и Загир Исмагилов (башкирский советский композитор, народный артист СССР) и др. Вместе с тем Белорецк славится не только людьми, которые навсегда вписаны в страницы истории, но и теми, кто пишет эту историю.

Среди историков-уроженцев Белорецка следует выделить доктора исторических наук, профессора Андрея Павловича Кучкина (1888–1973). Этот советский ученый, когда-то лично знакомый с В.И. Лениным, родился в Белорецке, в семье обычного кустика. Среднее образование получил в горно-заводском училище. Активно участвовал в Гражданской войне, был политработником Красной армии. Весьма успешно начал свою политическую карьеру, принимая участие в I Всероссийском съезде крестьянских депутатов; X, XI съездах РКП(б). В таких городах, как Белорецк, Уфа и Вятка организовывал подпольные революционные работы, из-за чего подвергался арестам и ссылкам [3, с. 72]. Но увлечение политикой никак не помешало ему сосредоточиться на научной деятельности. В 1951 году он получает звание профессора. С 1940 года преподавал и являлся старшим научным сотрудником Института истории СССР АН СССР в Москве. Ему принадлежат такие работы, как «Краткая история ВКП(б)» (1934), «История Казахской ССР» (1949), «Чеврев» (1929), «Советизация казахского аула (1926-1929 гг.)» (1962), «В те дни» (1958).

Главным же трудом А.П. Кучкина считается сочинение «В боях и походах от Волги до Енисея», опубликованное в 1969 году. В этих записках он дает представление о работе военного комиссара и о том, в каких тяжелейших условиях шла борьба с Колчаком и какие героические подвиги совершила Красная Армия на фронтах Гражданской войны.

За свои государственные и научные заслуги был историк награжден двумя орденами Ленина, медалями СССР. Благодаря своей активной политической и научной деятельности и, несмотря на то, что большую часть жизни он провел в Москве, в 1967 году Андрею Павловичу Кучкину присвоено звание почётного гражданина Белорецкого района и Белорецка [3, с. 186].

Не менее известными в сфере науки и культуры стали дети Андрея Павловича Кучкина. Сын, Владимир Андреевич Кучкин – доктор исторических наук, автор многочисленных исследований по истории Московской Руси, исторической географии, генеалогии, древнерусской литературы. Дочь А.П. Кучкина, Ольга Андреевна, – поэтесса, прозаик, журналист и драматург.

Белорецк стал родиной ещё одного известного историка. Это Салават Фитратович Касимов (1934-2018) – кандидат исторических наук, профессор, заслуженный деятель РБ, внесший большой вклад в развитие региональной истории. Избрав судьбу историка, он поступил на историко-филологический факультет Башкирского государственного университета. Именно в студенческие годы С.Ф. Касимов решил связать свою жизнь с научной деятельностью. Этим оправдано поступление в аспирантуру Уфимского института истории, языка и

литературы АН СССР. В 1967–1989 гг. читал лекции и проводил семинарские занятия в Башкирском государственном педагогическом институте [2].

За всю жизнь профессор написал более 200 научных работ и 6 монографий. Его основные исследовательские задачи были направлены на подробное изучение истории башкирского народа и на изучение немаловажного события в региональной истории – образования национальной автономии Башкортостана, которая в этом году отмечает свой 100-летний юбилей. Это такие работы, как «Борьба башкирского народа за национальную автономию (1917–1919)», 1992 г.; «История образования Башкирской советской автономии (1919–1925)», 1993 г.; «Образование национальной государственности башкирского народа (1917–1925)»; «Борьба башкирского народа за национальную автономию (1917–1919)», 1992 г.; «Государственное строительство в БАССР в период Великой Отечественной войны: взгляд через 60 лет», 2004 г. и др.

За свою научную деятельность в 1986 году С.Ф. Касимов был награжден Орденом Трудового Красного Знамени, в 2004 году удостоен премии Академии наук РБ им. Заки Валиди, в 2009 году ему была присуждена государственная премия РБ в области науки и техники, награжден орденом Салавата Юлаева (2014) [2].

Не менее важной личностью в истории города является Яныбай Хамматович Хамматов (1925–2000) – советский писатель, заслуженный работник культуры РСФСР, член Союза писателей СССР. В своих произведениях он описывал события, происходившие на разных этапах истории башкирского народа, которые сопровождались исторически доказанной фактологией.

Среднее образование Я.Х. Хаматов получил в Инзерской средней школе. В подростковом возрасте начал трудиться на Верхнеавзянском золотом прииске [4, с. 37]. Работа в этом прииске, участие в Великой Отечественной войне в последующем стали костяками его романов. События Великой Отечественной войны описываются в его романе «День рождения», где военно-патриотическая тема развивается в новой для башкирской романистики историко-биографического романа. В нем приводится биография Миннигали Губайдуллина, Героя Советского союза, который совершил легендарный подвиг в день своего рождения.

Но основным трудом Я. Хамматова, конечно же, является пенталогия «Золото собирается крупичами», «Акман-токман», «Грозное лето», «Юргашты» и «Руда». В романе «Золото собирается крупичами» положены события, происходившие в Башкирии в период борьбы с царизмом. «Акман-Токман» является продолжением предыдущего романа. В нем автор описывает трудные времена башкир в годы революций XX столетия. Главный герой данного произведения – это возвратившийся после Февральской революции 1917 года в родные края большевик Хисматулла, который собирает вокруг себя наиболее стойких, убежденных борцов за народное дело.

Не менее значимым в его жизни является роман «Северные амуры», в котором описывается участие башкирских воинов в войне против Наполеона, наряду с такими легендарными героями, как Кахымтура, Буранбай. «Северными амурами» прозвал башкир французский генерал Марбо. Роман написан по мотивам башкирского героического эпоса и по архивным материалам, как и все вышеперечисленные его работы.

Яныбай Хамматович Хамматов – лауреат премии Союза писателей СССР, лауреат государственной премии имени Салавата Юлаева. В честь него Президиумом Совета Белорецкого района в 2006 году учреждена литературная премия. Также в честь данного писателя-краеведа названа Башкирская гимназия в г. Белорецк. В 2014 году Я.Х. Хамматов был посмертно удостоен звания «почетный гражданин Белорецкого района и Белорецка».

Научная и творческая деятельность вышеуказанных историков и краеведов, несомненно, способствовала сохранению исторического и культурного наследия малой Родины. А.П. Кучкин, С.Ф. Касимов и Я.Х. Хамматов внесли большой вклад в развитие не только региональной, но и российской истории.

Список источников и литературы

1. Бадретдинова С.А. Динамика этнокультурных процессов в Республике Башкортостан // История федерализма в России: к 100-летию образования автономной Башкирской республики. Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. Н.С. Мысляева. Стерлитамак: СФ БашГУ, 2018. С. 173–180.
2. Касимов С.Ф. // Академия наук Республики Башкортостан: Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.anrb.ru/blog/Item/3593/22>.
3. Муратов Х.И. Большая жизнь: О революционере А. П. Кучкине. Уфа: Башкнигоиздат, 1970. 206 с.
4. Хамматов Я.Х. Карьера / пер. с башк. Г. Хамматовой. Уфа: Китап, 2005. 231 с.
5. Хисматов М.Ф. Белорецк // Башкирская энциклопедия / гл. редактор М.А. Ильгамов. Уфа. [Электронный ресурс]. URL: <http://башкирская-энциклопедия.рф/index.php/7409>.

Личности и деятельность лидеров Православного Всероссийского братского союза русского народаЦыбко Н.С.
г. Волгоград

Аннотация. В статье рассмотрена деятельность епископа Гермогена и иеромонаха Илиодора в начале XX века в Саратовской губернии. Показана их роль в создании и развитии региональной политической партии – Православного Всероссийского братского союза русского народа. Описаны личностные характеристики деятелей, которые повлияли на их деятельность в качестве лидеров ПВБСРН. Показана их роль в общественной и церковной жизни Саратовской губернии и уездного города Царицына.

Ключевые слова: Саратовская епархия, Гермоген, Илиодор, православное духовенство, Саратовская губерния, Царицын.

В 1903 году Саратовская епархия получила нового епископа – Гермогена, в миру Георгий Ефремович Долганов (1858-1918). В нашей работе его личность интересна тем, что он являлся не только почетным председателем Православного Всероссийского братского союза русского народа, но и его организатором и главным идеологом, а саратовский период служения можно считать вершиной карьеры Гермогена.

Он получил религиозное воспитание и образование, поэтому его церковные и политические взгляды и убеждения были традиционными для большинства православных священнослужителей. Как отмечает Савицкая О.Н., Гермоген, несомненно, был натурой сильной и цельной. Когда же он начал стремительно подниматься по духовной лестнице, его доминирующие качества все больше «вырывались из плена сдерживавших их оков церковно-иерархической дисциплины, доходя в конечном итоге до своего крайнего выражения. Его стремление к всевластию со временем приобретало разрушительный характер. Проводивший очень жестоко свое «самодержавие» в управлении епархиальной Церковью, Гермоген становился в деловых сношениях человеком чрезвычайно тяжелым. Он нередко совершенно игнорировал законы и не обращал никакого внимания на указы и распоряжения Синода» [4, с. 134–135].

Его представления выражались в симфонии светской и духовной властей. Он не допускал и отвергал либерально-демократические проекты и преобразования государственного и церковного строя. Немалую роль он отводил созыву Поместного собора, но при этом был противником участия в нем мирян, говоря, что это «внесло бы политическую болезнь и немощь в здоровый, веками сложившийся организм православной церкви» [7].

В основу местного епархиального управления были предложены принципы единоначалия духовной иерархии во главе с епархиальным архиереем и автономности управления этой церковно-административной единицей. Гермоген призывал не вмешивать в решение церковных проблем, хотя сам с годами все более в нее погружался. В СДВ о Гермогене один из священников писал следующие слова: «Любит преосвященного Гермогена Русь, ... та св. Русь, ... эта по освободительному черносотенная Русь чтит в епископе Гермогене подвижника и строгого ревнителя православия, в духе великих отцов христианской церкви» [1, с. 6].

Основными принципами совместной работы духовенства и паствы, Гермоген называл мир и любовь: «Воля высшей власти всегда благожелательна. ... взаимное согласие и послушание власти должны лежать в основе каждого дела, без чего нельзя достигнуть успеха» [3]. «Мишенью» в проповедях и публикациях епископа были определенные группы: интеллигенция и инакомыслящие.

Богослужения Гермогена стали особенным явлением в жизни Саратовской епархии. Его службы отличались соблюдением устава, истовостью во время службы, умением создать молитвенное настроение у присутствующих. Он лично проводил службы и в будние, и праздничные и в выходные дни, длившиеся по 6-7 часов и собиравшие по несколько тысяч человек, а вечерние службы в городских церквях ежедневно сопровождались общим пением и молитвами о прекращении «крамолы». Гермоген был опытным оратором, его речь завораживала прихожан, а его слова увлекали за собой аудиторию [2; 5].

Общественная деятельность епископа в послереволюционные годы была представлена серией идеологических кампаний против скрытой революции, против «шипения» затаившегося «революционного змия», который выжидал момента для новой атаки на «исконные русские начала». Это отражалось на работе театральных деятелей и писателей [2, с. 241].

Стоит отметить, что Гермоген не считал нужным заботиться о четком ведении финансового делопроизводства. Именно поэтому, после ухода Гермогена с епископской кафедры, архиерейский дом имел долги, а денежный актив фактически отсутствовал. Огромные долги, оставленные им Саратовской Церкви, имели своей причиной непомерный рост расходов. Деньги отпускались по личному указанию преосвященного, при этом счет им велся весьма приблизительно. А первостепенным принципом, которым Гермоген руководствовался в отношении денег, была нераздельность личного и церковного [2, с. 117–119].

Не менее видной и важной личностью в Саратовской епархии был иеромонах Илиодор, в миру Сергей Михайлович Труфанов (1881–1952). Его восхождение по карьерной лестнице было стремительным. Пострижен в монахи в сан иеродьякона был в 1903 году, в 1905 году стал иеромонахом и уже в 1908 году возглавил самостоятельное архиерейское подворье Царицынского Свято-Духова монастыря.

Очень быстро иеромонах стал видной фигурой в общественной жизни города. На его публичные выступления стекалось по несколько тысяч человек. Его узнавали в лицо, он всегда старался выделиться из массы эффектным появлением: «на подножках, держась за борта сидений и козел, стояли два здоровенных парня, в поддевках, ботфортах, черных картузах» [8, с. 3]. Все это должно было «свидетельствовать перед народом, что в коляске сидит необыкновенный смертный, а существо, отмеченное перстом» [8, с. 3]. Это был двадцативосьмилетний «юноша-монах с нежным, красивым, женственным лицом» [6, с. 3].

Илиодор умел притягивать и завораживать своими речами аудиторию. Он держал людей в постоянном напряжении, его нервное возбуждение и настроение всегда передавалось слушающим. Прекрасно понимал психологию толпы и умело ей пользовался в своих целях. Именно поэтому свои мысли он излагал просто и доступно даже для не самых интеллектуально подкованных людей, учитывая и социальный состав аудитории. Практически все публичные выступления строились на выявлении и разоблачении тех или иных пороков и их носителей. При этом он не заботился о правдивости и объективности своих речей. Для него было главное убедить толпу в том, во что верил сам [5, с. 118–120]. Как отмечала одна из газет на своих страницах «в общем, получается впечатление какой-то калейдоскопичной трескотни, способной ошеломить простого человека, сбить его с толку, внести в душу его смятение, суеверный страх и чувство ненависти против тех, чьи имена клеймятся с амвона» [8, с. 3].

В Царицыне иеромонах был известен своей скандальностью. Он не раз вступал в конфликт с местными властями. Так, в 1908 году он устроил с помощью своих «поклонников» погром редакции газеты «Царицынская жизнь», которая опубликовала статью об Илиодоре, которая пришлась ему не по нраву. Против него было возбуждено два уголовных дела, которые в последствие не были приведены в действие. Это объяснялось близостью иеромонаха к фавориту царской четы Григорию Распутину.

Но уже спустя год конфликты с властью снова возобновились. В 1909–1910 гг. Илиодор выступал против внесенного на рассмотрение в Думу проекта о введении светского образования, против многопартийной системы, разъединявшей, по его мнению, народ, добивался запрещения пьесы Л. Андреева «Анатэма» и т.д. [4, с. 177–178].

Вопрос о переводе Илиодора из Царицына не раз поднимался в Синоде, но лишь в 1911 году это дело было взято под более тщательный контроль. Перевести иеромонаха из Саратовской епархии оказалось не такто и просто. Он это сделать отказался, а на его защиту вставало все большее количество людей. Добровольного переезда Илиодора добиться властям так и не удалось. После чего тактика была изменена – его фактически насильно пытались перевезти в Тульскую губернию, но активные действия его сторонников не позволили этого сделать, в связи с чем он был возвращен в Сердобск. Было принято решение о том, что он будет настоятелем Новосильского монастыря в Тульской епархии, а в Царицын будет приезжать лишь 4 раза в году.

Это послужило поводом к побегу Илиодора, который отказывался сдать ся полиции и 20 дней скрывался в Свято-Духовом монастыре. За него вновь встала царицынская толпа. И это противостояние закончилось победой иеромонаха – он был оставлен в Царицыне [5, с. 131–138].

К концу 1911 года дружба между Илиодором и Распутиным сошла фактически на нет. Уже 17 января 1912 года по определению Синода Илиодор был перемещен в число братии Флорищевой пустыни Владимирской епархии, на него также накладывалось послушание сроком на 10 месяцев и запрещалось пребывание в обеих столицах и в Саратовской губернии. Его сторонниками это известие было воспринято тяжело, они обещали вернуть иеромонаха «домой», к побегу готовился и сам Илиодор. Но поняв безвыходность ситуации и потеряв надежду на спасение, 20 ноября 1912 года он подал прошение в Синод об отречении от сана, которое было утверждено. Сам, теперь уже, С. М. Труфанов был выслан на родину в хутор Большой, жил недалеко от Царицына, но в сам город смог вернуться только после Октябрьской революции 1917 года [5, с. 146–149].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что жизненный путь Гермогена и Илиодора, начавшийся традиционно для православных священнослужителей, круто повернула революция 1905–1907 годов. Они были выходцами из среды духовенства, окончили Санкт-Петербургскую духовную академию и приняли монашество. Это в значительной степени предопределило, учитывая их качества лидеров, стремительную церковную карьеру обоих.

Как православные священнослужители, в политике Илиодор и Гермоген претендовали на роль провозвестников всеобщей истины, единой для всех классов и социальных слоев коренного русского населения, заявляли о своей способности восстановить нарушенное хаосом революции общественно-политическое равновесие. Выход из кризиса виделся им в усилении роли Православной церкви в государстве. Но «гермогено-илиодоровская эпопея» показала хрупкость и недолговечность союза между православными монархистами и царским самодержавием, от которого каждая из сторон ждала своих выгод [4, с. 206–209].

Если говорить о лидерах ПВБСРН – епископе Гермогене и иеромонахе Илиодоре, то изучение их жизни и деятельности, идейных воззрений, политических пристрастий и антипатий позволило более полно предста-

вить типичные черты деятеля консервативно-охранительного направления, пытавшегося реализовать на практике принципы традиционного мировосприятия, сохранить институты российской государственности, придерживаться специфики экономического развития страны, ее социальной структуры, религии, культуры, быта, ментальности.

Список источников и литературы

1. Добросердов Алексей, священник. Всеподданейшее ходатайство Саратовского епархиального съезда духовенства 1908 года и «Бунт» «Современного Слова» // Саратовский духовный вестник. 1909. № 16. С. 5–6.
2. Мраморнов А.И. Церковная и общественно-политическая деятельность епископа Гермогена (Долганова, 1858-1918). Саратов: «Научная книга», 2006. – 336 с.
3. Представление Саратовского духовенства и корпорации учреждений духовного ведомства назначенному на саратовскую кафедру Преосвященному Епископу Гермогену // Саратовские епархиальные ведомости. 1903. № 8. С. 343–345.
4. Савицкая О.Н. Православное духовенство в правомонархическом движении 1905-1914 гг. По материалам Саратовской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2001. 296 с.
5. Савицкая О.Н. Региональные партии начала XX века: Православный Всероссийский братский союз русского народа в Саратовской губернии. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2016. 182 с.
6. Саратовский вестник. 1910. № 147. 4 с.
7. Саратовский вестник. 1910. № 165. 4 с.
8. Саратовский вестник. 1911. № 169. 4 с.

УДК 94

Профессор В.А. Чудинов – идейный вождь современной альтернативной историографии

Шварев А.Н.
г. Стерлитамак

Аннотация: В статье была рассмотрена концепция профессора В.А. Чудинова об альтернативной истории. Помимо этого в статье отображены примеры таких исследователей как профессор Д.П. Самородов, доктор исторических наук С. Жарникова, Г.С. Сидорова.

Ключевые слова: концепция В.А. Чудинова, альтернативная историография, исследование, Вагрия, Древняя Русь, хронология.

На современном этапе изучения истории мы все более стремимся познать истину. При изучении истории мы не всегда можем найти истину, которая проходит где то рядом. Исследуя тот или иной факт об историческом прошлом, нам могут помочь и направить нас такие ученые как профессор Чудинов, кандидат исторических наук С.В. Жарникова, Г.С. Сидоров, профессор Д.П. Самородов.

Рассмотрим позицию профессора В.А. Чудинова. Валерий Александрович Чудинов родился 30 июня 1942 года в Москве. В 1967 году окончил физический факультет. В 1988 году защитил докторскую диссертацию по теме «Философские проблемы естественнонаучной атомистики». С мая 2005 года возглавляет Институт древнеславянской и древнеевразийской цивилизации. С февраля 2006 года является действительным членом Академии фундаментальных наук. Профессор В.А. Чудинов представляет большой интерес для научной аудитории, также вызывает интерес и у простых читателей. Профессор Чудинов полагает, что «славянская ведическая цивилизация» возникла задолго до всех прочих известных цивилизаций. Также он удревяет время возникновения русского языка.

Книга профессора В.А. Чудинова «Альтернативная историография» посвящена рассмотрению разных историографических концепций, а так же его собственной. На сегодняшний день зарубежная историография используется в качестве эталона научного описания истории, правда в ней не только много дискуссионных моментов, но она и направлена на ограничение многих славных страниц прошлого России. Здесь также говорится, что и историография советского периода грешила рядом ложных утверждений и недобросовестных оценок [1, с. 4].

В книге «Вагрия. Варяги Руси Яра» профессор предпринимает попытку отобразить страну варягов – Вагрию. По исследованию, изложенному в данной книге, автор показывает, что варяги были русскими людьми, в дальнейшем они были захвачены немцами и онемечены. В исследовании письменных источников древности профессор В.А. Чудинов выдвигает предположение о том, что германцы являлись тюрками по происхождению, далее они перешли на русский язык, в совокупности из двух начал сложился общегерманский язык.

В результате всего вышесказанного, призвание варягов на Русь, по утверждению автора было чисто русскими внутренними делами [2, с. 120].

В исследовании «Вернем этрусков Руси» профессор В.А. Чудинов рассматривал большое количество этрусских надписей, также изображенных на рисунках складках одежды, в чертах лиц и орнаменте и пришел к выводу, что язык на котором они изображены родствен славянским языкам. Данное открытие – исследование профессора В.А. Чудинова значительно вносит коррективы в традиционную историю древней средневековой Европы и тем самым переворачивает этрускологию [3, с. 100].

Большое количество новых дешифровок, множество надписей, сделанных средневековым славянским слоговым письмом – руницей отображается в исследовании «Руница и тайны археологии Руси» профессора В.А. Чудинова. Здесь профессор показывает находки археологов на предметах домашнего обихода, украшениях, предметах языческого и христианского культа. Цель этого исследования это отображение высокого уровня средневековой русской культуры. Исследование руницы и археологические открытия сегодня доказывают, что средневековая Русь являлась высокоразвитым государством Европы [4, с. 90].

В следующем исследовании под названием «Русские руны» профессор В.А. Чудинов утверждает, что русская письменность существовала за 24 тысячелетия до святых Кирилла и Мефодия. Руны Макоши были священным языком волхвов. Здесь говорится, что язык мирян представлял собой Руны Рода, которые дали начало скандинавским рунам и греческому письму и латинице. В исследовании показывают, что кириллица представляет собой Рун Рода почти без изменений [5, с. 110].

В сборнике статей ученых XIX–XX вв. и нынешнего времени с комментариями автора под названием «Вселенная русской письменности до Кирилла» профессор Чудинов доказывает, что святой Кирилл не создавал русским азбуку. Здесь он увидел несколько систем письменности, тысячелетней давности. Взяв одну из них за основу он ее модифицировал, канонизировал и освятил. После чего Кирилл и Мефодий убедил христианский мир, что русский язык священный. Также на нем совершались богослужения и читались канонические тексты. В следствии всего этого Россия сделалась тем, самым, чем и Византийская империя. Профессор Чудинов показывает здесь, что каждый из систем докирилловской письменности это окно во вселенную древних этрусков. Но сегодня в научном мире продолжает теория, что будто письменности у русских до Кирилла не было. Опровергающие эту точку зрения и пытающихся привести факты называют фантазиями. Здесь возникает вопрос? Как могли приведенные профессором Чудиновым авторы статей одинаково фантазировать [6, с. 100].

В Опыте эпиграфического исследования профессора В.А. Чудинова говорится о дешифровке надписей на языческих священных камнях, стенах святилищ и на изображениях древних славянских богов и о следах рунической славянской письменности на памятниках палеолита. Также здесь профессор показывает исправленную им таблицу, предложенную Тадеушем Воланским для расшифровки этрусской письменности. Где показывается, что этруски говорили якобы на славянском языке. Исследуя древние культовые объекты автор находит «данные о присутствии славянской культуры в пространстве (от берегов Португалии до зауральского Аркаима) и во времени (от неолита до первой половины XVII века)». В результате всего профессор В.А. Чудинов приходит к выводам, что Евразийская культура – это культура славян, а Евразия это Русь [7, с. 150].

В результате приведенных выше примеров, исследований и работ профессора В.А. Чудинов показывает поражающий результат в русской письменности. В ней раскрывается все, то, что так долго замалчивалось. Исследованные и прочитанные ученым надписи, оставлены нашими предками разрешают увидеть в результате настоящее лицо истории руссов, славянской цивилизации, Евразии и всего человечества. Исходя из всего вышесказанного мы можем видеть, что профессор Чудинов внес большой вклад в развитие альтернативной истории. По моему убеждению, профессора В.А. Чудинова можно считать идейным вождем альтернативной историографии.

Аналогичными исследованиями занимается профессор Д.П. Самородов, который внес не меньший вклад в определенном направлении. К примеру, в статье «Чувывровский-Чандарский камень, как исторический феномен» профессор Д.П. Самородов дает понимание новой концепции изучения истории, т.е. альтернативного направления. «Развитие мировой исторической науки на грани XX–XXI веков происходило под знаком начавшегося кардинального пересмотра общепринятой концепции древнейшей истории человечества». «Обезьянья» теория Чарльза Дарвина давно трещит по швам и уже не являлась способной объяснить, но определить факт появления Homo sapiens, неотвратимо уступает место новым теориям, которые убеждают нас в том, что человек как субъект истории возник раньше, чем принято считать в кругах ортодоксальных историков в материалистическом мышлении, упрямо считающих, что отправная точка мировой истории относится ко времени возникновения шумерской и прочих древневосточных цивилизаций. Однако на протяжении всего XX века и, особенно в конце этого столетия на всех материках Земли, где обитает современное человечество, стали находить и предавать гласности многочисленные артефакты, которые очевидным способом не вписывались в ортодоксальную научно-историческую (скалигеровскую) хронологию, ибо имели невообразимо древнее рукотворное происхождение. Поэтому закономерен тот факт, что во многих странах мира к концу XX века стала формироваться альтернативная историография, представители которой отодвигали хронологическую планку появления доисторических самобытных цивилизаций на многие тысячелетия и даже миллионы лет в глубокое прошлое.

Исследование проф. С.В. Жарниковой «След ведической Руси» содержит основные доказательства зарождения белых народов на севере Евразии. Также автор здесь говорит о родстве всех индоевропейских этносов и об общей их прародине находящейся за Северным Полярным кругом. Профессор С.В. Жарникова в данном исследовании показывает, что названия земель и рек Архангельской, Вологодской областей упоминаются в древних индийских Ведах. Множество слов старорусского языка встречаются в языке ариев – санскрите. В исследовании показывается сравнение народных орнаментов северных русов и жителей Ирана, Тибета и Индии имеющих общую основу. Для того, чтобы знать свою историю, достаточно читать гимны Ригведы и Авесты, которые и древние страницы иранцы, и древние индийцы унесли на свою новую территорию и хранили как святыню, как зеницу ока. Они не имели права не только изменять слог или слово, но даже интонирование; и они дошли до нас [10, с. 150].

В серии исследований Георгия Алексеевича Сидорова под названием «Хронолог – эзотерический анализ развития современной цивилизации» показано как управляется на Земле, в мире исторический/хронологический процесс. Управляется он не только с использованием общеизвестных рычагов воздействия, таких как религия, идеология, экономика, но также существует некая сила, использующая скрытые методики из области психологии и даже тайных знаний [11, с. 90].

В результате всех приведенных примеров мы можем увидеть, что подобными исследованиями занимаются и другие ученые, которые также, как профессор В.А. Чудинов представляют большой интерес в современной науке.

Список источников и литературы

1. Жарникова С.В. След Ведической Руси. М.: Патриотика, 2015. 288 с.
2. Самородов Д.П. Чувывровский (Чандарский) камень как исторический феномен. Взгляд на проблему через призму альтернативной историографии // Третьи международные Усмановские чтения. Региональная история: методология, источники, историография. Сборник научных трудов. Уфа-Стерлитамак, 2016. С. 34–40.
3. Сидоров Г.А. Хронолог-Эзотерический анализ. М.: ФАИР, 2016. 400 с.
4. Чудинов В.А. Альтернативная историография. М.: Традиция, 2013. 350 с.
5. Чудинов В.А. Вагрия. Варяги Руси Яра. М.: ФАИР, 2009. 400 с.
6. Чудинов В.А. Вернем этрусков Руси. М.: Поколение, 2006. 150 с.
7. Чудинов В.А. Вселенная русской письменности до Кирилла. М.: Альта-Первая, 2007. 600 с.
8. Чудинов В.А. Загадки славянской письменности. М.: Традиция, 2012. 145 с.
9. Чудинов В.А. Руница и тайны археологии Руси. М.: Вече, 2009. 300с.
10. Чудинов В.А. Русские Руны. М.: Альта-Первая, 2006. 300 с.
11. Чудинов В.А. Священные камни и языческие храмы древних славян. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. 300 с.

РАЗДЕЛ 6. ГОРОД КАК ЦЕНТР КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 008

Социокультурный капитал города как ресурс культуры и образования

Богдан С.В.
г. Челябинск

Аннотация. В статье рассматривается социокультурный капитал города и личности. Город представляется как социокультурный объект и анализируются социокультурные характеристики города, в частности – культура и образование. Автором показана связь между различными формами капитала и его состояниями. Социокультурный капитал города рассматривается как интеграционное образование, как совокупность потенциальных ресурсов культуры и образования.

Ключевые слова: ресурс, потенциал, капитал, социокультурный капитал, культура, образование, город, личность, социум.

В современном обществе происходит трансформация всех сфер деятельности, охватывающих пространственно-территориальную и социокультурную составляющие социальной системы – город.

Сегодня город как объект исследования привлекает все больше внимания представителей различных отраслей научного знания: историков, социологов, политологов, философов, экономистов, ученых естественных наук и др. В городах концентрируются основные экономические, социальные, культурные и информационные ресурсы, которые обеспечивают жизнедеятельность граждан. Город – с многогамным социумом с рядом особенностей, имеет определенное значение для формирования социокультурного капитала как ресурса развития культуры и образования.

Социокультурные аспекты города требуют основательного анализа. В частности, мало изучен город, как поле накопления и функционирования социокультурного капитала, его образовательных практик. Отнесенность социокультурного капитала в перечень ресурсов, которыми располагает общество, обуславливает потребность в его изучении.

Предпосылкой социальнoкультурного капитала стала концепция социального капитала, которая получила распространение благодаря исследованиям П. Бурдье [4], Дж. Коулмена [5], Р. Патнэма [6], Ф. Фукуямы [7] и др.

Вопрос измерения уровня социокультурного капитала регионов, общин, других социальных групп населения остается сегодня открытым. Расширение количества показателей этого ресурса поможет более качественно оценить потенциал города, заполнить лакуны мегаполиса социокультурной дисперсией.

Сегодня перед исследователями стоит задача выявления принципов измерения города как целостного, комплексного объекта культуры и образования, на основе понимания социокультурного содержания процессов, происходящих в них.

Город накапливает и синтезирует материальную и духовную культуру, формирует особое сообщество – городской социум и специфический способ и среда жизни, поэтому с позиций этого исследования представляется плодотворным выбор социокультурной научной традиции. Город может быть представлен в интерпретации своеобразного социокультурного объекта, где базовые элементы его жизнедеятельности рассматриваются как поле накопления и функционирования социокультурного капитала.

В научной литературе встречаются различные трактовки капитала: коммунитарная, институциональная, синергетическая, сетевая, ресурсная. В контексте статьи внимание сосредоточено на интерпретации социокультурного капитала как ресурса культуры и образования в пространстве города.

Исследователи выделяют различные формы капитала, среди которых основными являются человеческий, экономический, социальный, культурный и символический, а остальные считаются производными (П. Бурдье [4], Дж. Коулмен [5]). Однако, социокультурный капитал представляется интеграционным образованием социального, культурно и человеческого капиталов, породившем новую сущность социокультурного капитала (С. В. Богдан [1]). Социокультурный капитал города составляет совокупность имеющихся или потенциальных ресурсов, связанных с наличием устойчивой сети объектов культуры и учреждений образования, агентов (субъектов) их генерирующих, формирующих и распространяющих, а так же более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания, или, другими словами, членства в сообществах. Социокультурный капитал обладает способностью конвертироваться – переходить из одной формы в другую, менять свои состояния (инкорпорированное, объективированное и институционализированное).

В качестве ресурсов рассматриваются ценности, средства, возможности, источники развития, образования культурной интеграции личности в пространство города. Данные ресурсы могут существовать как потенциалы, значимые ресурсы, активы и капиталы.

Социокультурный капитал – это значимый вид ресурса, который востребован в социуме, обменивается, влияет на позицию владельца этого ресурса и в ходе взаимодействия увеличивает исходный объем. Капитал как ресурс имеет динамичные свойства: переходить с потенциальной формы в активную, самовозрастать и самовосстанавливаться.

Культура и образование социальны по происхождению и социально направлены. Каждый вид капитала (социальный, культурный, человеческий, символический, политический, экономический и т.д.) имеет свой набор значимых ресурсов, которые активизируясь способствуют генерированию социокультурного капитала.

Человеческий капитал имеет такие свойства, как знания, навыки и способности человека, используются для увеличения экономического и социального развития. Культурный капитал – это владение языками, усвоение ценностей культуры, норм морали и этики, культурных образцов и навыков коммуникации, что наделяет его владельцев определенными возможностями и преимуществами. Социальный капитал укрепляет связи в социальных сетях. Политический капитал увеличивает степень доверия между гражданами и правительством, укрепляет гражданскую позицию личности, общественных организаций. Символический капитал наделяет легитимностью, дает право на осуществление профессиональной деятельности, в том числе в сфере культуры и образования, выражается в общественном признании. Экономический капитал обеспечивает финансовое и материальное благополучие и т.д.

И так, активизируясь, эти ресурсы составляют социокультурный капитал личности, социальных общностей, организаций и города в целом. Социокультурный капитал увеличивает экономическое и социальное развитие общества путем создания и поддержания социальных связей. Социальный капитал во многих определениях трактуется как ресурс доверия [2]. Политический капитал, касаясь вопросов доверия между властью и гражданами имеет влияние на формирование социокультурного капитала, осуществляя культурную и социальную политику государства. Политический капитал, согласно П. Бурдьё, является кредитом доверия и признания, с помощью которых агенты наделяют человека (или предмет) властью [4]. В. Радаев определяет политический капитал как гражданскую активность, общественное согласие, доверие между политическими субъектами, солидарность, легитимность [3]. Это способность к мобилизации коллективных действий и участия в них.

Рассмотрение социокультурного капитала личности – как интегральной целостности социального, культурного и человеческого капиталов, совокупность значимых для жизнедеятельности социокультурных ресурсов, способных к генерированию и росту. Социокультурный капитал является динамичным ресурсом и может существовать в трех состояниях. Согласно классификации состояний капитала П. Бурдьё – это инкорпорированное состояние, объективированное и институционализированное [4]. Своеобразие социокультурного капитала заключается в том, порождает внутренние движущие силы, способности и возможности, обуславливает их развитие, изменение, заложенные в культуре и социальной сфере, переход в другие формы капитала.

Социокультурный капитал является активом и влияет на благосостояние города и его жителей. Значимые ресурсы социокультурного капитала города – это совокупность ресурсов всех его составляющих: ресурсы социального капитала (межличностное доверие, сети поддержки, сплоченность, идентичность), ресурсы политического капитала (солидарность, генерализованное доверие, ответственность), ресурсы культурного капитала (нормы, ценности, творческий потенциал), ресурсы символического капитала (легитимность, генерализованная доверие), ресурсы человеческого капитала (знания, навыки, квалификация).

Социокультурный капитал как ресурс культуры и образования существует на микро- и мезоуровне города. На микроуровне – это условия возникновения и источники первоначального накопления социокультурного капитала. На мезоуровне социокультурный капитал всего города. Ресурс культуры и образования города определяется социальным микроклиматом, образующимся на местах непосредственного проживания людей.

Накопление социокультурного капитала осуществляется в процессе формирования устойчивых связей между людьми, в непосредственном общении, в актах обмена культурной информацией, эмоциями, в общении, в процессах образования. Социокультурный капитал, возникает, фиксируется в культурном контексте общения, менталитете, культурных образцах, то есть переходит в инкорпорированное состояние существования и оседает в социокультурной среде в общественном менталитете, в институтах культуры и образования. Механизмами накопления являются селективные механизмы, культурная трансляция, совместная деятельность, учреждения культуры и образования, культурно-историческое наследие и, конечно же, сами горожане. Социокультурный капитал реализуется через формы социально-культурной деятельности игры, праздники, обряды, ритуалы, через типичные связи (семейные, дружеские, соседские, по интересам, кругами), которые лежат в основе первичных малых групп, сообществ, а также через формы трансляции культуры и образования специализированными организациями. Таким образом, источники и условия возникновения и первоначального накопления социокультурного капитала – в социокультурных средах, межличностном общении, взаимодействии. С микросоциологической точки зрения, социокультурный капитал – это «местные общественные блага», производимые сообществом. Эти блага могут быть очень общими по своей природе и включать контакты, влияние, дружбу и другие связи. Здесь рождается ресурс социокультурного капитала – доверие, в личностной ее форме, является его базовым ресурсом. Источником дальнейшего накопления социокультурного капитала выступает городская среда – жизнедеятельность больших и малых социальных групп городского населения –

социальное поле их взаимодействия в ходе решения общих проблем. Состояние этой среды выступает показателем качества жизни населения, его благосостояния, так и определяет степень социокультурного капитала города.

Рассмотрение социокультурного капитала опирается на основные положения структурного, ресурсного, нормативного подходов. Город является своеобразным социокультурным объектом, овеществленным достижением горожан, то есть «инкорпорированным» капиталом.

Социокультурный капитал по отношению к социальному – является более широким понятием. Однако, их семантические поля во многом пересекаются. В институциональном плане социокультурный капитал воплощает в себе накопленные культурные блага, достижения в области науки, развитие инфраструктуры города гражданами. Структурная характеристика раскрывается через социальные сети и выступает как совокупность сетевых контактов. Социокультурный капитал города представляет собой ресурс культуры и образования.

Высшая степень доверия существует в пределах коротких социальных связей, то есть в отношениях между родственниками, друзьями и соседями. Недоверие большей части населения к главным социальным институтам общества снижает влияние социокультурного капитала на всю жизнедеятельность общественной системы. Значимым ресурсом обладают социальные связи и партнерские отношения в предельно локализованном социальном пространстве. Назначение социокультурного капитала города – объединить население для достижения более высокого уровня культуры и образования ведущих к экономической и политической стабильности.

Территориальная общность объединяет людей, так как горожане имеют общие интересы, ценности, общие символы своего города, предметы гордости своей «малой родины». Сегодня городское сообщество лишено четкой субъектности, оно аморфно, слабо интегрировано в пространство культуры с невыразительными связями. Дефицит социокультурного капитала проявляется в низких уровнях доверия и взаимодействия жителей и местных органов власти. Что значительно влияет на снижение совокупного социокультурного капитала города.

Формирование и накопление социокультурного капитала города – это процесс упорядочения социальных взаимосвязей и отношений благодаря усвоению норм жизнедеятельности горожан как членов территориальной общины, создание постоянных и временных организаций, союзов, объединений разного уровня. Социокультурный капитал имеет проявления в повседневной жизни сообщества. Следствием формирования социокультурного капитала может быть чувство социальной защищенности, желание горожан заботиться о благосостоянии города, проявление любви к малой родине. Результативность социокультурного капитала воплощается в формировании программ социального планирования городов, методик совершенствования социальной и культурной инфраструктуры, исследовании социальных процессов в городах различного типа, разработке нормативных документов, регламентирующих взаимоотношения городской власти и общества.

Список источников и литературы

1. Богдан С.В. Концептуальное содержание понятия социокультурный капитал // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. №4 (32). С. 50–56.
2. Магдеева М.Р., Жилина Н.Н., Загитуллина Т.С. Социальный капитал: понятие и подходы к исследованию // Экономическая теория. Январь 2017. № 1. Т. 3.С. 17–23. [Электронный ресурс]. URL.: <https://www.researchgate.net>
3. Радеев В.В. Понятие капитала, формы капитала и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4. С. 20–32. [Электронный ресурс]. URL.: www.ecsos.msses.ru
4. Bourdieu P. The forms of capital // Handbook of theory and research for sociology of Education / ed. by J. Richardson. N. Y.: Greenwood Press, 1986. P. 24–258.
5. Coleman J. Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology Supplement. 1988. P. 94–120.
6. Putnam Robert D. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // The Journal of Democracy. 1995. Vol. 6. № 1 P. 65–78.
7. Fukuyama F. *Doverie: social'nye dobrodeteli i put' k процветаниju* [Trust: the social virtues and the creation of prosperity]. Moscow: AST, 2004, 732 p. (in Russ.).

Аннотация: В данной статье рассматриваются проблемы взаимосвязи культуры и образования. Автором проведен феноменологический анализ принципа культуросообразности в гуманистических исследованиях. В основе данных исследований лежит понимание образования как культуросообразной и культуuroобразующей среды, позволяющего обеспечить восхождение человека к гуманистическим ценностям и идеалам культуры.

Ключевые слова: культуросообразность, социально-гуманитарное образование, образовательное пространство

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта СФ БашГУ В19-76

Идея о культуросообразной связи образования и культуры не является для современной педагогики принципиально новой. Она проходит а качестве центральной наравне с идеей природосообразности практически через все гуманистические педагогические исследования с начала XIX века.

Одним из первых проблему культуросообразности в воспитании и образовании поднимает А. Дистервег. Культурологическими основаниями теории А. Дистервега явились: этическая идея поиска основ нравственности, общечеловеческих ценностей и идея самостоятельных основ процесса познания истины. Логика анализа им понятия культуры как явления, развивающегося в пространстве и времени, позволила в том же ключе сформулировать и рассмотреть понятие культуросообразности. Принцип культуросообразности на этапе возникновения означал, что воспитание и обучение должно считаться не только с природой ребенка, но и с уровнем культуры страны и временем, то есть с изменяющимися культурно-историческими условиями.

Становление и развитие идеи культуросообразности в отечественной педагогической теории связано с именами П.П. Блонского, К.Н. Вентцель, Л.С. Выготского, С.И. Гессена, П.Ф. Каптерева и др. подготовившие переход образования в новое культурное измерение и предвосхитившие современное понимание образования. Так, П.Ф. Каптерев говорит о целостности, взаимозаменяемости и взаимодополняемости принципов природосообразности и культуросообразности. При этом принцип культуросообразности обогащается у П.Ф. Каптерева идеей поликультурного образования. Приобщение к национальным духовным ценностям рассматривается как обязательная часть общечеловеческих знаний, формирующих воззрения на окружающий мир. «Образовательная школа, задавшись задачей воспитывать человека вообще, должна воспитывать его и как гражданина известной земли, в соответствии с реальными и идеальными требованиями общества; её характер и направление во многом должны зависеть от характера и направления всего народа... Образование должно сообщать человеку такие вкусы, склонности, такую подготовку, чтобы он не чувствовал себя чужим ни в одном культурном обществе. Каждый образованный человек должен быть гражданином всего культурного мира», – справедливо отмечает М.С. Каган [5, с. 62–66].

Развитие в детях чувства принадлежности ко всему человечеству противопоставлялось какому-бы то ни было выделению принципа национальной исключительности: в феноменальности языка или этнокультурном превосходстве. В воспитании, по мнению П.Ф. Каптерева «нужно обратиться не к одному народу, а ко многим, рассмотреть их идеалы и ценными чужими свойствами пополнить недостатки своего национального идеала; народное нужно сочетать с инородным, со всенародным и общечеловеческим» [6, с. 56–57].

Проблема содержания образования рассматривалась как создание образовательной модели целостности научной картины мира, с этих же позиций определяются задачи образования: «...Предмет познания ребенка – вся окружающая его действительность как нечто целое: взор ребенка направляется на окружающую природную и общественную среду, образующую единое целое, в центре которого находится ребенок [1, с. 105].

Дальнейшее развитие идея культуросообразности получила в трудах известного философа С.И. Гессена. Он подходит к культуре как к совокупности всех слоев жизни современного человека, при этом автор указывает на тесную связь между понятиями образования и культуры. Выделяя в качестве культурных ценностей науку, искусство, нравственность, хозяйство и др., Гессен практикует принцип культуросообразности, как

– во-первых, деление культуры обуславливает и соответствующее деление образования: «видов образования должно быть столько же, сколько имеется отдельных ценностей культуры» [4, с. 36];

– во-вторых, образование выступает как «приобщение человека к культурным ценностям науки, искусства, нравственности, права, хозяйства, превращение природного человека в культурного» [4, с. 36], но это приобщение – не цель, а средство обогащения внутренней и внешней жизни, каждый период которой имеет свою особую жизненную ценность;

– в-третьих, для развития ребенка необходимо предоставить ему такой культурный материал, который бы позволил бы его социально-духовной природе преодолеть природу биологическую, «предлагаемый ребенку

внешний материал должен быть строго соразмерен с его внутренней потребностью переработать этот материал, делать его вполне «своим» [4, с. 86];

– в-четвертых, подлинное образование заключается «не в передаче новому поколению ... готового культурного содержания, ... но лишь в сообщении ему того движения, продолжая которое оно могло бы выработать свое собственное содержание культуры» [4, с. 378], приобщение к творческому потоку – задача подлинного образования и одновременно способ преобразования человеком действительности, превращение человека в свободно творящее существо.

С.И. Гессен развивает также и цивилизационную концепцию «диалога культур» как методологии историко-культурного анализа механизмов взаимодействия культур.

Таким образом, содержательное наполнение принципа культуросообразности не остается неизменным с течением времени и прежде всего потому, что новую интерпретацию получают ведущие философские идеи, которые отражают представление о способе существования человека в мире. И в этом понимании принцип культуросообразности, оставаясь одним из доминирующих принципов воспитания и обучения, ориентируется на приоритетные культурологические идеи своего времени. Эти идеи, прорастая в цели, содержание, методы и результаты воспитания и обучения, определяют культуросообразные основы педагогического процесса в конкретных социокультурных условиях данного времени.

Идея культуросообразного подхода в современное время получила дальнейшее развитие в работах А.Г. Асмолова, В.С. Библера, Е.В. Бондаревской, А.П. Валицкой, В.П. Зинченко, С.В. Кульневича и др. В основе данных исследований лежит понимание образования как культуuroобразующей и культуuroтворческой среды, микрокультуры, культурного микрокосма, позволяющего обеспечить восхождение человека к гуманистическим ценностям и идеалам культуры. Идея культуросообразности рассматривается в них как идея возврата образования из контекста идеологии в контекст культуры, восстановления человеческих смыслов и сущностных функций образования. К последним Е.В. Бондаревская [2] относит:

– гуманитарную функцию, суть которой состоит в сохранении и восстановлении экологии человека, его телесного и душевного здоровья, смысла жизни, личной свободы, духовности, нравственности;

– культуросозидающую (культуuroобразующую) функцию, обеспечивающую сохранение, воспроизводство и развитие культуры средствами образования;

– функцию социализации, т.е. обеспечения условий усвоения и воспроизводства индивидом социального опыта, обеспечивающего нормальное и безболезненное его вхождение в жизнь общества.

Идея культуросообразности рассматривается при этом как методологическая основа реализации указанных функций образования, ориентированного на человека, а культуросообразный подход предписывает «поворот всех компонентов образования к культуре и человеку как её творцу и субъекту, способному к культурному саморазвитию [7, с. 44], позволяет проникнуть в тайны процессов трансляции и присвоения культуры, взаимодействия национальных культур, а, следовательно, выявить роль образования в этих процессах.

Не смотря на то, что в педагогических исследованиях приводятся самые разнообразные определения понятия культуросообразности, которое трактуется как «единство всех достижений культуры (не только наука, но и искусство, религия, традиции и т.д.), как соотнесение обучения мировой и региональной культуре, как единство сознательного и подсознательного [7, с. 48], существующие в культуре философские, методологические и психологические представления о человеке, о процессах его образования, о педагогической деятельности [7, с. 24], «отражение в содержании образования на каждом этапе обучения всех аспектов человеческой культуры, обеспечивающих физическое, интеллектуальное, духовно-нравственное, эстетическое, коммуникативное и технологическое образование учащихся [7, с. 180], и мы можем выделить общие, наиболее характерные черты современной трактовки данного понятия. При этом компонентами культуросообразного подхода выступают:

– отношение к ребенку как к самоценному субъекту, способной самостоятельно принимать решения и нести за них ответственность;

– отношение к педагогу как посреднику между ребенком и культурой, способному ввести его в мир культуры и оказать помощь и поддержку каждой детской личности в её индивидуальном самоопределении в мире культурных ценностей, в порождении жизненных смыслов, а от них к самостоятельным свободным и ответственным действиям-поступкам;

– отношение к образованию как к культурному процессу, целью которого является становление «личностного образа человека и его индивидуально-творческое развитие как субъекта жизни, культуры, социума» [2, с. 14], «ориентированного на освоение учащимися культуры и общечеловеческих ценностей, на усвоение ими современных достижений науки и техники, необходимого опыта, предполагающего максимальное раскрытие творческого потенциала индивида на основе его самоопределения и самостоятельности как субъекта культурноисторического процесса». [3, с. 37];

– культурная идентификация, т.е. установление подобия между собой и своим народом, переживание чувства принадлежности к национальной культуре, интернационализация (принятие в качестве своих) её ценностей, проживание собственной жизни в формах культурного бытия народа, в соответствии с такими обра-

цами русской народной жизни, как, например, соборность, духовность, патриотическое самосознание, бытовая обрядность и др. [2, с. 13];

– отношение к школе как целостному культурно-образовательному пространству, где живут и воссоздаются культурные образцы совместной жизни детей и взрослых, происходят культурные события, осуществляется творение культуры и воспитание человека культуры.

Будучи универсальной, идея культуросообразности выступает научным средством анализа «сообразных культуре» основ образования, т.е. позволяет определить сущность педагогического процесса на определенном этапе, его цели, содержание, формы, методы, результаты, и на этой основе реализовывать в педагогической практике различных типов учебных заведений основные культурологические идеи своего времени.

Таким образом, культуросообразность – это своеобразное измерение современного образовательного пространства, признающая человека субъектом культуры, её главным действующим лицом, способным вмещать в себя «старые» смыслы культуры и одновременно производить новые, направленные на развитие человека культуры и целостной личности, помогающая обрести ценности и смыслы жизни.

Список источников и литературы

1. Блонский П. П. Избранные педагогические произведения. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961. 696 с. [Электронный ресурс]. URL.:http://elibr.gnpbu.ru/textpage/download/html/?book=blonsky_izbrannye-proizvedeniya_1961&bookhl
2. Бондаревская Е.В. Ценностные основания личностно-ориентированного воспитания гуманистического типа // Образование в поисках человеческих смыслов. Ростов-на Дону: Изд-во РГПУ, 1995. С. 11–27.
3. Гаязов А.С. Тенденции глобализации развития общества и глобальные проблемы в образовании // Педагогический журнал Башкортостана. 2008. №1(14). С. 33–41.
4. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М.: «Школа-Пресс», 1995. 448 с.
5. Каган М.С. Философия культуры. СПб, 1996. 416 с.
6. Каптерев П.Ф. История русской педагогики. Петроград, 1915. [Электронный ресурс]. URL.:http://elibr.gnpbu.ru/text/kapterev_istoriya-russkoy-pedagogiki_1915/go,602;fs,1/
7. Кульневич С.В. Педагогика личности от концепций до технологий. Ростов-на-Дону: Творческий центр «Учитель», 2001. 160 с.

УДК 34(47)+355.231

Военно-учебное заведение как элемент социокультурного пространства города

Гребенкин А.Н.
г. Орел

Аннотация. В статье дана характеристика военно-учебным заведениям Российской империи как неотъемлемой части городского социокультурного пространства. Автор рассматривает процессы культурного взаимовлияния кадетских корпусов и военных училищ и городской среды. Особое внимание уделено балам как главному средству обеспечения культурных контактов между военной школой и городским светским обществом. В статье показаны негативные стороны взаимодействия города и военно-учебных заведений, порожденные традицией нарочитой грубости и показного молодечества, а также негативным отношением военно-учащейся молодежи к гражданским лицам.

Ключевые слова: Российская империя, социокультурное взаимодействие, кадетский корпус, военное училище, городская среда, балы.

Военные школы Российской империи являлись не только важным звеном системы подготовки русского офицерского корпуса, но и неотъемлемой частью социокультурного пространства города. Даже в те периоды, когда руководство военно-учебных заведений стремилось к максимальной изоляции корпусов от окружающего мира, к превращению их в своеобразные «кадетские монастыри», связь между городом и корпусом не прекращалась. Для губернских городов открытие корпуса было знаковым явлением, свидетельством императорской милости, серьезным шагом на пути к превращению не только в образовательный, но и в культурный центр. В свою очередь, город также оказывал влияние на военную школу: петербургский кадет, выходя за ворота заведения, попадал в совершенно иную культурную среду, нежели воспитанник Полоцкого или Орловского-Бахтина корпусов, что способствовало приобретению известного светского лоска, а юнкер-«александрон», подвергавшийся в течение двух лет воздействию патриархальных московских нравов, разительно отличался от по-петербургски строгого павлона.

Начальным параметром моделирования роли школы в социокультурном пространстве города было занимаемое ею здание. В столичных городах корпуса и училища, как правило, располагались в зданиях, имевших богатую историю, что подчеркивало высокий статус заведения и внушало уважение к его сотрудникам и воспитанникам. Так, 1-й кадетский корпус занимал дворец Меншикова, 1-й Московский Екатерины II кадетский корпус – Екатерининский (Головинский) дворец, Пажеский корпус – Воронцовский дворец. Кроме того, помещения, в которых воспитанникам приходилось проводить несколько лет, накладывали серьезный отпечаток на их мировосприятие, и культурное наследие города, таким образом, превращалось в фактор становления личности будущих офицеров. Воронцовский дворец, в котором по воле Павла I нашли прибежище рыцари Мальтийского ордена, являлся хранилищем их традиций. По воспоминанию бывшего пажа А.А. Игнатьева, «...рыцари... не упустили из виду своей главнейшей цели – введения в России католицизма. Отпечаток их деятельности сохранился и до моих дней... Внутри здания корпуса красовались мраморные доски с девизами мальтийских рыцарей, и даже сама форма пажей, введенная отцами ордена, сохранилась почти в неприкосновенности» [6, с. 41–42]. Роскошное убранство помещений резко контрастировало с военными порядками заведения, а отдельные его элементы были откровенно антипедагогичны. Так, на потолках дортуаров и классов были размещены плафоны, на которых изображалась «сцены из Овидиевых превращений, с обнаженными богинями и полубогинями» [13, с. 138].

В Санкт-Петербурге расположение корпуса было значимой детерминантой социокультурного статуса его питомцев. Так, воспитанники 1-го кадетского корпуса, расположенного на набережной Невы, именовались «невскими вибрионами», кадеты 2-го корпуса, находившегося неподалеку от реки Ждановки, – «ждановскими китами». Эти «топонимические» прозвища, бытовавшие главным образом в породившей их кадетской среде, были, разумеется, известны и горожанам.

Воспитанники корпусов и училищ, ходившие в отпуск в город, достаточно быстро становились неотъемлемой частью городского общества. Красивая форма, погоны, неизменно приводившие в восторг девушек и женщин, придавали им высокий статус и вместе с тем порождали соперничество со сверстниками, обучавшимися в гражданских учебных заведениях – классических гимназиях, реальных училищах, университетах.

Значимым фактором взаимосвязи корпусов и училищ с городом были периодически устраиваемые в военно-учебных заведениях балы. Городское общество ожидало их с нетерпением. Так, роскошным балом Морского корпуса открывался сезон балов в Петербурге. Достаточно скромные балы, даваемые в губернских корпусах, были ключевым событием провинциальной светской жизни. Матери без опасения привозили на них своих подросших дочерей, ибо, «кроме готовых в изобилии кавалеров, имелись налицо такие условия препровождения времени, которые вполне гарантировали девушек от опасности завязать нежелательные знакомства или натолкнуться на сцены, могущие оскорбить их скромность» [12, с. 5]. Однако подготовка к такого рода мероприятиям отнимала много времени, сил и средств, тем более что корпуса соревновались друг с другом в роскоши убранства помещений. Кроме того, праздники негативно отражались на душевном состоянии кадет и мешали им прилежно учиться. Особенно «опасными» были многолюдные, пышные балы, даваемые в столичных корпусах. Волнительное ожидание праздника, встреча гостей, танцы с дамами в открытых вечерних туалетах, а затем мучительные переживания по поводу разговоров с ними и мимоходом сделанных намеков и обещаний, часто двусмысленных, надолго выбивали старших кадет из привычной учебной колеи. Поэтому в 1893 г. устройство балов и праздников в кадетских корпусах было запрещено. Традиция их организации сохранилась только в Пажеском и Морском корпусах, в которых были специальные классы, аналогичные военным училищам. Ежегодный бал Морского корпуса, устраиваемый 6 ноября, поражал гостей фантастическим великолепием убранства: «Каждое помещение, точно по волшебству, превращалось в подводное царство, царство льдов, тропический уголок, хвойный лес и т.д., насколько хватало фантазии и средств. Главная трудность заключалась в том, чтобы не повториться и не походить на прошлые годы» [3, с. 24]. На праздник съезжался весь светский Петербург, и преобразившийся корпус становился сияющей бальной залой: «Яркий свет люстр и тысячи электрических лампочек, гирлянды разноцветных фонариков отражаются в стенных зеркалах, играют тысячами огней на золоте и серебре военных мундиров, на брильянтах и украшениях молодых дам, на свежих личиках барышень, на очаровательных взорах, взглядах, улыбках...» [1, с. 29]. Разговоры о бале еще долго велись как в корпусе, так и в городе. Периодически устраивались и более скромные «гардемаринские» балы, игравшие, тем не менее, также достаточно значимую роль в светской жизни Санкт-Петербурга.

В начале XX в. запрет устраивать балы в корпусах был де-факто снят. Так, в 1913 г. в Одесском корпусе состоялся масленичный бал, стилизованный под поэму А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» [8, с. 215]. Псковский кадетский корпус устраивал балы три раза в год: на масленицу, 14 ноября и 16 декабря. Подготовительные работы велись творчески и с немалым вкусом: «Помещения 1-й и 2-й рот превращались в артистически убранные танцевальные залы... классы же превращались в гостиные разных эпох и стилей, в зимние сады с множеством зелени и уютных, прохладных уголков, где так хорошо и приятно было отдохнуть, а то и поухаживать. В спальнях устраивались буфеты с изобилием различных бутербродов, пирожных, фруктов и прохладительных напитков» [5, с. 21]. Балы Донского кадетского корпуса были ключевым событием культурной жизни Новочеркасска. Приглашались «отцы города», ученицы Донского Мариинского института и женского

института, а также знакомые кадет-старшеклассников. Музыкальное сопровождение обеспечивали музыканты духового оркестра Всевеликого Войска Донского. Бал открывался в 9 часов вечера «полонезом» и заканчивался казачком в три часа утра [4, с. 51–52].

К сожалению, кадеты и юнкера вносили в жизнь города и деструктивный элемент. Грубость нравов, распостраненная в военной среде в 1-й половине XVIII в., была присуща и воспитанникам кадетских корпусов. Так, английский путешественник Джон Кук, побывавший в России в середине 1730-х гг., отмечал, что враждебные отношения между солдатами гвардейских полков и кадетами зачастую выливались в кровавые поединки: «Все гвардейцы имеют широкие шпаги, а кадеты маленькие мечи. Если гвардейский солдат бьет первым, кадету конец; но очень часто кадет отклоняет удар, и прежде чем гвардеец изготавится для другого, пронзает его» [7, с. 408]. В начале XIX в. великовозрастные воспитанники Дворянского полка и Дворянского кавалерийского эскадрона «оставались без присмотра, в свободное от строевых учений время они не стеснялись, толпами, бродить по Петербургской стороне, и своим грубым поведением поселяли дурную о себе славу в обитателях ея» [2, с. 70].

Во 2-й половине XIX – начале XX в. демонстрация молодечества заключалась главным образом в кутежах в ресторанах, гонках по главным улицам города на нанятых извозчиках (зачастую образовывались целые кавалькады) столкновениях с гимназистами, реалистами и студентами, презрительно именуемыми «шпаками» и «штафирками». Стычки с питомцами гражданских учебных заведений, вызванные ухаживаниями за девушками или случайными недоразумениями, иногда выливались в массовые столкновения. Так, в августе 1915 г. в городском саду Владикавказа произошла массовая драка между кадетами и гимназистами, которая благодаря своевременному вмешательству корпусных офицеров обошлась без пострадавших. Кадеты принесли с собой из корпуса палки и кегли, но не успели ими воспользоваться. Причиной побоища (кадеты гордо называли его «турниром») было то, что за несколько дней до столкновения несколько кадет-шестиклассников, подгуляв в отпуску, начали задирать гимназистов и были ими побиты. Любопытно, что городская пресса в погоне за сенсацией представила драку, разогнанную офицерами в самом ее начале, как ожесточенный кровопролитный бой. Некто А. Черный опубликовал 17 сентября в газете «Закавказская речь» заметку «Битва на треке», в которой дал «турниру» следующее описание: «Воевода с булавой повел 150 кадетов в наступление густыми колоннами. Войдя на трек, кадеты с боевыми кликами «ура», «бей их» бросились на гимназистов. Кадеты стали избивать гимназистов, оттеснили их к центральному пруду и стали сбрасывать их в пруд. Некоторые гимназисты, спасаясь от вражеских нападений, сами бросались в пруд. В гимназистов полетели камни. Один гимназист был легко ранен ножом в голову, у другого была разбита голова» [10, л. 18].

Городская общественность осуждала подобное поведение и всеми силами пыталась с ним бороться. Так, родители кадет запрещали им дома употреблять «кадетские» словечки («загинать», «шикарный», «ловчить», «тоняга» и т.п.). Особенно возмущала родственников кадет и юнкеров «кутильная закуска», принятая в Пажеском корпусе, Николаевском кавалерийском училище и некоторых корпусах, которая быстро превращала слабовольных молодых людей в пьяниц и игроков. Серьезные нарекания вызывали и традиции, побуждавшие жить не по средствам. В 1906 г. в газете «Новое время» появилась статья «В питомнике кавалерии», осуждавшая порядки, сложившиеся в Николаевском кавалерийском училище. Ее автор, укывшийся за псевдонимом «Хладнокровный», писал: «К традициям, которые нельзя не назвать излишними, принадлежит запрет ходить по улицам пешком иначе, как в Летнем саду и по набережной Невы. Идет, например, юнкер по Пантелеймоновской в Летний сад: навстречу попадается кавалерийский молодой офицер, подзывает его и довольно резким голосом замечает: «Юнкер, нарушаете традиции». Извозчики, стаяй подъезжающие к воротам Николаевского училища при разезде юнкеров, народ все наглый и дерут за проезд страшные деньги, тем более, что та же традиция требует, чтобы юнкер садился на извозчика, не торгуясь. Все это способствует к образованию среди юнкеров той привычки к безрассудным тратам, которой страдает все наше войско и особенно кавалерия» [9, л. 4].

Кроме того, общество было сильно шокировано неприязненным отношением к штатским, которое выливалось в безобразные скандалы и публичные оскорбления и избиения. В конце 1840-х гг. родители юнкеров Главного инженерного училища в коллективной жалобе начальнику штаба великого князя Михаила Павловича по управлению военно-учебными заведениями Я.И. Ростовцеву на дурное воспитание своих детей описали следующий вопиющий по своей дикости случай: «...3 февраля юнкера катались с гор на Неве, по прилегающей дороге мимо гор проезжал господин в штатском платье на извозчике, двадцать человек юнкеров старшего класса кинулись без всякой причины на извозчика, остановили лошадь, ругали извозчика и седока, седок скромно заметил им, что это неприлично, они больше напали на него, до того, что вынужден были идти к дежурному офицеру, юнкера начали хохотать, кричать: Вон рябчик, мерзавец, подлец и прочее, тот молча пошел отыскивать дежурного, которого никогда не бывает при юнкерах, юнкера навели его на классного офицера – подпоручика Шумского, г-н обратился к нему, говоря: г-н офицер, я в штатском платье, но служил в военной службе и служебный порядок знаю, тот не дал ему продолжать, закричал, что прикажет его выгнать в шею и тут приказал его гнать...» [11, л. 2 об. – 3].

Таким образом, кадетские корпуса и военные училища играли в городской жизни заметную роль, которая, в зависимости от обстоятельств, могла быть как положительной, так и отрицательной. Серьезная куль-

турно-досуговая составляющая процесса подготовки офицеров делала кадет и юнкеров полноправными участниками городской светской жизни, и если в столицах военно-учебные заведения являлись лишь частью, хотя и заметной, общегородского социокультурного пространства, то в провинции они зачастую выступали в качестве его ядра, выполняя системообразующую функцию. Вместе с тем превратные представления некоторых воспитанников корпусов и училищ о сущности военной культуры и облике «идеального офицера» порождали воинственно-милитаристские формы поведения, которые в сочетании с негативным отношением ко всему невоенному выливались в демонстративно-разгульное поведение, оскорбление штатских, физическую расправу над ними. Поэтому нахождение на улицах города кадет и юнкеров вносило в жизнь его обитателей известный элемент риска.

Список источников и литературы

1. Галич-Гончаренко Ю.И. Отрывок из романа «Звериада» // Морской журнал. 1938. № 10–11. С. 29–31.
2. Гольмдорф М.Г. Материалы для истории бывшего Дворянского полка. СПб., 1882. 268 с.
3. Граф Г.К. Моряки (очерки из жизни морских офицеров). Париж: Imprimeriede Navarre, 1930. 271 с.
4. Донской Императора Александра III Кадетский Корпус, 1883–1933. Мадрид, 1973. 592 с.
5. Досуг кадета-псковича. Париж, 1957. 28 с.
6. Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. М.: Воениздат, 1986. 752 с.
7. Кук Дж. Путешествия и странствия по Российской империи, Татарии и части Персидского царства // Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны и иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб.: БЛИЦ, 1997. С. 385–444.
8. Одесский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус. 1899–1924. Нью-Йорк, 1974. 365 с.
9. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 321. Оп. 1. Д. 6040.
10. РГВИА. Ф. 725. Оп. 49. Д. 884.
11. РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 5710.
12. Танцевальные вечера в кадетских корпусах // Русский инвалид. 1900. № 13. С. 5.
13. Яковкина Н.И. Русское дворянство первой половины XIX века. Быт и традиции. СПб.: Лань, 2002. 160 с.

УДК 021.2(571.1/5)

Библиотека в информационном и культурном пространстве сибирского мегаполиса

Жуковская Л.Н.
г. Красноярск

В статье освещаются вопросы организации библиотечных и коммуникативных практик в информационном и культурном пространстве большого сибирского города. Рассматривается опыт региональной библиотеки г. Красноярска по развитию социально-коммуникативной деятельности через информационные сервисы и услуги, сочетание традиционных и современных форм обслуживания; максимальное приближение содержательной деятельности к реальным потребностям пользователей.

Ключевые слова: библиотека, Красноярск, информационно-образовательное и культурное пространство, культурные ценности, информационные ресурсы, проектная деятельность.

Социокультурное окружение является неотъемлемой частью существования человека. В процессе социализации человек осваивает сложившиеся культурные модели и социальные нормы через коммуникацию. Город представляет собой средоточие различных видов коммуникации, среди которых особое место занимают коммуникативные практики социокультурной направленности [6].

В настоящее время социокультурные явления, происходящие в современной России, ставят перед библиотеками общесистемные задачи, требующие активного включения в формирование единого информационного и культурного пространства своего региона, города; участия в инновационных процессах, связанных с обновлением коммуникативных практик [7].

В условиях активного процесса информатизации г. Красноярска, Государственная универсальная научная библиотека (ГУНБ) Красноярского края сегодня является крупнейшей коммуникативной структурой и определяет приоритеты своей деятельности, выделяя ведущие функции – информационно-образовательную и культурно-просветительскую.

Деятельность центральной библиотеки края направлена на функционирование всей библиотечной системы края в целом; с учетом задач системы осуществляется формирование наиболее полного репертуара документов, организация электронной доставки документов, активизация научно-методической работы.

К настоящему времени в научной литературе, посвященной вопросам образования, сформулирована концепция образовательного пространства как пространства, находящегося в системной связи с социальным и природным миром, в котором осуществляется трансляция культуры современному поколению. Техническая модернизация обеспечила укрепление информационной функции центральной библиотеки Красноярского края. Библиотека становится полноправным субъектом информационного пространства города и края: она собирает и хранит документированную информацию, участвует в формировании документального потока и проводит его аналитическую обработку, а значит, создает основу для многих современных информационных процессов.

Для удовлетворения информационных и образовательных потребностей своих пользователей библиотека делает доступной не только информацию, хранящуюся в ее фонде или на жестких дисках сервера, но и информационные ресурсы, принадлежащие другим субъектам информационного пространства, в том числе представленным в сети Интернет. Всего за год через доступ к сетевым удаленным ресурсам пользователям предоставлено более 2 млн. книг, периодических изданий, диссертаций, репродукций картин в электронном виде.

Кроме того, библиотека создает собственные электронные информационные ресурсы (базы данных, коллекции оцифрованных документов, веб-сайты), доступные за ее физическими стенами, а также предоставляет виртуальные услуги по поиску информации и необходимых знаний.

Основной тенденцией развития современной системы образования является включенность ГУНБ Красноярского края в единое информационно-образовательное пространство, интегрирующее их образовательные и информационные ресурсы, способствующее преодолению межведомственной разобщенности [2].

В рамках информационно-образовательного пространства основными пользователями библиотеки выступают преподаватели и учащиеся высших и средних учебных заведений, научные сотрудники, слушатели курсов и семинаров системы дополнительного образования, руководители учреждений и организаций, представители органов власти. Таким образом, библиотека стремится ориентироваться не только на различную тематику запросов, но и на различный уровень компетентности пользователей г. Красноярска.

Современная система образования предполагает увеличение доли самостоятельной работы учащихся профессионального образования. В библиотеке большой популярностью пользуются образовательные мероприятия из цикла «Информационная культура первокурсника»; более 100 человек ежегодно обучаются в «Школе пользователя». Участники проекта «Информационный всеобуч» знакомятся с ресурсами библиотеки и мобильными приложениями, учатся поиску информации в каталогах библиотек и сети Интернет. Библиотека организует обучение навыкам работы на компьютере и использованию возможностей информационных технологий социально слабых групп населения (пенсионеров, инвалидов и др.)

В библиотеке решены вопросы организации открытого доступа к информационным ресурсам, создания комфортных условий пребывания пользователей, организации свободных читательских зон, новых интерьеров, современного дизайна. Площади библиотеки позволяют комфортно разместить фонды в подразделениях библиотеки, предложить пользователям различные варианты читательских мест – от базового со стандартным набором современной техники до автоматизированного для исследовательской работы [3].

Повышение требований к постоянной переквалификации и обновлению потенциала знаний и умений, которые предъявляются к учащимся и специалистам различных специальностей, способствует повышению значимости библиотеки в информационно-образовательном пространстве города:

- обеспечивает возможность использования информационных ресурсов в условиях многопрофильного образовательного пространства;
- организует доступ к информационным ресурсам пользователям разного уровня профессиональной компетентности, различного образовательного и социального статуса;
- формирует информационную культуру пользователей: знакомит с информационно-библиографическими системами, осуществляет доступ к полнотекстовым ресурсам, удовлетворяет актуальные информационные потребности всех представителей образовательного пространства.

Использование сетевых компьютерных технологий потребовало от библиотеки новых условий по организации работы, трансформации форм информационного потребления, а также изменило способы библиотечной коммуникации. Библиотека активно расширяет сферу своего влияния в условиях виртуальной среды на сайте библиотеки, в блогах, социальных сетях, размещая информацию о фонде, продуктах и услугах, решая маркетинговые и рекламные задачи.

Современная библиотека развивает сетевое взаимодействие с пользователями, активизируя свои статусы навигатора в нарастающих потоках цифровых данных и наставника в процессах анализа и овладения разноформатным цифровым контентом. Внедрение компьютерных технологий в библиотеке способствовало появлению тематических сайтов, краеведческих порталов, краеведческих баз данных, где особое место занимают оцифрованные краеведческие издания.

ГУНБ Красноярского края стремится компенсировать разрыв в знаниях своих пользователей, постоянно подпитывает их информацией о новейших достижениях науки, техники, культуры. Именно поэтому уже сего-

дня универсальную научную библиотеку можно назвать главной базой непрерывного образования и самообразования в крае.

В современной библиотечной практике одним из эффективных механизмов формирования информационно-образовательного пространства становится проектная деятельность, которая сегодня является отличительной характеристикой деятельности современной библиотеки, ключевым фактором, определяющим успех и расширение библиотечной деятельности [4].

ГУНБ Красноярского края накопила значительный опыт проектной деятельности; в числе ее многочисленных проектов – проекты в помощь образовательному процессу, формированию информационной культуры среди учащейся молодежи.

Среди проектов, поддержанных Благотворительным фондом М. Прохорова в конкурсе «Новая роль библиотек в образовании» реализован инновационный проект «Виртуальная реальность экрана: постижение времени» (2018 г.). Основная цель этого проекта – формирование у пользователей экранной культуры в информационно-образовательном пространстве региональной библиотеки. Во взаимодействии с партнерами Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края организовала информационно-образовательный центр «Диалог с экраном», деятельность которого содействовала широкому доступу к аудиовизуальному образованию молодежи, проведению социокультурных акций в целях активной популяризации экранных искусств.

Проект «Культурный код поколений: площадка гражданского диалога» (2019 г.) способствовал созданию условий для диалога между представителями разных поколений, формированию у молодежи гражданской ответственности, уважения к старшим в процессе проведения совместных информационно-образовательных и социокультурных мероприятий [5].

Библиотека является носителем общечеловеческих духовных ценностей, сокровищницей культурных достижений народов Красноярского края. Именно эта деятельность возводит ее в ранг социокультурного института, символизирующего интеллектуальный и культурный ресурс города, края и страны в целом.

Центральная библиотека края по-новому реализует культурно-просветительскую функцию, предлагая своим пользователям и всем слоям населения города широкий арсенал средств, форм и методов приобретения знаний и навыков. Эта функция обеспечивает более полное удовлетворение разнообразных интересов, запросов и предпочтений людей разных возрастов и профессий. В работе библиотеки преобладают мероприятия деятельного, вербального уровня, т.е. имеющие определенное отношение к организации информации, – такие, как общение, трансляция знаний, справочная работа, книжные акции, конференции, круглые столы, встречи, компьютерное общение и т.д.

В процессах взаимодействия людей в социуме ощущается потребность в идеальной модели, которая бы задавала образцы духовного развития, основанного на принципах личностного становления и роста. Такой моделью является аксиосфера культуры, ее фундамент, состоящий из созданных человеком ценностей, которые влияют на его духовную жизнь, взгляды и интересы. Аксиосфера культуры позволяет сохранять стабильное развитие общества, определяет и педагогически развивает возможности человека в его культурном становлении и самореализации [1].

Библиотека является социальным институтом аксиосферы культуры, где формируются и транслируются мировые ценности культурной памяти, культурного наследия. Сохраняя и продвигая российские ценности, библиотека способствует положительному межкультурному диалогу, формированию культуры личности.

Осуществляя целенаправленный процесс приобщения человека к культурным ценностям, региональная библиотека открывают для личности неограниченные возможности: пользователи получают доступ к качественным информационным ресурсам, развиваются деловые и досуговые коммуникации в социокультурном пространстве библиотек. Создание коммуникационной площадки «Память» как нового городского формата, организованного на базе ГУНБ Красноярского края, дает импульс для развития творчества в сфере межпоколенческого диалога, для поиска современных тем сотрудничества молодежи и взрослых, для проведения творческой дискуссии, где главным героем происходящего творческого диалога становится его участник. Новые форматы мероприятий проекта создают атмосферу искренности, доверия и открытости. В библиотеке демонстрируются книжно-иллюстративные выставки из серии «Сокровища культуры и искусства России», проводятся экскурсии по достопримечательностям исторического центра Красноярска, организуются книжно-литературные акции «Красноярская книга для всех».

На базе библиотеки седьмой год успешно работает Красноярский краевой народный университет «Активное долголетие». Представители старшего поколения изучают историю культуры и искусства, историю края, знакомятся с методами и способами сохранения и укрепления здоровья, учат английский язык, знакомятся с основами мировых религиозных культур.

Мероприятия библиотеки способствуют сближению ценностных ориентаций молодежи и старшего поколения, знакомству с историко-культурным наследием России, края через обращение к книге.

Особое внимание в библиотеке уделяется продвижению чтения, созданию условий для развития различных образовательных и развивающих видов чтения. При поддержке Министерства культуры Красноярского края библиотека инициировала краевой фестиваль «Читающий край», организованный в партнерстве с писательскими организациями края.

Центр чтения Красноярского края, созданный на базе библиотеки, объединил специалистов учреждений культуры и образования, членов писательских организаций, литературных объединений города и края. В рамках деятельности Центра чтения проходят заседания литературных клубов и объединений. Ежемесячно проводятся презентации новых книг красноярских писателей, творческие и юбилейные встречи, ведётся активная работа по изданию новых выпусков литературных альманахов, антологий, коллективных и авторских сборников.

Примером ежегодного проведения значительного специального события в библиотеке является организация «Библионочи», своего рода фестиваля традиционных и новых форм социокультурной деятельности.

Таким образом, можно утверждать, что ГУНБ Красноярского края как городское пространство интеллектуального развития личности реализует следующие направления библиотечной деятельности:

- формирование активной коммуникационной среды;
- организованное системное обучение и самообразование;
- развитие творчества как компонент интеллектуального развития;
- повышение информационной компетентности.

ГУНБ КК стремится проводить в целях поддержания положительного имиджа яркие, социально значимые мероприятия, которые, привлекают внимание представителей средств массовой информации, общественности города, а значит, и потенциальных пользователей.

Список источников и литературы

1. Валицкая А.П. Аксиосфера: содержание понятия и его инструментальный статус // Аксиосфера современности: философско-эстетический анализ и нравственное обоснование социокультурных практик: коллективная монография. СПб.: Астерион, 2012. С. 5–14.

2. Жуковская Л.Н. Деятельность региональной библиотеки в условиях трансформации социальных функций // Библиотека в контексте Российской социокультурной истории: краеведческий аспект. Материалы Всерос. науч. конф. Уфа, 2016. С. 112–118.

3. Жуковская Л.Н. Использование информационно-просветительных технологий в организации досуговой деятельности современной библиотеки: креативный процесс // Труды ГПНТБ СО РАН. Новосибирск, 2017. С. 175–182.

4. Жуковская Л.Н. Проектная деятельность региональной библиотеки по формированию информационной культуры обучающейся молодежи: системный подход // Библиосфера. 2014. № 3. С. 11–14.

5. Жуковская Л.Н. Эффективность деятельности региональной библиотеки на основе проектно-ориентированного подхода // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. 2018. № 2. С. 148–151.

6. Трубина Е. Город в теории: опыт осмысления пространства. М.: НЛО. 2011. 519 с.

7. Цукерблат Д.М. Библиотека: сфера обслуживания или развития науки, образования и культуры // Библиосфера 2012. № 2. С. 99–102.

УДК 94(470.4):304

Деятельность национально-культурных центров в городе Уфа

Капитонова В.С., Бадретдинова С.А.
г. Стерлитамак

Аннотация. В статье на примере Уфы отражены основные направления и формы работы национально-культурных центров. Рассматривается вклад данных организаций в сохранение этнокультурной самобытности народов Башкортостана, совершенствование межнациональных отношений, а также достижение гражданского мира и согласия в регионе. Особое внимание уделяется деятельности Ассамблеи народов Республики Башкортостан, объединившей более 30 национально-культурных общественных организаций.

Ключевые слова: национально-культурные центры, национальная политика, межкультурное общение, полиэтничность, Ассамблея народов Республики Башкортостан.

Вопросы межнационального взаимодействия являются весьма актуальными для полиэтничного Башкортостана. Здесь по переписи населения за 2010 год наиболее многочисленными национальными группами являются русские (36,1 %), башкиры (29,5 %) и татары (25,4 %). Далее следуют чувашы (2,7 %), марийцы (2,6 %), украинцы (1,0 %) [8]. Всего в регионе представлено более ста этносов.

В политической и научной среде продолжается дискуссия по вопросу о пути достижения гармонизации отношений в обществе. Республика Башкортостан в этом вопросе выступает за сохранение многообразия, вместе с тем, придерживаясь единых целей развития многонационального общества.

В 1990-е годы вопросы сохранения культурного разнообразия, возрождения национального самосознания народов приобрели особую значимость и актуальность. Вместе с произошедшими политическими изменениями в Республике начали функционировать национально-культурные центры – объединения, представляющие интересы того или иного народа, проживающего на территории Башкортостана. Основными целями этих центров является сохранение гражданского мира, развитие взаимопонимания и согласия среди представителей различных национальностей [9, с. 156].

В эти непростые для региона годы активно проходят учредительные конференции Курултая башкир, Съезд татар, Собор русских, съезды чувашей, украинцев, конференции белорусов, удмуртов, мари, мордвы, немцев, евреев, поляков, кряшен. В 1994 году в Уфе одним из первых в России открывается Дом дружбы народов Республики Башкортостан [12, с. 104] как координирующий центр по работе республиканских национально-культурных общественных организаций. В 2000 году была создана Ассамблея народов Республики Башкортостан, которая на данный момент объединяет более 30 официально зарегистрированных национально-культурных общественных организаций. При участии широкой общественности ведется продуктивный диалог с органами власти, направленный на совершенствование межнациональных отношений, сохранение гражданского мира и согласия в регионе.

Значимыми событиями в жизни многонационального Башкортостана становятся проводимые Ассамблеей и при ее участии научно-практические конференции, круглые столы по вопросам межэтнических отношений, этнонациональные и общереспубликанские фестивали культур, праздники, посвященные памятным датам и событиям, выдающимся представителям тех или иных народов. Помимо этого проводятся различные мероприятия, направленные на пропаганду достижений Республики Башкортостан в сфере культуры, образования и науки.

Большое участие национально-культурные центры принимают в культурной жизни городов Республики. Столица Башкортостана неслучайно выбрана в качестве географического центра Ассамблеи. Одна из отличительных особенностей Уфы не только ее многонаселенность, но и богатая полиэтническая культура. Именно Уфа зачастую становится местом проведения многочисленных национальных праздников, культурных мероприятий, а также различных научно-практических конференций и съездов, как национальных, так и международных. Только за последние пять лет в несколько раз увеличилось количество мероприятий, проводимых в столице, это связано с эффективным развитием как культурной политики в регионе в целом, так и с активностью национально-культурных центров в Республике.

Одним из ярких мероприятий, например, проводимый в столице республики, стал фестиваль дружбы, проведенный в 2016 году. Организаторами его выступили Министерство культуры РБ, Дом дружбы народов Республики Башкортостан и Ассамблея народов Башкортостана. На фестивале участники исполнили русские, башкирские, татарские, чувашские, кыргызские, марийские, туркменские, армянские, узбекские, кулябские, кавказские песни и танцы [5].

Среди ежегодных праздников, в организации которых принимают участие национально-культурные центры, стоит назвать праздник весеннего равноденствия «Навруз». В 2019 году на площадке проведения мероприятия собрались представители не менее 10 этносов из национальных культурных центров Уфы, а также Башкирский историко-культурный центр «Саитбаба» Гафурийского района и татарский историко-культурный центр «Килимово» Буздякского района [1].

С 2016 года ежегодно в весенне-летние месяцы в Уфе стал проводиться праздник национального костюма. Данное мероприятие направлено на сохранение и развитие богатейшего культурного наследия и традиций народов, проживающих в Республике Башкортостан, формирование эстетического вкуса у современной молодежи на основе традиционной национальной культуры, пропаганды ценностей художественного творчества, поддержки мастеров декоративно-прикладного искусства и ремесел, производителей национальных костюмов и аксессуаров. Этот праздник проводится в рамках более масштабного мероприятия – «Heart of Eurasia» [3].

Ассамблея народов Республики Башкортостан оказывает поддержку и внимание не только крупным национальным группам населения, проживающим в Башкортостане, но малочисленным этногруппам региона. Совсем недавно – в сентябре 2019 года – в Уфе состоялся фестиваль национальных культур народов Азии «Мелодии и ритмы Азии», который был приурочен к 25-летию со дня образования Дома дружбы народов РБ. В качестве участников фестиваля были заявлены национально-культурные общественные организации, деятели культуры и искусства, самодеятельные художественные коллективы, студенты вузов и ссузов Башкортостана. Фестиваль собрал представителей многонационального народа РБ на одной сцене, что символизировало содружество, братство и взаимопонимание между народами. Зрителям увидели образцы музыкального и танцевального искусства башкирского, татарского, казахского, туркменского, кыргызского, узбекского, таджикского и других народов [11].

В этом же месяце в третий раз состоялся фестиваль национальных культур народов Кавказа. Гостям фестиваля были представлены зрелищные образцы музыкального и танцевального искусства азербайджанского, дагестанского, грузинского, армянского, азербайджанского, чеченского и других народов. Организаторами данного фестиваля выступили Министерство культуры Республики Башкортостан, Дом дружбы народов Рес-

публики Башкортостан, Ассамблея народов Республики Башкортостан совместно с администрациями Советского района г. Уфы и Парка культуры имени Ивана Якутова [2].

Еще одним ярким событием в культурной жизни Уфы 2019 года стал отборочный тур Республиканского конкурса этнической красоты и таланта «Miss International Ufa – 2019». В этом году творческое состязание приурочено к 25-летию Дома дружбы народов Республики Башкортостан. По итогам кастинга финалистками проекта были признаны 12 девушек, которые представляют культуру 12-ти народов мира [7].

Ассамблея народов Республики Башкортостан активно принимает участие в качестве организаторов и во всероссийских проектах. Так в мае 2018 года прошли праздничные мероприятия, приуроченные ко Дню славянской письменности и культуры [10].

Деятельность национально-культурных центров направлена и актуальную для общества проблему терроризма, так Уфа выступает площадкой для антитеррористических акций. В сентябре 2017 года в Уфе состоялся флешмоб «Мы против терроризма». Во флешмобе приняли участие руководители национально-культурных центров республики, представители Дома дружбы народов РБ, студенты Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, Башкирского государственного медицинского университета, Уфимского государственного авиационного технического университета, Уфимского государственного института искусств им. З.Исмагилова [6].

В 2018 году в Уфе состоялся круглый стол на тему «Экстремизм и терроризм в современном обществе: условия возникновения и формы противодействия». На данном мероприятии представители научно-экспертного сообщества, общественных и религиозных организаций обсудили факторы, способствующие возникновению и распространению экстремизма и терроризма, методы и способы борьбы с ними в современном обществе. По окончании круглого стола его участники приняли участие в акции «Молодежь против террора» [4].

В рамках своей деятельности за последние годы в столице Башкортостана национально-культурные центры не только оказывают положительное влияние на сохранение и укрепление межнационального согласия и духовного единства, но и способствуют предупреждению и разрешению конфликтных ситуаций в сфере межнациональных отношений.

Грамотная национальная политика, проводимая в Уфе и в Республике Башкортостан в целом, содействует формированию мировоззрения, воспитания чувства патриотизма у населения, способствует укреплению дружбы и согласия между народами, благополучию в обществе, сохранению исторически сложившегося государственного единства.

Список источников и литературы

1. Аралбаева Л.В. Уфе праздник весеннего равноденствия «Навруз» будет отмечаться на новой площадке // ИА «Башинформ». 2019. 18 марта [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bashinform.ru/>
2. Аралбаева Л.В. Уфе состоится Фестиваль национальных культур народов Кавказа // ИА «Башинформ». 2019. 17 сентября. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bashinform.ru/>
3. В Уфе к Празднику национального костюма присоединилось более трех тысяч человек // ИА «Башинформ». 2019. 12 июня [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bashinform.ru/>
4. В Уфе прошёл круглый стол на тему «Экстремизм и терроризм в современном обществе: условия возникновения и формы противодействия» // Культурный мир Башкортостана. 2019. 3 сентября. [Электронный ресурс]. URL: <https://kulturarb.ru/>
5. В Уфе состоялся фестиваль дружбы // Культурный мир Башкортостана. 12 декабря 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://kulturarb.ru/ru/news/v-ufe-sostoyalsya-festival-druzhby>
6. В Уфе состоялся флешмоб «Мы против терроризма» // Культурный мир Башкортостана. 2017. 5 сентября. [Электронный ресурс]. URL: <https://kulturarb.ru/>
7. В финале «Miss International Ufa – 2019» будет представлена культура 12-ти народов мира // Культурный мир Башкортостана. 2019. 21 октября. [Электронный ресурс]. URL: <https://kulturarb.ru/>
8. Итоги всероссийской переписи населения 2010 года // ВПН-2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/>
9. Иштуганова Г.С. Национально-культурные объединения Республики Башкортостан как механизм укрепления дружбы народов // Вестник ВЭГУ. 2012. № 4 (60). С. 156–158.
10. Уфа примет участие во Всероссийской акции, посвященной Дню славянской письменности и культуры // Культурный мир Башкортостана. 2018. 23 мая. [Электронный ресурс]. URL: <https://kulturarb.ru/>
11. Фестиваль «Мелодии и ритмы Азии» в Уфе расскажет о национальных культурах региона // Новости Уфы и Башкирии. 2019. 9 сентября. [Электронный ресурс]. URL: <https://mkset.ru/>
12. Хабибуллина А.Р. Историко-культурные центры Республики Башкортостан: история создания и правовое положение // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 41 (179). История. Вып. 38. С. 104–109.

**Уфа – центр формирования научного потенциала Башкирской АССР
(1930-е годы)**Каримов К.К., Преснякова А.К.
г. Уфа

Аннотация. В статье прослеживается процесс создания сети научно-исследовательских институтов в Башкирской АССР. Созданный постановлением СНК БАССР 27 марта 1930 г. Башкирский комплексный научно-исследовательский институт стал базой формирования сети профильных научно-исследовательских институтов естественно-научного и социально-гуманитарного направлений. Дается краткое описание деятельности, размещенных в г. Уфе научно-исследовательских институтов промышленности, социалистической реконструкции сельского хозяйства, почвенно-ботанического бюро, национальной культуры, педологии и марксистской педагогики, здравоохранения и гигиены, их кадровое обеспечение.

Ключевые слова: научно-исследовательский институт, научные кадры, задачи, место, значение науки.

В конце 20-х-начале 30-х гг. изучением природных ресурсов и производительных сил Башкирской АССР занимались экспедиции институтов Академии наук СССР, Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина (ВАСХНИЛ), Московской сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева, Государственного исследовательского нефтяного института (ГИНИ), ученые крупных университетов и других научных учреждений страны.

Исследования академических и других центральных научных учреждений внесли большой вклад в создание научной базы Башкортостана. Они сыграли решающую роль в мобилизации природных ресурсов республики на нужды народного хозяйства. В республике была создана первоначальная база, для создания стационарных научных учреждений и вузов.

Столица республики – город Уфа, имевшая довольно благоприятную и социально-культурную инфраструктуру, стала местом создания сети научно-исследовательских институтов по широкому кругу естественно-научного и социально-гуманитарного профилей. 27 марта 1930 г. Совет Народных Комиссаров Башкирской АССР. «Положение о Башкирском научно-исследовательском институте [1, л. 28 об.]. Он определился как комплексное научно-исследовательское учреждение, призванное продолжить исследования, начатые экспедициями центральных научно – исследовательских учреждений, исходя из конкретных нужд развития промышленности, сельского хозяйства, культуры и образования. Институт состоял из отделов: социально-культурного, сельского хозяйства, лесотехнического, промышленного, естественно-исторического, медицинского, работавших под научным и методическим руководством Академии наук СССР и других центральных научных учреждений страны [2, л. 167]. Из числа местных специалистов, участвовавших в работе академических исследований по изучению природных ресурсов и культуры региона, был укомплектован штат научных сотрудников института. В 1930 г. В нем работало 12 научных сотрудников [3, л. 46].

Башкирский научно-исследовательский институт занимался исследованиями прикладного характера в области промышленности, сельского хозяйства, здравоохранения и культуры жизни, давал научные консультации и заключения. Была начата подготовка научных кадров из числа специалистов промышленности и сельского хозяйства. В его распоряжении находилась научная библиотека и Башкирский (республиканский) краеведческий музей. Институт руководил краеведческими организациями, пропагандировал научные знания. Он являлся не только центральным научно-исследовательским учреждением Башкирской АССР, но и призван был быть руководящим и координирующим органом развития науки в республике.

В своей работе институт стремился учитывать запросы народного хозяйства республики. Однако малочисленность коллектива научных работников, недостаточный опыт ведения исследований, слабая материальная база, не позволили тогда в полной мере расширить вставшие задачи. Будучи комплексным учреждением, институт столкнулся с трудностями решения разнообразных вопросов отдельных отраслей производства и культуры.

Учитывая создавшееся положение, секретариат Башкирского обкома ВКП(б), 3 ноября 1931 года, принял постановление о реорганизации комплексного научно-исследовательского института. На базе его отделов создавались самостоятельные отраслевые научно-исследовательские институты: Промышленности, Социалистической реконструкции сельского хозяйства, Национальной культуры, Педологии и марксистской педагогики, здравоохранения и гигиены [4, л. 34].

Из вновь созданных научных учреждений разветвленную опытную сеть имел Башкирский научно-исследовательский институт социалистической реконструкции сельского хозяйства. В различных почвенно-климатологических зонах Башкирии функционировало 8 зональных станций, 17 опорных пунктов, 11 сортоучастков. Среди них были такие специализированные учреждения, как овощная, плодово-ягодная станции,

селекционная станция по картофелю, станция по новым культурам (соя, клеверина, кукуруза и др.), станция по шелководству, коневодству и пчеловодству и др. [5, л. 1–2, 180]. В 1931 году на базе Башкирской станции защиты растений был создан опорный пункт Всесоюзного института защиты растений. В 1932 г. в Уфе было создано Почвенно-ботаническое бюро Башнаркомзема. Многие его сотрудники были из числа специалистов, ранее участвовавших в академической экспедиции АН СССР. В их числе А.М. Порубиновский (руководитель Почвенно – ботанического бюро), известные геоботаники Башкирии А.Э. Линд, А.А. Чердынцев, А.К. Носков и другие [6, л. 35]. Почвенно-ботаническое бюро вошло в состав института социалистической реконструкции сельского хозяйства на правах отдела. По заявке колхозов и совхозов оно вело исследования по оценке плодородия почв и растительных ресурсов, составлением почвенных и почвенно-ботанических карт.

Институт входил в сеть национальных учреждений ВАСХНИЛ и работал под его научным и методическим руководством. Он занимался изучением вопросов экономики и организации сельскохозяйственного производства в условиях коллективизации. Большое внимание уделялось разработке и внедрению научных рекомендаций в колхозное и совхозное производство. Уже в 1934 г. в институте работало 204 научных и научно-технических работника [7, л. 13].

Возникший на базе промышленного отдела комплексного института, Башкирский НИИ промышленности имел пять секторов: энергетический, строительных материалов, горно-металлургический, промышленно-экономических изысканий и химико-аналитический (преобразованный в последствии в химическую лабораторию) [8, лл. 75, 167–170].

Институт сразу же включился в работу по составлению технико-экономической документации строящихся промышленных предприятий, исследованию свойств бурых углей, торфа, горючих сланцев, технологии переработки башкирской нефти, освоению гидроэнергетических и водных ресурсов республики.

Развитие нефтяной промышленности в республике предопределило создание в 1935 г. Центральной научно-исследовательской лаборатории (ЦНИЛ) треста «Башнефть». В 1940 г. в ней работало 111 человек, в том числе 64 научных сотрудников [9, л. 16]. В том же году в Башкирском научно-исследовательском институте промышленности работали 82 научных и инженерно-технических сотрудника [2, л. 168].

В 1931 г. на базе медицинского отдела комплексного НИИ был организован Башкирский научно-исследовательский институт здравоохранения и гигиены. В качестве филиалов в него входили научно-производственные и лечебно-профилактические институты: бактериологический (основан в 1908 г.), туберкулезный (1930 г.), трахоматозный (1926 г.), кожно-венерологический (1930 г.), физиотерапевтический (1924 г.). Институт здравоохранения и гигиены занимался изучением организации здравоохранения, гигиены труда и быта рабочих промышленных предприятий, нефтяных промыслов, колхозников, путей ликвидации наиболее распространенных в республике заболеваний, а также вводил новые диагностические, терапевтические и профилактические методы по разным видам медицинской помощи [10, с. 228].

В функцию института входило создание медицинской литературы для среднего медицинского персонала, пособий по подготовке ясельных работников, разработке медицинских терминов на башкирском языке. В 1931–1932 гг. было издано на башкирском языке 28 названий медицинской литературе [11, с. 34]. Помощь института способствовала улучшению работы учреждений здравоохранения и профессиональному росту его работников.

Культурное строительство поставило на повестку дня безотлагательное решение ряда проблем теоретического и практического характера: разработку научных основ языкового развития и письменности башкир, собиранию фольклорного наследия, исследование вопросов художественного творчества в литературе и искусстве, изучение исторического прошлого Башкирии и других проблем духовной культуры народов региона. В связи с этим возникла потребность в создании научных организаций, занимающихся вопросами культурной подготовки научных кадров для них.

Таким учреждением явился созданный в январе 1932 г. на базе социально-культурного отдела комплексного НИИ – Башкирский научно-исследовательский институт национальной культуры. С созданием этого института вся научно-исследовательская работа гуманитарного профиля в республике стала сосредотачиваться вокруг него. В составе института были организованы сектора языка и литературы, истории и экономики, на правах самостоятельного сектора действовал словарно-терминологический центр. Позднее возникли секторы национальных меньшинств и музыкальный с музыкально-творческой бригадой [10, с. 229]. По существу институт являлся правопреемником Академцетра Наркомпроса республики, его научных, научно-методических комиссий, проводивших научные и научно-методические изыскания на более высоком, профессиональном уровне.

К работе в институте привлекались известные исследователи и методисты, имевшие опыт научной работы, сотрудничавшие с Академцентром Башнаркомпроса: языковеды Т.Г. Баишев, Г.Я. Давлешин, Н.К. Тишин, З.Ш. Шакиров; лературоведы и фольклористы А.И. Чанышев, Ш.Ш. Шахретдинов, Яков Ухсай; музыковеды и композиторы Г.С. Альмухаметов, А.С. Ключарев, С.Х. Габяши, С.И. Салтыков, историки К.Г. Гирфанов, Б.М. Мансуров, сосланный в Уфу по так называемому «делу историков» академик М.К. Любавский и другие. Директором института в начале являлся М.А. Солянов, а с апреля 1933 г. институт возглавил известный башкирский поэт и ученый-филолог Г.С. Амантаев, ученым секретарем работал А.И. Чанышев [12, с. 9].

Созданный в январе 1932 г. на базе кабинета педологии Башкирского государственного педагогического института и социально-культурной секции комплексного НИИ Башкирский научно-исследовательский институт педологии и марксистской педагогики являлся научно-методической базой Наркомпроса республики. В качестве научно-экспериментальной базы для института служили образцовые школы и детские сады г. Уфы. Исследовательскую работу в институте вели 13 научных сотрудников [13, л. 13].

Таким образом, в начале 1930-х годов в республике сложилась государственная сеть научно-исследовательских учреждений, ведущая исследования по широкому диапазону естественных и гуманитарных наук. В 1932 г. в столице Башкирской АССР-городе Уфа функционировало 5 научно-исследовательских, 7 научно-производственных и лечебно-профилактических институтов, частично за пределами города 66 опытных станций, лабораторий и опорных пунктов [10, с. 190].

Столица Башкирской АССР – г. Уфа стала местом формирования научного потенциала, игравшего важную роль в экономическом, социально-культурном развитии республики и роста интеллектуального уровня его жителей.

Список источников и литературы

1. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 804. Оп. 2. Д. 2402.
2. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 122. Оп. 20. Д. 451.
3. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 933. Оп. 1. Д. 945.
4. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 122. Оп. 10. Д. 17.
5. Центральный государственный архив РФ. Ф. 310. Оп. 2. Д. 24.
6. Научный архив РАН. Ф.177. Оп. 4. Д. 34.
7. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 122. Оп. 14. Д. 64.
8. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 122. Оп. 20. Д. 451.
9. Российский государственный архив экономики Ф. 8627. Оп. 11. Д. 449.
10. Каримов К.К. Развитие науки в Башкортостане: вторая половина XVIII – первая половина XX в. М.: Наука, 2008. 528 с.
11. Здравоохранение к 15-летию Башкирской АССР: Юбилейный сборник. Уфа, 1934. 124с.
12. В научном поиске: К 50-летию Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР. Уфа, 1982. 160 с.
13. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 798. Оп. 1. Д. 3094.

УДК 9 (908)

Город Павлодар как центр краеведческой работы Павлодарского Прииртышья в 1930-х начале 1940-х годов

Кожокар В.А.
г. Барнаул

Аннотация. Краеведческие общественные организации проявили себя как многогранные, сотрудничающие с государством структуры общества, участвующие в формировании культурного содержания жизни рабочих масс, интеллигенции и учащихся в предвоенное время в городах Казахской ССР. В статье поднимается вопрос о недостатках и целях работы общества по организации краеведческой деятельности в городе. Общество стало инициатором создания музеев, выставок направленных на развитие культурной части городской среды. В статье приводится десятилетняя история развития и влияния Общества изучения Казахстана на г. Павлодар. Затрагиваются темы роли личности в формировании образовательной городской среды.

Ключевые слова: краеведение, общественные организации, Казахстан, Прииртышье, музей.

В первые годы Советской власти основными задачами научного краеведения было обеспечение систематического изучения природных условий и ресурсов, необходимых для хозяйственного развития молодой Советской республики и осуществление мер по охране памятников истории и культуры. По всей стране начали действовать общественные организации совместно с государственными научно-исследовательскими институтами и музеями. Они проводили большую и многообразную работу по сбору полезных растений, и месторождений полезных ископаемых, собирали сведения о природных ресурсах, организовывали охрану памятников истории и культуры, изучали культуру и быт, народное творчество и хозяйственную деятельность населения того края, в котором проживал и действовал актив местной организации. В том числе оказывалась помощь местным органам в составлении планов развития народного хозяйства. [1, с. 4].

Созданное в 1920-х годах общество изучения Киргизского края, переименовует в 1925 году в Общество изучения Казахстана [2, с. 1]. Наиболее пристальное внимание историков, географов, естественников и энтузиастов-краеведов в то время привлекла революционная и национально-освободительная борьба казахского народа, а для развития промышленности нужны были полезные ископаемые. Потому создавались филиалы Общества в различных областях и города республики. Такие научные общества вовлекали в краеведческую работу рабочих, крестьян, интеллигенцию и учащихся [3, с. 1].

К моменту проведения первого Всеказахстанского научно-краеведческого съезда в 1930 году, давшего старт организации научных исследований этнографии, истории и недр в республике, краеведы были существующей организацией с центром в г. Алма-Ате и филиалами в гг. Петропавловске, Семипалатинске, Уральске и др. При КазЦИКе действовал штаб республиканского геологпохода, в распоряжение которого выделялось финансирование на производство геологоразведочных работ силами общественных организаций [4].

Общественники Прииртышья 1930-х годов встречали поддержку местных исполнительных органов в деле организации работ по изучению края, участникам, Чидертинско-Улентинской краеведческой экспедиции, в их числе и Дмитрию Поликарповичу Багаеву, выдавались удостоверения, в которых все советские органы и общественные организации призываются оказывать повсеместное содействие в предпринимаемых ими работах. Через год, в сентябре 1931 года, отправляется ещё одна экспедиция с участием Д.П. Багаева с целью сбора экспонатов казахского быта и обихода в Баянаульском районе, для организации «небольшого краеведческого музея» в городе Павлодаре. Музей должен был служить демонстрационной площадкой о традициях и быте жителей всех районов Павлодарской области, которые обучаются или проживают в областном центре. Планы по открытию краеведческого музея приурочивали к 11 годовщине Советского Казахстана. [5, с. 135-136]. Собранные выставочные материалы и фотографии сделанные Д.П. Багаевым, решением Павлодарских городской и районной комиссии по проведению 15-летнего юбилея Октябрьской революции в г. Павлодаре, необходимо было оформить в виде диорам и экспонатов, которые будут экспонироваться в ходе праздничных мероприятий. Багаева Д.П. привлекают к работе комиссии [6].

В 1936 году было образовано Павлодарское отделение «Общества изучения Казахстана». Каждому члену этого общества было дано задание отдельное задание по сбору краеведческих материалов для составления истории бывшего Павлодарского уезда и города Павлодара [7]. Одним из первых обладателей удостоверения квалифицированного любителя-краеведа выданного Обществом изучения Казахстана стал Д.П. Багаев, как человек «давно работающий в этой области» – будущий первый директор павлодарского историко-краеведческого музея. Согласно удостоверения, он «давно работает в этой области и имеет много ценных тематических серий фотоснимков из производственно-хозяйственной, культурной, бытовой жизни Казахстана и его природы». Является автором более 2000 тысяч снимков имеющих большую историческую ценность, в виду невозможности повторения запечатленных исторических и бытовых событий. Так же в удостоверении рекомендуется составить ценную выставку или каталог из имеющихся у краеведа снимков [8, с. 138-139].

17 мая 1938 года в Павлодарской области, на базе города Павлодара, было организовано областное оргбюро общества изучения Казахстана в составе 5 человек. Они представляли основные направления развития общества: заведующий ОблОНО, ст. агроном ОблЗУ, отд. школ Обкома, представитель «Майкаинзолото», председатель Облплана. Постановлением оргкомитета КазЦИК по Павлодарской области об организации областного оргбюро общества изучения Казахстана было предложено: «развернуть работу по организации низовых ячеек Общества изучения Казахстана во всех крупных предприятиях, каждом совхозе и учебных заведениях с добровольным охватом членства из рабочих, колхозников, учащихся и т.д., широкого разъясняя огромное политическо-экономическое значение изучения Казахстана». Оргбюро Общества изучения Казахстана должно было организовать три секции определяющие направления работы: промышленно-геологическую, сельскохозяйственную, историческую. Для работы в секциях следовало привлекать представителей и специалистов соответствующих профильных организаций. Просить СНК КССР и Республиканское Общество включить Павлодарскую область в план геолопохода 1938 год и выделить географический том области отдельно. Предложить оргбюро Общества изучения Казахстана приступить к организации облмузея в Павлодаре, поручить горсовету подыскать помещение [9].

За год своей работы, областное оргбюро не смогло в полной мере выполнить возложенные на него задачи. На слабую работу на местах, реагировало руководство республики, в Постановлении Оргкомитета Президиума Верховного Совета Казахской ССР по Павлодарской области № 98 «О состоянии работы Облоргбюро Общества изучения Казахстана» отмечается: состав облоргбюро и секций до сих пор не укомплектованы. В области организовано 22 ячейки с охватом членов общества в 223 человека. Невыполняются те обязательства по осуществлению мероприятий, которые оно взяло на себя в 1938 году. Отсутствует достоверная информация о состоянии дел в районах, слабо привлекается общественность к краеведческой деятельности [10].

Результаты постановления были разобраны на заседании Павлодарского областного отделения ОИК через месяц, 21 марта 1939 года. На нём констатировались представленные недостатки и пояснялась причина того или иного упущения в работе. Отвечая на замечания, заместитель председателя Баймагамбетов утверждал: отсутствие помощи на местах, через выезд работников практически невозможен в виду того, что в аппарате оргбюро служит всего одна штатная единица. Многочисленные низовые ячейки были организованы, но

обратной связи у них нет, ими никто не руководит. Радикальное решение кадровой проблемы предлагает Д.П. Багаев – «Мы не имеем опытного краеведа-специалиста. До сих пор пока мы не будем иметь опытного краеведа, работы у нас не будет. ... Я считал бы необходимым поехать в Омск и переговорить, уговорить. Во что бы то ни стало нужно найти специалиста» [11, с. 144-145]. Тезис Д.П. Багаева подтверждается и в печати, в материалах «К созыву 5 конференции краеведов» говорится: «Нет главного: нет живых инициативных людей, владеющих техникой этого дела, могущих поднять интерес к краеведению в широчайших массах трудящихся, увлечь их перспективами исследовательской работы на основе всестороннего изучения и познания страны» [12, с. 78].

В мае 1939 года отмечается отсутствие работы областного отделения Общества изучения Казахстана. Оргбюро общества не развернуло действенной краеведческой работы, не мобилизовало внимание краеведов из числа рабочих колхозников, интеллигенции, учащихся на изучение области, её полезных ископаемых, истории революционного движения, развития культуры, сбор ценных археологических находок. «Райисполкомы самоустранились от руководства краеведческой работой в районе. До сих пор не подобран учёный секретарь облоргбюро» – указывается в постановлении Оргкомитета Президиума Верховного Совета КазССР по Павлодарской области. На основании вышеизложенного и для организационного оформления работы Общества, орган выносит постановление о созыве областной конференции Общества в городе Павлодаре, с обеспечением явки двух делегатов от каждого района области и трёх человек от города Павлодара [13].

Про финансовую часть дел областного отделения Общества изучения Казахстана красноречиво говорит Д.П. Багаев: «За шесть лет работы в Обществе фотография дала до 200 000 рублей прибыли, а Павлодару – ни копейки, так как Общество все наши деньги забирало себе и, сняв в 1941 году последние 76 000, – ликвидировалось» [14]. В то же время он же утверждает, что «уже 22 мая 1938 года Оргкомитет ЦИК Казахской ССР по Павлодарской области отчислил на научно-исследовательскую работу 50 000 рублей» от доходов фотографии [15, с. 93].

С момента образования Павлодарской области в 1938 году шла активная работа по включению населения в краеведческую деятельность. Республиканские и областные органы власти ежегодно требовали наладить как можно шире данный вид деятельности, проводились конференции, заседания, выступления в газетах и радио, ни смотря на все усилия, работа шла медленно. В 1940 году, на заседании Павлодарского областного совета заслушивали сообщение о работе Павлодарского отделения общества изучения Казахстана. Научный секретарь отделения Общества И. Маслов выступил с докладом, на основании которого Исполкомом Облсовета был сделан вывод о несостоятельности прежнего состава оргбюро в деле развёртывания и оживления краеведческой работы в области. Основным недостатком называется слабое изучение опыта передовиков сельского хозяйства и животноводства, недостаточная работа по сбору материалов и изучения истории и богатства края. Решением № 462 Облсовета обязывает Облбюро в ближайшие 1-2 года превратить Общество по изучению Казахстана в подлинно-научную организацию по изучению Казахстана при Исполкоме Облсовета депутатов трудящихся. Предложить бюро обратить особое внимание на изучение и сбор исторических материалов нашей области, народный фольклор, орнамент, культуру, а так же выявление и поиски полезных ископаемых, изыскание местного топлива, стройматериалов, изучение растительного покрова, и кормовых ресурсов области. Организовать широкое вовлечение в члены общества из числа любителей краеведов, организовать так же ячейки общества на предприятиях, учреждениях и школах, где это возможно. В 1941 году организовать в городе Павлодаре краеведческий областной музей, для чего предложить горсовету подыскать и передать соответствующее помещение [16].

Важным документом, отражающим реальную деятельность областного оргбюро Общества, можно считать план работы Павлодарского областного отделения Общества изучения Казахстана на 1941 год. В нём расписываются конкретные шаги, направленные на развёртывание большой краеведческой работы. Предлагалось организовать большое вовлечение в члены-корреспонденты Общества из числа местных любителей-краеведов, для сбора материалов по истории, фольклору, литературе, революционному движению, археологии, сельскому хозяйству и полезным ископаемым. Планировалось отправить исследователей в архивы гг. Тобольска и Омска для поиска документов по истории города. Важным решением было организовать в шести школах г. Павлодара краеведческие и географические кружки, с участниками этих кружков провести 3 экскурсии по сбору образцов дикорастущих растений и составить на них гербарий [17].

Более чем два десятилетия просуществовало Общество изучения Казахстана, за отведённое время оно смогло добиться относительно больших результатов на ниве исследования и накопления знаний о территории, городах и населении республики. С его помощью были созданы филиалы, как в городах, так и в районах всей страны. Оно смогло активизировать краеведческую работу на местах, что способствовало будущему, послевоенному буму краеведения в школах, на предприятиях, колхозах. При анализе представленной документации из местных архивов, нам видятся обстоятельства сложности в работе общества. Здесь стоит учитывать несколько факторов влияния, первый: тяжёлая экономическая и социальная ситуация в стране на 1930–1940-е года. У местных исполнительных органов было слишком много работы помимо данного направления: ликвидация безграмотности, борьба с черными бандами, продовольственная проблема. Исполкомам областей и городов было просто некогда заниматься подобной деятельностью, так как она не была связана с жизненно

важными для страны вещами. В то же время, часто отсутствовала оплачиваемая штатная единица по краеведческой работе, даже должности секретарей бюро и то совмещались с государственными. В будущем, когда быт и обеспечение людей наладится – в краеведческом движении произойдёт качественный сдвиг в лучшую сторону, и дело станет совсем на другие, более широкие рельсы. Будут открыты многочисленные музеи в большинстве городов Прииртышья, начало которых было положено именно в 1930-1940-х годах.

Список источников и литературы

1. Даринский А.В., Кривоносова Л.Н., Круглова В.А., Луканенкова В.К. Краеведение: Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1987.
2. Государственный архив Павлодарской области (ГАПО). Ф. 535.0.1. Д. 252. с. 16. Л. 1.
3. Там же.
4. Чиликов Е.В. Краеведение Казахстана: к истории изучения. [Электронный ресурс]. URL: <https://e-history.kz/ru/publications/view/373>.
5. Болтина В.Д., Покидаева Т.Е., Шевелёва Л.В. Дмитрий Багаев: летописец Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2017.
6. Государственный архив Павлодарской области (ГАПО). Ф. 17. О. 1. Д. 26. Л. 12.
7. Государственный архив Павлодарской области (ГАПО). Ф. 535.0.1. Д. 252. Л. 1.
8. Болтина В.Д., Покидаева Т.Е., Шевелёва Л.В. Дмитрий Багаев: летописец Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2017.
9. Государственный архив Павлодарской области (ГАПО). Ф. 646. О. 1. Д. 13. Л. 319.
10. Государственный архив Павлодарской области (ГАПО). Ф. 646. О. 1. Д. 38. Л. 64–65.
11. Болтина В.Д., Покидаева Т.Е., Шевелёва Л.В. Дмитрий Багаев: летописец Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2017.
12. Козлов В.Ф. «Огосударствленное» краеведение. История и уроки (по страницам журнала «Советское краеведение». 1930-1936). Вестник РГГУ. 2013. № 9.
13. Государственный архив Павлодарской области (ГАПО). Ф. 646. О. 1. Д. 25. Л. 58–59.
14. Государственный архив Павлодарской области (ГАПО). Ф. 3-п. О. 5. Д. 701. Л. 11.
15. В.Д. Болтина, Т.Е. Покидаева, Л.В. Шевелёва. Дмитрий Багаев: летописец Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2017.
16. Государственный архив Павлодарской области (ГАПО). Ф. 646. О. 1. Д. 119. Л. 133–134.
17. Государственный архив Павлодарской области (ГАПО). Ф. 646. О. 1. Д. 115. Л. 235.

УДК: 372.893

Преподавание региональной истории как способ популяризации школьного исторического образования среди учащихся (на примере школьного элективного курса «История Чистополя»)

Колпакова Е.В.
г. Елабуга

Аннотация. В статье охарактеризован опыт работы авторов статьи над повышением интереса учащихся к предмету История, с помощью введения в школьную программу региональной истории. В России существует огромное количество малых городов с богатым историческим прошлым. В Республике Татарстан одним из таких является город Чистополь, образованный Екатериной II в 1781 году. Исторический статус города не мог быть проигнорирован, поэтому в чистопольских школах был введен элективный курс «История Чистополя». Для данной дисциплины отводится один час в течение одного учебного года, каждая школа самостоятельно выбирает, в каком классе она будет преподаваться. Для удобства учителей и учащихся местными историками было разработано учебное пособие «История Чистополя» для 7–9 классов, в котором выделяются темы от периода образования города Джукетау до современного Чистополя. В статье отмечается, что для достижения успешных результатов в рамках данного элективного курса необходимо использовать на уроках исторические источники, которые должны быть тщательно отобраны учителем, соответствовать возрастным и образовательным критериям. На основе школьного элективного курса «История Чистополя», авторами был разработан исследовательский проект для 7-х классов под названием «Скарятинский сад: прошлое и настоящее», основной целью которого является знакомство с историей сада и его значение в истории города. В рамках данного проекта школьники помимо получения предметных знаний развивают в себе такие навыки, как умения работа с историческими источниками, поиск и анализ информации, организация учебной деятельности и взаимодействия с окружающими.

Ключевые слова: региональная история, школьный предмет История, город Чистополь, элективный курс, исторический источник.

В современной российской образовательной системе активно обсуждается вопрос о роли и значении регионального компонента в преподавании и изучении школьного предмета История. Необходимо отметить, что на законодательном уровне отсутствуют четкие руководства, направленные на определение места и роли региональной истории в образовательном процессе. Например, в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» [6], принятом 29 декабря 2012 года, понятие «региональная история» отсутствует. В Федеральном государственном образовательном стандарте [5] также невозможно найти четкого руководства о преподавании местной истории. При этом единственным нормативным актом, который определяет четкие границы региональной истории в школьной программе, является Историко-культурный стандарт [2]. В документе утверждается, что историю страны необходимо изучать через историю регионов. Поэтому актуальность данной статьи не вызывает сомнений. Введение регионального компонента в школьную программу поможет популяризировать предмет «История» среди обучающихся, повысит уровень и качество школьных исторических знаний, так как школьник при изучении истории родного города будет чувствовать близость исторического процесса к его семье и к нему самому, таким образом, его интерес к данному предмету возрастет.

Цель статьи: определить, как с помощью введения курса региональной истории в школе повысить интерес к предмету «История» среди учащихся с опорой на школьный элективный курс «История Чистополя».

Город Чистополь был образован в 1781 году, когда указом Екатерины II село Чистое Поле получило статус уездного города Чистополя. В дальнейшем город стал вторым по значению в Казанской губернии [1, с. 4]. Современный Чистополь расположен в Западном Закамье, на левом берегу реки Камы. Город является малым, то есть это такой тип городских поселений, представляющие собой исторически сложившиеся, устойчивые территориальные образования, составляющие каркас структуры страны и основу жизнеспособности и целостности государства [3]. На сегодняшний день, большинство малых городов приобрели статус «исторический», такие города неразрывно связаны с Отечественной историей, а также являются ее отражением. В Республике Татарстан подобных городов множество. Самые яркие из них: Елабуга, Болгар, Чистополь. Данный факт не может быть проигнорирован, поэтому большинство школ в таких городах вводит элективный курс местной истории. Элективные курсы – новый элемент учебного плана, дополняющие содержание профиля, что позволяет удовлетворять разнообразные познавательные интересы школьников [4, с. 13].

Так, в городе Чистополь в Государственном бюджетном образовательном учреждении «Чистопольская кадетская школа-интернат имени героя Советского Союза С.Е. Кузмина» в 7 классе был введен элективный курс «История Чистополя». Для повышения эффективности и качества данного курса, учителя истории города разработали одноименное учебное пособие для 7-9 классов [1], включающее в себя историю города в разные исторические периоды в российской истории и в истории Татарстана. Например, выделяются такие темы, как образование Волжской Болгарии, выделяя город Чистополь как приемника города Джукетау [1, с. 20], образование уездного города Чистополь [1, с. 38], город в годы революции [1, с. 95] и гражданской войны [1, с. 99], чистопольский тыл в период Великой Отечественной войны [1, с. 125]. Тем самым, курс заканчивается изучением современности [1, с. 152]. В конце каждого параграфа расположен словарь, где выделены новые термины. Например, после 30 параграфа под названием «Современный Чистополь» авторы предлагают определения для таких понятий, как «моногород» и «диверсификация» [1, с. 156]. После словаря расположены вопросы и задания к параграфу. Стоит отметить, что в учебнике представлена рубрика «Это интересно», где авторы знакомят учащихся с интересными фактами из истории их города. Для данного элективного курса отводится один час в неделю в течение одного учебного года, важен тот факт, что каждая школа самостоятельно выбирает в каком классе данная дисциплина будет преподаваться.

Важной особенностью данного элективного курса является работа с историческими источниками. Исторический источник – это материальный объект, созданный в результате деятельности человека, являющийся носителем исторической информации. Большинство учащихся теряют интерес к предмету История, так как на уроках Отечественной и Всемирной истории основные изучаемые события происходили далеко от места жительства школьника и по его ощущениям никак не переплетались с историей его семьи. Так, при изучении представленного выше элективного курса, школьник, работая с историческим источником, чувствует себя неотъемлемой частью исторического процесса.

Для разработки методики работы с историческими источниками необходимо учитывать некоторые критерии. Во-первых, сложность источника должна соответствовать возрастным особенностям школьников. Во-вторых, необходимо, чтобы он соответствовал целям и задачам урока. В-третьих, источник должен отражать основные факты и события определенного исторического периода.

В рамках элективного курса «История Чистополя» нами были отобраны исторические источники, некоторые из которых мы представим в данной статье. В курсе «История Чистополя» в основном преобладают письменные источники. Например, при изучении темы «Чистополь в 1920–1930 гг.» можно использовать отрывок статьи секретаря чистопольского райкома ВЛКС И.И. Данилова «Комсомольцы Чистополя в борьбе за

высокий урожай» [1, с. 117], который рассказывает о жизни чистопольских пионеров и комсомольцев 1930-е годы.

Нами был разработан исследовательский проект для 7 классов под названием «Скарятинский сад: прошлое и настоящее», направленный на изучение одного из основных исторических мест города – «Скарятинский сад», образованный в 1872 году по указу казанского губернатора Н.Я. Скарятин. Данный парк существует и сегодня, продолжая быть одним из самых посещаемых мест в городе. В нашем проекте учащимся предлагается решить несколько задач: 1. Узнать историю парка от периода создания до современности; 2. Сравнить «Скарятинский сад» XIX века с XXI веком; 3. Найти все расположенные исторические памятники в «Скарятинском саду», а также определить причину их расположения в данном месте. Результаты данного проекта необходимо оформить в виде презентации и информационного текста. Для того чтобы школьникам узнать историю сада, им необходимо обратиться в «Музей уездного города», школьный музей, а также можно воспользоваться информацией ресурсов Интернета. Для решения второй задачи, учащимся заранее выдаются фотографии «Скарятинского сада» XIX века, а также ряд письменных источников. Таким образом, школьники самостоятельно знакомятся не только с историей создания парка, но и сталкиваются параллельно с историческим процессом, проходившим в истории республики и в Отечественной истории. Также они учатся работать с историческими источниками, искать и анализировать информацию. Помимо предметных знаний, учащиеся приобретают такие навыки, как организация своей учебной деятельности, взаимодействие с учителем и сверстниками.

Анализируя данный материал, можно сделать вывод, что в современной системе образования необходимо определить точное расположение региональной истории в школьном историческом образовании. Для решения данной проблемы необходимо учитывать тот факт, что благодаря изучению местной истории школьникам открываются огромные возможности: в рамках исследовательской работы, для знакомства с историей своей семьи, что дает понять собственную роль и значение в российской истории, способствует повышению интереса учащихся к школьному предмету «История».

Список источников и литературы

1. Бодрова И.А., Капитонова Г.А., Маркина Е.М., Орлова А.Ф. История Чистополя: учебное пособие для учащихся 7–9 классов общеобразовательных учреждений. Чистополь, 2012. 158 с.
2. Историко-культурный стандарт [Электронный ресурс]. URL: <https://historyrussia.org/proekty/kontsepsiya-novogo-uchebno-metodicheskogo-kompleksa-po-otechestvennoj-istorii/istoriko-kulturnyj-standart.html>
3. Кузьмина Л.Р. Сущность и роль малых и средних городов в системе территориально-отраслевой организации страны // Научные ведомости. 2016. № 16. С. 10–23.
4. Фадеева А.А. Элективные курсы – что это такое? // Первое сентября. 2007. № 2. С. 13–15.
5. Федеральные государственные образовательные стандарты [Электронный ресурс]. URL: <https://fgos.ru/>
6. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года с изменениями 2019 года [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru/>

УДК 373 (091)

Из истории деятельности Кяхтинского училища китайского языка

Левченко В.А.
г. Санкт-Петербург

Аннотация. Статья посвящена истории преподавания китайского языка в России. В статье рассматриваются некоторые аспекты деятельности Кяхтинского училища китайского языка, в частности, программа обучения, организация образовательного процесса.

Ключевые слова: история преподавания, китайский язык, Кяхта.

История Кяхты начинается в 1727 г., когда в соответствии с Бурунским трактатом на месте Барсуковско-го зимовья был построен Троицкосавский острог, положивший начало городу. Дальнейшую судьбу населенного пункта во многом предопределили Бурунский и Кяхтинский договоры, заключенные между Россией и Китаем. В силу своего геополитического положения Кяхта долгое время являлась одним из перекрестков торговых путей между Россией и Китаем. По имеющимся данным, товарооборот между странами был весьма значительным. Через Кяхту проходил знаменитый «чайный путь», а другими предметами торгового оборота выступали сукно, пушнина, кожа, шелк, сахар.

Интенсивные торговые контакты создавали потребность в лицах, владеющих китайским языком, что осознавали представители кяхтинского купечества (торгующие). Именно по их инициативе и с финансовой помощью в 1835 г. при Кяхтинской таможне было основано училище китайского языка, являющееся одним из первых учебных заведений России, предназначенных для подготовки специалистов, владеющих китайским языком. Большой вклад в создание училища внес Н.Я. Бичурин (отец Иакинф), один из родоначальников отечественного китаеведения, преподаватель, переводчик и автор первых отечественных учебников китайского языка.

Полный курс обучения в кяхтинском училище китайского языка был рассчитан на 4 года, и в него могли поступить как «вольнотруженики», так и учащиеся по направлению местной таможни. Программа определяла конкретные цели по годам обучения. Перед началом изучения китайского языка учащиеся должны были хорошо овладеть русским языком, т.к. многие аспекты, например, грамматика, изучались путем сравнения. Кроме различных аспектов китайского языка, в училище изучались русский язык, арифметика, Закон Божий, география, история и другие предметы [3].

Сохранившиеся архивные документы позволяют проследить динамику целей по годам обучения. В течение первого года основной акцент был сделан на изучении китайской грамматики, причем в сопоставлении с русской. В последующие годы наряду с грамматикой изучалась лексика, в том числе названия товаров и диалоги, содержанием которых были предметы «близкие к словарию торгующих в Кяхте» [2, л. 158–159]. Изучение китайского языка носило профессионально-ориентированный характер, что подтверждается отбором лексики и диалогов-образцов.

Большую роль в создании училища и обеспечения его деятельности сыграл переводчик Министерства иностранных дел Азиатского департамента коллежский советник К.Г. Крымский. Именно его донесения, отправляемые начальнику Кяхтинской таможни, дают полное представление о деятельности училища в разные годы. В отчете, датированном декабрем 1836 г., сообщается о практике в переводе текстов с китайского языка на русский и, наоборот, об изучении второй части китайской грамматики, названий товаров, а также «12 разговоров, нарочно сочиненных и переведенных на китайский язык для употребления в здешних местах» [2, л. 127]. Большое внимание уделялось формированию у учащихся фонетических навыков и обучению письму.

Из донесений К.Г. Крымского можно получить информацию о персональном составе учеников, их возрасте, успеваемости и посещаемости занятий. Как оказалось, хотя в основном в училище обучались дети купцов и мещан из Кяхты, Иркутска, Верхнеудинска, были и представители из других городов, весьма отдаленных от Кяхты, например, «казанский мещанский сын», «вологодский купецкий брат».

Вызывают несомненный интерес рекомендации К.Г. Крымского, касающиеся организации преподавания китайского языка. Он считал необходимым проводить отбор учащихся при поступлении в училище, и выбирать тех, кто не только имеет мотивацию к изучению китайского языка, но и определенные способности. Кроме этого, он подчеркивал важность языковой практики и рекомендовал в помощь преподавателю пригласить носителя языка «в качестве собеседника (губернера), как это делается во всех учебных заведениях, где хотя бы чтобы ученики свободно говорили на чужом языке» [1, л. 5].

Примечательно, что курс обучения в кяхтинском училище китайского заканчивался публичными испытаниями, в которых принимали участие представители местного купечества, имевшие возможность давать испытуемым задания на перевод. Наиболее отличившихся выпускников «за благонравие, прилежание и успехи» награждали книгами и похвальными листами. По имеющимся сведениям, выпускники училища работали переводчиками в торговых фирмах, занимались предпринимательской деятельностью, внося свой вклад в развитие экономики и торговли в регионе, а также поступали на государственную службу.

В училище имелась библиотека, содержащая значительное количество изданий на китайском, монгольском и маньчжурском языках, в формировании которой участвовало местное купечество и представители православного духовенства. В ней имелись словари, страноведческие и справочные издания, различная художественная литература. Работа с библиотечным фондом позволяла совершенствовать языковые навыки и приобретать знания о культуре, истории и традициях страны изучаемого языка.

Итак, история преподавания китайского языка в России имеет интересную, более чем 300-летнюю историю, одной из страниц которой является деятельность Кяхтинского училища китайского языка. Роль Кяхты в развитии отечественного китаеведения трудно переоценить, т.к. именно здесь в XIX в. существовало учебное заведение, позволявшее готовить специалистов, владеющих китайским языком, для образовательной, научной, торговой деятельности и государственной службы. Образовательный процесс строился в соответствии с программой, ориентированной на сферу предстоящей профессиональной деятельности, что предопределяло отбор и организацию учебного материала, коммуникативную ценность речевых образцов.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Забайкальского края Ф. 68. Оп. 1. Д. 33.
2. Государственный архив Забайкальского края Ф. 68. Оп. 1. Д. 35.
3. Энциклопедия Забайкалья. [Электронный ресурс]. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=5008>.

Преподавание иностранных языков в учебных заведениях Нерчинска (XIX – начало XX вв.)

Левченко О.Ю.
г. Чита

Аннотация. Статья посвящена истории учебных заведений города Нерчинска, расположенного в Забайкальском крае. Особое внимание в статье уделено вопросам преподавания иностранных языков в женской гимназии и реальном училище.

Ключевые слова: история образования, иностранный язык, Нерчинск.

Нерчинск является одним из старейших населенных пунктов Забайкалья. Его история берет свое начало с 1653 г., когда на месте современного города казаками сотника Петра Ивановича Бекетова был заложен острог. Большой импульс развитию Нерчинска дало открытие месторождений серебряных руд, что позволило построить сереброплавильные заводы. Другим интересным фактом, связанным с историей города является подписание в нем в 1689 г. Нерчинского договора с Китаем.

Известен Нерчинск и своими учебными заведениями, являющимися одними из первых в Забайкалье. История Нерчинской Софийской женской гимназии началась в 1868 г. с деятельности женского училища, имевшего в своем составе приготовительный и три первых класса. Создание гимназии было результатом благотворительной деятельности купцов братьев Бутиных – местных меценатов, которые пожертвовали для нее дом.

Училище было переименовано в 1872 г. в женскую прогимназию, которая получила название Софийской. Данное название было присвоено в память о покойной супруге мецената купца М.Д. Бутина – Софии Андреевны. В 1899 г. в прогимназии был открыт четвертый класс, а затем ежегодно открывался следующий старший класс. Численность воспитанниц гимназии быстро увеличивалась и, по имеющимся сведениям, к 1917 г. она состояла из 7 основных классов, 1 дополнительного и 6 параллельных. Общее количество обучавшихся в ней гимназисток было 589.

Перечень преподаваемых в гимназии дисциплин был весьма широк и включал: русскую словесность, литературу, историю, географию, дидактику, физику, математику, космографию, естествоведение, православное вероисповедание, рукоделие, пение. Что касается иностранных языков, то они преподавались как необязательные предметы, но их изучало большинство гимназисток. Из сохранившегося отчета Нерчинской Софийской женской прогимназии за 1907 г. узнаем, что немецкий язык преподавала М.Г. Шванн, а французский язык С.Л. Муромова [1].

Когда учебное заведение действовало в статусе гимназии, в нем продолжали преподаваться иностранные языки. Данный факт подтверждает список сотрудников гимназии на январь 1918 г., в котором указаны сведения о двух учительницах иностранных языков. Немецкий язык преподавала Е.И. Щиrowsкая, домашняя наставница, выпускница Санкт-Петербургского Екатерининского института. Французскому языку обучала С.Л. Муромова, окончившая Иркутский девичий институт и педагогические курсы в Москве. В восьмом классе дополнительно изучался еще латинский язык, который преподавал вольнонаемный служащий Мировой судья Э.М. Форт-Венглер [3].

Нерчинское реальное училище начало свою деятельность в октябре 1906 г. имея в своем составе приготовительный, первый и два вторых класса. Большой вклад в организацию училища внес П.Н. Рябинин – его первый директор. Училище успешно готовило кадры для сферы торговли и коммерции. Перечень предметов, изучаемых в реальном училище, отличался от гимназий и в нем значились: Закон Божий, русский язык, естествознание, история, чистописание, математика, география, рисование, черчение, физика, космография и два иностранных языка: английский и немецкий.

Как свидетельствуют архивные документы, на январь 1918 г. в Нерчинском реальном училище было шесть основных классов, седьмой дополнительный и в нем обучалось 299 человек. Происходившие общественно-политические события сказывались на учебном процессе. «С конца февраля и начала марта отчетного года, с заменой монархического строя революционным порядком жизни, положение директора среди состава служащих, а затем инспектора и классных наставников сделалось крайне неопределенным, т.к. прежние инструкции, регулировавшие их деятельность отпадают, а новая жизнь пока не выработала», – читаем в документах училища [2, л. 6 об.].

Из архивных документов узнаем данные о педагогах, преподававших иностранные языки в Нерчинском реальном училище. В списке значатся: штатная преподавательница английского языка Е.А. Юшкевич, окончившая двухгодичный с приготовительным курсом класс М.А. Лохвицкой-Скалон; вольнонаемная преподавательница немецкого языка В.В. Граудин, выпускница частных педагогических курсов новых языков С.М. Бобрищевой-Пушкиной в Петрограде; вольнонаемная преподавательница немецкого языка Е.В. Лесневская, окончившая Иркутский девичий институт [2].

Итак, образовательные традиции Нерчинска имеют давнюю историю. На рубеже XIX – начало XX вв. в городе успешно действовало несколько учебных заведений, в которых наряду с другими предметами преподавались и иностранные языки.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Забайкальского края. Ф. 4. Оп. 1. Д. 119.
2. Государственный архив Забайкальского края. Ф. 4. Оп. 5. Д. 90.
3. Государственный архив Забайкальского края. Ф. 4. Оп. 5. Д. 160а.

УДК 94(470.45)

Страница из истории Сталинградского машиностроительного техникума (1950–1951 учебный год)

Лихоманова Е.В.
г. Волгоград

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос становления Волгоградского (Сталинградского) машиностроительного техникума. На основе архивных источников воссоздана история первого года работы техникума. Показаны трудности организации первого набора учащихся. Дается характеристика мер по их устранению. Анализируется качественный и количественный состав административного и педагогического аппарата техникума.

Ключевые слова: Волгоградская область, история средне- профессионального образования, машиностроительный техникум.

Высокие темпы индустриализации края вызвали необходимость подготовки кадров для промышленности. Необходимо было подготовить кадры, способные конструировать и эксплуатировать новую технику. Эта миссия была возложена на средние специальные учебные заведения. В связи с этим, на начало 1948/1949 уч.г. в г. Сталинграде был открыт новый вечерний Строительный техникум в Краснооктябрьском районе. В октябре месяце начали занятия еще в двух вновь открывшихся техникумах Железнодорожном и Механическом [1, л. 23].

Сталинградский вечерний машиностроительный техникум был организован на основании Решения Совета Министров СССР от 4 марта 1950 года за 2313-Р и приказа Министра Автомобильной и Тракторной промышленности СССР от 15 марта 1950 года за № 155, при Сталинградском Тракторном заводе. На территории завода для техникума было выделено здание. Все помещения, выделенного здания, должны были быть отремонтированы к началу первого учебного года. Вся ответственность за ремонтные работы была возложена на администрацию Сталинградского тракторного завода.

Но, 28 июля 1950 г. на собрание парторганизации Сталинградского вечернего машиностроительного техникума было отмечено, что все ремонтные работы здания выполнены только на 50–60 %, мебель изготовлена на 85 %. На приобретение мебели было выделено 70 тыс. руб., потрачено только 34 тыс. руб., что обеспечило полное оборудование только 6-ти учебных аудиторий. Закуплено и доставлено приборов на сумму 25500 руб. В связи с приближением первого учебного года необходимо было ускорить работы [7, л. 7].

В техникуме планировалось готовить специалистов по двум направлениям: технология холодной обработки и технология литейного производства. Необходимо было осуществить набор учащихся в количестве 216 чел.

Набор кандидатов в число учащихся на 1950/1951 уч. г. шел медленно. Так на 28 июля 1950 г. было принято всего 120 заявлений. Особенно плохо дело обстояло с набором контингента на отделение горячей обработки металлов. На 60 мест подано только 18 заявлений.

Сотрудниками техникума были организованы мероприятия по новому набору контингента на 1950/51 учебный год.

Для того, чтобы ускорить укомплектование групп было принято решение пойти в цеха и разъяснить ИТР и другим работникам о важности технических знаний в практической работе. Каждому сотруднику было поручено индивидуальное задание. Цеха завода были поделены между сотрудниками техникума. Сталефасонный, Моторный, Шасси, Тракторно-рулевых двигателей закрепили за тов. Карагичевым. Кузнечный, ремонтно-литейный за тов. Дьяковым. Прессовый, Приспособлений, Режущий за тов. Старшиновым [8, л. 8].

Так же в целях успешного выполнения плана нового набора учащихся на 1 курс в техникуме были проведены следующие мероприятия:

1. при техникуме были организованы подготовительные курсы 90 чел;
2. в районной газете дважды было опубликовано объявление о правилах приема в техникум;

3. через Отдел подготовки кадров завода был проведен отбор кандидатов для зачисления в число учащихся техникума;

4. с молодыми рабочими завода, имеющими 7–летнее образование, в цехах завода проводили беседы о специальностях техникума;

5. Во всех цехах завода и на поселке были вывешены объявления о приеме в техникум [4, л. 6].

В результате проведенных мероприятий план приема на 1 курс, установленный УУЗ, был выполнен на 100 %.

По технологии холодной обработки на 1 курс было принято 120 чел. Сразу на 2-ой зачислено – 66 чел. Соответственно всего на курсе обучалось 186 чел, из них женщин было 55.

По специальности технология литейного производства на 1-ом курсе обучалось 30 чел. Набор был произведен только на этот учебный год, соответственно второго курса не было. Из 30 чел студентов на курсе обучалось 5 женщин.

Первый 1950 / 1951 учебный год начал занятия в составе 7 групп, с общим контингентом учащихся 216 человек.

На начало первого учебного года был укомплектован штат техникума. Всего 12 преподавателей. Один штатный преподаватель. Он имел высшее образование.

Совместителей было 11 чел. из них 10 с высшим образованием, 1 с средним образованием. Женщин преподавателей работало 5 чел. Из 11 преподавателей-совместителей 3 чел. имели стаж не менее 5 лет – 3; от 10 лет до 25 лет – 7 чел.; от 25 лет и более – 1 чел. [6].

В 1950 /1951 уч.г. в состав руководства техникума входили:

Директор техникума Ветлугин Николай Михайлович 1912 г.р. Член ВКП(б). Николай Михайлович получил высшее образование по специальности инженер-механик. На руководящих должностях работал с 1937 г. 8 августа 1950 г. был назначен на должность директора техникума.

Дубовов Петр Андреевич 1914 г.р. работал в должности заместителя директора по учебной части. Кандидат в члены ВКП(б). Получил высшее образование по специальности инженер-механик. На руководящих должностях с 1948 г.

Старший бухгалтер Дьяков Петр Сергеевич 1902 г.р. Член ВКП(б). Образование незаконченное среднее. В должности старшего бухгалтера работал с 1 мая 1950 г. Общий стаж работы с 1932 г. [5, л. 4].

Техникум располагался в 13 комнатах, с общей площадью 424 кв.м., из них учебные аудитории, кабинеты и библиотеку было занято 8 комнат с общей площадью 306 кв. м., из них на одного учащегося приходилось только 1,41 кв.м. Остальные 5 комнат, общей площадью в 117,4 кв.м. были отданы под учебную часть, раздевалку, административный и хозяйственный персонал [1, л. 1].

С 1 июня 1950 г. по 1 июля 1951 г. техникумом было закуплено в магазинах, а также получено безвозмездно от Сталинградского тракторного завода оборудования для лабораторий и кабинетов на сумму 72115 руб. 19 коп. В том числе завод поставил для техникума безвозмездно оборудования на 23000 руб. Оборудование, полученное от завода, в основном предназначено кабинетов технических измерений и технологии металлов.

Оборудование и приборы по кабинетам [2, л. 3].

№	Наименование кабинетов	сумма
1	Физики	50525-46
2	Химии	3457-66
3	Математики	1654-47
4	Черчения	4886-19
5	Технической механики Технических измерений Технология металлов	11591-41
	Итого	72115-19

В техникуме работали две предметные комиссии: физико-математическая в составе 8 преподавателей (провела 9 заседаний за год) и предметная комиссия по русскому языку, литературы и истории в составе 4 преподавателей (провела 10 заседаний за год).

На начало учебного года учебная часть не имела плана работы. Необходимо было обязать заместителя директора систематически посещать занятия и усилить контроль за качеством учебы. Выявлять слабоуспевающих учащихся и организовывать для них дополнительные занятия. Также необходимо было ускорить приобретение наглядных пособий для кабинетов истории СССР и русского языка и литературы [3, л. 6].

В техникум пришли работать преподаватели квалифицированные, но есть такие кто мало был искушен в преподавательской работе. Это инженеры с завода. Они очень хорошо знали свое дело, свой предмет, но не владели методикой проведения урока. Поэтому необходимо было уделить главное внимание организации методической работы с преподавателями. В связи с этим было принято решение организовать обсуждение уроков опытно-

ных преподавателей, а так же начинающих, на педсовете и на методических объединениях. Так же на педагогических советах заслушивать доклады по методике преподавания на актуальные и теоретические темы [9].

В конце первого учебного года были запланированы проведение мероприятий по улучшению работы техникума:

1. Возбудить ходатайство перед Министерством Автомобильной и Тракторной промышленности СССР о выделение средств для выполнения проекта строительства в 1951/52 уч. годах учебного корпуса под техникум, так как при данных условиях работать будет невозможно;

2. Дирекции техникума добиться от дирекции СТЗ выполнения текущего ремонта здания к 1.08 51 г. и выделения в домах завода 3-х комнат для штатных преподавателей техникума;

3. К 1 сентября оборудовать вновь организованные кабинеты (технической механики; технологии металлов, машиноведения) всем необходимым оборудованием, приборами и наглядными пособиями;

4. Не позднее 1 августа 1951 г полностью укомплектовать техникум преподавательским составом [10].

Начало было положено. 15 марта 2020 г. Сталинградский машиностроительный техникум ныне Волгоградский колледж управления и новых технологий им. Ю.Гагарина отметит свое 70-тилетие.

Список источников и литературы

1. Годовой отчет по учебной работе Сталинградского вечернего машиностроительного техникума за 1950-51 учебный год // ГАВО. Ф. 6516. Оп. 1. Ед.хр. 4. Л. 1.

2. Годовой отчет по учебной работе Сталинградского вечернего машиностроительного техникума за 1950-51 учебный год // ГАВО. Ф.6516. Оп. 1. Ед.хр. 4. Л. 3.

3. Годовой отчет по учебной работе Сталинградского вечернего машиностроительного техникума за 1950–51 учебный год // ГАВО. Ф. 6516. Оп. 1. Ед.хр. 4. Л. 6.

4. Годовой отчет по учебной работе Сталинградского вечернего машиностроительного техникума за 1950-51 учебный год // ГАВО. Ф. 6516. Оп. 1. Ед.хр. 4. Л. 6.

5. Годовой отчет финансово-хозяйственной деятельности Сталинградского вечернего машиностроительного техникума за 1950 год // ГАВО. Ф. 6516. Оп. 1. Ед.хр. 6. Л. 4.

6. Отчет техникума и другого среднего учебного заведения по подготовке специалистов на начало 1950/51 уч. года // ГАВО. Ф. 6516. Оп. 1. Ед.хр. 3.

7. Протокол №2 Партийного собрания парторганизации Сталинградского вечернего Машиностроительного техникума от 28 июля 1950 года // ЦДНОВО. Ф. 9212. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

8. Протокол №2 Партийного собрания парторганизации Сталинградского вечернего Машиностроительного техникума от 28 июля 1950 года // ЦДНОВО. Ф. 9212. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

9. Протокол №5 Партийного собрания парторганизации Сталинградского вечернего Машиностроительного техникума от 5 октября 1950 года // ЦДНОВО. Ф. 9212. Оп. 1. Д. 1. Л. 14–15.

10. Протокол №12 Партийного собрания парторганизации Сталинградского вечернего Машиностроительного техникума от 9 февраля 1950 года // ЦДНОВО. Ф. 9212. Оп. 1. Д. 2. Л. 12–14.

11. Список высших учебных заведений, техникумов по подготовке специалистов г. Сталинград // ГАВО. Ф. 686. Оп.1 8. Ед.хр. 33. Л. 23.

УДК 93/94

Уфимская духовная семинария в системе религиозных образовательных учреждений Русской Православной Церкви

Локайчук О.Ю.
г. Стерлитамак

Аннотация. В данной статье рассмотрено становление и развитие Уфимской духовной семинарии как одного из важнейших структурных элементов не только Русской Православной Церкви, но и образования в целом. На примере Уфимской духовной семинарии показаны основные направления общеобразовательного развития Российской империи в указанный временной период.

Ключевые слова: православие, образование, наука, Уфимская духовная семинария, Уфимская епархия.

Российская система народного образования в XIX – начале XX веков была одним из важнейших элементов нравственного и культурного развития общества. К концу XIX века духовенство всех конфессий было одним из самых грамотных слоев общества. В этом контексте исследовательский интерес представляет изучение деятельности и особенностей организации учебного процесса в образовательных учреждениях, которые представляют собой систему классного образования в России, например, Уфимская духовная семинария. В изуче-

нии данного типа учебных заведений есть неоспоримое преимущество не только с точки зрения понимания развития системы образования в дореволюционной России в целом, но и с точки зрения понимания особенностей процесса смены сословного образования, сопровождавшегося серьезными изменениями в социальном составе учащихся, их повседневном образе жизни и др.

Уфимская епархия была основана Императорским Указом из нескольких других новых епархий осенью 1799 года. По предложению Святейшего Синода, деятельность духовной семинарии предлагалось начать «после полного обустройства новой епархии», однако, хотя и формально, эта задача была решена Высочайшим соизволением 31 мая 1800 года об учреждении духовных семинарий при вновь открытых кафедрах, в том числе и Уфимской. Это решение затронет интересы Казанской и Тобольской семинарий, где ранее учились дети духовенства Оренбургской губернии. В уфимскую консисторию были направлены указы, требовавшие, чтобы все дети в губернии духовенства, достигшие школьного возраста, в том числе и те, кто уже учился в Тобольске и Казани, приезжали в Уфу в новую семинарию не позднее 15 сентября.

Семинария в Уфе была открыта Святейшим Синодом 25 июня 1800 года, и до 1865 года носила название Оренбургской (по названию епархии). Когда Оренбургская епархия была разделена на Оренбургскую и Уфимскую, семинария стала соответственно называться Уфимской [2, с. 61].

В 1804 году при семинарии открылся сиротский приют, начала работать церковь во имя святого Иоанна Златоуста. В 1844 году её освятили.

Семинария изначально располагалась в деревянном здании на Фроловской улице. Однако во время пожара в Уфе в марте 1806 года здание сгорело и ученики долгий период проходили обучение в близлежащих флигелях.

В Уфимской духовной семинарии изучали классическое славяно-греко-латинское красноречие, медицину, а с 1804 года и рисование, затем с 1808 года – французский и немецкий языки. В 1840 году были введены следующие курсы: богословие, изучение религий и церковного раскола, библейская история христианской церкви – всеобщая и русская, археология, церковное каноническое право, патистика, уроки логики, психологии, риторики, поэзии, физики, алгебры, еврейского, татарского, чувашского языка и др. В 1898 году на семинаре присутствовал 181 студент.

Уже в начале 1900-х годов в Уфимской семинарии начинает формироваться своя церковно-историческая наука. Например, И.Е. Златоверховников, который являлся выпускником Уфимской духовной семинарии, а затем стал преподавать в Духовных епархиальных училищах, создал фундаментальную монографию по истории Уфимской епархии «Уфимская епархия. Географический, этнографический, административно-исторический и статистический очерк» (1899 год), а затем создал учебники по арифметике «Дроби простые и десятичные в совместном изложении их теорий» (1905 год) и географии «Курс общей географии» [1, с. 25]. Другой преподаватель, историк К.П. Херувимов создаёт великолепную работу «К столетию епископской кафедры и консисториального управления в Уфе епархии Оренбургской и Уфимской». Среди прочих выдающихся деятелей Уфимской духовной семинарии можно выделить ректора семинарии, благочинного настоятеля Воскресенского кафедрального уфимского собора, который переиздал расширенное и дополненное «Сказание о святой чудотворной иконе Божия Матере» (1895 и 1898 гг.).

Однако с приходом к власти большевиков Уфимская духовная семинария в конце 1917 года прекращает своё существование, а в 1930 году здание бывшей семинарии было отдано Башкирскому сельскохозяйственному институту.

Таким образом, Уфимская духовная семинария заняла достойное место в системе религиозных образовательных учреждений Русской Православной Церкви.

Список источников и литературы

1. Бабкин М.А. Духовенство Русской Православной Церкви и свержение монархии (начало XX века – конец 1917 года). М.: Индрик, 2006. 504 с.
2. Беляева А.В. Церковь и государство в России в начале 20 века: Учебное пособие по спецкурсу «Государство. Общество. Церковь. XX век». Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 1999. 211 с.
3. Златоверховников И.Е. Уфимская епархия. Уфа, 1999. 168 с.
4. Смолич И.К. История русской православной церкви. 1700–1917. В 2 Ч. М.: Наука, 1996. Ч. 1. 218 с.
5. Тальберг Н.Д. История христианской Церкви. М.: ПСТБИ, 2001. 369 с.

Аннотация. В статье рассмотрена деятельность библиотек в период «оттепели на территории БАССР, изученные источники показали неравномерное развитие библиотек на территории одной республики. Библиотеки занимали особое важное место. Их роль определяется исключительным значением книги для развития науки и техники, для подъема культуры народа. Без улучшения работы библиотек – пропагандистов и распространителей книги невозможен подъем культуры.

Основной задачей библиотеки являлась работа с читателями. Обслуживание читателей книгой – это деятельность библиотеки по развитию и удовлетворению интересов читателей и пропаганды книги.

Ключевые слова: Башкирская республиканская библиотека им. Н.К. Крупской; массовые мероприятия, литературные вечера, читатели.

Библиотека – это хранилище! Библиотеки хранят самый важный капитал страны. Они олицетворяют духовный мир народа. В них сосредоточены несметные богатства. Эти богатства библиотека не только хранит, но и приобщает к ним человека.

История библиотеки, какой бы она не была маленькой или большой, это история страны с судьбами людей тех, кто работал или работает сейчас. Долгий путь был пройден от избы – читальни, народной избы – читальни вместе со своими читателями до современного центра культуры.

Изба-читальня – центр просвещения в деревнях и сёлах СССР. С повышением уровня образованности населения, постепенно, к началу 1960-х годов функции изб-читален перешли к клубам, домам культуры и библиотекам [1].

БИБЛИОТЕКА – учреждение, собирающее и хранящее произведения печати и письменности для общественного пользования, а также осуществляющее справочно-библиографическую работу [2].

Трудно сейчас найти человека, который бы не пользовался услугами такого учреждения культуры, как библиотека. Не имеет значение при этом: живет ли он в большом городе или рабочем поселке, в районном центре или далеком селении – в любом случае неподалеку от его дома находится одна из библиотек обслуживающих трудящихся Башкирской АССР. Библиотеки занимают особое важное место. Их роль определяется исключительным значением книги для развития науки и техники, для подъема культуры народа. Без улучшения работы библиотек – пропагандистов и распространителей книги невозможен подъем культуры.

Основной задачей библиотеки является работа с читателями. Обслуживание читателей книгой – это деятельность библиотеки по развитию и удовлетворению интересов читателей и пропаганды книги.

Работа с читателями охватывает организацию, формы и методы обслуживания читателей в библиотеке и вне её.

Книгу пропагандируют не только библиотекари, но книжные издательства, периодическая печать, радио, телевидение, книготоргующие организации.

Однако библиотекарям, как специалистам культурно-просветительным учреждениям, являются центрами общественного, коллективного пользования книгами, принадлежит в этом особо важное место.

Сущность работы советской библиотеки с читателями глубоко раскрыта в постановлении ЦК КПСС «О состоянии и мерах улучшения библиотечного дела в стране», принятого 22 сентября 1959 г. [5, 348 с.], в котором указывается, что необходимо полнее использовать книги в деле воспитания коммунистических качеств в каждом советском человеке, что библиотекари должны сделать богатства своих фондов доступными всем гражданам и оказать читателям деловую конкретную помощь в выборе книг и самостоятельной работе над ними.

Книга – поистине могучее средство познания действительности.

Главная задача библиотеки периода «оттепели» разъяснение политики и решений Коммунистической партии и Советского правительства, оказание активной помощи партии и государству в воспитании и повышении коммунистической сознательности и культурно – технического уровня советских людей. Газета «Дема», орган парткома Альшеевского производственного колхозно - совхозного управления и районного Совета депутатов трудящихся БАССР, рассказывает о библиотеке села Хусаиново « когда наступает время обеденной дойки библиотекарь спешит, её ждут доярки и скотники, она им читает газеты, знакомит с постановлением июньского Пленума ЦК КПСС, делится о прочитанных книгах [17, с. 4].

Из отчета о работе Башкирской республиканской библиотеки им. Н.К. Крупской, в 1956 году библиотека отмечает рост количества читателей из коренной национальности республики – башкир и татар, «если в 1956 году на долю башкир приходилось 16 % читателей, то в 1957 году доля башкир составляет 19 %, а на долю

башкир и татар приходится 41 % всех читателей, что говорило о росте культуры и образования в республике» [7, л. 22].

Газета «Белорецкий рабочий» знакомит нас с работой библиотеки дворца культуры сталепроволочного завода в период, когда идет смотр работы библиотек. «Библиотека имеет 20 библиотек – передвижек, работники библиотеки организовали открытый доступ читателей к книгам» [4, с. 4]. Районная библиотека Стерлибашевского района «организовала 10 передвижных библиотечек и в двух местах на МТФ и в овощеводческой бригаде – книгоношество» [15, с. 4]. Однако в колхозе «Победа», Белокатайского района «не организован свободный доступ к книгам, не проводятся в библиотеке громкие читки книг, газет и журналов» [14, с. 4].

1961 год, из года в год работники библиотек стараются для читателей провести в течение года массовые мероприятия, направленных на пропаганду лучших произведений русской и мировой классической литературы и литературы народов СССР. Так, например, в Башкирской республиканской библиотеки им. Н.К. Крупской, был проведен вечер, посвященный творчеству Р. Тагора, на который были приглашены специалисты из Индии, стажировавшиеся в Башкирии. «Вечере приняли участие артисты филармонии и театра оперы и балеты. Индийские специалисты исполняли стихи и песни на слова Р. Тагора на бенгальском языке, а на вечере, посвященном А.М. Горькому, приняли участие артисты Пермского областного драмтеатра (гастролировавшие в Уфе) они показали отрывок из пьесы М. Горького «Старик» [9, л. 24].

Необходимо отметить, что в 1961 году значительно выросло количество читателей рабочих и специалистов «из 32466 человек доля рабочих и специалистов составляет 44% (кроме служащих, по сравнению с 1959 годом, в 1961 году число читателей выросло на 11162 человека, в 1959 году было 21306 читателей» [8, л. 13]. Из справки по Мелеузовскому району за 1961 год всего в районе 24 библиотеки системы Министерства культуры, в том числе 1 городская, 4 районных и 19 сельских библиотек, «из 19 сельских библиотек уже несколько месяцев не работает Тряслинская и Шевченковская сельские библиотеки из-за отсутствия библиотекаря» [10, л. 50]. Специалистов библиотекарей не хватало не только в сельской местности, читая отчет центральной массовой библиотеки за 1961 год» на семь человек библиотечных работников насчитывается 8500 человек читателей, что превышает количество читателей на одного библиотекаря [11, л. 27].

Библиотеки в своей работе используют различные формы работы, так в Мелеузовском районе районными работниками культуры был организован книжный бал «нужно было достать хорошие костюмы, подготовить исполнителей, активное участие приняли работники библиотек, учителя, учащиеся, получилось замечательно» [3, с. 4].

Отчет о работе Башкирской республиканской библиотеки им. Н.К. Крупской за 1963 год обращает наше внимание, какую работу проделали библиотекари. Работниками библиотеки были проведены 76 книжных выставок на общественно – политические темы, в 1963 году проведены литературные вечера, посвященные Д.Бедному, В. Маяковскому, Я. Гашеку, Д. Юлтыю, писательницам Башкирии. «Интересно и многолюдно прошел литературно – музыкальный вечер на тему: «Женщины – писательницы Башкирии». На вечере с чтением своих стихов выступили поэтессы З. Биешева, К. Кинзябулатова, Ф. Рахимгулова» [12, л. 42]. Работниками библиотеки была проведена огромная работа, однако в 1963 году план по количеству читателей библиотеки не выполнила. «Планом было предусмотрено обслужить 33 тысячи человек, выполнено на 93 % (30997 читателей). Рабочие и служащие из общего количества читателей составляет 42 %, уменьшилось количество учащихся по сравнению с 1962 годом на 0,5%, однако увеличилось число научных работников, по сравнению с 1962 годом на 222 человека [13, л. 19]. Стоит обратить внимание на работу библиотеки села Илькино Белебеевского района «идя на встречу пожеланиям читателей, сельский совет ежегодно выделяет средства для пополнения книжного фонда библиотеки, только в прошлом году было приобретено 1500 книг, в библиотеке есть специальный раздел чувашской литературы, отдел для самых маленьких читателей – дошкольников и первоклассников [16, с. 4]. К сожалению не все районы уделяли должное внимание работе библиотек, так например Бакр-узьякский сельский клуб Альмухаметовского сельсовета в течение 1959 года не смог организовать работу» в библиотеке этого клуба имеется 6 тысяч томов книг, но в результате отсутствия массовой работы среди жителей поселка читателями библиотеки состоят только 85 человек» [6, с. 1].

Изучение выявленных источников позволяет сделать вывод, что развитие библиотек происходило на территории одной республики не равномерно имели место быть учреждения культуры, которые оказывались без присмотра, приходили в негодность, а некоторые из них существовали только на бумаге. Многие библиотеки накопили богатый опыт, творчески применяя разнообразные формы и методы работы, они широко пропагандируют среди читателей книги и журналы, газеты и добиваются подъема культурного уровня населения, способствуют подъему сельскохозяйственного производства.

Список источников и литературы

1. [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1504447>.
2. [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/turbo>.
3. Высоцкая Р. На сцене – литературные герои // За урожай. 1962. № 19. С. 4.
4. Гарабурдо Т. Идет смотр работы библиотек // Белорецкий рабочий. 1960. № 22. С. 4.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК М. 1983 г. Т. 3. 348 с.

6. Насущные задачи учреждений культуры // Искра 1960. № 17. С. 1.
7. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 1902. Оп. 1. Д. 118. Л. 22.
8. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 1902. Оп. 1. Д. 265. Л. 13.
9. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 1902. Оп. 1. Д. 265. Л. 24.
10. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 1902. Оп. 1. Д. 109. Л. 50.
11. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 1902. Оп. 1. Д. 274. Л. 27.
12. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 1902. Оп. 1. Д. 364. Л. 42.
13. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 1902. Оп. 1. Д. 364. Л. 19.
14. Файрушин Х. Читатель не идет в библиотеку // Знамя колхозника. 1961. № 42. С. 4.
15. Хисматуллина Н. В районной библиотеке // Знамя коммунизма. 1958. № 69. С. 4.
16. Чиндин Ф. Сельский библиотекарь // Знамя Победы. 1963. № 48. С. 4.
17. Шмаков В. Библиотекарю до всего дело // Дема. 1963. № 55. С. 4.

УДК 93/94

Уфимское епархиальное женское училище в конце XIX – начале XX вв.: страницы истории

Павлова О.С.
г. Стерлитамак

Аннотация. В статье рассмотрена деятельность епархиального женского училища города Уфы в конце XIX – начале XX вв., динамика численного состава воспитанниц, характер и основные направления учебно-воспитательной деятельности. Автором проанализированы причины реформы данного вида учебных заведений, предложенные проекты и реализованные мероприятия. Автор пришел к выводу, что содержание учебных программ епархиальных женских училищ и их воплощение в жизнь по своему уровню соответствовали образцам средних светских женских учебных заведений того времени.

Ключевые слова. Епархиальное женское училище, реформа, духовенство, г. Уфа, Уфимская губерния.

Работа выполнена при поддержке гранта СФ БашГУ № В 19-76

Облик пореформенного провинциального города Российской империи определялся наличием конфессиональных учебных заведений, имеющих целью обучение детей духовенства. В начале XX века впервые за синодальную эпоху, были практически поставлены вопросы осуществления реформ в области церковного управления в целом и в системе церковного образования в частности. Объектом особого исследовательского интереса является женское духовное образование. Широкий круг работ посвящен исследованию различных видов учебных заведений, однако недостаточно изученной остается тема, посвященная епархиальным женским училищам. Изучение этого вида учебных заведений представляет несомненный интерес с точки зрения целостного понимания сильных и слабых сторон действующей системы сословного образования в дореволюционной России и путей ее совершенствования в условиях новых общественно – политических реалий.

Епархиальные женские училища представляли средние полузакрытые учебные заведения, обеспечивавшие общеобразовательную и педагогическую подготовку дочерей духовенства и иносословных (за отдельную плату). Они создавались в епархиях по инициативе духовенства и архиерея и финансировались из местных (епархиальных) средств. Находились в ведении епархиального архиерея и Учебного Комитета при Св. Синоде.

Причина создания епархиальных женских училищ состояла в том, что открытые в 1857 году в губернских и уездных городах женские училища, которые были переименованы в 1870 году в гимназии и прогимназии были всесословными учебными заведениями, и на начальном этапе своего развития не могли охватить всех девочек соответствующего возраста. Так, согласно данным К.В. Козлова, в 1869 году в 61 училище I и II разрядов всего обучались 15923 ученицы, из которых лишь 812 – из духовного сословия [4]. Кроме этого женские училища «не вполне могли быть применимы к воспитанию девиц духовного сословия, как будущих жен и матерей служителей Церкви». Первыми обратили на это внимание представители епископата. Так, по мнению московского митрополита Филарета (Дроздова), «воспитание дочерей духовенства должно быть направлено к тому, чтобы дать девицам религиозно-нравственное и хозяйственное образование, но не уклонять их от простоты жизни, свойственной им по рождению и назначению».

Указом от 22 мая 1867 года был отменен порядок наследования, а значит и корпоративная замкнутость духовного сословия. Наряду с другими он содержал следующее положение: регистрация и резервирование вакансии в интересах дочерей или иных родственников занимавшего ее священника недопустимы. И в 1868 году утверждением Устава епархиальных женских училищ получил юридическое оформление фактически

существовавший тип женских духовных учебных заведений. Открытие женских учебных заведений для дочерей духовенства было включено в компетенцию созданного в 1867 году Учебного Комитета при Св. Синоде.

Создание епархиальных женских училищ в целом укладывалось в общее направление церковной реформы 1860–1870-х годов: «сближение с миром», некоторая демократизация внутрицерковной жизни, и соответствовало государственной образовательной политике, проводимой возглавившим Св. Синод и Министерство народного просвещения Д.А. Толстым.

Так, в 1861 году по инициативе Преосвященного Филарета, Епископа Уфимского было принято решение открыть в г. Уфе Епархиальное женское училище. В течение года шли споры между руководством губернии и церковью по вопросу о помещении, и только 29 сентября 1862 года состоялось официальное открытие училища в здании Губернаторского дома. К 1870 году только в четырех епархиях, в число которых вошла Уфимская губерния (а также Харьковская, Вятская и Саратовская) женские училища были преобразованы по Уставу 1868 года.

По этому уставу в Училище вместо шести классов было сделано три класса с двухгодичным курсом в каждом классе. Из предметов обучения обязательными считались следующие: Закон Божий, русский язык и словесность, арифметика, география, гражданская история, физика, педагогика, чистописание и церковное пение. Необязательными считались музыка, рисование и новейшие языки. В 1875 году для желающих был введен французский язык (по 1 уроку в классе) [6, с. 267]. По решению Совета училища к программе были прибавлены уроки рукоделия, на которых воспитанницы сами шили форму себе и для воспитанниц младших классов. В свободное от уроков время они убрали комнаты и постели, поочередно готовили обеды и сервировали стол, занимались садоводством и другими предметами домашнего хозяйства [10, л. 4–4 об.]. В 1882 году Училище вновь было преобразовано из трехклассного в шестиклассное, предметы преподавания остались прежние, а по некоторым из них было увеличено количество уроков [6, с. 267].

Численный состав воспитанниц на протяжении всего времени деятельности Училища поступательно возрастал. Так, если в 1866 году число воспитанниц составляло 69 человек, в 1897 году – 208, а в 1915 году – 420 воспитанниц [9, Л. 6; 6, с. 267–268]. Эти данные подтверждают и свидетельства ревизии Уфимского епархиального женского училища в 1907 году: после последней ревизии в 1888–1889 годах численность воспитанниц возросла в 2 раза: в 1888–1889 годах их численность составляла 177, а в 1906–1907 годах – 308 учениц. В отчете было отмечено, что особенно заметно численность воспитанниц возросла в последние 5–6 лет, следствием чего возникла необходимость открыть почти во всех классах параллельные отделения [5, л. 68].

За содержание воспитанницы вносили плату, которая составляла (по данным 1915 года) для тех, кто живут в общежитии – 130 рублей в год, для иносословных – 260 рублей, а для тех, кто состояли на полуепархиальном жаловании – 65 рублей. Кроме того, при поступлении в общежитие в первый год обучения дополнительно взималось 20 рублей на обзаведение постельными принадлежностями [9, л. 9]. Сироты из духовного сословия должны были определяться в учебные заведения за казенный счет.

Так, анализ содержания Журналов распорядительного совета Уфимского епархиального женского училища за разные годы позволяет сделать выводы о том, что вопрос его финансирования был в числе наиболее актуальных. Основной бюджет училища формировался из доходов, поступающих за содержание воспитанниц в училищном общежитии (своекоштных и иносословных учениц), поступлений от свечного завода и из доходов церквей и монастырей. Однако этих средств хватало для решения только самых насущных вопросов училищной жизни [8, л. 35; 10, лл. 40–47]. Одним из самых серьезных вопросов, который неоднократно поднимался в процессе заседаний Совета, был вопрос о судьбе тех воспитанниц, которые по ряду семейных обстоятельств не имеют возможности оплачивать свое содержание. В связи с этим от членов Совета неоднократно поступали прошения о том, чтобы принять таких воспитанниц на епархиальное и полуепархиальное содержание [7, с. 1324]. Так, в 1905 году председатель Совета епархиального училища священник Гавриил Граммаков, выступая с предложением о необходимости бедных воспитанниц перевести на епархиальное содержание, поднял вопрос об источниках финансирования, один из которых он увидел в возможности создать попечительство при училище [9, л. 9]. Это предложение было поддержано и при училищной церкви, освященной во имя Св. Тихона Задонского. В том же 1905 году было организовано Попечительство о бедных ученицах, именуемое Тихоновским. Все члены Попечительства выполняли свои обязанности безвозмездно, а средства формировались из членских взносов и пожертвований. Например, в 1915 году ученицам было оказано пособие в размере 530 рублей 58 копеек [9, л. 9].

На судьбу Уфимского епархиального женского училища, в числе таких же учебных заведений в иных губерниях России, повлияли дискуссии о необходимости церковной реформы, а в этом контексте и реформы духовного образования. Ярко такая полемика нашла отражение на страницах епархиальных ведомостей. Так, в 1907 году на страницах Уфимских епархиальных ведомостей отмечалось, что реформа епархиальных женских училищ необходима и неизбежна по ряду причин. Во-первых, в связи с неудовлетворительной постановкой организации управления в училище. Хотя в Уставе указывается коллегиальность в управлении, однако на деле все сводилось к единоличному правлению председателя, поскольку он назначается епископом [3, с. 512–513]. При таком ненормальном многоначалии и борьбе «республиканского и монархического начал» нет никакой пользы. Во-вторых, отмечалось, что принципиальное зло епархиальных женских училищ состоит в том, что они по своей

образовательной стороне мало удовлетворяют современным широким требованиям, предъявляемым к женскому образованию. Некоторые епархиальные женские училища стали учреждать седьмой класс, подражая женским гимназиям, но это не решает проблему, поскольку в женских гимназиях на изучение общеобразовательных предметов используется семь лет, а не шесть, как в епархиальных училищах. Поэтому положительный результат возможен только в том случае, если учреждать седьмой общеобразовательный класс, а не специальный – педагогический. Также епархиальные женские училища должны перейти от системы четырехчасовых ежедневных уроков к системе гимназической – пятичасовых или 50 – минутных уроков [2].

Имели место и радикальные предложения ликвидации епархиальных женских училищ. Отмечалось, что «... училища эти должны быть преобразованы по типу общих женских гимназий, поскольку нет необходимости оставлять их в ведении центрального духовного управления и они должны быть подчинены на общих основаниях Министерству народного просвещения» [3, с. 509].

Отметим, что согласно материалам ревизии Уфимского епархиального женского училища в 1907 году, была представлена положительная характеристика составу и уровню профессиональной квалификации преподавателей. Было отмечено, что, будучи с 1903 года начальницей Училища, вдова Е. Яблокова зарекомендовала себя с самой лучшей стороны как руководитель. Кроме того, важным аспектом деятельности ревизионной комиссии стало изучение вопросов, связанных с анализом революционной активности и поведения учащихся светских и духовных учебных заведений в период событий первой российской революции в 1905–1907 годах. В отчете по этому поводу было отмечено следующее: «Поведение воспитанниц вполне удовлетворительно. Корректно и прилично они держали себя и во время забастовок и уличных демонстраций в 1905 году, в которых принимали участие учащиеся всех уфимских средних учебных заведений, в том числе и воспитанниц женской гимназии. Делались было попытки со стороны забастовщиков и демонстрантов вовлечь в них епархиалок, но никакого успеха они не имели» [5, л. 68].

Исследователь Е.А. Андреева отмечает, что в ходе дискуссий было принято решение о коренном пересмотре учебных программ училищ, в результате чего, были введены следующие меры. В 1907 г. произошли существенные изменения учебного плана, в результате чего увеличилось число предметов за счет алгебры, природоведения, черчения, а также рисования и рукоделия, перенесенных из ряда необязательных дисциплин. Было увеличено количество уроков по русскому языку, истории русской литературы, геометрии, гражданской истории, физике и дидактике. По другим предметам, занимавшим 40 % учебного времени, наоборот, количество уроков сократилось: по Закону Божьему с 21 до 18, по арифметике с 18 до 12, по географии с 12 до 11 и по чистописанию с 10 до 6.

Поскольку в училищный курс были внесены существенные изменения, то и общее число уроков в каждом классе значительно увеличилось, особенно в старших. Например, в 4 классе, вместо 18 уроков в неделю стало 25, в 5 классе вместо 20–26, а в 6 классе не 20, а 28. Это, в свою очередь, потребовало перестроить учебный распорядок занятий епархиалок в ежедневную пятиурочную систему [1].

Таким образом, разработанное для девочек духовного звания содержание среднего образования по своему уровню соответствовало образцам средних светских женских учебных заведений. Кроме того, епархиальные женские училища давали право дочерям представителей духовного звания на материальную независимость от семьи.

В условиях капиталистической трансформации российского общества, сопровождавшейся ломкой социальных границ в конце XIX – начале XX веков, епархиальные женские училища продолжали быть образовательным каналом трансляции корпоративных ценностей духовного сословия.

Список источников и литературы

1. Андреева Е.А. Духовное образование в женских епархиальных училищах. [Электронный ресурс]. URL: <http://biblio.narod.ru>; Она же. Возникновение и развитие епархиальных женских училищ в России (середина XIX – начало XX века). Дис. канд. пед. наук. М., 2000. 236 с.
2. Богословский вестник. 1905. № 7–8. С. 692. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bogoslov.ru/bv/text/170261/index.html>
3. К вопросу о реформе женских епархиальных Училищ // Уфимские епархиальные ведомости. 1907. № 9.
4. Козлов К.В. Создание епархиальных женских училищ в России во второй половине XIX века. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-lib.gasu.ru>.
5. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 802. Оп. 10. Д. 46.
6. Уфимская епархия Русской православной церкви: справочник-путеводитель / авт.-сост. Егоров П.В., Рудин Л.Г. М.: Уфим. епархия РПЦ; О-во сохранения лит. наследия, 2005. 672 с.
7. Церковный вестник. 1905. № 42.
8. НА РБ (Национальный архив Республики Башкортостан). Ф. И-120. Оп. 1. Д. 6.
9. НА РБ. Ф. И-120. Оп. 1. Д. 13.
10. НА РБ. Ф. И-120. Оп. 1. Д. 14.

Аннотация. В данной статье, на основе недостаточно известных исторических материалов, автор попытался проследить историю уездного города Капал в XIX – в начале XX веков, который стал торгово-экономическим и культурным центром в Семиречье. В статье рассмотрены вопросы религии в казахской степи в дореволюционный период, роль татарских купцов в строительстве мечетей. Прослеживается социально-экономическое развитие уездного города Капал, а также роль купцов в процветании уездного города. Делается заключение о том, что происходившие в данном регионе процессы, связанные с колониальной переселенческой политикой Российской империи, повлияли на социальную и хозяйственную жизнь региона.

Ключевые слова: Капал, Семиречье, Казахстан, уезд, торговля, купцы, экономика.

В новой истории Казахстана XIX век отмечен глубокими изменениями в социально-экономической, политической, духовной жизни казахского общества, происходившими под воздействием внешних обстоятельств. Особое место Казахстан занимал в региональной политике Российской империи в XIX века. Ускоряя постепенное продвижение вглубь казахской степи, царская администрация приступила к проведению активной политики по ее завоеванию. Это нашло свое выражение в строительстве военных укреплений, форпостов и окружных приказов, увеличении численности военных формирований и казачьих войск на территории Казахстана. Колонизация Казахстана Россией заключалась в том, что имперская политика навязывала свою систему управления, методы организации управления периферией, и в формировании местного чиновничьего аппарата, во взаимоотношении российского центра и регионов, в стремлении своевременно парализовать объединение Старшего, Среднего и Младшего жузов. Одним из наиболее актуальных тем отечественной науки является история вновь созданных административных образований в XIX веке.

Научный интерес к проблеме обусловлен тем, что особую актуальность приобретает исследование проблем региональной истории, истории регионов в политико-правовом и социально-экономическом плане, без которой невозможно получить полную картину политического, социального, экономического и культурного развития всего Казахстана. Это объясняется обширностью территории Казахстана, различными природно-климатическими и естественно-географическими условиями.

Многие вопросы исторического развития регионов остаются мало изученными, в особенности XIX век – время основания внешних округов, крепостей, уездных городов на территории Казахстана. Эта проблема не отличается разработанностью и представляется одной из актуальных задач современной отечественной исторической науки.

Нас заинтересовала история уездного города Капал, который расположился на Великом Шелковом пути в предгорьях Жунгарского Алатау. Основание Капала начинается с того момента, когда Россия пытается упрочить свое влияние на юге казахской степи, начав строительство пикетов в Семиречье. Об этом свидетельствуют архивные документы, которые хранятся в государственных архивах Казахстана.

В 1846 году в ущелье между Капальским гребнем (Ешкиольмес тау) и горной рекой Кора, расположился на зимовку есаул С.М. Абакумов. Оттуда до Кульджи было всего трое суток пути. Это ущелье до сих пор носит название «Солдатсай». «Когда Абакумов отправился основывать Капал, у него было сотня казаков и несколько артиллеристов при шести орудиях».

Не выдержав холода, снежных буранов, которые в эту зиму длились до 12 дней, потеряв 13 казаков, Абакумову пришлось перенести крепость несколько севернее, на берег реки Капал. В 1847 году здесь было основано военное казачье укрепление. Есаул Степан Абакумов заложил первый камень в фундамент первого дома в Капале [6, с. 63].

В 1854 году Капалу был присвоен статус города. Здесь проживало до 6,5 тыс. человек. Насчитывалось 627 деревянных изб, 10 улиц и 8 переулков. Культурная жизнь города бьет ключом, с 1849 года действовал местный театр, в следующем году была открыта русская начальная школа, действовали медресе и татарская начальная школа. Капал становится не только культурным, но и крупным торговым центром на пути из Ташкента в Западную Сибирь.

Во второй половине XIX века в Капальский регион стали прибывать торговцы из Казани, которые способствовали развитию торговли с Россией, Китаем, Восточным Туркестаном, Ташкентом, Бухарой и Кокандским ханством. Одним из них был Галиакпар Сейфулмулюков, в дальнейшем его фамилия писалась сокращенно – Мулюков. В 1854 году, когда Капал стал окружным городом, свояки Галиакпар, Нажметдин и Мухаметжан переехали из Семипалатинска в Капал. Обосновавшись в Капале, они оживили торговлю и скотоводство, стали купцами первой гильдии. Товарооборот достигает в Капале 30000 руб. [10, с. 3]. Галиакпар в 60-е

годы XIX века построил мечеть, которая вновь стала действовать с 1991 года, когда Казахстан стал независимой республикой. Купец, объединив приверженцев ислама, проводит собрание, на котором было составлено письмо генерал-губернатору Колпаковскому Г. и его подписало 92 мусульманина. Руководство в Омске дает добро на строительство мечети в Капале, утверждает план строительства и назначается архитектор Никитин. Он же является архитектором уникальной деревянной мечети в селе Акколтык близ города Семипалатинск, которая была построена по инициативе татарина Фазылбекова без единого гвоздя.

Серьезной трудностью для возведения мечетей было соблюдение «образцовых чертежей» и установленных российским правительством требований к строительству и месторасположению. В каждом конкретном случае, помимо административных процедур, необходимо представить планы и сметы на строительство [12, л. 160].

Несмотря на волокиты в казахской степи появляются вновь выстроенные объекты духовной культуры горожан. В городе Акмолинск (ныне столица Казахстана) построена в 1895 году мусульманская мечеть на средства богатого акмолинского купца-татарина Н. Забирова.

В Каркаралинском округе отцом великого Абая выстроена мусульманская мечеть. Кунанбай был известен как ревностный почитатель духовности. Желая помочь своим соплеменникам в соблюдении религиозных обрядов, Кунанбай добился возведения мечети [4, с. 66].

Как ни старалась царская власть всевозможными средствами утвердить свою веру на завоеванных территориях, но не добилась в полной мере этой цели. Мечети и медресе строились, хотя медленно. Например, в 1860 году в Каркаралинском округе имелись 1 мечеть и 1 медресе, в Акмолинском округе – 3 мечети и 2 медресе, в Кокчетавском округе – 3 мечети и 2 медресе.

Если большая часть казахской знати уступила царизму в проведении территориально-административных реформ, охотно соглашалась и участвовала в новой системе управления, формируя, таким образом, слой местной чиновничьей элиты, сотрудничавшей с колониальными властями, то в вопросах религии казахи оставались верными духовным воззрениям своих предков.

После воздвижения мечети в Капале возрос авторитет купца Мулюкова Г. среди капальцев. Усиливается духовно-нравственное воспитание местной молодежи. Татарские купцы занимались просветительской работой, одаренных детей отправляли на учебу, проводили культмассовые мероприятия, платили зякет за бедных [7, с. 6].

Купцы приложили все усилия в развитие города. Были построены 546 домов на шести улицах и 9 мостов. С 1857 года для ведения контроля климата Капальского округа оказывалась денежная помощь из фонда купца Галиакпара. В Капальский округ входили девять почтовых станций.

В Капале обосновался омский купец первой гильдии В. Кузнецов, супруга Ксения заведовала ремесленной школой, где девочки обучались швейному делу, мальчики – столярному делу. Купец на свои средства выписывал швейные машины «Зингер» и столярные инструменты. Почтовый тракт из Сибири через Семипалатинск, Аягуз, Копал на Верный местные ямщики называли на свой лад «кузнецовским» [8, с. 3].

Капальские купцы успешно вели бизнес, занимались просветительской деятельностью и благотворительностью, чем заслужили уважение со стороны жителей города.

27 июля 1861 году императором утверждены льготы купцам и мещанам, причисленным городам Аягуз, Кокпекты и Копал с тем, чтобы «лица сии в течений 3-х лет построили, независимо от построенных уже некоторыми из них, новые дома, они открыли какую-нибудь фабрику или завод, если же сего не исполнят, то обязаны внести за все три года повинности и подати».

«Приписавшимся к городам Аягуз, Кокпекты, Копал дозволяется производить торговлю без платежа гильдийских пошлин во всей Семипалатинской области вне таможенной черты, то есть по левую сторону реки Иртыш, с тем лишь ограничением, что желающие воспользоваться правилом должны: построить или приобрести дом с надворными строениями, производить торговлю в объеме, представленную купцам 1-й гильдии в 2000 руб., 2-й гильдии – 1000 руб., 3-й гильдии – 400 руб. серебром» [1, с. 83].

Торговля в степи с казахами носила откровенно неэквивалентный характер. Казахи имели лишь приблизительное представление об истинной цене русских товаров и в то же время за бесценок отдавали скот и продукцию животноводческого хозяйства. Так, в 50-х годах XIX века цена одного барана в среднем колебалась от 1 рубля 50 копеек до 1 рубля 70 копеек серебром, быка – от 14 до 17 рублей, а лошади – от 20 до 35 рублей. Казахи же, судя по данным Г. Колмогорова, за 1 барана брали по 70 копеек – в два раза меньше его действительной стоимости [5, с. 6].

«Баран в экономическом быту киргиза играет самую важную роль. Скот этот весьма ценится русскими, так и среднеазиатскими купцами» [9, с. 7].

Казахи вели деятельный торг скотом, заготавливали значительное количество кож и овчин, шкуры диких зверей, мастера-умельцы изготовляли седла, уздечки, стремяна и конскую сбрую для продажи.

Можно представить, какова была прибыль покупателей, если учесть, что только казахское население «Области сибирских киргизов» ежегодно пригоняло на продажу: лошадей до 15000, быков до 100000, баранов до 3 миллионов голов на сумму до 6 миллионов рублей серебром [11, с. 35].

В отчетах Семипалатинского областного правления имеются сведения о количестве скота, продаваемого на ярмарках.

Таблица 1

Сведения о количестве скота, пригнанного для продажи в 1855 году на Кояндинскую ярмарку [11, 35].

Города	Лошадей (голов)	Овец (голов)	Рогатого скота	Свиней (голов)	Коз (голов)
Семипалатинск	14946	25000	1489	142	469
Усть-Каменогорск	1392	300	815	10	15
Кокпекты	406		1659	1	
Аягуз	734	3588	2074		
Копал	3048	1460	1770	139	300

Казахи были вынуждены смириться с неэквивалентным характером сделок в торговле скотом, так как в значительной степени удовлетворяли свои потребности в хлебе, соли и предметах домашнего обихода за счет торговли с русским купечеством. Кроме того, русское купечество было главным потребителем товаров казахской степи – скота и продукции скотоводства.

Соль добываемая в северо-западном регионе сбывался по всей Заиртышской: в Каркаралы, Сергиополь, Урджар, Копал, Кокпекты, Семипалатинск, Павлодар, в Китай целыми караванами в 20–40 телег, иногда на верблюдах [2, с. 173].

Развитие торговли повлияло на расслоение казахского общества, так как торговлей занимались зажиточные казахи.

К концу XIX века наблюдается подъем экономического положения Капальского уезда. Так, по данным переписи населения 1894 года в уезде проживало 117914 жителей, 106667 коренной национальности. Из 88551 голов лошадей – 81936, из 26676 голов крупнорогатого скота – 21862, из 585706 – голов овец – 582635, 16976 верблюдов принадлежало казахам. У русского населения было 994 голов свиней. На Алматинскую ярмарку в 1894 году, которая состоялась близ Капала, прибыли купцы из Бухары, Ташкента, Кашгарии, Кульджи и Омска. Было продано 3563 голов лошадей, 146 верблюдов, 3822 голов крупнорогатого скота, кошмы – 6870, кожи – 8420, шерсти – 27725 пудов, на общую сумму 324241 рублей. Хлеба на сумму 372037 рублей [10, с. 6]. Эти цифры говорят об экономическом расцвете Капала.

В 1910 году в городе Капал было 17000 жителей, 24 торговых дома, 2 мельницы, 2 кирпичных завода, маслозавод, винодельный завод, две мечети и одна церковь [3, с. 6].

Удобное географическое положение уездного города Капал привлекало торгово-промышленный капитал и купечество.

Распространенной формой социальной активности капальского купечества была благотворительность и меценатство, благодаря чему в городе появились объекты духовной и светской культуры, получило развитие народное просвещение, существенно продвинулось благоустройство уездного города. Купеческий капитал играл важную роль в развитии промышленности уездного города Капал.

Список источников и литературы

1. Административно-территориальное управление Восточным Казахстаном (XVIII в. – в 30 годы в.). Сборник документов. ЦДНИИ. Семипалатинск, 2006. 226 с.
2. Асфендияров С.Д. Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Алматы, 1998. 304 с.
3. Кайрамбаев К. Тарихы онын тангажайып // Жетису. 23.09. 2000.
4. Касымбаев Ж.К. Старший султан Кунанбай Оскенбаев и его окружение. Алматы, 1995. 122 с.
5. Колмогоров Г. О промышленности и торговле в Киргизских степях Сибирского ведомства // Вестник ИРГО. СПб., ч. 13. 1855. 38 с.
6. Марков С. Идущие к вершинам. Алматы: Изд-во Санат, 1995. 122 с.
7. Мулюкова М. Священный полумесяц «живет» и по сей день // Огни Алатау. 17.09. 2019.
8. Проскурин П. Копал // Комсомольская правда. 26.06.2000.
9. Тетеревников А.Н. Очерки внутренней торговли Киргизской степи. СПб., 1867. 72 с.
10. Толымбеков Ж. Қапалдық Мөлековтар // Талдықорған ақшамы. № 23. 07.06. 2019.
11. Торговые связи Семипалатинского Прииртышья (XVIII в. – начало XX в.). Управление архивов и документов ВКО, ЦДНИ ВКО: Сборник документов. Семей, 2006. с. 35.
12. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 38. Оп. 1. Д.109. Л.160.

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы становления концепции идеального города в эпоху Возрождения и влияния общественного сознания эпохи на её проектное воплощение.

Ключевые слова: гражданский гуманизм, идеальный город, возрожденческая концепция человека, город как центр культуры и образования.

Город – центр самодостаточной территории, длящийся во времени. Он представляет собой единство архитектурно-парковых (природных) ансамблей с самосознанием его жителей и принципами успешной коммуникации, а также следствие специализации и кооперации труда. Идеальный город – концептуальное представление о целях и задачах функционирования города в различные эпохи.

Город (находящийся в ограде, «Урук огражденный»), концентрирующий на своей территории и в своей хронологии результаты достижения человеческого рода, становится центром территории сначала района, затем региона, затем по итогам соперничества с другими городами – столицей моноэтнического государства или полиэтнической империи. Город в силу своего значения приобретает, делегирует и дарит окружающим поселениям управленческие полномочия, культурные традиции.

Возрожденческий город как центр культуры и образования перенимает эстафету у античного города – полиса, восстанавливая роль и приоритеты городской культуры. «Civitas» – городской, значит – цивилизованный. «Мы жили хорошо и без культуры», отмечает отшельник Петр, герой одного из диалогов гуманиста 15 века. «Но подумай, как бы вы хорошо жили с культурой!» – восклицает его оппонент. Неслучайно эрудиция становится одним из показателей возрожденческой мысли. Желание знать всё обо всём проистекало из осознания равновеликости культурных наследий, пластов своей и иной культуры. Центром толерантного кросскультурного диалога мог стать только город. Можно сказать, что на новом уровне практически реализовывался лозунг о городе как единстве непохожих. Одной из главных характеристик городского общества становится его открытость влияниям извне, пластичность. Можно даже сказать, что культурное взаимодействие лидеров возрожденческих городских сообществ с представителями средневековых сословно-корпоративных организованностей вне городов-государств было успешным долгое время благодаря тому положительному имиджу, который в культурном диалоге являли лучшие образованные умы эпохи, подобные Лоренцо Валле или Марсилио Фичино. «Государства, желающие стать счастливыми, не имеют надобности ни в стенах, ни в триерах, ни в гаванях, ни в большой численности или в величии народа, если всё это чуждо добродетели [4, с. 72].

В самом городе формируется центр образования и культуры, принципиально новый для эпохи – университет. Университет борется за право быть «непохожим», «городом в городе» и добивается самостоятельной юрисдикции, интернационального статуса обучающихся и свободы дискуссий. Так будет положено начало республике ученых задолго до осознания этой общности Эразмом из Роттердама. Недаром «ангельский доктор» Фома Аквинский чувствовал себя по-настоящему комфортно вовсе не в родном монастыре, а на диспутах в Сорбонне.

Центр старой сословной культуры – замок уступает пальму первенства городу, центр сохранения традиций и оплот первого сословия – монастырь делится с городом своим влиянием и также уступает ему. Третье сословие побеждает гораздо раньше, чем оформляется его историческое экономическое преобладание или политический диктат. В равновеликом соревновании культурных форм побеждает новый синтез, сохраняющий сословные традиции и корпоративную культуру средневековья, возрождающий и заново осваивающий античное наследие и творящий эпоху Нового времени, эпоху свободной личности, осознания естественных прав человека и договорного характера общественных установлений.

Но и в самом городе Возрождения возникает оппозиция гуманизму в форме протестантизма. Гражданский гуманизм как идеология побеждающей буржуазии трансцендентен религиозной доктрине и церковной организации. Однако бюргерская экономически ориентированная мораль диктует направление развития христианской догматике и культовым проявлениям. И хотя возжигание свечей перед бюстом Платона каноником Марсилио Фичино ещё не назовёшь бунтом против Ватикана, равно как и разоблачение подложного «Константинова дара» Лоренцо Валлой, но если бы подобное случилось в Германии, а не Италии, последствия были бы более радикальными.

Город как центр индивидуальной свободы и самоопределения личности в культуре и истории европейского средневековья и перехода к Новому времени связан с принципом предоставления личных прав человеку, прожившему на его территории год и один день, что выражается в крылатой фразе «воздух города делает человека свободным».

Представление о свободе самоопределения в рамках гуманизма Возрождения подчеркивается признанием роли человека как творца культуры и своей сущности. «Не даем мы тебе, о Адам, ни своего места, ни образа, ни особой обязанности ... – говорит Творец Адаму – Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению. Я ставлю тебя в центр мира» [3, с. 249]. Свободная личность как таковая в контексте социальных связей города, унаследованных от корпоративно-ремесленной культуры средних веков, отныне обладает санкционированной Богом свободой выбора [2, с. 273]. Эту свободу ренессансная личность реализовывает в понятии «virtu» – достоинства, необходимого для любого жизненного кредо. «Бездеятельная жизнь в созерцании и деятельная, гражданская жизнь – обе заслуживают похвал» [1, с. 58] Так примиряются предпринимательство и схоластика, политика и теология.

Совмещение града земного и града небесного, возможное ранее лишь в специально организованном пространстве братского монастыря или городского собора, теперь выплёскивается в широту городских улиц и площадей.

Пространство планируется и становится социально организованным под цели построения справедливого общества. Внешний облик идеального города складывается под влиянием античного наследия (Платон, Аристотель) и идей обеспечения социальной справедливости посредством представительной демократии (города-коммуны Северной Италии).

Противоречия в практической реализации идей гражданского гуманизма в политической практике возрожденческого города, подмеченные Н. Макиавелли, приводят к утопическому допущению искусственного создания новых городов. Не как административно-управленческих или коммуникативно-экономических центров, но как средоточия новой гуманистической культуры. Проекты таких новых городов были частично реализованы, к примеру в Италии. Действительно, физическая реконструкция прежних городов была невозможна в силу плотности застройки, амбиций собственников, общекультурной значимости сооружений. О последней причине стоит сказать отдельно. Именно в реальном возрожденческом городе возникает мысль о равноправии культурных наследий, проводятся работы по реконструкции и сохранению памятников иных культур и эпох. Короли Испании не смогли и не захотели уничтожить великолепие Мескиты, вернув соборной мечети в Кордове статус христианского храма. Уникальность мавританской Альгамбры в Гранаде была дополнена королевским дворцом Карла I(V), который использовал для размещения своего двора весь прежний дворцовый комплекс арабских властителей. До сих пор в Севилье, Кордове, Пальме де Майорке королевские резиденции находятся в бережно сохраняемых алькасарях.

Разумеется, реальный возрожденческий город унаследовал от средневекового периода развития хаос извилистых улиц и отсутствие необходимых для здоровой жизни условий и коммуникаций. Однако он представлял в градостроительных попытках XV–XVI столетий реализацию концентрической модели линейно-радиального построения улиц при сохранении окружностей крепостных стен и укреплений.

Картины Кваттроченто уже являют собой концепт идеального города, чьи строения присутствуют практически всюду. Как тут не вспомнить о «городе Солнца» Фомы Кампанеллы, который расположен на холме и круглая центральная площадь которого расположена вокруг круглого же храма – ротонды. Реальным воплощением регулярной застройки XVI века являются и по сей час функционирующие в прежних границах возрожденческие итальянские города Феррара и Пальманова [6], выстроенные в форме правильных восьмигранников.

Вилла мыслится продолжением городского пространства, идеальным городом, перенесённым в природную благоприятную для человека среду. Она дополняется садом, архитектурно оформленным и геометрически правильным. Конечно, сад заимствует из средневековой концепции огражденного вертограда свою изысканную эксклюзивность, но теряет изолированность и превращается в открытое миру и человеку пространство. «Традиционный идеал монашеского уединения и отшельничества, волновавший ещё Петрарку сменяется ренессансным идеалом досуга на загородной резиденции» [8, с. 178]. Справедливости ради стоит заметить, что шествовавшего по вилле в римской тоге с лавровым венком на голове Петрарку более волновали идеи возрождения основ римской гражданственности, нежели идеалы братского монастырского общежития. Сад как средоточие достоинств земного Эдема включает архитектурно- скульптурные композиционные решения: беседки – ротонды, лоджии, и конечно поражающие воображение фонтаны в окружении скульптурных групп. Как тут не вспомнить героя сказки «Тысяча и одной ночи», который «сделал фонтан в водоёме, который похитил умы всех жителей города, видевших его» [7, с. 294]. Наряду со «сладостным новым стилем» итальянской поэзии арабским заимствованием были дворцово-парковые ансамбли вилл раннего Ренессанса, повторявшие композиционные находки Аль-Андалуза и Сицилии.

Таким образом, и в политической, и в общекультурной практике коммуникации возрожденческого города доминировало ожидание идеального города, основным таксоном которого явился не столько макиавеллизм, сколько идея толерантности. Данная гуманистическая доминанта эпохи, совместно с идеей вечного мира (Г. Гроций) ознаменовала начало Нового времени. Совмещение несовместимых идеологий, выраженное в деятельности Генриха де Бурбона, снискало ему титул «Великий» впервые после первого Каролинга. Выступая гарантом социального примирения, король Франции в реальном возрожденческом городе, центре науки и культуры, центре административного управления централизованного государства настоял на принятии Нант-

ского эдикта парламентом Парижа. «Вы сделаете это не только для меня, но также для себя и для пользы мира» [5, с. 79]. В то же время наряду с социально-политическими коннотациями этого факта совершенно очевиден мировоззренческий революционный прорыв, приводящий к совершенно новой культурной парадигме. «Гармония рождается разнообразием вещей, взятых вместе и друг другу противоположных» [9, с. 625]. И это вовсе не только о музыке, а скорее о новых принципах существования города, всё более актуальных сейчас.

Список источников и литературы

1. Аретино Леонардо Бруни. Введение в науку о морали // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / Сост. общ. ред., вступит. статья и коммент. Л.М. Брагиной. М. Издательство Московского университета, 1985.
2. Валла Лоренцо. Об истинном и ложном благе. О свободе воли. М., 1989.
3. Пико делла Мирандола. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса. В 2 т. / Сост. В.П. Шестаков. М., 1981. Т. 1.
4. Платон. Алкивиад 1. 134. В. // Платон. Диалоги. СПб., 2008.
5. Плешкова С.Л. Генрих IV Французский // Вопросы истории. 1999. № 10.
6. Соловьев К.А., Юргайтис А.Ю. Проекты идеальных городов эпохи Возрождения. Проблематика создания идеального города. // Архитектура и строительство России. [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.archhealth.ru/tekushchee-izdanie/arkhitektura-i-antropogennaya-sreda/5bms4ac8rg45-211>.
7. Сказка об Абу Кире и Абу Сире // Тысяча и одна ночь. Избранные сказки и рассказы. Пер. с арабского М.А. Салье. Казань, 1990.
8. Тучков И.И. GENIUS LOCI: вилла Д'Эсте в Тиволи // Искусство и культура Италии эпохи Возрождения и Просвещения. М.: Наука, 1999.
9. Царлино Джозеффо. Установления гармонии. Эстетика Ренессанса. В 2 т. / Сост. В.П. Шестаков. М., 1981. Т. II.

УДК 808.5

Лингвистические компетенции как основа взаимодействия языка, культуры, образования

Скальская Е.С.
г. Стерлитамак

Актуальность. Актуальность исследования продиктована необходимостью внедрения разнообразных технологий, разработанных в русле компетентностного подхода в практику иноязычного образования. В статье проанализированы роль языка, культуры, образования в формировании ключевых компетенций филологического образования. Последовательная реализация компетентностного подхода способствует повышению результативности обучения, развитию ценностно-смысловых качеств и коммуникативного поведения обучающихся.

Ключевые слова: компетенции, компетентность, язык, культура, образование, иноязычное образование.

Современный этап развития общественных отношений, происходящие политические и экономические преобразования в стране обусловили особую актуальность педагогических проблем, в частности, проблемы гуманизации образования, предполагающей признание ценности человека как личности, его самоопределение, творческое самовыражение, его развитие. Одним из важнейших условий реализации данной парадигмы является выбор методов и приёмов обучения, новых образовательных технологий, которые обеспечивают широкую функциональную грамотность и компетентность обучающихся.

Термины «компетенции» и «компетентность» не являются данью моде. На рубеже прошлого и нынешнего столетий педагогическая общественность живо дискутировала по поводу феноменологических свойств данных дифиниций, а также по их разграничению в употреблении. Все многообразие научных дискуссий мы можем свести к следующему: термины «компетенции» и «компетентность» используются либо для описания конечного результата обучения, либо для описания различных свойств личности, присущих ей или приобретенных в процессе образования.

В рамках нашего исследования остановимся на термине «лингвистическая компетентность». Впервые термин «языковая компетенция» (или лингвистическая компетенция – заимствование иноязычного слова *linguistic* из зарубежной лингвистики) был введен американским лингвистом Н. Хомским в середине XX в. Согласно Н. Хомскому, он обозначает способность понимать и продуцировать неограниченное число правильных в языковом отношении предложений с помощью усвоенных языковых знаков и правил их соедине-

ния. Это подразумевает способность, необходимую для выполнения определенной, преимущественно языковой деятельности в родном языке [7].

В соответствии с компетентностным подходом знания, умения и навыки являются лишь одним из компонентов, формирующих содержание образования, второй компонент – именно компетенции. Компетенция – способность к выполнению какой-либо деятельности на основе приобретенных знаний, навыков, умений. Компетентностный подход предполагает формирование различных видов компетенций.

В теории и практике филологического образования выделяются следующие компетенции: языковая, лингвистическая, коммуникативная, культуроведческая. Языковая компетенция – владение знаниями о языке, его средствах, богатстве лексического состава, а также обогащение словарного запаса и грамматического строя речи учащихся, освоение норм языка. Лингвистическая компетенция – овладение основами науки о языке, сведениями о языке как о знаковой системе и общественном явлении, предполагает усвоение понятийной базы курса, определенного комплекса понятий, формирование представлений об устройстве языка, его развитии и функционировании, овладение способами действия, обеспечивающими опознавание языковых явлений и их употребление в речи, целенаправленное формирование лингвистической рефлексии как процесса осознания школьником своей деятельности. Коммуникативная компетенция – овладение навыками устной и письменной речи (знакомство школьников со стилями и типами речи, овладение первоначальными навыками анализа текста и готовность к словесному взаимодействию). Культуроведческая компетенция – овладение языком как средством «приобщения к национальной культуре». Обучаемые получают знания об истории языка, о речевом этикете, связи языка с национальной культурой, при этом важную роль играют тексты художественной литературы, которые являются одним из основных дидактических средств духовного и эстетического воспитания.

Исследователи Е.А. Быстрова и С.И. Львова рассматривают лингвистическую компетенцию как приоритетную в обучении, аргументируя свой выбор тем, что данная компетенция обеспечивает «познавательную культуру личности школьника, развитие логического мышления, памяти, воображения учащихся, в конечном счете, формирование современного мышления» [1, с. 24]. Лингвистическая компетенция способствует воспитанию в обучаемых и потребности к саморазвитию, формированию учебно-языковых умений и навыков при работе с изучаемым материалом, способствует развитию системного мышления. Следует выделить аналитические умения, реализуемые на практике при выполнении различных видов лингвистического разбора. Учить мыслить – одна из задач развития личности, а развитие личности и является целью современного образования. Сформированность лингвистической компетенции проявляется через овладение способами действия: опознавать языковые единицы, анализировать языковой материал, объяснять, доказывать, классифицировать, осуществлять разные виды лингвистических разборов, правильно употреблять те или иные единицы в своей речи (основа коммуникативной компетенции). Формирование лингвистической компетенции является условием осознанного усвоения языковых фактов, явлений, правил. Гармоничное развитие языковой личности школьника предполагает не только знание системы языка, но и готовность использовать язык для решения коммуникативных задач. Таким образом, взаимосвязанное развитие коммуникативной и лингвистической компетенций способствует достижению целей обучения и повышает качество языкового образования.

По мнению Е.А. Быстровой, для развития личности ученика и его общей культуры лингвистическая компетенция не только обязательное и необходимое условие овладения речевой деятельностью, но и первоочередное средство языкового развития, расширения лингвистического кругозора, познания языка как специфической знаковой системы и как общественного явления.

Русский язык в системе подготовки специалиста иностранного языка является базой, на которой выстраивается процесс обучения иностранному языку. Чтобы хорошо овладеть иностранным языком, необходимо своим родным владеть на высоком уровне.

Так, через полученные на родном языке знания, формируется национальная, социально ориентированная, мыслящая языковая личность. Исследования учёных показывают, что знание иностранного языка прямо пропорционально знанию родного. Чем лучше владение родным языком, его словарным запасом, грамматической системой, речевыми навыками, тем выше владение и иностранным языком по тем же параметрам. С.Г. Тер-Минасова подчеркивает, что «язык отражает не только физические условия жизни, природу, климат, быт его носителей, но и их мораль, систему ценностей, менталитет, национальный характер, отношения между людьми и многое другое – все то, что составляет культуру в широком, этнографическом смысле этого слова» [5, с. 136].

Таким образом, именно культура лежит в основе лингвистической компетенции. Остановимся более подробно на этом понятии. Культура – специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе. Культура, по словам Ю.М. Лотмана, «понятие коллективное» [2, с. 5]. Отдельный человек может быть носителем культуры, может активно участвовать в её развитии, тем не менее, культура по своей природе – явление общественное. Говоря о «вековом здании культуры», Ю.М. Лотман справедливо считает, что культура не есть феномен, принадлежащий строго определённой исторической эпохе, какому-либо поколению.

«Культура всегда подразумевает сохранение предшествующего опыта... Потому она всегда связана с историей, всегда подразумевает непрерывность нравственной, интеллектуальной, духовной жизни человека, общества и человечества. И потому, когда мы говорим «нашей», «современной», мы, может быть, сами того не подозревая, говорим и об огромном пути, который эта культура прошла» [2, с. 8].

Как видим, культура кумулирует весь исторический путь, пройденный человечеством, является своеобразным паролем входа в другие измерения. При этом национальная культура вступает в диалог с другими национальными культурами, выявляя такие пласты, на которых в родной культуре внимания не обращалось. Диалогичность, как, важнейшее феноменологическое свойство культуры, проявляется и в том, что культура не просто формирует и реализует сущностные силы человека, но реализует их в диалоге, то есть в обмене знаниями, информацией, эмоциями.

В этой связи, именно учитель иностранного языка, имея дело сразу с несколькими культурами, должен обладать способностью к самодетерминации, идентификации себя с родной, иноязычной и мировой культурой в целом, находить ориентиры для себя и своих учеников, четко осознавать свое отношение к особенностям иноязычных культур. При этом профессионал, погружающийся в ценностный мир сразу нескольких культур, должен суметь удерживать себя в рамках ценностей родной культуры и передать это умение своим ученикам. В противном случае личность такого педагога «размывается» подобно тому, как «размываются» и наслаиваются друг на друга ценности из иноязычных культур. Запутавшийся учитель, вряд ли, сможет благотворно повлиять на своих учеников и научить их быть гражданами своей страны, личностями с твердыми убеждениями.

Анализируя иноязычное образование, Е.И. Пассов определяет культуру как «систему ценностей, которая, используемая в качестве содержания образования, становится тем пространством существования, благодаря которому человек может стать человеком духовным» [4, с. 162]. Нет сомнений, что именно культура во всех ее проявлениях должна стать содержанием профессиональной подготовки будущего учителя иностранных языков. О необходимости рассматривать элементы культуры при изучении иностранного языка стали активно говорить в последние десятилетия. Адекватная, полноценная коммуникация невозможна, если преподавать язык в отрыве от культуры нации.

Национально-культурные особенности каждого народа и их отражение в языке являются достаточно широко исследуемой темой в наши дни, особенно в языкознании. Такой повышенный интерес обусловил возникновение в 90-х годах XX века новой науки – лингвокультурологии, областью научных исследований которой становится язык как феномен культуры. «Язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в ней, развивается в ней и выражает её», и – справедливо замечает В.А. Маслова [3, с. 9].

Как известно, процесс образования – это процесс передачи культуры. Согласно Е.И. Пассову [4], процесс иноязычного образования – это процесс передачи иноязычной культуры. Принимая во внимание сказанное выше, становится понятно, что учитель иностранных языков должен быть «проводником в мир иноязычной культуры». Преподавая иностранный язык, происходит знакомство с фактами (языковыми, историческими, географическими, политическими и т.д.) культуры народа, который создал и говорит на преподаваемом иностранном языке.

Однако такой подход к обучению иностранным языкам дал определенному количеству наших граждан «слепое» восхищение всем, что приходит с Запада и пренебрежительное отношение к роли своего государства в истории мировых достижений. С другой стороны, учитель, следуя реалиям, отраженным в учебнике, объясняет, какие достопримечательности или великие люди из родной и иноязычной культуры изображены на рисунках, однако далеко не всегда учителем подчеркивается взаимосвязь и взаимопроникновение культур даже на уровне уже предоставленного в учебнике материала.

В рамках иноязычного образования недостаточно просто сравнивать здания и достижения пусть и незаурядных представителей разных стран и эпох. Необходимо не поверхностное, но глубинное проникновение в культуру. Часто значимость и взаимосвязь культурных реалий так и остается непознанной учеником. Сложно себе представить, что учитель может полностью раскрыть истинное отношение носителей культуры к преподаваемым фактам, когда сам учитель этого не прочувствовал и не осознал. Он забывает, что любое языковое правило и любая условно-речевая или реальная речевая ситуация в классе отражает факт культуры и объяснять его ученикам необходимо. В противном случае, учитель вряд ли сможет привить уважение к иноязычной культуре и культуре родной, помочь ученикам понять, принять и присвоить модели коммуникативного поведения, нравственные и духовные нормы собственного народа и народа страны изучаемого языка.

Еще одним немаловажным аспектом является понимание того что подразумевается под, казалось бы, не нуждающимися в пояснениях словами «родная культура». Полиэтническое государство не имеет однослойной культуры. Несмотря на преобладающее большинство русских в РФ, национальная культура веками складывалась и складывается из наслоения этнических культур народов, которые являются неотъемлемой частью нашего государства. Именно поэтому, по мнению С.Ю. Умеренкова, «на всех уровнях иноязычного образования родная культура (как и культура иноязычная) должна быть представлена во всем своем многообразии народов составляющих нацию» [6].

Таким образом, можно сделать вывод, что культура является квинтэссенцией, альфой и омегой содержания лингвистической компетенции. С другой стороны, лингвистическая компетенция обеспечивает познава-

тельную культуру личности обучаемых, развитие логического мышления, памяти, воображения, овладение навыками самоанализа, самооценки, а также формирование лингвистической рефлексии как процесса осознания школьником своей речевой деятельности.

Список источников и литературы

1. Быстрова Е.А., Львова С. И. Обучение русскому языку в школе: учеб. пособ. для студ. пед. вузов. М.: Дрофа, 2004. 279 с.
2. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (18 – нач. 19 в.). 2-е изд. СПб.: Искусство СПб., 2015. 608 с.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Издательский центр Академия, 2004. 208 с.
4. Пассов Е.И. Методика как теория и технология иноязычного образования. – Кн.1 Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2010. 543 с.
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 624 с.
6. Умеренков С.Ю. Культура в профессиональной подготовке будущих учителей иностранных языков // Актуальные проблемы современного иноязычного образования. 2015. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=48957>
7. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М., 1972. 129 с.

УДК 93/94

Являлся ли Березов центром городского летописания?

Солодкин Я.Г.
г. Нижневартовск

Аннотация. Распространенное в историографии (прежде всего благодаря исследованиям Д.Я. Резуна) мнение о Березове как центре городского летописания XVII в. пока нельзя признать оправданным. В отличие от дошедших до нас «рописей» тобольских и томских администраторов перечень березовских воевод, о котором известно по материалам середины XVIII столетия, мог являться, подобно спискам «градодержателей» Верхотурья и Нарыма, извлечением из Сибирского летописного свода или, что более вероятно, документом, возникшим в приказной избе, обнаруживая интерес кого-то из березовцев к прошлому родного города.

Ключевые слова: Городовое летописание, Березов, «записка» Поленовых, перечни сибирских воевод, Сибирский летописный свод, «реестр» тобольских администраторов по Долговскому списку, «Роспись томских воевод».

В XVII–XVIII вв. на востоке России наряду с общесибирским получило распространение и городское летописание, одним из центров которого (помимо Тобольска, Мангазеи, Верхотурья, Тары, Енисейска, Кузнецка, Иркутска) Д. Я. Резуном считался Березов [21, с. 196; 22, с. 71; 23, с. 112, и др.; см. также: 1, с. 26; 18, с. 241]. (Заметим, что вопреки мнению Д. Я. Резуна, причислять известное во многих редакциях «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее ...», начиная с Книги записной (далее – КЗ), к городским летописям едва ли стоит, ведь собственно городская тематика в этом произведении занимает далеко не центральное место).

Обосновывая приведенный вывод, видный сибиревед ссылался на сообщения березовских властей второй трети XVIII в. о «с начала города (Березова. – Я.С.) всем воеводам в жизнь записке», открывающейся известием про его «поставление» Н.В. Траханиотовым в 101 (1592/93) г., которую живший там И. Поленов унаследовал от отца. Как допускала Н.А. Миненко, полученная И. Поленовым «записка», о которой впервые упоминается в премории Березовской воеводской канцелярии за 1739 г., доводилась до 1736 г. [12, с. 119]. На взгляд этой исследовательницы, «очевидно, автором первых записей был казак, прибывший в Березов в составе отряда Траханиотова и потому не знавший и не упоминавший о предыдущих воеводах города, в частности, Горчакове» [12, с. 119, ср. с. 34]. Но версия о князе П.И. Горчакове как березовском воеводе, которую первым высказал А.И. Андреев, лишена должных оснований. Вывод же Н.А. Миненко о закладке Березова воеводой И.А. Мансуровым, который, согласно летописной традиции, основал Обский городок, следует считать бездоказательным [7, с. 79–80, и др.]. Не стоит и атрибутировать начало «записки» Поленовых какому-то местному казаку конца XVI в., к ее составлению могли приступить значительно позднее.

Но эта «записка» (позднее, вероятно, утраченная) могла представлять собой подобно имевшимся в распоряжении Г.Ф. Миллера «реестрам» верхотурских и нарымских администраторов извлечение из Сибирского летописного свода (далее – СЛС), так что говорить о Березове как центре городского летописания преждевре-

менно [26, с. 71, 99–100, 153, 206; 27, с. 10; 30, с. 249, и др.]. (О «записке», принадлежавшей Поленовым, Г.Ф. Миллера извещала березовская воеводская канцелярия в ответ на его запрос в 1739 г. Будучи летом следующего года в Березове, историк получил список местных воевод [2, с. 35–36; 10, с. 278, 490; 12, с. 119, и др.]). Любопытно, что в одном из видов Основной редакции Есиповской летописи (далее – ОЕЛ) текст дополнен сообщениями о тобольских архиепископах Макарии, Нектарии и Герасиме, явно заимствованными из какой-то редакции СЛС – Головинской или Нарышкинской (далее – ГР и НР соответственно) [8, с. 58–60]. К тому же версия КЗ – старшей среди дошедших до нас редакций СЛС – об осаде Березова мятежными «иноземцами» при воеводе князе П. А. Черкасском едва ли достоверна [7, с. 38, 39, 98–99, 419, 422–424; 9, с. 159, 214, 215; 13, с. 161–162; 29, с. 115–116]. (Кстати, в СЛС говорится о «перемене» Черкасского, управлявшего Березовым с 114 (1605/06) г., в следующем году [20, с. 143, 192, ср. с. 260, 317], тогда как при обращении к документальным материалам выясняется, что Черкасский «сидел» в городе, являвшемся тогда центром самого обширного уезда Сибири, в 1605–1608 гг.).

В КЗ (в других редакциях СЛС об этом не сказано) повествуется и об «измене» «от иноземцев» в период «сидения» в Березове А. П. Давыдова и казни 20 ее «заводчиков» – «князцов лучших», которые «были обличены в том». По документам известно, что этот воевода находился в городе на Северной Сосьве с 1662 г. [6, с. 152; 13, с. 181]. Но воеводство А.П. Давыдова в Березове летописец приурочил ко времени первого тобольского «властодержательства» боярина князя А.А. Голицына [20, с. 161, 162, ср. 206, 207, 271, 272, 327], тогда как из документов выясняется, что сыск о якобы готовившемся мятеже велся накануне, в 1663 г. [3, с. 137; 4, с. 159; 7, с. 431–432, 442; 15, с. 25; 16, с. 13; 17, с. 158, и др.], при боярине князе И.А. Хилкове, управлявшем Тобольским разрядом в течение мая 1659–мая 1664 гг. (Давыдов же ведал Березовом на протяжении 1662–1667 гг., т. е. являлся подчиненным двух старших тобольских воевод кряду). Известно также, что по распоряжению Давыдова были казнены не 20, а 14 или от 16 до 18 князцов [13, с. 61, 65, 66, 168, и др.]. Примем во внимание и то, что о пожаре, уничтожившем Березов в 1642 г. [7, с. 106, 107; 11, с. 77, ср. с. 572, 611, 684], в СЛС умалчивается, хотя сказано, кроме ряда тобольских, о пожарах, которые произошли в Пельме и Кетске [20, с. 139–140, 146, 195, 196]. А. И. Андреев находил, что перечни воевод (вроде «записки» И. Поленова) могли явиться источниками этого свода, точнее, его второй, самой обширной части – «Описания о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее ...» [10, с. 490]. Применительно к упомянутому «реестру» березовских «начальных людей» такое заключение едва ли основательно. Ведь в КЗ и нескольких последующих редакциях СЛС из числа преемников Н. В. Траханиотова и его «товарищей» князя М. Волконского и И. Змеева, заложивших крепость близ устья Северной Сосьвы в 7101 (1593) г., названы лишь И.Г. Волынский и И.И. Биркин, князь Ф.А. Татев и Ю. Кобяков, князь П.А. Черкасский и И.И. Зубов, С.И. Волынский и Ю. Стромиллов, И.И. Биркин и В.С. Нармацкий, управлявшие этим городом в 107–108, 111–115, 121–123 (1598/99–1599/1600, 1602/03–1606/07, 1612/13–1614/15) гг. [20, с. 139, 141–145, 191–193, и др.]. (Указание летописца на «сидение» в Березове князя Ф. А. Козловского и А. И. Ширина в 108 – 109 (1599/1600–1600/1601) гг. ошибочно, они ведали этим городом спустя почти четверть века [13, с. 100, 180; 20, с. 147, 196, 263]).

Кроме того, в КЗ есть сведения, подтверждаемые документально, об участии березовцев в основании Сургута, Томска и Якутска [20, с. 140, 141, 152, ср. с. 191].

Приведенное мнение А. И. Андреева может считаться вероятным относительно перечня сибирских администраторов, подобного тому, который сохранился в рукописи из собрания С. О. Долгова, где следует за ОЕЛ [20, с. 74–75]. (Аналогом этого перечня (далее – Д), доведенного до 1631 г., может считаться «Роспись томских воевод» (далее – РТВ) [20, с. 344–345], завершенная не ранее 1699 г. и заметно отличающаяся по содержанию от данных СЛС, в том числе его Томской редакции [26, с. 63–68, 90–95]).

В Д, где первым тобольским воеводой представлен князь В. В. Кольцов-Мосальский, а не Д.Д. Чулков, как в ОЕЛ и СЛС, имеются лишь «годовые» даты (лишь о назначении боярина князя Ю. Я. Сулешева сказано с обозначением не только года, но и месяца, даже числа [20, с. 75, 147, 195, 262, 319]), в КЗ и других редакциях обширного свода, который велся в XVII – середине XVIII вв. главным образом в сибирской столице, – более точные определения времени воеводства «градодержателей» Тобольска (начиная с занявшего такую должность в январе 1616 г. князя И.С. Куракина – первого боярина, сделавшегося там «седоком»). В части же до 1616 г. Д и КЗ близки в том отношении, что если им следовать, воеводы приступали к выполнению своих функций с наступлением нового года. Согласно Д, стольник князь И.М. Катырев-Ростовский возглавил первый из разрядов, учрежденных в Сибири, в 118 (1609/10) г. Точнее, это произошло, о чем мы читаем в КЗ, в начале 117 (1608) г., после того, как окольничий М.М. Салтыков, назначенный старшим воеводой «стольного» Тобольска, умер по пути к нему – «на Верхотурье». В КЗ вдобавок к Д перечислены сослуживцы управлявших этим городом, а со временем и всей «Сибирской страной» князей Ф. М. Лобанова-Ростовского и М.А. Щербатого, Е.В. Бутурлина, С.Ф. Сабурова, Ф.И. Шереметева, князей Р.Ф. Троекурова, И.П. Буйносова-Ростовского, И.С. Куракина, Ю.Я. Сулешева, Д.Т. и А.Н. Трубецких, А.А. Хованского. Примечательно, что в Д умалчивается о смерти в Тобольске воевод С.Ф. Сабурова, Е.М. Пушкина и И.В. Волынского Птицы, кончине назначенного туда М.М. Салтыкова, но говорится об определении на место умершего дьяка Н. Федорова И. Булыгина (в 122, т. е. 1613/14 г.) и замене в 134 (1625/26) г. боярина князя Д.Т. Трубецкого, которого не стало накануне, князем А.А. Хованским. Это обстоятельство наводит на мысль о том, что к составлению Д

в тобольской воеводской палате приступили не ранее 1613/14 г. В КЗ приведены и отсутствующие в Д фамилия дьяка Нечая Федорова (Перфирьев) и отчества воеводы князя М. Щербатого и дьяка Ивана Булыгина (Григорьев). В Д подчас искажены фамилии и отчества ряда администраторов: Ефим Бутурлин назван Вахромеевичем, а не Варфоломеевичем, князь Р.Ф. Троекуров именуется Федотичем вместо Федоровичем, князь Телятевский – Федором Никитичем, а не Федором Андреевичем, князь И.Ф. Волконский – Вольковским, дьяк И. Федоров – Федоровичем, дьяк С. Угодский – Угодким, дьяк Е. Евсеев – Евсеевичем, письменный голова Ф. Шараров – Шараневым, дьяк Филипп Голенищев называется Иваном [ср. 20, с. 98, 99], воевода князь Г.И. Гагарин же превращен в дьяка. По-видимому, эти ошибки допущены переписчиком. Можно полагать, что в КЗ или ее протографе использован не Д, а иная «роспись» тобольских воевод и их «товарищей», скорее всего, более ранняя – вероятно, такая, где, как и в старшей редакции СЛС, говорилось о воеводстве в 95–97 (1586/87–1588/89) гг. Д. Чулкова «в зачатию Тобольска» [20, с. 139].

Обратим внимание на то, что в МР и ГР СЛС сравнительно с другими есть несколько записей о первых воеводах Тары, начиная с князя Ф. Елецкого или С. Кузьмина [20, с. 190, 191]. Эти записи, видимо, были внесены в текст «Описания о поставлении городов и острогов ...» его редактором либо редакторами на основании какого-то документа, отложившегося в архиве тобольской приказной избы, где, надо думать, хранились «росписи» провинциальных сибирских воевод. Они указывались в статьях СЛС, самая ранняя из которых относилась ко времени окольного С.Ф. Сабурова, возглавлявшего Тобольский разряд при его образовании (107 – 108, т. е. 1598/99 – 1599/1600 гг.); накануне же, за исключением одной записи о Тюмени, говорилось о воеводах, а также сургутском атамане Т. Федорове, основавших города и остроги. Но в КЗ есть только две соответствующие заметки – о воеводах Сургута и Березова (приуроченные, однако, к 109–110 гг., когда тобольским «наместником» являлся Ф.И. Шереметев), что неверно относительно Ф.В. Вольнского и И.В. Благово; последний управлял «Сургутским городом» в 1608–1614 гг., до начала 1612 г. будучи младшим воеводой. В КЗ временем того же разрядного «властодержца» ошибочно датированы пребывание «на Таре» князя И.В. Мосальского, Г.Г. Желябужского и А.П. Поленова (они находились там в 1608–1611 гг.), а в Нарыме М.Т. Хлопова (первым воеводой этого острога он был в 1610–1615 гг.), а также постройка на Томи в 1600/01 г. острога тобольским сыном боярским В. Ф. Тырковым, а в следующем году – города воеводами В.В. Вольнским и М.И. Новосильцевым. (Томск, напомним, основали как город осенью 1604 г. письменный голова Г.И. Писемский и В.Ф. Тырков, а названные воеводы «сидели» в крепости на Томи в течение 1608–1613 гг.) [6, с. 163, 166, 168, 175, и др.]. Вероятно, не располагая достоверными сведениями о провинциальных «градодержателях» за время, когда они являлись подчиненными Ф.И. Шереметева (исключениями служат указания на князя Я.П. Барятинского и В.В. Пивова, управлявших Сургутом, и замену князя М.М. Шаховского и Д.П. Хрипунова князем В.М. Мосальским, но не Кольцовым, а Рубцом, и С. Пушкиным в Мангазее), создатель КЗ отнес к той поре «сидение» ряда администраторов накануне и в годы московской Смуты. Летописец также ошибочно приурочил к 109 г. (в ГР верно назван 106) и поход «из Тарского города», якобы при воеводе И. Мосальском) против Кучума, причем уже перечислив «начальных людей» Тобольского разряда за 111–113 гг. [20, с. 141, 142, 190].

Сошлемся и на МР СЛС, в единственный уцелевший список которой (середины XVIII в.) другим почерком, нежели написан основной текст, внесены сообщения об администраторах Пельма (за 1595/96–1599 гг.), Верхотурья и Кетского острога [19, с. 190. Примеч. 83, 84–85; 191. Примеч. 8; 193. Примеч. 90], зачастую подтверждаемые документально [5, с. 21–22, 27–29, 33–34, 38, 54, 56, 65; 11, с. 269–270, и др.].

Как представлялось Н.А. Дворецкой, даты основания Тюмени и Тобольска (7093 и 7095 гг. соответственно) Савва Есипов мог почерпнуть из летописи, созданной в «столнейшем граде» Сибири при архиепископе Нектарии [8, с. 37–38]. Видная исследовательница книжной культуры Азиатской России XVII в. указывала на то, что в предисловии ОЕЛ содержится обещание рассказать «о поставлении градов в Сибирьстей земли и о создании церковей православных» [20, с. 42]. Но подобные выражения, которые восходят к синодику «ермаковым казакам», налицо в двух главах «Повести» Есипова [20, с. 51, 69, 70, 380]. Датами открываются не только его известия о возникновении Тюмени и Тобольска, формулировка же «при державе ... царя и великого князя Феодора Ивановича» имеет аналоги в одной из предшествующих глав, да и в упомянутом синодике [20, с. 51, 60, 62, 65–66, 69, 70, 380].

Следует, однако, иметь в виду, что о Н.В. Траханиотове как первом березовском воеводе говорится лишь в КЗ, наиболее близкой к ней среди редакций СЛС – Академической (далее – АР) и Записках к сибирской истории служащих (далее – ЗСИ), где, по определению Н.А. Дворецкой, текст КЗ дополнен по НР [8, с. 24, 25, 28, 111]. АР возникла не ранее 1742 г., т. е., видимо, вслед за поленовской «запиской», КЗ известна лишь в одном из списков последней четверти XVIII в., ЗСИ были опубликованы тогда же по единственной рукописи, которая не сохранилась [8, с. 28; 19, с. 20]. Протограф какой-то из этих разновидностей СЛС мог, конечно, очутиться в Березове, но скорее, думается, в распоряжение Поленова-отца попал перечень местных воевод, составленный в березовской приказной избе. (О возможности составления таких перечней в воеводских резиденциях свидетельствуют, в частности, известия КЗ о верхотурских и особенно тюменских администраторах конца 1640-х – начала 1670-х гг. [20, с. 156–161; см. также с. 201–204, 206. Примеч. 59–59; 208, 209, 268–270, 272, 273, 325, 326]. Этому перечню есть основания уподобить Д, а также РТВ – своеобразный краткий летописи

сец в форме справки о «начальных людях», сменявших друг друга на протяжении без малого целого века [25, с. 256, 257]. Но интересующая нас «записка», возможно, была в отличие от РТВ лишена «летописных черт» (по выражению В.И. Корецкого), являясь документом, использовавшимся в административной практике.

Известно, что в 1636 г. в Тобольске и Березове проводился сыск о времени и обстоятельствах строительства второго из этих городов [14, с. 205; 17, с. 73–74; 22, с. 75, 87; 24, с. 118]. Тогда на основании березовского городского списка 1634/35 г. было выяснено, что город и острог на Северной Сосьве «срубили» в 1592/93 г. воеводы Н. Траханиотов, князь М. Волконский и голова И. Змеев. Ту же дату в ходе сыска назвали десять березовских старожилов [17, с. 74]. Поэтому можно думать, что в 1636 г. на воеводском дворе Березова еще не знали о «записке», про которую спустя столетие с лишним сообщили Г.Ф. Миллеру. Д.Я. Резун предположил, что она и появилась в связи с сыском (который ученый неточно относил к 1636/37 или 1637 гг.) о возникновении крепости, ставшей крупнейшим административным центром Нижнего Приобья [22, с. 66]. Не исключено, однако, что свидетельство «записки», в первых десятилетиях XVIII в. принадлежавшей отцу и сыну Поленовым, было использовано еще при составлении упомянутого городского списка. (Е.В. Вершинин почему-то утверждает, будто документы об основании Березова не сохранились, хотя сам ссылается на них, к примеру, показания местного казака Т. Семенова, едва ли не старожила этого города, об обстоятельствах его возникновения [7, с. 78]).

Итак, вывод о Березове как центре летописания XVII в., сделанный Д. Я. Резуном, нельзя признать обоснованным. Маловероятно и заключение о том, что какая-то городская летопись велась в Тобольске накануне появления ОЕЛ или синхронно с ней. Список местных воевод, бытовавший в Березове в конце 1730-х – начале 1760-х гг., мог объединить заметки, «выбранные» из СЛС интересовавшимся прошлым родного города анонимным книжником, но скорее всего являлся документом, возникшим в стенах приказной избы. Подобный же «реестр», составленный для административных нужд в Тобольске не позднее конца первой трети XVII в., предположительно стал одним из многочисленных источников обширного летописного свода, существовавшего в нескольких редакциях и видах.

Список источников и литературы

1. Акулич Е.М., Акулич М.М., Гербер Л.П. Тобольская эпоха Юрия Крижанича. Тюмень: Изд-во Вектор Бук, 2006. 404 с.
2. Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М.: Изд. фирма Восточная литература РАН, 1999. Т. I. С. 17–65.
3. Бахрушин С.В. Научные труды. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т. III. Ч. 2. 299 с.
4. Березово (Очерки истории с древности до наших дней). Екатеринбург: Изд. дом Сократ, 2008. 471 с.
5. Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. М.: б. и., 1982. Вып. I. 160 с.
6. Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: Муниципальный учебно-методический центр «Развивающее обучение», 1998. 204 с.
7. Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII вв. Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. 504 с., ил.
8. Дворецкая Е.В. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). Новосибирск: Изд-во Наука, Сибирское отделение, 1984. 136 с.
9. История Ямала: В 2-х т. / Под общ. ред. В.В. Алексева. Екатеринбург: Изд-во Баско, 2010. Т. 1: Ямал традиционный. Кн. 2: Российская колонизация. 323 с., ил.
10. Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М.: Изд. фирма Восточная литература РАН, 1999. Т. I. 630 с.
11. Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М.: Изд. фирма Восточная литература РАН, 2000. Т. II, 796 с.
12. Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк / Отв. ред. М.М. Громыко. Новосибирск: Изд-во Наука, Сибирское отделение, 1975. 308 с.
13. Обдорский край и Мангазья в XVII веке: Сб. док. Екатеринбург: Изд-во Тезис, 2004. 199 с., ил.
14. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / Сост. Н.Н. Оглоблин. М.: Университетская типография, 1895. Ч. 1. 421 + I + VIII с.
15. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / Сост. Н.Н. Оглоблин. М.: Университетская типография, 1900. Ч. 3. 389 с.
16. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / Сост. Н.Н. Оглоблин. М.: б. и., 1901. Ч. 4. 287 + I с.
17. Первое столетие сибирских городов: XVII век. Новосибирск: Изд-во Сибирский хронограф, 1996. 190 с. (История Сибири: Первоисточники. Вып. VII).
18. Покровский Н.Н. Пути развития сибирского городского летописания XVII – начала XIX вв. // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавания в вузах: Тез. докл. III Всесоюз. конф.: Новороссийск, 1979. М.: б. и., 1979. Вып. 2. С. 240–243.

19. Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К. Предисловие // Полное собрание русских летописей. М.: Изд-во Наука, 1987. Т. 36. С. 3–31.
20. Полное собрание русских летописей. М.: Изд-во Наука, 1987. Т. 36. 382 с.
21. Резун Д.Я. Березово // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Изд. дом Историческое наследие Сибири. Новосибирск, 2009. Т. А – И. С. 195–196.
22. Резун Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI – первой половины XVIII века / Отв. ред. О.Н. Вилков. Новосибирск: Изд-во Наука, Сибирское отделение, 1982. 220 с.
23. Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1989. 304 с.
24. Сергеев В.И. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 3 (21). С. 113–124.
25. Солодкин Я.Г. «Беседа к вашей любви ...»: Спорные проблемы истории сибирского летописания XVII века. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского государственного университета, 2018.
26. Солодкин Я.Г. Вослед Савве Есипову: Очерки по истории сибирского летописания середины – второй половины XVII века. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского государственного гуманитарного университета, 2011. 211 с.
27. Солодкин Я.Г. Г.Ф. Миллер как историк сибирского летописания // Проблемы истории Сибири XVI–XX вв. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского государственного педагогического института, 2005. Вып. 1. С. 4–18.
28. Солодкин Я.Г. Известия о Сибири в боярских списках и разрядных записях рубежа XVI–XVII вв. // Письменные источники по истории Западной Сибири. Сургут: РИО Сургутского государственного педагогического института, 2004. С. 4–12.
29. Солодкин Я. Г. К оценке волнений «иноземцев» Березовского уезда в 1607 году: «шатость» или мятеж? // Меншиковские чтения 2011: Материалы чтений. СПб.: Изд-во Историческая иллюстрация, 2012. Вып. 8: Березово (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра): 12 – 13 ноября 2011 г. С. 114–117.
30. Солодкин Я.Г. Сибирское городское летописание в трудах Г.Ф. Миллера // Г.Ф. Миллер и русская культура / Отв. ред. Дитмар Дальманн и Галина Смагина. СПб.: Изд-во Росток, 2007. С. 248–254.

УДК 94.671(549+55+37+69)

Город Пласт Челябинской области как научный, образовательный и архитектурный центр Южного Урала

Тапилин А.И.
г. Челябинск

Аннотация. В статье раскрываются особенности появления на Южном Урале г. Пласта как крупного золотого прииска. Рассматриваются обстоятельства пребывания в Пласте крупнейших учёных – А.Е. Ферсмана, П.К. Соболевского, А.П. Серебровского. Рассказывается об уникальном педагоге, директоре СПТУ № 10 г. Пласта П.И. Вагине, превратившего обычное ПТУ в настоящую «Академию» по подготовке высококвалифицированных кадров. Освещается деятельность выдающегося советского архитектора и строителя В.Н. Кустовского, сделавшего Пласт одним из красивейших уральских городов.

Ключевые слова: город Пласт, золотой прииск, А.Е. Ферсман, П.К. Соболевский, А.П. Серебровский, педагог П.И. Вагин, строитель В.Н. Кустовский.

Появление на карте Челябинской области города Пласта связано с развитием золотодобывающей промышленности. В прошлом это был крупный золотой прииск. Ещё в 1845 году троицкий купец П.Е. Бакакин основал к югу от села Кочкарь Каменно-Павловский золотой прииск. С 1869 года в крае началась интенсивная разработка золотоносных жил (пластов). К концу XIX века здесь уже активно действовало около 500 приисков, вокруг которых росли посёлки старателей, приезжавших из различных регионов России. Крупные золотопромышленники Воронковы, братья Подвинцевы, П.И. Тарасов, Е.М. Симонов строили больницы для старателей, церкви, школы, активно внедряя на своих приисках новую горную технику, используя передовые технологии [2, с. 202]. В 1897 году Подвинцевы и Симоновы продали свои прииски иностранцам. Большинство приисков стали владеть три крупные компании: французское «Анонимное общество Кочкарских приисков», английское «Общество Троицких приисков» и принадлежавшее Тарасову «Екатеринбургское общество 1861 года». Эти компании добывали в год до 1,5 и более тонн чистого золота [2, с. 202–203].

После победы большевиков предприятия по добыче золота были национализированы, но многие золотопромышленники остались работать на этих предприятиях в качестве специалистов. В 1931 году все прииски

вошли в состав двух вновь образованных рабочих посёлков – Пласт и Ново-Троицкий. В октябре 1940 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР посёлки были объединены, а новому населённому пункту, был присвоен статус города районного подчинения под названием Пласт [2, с. 202–203].

В связи с особенностью этого уникального города как крупного золотого прииска его посещали крупнейшие учёные – А.Е. Ферсман, П.К. Соболевский, А.П. Серебровский и др. Старейший краевед Пласта М. Демидов, в конце 1980-х годов, рассказал автору статьи об обстоятельствах пребывания в Пласте этих знаменитых учёных. Остановимся на этом подробнее.

Ферсман Александр Евгеньевич (08.11.1883 – 20.05.1945) – геолог и минералог, академик, один из основоположников геохимии родился в Петербурге. Окончил Московский университет, работал в Париже и Гейдельберге, преподавал в различных Высших учебных заведениях Москвы и Петербурга. Участвовал в исследованиях Кольского полуострова, Тянь-Шаня, Кызылкумов, Каракумов, Урала, Забайкалья и др. районов. В 1922–1926 гг. – директор Радиевого института АН СССР. Преподаватель Кольской базы им. С.М. Кирова при АН (1930–1945), Уральского филиала АН (1932–1938), директор института кристаллографии, минералогии и геохимии им. Ломоносова (1930–1939) и института геологических наук АН (1942–1945) [3, с. 843].

Летом 1935 года руководил комплексной экспедицией Академии наук. Данная экспедиция должна была разведать новые месторождения полезных ископаемых на Южном Урале. В разгар полевого геологического сезона Ферсман предпринял небывалый для того времени автопробег по Южному Уралу. Маршрут автопробега охватывал наиболее интересные месторождения драгоценного и цветного камня. Экспедиция прибыла в Пласт 2-го августа 1935 года. Здесь Ферсман подробно осмотрел обширную минералогическую коллекцию Кочкарского месторождения и через несколько часов отправился дальше. В ходе южно-уральской экспедиции была собрана большая коллекция минералов, которую выставили в минералогическом музее Академии Наук СССР. Результаты экспедиции позволили сделать важные выводы по развитию минералогии в нашей стране.

Серебровский Александр Павлович (25.12.1884 – 10.02.1938) – учёный, организатор золотодобывающей промышленности, государственный и партийный деятель, участник революционного движения родился в семье ссыльного народовольца в Уфе. В 1899 г. поступил учеником слесаря в уфимские железнодорожные мастерские, но вскоре примкнул к революционному движению, вступив в РСДРП. В 1908 г. эмигрировал в Бельгию, где окончил Брюссельское высшее техническое училище [2, с. 844].

С 1912 г. вёл революционную работу в Нижнем Новгороде, Москве, Ростове. Участник Октябрьского вооружённого восстания в Петрограде. В годы гражданской войны Серебровский – член правления Путиловского завода, член коллегии Наркомторга, заместитель Председателя ВЧК по снабжению Красной Армии, председатель Центрального правления артиллерийских заводов, заместитель наркома путей сообщения и др. В 1920-е гг. – председатель Азнефти в Баку, председатель правления Всероссийского нефтесиндиката, заместитель председателя ВСНХ СССР, начальник Главзолота, член коллегии Наркомфина СССР. С 1931 г. – заместитель наркома тяжёлой промышленности СССР [2, с. 844].

С 1924 г. вёл преподавательскую работу в Азербайджанском политехническом институте, Московской горной Академии, Институте народного хозяйства им. Г.В. Плеханова. Внёс большой вклад в восстановление и организацию нефтяного дела в Азербайджане. Под его руководством был заложен прочный фундамент золотодобывающей промышленности СССР. Награждён орденом Ленина и другими орденами [2, с. 844].

В 1935 году Серебровский в качестве организатора золотодобывающей промышленности объездил прииски и золотые рудники Урала. В феврале 1935 года он приехал в Пласт, пробыл здесь два дня. За время пребывания в Пласте Серебровский посетил шахты имени Фрунзе, спустился в шахту «Октябрь», объективно оценив эффективность работы данных шахт. Затем посетил Артёмзавод, Ново-Троицкий мышьяковый завод, провёл совещание с инженерно-техническими работниками, в ходе которого обсуждались остро стоящие перед предприятиями технические проблемы и были предложены наиболее эффективные пути их решения. Во время посещения Пласта Серебровским были сделаны важные выводы об общем состоянии развития золотодобывающей промышленности на Южном Урале. В 1938 г. Серебровский А.П. был репрессирован. Реабилитирован посмертно [2, с. 844].

Соболевский Пётр Константинович (19.10 – 04.03.1949) – выдающийся учёный в области маркшейдерии, доктор технических наук, родился в местечке Бяла-Подляска (ныне Люблинское воеводство на территории Польши) в семье служащего. После окончания Петербургского горного института работал мастером на рудниках Донбасса, преподавал в Екатеринославском высшем горном училище. В 1903–1920 гг. – профессор Томского технологического института, где организовал и руководил кафедрами маркшейдерского дела и геофизических методов разведки. В 1920–1933 гг. – профессор Уральского политехнического (позже горного) института в Свердловске, где создал первую на Урале научно-исследовательскую геофизическую лабораторию, на базе которой в 1928–1930 гг. был организован первый на Урале и в Сибири Уральский научно-исследовательский институт геофизических методов разведки и горной геометрии. В 1933–1947 гг. – профессор Московского геологоразведочного, а в 1939–1949 гг. – Московского горного институтов. Участвовал в организации и эксплуатации первой в Сибири геодинамической станции [3, с. 133].

Летом 1925 г. и летом 1926 г. Соболевский П.К. приезжал в Пласт на отдых, где останавливался в бывшем особняке А.П. Баласа. Но и здесь он находил время и продолжал разрабатывать методику горной геомет-

рии месторождений полезных ископаемых, методы подсчёта запасов полезных ископаемых, измерения глубины шахтного ствола и др. Благодаря данным исследованиям Соболевским были разработаны основы комплексной методики геофизических методов разведки месторождений каменного угля, нефти и других минеральных образований земной коры. Им были созданы измерительные приборы (деформатограф, стереоавтограф, воздушный анероид и др.), применяемые в горном и геологоразведочном деле [3, с. 133].

Таким образом, мы имеем полное право утверждать, что Пласт является крупным научным центром Южного Урала. Но Пласт является также значительным образовательным и архитектурным центром. Приведём некоторые примеры.

В городе Пласте на бывшем здании СПТУ № 10 висит мемориальная доска, посвящённая памяти бывшего директора этого училища, почётного гражданина Пласта, заслуженного учителя РСФСР Вагина Петра Ивановича. К училищу ведёт улица им. Вагина, а на доме №60-а по улице Октябрьской, где он жил также висит мемориальная доска, посвящённая его памяти. Могила же П.И. Вагина на городском кладбище, официально зарегистрирована областной администрацией как исторический памятник. За какие же заслуги этот педагог удостоился такой чести? И почему до сих пор во многих уголках Урала о нём вспоминают с восхищением, называя пластовское училище «Вагинской Академией»? Вдова Вагина Евгения Андреевна в начале 1990-х гг. поделилась воспоминаниями о своём замечательном муже.

Вагин Пётр Иванович (1912–1969) – родился в посёлке Миасс Челябинской области. В 1930 г. Закончил Миасскую лесотехническую школу, а в 1938 г. Уральский лесотехнический институт. В 1939–1940 гг. – преподавал в школе мастеров при Миасском напильном заводе. В 1940–1942 гг. – заместитель директора, а в 1942–1944 гг. – директор Миасского ремесленного училища. В сентябре 1944 г. по приказу областного управления трудовых резервов Вагина, как способного педагога, направляют в Пласт поднимать ремесленное училище № 7. Это училище комплектовалось из мальчишек-беспризорников и готовило оно в те годы рабочих различных специальностей для Челябинского тракторного завода. Вагин сумел найти подход к детям, обиженным войной и разрухой, привив им любовь к своему делу.

В 1953 г. Ремесленное училище было реорганизовано в сельское ПТУ № 10 по подготовке кадров механизаторов. Вагин в короткий срок укомплектовал училище необходимыми сельскохозяйственными машинами, кабинетами и лабораториями, которым завидовали техникумы и ВУЗы. Было создано самое большое учебное хозяйство в стране, площадь которого к 1961 г. составила 2984 га. Различные культуры выращивали воспитанники училища. В 1960 г. ими было намолочено 1000 тонн зерна, из них сдано государству – 500. Средняя урожайность зерновых на учебно-опытном поле училища была выше, чем в большинстве колхозов и совхозов страны. Отчасти это было достигнуто за счёт рационализации. Например, в 1961 г. воспитанники подсчитали, что на 1 га можно высевать не 40, а 55 тыс. зёрен. В училище были перестроены сеялки: сошники стали класть в гнездо не по 2, а по 3 зерна.

С увеличением производства появилось много зерновых отходов, которые стали использовать для откорма скота. Была создана крупная животноводческая ферма, надой молока, на которой были также выше, чем на большинстве ферм страны. Суточный привес молодняка на голову в среднем достигал 720 г. Сдавая свою продукцию государству, училище получало громадную прибыль, которую использовали для пополнения машинного парка. Под руководством наставников учащиеся соорудили новый учебный корпус – 2-х этажное здание площадью 2800 кв. м., 2-х этажный 8-ми квартирный дом, корпуса для хранения техники, склады, кабинеты для занятий; сами проводили капитальный ремонт машин. Вагин уделял громадное внимание проведению производственной практики учащихся, следя за тем, чтобы они выполняли только сельскохозяйственные работы. Некоторые окружающие совхозы передавали училищу целое отделение. Например, совхоз «Степной» несколько лет подряд предоставлял училищу для полного обслуживания своё 11-ое отделение, в котором было 4,5 тыс. га пашни.

В течение долгого времени к Вагину продолжали привозить «трудных» подростков со всего Урала, с которыми он всегда находил «общий язык». Все 25 лет он жил рядом с ними в пристрое общежития. Вставая в 6 часов утра, успевал узнать все «новости» уже к утренней линейке. А ещё он сумел воспитать педагогические кадры, которые с воодушевлением работали рядом с ним. В 1960-е гг. СПТУ № 10 официально было признано лучшим училищем страны. Более 25 тыс. квалифицированных специалистов вышло из стен училища за годы работы Вагина. Фактически все они, самоотверженно трудились в различных уголках нашей страны, с теплотой вспоминая то время, когда учились «науке жизни» и мастерству в «Вагинской Академии».

Красота и благоустроенность любого провинциального города во многом зависит от его строителей. В этом отношении городу Пласту также очень повезло, так долгие годы строительством и реконструкцией города занимался незаурядный человек, мастер своего дела, выдающийся советский архитектор и строитель Вадим Николаевич Кустовский (1909–1964). Краевед М. Демидов, о котором уже упоминалось, поделился воспоминаниями и об этом уникальном человеке.

Кустовский В.Н. родился в Смоленске, закончил смоленскую среднюю школу. Был направлен в местечко Комарино Комаринского района БССР, где назначен инспектором Комаринского райисполкома по проведению хлебозаготовок. В 1930-е гг. Кустовский – слушатель факультета Высшей вневойсковой школы подго-

товки при химико-технологическом институте в Москве, слушатель военного факультета при этом же институте, слушатель инженерного факультета Военной Академии им. Молотова в Харькове и др.

В годы Великой Отечественной войны он – начальник курсов и начальник учебного отдела военно-инженерного училища в Ярославле, начальник 1-го отдела интендантского управления Харьковского военного Округа и др. В 1948–1953 гг. – работал при МВД в городе Пласте и в г. Березовске Свердловской области. В 1953–1959 гг. – начальник строительного участка Кочкарского рудоуправления треста «Южуралзолото», а в 1959–1964 гг. – начальник строительного участка Кочкарского горно-металлургического объединения «Южуралзолото» в г. Пласте.

Под руководством Кустовского в Пласте с середины 1950-х годов разворачивается грандиозное строительство. По его инициативе в городе появляются первые высотные здания. Он прилагает все свои способности и усилия, чтобы превратить Пласт в один из красивейших городов Южного Урала. Тщательно разрабатывая архитектурные проекты зданий, продумывая места застроек, Кустовский стремится придать городу уютный гармоничный вид. Здания, в которых позднее располагались средние школы №3 и №12, построенные в 1950-е годы, очень удобны внутри и привлекательны снаружи. Здание кинотеатра им. Пушкина (1962 г.) привнесло в восхищение не только жителей, но и гостей Пласта. Ни одно здание, ни один дом Кустовский не сдавал без благоустройства окружающей территории. Тысячи деревьев, кустарников, цветов были посажены под его руководством в городе. Жители жилых многоэтажных домов, построенных по его архитектурным проектам, до сегодняшнего дня восхищаются этим человеком. Благодаря его неутомимой деятельности маленький провинциальный город Пласт быстро принял вид современного благоустроенного города. В 1956 г. Кустовский был награжден значком «Отличник социалистического соревнования цветной металлургии».

Таким образом, казалось небольшой, провинциальный г. Пласт Челябинской области является значительным научным, образовательным и архитектурным центром Южного Урала.

Список источников и литературы

1. Челябинская область: энциклопедия / гл. ред. К.Н. Бочкарёв. Челябинск: Каменный пояс, 2006. Т. 5. 880 с.
2. Челябинская область: энциклопедия / гл. ред. К.Н. Бочкарёв. Челябинск: Каменный пояс, 2006. Т. 6. 920 с.

УДК 030

Города Салават и Сибай как центры культуры и образования на страницах изданий ГАУН РБ «Башкирская энциклопедия»

Шарапова Л.И.
г. Уфа

Аннотация. В статье рассмотрены особенности системы образования, сети учреждений культуры моногородов Республики Башкортостан. В энциклопедиях городов Салават и Сибай в системе образования представлены все виды образовательных учреждений – дошкольные, средние, средние специальные, высшие учебные заведения. Сеть учреждений культуры включает основные виды культурно-досуговых учреждений, в том числе театры.

Ключевые слова: театр, университет, колледж, среднее образование, среднее специальное образование.

ГАУН РБ «Башкирская энциклопедия» были изданы энциклопедии городов Салават (2018) и Сибай (2015) по заказу местных администраций. Статус города Сибай и Салават получили в 1955 г. и 1954 г. соответственно, хотя Сибай был зафиксирован как поселок Сибайского рудника еще в 1920 году. В ходе подготовки выявили, что в них представлены учреждения всех уровней образования. Причем история возникновения образовательных учреждений имела одну и ту же предпосылку. Строительство и производство градообразующих предприятий и в Салавате (Комбинат № 18, ныне ООО «Газпром нефтехим Салават»), и в Сибее (Башкирский золото-медный комбинат, ныне Сибайский филиал Учалинского горно-обогатительного комбината) нуждалось в квалифицированных кадрах. Поэтому первыми организовывали учебные заведения профессионального образования.

Развитие профессионально-технического образования в Салавате связано с открытием Ремесленного училища № 1 (позднее Профессиональное училище № 19 имени В.Е. Трубанова, в 2014 г. присоединено к Салаватскому индустриальному колледжу) [1, с. 317]. Подготовку специалистов для Сибеевской разведки, Сибайского рудника вели курсы штейгеров, горных десятников, шофёров, т.н. «тысячников», вечерняя профессионально-техническая школа, школа горнозаводского ученичества. Организованная Башкирским горным трестом школа фабрично-заводского ученичества готовила слесарей, столяров, электромонтеров, школа горно-

промышленного ученичества – забойщиков и горных слесарей (обе – г. Баймак), которые в 1932 г. были объединены в техникум цветных металлов. Здесь велась подготовка горных техников по эксплуатации рудных месторождений и обработке золота (ныне Сибайский многопрофильный профессиональный колледж) [2, с. 334]. В 1926 г. в посёлке Сибайского рудника была открыта школа по ликвидации безграмотности (ликбез), в 1938 г. – школа рабочей молодёжи.

В связи с дальнейшим развитием производства, строительства производственных объектов в 50-е годы были открыты строительные школы. Одновременно развивалось жилищное строительство, которое, в свою очередь, влекло за собой появление общеобразовательных школ и дошкольных учреждений. В п. Новостройка г. Ишимбая (первое название города Салавата) в 1948 г. открыта первая начальная школа. В последующие годы начали работу еще 6 школ. В 20-е годы дети поселка Сибайского рудника обучались в школах деревень Кизильское Челябинской области, Старый Сибай БАССР. В 1928 г. в бараке на Старательской улице открыта единая трудовая школа 1-й ступени, которая содержалась на средства треста «Башзолото» (ныне средняя школа № 1 г. Сибая). В 1934 г. в поселке Сельхозучастка Худолаз (ныне с. Туяляс) открыта русско-башкирская начальная школа, в 1940 г. – детские ясли.

Изменение статуса поселков на город вызвало увеличение количества жителей, соответственно увеличение общеобразовательных школ и дошкольных учреждений. К 1954 г. в только что образованном городе Салавате действовали 6 средних школ. В 1965–74 гг. начали работать еще 7 средних школ. В 1950 г. открыт первый детский сад. К 1954 г. работало 6 детских садов и 6 детских яслей. К 1971 г. функционировало 17 детских садов, поэтому очередь на места в дошкольные учреждения ликвидирована. В рабочем посёлке Сибая действовали детские сады в 1938–1941 гг. и в 1945–1950 гг. В г. Сибая работали детские сады № 1 (с 1951 г.), № 2 «Колобок» (с 1954 г.), № 3 (с 1962 г.), № 4 «Ромашка» (с 1967 г.), «Родничок» треста «Башмедстрой»; № 1 (с 1955 г.), № 2 «Чиполлино» (с 1959 г.), «Колокольчик» (с 1967 г.) Башкирского медно-серного комбината; «Мишутка» (реабилитационный центр; с 1980 г.), «Нептун» Башкирского ремонтно-строительного управления; «Гульемеш» (с 1997 г.); «Незабудка» (с 1960 г.) городского отдела образования; детские ясли № 1 «Голубка» (с 1953 г.), № 2 «Чебурашка» (с 1953 г.), «Тополёк» (с 1957 г.) городского отдела здравоохранения; детские ясли № 5 (с 1957 г.), в 1991–1996 гг. детский сад «Алтынэс» Сибайской швейной фабрики.

Примечателен тот факт, что, несмотря на трудности, открывались учреждения для оздоровления и отдыха детей. Например, в 1950 г. открыт первый пионерский лагерь Комбината №18. В Сибая в начале 30-х годов начата работа по организации детского летнего отдыха. На базе средней школы № 1 был открыт летний оздоровительный лагерь на 50 детей. С 1932 г. в пионерском лагере Башкирского золото-медного комбината на озере Талкас Баймакского района отдыхали дети рабочих Сибайского рудника. В городах получила развитие сеть учреждений дополнительного образования: станции юных натуралистов (ныне эколого-биологические центры), юных техников, музыкальные и художественные школы (школа искусств), центры детского творчества и др.

Дальнейшее развитие городов было обусловлено строительством новых предприятий, для которых также необходимо было вести подготовку квалифицированных кадров. Поэтому расширялась сеть учреждений профессионально-технического образования. В г. Салавате в 1950 г. была открыта школа рабочей молодёжи. С 1953 г. начали действовать школы фабрично-заводского обучения № 7 (позднее профессионально-техническое училище № 7) [1, с. 320], № 12 (позднее ПТУ № 27) [1, с. 321]. В 1954 г. открыто Техническое училище № 3. В 1968 г. на базе треста «Башремстрой» открыто ПТУ № 49 (позднее Профессиональное училище № 32), в 1969 г. – ПТУ № 55 (Профессиональный лицей № 35), в 1970 г. – профессионально-техническое училище № 57 (Профессиональное училище № 36), в 1979 г. – Техническое училище № 80, позднее преобразованное в Профессиональный лицей № 72 [1, с. 265]. В 2016 профессиональные училища и лицей г. Салавата были объединены в механико-строительный колледж. По данным автора статьи «Начальное профессиональное образование» Ф.И. Бизикина, каждый 9-й житель г. Салавата получил начальное профессиональное образование [1, с. 265–266].

Среднее специальное образование в г. Салавате получают студенты медицинского колледжа, музыкального колледжа, колледжа образования и профессиональных технологий, филиалов Башкирского экономического колледжа [1, с. 71], Уфимского колледжа индустрии питания и сервиса [1, с. 454]. Для подготовки специалистов высшей квалификации в 1956 открыт учебно-консультационный пункт Московского института нефтехимической и газовой промышленности имени И.М. Губкина (ныне Салаватский филиал УГНТУ) [1, с. 369].

В г. Сибая действуют колледжи искусств, медицинский, педагогический, многопрофильный профессиональный, филиалы колледжей радиоэлектроники, специального музыкального. Интересно, что в октябре 1959 г. в только что открывшееся Сибайское медицинское училище были переведены две группы фельдшерского отделения Салаватского медицинского училища [2, с. 265].

Специалистов высшей квалификации в г. Сибая готовили в филиалах Уральской государственной ветеринарной академии, Башкирского государственного аграрного университета. Успешно действует Сибайский институт БГУ. Следует отметить, что в Сибая работает филиал Академии наук Республики Башкортостан.

В структуру центральной библиотечной сети города Салавата входят 11 библиотек, в которых действуют 10 клубов и мини-музей [1, с. 77]. В системе образования г. Салавата: 45 дошкольных учреждений, 19 общеоб-

разовательных школ, 3 лицея, 3 гимназии, 2 вечерние школы, детский дом, коррекционная школа, 7 учреждений дополнительного образования. В Салавате действуют 25 школьных музеев [1, с. 492]. В сеть культурно-досуговых учреждений входят Салаватский государственный башкирский драматический театр (в 1956 г. Аургазинский колхозно-совхозный театр переведен в город Салават), центр досуга и творчества «Нефтехимик», культурно-досуговый центр «Агидель», кинотеатр «Октябрь», выставочный зал, картинная галерея, филиал художественного музея имени М.В. Нестерова, историко-краеведческий музей. В городе функционируют 79 клубных учреждений, из них 29 коллективов удостоены звания «народный» или «образцовый». Проводятся региональный открытый фестиваль хореографического искусства «На берегах Агидели», городской конкурс-фестиваль «Наследие Салавата», республиканский конкурс детского творчества «Весенние капли». Работает телерадиостудия. В 2018 г. проживало 152400 человек.

Система образования г. Сибая включает 15 дошкольных учреждений, 16 общеобразовательных школ, 4 учреждения дополнительного образования. Для оказания методической помощи образовательным учреждениям в 1992 г. организован Сибайский филиал Башкирского института повышения квалификации работников образования.

В 2010 г. в Централизованной библиотечной системе Сибая работали 8 библиотек и 26 пунктов (книжный фонд – 187,4 тыс. экз., 30 тыс. читателей), 14 школьных библиотек (более 186,8 тыс. экз., 9200 читателей). В 2015 г. в Сибаяе действовало 13 школьных музеев.

В 30-е годы действовал клуб в посёлке Сибайского рудника. В 1942 г. построен Клуб имени Ленинского комсомола. В 1949 г. в здании Строительного управления № 1 треста «Башмедьстрой» создан профсоюзный клуб «Строитель». В 1957 г. в город Сибай переведён Баймакский колхозно-совхозный театр (ныне Сибайский государственный башкирский театр драмы имени А. Мубарякова). В 1957–1997 гг. при Башкирском медно-серном комбинате действовал Дворец культуры имени 40-летия Октября, в котором функционировало 40 коллективов самодеятельного художественного творчества и 14 клубов по интересам, работала киноустановка. В 1956 г. открыт кинотеатр «Мир», в 1962 – «Ирандык», в 1963 – «Огонёк». В 1969 г. организован историко-краеведческий музей. В 1993 г. открыты городской детский театр «Сулпан», Сибайская филармония (ныне в составе концертно-театрального объединения). В 2002 г. открыт Дом народного творчества, где работают 44 клубных формирования в 16 различных жанрах художественной самодеятельности, действует выставочный зал. В 2014 г. функционировало 23 культурно-досуговых учреждения различной ведомственной принадлежности. Работает телерадиостудия. С 1996 г. в городе проводится межрегиональный конкурс исполнителей башкирской песни «Ирандык мондары». В 2010 г. в Сибаяе проживало 63800 человек.

Таким образом, в энциклопедиях городов Салават и Сибай представлены учреждения всех уровней образования, различные типы культурно-досуговых учреждений. Ознакомившись со статьями о них, можно представить общую картину о жизни городов, как центров культуры и образования.

Список источников и литературы

1. Салават: энциклопедия / гл. ред. Л.О. Шипанова. Уфа: Башк. энцикл., 2018. 536 с.
2. Сибай: энциклопедия / гл. ред. Х.Х. Сулейманов. Уфа: Башк. энцикл., 2015. 560 с.

РАЗДЕЛ 7. ИСТОРИЯ ГОРОДА В КОНТЕКСТЕ МАКРОИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

УДК 94(470.56) «1938/...»

Восточные предместья Оренбурга сегодня

Бахарева О.Я.
г. Оренбург

Аннотация. В статье рассмотрено жилищное строительство с 1938 г. в Форштаде и современное строительство в шести восточных пригородах Оренбурга, расположенных вдоль Нежинского и Беляевского шоссе и на трассе Оренбург – Орск. Предместья, состоящие из особняков и коттеджей с земельными участками площадью от 6 до 20 соток, таунхаусы, многоквартирные дома возводятся по новейшим технологиям и по типовым проектам. Комфортабельные условия проживания создаются за счет продуманной инфраструктуры и из-за близости к природе.

Ключевые слова: Оренбурггазпром; малоэтажная застройка; река Урал; индивидуальное строительство в собственность.

Город Оренбург растет и развивается как любой живой организм в течение 276 лет после его закладки 30 апреля 1743 года. Из первоначально заложенной крепости он вырос в большой промышленный центр на Южном Урале. В ногу со временем идет его благоустройство. В настоящей статье основное внимание уделяется расширению города в восточном направлении. Оно связывает город с Центральным аэропортом и является визитной карточкой для гостей, прилетающих в Оренбург. Первые впечатления гости получают от трассы и от предместий города. Росту города способствует и сама природа – бескрайние степные просторы и синие изгибы реки Урал, обрамленные с обеих сторон пышной растительностью. С 1938 г. казачья слобода или Форштадт, одно из первых предместий города-крепости, начал быстрыми темпами расти в восточном направлении. Застройка шла по улицам Туркестанской и Ленинской. В конце 50-х гг. прошлого века из частных домов вырос Восточный поселок [4, с. 34]. Центральной улице дали почетное имя «Строителей», которое заменили в 1977 г. на «60 лет Октября». Под этим именем она сохранилась до сих пор. Можно сказать, что с тех времен Оренбург уверенно зашагал на восток. В следующее десятилетие появился 2-й Восточный поселок, отданный под строительство многоэтажных зданий, и к 80-м годам фактически дошел до современной объездной дороги. Значительную роль сыграло открытое в 1966 г. крупное месторождение природного газа. Освоение месторождения привело к созданию Оренбурггазпрома, к строительству нескольких газоперерабатывающих заводов, к значительному увеличению рабочего персонала и к росту численности городского населения. В 1984 г. в Оренбурге проживало 512, 6 тыс. чел.; в 1993 г. – 563 тыс. чел., на 01.01. 1995–1996 г. – 561, 5 тыс. чел. [4, с. 38]. В начале XXI века Оренбургская область вместе с другими регионами взяла курс на развитие малоэтажного строительства, особенно в сельской местности, где реализуется программа «Сельский дом». «На 1 июля 2011 г. доля малоэтажного строительства индивидуальными застройщиками составила 72,8 % при плановом уровне 60 %» [12, с. 24]. Новые предместья Оренбурга удалены от областного центра от 2 до 14 км: Ростоши – 2 км, Экодолье и Приуралье – 5 км, Перовский – 7 км, поселок Пригородный с жилым массивом «Крона» удалены до 14 км. Все поселки имеют много общих характеристик и общую цель – создать благоприятные жизненные условия для проживания. Ростоши и Пригородный – это поселки газовиков и нефтяников. Новые земли, отведенные под застройку, делятся на кварталы, а те в свою очередь нарезаются на индивидуальные участки площадью в 6 или 10, 20 соток. В основу планировки заложена прямоугольная сетка. Жители, переселившиеся ближе к природе, не жалеют о смене места проживания. Они устали от современных высотных многоквартирных домов, скученности людей, обилия транспортных средств и постоянных пробок в часы пик, городского шума и загазованности, от перебоев в подаче воды на верхние этажи, от плохой звукоизоляции стен в квартирах и прочих мелких недочетов, которые образуют целый ком неудобств. Люди выбрали малоэтажную застройку, оснащенную достижениями цивилизации. Каждый домовладелец является хозяином дома, гаража и земельного участка. «Молодые семьи не спешат покупать квартиры: однокомнатная квартира в городе стоит минимум 1,5 млн. рублей, а за эти деньги можно построить вполне приличный дом. ... сейчас существует множество программ для строительства и приобретения жилья: сертификаты, субсидии, кредиты» [12, с. 24]. Далее автор знакомит читателя с современными технологиями в строительстве. «На смену домов-монолитов из бетона и кирпича пришли новые технологии: каркасные технологии (каркасно-панельные, каркасно-щитовые дома) и блочные (газобетон, пенобетон, керамзитобетон и др.). Этот тип строений родился в США и Канаде, более 80 % населения стран Канады, Скандинавии, Исландии и других западных стран строят именно такие дома» [12, с. 25]. Строительство осуществляется по генеральному плану и по нескольким вариантам типовых проектов. Вначале подводят к каждому кварталу централизованное газо-, электро- и водоснаб-

жение. Будущие домовладельцы выбирают на свое усмотрение стройматериалы, тип строения, подрядчиков строительной фирмы. В последние годы идет строительство гаражей на две автомашины. Внутреннюю территорию двора помогают облагородить садоводческие фирмы. Единообразно оформляются заборы из профлиста. Уважающие себя строительные фирмы вывозят строительный мусор и проводят укладку асфальта. Все виды работ выполняются слаженно, качественно и в срок. Большое внимание уделяется прокладке скоростных шоссе, дорожных развязок, установке светофоров, четкой разметке проезжей части. Дорожные службы следят за чистотой обочин и за покрытием дорог. Такое отношение к трассам является закономерным и оправданным, поскольку жители передвигаются внутри поселка и за его пределами на личных машинах. В ранние утренние часы и после окончания трудового дня вереницы личных машин разных иномарок заполняют шоссе, к сожалению, там тоже возникают дорожные пробки. Связь с Оренбургом осуществляет автобусный транспорт по расписанию. Внешний вид экологических предместий радует глаз. Они благоприятны для постоянного проживания и отдыха: нет крупных промышленных объектов, нет загазованности, малоэтажная застройка способствует продуванию кварталов даже незначительными ветрами. Это «тихие» поселки из-за отсутствия интенсивного потока транспорта. Внутри разбиты парки, оформлены газоны и цветники. Местные службы следят за чистотой улиц и дорог круглый год, уделяя особое внимание зимнему состоянию, своевременно очищая их от снега, льда и грязи. В летнее время живописный лесной массив в пойме р. Урал и сама река являются идеальным местом для отдыха. Для малоэтажной застройки пользуются термином коттеджная застройка. С этим определением был не согласен Почетный гражданин г. Оренбурга, краевед, филолог, преподаватель английского языка в педагогическом университете доцент В.В. Дорофеев. «Коттедж – одноэтажная постройка, сельская и т.д. Более солидные постройки – виллы, особняки (первое – богатая загородная дача, второе – благоустроенный городской дом). К постройкам на новых участках более подходящей характеристикой будет – участок особняков и коттеджей, ведь все постройки там преимущественно частные» [5, с. 256]. Давайте познакомимся с каждым из перечисленных вначале статьи современных поселков Оренбурга.

Поселок Ростоши [6] примерно 50 лет тому назад был опорным пунктом развития виноградарства в области. История Ростошей тесно связано с Оренбурггазпромом с 1988 г. «Ростоши – небольшой специфический жилой городок, расположенный на восточной окраине Оренбурга, на выезде в сторону аэропорта по Нежинскому шоссе, территориально и административно относится к Ленинскому району» [3, с. 369]. Там уже создана современная инфраструктура: гимназия № 4, детский сад, стоматологическая поликлиника, крытый рынок, торговый центр, спортивный комплекс с бассейнами, с игровыми площадками, Ледовый дворец на 300 зрителей. Работают отделение «Газпромбанка», почты, автозаправки, прачечная и прочие жизненно необходимые коммуникации. Для верующих возведен храм Преподобного Сергия Радонежского высотой в 31 м в византийском стиле. В заключение приведенные цифры дополняют общую картину про Ростоши: проживает – 5054 чел. на площади в 267 га, зеленые газоны площадью в 206 тыс. кв. метров обеспечивают чистый воздух, под парк «Ивушка» отведено 10 га земли, протяженность дорог внутри поселка составляет 40 км. За 40 лет Ростоши обустроились и приняли обжитой вид уютного предместья Оренбурга. «Они отличаются колористикой, гармоничным соотношением с цветом природного окружения. Это новое явление в областном центре» [2, с. 40].

Поселок «Экодолье» [9] расположен в 5 км от города недалеко от с. Ивановка. «Развитие малоэтажного строительства зависит не только от самих строительных компаний и девелоперов, но и от поддержки со стороны органов власти. Пожалуй, единственный пример бизнес-проекта «малоэтажке» – это «Экодолье», федеральный проект, который реализуется на основе частно-государственного партнерства», констатирует Хасанова Г. [12, с. 24]. Здесь застройка идет по трем направлениям: 1. коттеджи; 2. таунхаусы; 3. квартиры. Одновременно со строительством жилого фонда растет инфраструктура. Дороги и тротуары заасфальтированы, ширина проезжей части составляет 6 метров. Это молодежный поселок, построены детские сады, две школы, идет строительство спортивных сооружений. С сентября 2012 г. курсирует школьный автобус утром и после окончания занятий, развозя детей по домам. В распоряжении жителей находятся супермаркеты, магазины первой необходимости, салон красоты, химчистка, прачечная, кофейные другие предприятия торговли и обслуживания. В темное время суток работает уличное освещение.

Поселок «Приуралье» [7] находится в 5 км от Оренбурга. Идущая в настоящее время первая очередь строительства занимает площадь в 400 га, разбито свыше 3 тысяч участков, предположительно здесь будут проживать свыше 15 тысяч человек. Для жителей здесь природа создала исключительно благоприятные условия и красивейшие места – 780 га леса и пять озер. В «Приуралье» возводятся коттеджи, особняки, обустраиваются дороги, ведутся оптоволоконные сети. В ближайшее будущее при современных скоростных темпах будут построены – школа на 1600 мест, 8 детских садов, парковая зона, церковь, станция скорой помощи, спортивные комплексы. Для владельцев машин работают автосервис и автомойки. По периметру поселка и по границам земельных участков устанавливается единое ограждение. Внутри поселка ширина дорог составляет 20 м. Планируется построить контрольно-пропускные пункты для въезда на его территорию.

Поселок «Перовский» [8] удален от города на 7 км, лежит на пересечении Загородного и Беляевского шоссе. Под его застройку отведено 41 га. Соседями «Перовского» выступают два пригорода «Приуралье» и «Экодолье». 224 участка с площадью от 9 до 14 соток отведены под индивидуальное строительство, на одной четвертой уже полным ходом идет застройка инфраструктуры – школы, детского сада, магазина, проло-

жены главные коммуникации: газ, электричество, водопровод, канализация. По плану предусмотрено комплексное озеленение территории, устройство и асфальтирование дорог, т.е. всего комплекса инфраструктуры для удобного и благоприятного проживания.

Поселок Пригородный лежит на трассе Оренбург – Орск, удален от областного центра на 12 км, основан в 1929 г., назывался «Новый свет». В 2014 г. отметил 85-летие, его история отражает историю нашей страны в советское время. Сначала он принадлежал Объединенному государственному политическому управлению при Совете Народных Комиссаров СССР (ОГПУ, 1922–1934) и назывался совхоз ОГПУ, потом совхоз УНКВД (Управление наркомата внутренних дел) [11, С.8]. С 1949 г. стал относиться к Нежинскому сельсовету подсобного хозяйства Управления Министерства Внутренних Дел (УМВД). В совхозе широко использовался труд заключенных перед Великой Отечественной войной и во время войны. Условия жизни отличались суровым нравом. С ноября 1941 г. сюда выслали оренбургских немцев из городов области по решению исполкома Чкаловского областного Совета от 12 ноября 1941 г. (решение № 339), 646 лиц выслали только из Чкалова (11, с. 34). С 1944 по 1946 гг. там находился лагерь для военнопленных – румын и немцев. В 1946 г. их место заняли репатриированные из Германии российские немцы с оккупированной фашистами территории Украины в годы войны, которые после репатриации попадали под Указ Президиума Совета СССР 1942 г. о мобилизации советских немцев (мужчин и женщин) в трудовую армию. «Весной 1946 г. находилось 105 таких семей, всего 291 человек», пишет профессор А.В. Федорова [11, с. 34]. Этим немцев возвели в ранг спецпоселенцев и учредили надзор МВД. В Управлении НКВД Чкаловской области решалась судьба людей вплоть до 13 декабря 1955 г., когда вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении» [11, с. 41]. Необходимо отметить в жизни поселка Пригородного послевоенное время связь с Чкаловским сельскохозяйственным институтом им. А.А. Андреева. С 25 января 1950 г. совхоз Управления МВД Чкаловской области перевели в учебное хозяйство сельхозинститута – Постановлением Совета Министров СССР от 26.01.1950 – № 843 «р» [11, с. 47]. Учебное хозяйство относилось к Нежинскому сельсовету. В конце 90-х гг. был разработан план генеральной застройки учхоза для улучшения учебной базы аграрного университета, чтобы студенты ОГАУ могли на практике использовать полученные знания. В марте 1988 г. был образован в Оренбургском районе Пригородный сельсовет с административным центром в поселке Пригородном, в который вошли пос. Медовка (в прошлом ферма № 1), Нежинское лесничество, исключив их из состава Нежинского сельсовета Оренбургского района [11, с. 84]. На базе газификации с 1989 г. началось активное строительство поселка, а в 2000 г. на условиях реформы местного самоуправления возникло муниципальное образование (МО) Пригородный сельсовет. Судьбоносным годом стал 1994 г., когда в него пришли нефтяники и были отведены 20 га земли под строительство 300 типовых коттеджей с полным набором бытовых удобств. Так Пригородный от управления «Оренбургнефть» превратился в городок нефтяников. В 1995 г. словацкие строители сдали под ключ первые 37 домов. С 1999 г. жилищно-коммунальное хозяйство «Дельта» обслуживает коммуникации, ведет работы по благоустройству. В 2001 г. собственником МО Пригородный стала Тюменская нефтяная компания. Здесь было зарегистрировано на 2014 г. свыше 360 предприятий и организаций различных форм собственности, 25 предприятий торговли, общественного питания, две тысячи личных подсобных хозяйств, детский сад, школа и Европейский лицей (Ассоциированная школа ЮНЕСКО) [1, с. 7]. Проживает 5833 чел., для верующих возведен Храм Преподобного Серафима Саровского. В поселке в 2007 г. появился новый **микрорайон «Крона»** [10] в 14 км от Оренбурга на трассе «Оренбург – Орск». Он состоит из 22 таунхаусов, 48 коттеджей, 9 домов бизнес-класса, 6 многоквартирных домов, есть охрана, детские и спортивные площадки, обустроенные придворные территории. Площадь жилья колеблется от 200 до 480 кв. м., площадь участков от 8 до 15 соток, гаражи построены на два автомобиля. Площади квартир составляют от 44, 8 до 111, 4 кв. м. [1, с. 32]. Этот микрорайон воплотил в себе концепцию однородной застройки европейского уровня. В старой части поселка сформировался новый район «Серебряный век» на площади в 36 га, имеет 208 участков. В заключение несколько слов про ОГАУ, он владеет 3220 га пашни. Название «учебно-опытное поле» – это в сущности специализированное сельскохозяйственное предприятие или научно-производственный центр «Опытное поле», где работают ученые-аграрии кафедр агрохимии, растениеводства, ботаники и земледелия и где проходят производственную практику студенты [1, с. 42].

Таким образом, рост города Оренбурга идет постоянно, за исключением военных годов – 1941–1945 – и послевоенного времени. Открытие крупнейшего месторождения газа и развитие газоперерабатывающей промышленности вызвали к жизни появление новых предместий в восточном направлении. Тысячи граждан улучшили жизненные условия, воплотили в реальность мечты о благоустроенном жилье. Однако город шагает не только на восток, у него возникают пригороды и в других направлениях.

Список источников и литературы

1. Баймурзин С.С. Пригородный, мы гордимся тобой! Оренбург, ОАО «ИПК «Южный Урал», 2014. 130 с.
2. Балыков О.Ф. От мечты к реальности // Оренбургский край, 2001. № 1. С. 40.
3. Балыков О.Ф. Зеленые насаждения Оренбурга – вчера, сегодня, завтра. Оренбург, 2002. 400 с.
4. Гаранькин Ю.Д., Дорофеев В.В., Жилин А.Н. Улицы Оренбурга. Справочник. Оренбург, 1995. 160 с.

5. Дорофеев. В.В. Над Яиком-рекой. Оренбург, 2008. 288 с.
6. Ростоши (Оренбург) [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%88%D0%B8_\(%D0%9E%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B1%D1%83%D1%80%D0%B3\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%88%D0%B8_(%D0%9E%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B1%D1%83%D1%80%D0%B3)).
7. Коттеджный поселок «Приуралье». [Электронный ресурс]. URL: <https://orenburg.realtyvision.ru/kottedzhnye-poselki/682/>
8. Коттеджный поселок «Перовский». [Электронный ресурс]. URL: <https://orenburg.navse360.ru/aeropanoramy/perovskij-zhiloj-kompleks>
9. Коттеджный поселок Экодолье». [Электронный ресурс]. URL: <https://orenburg.ecodolie.ru/>
10. Коттеджный поселок «Крона» [Электронный ресурс]. URL: <http://orenburg.poselki.ru/catalog/19937-krona>.
11. Федорова А.В., Кузнецова Н.А. Пригородный. В зеркале времени. Оренбург. ФГУП «ИПК «Южный Урал», 2004. 112 с.
12. Хасанова Г. Строим быстро и малоэтажно // Финансово-экономический бюллетень (Оренбург), 2011. № 134. С. 25.

УДК 94 (47)

Общественно-политическая жизнь в СССР в 1965–1985 гг. с позиции современного научного знания. Ретроспектива исторических и политических тенденций

Викторов А.Г.
г. Астрахань

Аннотация. В статье рассмотрены основные общественно-политические тенденции, сформулированные высшим партийным руководством в изучаемый период. Делается попытка комплексного анализа общественно-политического и социально-экономического положения СССР в 1965–1985 гг., рассматривается возможность применения параметрического корреляционного анализа данных для выявления ряда областей, в совокупности составляющих собой общественно-политический аспект развития общества в динамике исторического развития, формулируется вывод о результате стимулирования изложенных отраслей.

Ключевые слова: СССР, общественно-политическая жизнь, тенденции развития, ретроспектива.

Проблемы развития советского общества в 1965–1985 гг. стали предметом острых научных дискуссий, из-за чего однозначная трактовка предкризисной ситуации и объяснение сложившихся механизмов торможения отсутствуют.

Изучение общественно-политической ситуации в СССР в период 1965–1985 гг. требует детального и глубокого рассмотрения политики СССР с целью формирования полноценного научного знания о «духе» проводимых реформ и структурных изменений.

В 1964 г. закончилось «великое десятилетие» Н.С. Хрущева. Н.С. Хрущев был обвинен в волюнтаризме, субъективизме, стремлении к установлению своей власти в партии и государстве. Он был освобожден от всех должностей.

Осенью 1965 г. началась экономическая реформа. В преобразованиях были заложены некоторые принципы рыночной экономики, такие как прибыль, хозрасчет и т. д. В качестве одного из основных показателей деятельности предприятия был принят объем продаж. Было сокращено число плановых показателей, вводимых государством. На предприятиях созданы специальные фонды, формирующиеся за счет отчислений от прибыли. Эти средства предназначались для развития производства и материального стимулирования работников [1].

Реформа 1965 г. предполагала дальнейшее развитие сельского хозяйства. Важным решением стало принятие примерного устава колхоза в ноябре 1969 г. Он увеличивал экономическую самостоятельность колхозов, сохранил за колхозниками право на натуральное хозяйство, сельскохозяйственные угодья, личный скот и птицу [2].

Несмотря на половинчатость, реформа 1965 г. задержала начавшийся спад производства, но с начала 1970-х гг. показатели производства снова стали падать. Если прирост национального дохода в 1967–1970 гг. в среднем за год составлял 7,8 %, то в 1971–1975 гг. он снизился до 6,3 %. За этим последовала регрессивная динамика: 1976–1980 гг. – 4,2 %, 1981–1985 гг. – 3,5 % [3].

Следует подчеркнуть, что в эти годы было достигнуто понимание необходимости более эффективного использования экономических законов, повысилось внимание к вопросам интенсификации производства и ускорению научно-технического прогресса.

В 1970–80-х гг. важнейшим элементом экономической политики стало развитие науки и техники и внедрение их достижений в практику. Начали создаваться научно-производственные объединения (НПО), количество которых в 1985 г. было доведено до 250. Они предназначались для создания новых моделей оборудования. Большинство НПО работало на оборону, так как страна была втянута в гонку вооружений [4].

Оснащение же гражданских предприятий новым оборудованием проходило медленно. Хотя XXV съезд КПСС определил X пятилетку (1976–1980 гг.) как «пятилетку эффективности и качества», промышленность, сельское хозяйство и строительство в IX, X и XI пятилетках показывали провальные результаты.

Реформа 1965–1970 гг. со всеми своими ограничениями и нестыковками все-таки оказала существенное положительное влияние на экономику страны. В 1961–1985 гг. валовой национальный продукт вырос на 387 %; был зафиксирован и рост национального дохода. Это означало, что в 1985 г. страна производила в четыре раза больше продукции, чем 25 лет назад. Объем промышленной продукции за это время увеличился на 485 %, сельскохозяйственной – на 171 % [5].

Развитие национальной экономики характеризовалось серьезными структурными изменениями. В стране был разработан единый хозяйственно-экономический комплекс, в том числе единая энергетическая система, транспортная сеть, система связи. За эти годы СССР построил более 9000 новых промышленных предприятий, в том числе «Атоммаш» и «КамАЗ», было начато строительство крупнейших в мире Красноярской и Братской ГЭС, Канско-Ачинского и Экибастузского топливно-энергетических комплексов.

В целом эти годы были периодом достижений советского государства в определенных сферах экономики, в социальной и научной областях. Однако начиная со второй половины 1970-х гг. признаки того, что экономический кризис показал неспособность политического руководства реагировать на быстро меняющиеся обстоятельства, стали более ощутимыми.

Серьезной проблемой был разрыв между увеличением мощностей и низким уровнем производительности труда и возврата инвестиций. Ситуация особенно ухудшилась во второй половине 1970-х гг. [5].

Большой ущерб национальной экономике приносили потери при транспортировке и хранении собранной сельхозпродукции из-за отсутствия специализированных транспортных средств, мест хранения и переработки. Потери во время перевозки скота составили 12,3 %, свиней – 11 %. При транспортировке потери урожая доходили до 30 %.

Значительный ущерб сельскому хозяйству нанесла сильная засуха в 1975 г., когда урожай зерновых снизился на 40 млн. тонн по сравнению со среднегодовым сбором за последние пять лет; сократилось поголовье скота.

В мае 1982 г. была принята Продовольственная программа, в которую вошли системы мер, охватывающие все основные аспекты агропромышленного комплекса. Тем не менее негативная тенденция не была преодолена. Выросла заработная плата основных категорий работников, в основном неквалифицированных, что привело к социальному уравниванию высоко- и низкоквалифицированного труда. Материальные стимулы высококвалифицированных специалистов стали терять свою актуальность [6].

Реальный уровень жизни снизился лишь с начала 1980-х гг.

Таким образом, стагнация в экономике и социальной жизни, углубившаяся с 1970-х до середины 1980-х гг., привела страну к предкризисной ситуации. В экономической области наблюдалась тенденция к замедлению темпов роста основных показателей развития национальной экономики: разрыв в научно-технических и технологических процессах, отставание от развитых капиталистических стран; неэффективное использование материальных и трудовых ресурсов и замедленный переход к интенсивным методам производства.

Идейно-теоретической основой деятельности нового руководства была разработанная в конце 60-х годов концепция развитого социализма, которая была представлена как особая стадия развития советского общества. Существовавшие в общественной жизни недочеты и кризисные явления рассматривались как результат неизбежных в процессе его развития противоречий. Устранению недостатков должна была способствовать политика «совершенствования социализма», которую К. Маркс выводил из экономического закона движения современного общества. Активными сторонниками и проводниками концепции развитого социализма были Л.И. Брежнев, сменивший его на посту главы КПСС Ю.В. Андропов и последующий руководитель К.У. Черненко.

Новый шаг был сделан страной и в области науки и культуры: страна перешла на общее среднее образование [7].

Наряду с внедрением новых технологий стало нормой неполное освоение нового оборудования, медлительность в достижении проектных показателей.

В социальной сфере: остаточный принцип финансирования социальных потребностей, преобладание уравнительности в распределении и систематическое нарушение социалистического принципа распределения по труду, рост таких негативных явлений, как пьянство, алкоголизм, спекуляция, коррупция [8].

В политической сфере: неспособность руководства страны вовремя оценить и провести срочные изменения, бюрократизация управленческого аппарата, отсутствие гласности по наиболее важным вопросам государственной и общественной жизни, пассивность и апатия масс, существенная потеря доверия традиционным

политическим институтам. В этой связи мы должны отметить, что доля СССР в рамках Варшавского договора составила 90 % от общего объема военных расходов, и только 10 % приходилось на долю союзников (для сравнения: в рамках НАТО расходы США составляли 54 %) [9].

Однако, социально-экономическое состояние страны, показало, что административно-командная система исчерпала свои возможности эффективного управления гигантским национальным экономическим механизмом, нужны были новые реформы.

Список источников и литературы

1. Бартев С.А. Экономическая история. М.: «Экономистъ», 2004. 390 с.
2. Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М.: Прогресс, 2004. 480 с.
3. Гайдар Е.Т. Гибель империи: уроки для современной России. – 2-е изд., испр. и доп. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. 448 с.
4. Карр Э. История Советской России. Кн. 1. – М.: «Мысль» 2005. 398 с.
5. Лельчук В.С. СССР в 70-е годы. М.: Прогресс, 2005. 405 с.
6. Ненароков А.П. Несостоявшийся Юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М.: Наука, 1992. 99 с.
7. Поляк Г.Б. История России: учебник для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 687 с.
8. Смолин О. Н. Три трагедии российской демократии. М.: ООО ИПТК «Логос» ВОС», 2006. 511 с.
9. Согрин В.В. Политическая история современной России. М.: Наука, 2006. 715 с.
10. Соколов А.К., Тяжелников В.С. Курс советской истории. 1941–1991. М.: Логос, 2004. 420 с.
11. Хромов П.А. Экономическая история СССР. Период промышленного и монополистического капитализма в России. М.: Высшая школа, 2004. 465 с.

УДК 94(47).084.8

Перевозки призывников Государственных трудовых резервов из Башкирской АССР в Свердловскую область в 1940-е гг.: межрегиональный аспект модернизации

Захаровский Л.В., Разинков С.Л.
г. Екатеринбург

Аннотация. Статья посвящена межобластному перемещению призывников системы государственных трудовых резервов как одному из инструментов модернизационного развития страны, совмещавшему перераспределение трудовых ресурсов еще на этапе их обучения между регионами с обучением колхозной молодежи рабочим профессиям. Централизованное планирование с учетом местных возможностей и потребностей, с одной стороны, позволяло реализовывать общегосударственные планы развития регионов и отраслей, с другой, порождало ряд проблем.

Ключевые слова: Государственные трудовые резервы, призывной контингент учащихся, межобластные перевозки учащихся, межрегиональный аспект модернизации, Свердловская область, Башкирия.

Статья написана в рамках исследования, выполняемого за счет средств РФФИ (проект № 19-09-00396)

В первых пятилетних планах развития народного хозяйства СССР важная роль отводилась территориальному аспекту модернизации экономики страны. Так, определяя директивы отраслевого развития, второй пятилетний план постоянно подчеркивал важность новых промышленных районов: «Особенно важной народнохозяйственной задачей является развитие добычи нефти и угля в новых районах (Подмосковный бассейн, Урал, Буреинский район ДВК, Восточная Сибирь, Средняя Азия и др.)...по лесной промышленности – добиться развёртывания механизации лесовывозки с тем, чтобы удельный вес вывозки по механизированным и рационализированным дорогам в общей вывозке леса составил 63 %; широко освоить во втором пятилетии лесные массивы Севера и Востока...».

Чем масштабнее становились планы развития новых районов и отраслей, тем более острой становилась проблема обеспечения их квалифицированными рабочими кадрами. Тем более острой данная проблема являлась для Урала, где строительство новых гигантов индустрии сопровождалось реконструкцией большого количества старых предприятий. Логика территориального развития народнохозяйственного комплекса диктовала необходимость переброски трудовых ресурсов из преимущественно сельскохозяйственных регионов страны к новым промышленным базам. Наиболее эффективной такая переброска становилась еще на этапе подготовки рабочей силы, которую на новом месте осуществляли уже исходя из конкретных потребностей местных строителей и производств. Именно поэтому возникшая с созданием единой системы подготовки

рабочих кадров возможность межотраслевого и территориального перераспределения подготавливаемых рабочих рассматривалась как важнейшее преимущество общегосударственной системы Государственных трудовых резервов.

Однако логика государственных интересов здесь нередко сталкивалась с нежеланием потенциальных учащихся менять место жительства или приобретать важную с точки зрения государства специальность. Целый ряд профессий (особенно предполагающих тяжелый физический труд, работу под землей и т.д.) не мог быть обеспечен кадрами учащихся лишь путем добровольного набора, требуя проведения мобилизации (призыва), однако и мобилизация в достаточном количестве не всегда была возможна внутри одного региона. Одним из факторов необходимости мобилизации в этих условиях являлись межобластные перевозки учащихся.

Первый призыв в Государственные трудовые резервы составил 602517 человек городской и колхозной молодежи, из них в порядке добровольного набора – 450100 человек. Причем известно, что в городские и районные призывные комиссии было подано 1100 тысяч заявлений. Мобилизованная колхозная молодежь из преимущественно аграрных областей и республик преимущественно и выступала в качестве контингента, перебрасываемого между областями. Только в ходе первого набора по межобластным перевозкам планировалось перевезти 76800 человек, в том числе, 1300 человек – из Башкирской АССР в Свердловскую область.

Отчетные данные Свердловского областного управления трудовых резервов, адресованные Начальнику Главного управления трудовых резервов и Председателю Свердловского областного исполнительного комитета, позволяют сделать определенные выводы о месте и значимости контингента из Башкирии в обеспечении первого призыва для учебных заведений трудовых резервов Свердловской области [1]. Установленный призывной контингент составлял 15300 человек. Из них для РУ 8000, ЖУ – 400, школ ФЗО – 6900 человек. Призыв колхозной молодежи в ремесленные и железнодорожные училища не планировался, городская молодежь должна была пополнить школы ФЗО на 1802 человека. На практике ремесленные и железнодорожные училища были укомплектованы исключительно городской молодежью и перешедшими из школ ФЗУ, в то время как школы ФЗО были укомплектованы исключительно колхозными подростками.

Призванные из Башкирии 1300 человек были распределены исключительно по школам ФЗО. Прибывшие из Уфы 855 человек были отправлены в Нижне-Тагильскую школу ФЗО № 11, Верхне-Салдинскую школу ФЗО № 5, в Ревдинскую и Дегтярскую ФЗО № 3. Прибывшие из Янаула 445 человек были направлены в Нижне-Тагильскую школу ФЗО № 2 и Верхне-Салдинскую школу ФЗО № 8. Итого, без учета зачисленных учащихся из школ ФЗУ, в первый призыв в Свердловской области было призвано всего 11135 человек, таким образом, контингент, переброшенный из Башкирии, превысил 10 % от внутриобластного призыва. Если же учитывать только призыв в школы ФЗО, доля башкирских учащихся еще выше – 1300 на 3940 внутриобластного призыва. Обобщенные данные о масштабах перевозки призывников трудовых резервов из Башкирии в Свердловскую область представлены в таблице 1.

Таблица 1

Сводные данные о количестве молодежи, принятой в ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО Свердловской области в 1940-1949 гг., чел. [2]

Год призыва	Призыв в ремесленные и жд училища			Призыв в школы ФЗО			Всего	Из каких областей
	В Свердловской области	Завезено из других областей	Всего	В Свердловской области	Завезено из других областей	Всего		
1940-1941	19.500	-	19.500	19.177	4.749	22.926	42.426	Башкирская АССР – 2000 Марийская АССР – 1200 Казахская ССР – 1549
1942	9.700	2.000	11.700	20.905	12.760	33.665	45.365	Смоленская обл. – 2153 Воронежская обл. – 1062 Орловская обл. – 2687 Калининская обл. – 3738 Тульская обл. – 700 Саратовская обл. – 800 Кировская обл. – 3620
1943	13.535	600	14.135	15.285	8.730	24.015	38.150	Воронежская обл. – 3390 Марийская АССР. – 1834 Чувашская АССР – 1878 Мордовская АССР – 950 Кировская обл. – 1078 Тюменская обл. – 200

1944	6.813	-	6.813	15.656	5.153	20.809	27.622	Белорусская ССР – 4127 Кировская обл. – 678 Чувашская АССР – 348
1945	8.040	-	8.040	4.534	9.771	14.305	22.345	Курганская обл. – 210 Молотовская обл. – 595 Кировская обл. – 1931 Новосибирская обл. – 948 Омская обл. – 731 Тюменская обл. – 1195 Алтайский край – 1157 Курская обл. – 2030 Башкирская АССР – 974
1946	10.339	-	10.339	5.419	8.354	13.773	24.112	Татарская АССР – 2584 Мордовская АССР – 995 Марийская АССР – 317 Чувашская АССР – 1049 Кировская обл. – 844 Омская обл. – 1383 Башкирская АССР – 861
1947	9.385	-	9.385	12.553	9.379	21.932	31.317	Чувашская АССР – 840 Мордовская АССР – 1575 Тамбовская обл. – 468 Пензенская обл. – 1328 Воронежская обл. – 1933 Кировская обл. – 2473 Башкирская АССР – 702
1948	9.014	-	9.014	12.630*	6174*	20.539	29.553	Кировская обл. – 3437 Тамбовская обл. – 641 Башкирская АССР – 1090 Вологодская обл. – 1006
1949	6.301	161	6.462	4.695	16.203	20.898	27.360	Тамбовская обл. – 2723 Кировская обл. – 4408 Воронежская обл. – 749 Владимирская обл. – 396 Удмуртская АССР – 1553 Брянская обл. – 1377 Пензенская обл. – 2828 Мордовская АССР – 1819 Марийская АССР – 350
	92.627	2.761	95.388			192.862	288.250	

* Неполные данные

На основании сведенных нами в таблицу данных можно сделать следующие выводы.

1. Практически все призывники из других регионов, переводимые на обучение в Свердловскую область, отправлялись на обучение в школы ФЗО.

2. переброска призывных контингентов из Башкирии была прекращена в период массовой эвакуации учащихся трудовых резервов из западных областей СССР, масштабы которой (около 20 тыс. учащихся и более 1 тыс. сотрудников) потребовали огромных усилий со стороны свердловской системы трудовых резервов по приему, размещению, организации обучения эвакуированных, и вновь возобновилась с прекращением эвакуационных потоков и началом массовой реэвакуации.

3. Если в ходе первых призывов в школы ФЗО в 1940-1941 гг. доля контингентов из Башкирии составляла около 10 % от призыва по Свердловской области, в 1945–1946 гг. даже несколько возросла, с 1947 г. намечалось её снижение, основным регионом-донором призывников с этого времени стала Кировская область.

4. Начало до Великой Отечественной войны и продолжение массового перемещения призывных контингентов в другие регионы в первое послевоенное десятилетие доказывают, что данная практика связана не только с потребностями военной экономики, но в первую очередь, с задачами пространственного развития, освоения новых территорий и развития новых отраслей, перемещения молодежи из сельских районов в регионы бурного промышленного роста. Модернизационная роль такого инструмента как централизованно планируемое межобластное, межрегиональное перераспределение рабочей силы еще на этапе обучения до сих пор незаслуженно забыта.

Модернизационные процессы никогда не происходят безболезненно. Они наталкиваются на сопротивление традиционного сознания, уклада жизни. Понимание значимости для общества в целом тех или иных конкретных модернизационных инструментов может снижаться на разных уровнях использующих их властных структур, что порождает различные сбои и проблемы. Процесс адаптации призывников из Башкирии в школах ФЗО Свердловской области сопровождался рядом проблем. В выступлении на Совете заместителей директоров по политической части в Свердловском областном управлении трудовых резервов 10 декабря 1941 г. представитель школы ФЗО № 24 Рукомойникова обратила внимание собравшихся на большой процент казахов и башкир в школе, не знавших производства, работавших до этого в колхозе: «Особенно пренебрежительно они отнеслись к кузнечному делу. При выполнении практической работы они заявляют мастеру, что мы приехали сюда не работать, а учиться... председатели колхозов и МТС присылали телеграммы в наш адрес, просили вернуть ребят в колхоз, так как они там нужны». Обобщенные данные докладной записки Свердловского облуправления трудовых резервов на 1 сентября 1941 г. свидетельствуют, что процент самовольно ушедших из школ ФЗО среди завезенных из Казахстана и Башкирии выше, чем среди призванных с территории Свердловской области [4]. В Совнаркомы Казахской ССР и Башкирской АССР были отправлены специальные письма, посланы представители школ, но вернуть учеников не удалось.

Несмотря на возникающие в ходе межобластного перераспределения контингентов и при эвакуации проблемы, отказаться от этой практики Главное управление трудовых резервов не могло. Установленные правительством контингенты учащихся по областям определялись на основании потребности промышленности в рабочих кадрах, в условиях военного времени и военной экономики их полное обеспечение рассматривалось как важнейший государственный приоритет. Любое допущенное областными управлениями трудовых резервов сокращение контингентов учащихся по любым причинам – от массового дезертирства до досрочных выпусков без немедленного нового набора – сурово наказывались.

При этом в ряде ключевых промышленных областей (в том числе, Свердловской) к 1943 г. стала очевидной катастрофическая недостаточность местных призывных контингентов. Характерный вывод содержался в Заключении к проекту Главтрудрезервов о призыве молодежи в школы ФЗО в Свердловской области в январе – феврале 1943 г.: «Контингент неработающих в основном исчерпан. Источником призыва в школы ФЗО может быть учащаяся молодежь 8–10 классов средних школ... из числа которых и возможно призвать не более 2 тысяч человек, а остальных в количестве 16200 необходимо завезти из других областей» [5].

По тем же причинам практика переброски контингентов призванных в других регионах в государственные трудовые резервы для обучения в Свердловскую область использовалась и в послевоенные годы. В проекте плана приема в школы ФЗО и ремесленные училища на 1945/46 г. по Свердловской области, подготовленном Министерством трудовых резервов, совместно с областным управлением трудовых резервов и исполкомами Свердловского областного и Свердловского городского советов депутатов трудящихся, еще раз категорически подчеркивал: «резервы незанятой молодежи в Свердловской области являются недостаточными и покрывают потребность в укомплектовании школ ФЗО и РУ в незначительных размерах... для обеспечения плана набора в школы ФЗО Свердловской области необходимо направить из других областей 8890 человек и в ремесленные училища 5796 человек, всего молодежи из других областей 14686 человек» [6].

Список источников и литературы

1. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф.4. Оп. 35. Д. 299. Л. 78.
2. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 44. Л.2
3. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 36. Д. 206. Л. 15.
4. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 215. Л. 32.
5. ЦДООСО. Ф.4. Оп.36. Д. 206. Л. 207.
6. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 43. Д. 315. Л. 242.

УДК 93/94

Советская власть и сибирский город: к истории переименования Новониколаевска в Новосибирск

Корженевский К.Б.
г. Нижневартовск

Аннотация. Статья посвящена изучению процесса переименования Новониколаевска в Новосибирск. Рассмотрены предлагавшиеся варианты названия административного центра Сибири, показано влияние на сделанный выбор идеологии и др. факторов.

Ключевые слова: Новониколаевск, Новосибирск, переименование города, Советская власть, Сибирь, идеология.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-39-90002

В первые десятилетия Советской власти были намечены основные направления государственной политики, связанной с переименованием географических объектов, преимущественно населенных пунктов. Городам и посёлкам давались имена, которые соответствовали новым идеологическим веяниям. При этом переименования не ограничивались РСФСР, а затронули всю территорию Советского Союза.

Изменения проводились на основании декрета СНК «О порядке изменения границ губернских, уездных и проч.» от 27 января 1918 г. [11, с. 321–322]. Согласно декрету, все вопросы об изменении губернских, уездных и волостных границ должны были разрешаться местными Советами. Несмотря на то, что в данном постановлении ни слова не было сказано о разрешении самостоятельно переименовывать населенные пункты, местные органы власти восприняли данный декрет гораздо шире. Это в свою очередь породило и первую волну переименований населенных пунктов.

В 1919 г. стихийный процесс постарались взять под государственный контроль. Согласно постановлению СНК от 15 июля «О порядке разрешения вопросов об изменении границ губерний, уездов и волостей» все соответствующие вопросы должны были разрешаться НКВД с дальнейшим утверждением ВЦИК [17, с. 14]. Это же и касалось переименований городов и других поселений. Однако, несмотря на ужесточение административной политики и запрещение самовольства, власти на местах продолжали проявлять инициативу, зачастую не оповещая центр о проведенных изменениях, в том числе и в области переименований [9].

В 1921–1922 гг. Административная комиссия ВЦИК неоднократно выступала против переименований, считая их слишком дорогостоящими. В декабре 1923 г. президиум ЦИК СССР принял постановление, которое категорически запрещало переименования для всех населенных пунктов, имеющих телеграф и почту или железнодорожные станции [5, л. 46, 47]. Данный запрет объяснялся необходимостью экономии средств и трудностями в отношении почтово-телеграфной связи.

Лишь с 1924 г. процесс переименования городов был взят под контроль. Внедрение советской топонимики на территории всего Советского Союза становится более осознанным, целенаправленным, идеологически выверенным [6, с. 155]. Города начинают централизованно переименовывать в честь деятелей коммунистической партии. Появляются населенные пункты, названные именем И.В. Сталина, Ф.Э. Дзержинского, Я.М. Свердлова и др.

В 1924 г. в связи со смертью В.И. Ленина начинается широкое использование его имени в качестве топонимической основы для географических объектов. В 1924 г. Петроград стал Ленинградом, армянский город Александрополь – Ленинаном [6, с. 156]. В тоже время появилась целая волна ходатайств из разных уголков Советского Союза о переименовании селений в честь вождя революции. При этом Москва, для того, чтобы сдерживать неконтролируемый поток изменений на местах, декретом от 5 февраля 1924 г. «О воспреещении переименования именем В. И. Ульянова (Ленина) городов, улиц, сооружений, учреждений без разрешения ЦИК Союза ССР» запретила подобные действия [9]. В 1925 г. Царицын стал Сталинградом. Небольшие населённые пункты получили имена В. Куйбышева и М.И. Калинина.

Сибирский город Новониколаевск, как и многие другие города СССР не остался в стороне от влияния советской идеологии в сфере топонимики.

Новониколаевск (с 1926 г. носящий имя «Новосибирск») ведет свою историю со строительства железнодорожного моста через р. Обь в мае 1893 г. [12]. С укреплением же вначале 1920-х гг. в Сибири советской власти он получил весомый импульс к политическому развитию. В начале 1921 г. Новониколаевск становится столицей Сибири в связи с переводом в него Сибирского революционного комитета, высшего органа Советской власти региона [8, с. 11].

Вопрос о переименовании Новониколаевска возник задолго до становления города на Оби в качестве сибирской столицы. Важность изменения прежнего названия была связано, в том числе, и с необходимостью избавиться от царского наследия. Тем более, что у сравнительно молодого населенного пункта и до революции официальное название менялось. Изначально названный Александровским в честь императора Александра III поселок, впоследствии был переименован в честь последнего русского царя. В 1903 г. поселок Новониколаевский получил статус города с сохранением прежнего названия [13, с. 63].

После октябрьских событий 1917 г. и установления советской власти в Сибири в 1918 г. обсуждается необходимость переименования Новониколаевска. От властей революционной Сибири поступило предложение переименовать Новониколаевск в Обск, но Центр отверг данную инициативу, посчитав предложенный вариант неблагозвучным [1, с. 19].

В дальнейшем к этому вопросу сибирские власти вернулись уже в начале 1920-х гг. после окончательного разгрома антибольшевистских сил и окончания Гражданской войны. На обсуждение выносились различные предложения, поступавшие как от самих властей Новониколаевска, так и от простых жителей города. Большая часть вариантов была связана с революционной темой. Так на обсуждение общественности выносились идеи назвать город Красноградом, Октябрьградом, Сибкрайградом, Ревкрайсибом, Пионером, Будивостоком и т. д.

Звучали предложения переименовать Новониколаевск в честь одного из революционных деятелей: В.И. Ленина (Владими́ро-Сибирск, Ленинзнаменск-на-Оби, Новоленинск, Сибленинград), М.И. Калинина (Калининск, Калининград, Калининград-на-Оби), в честь командующего Сибирским военным округом и председателя Сибревкома М.М. Лашевича (Лашевич, Лашевичград) [1, с. 20].

В 1922 г. было предложено назвать город в честь И.Н. Смирнова, красного командира, революционного завоевателя Сибири и первого председателя Сибирского революционного комитета. Именно он в 1921 г. выступил с идеей переноса столицы Сибири из Омска в Новониколаевск, что в дальнейшем и способствовало становлению города в качестве административного и экономического центра региона [13, с. 63]. 27 июля 1922 г. Новониколаевским губисполкомом было принято решено ходатайствовать перед Сибревкомом и ВЦИК об утверждении переименования Новониколаевска в Смирновск к 5-й годовщине Октябрьской революции [4, л. 41]. Однако данное ходатайство было отвергнуто Москвой.

В октябре 1922 г. Новониколаевский губисполком через Сибревком выходит с ходатайством во ВЦИК об утверждении постановления президиума губисполкома о переименовании города в Краснообск. Но и это предложение не встретило поддержки [1, с. 19].

После смерти В.И. Ленина Новониколаевские власти выступили с предложением назвать город именем вождя Революции. Однако 29 февраля 1924 г. президиум ЦИК отклонил ходатайство о переименовании Новониколаевска в Ульяновск, т.к. было принято решение назвать именем В.И. Ульянова-Ленина его родной Симбирск [10, с. 133].

25 мая 1925 г. согласно постановления президиума ВЦИК был образован Сибирский край с центром в Новониколаевске из губерний: Омской, Новониколаевской, Алтайской, Томской, Енисейской и Автономной области Ойратии [7, л. 135]. Это в свою очередь означало необходимость подобрать такое имя Новониколаевску, которое бы соответствовало статусу краевой столицы. Уже после образования Сибкрая, в выборе нового имени вновь образованной административной единицы было принято решение остановиться на Новосибирске.

17 ноября 1925 г. I Новониколаевский окружной съезд Советов постановил переименовать Новониколаевск в Новосибирск. Ходатайство об утверждении этого постановления было направлено на рассмотрение I Сибирскому краевому съезду Советов и ВЦИК [10, с. 137]. I Сибирский краевой съезд Советов одобрил постановление окружного съезда и поручил Сибкрайисполкому ходатайствовать перед ВЦИК об утверждении этого изменения [10, с. 138]. При этом жителям Новониколаевска, в отличие от делегатов I Сибирского краевого съезда название «Новосибирск» не очень понравилось. Критика со стороны горожан сводилась к мысли, что ни Сибирска, ни Старосибирска нет и в помине [2].

Административная комиссия при президиуме ВЦИК на заседании 14 января 1926 г., рассмотрев данный вопрос, постановила признать переименование целесообразным. При этом административной комиссией было подчеркнуто, что название «Ново-Сибирск» является неудачным, т.к., других городов с именем «Сибирск» не существует, что в свою очередь дает основание считать присоединение слова «Ново» логически не оправданным [3, л. 16]. Вопрос для разъяснения адресуется Сибкрайисполкому. В ответе, поступившем от властей Сибирского края, с мнением административной комиссии полностью были согласны, однако уточнялось, что указанное обстоятельство имело в виду на I краевом съезде Советов, и, тем не менее, съездом принято решение признать необходимым сохранить слово «Ново». I краевой съезд Советов тем самым желал подчеркнуть этой приставкой «Ново» ведущее значение Сибирского центра в деле социалистического строительства [3, л. 17]. Кроме того, по мнению Сибирских властей, приставка «Ново» за продолжительное время существования имени «Новониколаевска» прочно укоренилось в словоупотреблении в отношении города, поэтому оно не может быть для населения чем-то неестественным [3, л. 17]. На основании данной аргументации Сибкрайисполком настоял в обращении в административную комиссию на переименовании Новониколаевска в Новосибирск.

8 февраля 1926 г. президиум ВЦИК РСФСР, изучив обстоятельно этот вопрос, постановил переименовать столицу Сибирского края. После чего отправил данное постановление далее в вышестоящую инстанцию, на утверждение президиума ЦИК СССР [3, л. 22]. 12 февраля 1926 г. президиум ЦИК СССР утвердил переименование [3, л. 21].

Интересным фактом является то, что еще 10 февраля 1926 г., за два дня до официального постановления ЦИК, на первой полосе официального печатного издания сибирских краевых властей «Советская Сибирь» была опубликована небольшая заметка, в которой говорилось, что ЦИК СССР, заслушав доклад административной комиссии, постановил переименовать Новониколаевск в Новосибирск [16, с. 1]. Таким образом, столица Сибирского края, после продолжительных обсуждений, ходатайств и отклонений в феврале 1926 г. получила новое имя – «Новосибирск».

Важно отметить, что в официальном постановлении ЦИК СССР город был переименован в «Ново-Сибирск», а не в «Новосибирск», тем самым сложилась интересная ситуация, когда параллельно, существовало оба варианта написания. При этом слитно слово «Новосибирск» употреблялось во многих печатных изданиях, на вывесках и т.д., а с дефисом – в официальных документах вплоть до середины 1930-х гг., после чего стали использовать только слитный вариант написания [14].

Новосибирск стал одним из многих городов Советского Союза, подвергшихся переименованию в условиях советской действительности 1920-х – 1930-х гг., когда возникла необходимость уничтожить пережитки царского прошлого, сохранившегося в названиях городов и селений, увековечивания памяти о революционном движении и его деятелях. При этом, в отличие от большинства переименований того времени, сибирская столица не получила названия, тесно связанного с большевизмом. В новое имя было вложен смысл необходимости построения новой Сибири – социалистической, взамен Сибири каторжной и ссыльной [15, с. 6].

Список источников и литературы

1. Букарева Е.И. 80 лет со дня переименования Новониколаевска в Новосибирск (1926) // Календарь знаменательных и памятных дат по Новосибирской области, 2006 год. Новосибирск: Новосиб. гос. обл. науч. б-ка, 2005. С. 19–21.
2. Букевич Д. 90 лет назад Новониколаевск стал Новосибирском // Новосибирский филиал АО «ИД «Комсомольская правда». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nsk.kp.ru/daily/26492/3361162/>
3. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1
4. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1133. Оп. 1. Д. 121.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5677. Оп. 4. Д. 1.
6. Демьянов К.В., Рыженко В.Г. Идеология, топонимика, политика памяти: о массовом переименовании городов в СССР // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 4 (16). С. 153–160.
7. Исторический архив Омской области (ИсА). Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 53.
8. Мельникова Т.В. 90 лет со дня принятия Сибирским бюро РКП(б) решения о переносе Сибирского центра из Омска в Новониколаевск (1921) // Календарь знаменательных и памятных дат по Новосибирской области, 2011 год. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. обл. науч. б-ки, 2010. С. 11–12.
9. Никитин С. Революция и география // Отечественные записки. 2003. № 2 (11). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/2/revolyuciya-i-geografiya>
10. Новосибирск. 100 лет. События. Люди. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. 472 с.
11. О порядке изменения границ губернских, уездных и проч. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1917-1918. № 21, ст. 318. С. 321–322.
12. Официальный сайт города Новосибирска. О Новосибирске. [Электронный ресурс]. URL: <https://novosibirsk.ru/about/>
13. Порубова А.С. Корженевский К.Б. Становление Новониколаевска как «столицы» Сибири в первой половине 1920-х гг. // Актуальные проблемы гуманитарных наук: материалы Региональной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей (г. Нижневартовск, 15 декабря 2018 года). Нижневартовский государственный университет, 2019. С. 61–64.
14. Постановление ЦИК СССР от 12.02.1926 «О переименовании города Новониколаевска в город Новосибирск» // Государственный архив Новосибирской области. [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.nso.ru/page/160>
15. Советская Сибирь. 1925. 9 декабря. № 282 (1821).
16. Советская Сибирь. 1926. 10 февраля. № 33 (1871).
17. Сулькевич С.И. Административно-политическое строение Союза ССР: (Материалы о территориальных преобразованиях с 1917 г. по 1 июля 1925 г.). Л., 1926. 300 с.

УДК 316.42. 908 (470.51).911.375

К вопросу о культурной преемственности на примере анализа топонимика города Воткинск Удмуртской республики

Ларионова О.Ю., Нижегородова Л.Л.
г. Воткинск, г. Москва

Аннотация. Статья посвящена анализу изменений топонимика за последние 100 лет и сравнению воспитательного потенциала имён, вознесённых на пьедестал улиц города Воткинск Удмуртской республики. Насколько важна нам культурная преемственность края, где мы живём, кому мы посвящаем нашу благодарную память сегодня и кого прославляем? В результате исследования сделан следующий вывод: возрождение уникальной культурно-исторической среды города будет способствовать возрождению лучших народных традиций у его жителей и значительно повысит привлекательность города для туристов.

Ключевые слова: история Удмуртии, история Воткинска, культурное наследие, топонимика Воткинска, знаменитые люди Воткинска.

Революционные преобразования нашей страны с 1917-го по 1930-е годы коснулись всех сфер жизнедеятельности граждан, в результате чего полностью поменялся менталитет россиян. Однако социалистический путь нашей страны оказался тупиковым и мы возвратились на прежние рельсы частнособственнических отношений. Сегодня мы можем только представить чувства коренных воткинцев, когда новая власть стала разрушать храмы, построенные на их личные и их предками заработанные средства, когда по приказу советской власти рабочими молотами разбивались надгробные памятники над могилами их предков на Нагорном кладбище. А там похоронены для всей страны значимые и известные за её пределами личности, Герои войн, в том числе войны с Наполеоном, кавалеры ордена Святого Георгия – высшей награды страны не только в Российской империи, но и в современной России, предприниматели, построившие на собственные средства школы и богадельни для общественных нужд .... А что могли чувствовать воткинцы, когда имена их предков, своим честным трудом создававших славу Воткинскому заводу, были сброшены с фасадов домов, а на их место прикрепили таблички с именами чуждыми Воткинску? Причём, абсолютно чуждыми в сфере духовных и этических ценностей общественного сознания! Топонимика стала также выполнять функцию пропаганды новых ценностей. Удивительно, что само имя «центра контрреволюции Прикамья», как называли тогда Воткинск в связи с народным восстанием против большевиков в 1918 году, не поменяли.

В результате проведённого исследования выяснилось, что из 74 названий улиц, действовавших на 1919 год в Воткинске, неизменной осталась только одна улица – Григорьевская!

Современная улица Кирова, названная так в 1934 году по партийному прозвищу большевика и профессионального революционера (его настоящее имя Сергей Миронович Костриков), объединила центральную улицу, которая ранее состояла из двух частей: улицы Базарная (шла от плотины до улицы Пролетарская, ранее Витильская) и улицы Коммунальная, первоначальное и единственное название которой до 1920 года было Конторская, т.к. современное здание заводоуправления стоит на историческом месте заводской конторы. [1, л. 375–382; 2; 3, л. 87–92, 498–527; 4].

На этой улице в разное время проживали в домах, расположенных друг против друга, два человека, слава о которых распространилась далеко за пределы территории современной Удмуртии. В настоящее время оба эти дома снесены. На углу улиц Кирова и Робеспьера, ранее Конторская и Кладбищенская (Игнатьевская) в двухэтажном каменном доме сарапульского купца Матвея Егоровича Баранова жил Николай Гаврилович Славянов (1854–1897) – русский инженер, получивший известность за изобретение метода дуговой сварки металлов с помощью плавящегося электрода [5, л. 20]. Его имя входит в когорту лучших изобретателей страны. Он причастен к созданию и усовершенствованию доменных печей, водонапорных башен, перекрытий производственных площадок, железнодорожных мостов, маяков, боевых снарядов и многого другого [6]. Н.Г. Славянов работал на Воткинском заводе с 1877 по 1881 гг., был смотрителем механических фабрик, а после главным механиком завода [7; 8, с. 166.]. Здесь у него с женой, Варварой Васильевной (в девичестве Ольдерогге) (1855–1923) появились сыновья: Николай Николаевич Славянов (1878–1958), российский и советский учёный-гидрогеолог, член-корреспондент Академии наук СССР (1946) и Александр Николаевич Славянов (1880–1958), доцент, кандидат химических наук, зав. кафедры Академии им. Тимирязева [6].

Напротив этого дома, через дорогу, в казённом деревянном доме с мезонином и балконом жил доктор медицины и хирургии, статский советник Сильвестр Фёдорович Тучемский (1792–1868 гг.), старший врач заводского госпиталя. В 1831 году докторскую степень он получил за научное исследование «Медико-топографическое описание Камско-Воткинского завода», первую в истории Воткинска, подготовленную здесь и на местном материале. За 42 года работы в Воткинском заводе, с 1826 по 1868 гг., Тучемский завоевал большой авторитет и известность далеко за пределами Воткинска. Особых успехов он добился в лечении дефектов зрения, нередко возвращал способность видеть самым безнадежным больным. Операции на глазах доктор делал с помощью инструментов, изготовленных по его заказу на Воткинском заводе. Среди его пациентов были семья Чайковских, в том числе будущий великий русский композитор, и находящийся в ссылке за вольнодумие в городе Вятка (1848–1855) русский писатель, Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин (1826–1889), который страдал суставным ревматизмом. В благодарность за помощь в избавлении от недуга, Салтыков-Щедрин написал статью в газету о Тучемском, как об «одном из лучших деятелей в Вятском крае, которому своею жизнью и здоровьем обязано большое число народа разных званий». Практически из каждого выпуска заводской школы к нему в лекарские ученики поступали успешно завершившие обучение юноши 14–15 лет, дети мастеровых завода, которых он обучал своему искусству. В начале 1830 гг. во время очередной вспышки эпидемии холеры было впервые проведено массовое оспопрививание, охватившего 13.000 детей, за что два его лекарских ученика были награждены серебряными медалями. За подготовку 19 фельдшеров в течение 1831–1832 гг., 10 человек из которых после проведённого в Петербурге испытания сразу получили должности фельдшеров, Император Николай I наградил его в 1836 году званием кавалера Ордена Святой Анны III степени. С.Ф. Тучемский был удостоен также орденами Святой Анны II степени, Святого Владимира IV степени и Золотой медали Вольно-экономического общества России за борьбу против оспы. Сын С.Ф. Тучемского, горный инженер Николай Сильвестрович Тучемский, для увековечивания памяти своего отца завещал Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге 144 тыс. рублей. Из этих денег были учреждены несколько стипендий для студентов за научные исследования в области медицины. Премия имени С.Ф. Ту-

чемского выдавалась раз в 2 года вместе со специальной памятной медалью двух степеней [9; 10]. Революции 1917 года прекратили эту традицию.

Максимилиан Робеспьер (1758–1794 гг.) и Жан-Поль Марат (1743–1793 гг.) были одними из наиболее известных и влиятельных политических деятелей Великой Французской революции. Убеждённые радикалы, они выступали за разгон Национального собрания и возглавили начало «Большого террора» против христиан и сторонников монархии. Призывали к «убийству и грабёжам», убеждая в необходимости обновления общества принесением в жертву сотен и тысяч голов изменников, в результате чего причисленные к «врагам народа» без разбора пола и возраста истреблялись целыми селениями.

Имя Марата в 1931-м году присвоили улице Владимирская [11; 12, л. 14, 67, 317].

Имя Робеспьера в 1931-м году получила Кладбищенская улица, которая шла от Нагорного кладбища и Преображенского храма до ул. Романова [13, л. 74, 117, 118; 14, л. 76; 15, л. 210]. До 1860 года эта улица называлась Игнатьевская или Игнатьевский переулок в честь Ивана Александровича Игнатьевского (г.р. 1752), участника войн с Турцией и Наполеоном [12, л. 15, 88, 177, 229, 335; 16]. Он прошёл путь от рядового мушкетёрского полка Суворовского корпуса до капитана, был полицмейстером (на 1809 г.), а после управителем Воткинского завода (на 1834 г.). Похоронен на Нагорном кладбище. Его сыновья также были работниками завода (на 1832 г.): Василий Иванович Игнатьевский работал маркшейдером, а коллежский регистратор Андрей Иванович Игнатьевский (1813 г.р.) – полицмейстером [17; 18, л. 37 об.; 19, л. 75 об.-76]. Вероятно, у современников семьи Игнатьевских были основания для переименования улицы.

На улице Робеспьера сохранились дом второй половины XIX века и торговая лавка начала XX века семьи Драгуновых, в которой в феврале 1920 года родился создатель лучшей в мире снайперской винтовки Евгений Фёдорович Драгунов [3, л. 237, 238; 21; 22]. Эти дома после революций 1917 года были экспропрированы новой властью, как многие другие каменные и двухэтажные деревянные дома в Воткинске. А в 1990-е годы администрацией города были проданы частному лицу [23]. Евгений Фёдорович Драгунов является создателем многочисленных образцов стрелкового спортивного и боевого оружия, основателем целого направления в создании высокоточных винтовок, многие из которых не раз приносили нашим спортсменам золото на международных соревнованиях самого высокого уровня. Она состоит на вооружении не только российской армии, но и других (более тридцати) стран мира, таких как Венесуэла, Турция, Молдавия, Чехия и т.д. На базе СВД выпущен целый ряд модификаций и продолжают создаваться всё более усовершенствованные модели [24]. Члены Воткинского отделения Российского военно-исторического общества инициируют создание в Воткинске дома-музея семьи Драгуновых, а также переименование улицы Робеспьера в улицу Драгуновых.

Проулок Коткова стал называться улицей Освобождения [12, л. 277; 25]. Эту улицу в 1930-е годы «освободили» от стоявшего на берегу пруда красивейшего пятиглавого Ильинского храма, построенного по проекту архитектора И.А. Чарушина на средства семьи Котковых. Эта семья является нам яркий пример истинных семейных ценностей. Помогая друг другу максимально реализовать свои способности, они обеспечивали экономическую и социальную устойчивость семейного клана Котковых. Члены семьи были щедрыми благотворителями: способствовали развитию музыкальной и драматической культуры в Воткинске, приобретали для народной библиотеки книги, выделяли стипендии для нуждающихся учениц в гимназии Котковых и прочее. Надгробный памятник над могилой родоначальника этой известной купеческой семьи – крепостного крестьянина Матвея Ивановича Коткова (1793–1873) стоит на Нагорном кладбище в полуразрушенном состоянии. В городе остался невредимым только один дом Котковых, построенный в 1900 г., – сейчас здесь находится Эколого-биологический центр, ул. Чайковского, 6. В этом доме они организовали богадельню для женщин и рукодельную мастерскую, наладив регулярный канал сбыта изделий воткинских мастериц [26].

Имя профессионального революционера Григория Константиновича Орджоникидзе (1886–1937 гг.), одного из руководителей Красной армии в годы Гражданской войны и первого Народного комиссара тяжёлой промышленности Союза Советских Социалистических республик в 1937 г. было присвоено улице, которая с 1931 года носила имя другого профессионального революционера и крупного политического деятеля в советской России Николая Ивановича Бухарина (1888–1938 гг.) [27, л. 51]. В те годы переход из категории «верных ленинцев» в «антисоветчики» и «враги народа» был стремительным! Историческое название этой улицы – Романовская, Романова [15, л. 261; 16; 28].

Титулярный советник Ипат Андреевич Романов был полицмейстером Воткинского завода. Все его сыновья работали на заводе: Александр Ипатович работал лекарем в заводском госпитале, коллежский секретарь Пётр Ипатович после завершения учёбы в Первом штурманском полужуриате (техническое училище Морского ведомства) служил на 1880 г. лесничим первого лесничества, горный инженер, Василий Ипатович Романов (годы его жизни 1800–1864), полковник Корпуса Горных инженеров и горный начальник Камско-Воткинского завода (с 1848 по 1855 гг.) является одним из организаторов судостроения на Воткинском заводе и автором проекта памятника «Якорь», установленного в 1840–м году на заводском дворе. Этот монумент, являющийся первым официальным памятником, появившимся на территории современной Удмуртии, был установлен в память о посещении Воткинского завода в 1837 году наследника престола Великого Князя Александра Николаевича, будущего царя Александра II, и как символ мастерства работников Воткинского завода – главного поставщика якорей для военно-морского флота России. Памятник сменил несколько мест своего расположе-

ния и форм постаментов, однако в 2013 году было решено всё-таки вернуться к прежней его форме, такой как её разработал Василий Ипатьевич Романов. Его сыновья окончили Горный институт в г. Санкт-Петербург и работали (на 1874 г.) на Камском заводе: Валериан Васильевич – управителем, а Михаил Васильевич – надзирателем цехов [29, л. 125; 30; 31]. Памятник «Якорь» сегодня – это самый узнаваемый символ Воткинска и одно из достояний Российской Федерации. А представители семьи Романовых – одни из самых значимых в российском масштабе жители Воткинска, поэтому улице должно быть возвращено её историческое название! На Нагорном кладбище сохранились памятники членов этой семьи.

У нас в городе есть улица Халтурина и даже Халтуринский проезд, названные так по имени рабочего Степана Николаевича Халтурина (1857–1882 гг.), который был организатором «Северно-русского рабочего союза» и революционером-террористом. В 1880 г. он пытался взорвать царя Александра II-Освободителя, осуществив террористический акт в Зимнем дворце. В результате взрыва в нижнем этаже дворца погибли 11 военнослужащих лейб-гвардии Финляндского полка, несших в тот день караул во дворце, ранены – 56 человек. Все они были героями недавно закончившейся русско-турецкой войны. В 1882 году в Одессе Халтурин участвовал в убийстве прокурора В.С. Стрельникова. У этой улицы не сохранилось историческое название, скорее всего, это была вновь появившаяся улица.

Карл Либкнехт (1871–1919) являлся членом Социал-демократической партии, принадлежал к её леворадикальному направлению, был одним из основателей коммунистической партии Германии, и сыном Вильгельма Либкнехта (1826–1900) – немецкого революционера, соратника Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Его имя в 1930 году было присвоено улице, которая ранее называлась Пирожкова, Пирожковая, Пирожковская [11; 13, л. 56; 16; 28; 32, л. 147]. На 1820 г. кузнец Иван Пирожков являлся состоятельным хозяином, а, значит, очень хорошим специалистом своего дела: в апреле он одолжил одному из мастеровых 50 рублей под залог его дома. Сумма немаленькая, если учесть, что за 65 рублей в то время можно было купить дом [33]. В сентябре 1821 г. шихтмейстер Пирожков занял должность старшего смотрителя по заводу [34]. Чью память мы обязаны сохранять на исторической улице города: местных специалистов и честных тружеников или германского революционера? Потомки Пирожковых до сих пор живут в Воткинске.

В 1931 году в Воткинске появилась улица Володарского [35, л. 186]. Моисей Маркович Гольдштейн (1891–1918 гг.) с 1905 года был членом Бунда (еврейская социалистическая партия), затем работал в организации украинских социал-демократов «Спілка». В 1913 году эмигрировал в США, где вступил в Социалистическую партию Америки. Во время Первой мировой войны вместе с Троцким и Бухариным издавал в Нью-Йорке еженедельную газету «Новый Мир». В мае 1917 года, после объявления амнистии политэмигрантам Временным правительством вернулся в Россию и был назначен главным агитатором Петроградского комитета большевиков. 20 июня 1918 года был застрелен по дороге на очередной митинг на Обуховском заводе, создателем которого был воткинец Павел Матвеевич Обухов (1819–1869 гг.) знаменитый горный инженер и учёный-металлург, открывший способ получения высококачественной стали, основатель крупнейшего в России производства литой стали и стальных орудийных стволов. Улицы или других памятных знаков П.М. Обухову в городе Воткинске нет! Историческое название улицы Володарского – улица Пивоварова, Пивоваровская, Пивоваровой [11; 13, л. 66; 15, л. 204; 16; 28; 32, л. 13; 35, л. 190]. Одноэтажный деревянный дом Пивоваровых стоял самым первым у пруда на южной стороне Пивоваровой улицы. Сначала на этом месте поселился Алексей Пивоваров (1733–1808 гг.). Его сын Артемий был первостатейным плотником плотинного цеха, а внук Андриан – одним из первых мастеров пудлингования. Внук Андриана Артемьевича, тоже Андриан Пивоваров, работал десятником паровозного цеха, сопровождал готовые машины заказчикам – железным дорогам, ездил, в том числе, и в Среднюю Азию [36].

Улица Логовая в 1930 году получила имя Урицкого [12, л. 134, 158; 28; 35, л. 151–152]. Профессиональный революционер с 1890-х годов Моисей Соломонович Урицкий (1873–1918 гг.) был председателем Петроградской ЧК, являлся членом Военно-революционного партийного центра по руководству вооружённым восстанием в октябре 1917 года и Петроградского ВРК (военно-революционного комитета).

Улица Свердлова и проезд Свердловский тупик. Профессиональный революционер-большевик Яков Михайлович Свердлов (1885–1919 гг.) был одним из руководителей Октябрьской революции 1917 г., председателем комиссии по разработке Конституции РСФСР 1918 года. Как председатель ВЦИК и председатель Оргбюро ЦК РКП(б), был одним из организаторов разгона Учредительного собрания, рассказывания и Красного террора в ответ на покушение на Ленина и убийство председателя Петроградской ЧК Урицкого. «На единственный террор наших врагов мы должны ответить массовым террором... За смерть одного нашего борца должны поплатиться жизнью тысячи врагов». Наряду с Лениным он санкционировал расстрел российского императора Николая II и его семьи.

Историческими названиями улицы Свердлова до 1930 года были: улица Михеева, Михеевой [15, л. 5, 76; 20, л. 36, 37, 38; 28; 35, л. 112; 37]. До 1897 года – Глушковой [15, л. 27, 135]. На 1863 и 1854 гг. – это улица Веселовская [11; 38, л. 122]. Часть улицы Свердлова до 1930 года называлась Лещёва, Лещёвая, Лещёвская, это её название было неизменным от начала XIX века [16; 27, л. 103, 103об.; 32, л. 26, 70, 141; 38, л. 106, 161]. Практически все исторические названия улиц были связаны с фамилиями жителей Воткинска, работников завода.

Тарас Григорьевич Шевченко (1814–1861) был очень талантливым человеком: поэт, художник, прозаик, этнограф.... Однако до 1929 года эту улицу называли Алексеева и Алексеевская [12, л. 205, 217; 14, л. 34]. Это была семья талантливых заводских чиновников: инженеров и руководителей производств. На 1822 год Я. Алексеев был управляющим одного из отделений Воткинского завода [39]. На 1837 год 19-летний подпоручик, шихтмейстер 13 класса Павел Николаевич Алексеев являлся младшим смотрителем колотушечного, стального, листопрокатного и резноплощильного цехов [19, л. 61]. Комиссионер 12-го класса Адмиралтейского (Морского) ведомства Александр Павлович Алексеев был одним из организаторов судостроения на Воткинском заводе. Восприемником (крестным отцом) его сына Венедикта 12.01.1839 г. стал горный начальник Камско-Воткинского завода подполковник Илья Петрович Чайковский, а крестной матерью – жена управляющего завода, Василия Ипатьевича Романова, Александра Семёновна Романова, дочь талантливого архитектора Семёна Емельяновича Дудина [40]. Управитель судостроительного заведения Венедикт Александрович Алексеев стал инициатором паровозостроения в Воткинске. С новейшими технологиями паровозостроения он ознакомился в Пруссии и Бельгии. Первые паровозы в Воткинске начали выпускать с 1869 г. [41].

Улица Азина является одной из самых длинных и важных в Воткинске, по ней проходит федеральная трасса, соединяющая Ижевск и Пермь. Военная карьера сына помещика, командира 28-й интернациональной дивизии Второй Красной армии В.М. Азина была стремительной: в январе 1918 года 22-летний рядовой Азин был назначен командиром латышского коммунистического отряда, а к осени – командиром 2-й сводной дивизии Красной гвардии, которой он лично присвоил название «Железная» [42; 43]. Современники и его соратники характеризовали латыша Вольдемара Мартиновича Азина (1895–1920) как наркозависимого молодого человека, авантюриста и психопата, стремившегося лично расстреливать людей по разным причинам, в том числе надуманным. Что касается его военных заслуг, то и в этом плане Азин не оставил впечатляющих достижений: в сентябре 1918 года его дивизия была начисто разгромлена в боях с Врангелем, за 4 дня потеряв на поле боя до 10 тысяч бойцов. В декабре 1918 года под Тюшевским заводом и под Бикбардой, отбиваясь в ледяных окопах, не имея зимней одежды и организованного питания, воткинцы – добровольцы повстанческой армии, а после армии Колчака, отбросили назад шестнадцать атак отборных красных полков и, перейдя в наступление, разгромили дивизию комиссара Азина. Ему удалось скрыться [44]. Вторая встреча воткинцев с 28-й сводной дивизией Азина произошла 9 апреля 1919, когда тот попытался отбить Воткинск, и вновь оказалась неудачной для него [45]. Сколько мирных воткинцев погибло от рук азинцев и лично от их командира после отхода из Воткинска повстанцев – неизвестно до сих пор. Нам ли возвеличивать его? И в плену В.М. Азин показал себя отнюдь не мужественным и стойким защитником коммунистических идеалов. В военные годы происходят обмены военнопленными между противниками, однако председатель Реввоенсовета Л.Д. Троцкий, проверив обстоятельства дела, не поддержал ходатайство штаба 10-й армии об обмене красного комдива [46]. Значимых командиров обменивали.

До 1930 года это была улица Борисова, Борисов или Борисовский переулок [13, л. 99; 16; 28]. Пока не удалось найти информацию об этой семье, вероятно, мастерской Борисов был одним из первых, кто построил дом на этой улице в конце XVIII века. В нашем городе с 1811 по 1847 гг. жил выдающийся металлург России первой половины XIX в. Семён Иванович Бадаев (1778–1847 гг.), чья выдающаяся деятельность пока не отражена в городе памятными знаками. Жил он недалеко от этого переулка, в деревянном одноэтажном казённом доме № 2 по улице Столова (позднее Кривоногова, Господская, Чайковского). В настоящее время этот дом реконструирован. С.И. Бадаев разработал новые способы выделки стали, которая получила название «бадаевской». На Камско-Воткинском заводе, где он работал с 1813 года, ежегодно приготавливалось до двух тысяч пудов «бадаевской» стали. Сталь превосходила по своим качествам ряд других марок, благодаря чему Россия полностью прекратила импорт стали [47; 48]. Похоронен С.И. Бадаев на Нагорном кладбище Воткинска в ограде Свято-Преображенского храма [8, с. 162]. Будет очень справедливо переименовать улицу Азина, которая берёт своё начало от памятника чести и славы Воткинского завода «Якорь» и выходит на Ижевский тракт, в улицу Бадаева. И пусть гостей города при въезде на эту улицу встречает ещё один символ Воткинска – стела в виде фигуры литейщика с крупными буквами имени великого мастера!

История Воткинска сохранила немало свидетельств высокого уровня культуры труда и проявления величия духа граждан в дореволюционные годы. Система буржуазной культуры строилась на общечеловеческих этических и духовных ценностях, таких как самоценность и достоинство человека, права гражданина и равенство перед законом, благотворительность и меценатство. Возобновить культурную преемственность нам не удастся с грузом архаичных символов, окружающих нас со всех сторон. Профессиональных революционеров, «шатателей» государственности сегодня называют экстремистами и им не должно быть места на почётных пьедесталах наших улиц. Смысловая нагрузка окружающего нас жизненного пространства имеет огромное воспитательное значение для молодого поколения. Поэтому так важно, чтобы почести воздавались именам, достойным для подражания. На каждой улице необходимо повесить памятную доску с краткой информацией о тех, чье имя увековечено, кем и за что, а также с указанием всех исторических имён улицы, в том числе советского времени. И это станет замечательным поводом изучения истории страны и родного края.

В Воткинске уже восстановлены Свято-Пантелеймоновский храм, который в советские годы использовался как мастерская, и Благовещенский собор, который с 1929 по 2001 гг. был домом культуры. Для обрете-

ния гражданского достоинства нам необходимо «залатать» прерванную в советские годы духовную связь с нашими предками, восстановить и благоустроить старейшее в Удмуртии Нагорное кладбище, создав там историко-культурный заповедник и музей-лапидарий под открытым небом, воздав память и честь нашим землякам – истинным созидателям и патриотам России!

Список источников и литературы

1. Центральный государственный архив Удмуртской республики (ЦГА УР). Ф. 236. Оп. 1. Д. 75.
2. ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 63. Л. 49–495.
3. ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 64.
4. История центральной библиотеки имени Д.А. Фурманова. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/topic-57724837_37388813
5. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 5969.
6. Биография Николая Гавриловича Славянова. [Электронный ресурс]. URL: <https://elektroznatok.ru/info/people/nikolaj-gavrilovich-slavyanov>
7. Воткинский завод. 1759–2009. Вчера. Сегодня. Завтра. Ижевск, 2009. С. 37.
8. Ступишин В.Н. Воткинск. Справочник–путеводитель. Ижевск: «Удмуртия», 1976. 188 с.
9. Грицак Елена Земская медицина. [Электронный ресурс]. URL: <https://info.wikireading.ru/243208>
10. Горшкова Е. Чудесный доктор // Воткинские вести. № 71 (15491) от 30.06.2015 г.
11. Горбачева С.В., Никонова Е.П. Воткинск. Документы и материалы. 1758–1998. Ижевск: «Удмуртия», 1999. С. 83. Ведомость распределения жителей Воткинского завода по Воткинской волости от 25.02.1863 г.
12. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7389.
13. ЦГА УР. Ф. 526-Р. Оп. 1. Д. 28.
14. ЦГА УР. Ф. 409. Оп. 1. Д. 199.
15. ЦГА УР. Ф. 409. Оп. 1. Д. 191.
16. Стояк Ю.С. Историко-архитектурное наследие города-завода Воткинска второй половины XVIII – начала XX веков: дисс. канд. арх.: 05.23.20: утв. 11.06.16. Томск, 2016. С. 219. Карта посёлка Воткинский завод 1838 г.
17. Гаевский Э.И. Суворовский ветеран // Воткинская газета. № 6 (82) от 12.02.1999 г. С. 5.
18. ЦГА УР. Ф. 409. Оп. 1. Д. 145.
19. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 4409.
20. ЦГА УР. Ф. 526-Р. Оп. 1. Д. 31. л. 36, 37, 38.
21. Воспоминания А.В. и В.Н. Микшевич, 1999. Архив М.Е. Драгунова.
22. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 478. Оп. 10. Д. 126. Автобиография Ф.В. Драгунова.
23. Публичная Кадастровая Карта России (ЕГРП 365). [Электронный ресурс]. URL: <https://egrp365.ru/map/?kadnum=18:27:030605:39>.
24. Е.Ф. Драгунов, конструктор СВД. Музей «Ижмаш». [Электронный ресурс]. URL: <http://izhig.ru/museum-izhmash/museum-izhmash-Dragoon.php>.
25. ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 50.
26. Ларионова О.Ю. Талантливые предприниматели и щедрые благотворители Котковы // Ижевско-Воткинское восстание: сто лет истории. Коллективная монография по материалам докладов конференции «Гражданская война на востоке России (1917–1922 годы): люди, события, факты» Удмуртский институт истории, языка и литературы; Удмуртский государственный университет. Ижевск: Алкид, 2019. С. 217–230. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39814535>.
27. ЦГА УР. Ф. 526-Р. Оп. 1. Д. 32.
28. Горбачева С.В., Никонова Е.П. Воткинск. Документы и материалы. 1758–1998. Ижевск: Удмуртия, 1999. С. 125. План Воткинского завода от 16.08.1914 года, чертил В. Иванов.
29. ЦГА УР. Ф. 409. Оп. 1. Д. 146.
30. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8513. Л. 248 об., 249 об., 252 об.
31. Спасский Н. Календарь Вятской губернии, 1880 г. Вятка: Губернский статистический комитет, 1879 г. С. 374.
32. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 6074.
33. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 2240. Л. 3 об., 9 об., 10.
34. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 2358. Л. 1.
35. ЦГА УР. Ф. 526-Р. Оп. 1. Д. 25.
36. Гаевский Э.И. Слава династий мастеровых // Страница из архива Лапина Н.Я.: «Русская газета», Общество русской культуры в Удмуртии, Ижевск, 1998. С. 8.
37. ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп. 2. Д. 2. Л. 1об.
38. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 5969.
39. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 2598. Л. 10 об.

40. ЦГА УР. Ф. 409. Оп. 1. Д. 147. Л. 16.
41. Аншаков Б.А. и др. Воткинск. Летопись событий и фактов. Устинов: Удмуртия, 1985. С. 51–53.
42. Страница В.М. Азина на Википедии. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Азин,_Владимир_Мартинович.
43. Жилин С.А. От Прикамья до Приморья. Ижевск: КнигоГрад, 2008. С. 105.
44. Лотков С.Н. «Камско-Воткинский завод и его рабочие». Впервые опубликовано: Вестник Общества русских ветеранов Великой войны. Сан-Франциско. 1941. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dk1868.ru/history/LOTKOV.htm#z111>.
45. Добровольский И.А. «Воткинский завод на рубеже эпох» (заметки конструктора). Издание 2-е исправленное и дополненное. Воткинск: МП МИИЦ, 2009. С. 149–150.
46. Коробейников А.В. Вспомним, братцы, Азина // Ижевско-Воткинское восстание: правда победителей. Ижевск: Иднакар, 2017. С. 371–395.
47. Бадаев Семён Иванович. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бадаев,_Семён_Иванович.
48. Ступишин В.Н., Подлесских В.И. и др., науч. ред. канд. ист. наук Александров А.А. Воткинские бы-ли: исторические очерки, 1759–1959. Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1959. С. 48–49.

УДК. 94 (621.397): 470.57

Развитие телевизионной сети в городах Башкирской АССР в 1950–1960-х годах

Мухаметзянова Э.В.
г. Стерлитамак

Аннотация. В статье рассмотрен процесс становления телевизионной сети в городах Башкирской АССР в 1950–1960 годы. На основе архивных данных и сопоставительного анализа автор приходит к выводу о том, что процесс складывания телесети в республике опережал общесоюзные показатели. В середине 1960-х годов телевидением в Башкирии было охвачено около 74 % населения при 52 % в целом по стране, в таких городах, как Белорецк, Учалы, Октябрьск, Нефтекамск, Кумертау, Сибай, Давлеканово, Бирск осуществлялась трансляция не только регионального, но и центрального телевидения.

Ключевые слова: Уфимская телестудия, история телевидения, Башкирская АССР, телесети, города.

Статья издается в рамках проекта В19-78 «Российская провинция в контексте экономического, общественно-политического и социокультурного развития в XIX–XX вв. (на примере Южного Урала)»

Двадцатый век стал временем появления в повседневной жизни людей нового явления – телевидения. Если в 1930–1940-е годы первые телестудии появились в Москве и Ленинграде, то в 1950–1960-е годы телевидение стало стремительно распространяться по всей стране, в том числе и в Башкирской АССР. В стране начался процесс формирования региональных телестудий, которые впоследствии встроились в общесоюзную сеть телевидения.

В Башкирии строительство телецентра началось в городе Уфе в 1956 году и осуществлялось до 1959 г., а также для передачи телевизионного сигнала в крупный промышленный регион республики, охватывающий города Стерлитамак, Салават, Ишимбай начинается строительство радиорелейной линии Уфа-Салават и ретранслятора в городе Салавате.

Первые попытки создания собственной телестудии в республике были предприняты Уфимским комитетом ДОСААФ, который в 1954 году создал любительский телевизионный центр в гостинице «Башкирия» и начал трансляцию документальных и художественных фильмов и даже собственных передач.

Процесс строительства Уфимского телецентра силами строительных организаций Башкирии затягивался, в частности, трестом «Башстрой» так и не сумел завершить строительство [3, с. 26]. Строительные работы были завершены 3-м строительным трестом, возглавляемым Н.Ф. Балабаном. Телебашню высотой 180 метров смонтировал московский трест «Стальконструкция», телевизионное оборудование – московский трест «Радиострой» [1, с. 204]. Телецентр был сдан в эксплуатацию только 26 февраля 1959 года.

Несмотря на то, что телецентр был сдан только в феврале 1959 года, сама Уфимская телестудия была открыта уже 1 марта 1959 года, согласно постановлению Совета Министров БАССР (далее СМ БАССР) от 19 декабря 1958 г. и приказу Председателя Комитета по радиовещанию и телевидению при СМ БАССР [6, л. 7]. Эта дата является днем создания Башкирского телевидения, так как именно 1 марта 1959 года состоялся первый выход в эфир республики из концертно-вещательной студии Уфимского телецентра.

Достаточно сложным делом было обеспечение качественного телесигнала, технические специалисты, стоявшие у истоков Башкирского телевидения, приезжали со всех уголков Советского Союза, местные технические специалисты прошли обучение в Москве, Ленинграде, Одессе, стажировались на Куйбышевском телецентре [8, л. 35]. Во главе Дирекции радиорелейных и телевизионных линий встал Эммануил Соломонович Штейнберг, который был хорошим организатором и руководителем, сумевшим создать хорошие рабочие и бытовые условия, для инженерно-технического персонала Уфимской телестудии.

Острая нехватка жилья для работников телестудии вынуждала их жить в банях, подвалах, на частных квартирах [7, л. 10]. Поэтому одновременно со строительством телецентра Э.С. Штейнберг поставил вопрос о строительстве жилого дома для специалистов, так как они приезжали из разных городов страны [2, с. 118–119].

Директором Уфимской телестудии был назначен Г.Х. Гумеров, телеоператором – У. Сакаев, главным режиссером телевидения К.Ф. Гадельшин [1, с. 205]. Среди инженерно-технических кадров следует назвать В.М. Козьминых, Р.С. Исмагилова, В.П. Глухова, Василия и Клару Невинных.

Важным знаковым событием в истории Башкирского телевидения стала первая пробная телепередача, состоявшая в новогоднюю ночь с 1958 на 1959 год. Вела телепередачу артистка из филармонии Г. Исмагилова, а с новогодним обращением к жителям Башкирии обратился секретарь Башкирского областного комитета КПСС Х.С. Сайранову, а также поэт Мустай Карим.

Дальнейшее развитие Башкирского телевидения определялось экономическим потенциалом самой республики, несмотря на то, что имело мест и общесоюзное финансирование. Развитие телевидения предполагало расширение зоны принятия телесигнала, что было возможно только посредством строительства сети ретрансляционных станций (передатчиков), так зона приема телесигнала с Уфимской телебашни составляла только 50–60 км в радиусе [4, с. 62]. Строительство ретрансляционной сети требовала значительных временных и финансовых затрат. Большое значение имело то, что Башкирская АССР являлась развитым промышленным регионом страны, и предприятия часть своих средств могли вкладывать в развитие телесети [5, л. 95]. В связи с этим процесс телефикации в РСФСР и в СССР осуществлялся неравномерно, так уже в год создания Уфимской телестудии телевизионные передачи могли принимать 47 % населения Башкирии [9, л. 30]. Ретрансляционная телевизионная станция (далее – РТС) в г. Салавате, работала на основе трансляции телевизионной программы Уфимской студии телевидения и охватывала крупные промышленные города Башкирской АССР. Среднесуточная работа Салаватской РТС составляла 4 часа 20 минут в сутки [9, с. 127].

Становление телевидения в республике сопровождалось техническими сложностями, нередко были срывы передач и трансляций, искажение звука, полосы на телеэкране, что было обычным явлением для большинства телестудий страны, но вызывало недовольство телезрителей. В то же время слаженная работа инженерно-технического персонала телестудии позволила свести технические погрешности к минимуму, так, за 1960 г. технические остановки радиорелейных линий составили всего 8,5 минут на 100 часов работы [7, л. 15].

Значимым этапом в развитии регионального телевидения является появление в арсенале телестудии в 1960 году эксплуатацию передвижной телевизионной станции (далее – ПТС), что позволило осуществлять трансляцию концертов, соревнований, спектакле, вести репортажи из разных уголков республики, показать жизнь горожан, сельчан. Данная ПТС была смонтирована в автобус, который мог удаленно вести трансляцию с мест событий [10, с. 322].

Уфимская студия телевидения помимо своей основной деятельности занималась также кинопроизводством, т.к. в Башкирии не было своей киностудии. Большие трудности в работе создавала слабая материально-техническая база кинокомплекса. Следует отметить, что на пути формирования башкирской кинематографии было много трудностей. Не было специального помещения для киносъемок, долгое время отсутствовало фильмохранилище. Неудовлетворительными были условия работы в фотолаборатории [7, л. 3]. Катастрофически не хватало пленки, в фотолаборатории не соблюдались нормы работ. Для озвучивания фильмов режиссерам приходилось ездить в Ленинград, Свердловск, Алма-Ату, на что тратились значительные финансовые средства. Профессиональных операторов не было, только 50 % телеоператоров побывали на курсах усовершенствования квалификации [7, л. 7]. Причинами низкой квалификации работников были: недостаточное финансирование курсовой подготовки, а также нехватка в стране специализированных учебных заведений, готовивших кадры.

Сложности у Уфимской студии были и с получением фильмов из кинопроката для трансляции по телевидению. Из кинопроката телевидение получало фильмы III категории, т.е. низкой категории, потому что фильмы уже показывались во всех кинотеатрах республики и возвращались бракованными. Достаточно часто, объявленные в телепрограмме фильмы, не выходили на экран по вине кинопроката, как из-за несвоевременности поставки фильмов, так и из-за их плохого технического состояния [7, л. 4]. Качество работы Башкирского телевидения было низким. Причинами этого являлись несовершенный уровень техники и неопытность технических и творческих кадров.

Однако работники телецентра, обслуживающий персонал радиорелейных линий продолжали совершенствовать свою работу, повышать её качество. С 1961 г. Уфимский телецентр радиорелейная линия Уфа-Салават, РТС в г. Салавате перешли на семидневную работу. Объем вещания составил на первое полугодие 1961 г. 759 часов, против 580 часов за первое полугодие 1960 г. [7, л. 8]. В 1961 г. была в 4 раза снижена длительность тех-

нических остановок Салаватской РТС по сравнению с 1960 годом. Улучшилось и оснащённость населения телевизорами. На первое января 1962 г. по республике было зарегистрировано 40,8 тыс. телевизоров. На первом месте по оснащённости телеприемниками стоял г. Уфа (32 тыс.), на втором – г. Стерлитамак (1, 95 тыс.), на третьем г. Салават (1, 9 тыс.). Такая последовательность была пропорциональна численности населения этих городов [7, л. 8]. В июне 1961 г. Башкирское телевидение перешло к ведению плановых передач.

На данном этапе развития Уфимская телестудия представляла собой модель местной телестудии, вещавшей на ограниченную территорию республики, география которой включала центральные и юго-восточные районы. Продолжительность вещания телестудии была в среднем 2,5 часов в сутки три раза в неделю [9, л. 15].

Для дальнейшего развития телевидения в республике 9 апреля 1962 г. бюро обкома КПСС и Совет Министров БАССР приняли постановление «О мерах по получению программ Центрального (Московского) телевидения Башкирии» [1, с. 206]. С целью получения программ центрального телевидения, в БАССР начинается строительство промежуточных пунктов радиорелейной линии Уфа–Белебей и мощной ретрансляционной станции в Белебее [1, с. 207].

Строительство осуществлялось достаточно быстро и в 1964 г. вступила в строй радиорелейная линия Белебей – Лениногорск (Татарстан). В конце 1965 г. с вводом в эксплуатацию данной радиорелейной линии жители Башкирии впервые увидели передачи Центрального телевидения. Важно отметить, что параллельно со строительством телекоммуникация для получения центрального телевидения, в таких городах Башкирии, как Белорецк, Учалы, Октябрьск, Нефтекамск, Кумертау, Сибая, Давлеканово и Бирск были введены в действие телепередатчики [9, л. 30–33]. Это было необходимо, чтобы жители всех городов республики могли принимать и смотреть передачи Центрального телевидения. Наибольшая концентрация населения в городах позволяла телевидению эффективно реализовывать поставленные партией задачи. К концу 1965 г. телевидением в Башкирии было охвачено около 74 % населения при 52 % в целом по стране [9, л. 30–33]. К 1965 г. в Башкирской АССР окончательно организационно оформилась структура республиканского телевидения, которая представляла собой модель местной телестудии с относительной свободой творчества, широкой тематикой вещания.

Список источников и литературы

1. Аюпов Р.А., Гайсин С.М. Электросвязь в Башкортостане: от телеграфа до Интернета. Уфа: Изд-во Слово, 2001. 240 с.
2. Валеева А. Телевидение – жизнь моя // Бельские просторы. 1999. № 11–12. С. 118–119.
3. Кузьев Р.У. Культурное строительство в Башкирской АССР в 1946–1955 годы. Уфа: Башгосиздат, 1957. 27 с.
4. Мясоедов Б.А. Страна читает, слушает, смотрит: статистический обзор. М.: Финансы и статистика, 1982. 79 с.
5. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 122. Оп 76. Д. 68.
6. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. Р-1458. Оп. 1. Д. 304.
7. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 9860. Оп. 1. Д. 15.
8. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 9863. Оп. 1. Д. 1.
9. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. Р-1458. Оп. 1. Д. 2899.
10. Ситников В.П. Техника и технология СМИ: печать, телевидение, радиовещание. М., 2004.

УДК 371

К вопросу изучения проблемы формирования экологической культуры

Панасенко С.Л.
г. Челябинск

Аннотация: Анализируется изучение проблемы формирования экологической культуры на разных этапах развития человечества, раскрываются сущность и содержание понятия «экологическая культура», рассматриваются различные подходы к её определению и значению, выделяются компоненты и способы формирования экологической культуры.

Ключевые слова: экологическая культура, экологическое воспитание, экология, экосистема, окружающий мир, природа, педагогическая деятельность, образование.

«Мы должны помнить о том, что мы – часть природы, и взаимодействие с ней оказывает благоприятное воздействие на нас. Заботясь о счастье других, мы находим своё собственное».

Платон

На современном этапе развития человечества, проблема экологии и экологического воспитания, формирования экологической культуры, людей в целом и особенно подрастающего поколения безусловно актуальна по множеству критериев и параметров. Сейчас, как никогда, становится очевидным и явным то, что ее решение требует усилий не только в области хозяйственной, экономической, научной и политической деятельности человечества, но и в образовательной и воспитательной областях, педагогического воздействия на нравственное совершенствование детей, экологической культуры их взаимоотношений с экосистемой.

Проблематика взаимоотношений и сосуществования человечества и природной среды его обитания нашла свое отражение ещё задолго до наших дней. Так, ещё в XVII веке Я.А. Коменский обратил внимание: «на природосообразность всех вещей», обосновывая то, что «все процессы в человеческом обществе протекают подобно процессам природы». Данную идею он описал в своем труде «Великая дидактика». Эпиграфом к этому исследованию стал девиз: «Пусть течет все свободно, без применения насилия» [8, с. 144].

Далее Я.А. Коменский предполагал, что «природа развивается по определенным законам, а человек – это часть природы, следовательно, в своем развитии человек подчиняется тем же общим закономерностям природы». Как педагог, он приводит законы воспитания и обучения, опираясь на законы природы. В частности, он утверждал: «учебный материал должен изучаться постепенно, так как природа не делает скачков, а идет вперед постепенно. В юном возрасте дается общее образование, затем оно углубляется с годами так как всякое формирование природы начинается с самого общего и кончается наиболее особенным» [Там же, с. 154].

Педагогическую значимость становления гуманных свойств человека посредством природы подчеркивали и такие великие педагоги как Ж.-Ж. Руссо (1762 г.), Г. Песталоцци (1787 гг.), Ф. Дистерверг (1832 г.) и многие другие.

Исследователь взаимоотношения природы и человека, швейцарский исследователь А. Гумбольдт, а в след за ним и французский педагог и философ Ж.-Ж. Руссо и многие другие исследователи утверждали в своих трудах идею о воспитании у детей с раннего возраста «чувства природы» как осознание его развивающего и совершенствующего влияния на человека.

Ж.-Ж. Руссо развивая данное направление, в своём научном труде «Эмиль, или О воспитании» предложил воспитывать и развивать детей вне цивилизационных достижений человечества на «лоне природы».

Г. Песталоцци в научном исследовании «Лингард и Гертруда» утверждал, что воспитательный процесс должен происходить естественно, закономерно и сообразно с природой. Он также утверждал, что главной целью воспитания, является развитие природных сил ребенка, важно не мешать естественному природному развитию, а направлять в нужное природное русло [11, с. 69].

В отечественной науке, данную категорию хорошо изучал и рассматривал К.Д. Ушинский. Он отмечал, что «познание объективного мира невозможно без познания экологических связей, реально существующих в нем. Их изучение, столь важное в наши дни, надо рассматривать как необходимое условие формирования у школьников основ диалектико-материалистического мировоззрения. Вместе с тем изучение экологических связей играет важную роль в развитии у детей логического мышления, памяти, воображения» [19, с. 92].

К.Д. Ушинский уделял особое внимание общению детей с природой и настаивал на том, что: «странно, что воспитательное влияние природы, так мало оценено в педагогике» В его трудах «Детский мир» и «Родное слово» важное внимание уделяется воспитательному и образовательному влиянию природной среды, в них он ссылается к законам природы. В учебнике «Родное слово» дети знакомятся с различными представителями флоры и фауны, посредством рассказов, стихов, загадок, повестей, пословиц, поговорок, мифов, легенд и сказок.

Важный след в области формирования экологической культуры оставил выдающийся советский педагог В.А. Сухомлинский. Он особо выделял значимость влияния природы на формирование, развитие, воспитание и становление личности ребенка. Он утверждал, что «человек был и всегда останется сыном природы, и то, что роднит его с природой, должно использоваться для его приобщения к богатству духовной культуры». Он основывался на том, что «мир, окружающий ребенка, это, прежде всего мир природы с безграничным богатством явлений, с неисчерпаемой красотой. Я вижу воспитательный смысл в том, чтобы ребенок видел, понимал, ощущал, переживал, постигал как большую тайну, приобщение к жизни в природе» [16, с. 113].

На современном этапе, вопросы формирования экологической культуры рассматриваются многими учеными. Например, академик И.Д. Зверев пишет: «Острота современных проблем взаимодействия общества и природы поставила ряд новых задач перед школой и педагогикой, которые призваны подготовить молодое поколение, способное преодолеть последствия негативных воздействий человека на природу, бережно относиться к ней в будущем. Вполне очевидно, что дело нельзя ограничить «просвещением» школьников в области охраны природы. Весь комплекс экологических проблем современности потребовал нового философского осмысления, коренного пересмотра ряда социально-экономических вопросов, новых научных поисков и более полного и последовательного отражения многоаспектности экологии в школьном образовании» [6, с. 158].

Другим исследователем А.А. Плешаковым разработана целая система учебных занятий с экологической составляющей «Зеленый дом», в которых он не только обосновал теоретически систему формирования экологической культуры, но и разработал практические методы работы. Плешаков считает, что: «Усиление экологической направленности курса природоведения – это, наиболее назревший и реальный на сегодняшний день

шаг в направлении экологизации школы, а также организации работы группы продленного дня и внеклассной работы» [12, с. 211].

Выдающийся исследователь и научный деятель, академик Б.Т. Лихачев отмечает, что «экологическая культура требует подкрепления чувством, эмоционально целостным, глубоко нравственным отношением к природе, обществу, людям. Вся нравственная направленность ребенка должна быть ориентирована на развитие таких чувств и состояний, как любовь, волнение совести, переживание общения с природой и людьми в качестве высшего счастья. Необходимо развить чувство гармонии, способность восторженного отношения, переживания прекрасного, восхитительного, возвышенного [9, с. 19].

Также Б.Т. Лихачев отмечает, что «экологическая культура личности немислима вне ее практического отношения к действительности, которое формируется на основе совместных усилий учителей и учащихся. «Речь идет о создании надежной психологической установки на экологически обоснованное включение в природу, ноосферу, в жизнь общества. Это должно быть связано с развитием природы самого ребенка, его способностей, физических и интеллектуальных сил, с воспитанием трудолюбия, бережного отношения, предприимчивости и хозяйственности» [9, с. 21].

Экологическая культура индивидуума должна обладать экологическим мышлением и экологическим восприятием, а именно правильно выявлять, анализировать и устанавливать причинно-следственные связи экологических проблем и предвидеть экологические последствия человеческой деятельности для экосистемы.

На современном этапе развития человечества, необходимо говорить о формировании экологической культуры, как социально значимого и необходимого культурного и нравственного качества человека как личности.

Проблему формирования и развития экологической культуры, её важности на современном этапе развития человечества, особенно для подрастающего поколения, рассматривали многие авторы в различных научных областях. В последнее время в педагогике, культурологии и психологии, активно развиваются различные методики по экологическому воспитанию, в которых наблюдаются преобладание экологического подхода к восприятию к проблемам взаимоотношений человека с экосистемой в целом (А.Ю.Борисенко, С.Д. Дерябо, А.Н. Захлебный, Г.А. Ковалев, В.И. Медведев, М.О. Мдивани, В.И. Панов, Т.Ю. Соколова, И.Т. Суравегина, Е.А. Климов и др.). Несмотря на некоторые различия этих научных исследований, их объединяет одна общая методологическая направленность, которая заключается в исследовании различных аспектов жизнедеятельности человека в его взаимоотношениях с экосистемой: педагогической, психологической, социологической, культурологической, пространственной, природной, образовательной, информационной и т.п.

Тем не менее, исследования исследователей о принципах и сущности понятия «экологическая культура» указывает на то, что у них отсутствует единая точка зрения по данной проблематике, что указывает на необходимость уточнения самого этого определения.

Исследователи взаимоотношений человечества и экосистемы, такие как С.Н. Глазачев, А.Ю. Гусева, Е.С. Дронова, А.Л. Журавлев, И.Д. Зверев, Е.А. Климов, Б.Т. Лихачев, Е.В. Хохлова, В.А. Ясвин и др. приходят к одному заключению, что в экологической культуре нашли отражение проблемы взаимодействия социума и природы, которые оказывают влияние на стабильность экосистемы в целом.

Так, А.А. Алдашева, С.Д. Дерябо, В.А. Ясвин указывают на осознание и восприятие человечеством единения с природой, которое может возникнуть и сосуществовать только при наличии экологического воспитания, начиная с детского возраста, в основе которого лежит формирование надлежащего уважительного отношения к экосистеме в целом и к животному миру особенно, как важной составляющей экосистемы.

Другие авторы, такие как С.Н. Глазачев, А.Н. Захлебный, Е.А. Климов, Б.Т. Лихачев, И.Т. Суравегина, Е.В. Хохлова, и др., указывают на первостепенность философских первоначал о взаимоотношениях социума и природы. Данные исследователи, особенно подчёркивают, что экологическую культуру формируют экологические ценности общества, представления, знания, сознание, мышление, исследования, мировоззрение.

Часть исследователей (А.Ю. Борисенко, Г.А. Ковалев, В.И. Медведев, М.О. Мдивани, Л.В. Наранова, В.И. Панов, и др.) объединяют индивидуальное отношение личности к природе с экологической культурой, под которой подразумевают экологическое воспитание, экологическую оценку, экологическое отношение, экологическую этику, экологическое восприятие, экологическую ответственность, экологические последствия, экологическую установку.

Экологическое образование и воспитание выступают основными постулатами экологической культуры и являются ее содержательным, наполняющим и смысловым стержнем, что предполагает не только информативность человека как индивида о проблемах экосистемы, но и восприятие им себя как обладателя экологических закономерностей, норм, правил и ценностей.

На современном этапе развития человеческого общества, ценностное отношение к экосистеме, предполагает осмысление каждого индивидуумом экосистемы как одной из главных, важных и что не мало важно, универсальных ценностей и способностью включиться в различные практические действия по сбережению экосистемы.

Экологическое сознание определяет установку личности на бережное и рациональное отношение к экосистеме как важного и необходимого условия существования последующих поколений и понимание того, что необходимо использовать новые научные инновационные достижения в преодолении экологических проблем.

Экологическая деятельность человечества в целом и отдельного человека в частности, выступает теоретической и практической основой формирования экологической культуры. Её можно рассматривать как учебную, воспитательную, исследовательскую, социальную, информационную, образовательную, просветительскую, а главное природоохранную и природосберегающую. Экологическая деятельность способствует восприятию и осознанию индивидуумом своих личных возможностей и способностей воздействия на экологию для сохранения экосистемы в целом.

В новом Федеральном государственном образовательном стандарте начального общего образования, делается уклон на формирование у школьников экологической культуры (экологического сознания, экологического мышления и способности предвидеть, учитывать, анализировать и оценивать экологические последствия в различных областях жизнедеятельности человек) как условия безопасного проживания, а также улучшения экологической обстановки, для достижения рационального и безвредного сосуществования человека и природы.

Экологическая культура предполагает формирование и развитие с детского возраста представлений об экосистеме в целом, которая формирует и развивает экологическую мораль, которая подразумевает некий набор экологических ценностей и представлений об экосистеме, экологической культуре и этике, нормах и правилах поведения человека во взаимоотношениях с природой, бережного, рационального отношения к экосистеме, которое тесно взаимосвязано с экологическим образованием и воспитанием в современных условиях.

Таким образом, опираясь на исследования авторов по данной проблематике, можно сделать выводы, что основными составляющими и элементами экологической культуры личности на современном этапе развития человечества, являются экологические знания, экологическое воспитание, экологическая деятельность, экологическая позиция, экологическое сознание и ценностное отношение к экосистеме в целом.

Анализ различных мнений и подходов к содержательному подходу к определению «экологическая культура», дал нам возможность выделить и сформулировать обобщённое определение. Под экологической культурой необходимо понимать, постоянно изменяющееся и формирующееся, под воздействием окружающей среды, личностное новообразование, включающие экологическое воспитание и знания, которые способствуют становлению экологического сознания, которое в свою очередь характеризуется индивидуальным ценностным отношением к экосистеме, что позволяет планомерно, целенаправленно и преднамеренно воплощать экологическую деятельность.

Формирование экологической культуры целесообразней осуществлять в соответствии с возрастными особенностями индивида. Наиболее благоприятный период для формирования экологической культуры личности, является младший школьный возраст, потому что данная возрастная категория, более способна к восприятию, формированию и закреплению основ экологических ценностей.

Исходя из этого, остро встает вопрос о необходимости более тщательного исследования разносторонних взаимоотношений человека с другими биологическими видами, в нашем случае с животными, посредством формирования экологической культуры, у детей младшего школьного возраста, средствами анималтерапии.

Список источников и литература

1. Борисенко А.Ю. Воспитание личностной позиции старшеклассников в отношении к проблемам окружающей среды. Волгоград: ВГУ, 1996. 246 с.
2. Глазачев С.Н. Экологическая культура мира – приоритет безопасности планеты // Зеленый мир. 2003. № 9–10. С. 17–20.
3. Дистервег А. О природосообразности и культуросообразности в обучении // Народное образование. 1998. № 7–8. – С. 193–197.
4. Дронова Е.С. Формирование экологической культуры младших школьников общеобразовательной школе // Известия ВГПУ. Педагогические науки. 2017. № 7. С. 68–70.
5. Захлебный А.Н. На экологической тропе. М.: Знание, 1986. 326 с.
6. Зверев И.Д. Учебные исследования по экологии в школе: Методы и средства обучения. М.: Педагогика, 2008. 326 с.
7. Зверев И.Д. Общая методика преподавания биологии. Л.: Просвещение, 1986. 326 с.
8. Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения. М.: Статут, 2016. 653 с.
9. Лихачев Б.Т. Экология личности // Педагогика. 1993. № 2. С. 19–21.
10. Наранова Л.В. Становление экологической культуры. Чита: Око, 2004. 325 с.
11. Песталотци И. Г. Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 2012. 750 с.
12. Плешаков А.А. От земли до неба. М.: Просвещение, 2013. 365 с.
13. Руссо Жан-Жак. Эмиль, или О воспитании. М.: Литера, 2014. 437 с.
14. Соколова Т.Ю. Формирование экологической культуры младших школьников в условиях дополнительного образования. Киров: КПУ, 2006. 147 с.

15. Суравегина И.Т. Экологическое образование в школе // Советская педагогика. 1990. № 12. С. 47–49.
16. Сухомлинский В.А. О воспитании. М.: Педагогика, 2015. 458 с.
17. Сухомлинский В.А. Школа и природа // Педагогика: научно–теоретический журнал. 2007. № 8. С. 28–37.
18. Хохлова Е.В. Теория и практика формирования экологической культуры младших школьников. Ставрополь: СГУ, 2001. 257 с.
19. Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 2015. 854 с.

УДК 908(574.25)

Памятники войны Павлодарского Прииртышья

Тохметова Г.М., Еркеш С.Е.
г. Павлодар

Аннотация: В этой статье мы рассматриваем Павлодарскую область в годы Великой Отечественной войны. При обзоре и анализе использованной литературы мы изучили историю Павлодарской области в военные годы, составили список эвакуированных предприятий. Работая с архивными материалами, ознакомились со статистикой, узнали, сколько было проведено операций, сколько числилось сотрудников в штате, какое количество больных и раненых мог принять госпиталь, какие отделения в госпитале функционировали. В архивах изучили документы области, к примеру, Постановление Павлодарского облисполкома о размещении эвакуированных предприятий, докладная записка, в которой содержится отчетная информация о их функционировании. В архивах также нашли сведения о прибытии специализированных мастеров, которые производили организационную работу. Также мы ознакомились с дальнейшей, послевоенной судьбой этих предприятий. Основной целью является сбор краеведческого материала, сведений об эвакуированных предприятиях, их истории, и на основе все этого создать информационное пособие, в котором хотели бы рассмотреть возможности сохранения не только информации об этих памятниках, но и сохранить сами объекты для последующих поколений.

Ключевые слова: эвакогоспиталь, война, промышленность, предприятие, памятники, тыл.

С первых дней начала Великой Отечественной войны Павлодарская область вносила вклад для защиты границ.

Из Павлодарской области на войну было призвано более 46 тысяч павлодарцев, которые воевали на всех фронтах. Звание героя Советского Союза в ходе этой войны было присвоено 23 павлодарцам [1, с. 141].

Оказывали помощь трудящиеся в Павлодарской области фронту деньгами, продовольствием, необходимым материалом. Край стал одним из тыловых опор страны, принимал переселенцев, оснащал необходимой продукцией. За первые годы войны колхозники и колхозницы, рабочие и интеллигенция, домашние хозяйки нашей области внесли в фонд обороны Родины 34 млн. 97 тыс. рублей.

Но в этой статье мы хотели бы рассмотреть и изучить историю эвакуированных объектов, которые в дальнейшем стали памятниками войны в нашей области.

В городе функционировали 3 эвакогоспиталя, 2 из которых функционировали в Павлодаре, это эвакогоспитали № 2448 и № 2924, а № 3604 в поселке Щербакты.

Эвакогоспиталь № 2448 – один из трех функционировавших госпиталей в Павлодаре в годы Великой Отечественной войны. Под этот эвакогоспиталь были приспособлены следующие здания: два жилых дома, парткабинет, библиотека, два магазина, здание городской больницы, здание школы № 8 и молочного техникума. Госпиталь начал функционировать с 9 ноября 1941 года. Изначально он был рассчитан на 600 коек. В архивах города приведена статистика: за период ноябрь–декабрь 1941 года госпиталь принял 593 раненых и 38 больных, всего 631 человек. На 1 ноября 1941 года в штате числилось 15 врачей, 13 человек среднего медперсонала, 12 человек административно-хозяйственного и хозяйственно-обслуживающего персонала, 76-младшего персонала. За ноябрь–декабрь 1941 года было произведено 93 операции, 14 переливаний крови, 167 гипсований. На 1 января 1942 года в госпитале числилось 472 раненых и 14 больных, всего 486 человек. 20 марта 1943 года было получено телеграфное предписание о расформировании госпиталя и передаче больных в один из госпиталей г. Караганды.

Эвакогоспиталь № 3604 был сформирован 14 ноября 1941 года в с. Щербакты Цюрупинского района силами и средствами Среднеазиатского военного округа [2, с. 52]. Из городских архивов и трудов краеведов известно, что госпиталь состоял из следующих отделений и подразделений: управление, партийно-политическая часть, лечебное отделение, приёмное отделение, рентгеновский кабинет, медканцелярия, аптека, канцелярия, хозфинчасть, снабжение, финансовая часть, хозобслуживание и кухня. Число коек штатных – 200, число фактически развернутых – 200. Водоснабжение было налажено горячее и холодное [3, с. 599].

Культ имущество госпиталя состояло из библиотеки, рояля, 2 гармони, 4 гитары, 4 мандолин, 4 балалаек, 2 комплектов шахмат, 2 политических карт мира, 19 портретов [3, с. 600].

Из акта обследования Щербактинского эвакогоспиталя № 3604 от 25.04.42 следует, что «...на лечении в госпитале находилось 157 человек, из них около 40 человек терапевтических больных». В период с 9 Марта по 1 апреля 1943 года было произведено расформирования Щербактинского эвакогоспиталя № 3604 [3, с. 602].

Эвакогоспиталь № 2924. Деятельность этого госпиталя была непродолжительной. На территорию области он прибыл в ноябре 1941 года, а уже в феврале 1942 года он был передислоцирован ближе к прифронтовой полосе. Но по сведениям, оставшимся в архивных документах, известно, что «госпиталь № 2924 прибывший гор. Павлодар 29.11.41, до сих пор развернул лишь 100 коек. Обследованием установлено, что 2-е здание, представленное в распоряжение госпиталя, требует длительного ремонта. Третье здание занято. Таким образом, госпиталь имеющий задание срочно развернуть 800 коек, до сих пор развернул лишь 100 коек» [3, с. 603].

Эвакуированные предприятия.

Развитие промышленности в области шло в основном по линии создания промышленных комбинатов и промысловых артелей в городе и районах. Было освоено производство изделий, никогда до этого в области не производившихся: бумаги из соломы, спички, мыло, гончарная посуда, кокс, грубошерстное сукно.

Наряду с перестройкой хозяйственной жизни на военный лад область решала и другую задачу: приём и размещения эвакуированных предприятий, обеспечения быстреего ввода их в действие [3, с. 443].

16–17 ноября 1941 года в г. Павлодар прибыло станочное оборудование Тульских центральных ремонтных механических мастерских [2, с. 52].

Они были размещены Постановлением Павлодарского облисполкома и бюро Павлодарского обкома партии от 19 ноября 1941 года. 2 ноября 1941 года в Павлодар прибыли 84 человека. Они провели организационную работу для приема и размещения оборудования. Оборудование мастерских доставили на место 17 ноября 1941 года. По прибытии станочного оборудования для центральных ремонтных мастерских решением облисполкома было представлено помещение площадью 675 квадратных метров.

16 ноября 1941 года из города Харькова в Павлодар прибыло оборудование меховой фабрики. Фабрика была сдана в эксплуатацию 25 декабря 1941 года, но на полную мощность заработала с 10 января 42 года. Тёплая одежда для воинов Красной Армии: тулупы, полушубки, меховые жилеты, шапки-ушанки – вот основная продукция фабрики. За первый год работы фабрикой было выпущено продукции на 2681 тысячу рублей [3, с. 443].

В докладной записке председателя облисполкома Кобланова председателю Совнаркома Казахской ССР Н. Уидасынову от 20 января 42 года записано: «В область эвакуированы следующие предприятия: Харьковская меховая фабрика НКЛегпрома и Тульские ремонтные мастерские НКПС. Харьковская меховая фабрика смонтирована и пущена в эксплуатацию на 50 %, монтаж продолжается. Основным видом продукции фабрики является меховые жилеты заказ НКО на 2000 штук жилетов выполнен ещё до эвакуации, а в настоящее время фабрика военного заказа не имеет. Тульские ремонтные мастерские смонтированы, новоензаказов не имеют. Решением обкома и исполкома на мастерские возложено изготовление новых и реставрация запчастей к автомашинам, тракторам и сельхозмашинам».

В область продолжали прибывать эвакуированные предприятия и на их базе организовывались новые производства.

В феврале 1942 года в Павлодар прибыло оборудование с Ленинградского завода художественного литья «Монумент-скульптура». Вместе с оборудованием завода выехали основные кадры в количестве 21 человека, в основном специалисты по художественной формовке, итальянскому и французскому методам литья [3, с. 444].

Один из известных памятников нашего города того периода является завод «Октябрь», базой для которого должно было послужить оборудование и материалы одноименного завода из Краснодара, но этого не случилось.

В колхозах и совхозах сельскохозяйственная техника оставалась в минимальном количестве, к тому же она нередко простояла из-за отсутствия запчастей. В этой обстановке и было принято решение организовать производство по выпуску запчастей для тракторов СХТЗ, ЧТЗ, С-60, «Универсал» в Павлодаре.

Завод было решено разместить в приспособленных зданиях. Выбор пал на бывшие торговые ряды, где в то время размещались магазины, склады горторга, меховая фабрика, машиностроительные мастерские, кино-театр.

В сентябре в Павлодар прибыла группа инженерно-технических работников. Директором завода был назначен Денис Карпович Яловенко. Секретарем вновь созданной партийной организации избрали В. Иванов.

В октябре на площадку будущего завода пришли первые группы строителей.

Чтобы приспособить для производства переданные здания, в них срывали полы бетонировали фундаменты под станки. Так начинался завод «Октябрь» – цехи размещались в бывших не отапливаемых купеческих складах и на недостроенной церкви.

Московский завод «Станколит» обеспечил «Октябрь» литейной оснасткой для производства корпусов ручных гранат, мин и ротных минометов. Детали для изготовления военной продукции шли под номерами и

их названия рабочим не сообщалось. На заводе осуществлялся строгий пропускной режим. Обстановка военного времени усугублялась культивируемой тридцатых годов подозрительностью, шпиономанией.

Пробную партию военной продукции изготовили отправили на фронт, но в 1943 году в связи с коренным переломом в ходе войны и развертыванием оборонных предприятий, эвакуированных на восток страны, производство военной продукции на небольшом заводе было признано нецелесообразным и «Октябрь» полностью перешел на выпуск остро необходимых запчастей сельскохозяйственной техники [1, с. 147–149].

Все эти объекты являются памятниками истории Павлодарской области. На сегодняшний день некоторые из этих объектов функционируют. К примеру: в зданиях эвакогоспиталя № 2448 на данный момент работают: областной краеведческий музей, специализированная школа «ЖасДарын». Завод «Октябрь» функционирует по сей день, но не в полную мощность. Со временем эти объекты начинают разрушаться. Поэтому мы рассматриваем возможности сохранения этих памятников для будущих поколений. Наша идея заключается в следующем: создать миниатюрные макеты архитектурных памятников, в архивах найти информационный материал для исследования и воссоздания и объединить это в тематический музей.

Список источников и литературы

1. Шевченко С.П. Очерки истории Павлодарского Прииртышья. Часть 2. 20 век. Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2000. 240 с.
2. Хронограф Павлодарской области. 1938-2008. / Сост. Болтина В.Д. (ответственный составитель), Белова В.А., Бобрешова О.В., Макажанова К.Г., Маркунене Н.В., Покидаева Т.Е., Стрелецкая Т.Р., Сулейменова С.Б., Шевелёва Л.В. Павлодар: ЭКО, 2008. 544 с.
3. Болтина В.Д., Шевелева Л. Поклонимся великим тем годам. Павлодар: ЭКО, 2010 г. 726 с.
4. Государственный архив Павлодарской области.

УДК 94

Деятельность благотворительных учреждений императрицы Марии в Санкт-Петербурге в XIX – начале XX веков

Труханова А.В.
г. Стерлитамак

Аннотация. Данная статья освещает благотворительную деятельность Ведомства императрицы Марии в Санкт-Петербурге на протяжении XIX – начала XX веков.

Ключевые слова: императорский двор, благотворительность, социальная политика, культурно-образовательный центр.

Система социального обеспечения императорской России создавалась без единой государственной социальной политики. Благотворительные организации оказывают социальную помощь. Государство не брало на себя прямой ответственности за решение социальных проблем, но и не абстрагировалось от них, эксплуатируя и поощряя организованную благотворительность.

После смерти Екатерины II Павел I, вступивший на престол, своим указом 12 ноября 1796 года отдает Воспитательное общество благородных девиц под надзор своей жены Марии Федоровны (Софьи Доротеи Вюртембергской). Мария Федоровна получает должность патронессы Смольного института. Указ об этом Павел I издал 2 мая 1797 года. Эта дата стала считаться началом создания крупнейшей благотворительной организации императорской России – Ведомства учреждений императрицы Марии. Основной задачей благотворительных организаций было оказание социальной помощи. Четверть века под руководством Марии Федоровны создавался комплекс различных благотворительных организаций в благотворительных целях, который находился под её непосредственным контролем. После смерти императрицы в 1828 году их было 34, не считая структурных подразделений и финансово-экономических учреждений [1, с. 25].

Для того, чтобы после смерти Марии Федоровны эти учреждения не закрылись и продолжали «действовать как бы до сих пор, в пользу государства и человечества», император Николай I издал Указ от 26 октября 1828 года, чтобы взять их под свою «прямую и особую охрану» [2, с. 28]. Через два дня бессменный помощник Марии Федоровны Г.И. Вильямов был назначен статс-секретарем для доклада императору по делам учреждений Марии Федоровны. Самоуправление было отменено, а сами учреждения образовали IV Отделение Собственной его императорского величества канцелярии. В память о создательнице они также получили название «учреждение императрицы Марии». С октября 1854 года, официальные документы должны содержать слова «Ведомство учреждений Императрицы Марии». Вскоре статус покровительницы и куратора Ведомства получила супруга Николая I императрица Александра Федоровна.

Во второй половине XIX в. высочайшее покровительство благотворительности и непосредственное участие членов императорской семьи не только сохранили свое прежнее значение, но и приобрели новое. Реформы Александра II привели к изменениям в общественной жизни страны и стимулировали общественную инициативу по развитию многих отраслей, в том числе благотворительной. Повышение внимания общественности к социальным вопросам, появление большого количества общественных благотворительных организаций привели к появлению альтернативно организованных благотворительных организаций. В этот период канцелярия императрицы Марии активно ищет пути привлечения благотворителей, расширения прав государственного управления местными учреждениями, увеличения их числа.

В качестве примера можно посмотреть историю деятельности Ведомства императрицы Марии в Санкт-Петербурге и Санкт-Петербургской губернии. Санкт-Петербург на тот момент являлся столицей Российской империи. Этот крупнейший промышленный, культурный и образовательный центр с его окрестностями также были в центре внимания острых социальных проблем. К тому же сам город и его ближайшее окружение представляли собой практически все виды благотворительных учреждений, принадлежавших Ведомству императрицы Марии [3, с. 104].

Большинство из многочисленных типов учреждений благотворительной канцелярии императрицы Марии в Санкт-Петербурге и Санкт-Петербургской губернии представляли собой детские и юношеские учреждения. Одним из старейших учреждений такого типа был Санкт-Петербургский Воспитательный дом, который должен был заботиться о подкидышах и сиротах с младенчества до совершеннолетия. В течение всего XIX века в Воспитательном детском доме постоянно вносились изменения, целью которых было оздоровление детей, в первую очередь снижение детской смертности.

Широкое распространение в Петербурге получили такие виды учреждений Ведомства императрицы Марии, как детские дома. Они были созданы в 30-х годах XIX века. Эти учреждения были предназначены для дневного пребывания для детей в возрасте от 5 до 8 и от 14 до 16 лет с бедными родителями. Санкт-Петербургский детский дом совета был создан в 1840 году для управления всеми детскими приютами северной столицы. Во второй половине XIX – начале XX веков в детском доме был осуществлен ряд изменений: усовершенствован учебный процесс, интегрированы учебные программы и начато профессиональное обучение. В созданных сиротских приютах оставшиеся без родителей дети жили постоянно. В 1904 г. Санкт-Петербургский совет приютов курировал 19 детских домов, 11 отделов приютов и ремесел и хозяйства училища имени А.Г. Елисеева [2, с. 28]. Эти места одновременно включали в себя около 4,5 тыс. до 500 детей в детских домах.

Санкт-Петербургский воспитательный дом объединял как мальчиков, так и девочек. Кроме того, на севере, в столице существовало несколько типов женских детско-юношеских домов. Среди них особое место занимали женские учреждения. Как и первый в своем роде институт (Воспитательное общество благородных девиц) из дворянских девичьих учебных заведений, женские институты предназначались для дворянства и бюрократии. Во второй половине XIX в. были усовершенствованы учебные планы института, отброшены самые архаичные и реакционные методы обучения, студентам разрешили выезжать на летние каникулы. В некоторых учреждениях за плату начинают принимать на обучение представителей духовного и купеческого сословий. Следует отметить, что из 34 женских учреждений в России 12 находились в Санкт-Петербурге. В 1904 году их посещали 3226 девушек [2, с. 41]. Кроме того, в Смольном располагались самые престижные и привилегированные женские органы Северной столицы: школа Ордена Святой Екатерины (Екатерининский институт) и Патриотический институт.

Во второй половине XIX в. главным направлением деятельности Ведомства императрицы Марии становится призрение детей и юношества. В этой связи в 1884 г. 6 больниц были переданы Санкт-Петербургскому городскому общественному управлению, остальные продолжали действовать в составе Ведомства. Во втором десятилетии XIX в. к ним добавилась женская больница, основанная на средства А.Г. Елисеева. Кроме больниц и богаделен помощь бедным в Петербурге и его окрестностях оказывали благотворительные общества, подчинявшиеся центральному управлению Ведомства: Общество снабжения бедных теплой одеждой, Колпинское и Кронштадтское благотворительные общества, Община сестер милосердия княгини Барятинской. Различной помощью со стороны этих обществ одновременно пользовались несколько сотен человек.

В конце XIX в. Ведомство учреждений императрицы Марии приступило к специализированному призрению глухонемых. В 1898 г. по инициативе и под покровительством вдовствующей императрицы Марии Федоровны (Дагмары Датской) было создано Попечительство о глухонемых. Одновременно вдова Александра III возглавляла и Ведомство императрицы Марии. В 1900 г. император утвердил Положение о Попечительстве. С этого времени Училище глухонемых в Петербурге, существовавшее с 1806 г., стало базой для опытов по совершенствованию обучения глухонемых и подготовки педагогических кадров. В конце XIX – начале XX в. в Петербурге и Петербургской губернии были учреждены несколько учебно-воспитательных и лечебных учреждений для призрения глухонемых. Так, в местечке Мурзинка по Шлиссельбургскому тракту действовала Мурзинская колония, представлявшая собой комплекс, который объединял общеобразовательную Мариинскую школу для глухонемых, школу-ферму, учебно-производственные мастерские и больницу.

Для того чтобы сравнить эффективность благотворительных учреждений Ведомства императрицы Марии в Петербурге и его окрестностях с другими подобными учреждениями, можно сопоставить расходы на социальную помощь. Расходы городского общественного управления Санкт-Петербурга на оказание собственно социальной помощи по смете на 1897 г. составляли в общей сложности до 375 000 рублей. С учетом расходов городского общественного управления на медицинскую помощь и образование эта сумма доходила в указанном году до 2700 000 рублей [2, с. 21]. Расходы одного только Санкт-Петербургского воспитательного дома в 1899 г. составили 1 388 914 рублей [6, с. 4]. Ежегодные расходы по содержанию десяти медицинских учреждений ВИМ в Петербурге (не считая входивших в состав Попечительства о слепых и Попечительства о глухонемых) в конце XIX в. доходили до 760 000 рублей. Капиталы Санкт-Петербургского совета детских приютов на 1 января 1899 г. составляли 1764 754 рубля 63 копейки [3, с. 4]. Более 90 % от этой суммы ежегодно расходовалось на мероприятия, непосредственно связанные с призрением.

Говоря об эффективности и масштабах работы петербургских учреждений Ведомства императрицы Марии, следует учитывать, говоря современным языком, и качество осуществлявшегося ими призрения. Во многих случаях эти учреждения превосходили прочие благотворительные общества и учреждения. В первую очередь это относится к призрению детей и юношества. ВИМ располагало уникальными учебно-воспитательными комплексами, аналогов которым не было ни в Петербурге, ни в России. В северной столице к таким комплексам относились Воспитательный дом, Совет детских приютов, женские школы Патриотического общества, женские институты.

Опыт привлечения организованной благотворительности к решению социальных задач актуален для современной России. Благотворительность не может и не должна заменять государственную социальную политику, но способна существенно ее дополнять. Примером служит деятельность учреждений Ведомства императрицы Марии в Санкт-Петербурге и его окрестностях. Исторические традиции отечественного благотворения, основой которых были милосердие, доброта, сознание религиозного и гражданского долга, опыт взаимодействия власти и общества в решении социальных задач, привлечения общественности к управлению социальными учреждениями и использования соответствующих эпохе стимулов благотворительной деятельности - все это может быть востребовано при решении социальных задач в новых исторических условиях.

Список источников и литературы

1. Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным высочайшим их императорских величеств покровительством за 1904 год. СПб.: Питер, 1996. 64 с.
2. Сборник сведений о благотворительности в России с краткими очерками благотворительных учреждений в Санкт-Петербурге и Москве. СПб.: Питер, 1999. 219 с.
3. Селезнев И.Я. Хроника Ведомства учреждений императрицы Марии, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством. СПб., 1878.
4. Учебные заведения Ведомства учреждений императрицы Марии. Краткий очерк. СПб.: Питер, 1996. 245 с.

УДК 908

Трансформация системы дошкольных учреждений городов Приангарья во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг.

Урожаева Т.П.
г. Иркутск

Аннотация: 1990-е гг. стали периодом закрытия многих дошкольных учреждений, снижения социального статуса работника дошкольного учреждения. В Иркутской области существенно уменьшилось количество ДОУ и охват ими детей. Многие промышленные предприятия отказались от своих детских садов, одна часть которых была переведена в систему государственных учреждений, а другая – была продана частным владельцам, которые в основном использовали ее не в целях развития детей. Только в середине 2000-х гг. завершился перевод ДОУ на единую систему деятельности. Была создана система вариативного образования.

Ключевые слова: детские дошкольные учреждения (ДОУ); приватизация; оптимизация.

Социально-политические преобразования в российском обществе в 1990-е гг. привели к серьезным изменениям в системе образования в целом и в дошкольном его звене в частности. Можно говорить о развитии различного рода инноваций в сфере дошкольного образования: появлении новых типов учреждений, новой концепции дошкольного воспитания, теорий, подходов к организации педагогического процесса в дошкольных учреждениях.

В то же время 1990-е гг. стали периодом закрытия многих дошкольных учреждений, снижения социального статуса работников дошкольного учреждения. Существенно уменьшилось количество ДООУ и охват ими детей. В систему дошкольного образования проникли инновации «специалистов», деятельность которых носила в значительной мере формальный и некомпетентный характер. Многие промышленные предприятия отказались от своих детских дошкольных образовательных учреждений, одна часть которых была переведена в систему государственных учреждений, а другая – была продана частным владельцам, которые в основном использовали ее не в целях развития детей.

В период с 1991 по 1997 гг., сеть дошкольных учреждений в Иркутской области уменьшилась на 91 ед. (29,5 %), а численность детей, поступающих в детские сады, сократилась на 53,2 тыс. чел. (52,5 %). При этом обеспеченность детей от 1 до 6 лет дошкольными учреждениями составила в 1997 г. 62,1 % против 85,3 % в 1990 г. [13, с. 199]. Была стабильно высока текучесть кадров в дошкольной сфере. Ее уровень составлял примерно 9–10 %. Основной причиной ухода работников являлась низкая заработная плата.

Под влиянием экономических реформ произошла реструктуризация государственной системы дошкольного образования. Удельный вес ведомственных ДООУ в общем их числе снизился с 70 % в 1992 г. до 19 % в 1997 г. Большинство детских садов было передано в муниципальную собственность [1, с. 127]. Освободившиеся здания проданы коммерческим структурам, перепрофилированы для других социальных нужд города, района. Как результат – прежняя система дошкольного образования была разрушена, а новая – еще не была сформирована. Ее распад повлиял на здоровье детей. Этому способствовали многие факторы: ухудшение качества питания детей и медицинских профилактических осмотров, слабая материально-техническая база дошкольных учреждений, неблагоприятный психологический климат.

Во второй половине 1990-х гг. хищническое растаскивание детского достояния несколько замедлилось, тем не менее, дошкольная сеть области из года в год неуклонно сокращалась. Причины тому были разные.

В ожидании неминуемой кончины пребывал в 1997 г. детский сад № 72 г. Иркутска. Садик пользовался родительским и детским спросом – ребят здесь, по словам заведующей *Н. Байрамовой*, было «под завязку» – 223 чел. Причина негативного прогноза для внешне благополучного 72-го состояла в том, что с некоторых пор на него положило глаз ведомство, а именно – главное управление общего и профессионального образования. Поводом послужил тот факт, что 72-й и еще два сада ГП «Аэропорт Иркутск», законный родитель, решило передать со своего ведомственного баланса на муниципальный баланс. Если судьба двух садиков, 40-го и 102-го, была практически решена, они отошли городу, то третьему, 72-му, Главное управление образования прочило иную будущность.

– Предполагаем совместно с медицинским университетом перепрофилировать этот сад в областной детский коррекционный центр, – заявил начальник глав УПО *Д. Шестаков*. – Этот центр должен был работать с детьми, имеющими различные нарушения в физическом и психическом здоровье. Ну а ребятшек из 72-го распределим по другим детсадам, тем более что город отказался брать детсад на свой бюджет.

– Я просто в ужас пришла, когда узнала, какая судьба уготована 72-му, – заявила заведующая Октябрьским районо г. Иркутска *Л. Балахчи*. – При всем моем понимании проблем с коррекционным центром я твердо знаю: девать этих детей мне некуда, все детсады микрорайона заполнены до отказа. Больше того, именно на этом участке очередь около 400 чел. К тому же и коллектив детсада – а это около 50 человек – трудоустроить мы не сможем, ни одной вакансии нет. Мы попросту вынуждены будем отправить их в службу занятости [8, с. 2].

Иркутский детский сад № 6 с рождения слыл баловнем судьбы. Построенный в 1950-е гг. по специальному заказу Совета Министров СССР, опекаемый крепким, зажиточным предприятием – чаеразвесочной фабрикой, детсад долгие десятилетия имел репутацию одного из лучших в Иркутске.

Исходной точкой злключения детского учреждения можно считать март 1993 г.: тогда распоряжением комитета по управлению имуществом Иркутской области № 263/АК был утвержден план приватизации и преобразования государственного предприятия «Иркутская чаеразвесочная фабрика» в акционерное общество открытого типа. В состав приватизируемого имущества был включен и детский сад № 6.

О том, что детсад № 6 приватизирован, – писали его работники, – мы узнали лишь в марте 1996 года. Никакого решения по детсаду трудовым коллективом вообще не принималось, что подтверждает выписка из протокола общего собрания от 23 февраля 1993 года». Выходит, приватизация детсада была не только незаконной, но и закулисной. Кому-то очень понадобилось добротное здание в центре города.

Позже выяснилось, что чаеразвесочная фабрика крупно задолжала Иркутскому филиалу Агропромбанка, а потому «в связи с отсутствием денежных средств на расчетном счете судебным исполнителем произведен арест здания детского сада». Детсад по-прежнему оставался под крылом банка (теперь он назывался СБС-Агро). Происходило все описанное в центре Иркутска, на виду у властей: областной и городской.

Бывший детсад в который уже раз пытались выручить из беды, вернуть к жизни бывшие его работники: воспитатели *Н. Балберова* и *Г. Богданова*. Помогал им в этом адвокат *В. Липин*. В 1999 г. исковое заявление было рассмотрено Кировским районным судом г. Иркутска. Однако решение было принято не в пользу восстановления детского учреждения [9, с. 3].

В сентябре 1999 г. в г. Иркутске брошенный детский сад по ул. маршала Конева переоборудовали в реабилитационный центр. 120 ребят с нарушениями опорно-двигательной системы проходили длительные курсы

лечения и реабилитации в этом центре. Сюда поступило специальное оборудование, и педагоги по линии социальной защиты отдавали свои знания больным ребятам [2, с. 2].

В другом городе Приангарья – Братске в 1990 г. каждое утро малышей принимало 135 яслей и детских садов. При этом не каждый ребенок мог свободно посещать детские коллективы – не хватало мест. За годы реформ система дошкольных учреждений сократилась вдвое, и в 1998 г. лишь чуть более 10 тыс. малышей знали, что такое детсад. А на месте бывших яслей и детсадов социалистического типа были расположены банки, налоговые инспекции, бюро недвижимости, БТИ и др.

Демографическая ситуация в городе была такова, что власти прогнозировали закрытие новых детских садов. Осенью 1998 г. перестали звенеть детские голоса в комбинате № 113. Место детей в нем занял районный суд. Так что тому шагу вперед, который сделал коллектив частного дошкольного учреждения, предшествовали сто шагов назад, которые сделала братская дошкольная воспитательная система [10, с. 2].

Усолье-Сибирское – считался городом экологически очень неблагополучным. Из-за этого множество ребят страдало различными физическими недугами. Как мог, город брал на себя заботу о таких детях. Детский сад № 27 посещали малыши с дефектами речи. Здесь была продуманная система, с ребятами занимались опытные логопеды, воспитатели, музыкальный работник. И вот в 1998 г. детский сад № 27 оказался под угрозой закрытия. Ребят «раскидали» по другим детским садикам, где уже не было систематических занятий, где комплекс неполноценности у детей мог развиваться в полной мере [3, с. 3].

С 1999 г. Иркутским алюминиевым заводом (ИрКАЗом), входящим в состав Сибирско-Уральской алюминиевой компании (СУАЛа), планировалась передача г. Шелехову пяти детских комбинатов. Однако средств на их содержание в местном бюджете не было. Поэтому, по словам представителей администрации завода, руководством ИрКАЗа и СУАЛа были приняты меры к тому, чтобы в бюджете на 1999 г. для г. Шелехова было заложено «персональное» финансирование этих детских садов. Однако с передачей городу ведомственных детских комбинатов понизили нормы расходов на их содержание и заработную плату персоналу [7, с. 3].

В период с 1991 г. по май 2002 г. г. Тайшет из пяти детсадов был один снесен, другие перепрофилированы под спортивный клуб, учебный центр, профилакторий, центральную районную больницу. В г. Нижнеудинске один детсад был продан под жилье, два было передано под школы, один использовался как общежитие. На станции Иркутск-Сортировочный два детсада были переданы г. Иркутску, один не работал, в других зданиях разместились ОМОН, городская начальная школа, району [5, с. 3].

Чем и как жили детские сады? Лучше всех на этот вопрос могли ответить работники детских дошкольных учреждений. *Р. Третьякова*, заведующая детским садом № 114 г. Иркутска: «Я – за счастливое детство. Чтобы оно было таким, нужна материальная база. О каком воспитательном процессе можно говорить, если не будет самого необходимого? Чтобы этого не случилось, мы вынуждены обращаться к спонсорам. Надеяться на помощь людей со стороны не приходится. Безвозвратно ушло в прошлое понятие «подшефный садик», когда были организации, куда заведующая могла пойти за помощью. Вопрос о приобретении так называемых, малых архитектурных форм, становится головной болью все тех же заведующих. Пиломатериал дорог, да и работа стоит недешево».

Л. Токарева, заведующая детским садом № 15 (г. Братск): «Из-за отсутствия построек, конечно, страдали, прежде всего, наши ребяташки. А теперь, когда участки преобразились с помощью песочниц, столиков, клумб. Считаем необходимым создание специальной благотворительной программы, по которой предприятия и коммерческие организации могли оказывать постоянную спонсорскую помощь [14, с. 2].

«Сегодня другое время, многое изменилось в работе дошкольных учреждений, – заявила заведующая детского сада «Теремок» (г. Усть-Илимск) *Г. Волгина*. – Сегодня содержание садика почти полностью ложится на родителей. Некоторые родители помогают с ремонтом, дарят детскому садику самое необходимое [6, с. 2].

Мебель, или так называемый твердый инвентарь, во многих садах не обновляли десятилетиями. Давно иркутский детский сад № 51 не получал таких подарков. В ноябре 2005 г. четыре группы получили мебель в подарок от компании «Иркутскэнерго» в рамках благотворительной помощи. Заведующая детским садом *И. Щитунова* обратилась к генеральному директору энергокомпании с просьбой о поддержке и среди многих нуждающихся попала в график распределения помощи. Всего с начала 2005 г. на благотворительные цели «Иркутскэнерго» потратило около 12 млн. руб. Всего садик посещали 210 малышей [15, с. 3].

В 2001 г. руководство комбината детских дошкольных учреждений г. Усть-Илимска отказалось от приобретения дорогостоящей фабричной мебели, предназначенной для детских садов. В столярном цехе комбината начали производить мебель, сделанную по собственным эскизам. В сентябре 2001 г. было изготовлено 400 детских стульчиков, на очереди были столы, шкафчики и даже деревянные кубики. Вся мебель изготавливалась с учетом разновозрастных групп [4, с. 2].

В конце 2006 г. детские сады Иркутской области посещало 92 тыс. детей. В период с 1996 по 2006 г. численность детских садов сократилась на 357, а число мест – на 51,6 тыс., или 40 %. Наконец 2006 г. более 65 тыс. детей дошкольного возраста области не посещали детские сады, в очереди на устройство в дошкольные учреждения было более 20 тыс. детей [11, с. 3].

«В 2004–2006 гг. удалось приостановить процесс закрытия и перепрофилирования детских садов, однако полностью решить проблему не удалось. Были предприняты попытки восстановить ранее закрытые и пере-

профилированные дошкольные образовательные учреждения и развивать строительство детских садов. Для того, чтобы полностью обеспечить регион дошкольными учреждениями, необходимо было открыть около 200 детских садов. Заместитель главы администрации Иркутской области по развитию региональной инфраструктуры, строительству *А. Никитин* отметил, что на это потребовалось не менее 1,5 млрд. руб. [16, с. 2].

В 2007 г. 11 тыс. иркутских ребятишек стояли в очереди на места в дошкольных учреждениях. Из них 5,8 тыс. уже достигли трёхлетнего возраста, когда ребёнка можно отдавать в детский сад. В Иркутске действовало 112 детских садов [12, с. 3].

В середине 2000-х гг. завершился перевод дошкольных образовательных учреждений на единую систему деятельности согласно Типовому положению о дошкольном образовательном учреждении. Была создана система вариативного образования. В новой практике дошкольного образования можно выделить следующие положительные тенденции: появление разных типов дошкольных образовательных учреждений, широкие возможности для педагогического творчества, предоставление родителям условий для выбора форм, методов укрепления здоровья, воспитания, образования для своего ребенка.

Список источников и литературы:

1. Григорьева Л.И. Социальное развитие Иркутской области (вторая половина 80-х гг. – первая половина 90-х гг. XX века). Исторический аспект. Иркутск, 2009. С. 127.
2. Губернатор на стройплощадке // Вечерний Иркутск. 1999. 9 сентября. С. 2.
3. Детей на произвол судьбы? // Земля Усольская. 1998. 1 марта. С. 3.
4. Детскую мебель делают сами // Кстати, в Усть-Илимске. 2001. 5 сентября. С. 2.
5. Детсады меняют профиль // Восточно-Сибирская правда. 2002. 29 августа. С. 3.
6. Жартун С. Воспитатель по имени Бабушка // Пятница. 2004. 13 июля. С. 2.
7. Зарплата станет меньше: О. Слободяник, И. Канина, Е. Иванова – всего сорок подписей. г. Усолье-Сибирское // СМ-номер один. 26 декабря. С. 3.
8. Мадьярова Д. Схватки у детской кроватки // Восточно-Сибирская правда. 1997. 15 октября. С. 2.
9. Мадьярова Д. Кто разорил гнездо райской птицы // Учительская газета. 1999. 2 февраля. С. 3.
10. Монахов В. Шаг вперед после ста шагов назад! // Знамя. 1998. 21 октября. С. 2.
11. Сергеева Ю. В Иркутске откроется новый детсад // Вечерний Иркутск. 2007. 1 ноября. С. 3.
12. Сергеева Ю. Цветник жизни в Иркутске появятся 32 новых детских сада // Копейка. 2007. 14 июня. С. 3.
13. Современная история Иркутской области: 1992–2012 годы : в 2 т. : учеб. пособие / под ред. Ю.А. Зуляра. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. Т. 1. 199 с.
14. Там, где верят в помощь // СМ-номер один. 2000. 31 мая. С.2.
15. Тихомирова Т. Без помощи энергетиков не обойтись // Копейка. 2005. 19 ноября. С. 3.
16. 867 дошкольных образовательных учреждений разных видов на сегодняшний день работают в Иркутской области // Аргументы и факты в Восточной Сибири. 2006. 26 декабря. С. 2.

УДК 1; 304.2

Специфические черты социокультурного пространства современного российского закрытого города (на примере г. Озерска)

Шуб М.Л., Загуляева З.А.
г. Челябинск, г. Озерск

Аннотация. Статья посвящена осмыслению специфических черт социокультурного пространства закрытых городов (закрытых административно-территориальных образований) современной России. В качестве примера авторами выбран город Озерск – закрытый город в Челябинской области, относящийся к категории «малых» и «ядерных» городов. Среди особых параметров, специфицирующих социокультурное пространство закрытого города в сравнении с «обычным» населенным пунктом, были выделены: чувствительность к культурным инновациям, стремление к социокультурному разнообразию, элитарный характер и локально-камерный характер социокультурной сферы, стремление к «живой» культуре, зависимость от социокультурных предпочтений градообразующего предприятия, определяющая роль личной инициативы в развитии культуры, вторичность.

Ключевые слова: город, закрытый город, ЗАТО, социокультурное пространство, культура.

На сегодняшний день, согласно Постановлению Правительства РФ «Об утверждении перечня закрытых административно-территориальных образований и расположенных на их территориях населенных пунктов

(с изменениями на 29 августа 2019 года)» [9] в России существует 38 ЗАТО – закрытых административно-территориальных образований. Закон РФ от 14.07.1992 г. № 3297-1 (ред. от 29.06.2018) «О закрытом административно-территориальном образовании» определяет ЗАТО как «имеющее органы местного самоуправления административно-территориальное образование, созданное... в целях обеспечения безопасного функционирования находящихся на его территории организаций, осуществляющих разработку, изготовление, хранение и утилизацию оружия массового поражения, переработку радиоактивных и других представляющих повышенную опасность техногенного характера материалов, военных и иных объектов..., для которых в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства устанавливается особый режим безопасного функционирования и охраны государственной тайны, включающий специальные условия проживания граждан» [4].

Как правило, ЗАТО классифицируют по отраслевому основанию – «космические», «военные», «ядерные» и др. Д.Ю. Файков предлагает и другой признак – численность населения (малые и средние закрытые города) [12, с. 111–115].

Город Озерск, о социально-культурном пространстве которого пойдет речь в данной статье, относится к категории «малых ядерных городов».

Строительство города началось в середине прошлого века, весной 1945 года, когда между старинными уральскими городами Кыштымом и Касли на южном берегу озера Иртяш, были построены землянки для рабочих и заложены первые цеха химкомбината. Специалисты разных отраслей со всего Союза были отправлены на Урал, чтобы реализовать Атомный проект СССР, строить в условиях строжайшей секретности завод № 817, инициатором строительства которого был физик И.В. Курчатов. Официальной датой основания Озерска, подтвержденной специальным решением исполнительного комитета городского Совета депутатов трудящихся от 14 ноября 1955 г. № 272, считается 9 ноября 1945 года [1].

В 1947 году зона строительства комбината и поселка атомщиков была закрыта и стала режимной. С этого момента в стране начали возникать закрытые режимные города. Челябинск-40, «сороковка», затем Челябинск-65. Город официально стал Озерском лишь в 1994 году в соответствии с распоряжением Правительства РФ от 4 января 1994 года № 3-р, на основании постановления главы администрации города Челябинска-65 от 01.04.1994 № 456 [1].

Специфика г. Озерска, как и других закрытых городов, заключается в директивности его образования, отсутствии «эволюционных причин возникновения» [11, с. 112] и наличии миссии, связанной с обеспечением функционирования градообразующего предприятия, выполняющего стратегически важную для государства функцию. В связи с этим, начиная с этапа создания города и в течение всех периодов его существования, все сферы жизни населения, в том числе и сфера культуры, ЗАТО находились и находятся в зоне интересов государства и им же строго регламентируются.

Говоря о роли культуры в функционировании закрытых городов, нельзя не отметить ее чрезвычайно важную роль. Поскольку именно она позволяет если не нивелировать полностью, то хотя бы несколько компенсировать территориально-пространственную и информационную изолированность населения ЗАТО.

К другим специфическим чертам социально-культурного пространства закрытого города (на примере города Озерска) можно отнести следующие.

1. Чувствительность к культурным инновациям (креативный характер социокультурного пространства). Минимальная доля внешних культурных контактов и потребность в активизации собственного социокультурного потенциала обусловлены, прежде всего, изолированным характером проживания населения закрытых городов и существенно более низкой интенсивностью культурной коммуникации с разнообразными субъектами социокультурного производства. Это неизбежно мотивирует на поиск и интенсификацию собственных ресурсов по созданию культурных продуктов.

В этой связи стоит сказать о некоторых необычных проектах Озерского театра драмы и комедии «Наш дом». Это «Фестиваль чистых эмоций», спектакли в рамках которого представляют собой синтез современной и классической хореографии, актерского искусства и музыки, такие спектакли-интерпретации известных пьес и мюзиклов исполняют местные солисты и творческие коллективы; «Drama Club» – совместная со зрителями, интерактивная читка новых пьес, принимающая формы актерского эскиза или даже мини-спектакля; «Ночь в театре» – уникальный в своем роде, первый подобный фестиваль экспериментального театра в Уральском регионе, на протяжении которого на площадках «Нашего дома» идут разные пьесы, объединенные общей темой, в постановке профессиональных трупп со всей России [8].

2. Стремление к социокультурному разнообразию, обусловленному единообразием социальной и экономической жизни.

Культурное пространство города образуют сегодня «Культурно-досуговый центр», кинотеатры, «Централизованная библиотечная система», «Озерский государственный колледж искусств», детская художественная и музыкальные школы, театр кукол «Золотой петушок», театр драмы и комедии «Наш дом», Дворец творчества детей и молодежи, музей производственного объединения «Маяк», дом-музей И.В. Курчатова [5].

3. Элитарность – стремление к высшим образцам мировой культуры и искусства, интерес к высококачественным духовным продуктам. В.С. Толстикова, известный исследователь уральских закрытых городов, поясняет природу данной черты следующим образом: «Применительно к закрытым городам можно говорить об

особом типе носителя культуры. Для населения характерен высокий образовательный уровень, необходимость регулярного самообразования. Характерной чертой социокультурной среды закрытого города, исследователи, как правило, выделяют еще элитарность» [11, с. 120].

В.С. Толстикова в связи с особым типом человека, формирующим и поддерживающим социокультурную среду закрытых городов, упоминает еще два аспекта ее элитарности: «Одной из главных особенностей закрытых городов являлось то, что социокультурные основы атомных городов закладывали люди, одержимые идеей общественного долга и государственных интересов. Преимущественно это были выпускники московских, ленинградских, уральских и других ведущих вузов России, а также молодые ученые и специалисты, приехавшие сюда по зову сердца... Именно эта первая волна жителей «почтовых ящиков» и сформировала основу будущей социокультурной среды города. Эту особенность закрытых городов можно обозначить как фактор избрности и интеллектуальности» [11, с. 120–121].

Высказывания исследователя подтверждает интерес озерчан к классическому искусству, сохранившийся и сегодня. «Музыкальные среды» Озерского колледжа искусств – это настоящая филармония в пространстве небольшого закрытого города. Проекту более 30 лет, и все эти годы он остается популярным, приобщая горожан к вокальным и инструментальным композициям выдающихся музыкантов всех времен [7].

Популярны детские музыкальные лектории, встречи-концерты и филармонии, организуемые для школьников педагогами Детской музыкальной школы № 1 [2] и Дворца творчества детей и молодежи [3] на базе своих учреждений.

4. Локально-камерный характер, связанный, главным образом, с тем, что в территориально и, во многом, социально-закрытом пространстве малого города формируется тесное межличностное взаимодействие, детерминирующее стремление к организации камерных, интимных, «уютных» форм культурной коммуникации. Здесь уместно сказать о популярности концертов юных исполнителей на сценах Малого зала Дворца творчества детей и молодежи и в классах Детской музыкальной школы. Такие концерты проходят в семейной, теплой атмосфере [2, 3].

5. Стремление к «живой» культуре – к оригинальным художественным произведениям, к живому исполнительству. Например, популярны в Озерске камерные концерты и выставки клуба «Таланты и поклонники». Горожане не только ждут новых авторских песен, стихов и картин, но с удовольствием слушают на таких концертах песни знаменитых бардов в исполнении озерских артистов [6].

6. Зависимость от социокультурных предпочтений градообразующего предприятия, являющегося источником финансирования сферы культуры.

Озерск является городом присутствия Госкорпорации «Росатом», поэтому является активным участником программы «Территория культуры Росатома», который включает в себя различные проекты, призванные популяризовать атомную отрасль и атомные города [10].

7. Определяющая роль личной инициативы («человеческий фактор») в развитии и поддержании социокультурной среды.

Инициативные люди в сфере культуры города были всегда. Например, М. Хохрякова сделала Озерск поистине поющим. В 80-е годы она создала масштабную музыкально-хоровую студию «Гармония» с хором-спутниками в школах. В 90-е выдающийся педагог начинает проводить в городе региональные хоровые фестивали. В это же время появился по ее инициативе клуб «Таланты и поклонники», о котором мы уже упоминали в тексте статьи [6]. Или дирижер В. Завьялов, который приехал в город в 1965 году, чтобы руководить эстрадным оркестром. Благодаря его таланту и упорству эстрадный оркестр «Ровесник» трансформировался в итоге в джазовый. Примечательно, что на протяжении более чем 50-летней истории коллектива играют в нем воспитанники оркестра, все они работники градообразующего предприятия [5].

Сегодня дело учителей продолжают ученики: при ДК «Маяк» существует «Джазовый биг-бэнд Виктора Завьялова», а хоровое искусство в Озерске остается одним из самых популярных видов искусств.

8. Вторичность. При чрезвычайно высоком уровне креативности социокультурного пространства закрытых городов, нельзя не отметить его «цитатную» природу: «Как правило, социокультурная среда закрытых городов формировалась людьми, приехавшими из крупных промышленных и научных центров страны, с богатыми культурными традициями. Множество этих «традиций», слившись воедино в процессе тесного взаимодействия, образовали новацию, а именно особую социокультурную среду, являющуюся вторичной по отношению к прежним образцам. Поэтому одной из важнейших характеристик социокультурной среды закрытого города следует считать отсутствие исторических истоков и ее вторичность» [11, с. 120].

На примере г. Озерска Челябинской области мы рассмотрели особенности формирования и функционирования социокультурного пространства закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО), важнейшей чертой которого является стремление к обеспечению качественного уровня культуры досуга горожан, возможного при инициативе учреждений культуры и образования, учитывающей в некоторой степени полярные потребности жителей закрытого города, сочетающие в себе интерес к камерным и элитарным культурным мероприятиям с интересом к новым, креативным формам культурных активностей.

Список источников и литературы

1. Город с особой судьбой (Материал МКУ «Муниципальный архив Озерского городского округа») // Озерский городской округ: официальный сайт органов местного самоуправления. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ozerskadm.ru/city/history/index.php>.
2. Детская музыкальная школа № 1 Озерского городского округа [Сайт]. [Электронный ресурс]. URL: <http://dmsh1.chel.muzkult.ru>
3. Дворец творчества детей и молодежи [Сайт]. [Электронный ресурс]. URL: <http://ozerskddm.ru/>.
4. Закон РФ от 14.07.1992 г. №3297-1 (ред. от 29.06.2018 г.) «О закрытом административно-территориальном образовании» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_734/
5. Культура и общественная жизнь Озерска [Сайт]. [Электронный ресурс]. URL: <http://ozersk.chlib.ru/ozersk/culture.html>
6. Культурно досуговый центр Озерского городского округа [Сайт]. [Электронный ресурс]. URL: <http://mayak-dk.ru/>
7. Озерский государственный колледж искусств [Сайт]. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--74-6kcqehzia2auy.xn--p1ai/%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%88%D0%B0.html>
8. Озерский театр драмы и комедии «Наш дом» [Сайт]. [Электронный ресурс]. URL: <https://teatr-ozersk.ru/>
9. Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении перечня закрытых административно-территориальных образований и расположенных на их территориях населенных пунктов (с изменениями на 29 августа 2019 года)» от 05.07.01 г. №508 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901792112>
10. Территория культуры Росатома [Сайт]. [Электронный ресурс]. URL: <http://tercult.ru/>
11. Толстиков В.С. Социокультурная среда закрытых городов // Вестник ЮУрГУ. № 10 (269). 2012. [Электронный ресурс]. URL: <file:///C:/Users/%D1%8F/Downloads/sotsiokulturnaya-sreda-zakrytyh-gorodov-urala.pdf>
12. Файков Д.Ю. ЗАТО – Территория государственных интересов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2010. – №2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zato-territoriya-gosudarstvennyh-interesov>

УДК 394.014

Начало гендерных исследований в городе Стерлитамак

Юсупова Л.Я.
г. Стерлитамак

Аннотация. В статье рассмотрены понятия феминизм, суффражизм, рассматривается начало гендерных исследований в городе Стерлитамак. Подчеркнута значимость детального подхода в изучении региональных, этнокультурных, социокультурных особенностей женщин. Рассматривается книга под названием «Сто женских имен города Стерлитамак», которая по сути является первым опытом изучения городского пространства как контекста современной гендерной и этнокультурной социальной стратификации. Город выступает здесь именно контекстом, а не предметом исследования.

Ключевые слова: гендер, город, феминизм, Общество башкирских женщин, Агинэй, съезд-курултай, медаль имени Рабиги Кушаевой.

Стерлитамак – город, который был основан в 1766 году, на сегодняшний день является вторым по численности населения в РБ. В этом городе, который нередко называют центром развития науки всего юга Башкортостана, вышла в свет книга «Сто женских имен города Стерлитамак» (отв. ред. – д.и.н., проф. Самородов Д.П.), по сути являющаяся первым опытом изучения городского пространства как контекста современной гендерной и этнокультурной социальной стратификации.

Известно, что в общественно-политической жизни Республики Башкортостан современные башкирские женщины играют весьма заметную роль. Именно с целью изучения этой роли и с целью внести определенную свою лепту в начало гендерных исследований написано коллективом авторов рассматриваемое издание «Сто женских имен города Стерлитамак».

В наши дни мы часто сталкиваемся с таким понятием как феминизм. Тем не менее, употребление этого термина не всегда является правильным. В период зарождения феминизма как явления, так называлась борьба женщин за свои политические и социальные права. Именно эту борьбу за политические права женщин, можно

считать действительным феминизмом в полном значении этого слова, явление это известно в науке под отдельным наименованием – суфражизм. Впоследствии появляется масса различных направлений феминизма, которые больше ориентированы не на проблемы современной роли женщины в мире, а скорее на социальные проблемы в принципе. В наши дни в научном контексте более уместно говорить о развитии гендерных отношений, о различии взглядов на мир обоих полов, о социальной значимости и о естественном различии мужчин и женщин в обществе. Другими словами, в современной науке условно все мужские и женские роли в социуме вместе взятые, называются *гендерные отношения*.

Важно также подчеркнуть, что из-за различных исторических прецедентов, различий в положении и общественном статусе женщин в разных странах мира, даже в разных регионах одной страны, важно подходить к изучению гендерной и этнокультурной социальной стратификации более детально. Например, опыт женщин Европы в борьбе за гражданское равенство (требование избирательных прав, права на образование и т.д.) совсем не похож на опыт женщин Востока или женщин-мусульманок. Также социокультурный опыт женщин в городах и сельской местности тоже имеет отличия.

В современных гендерных исследованиях четко определилась тенденция к более детальному подходу в изучении региональных, этнокультурных, социокультурных особенностей женщин. Поэтому в книге «Сто женских имен города Стерлитамак» в научную выборку, т.е. выборочную совокупность, включить этнокультурную составляющую гендерной стратификации. Следовательно, в книге представлено сто имен успешных башкирских женщин города Стерлитамак, внесших достойный вклад в развитие города своими достижениями в труде, производстве, науке и образовании, культуре и искусстве, литературе и предпринимательстве.

Научному осмыслению, подробному исследованию социокультурной роли башкирской женщины в обществе посвящено в современной науке небольшое количество работ. В этом контексте можно выделить книгу профессора А.З. Асфандиярова «Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.)». В ней есть глава о семейно-брачных отношениях башкир и параграф о положении женщины в семье и обществе [1, с. 351–365]. Кроме того, необходимо упомянуть, что Р.Н. Сулейманова защитила докторскую диссертацию на тему «Женщины в общественно-политической жизни Башкирии XX века». В ее исследовании изучаются женщины советского Башкортостана, представительницы всех национальностей, которые проживали в то время на территории региона, но прежде всего внимание уделяется собственно представительницам башкирского этноса. Предметом исследования выступают формы социальной активности, вовлечение и участие в общественно-политической жизни, динамика изменений в социально-политическом статусе женщин республики в XX веке [2]. Известно, что этот автор опубликовала также статьи, в которых рассматриваются развитие женского движения в Башкирии в 1945–1965 гг., его особенности и противоречия, где показывается участие башкирских женщин в общественно-политической жизни республики [3, с. 69-77]. Ю.А. Ибрагимова в 2004 году защитила диссертацию на тему «Башкирская женщина в семье и обществе в первой половине XIX века». В ее работе отмечается, что дореволюционные ученые обращали внимание на особенности положения женщины в башкирском обществе. В частности, Д.П. Никольский первым вынес в своем труде в отдельную главу вопрос о роли и месте башкирской женщины, обозначив «Положение женщины у башкир». При этом он заключает, что «положение башкирской женщины в семье, пожалуй, лучше положения русской». В диссертации Ю.А. Ибрагимовой делается вывод о том, что, несмотря на патриархальность башкирского общества в целом, семейной (и отчасти общественной) традиции башкир присущи были принципы партнерства (но не равенства) и значительная роль женщин [4]. Таким образом, приведенный обзор исследований по теме гендерных отношений в башкирском обществе, приводит к выводу, что, безусловно, в данном направлении научные изыскания остаются актуальными.

На сегодняшний день науке известна следующая динамика особенностей социального положения башкирской женщины в исторической ретроспективе. Приведем обзор в рамках трех периодов: дореволюционный, советский, постсоветский. Так, в дореволюционный исторический период жизнь башкирки с учетом изменения ее статуса в семье и обществе условно делилась на три этапа: первый этап – пора до замужества была наиболее беззаботной и беспечной, когда девушкой она не знала затворничества и ритуального покрывала; второй этап начинался с выходом же замуж, становясь снохой, она приобретала новый статус, который в семейной иерархии был самым низким; третий этап – в более пожилом возрасте женщина становилась вновь не только относительно независимым, но и наиболее уважаемым членом семьи и общества.

Свою историю движение башкирских женщин начинает с июля 1917 года, когда на Всебашкирском съезде-курултае в городе Оренбург с требованием предоставления женщинам равных с мужчинами гражданских и политических прав выступила юная Рабига Кушаева. Имя этой исторической личности в 2018 году было увековечено в РБ учреждением медали им. Р. Кушаевой «Женщина – мать нации».

В советский период женский вопрос считался решенным, а равноправие женщин и мужчин достигнутым. О том, что это далеко не так, особенно в регионах с достаточно устойчивыми этноконфессиональными и культурными традициями, в науке не обсуждалось. Тема оставалась белым пятном в истории края. Несмотря на то, что социальная активность башкирских женщин в советское время проявлялась, она не была объектом специального научного исследования.

С началом Перестройки, вместе с демократизацией общественно-политической жизни всей страны, стали активно вливаться в общественно-политическую жизнь республики и башкирские женщины. Так, например, в 1991 г. было основано Общество башкирских женщин – движение, направленное на обеспечение социальной защиты женщин, охрану материнства и детства, семьи, создание условий для интеллектуального и культурного роста, возрождения этнических традиций, обычаев и обрядов башкирского народа. В 1995 году создается МСОО «Всемирный курултай (конгресс) башкир», чуть позже общественное движение «Агинэй», где также проявляют активность женщины-башкирки.

Таким образом, можно утверждать, что изданием книги «Сто женских имен города Стерлитамак» заложен первый опыт регионального этнокультурного гендерного исследования в отдельно взятом городе.

Список источников и литературы

1. Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI–первая половина XIX в.) Уфа: Китап, 2006.
2. Сулейманова Р.Н. Женщины в общественно-политической жизни Башкирии XX века. Автореферат дисс. на соискание ученой степени доктора исторических наук. [Электронный ресурс]. URL.: <https://www.dissercat.com/content/zhenshchiny-v-obshchestvenno-politicheskoi-zhizni-bashkirii-khkh-veka>
3. Сулейманова Р. Н. Женский социум советской Башкирии в 1945–1965 гг.: опыт организации, формы политической активности // Женщина в российском обществе. 2010. № 3.
4. Ибрагимова Ю.А. Башкирская женщина в семье и обществе в первой половине XIX в. Автореф. дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. [Электронный ресурс]. URL.: <https://www.dissercat.com/content/bashkirskaya-zhenshchina-v-seme-i-obshchestve-v-pervoi-polovine-xix-v->

НАШИ АВТОРЫ

Бадретдинова Светлана Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета.

Бахарева Ольга Яковлевна, кандидат исторических наук, г. Оренбург.

Баширов Тимур Анварбакович, кандидат философских наук, доцент, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета.

Богдан Светлана Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, Челябинский государственный институт культуры.

Богданова Альмира Абдулхаевна, кандидат педагогических наук, доцент, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета.

Боровик Елена Валерьевна, старший преподаватель, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса.

Викторов Александр Геннадьевич, магистр, Астраханский колледж арт-фэшн индустрии.

Гайнуллина Венера Фардатовна, магистрант, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета. Научный руководитель: **Семенова Н.Л.**, кандидат исторических наук, доцент.

Ганина Ольга Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, Оренбургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Гребенкин Алексей Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Орел.

Григорица Алена Викторовна, магистрант, Нижневартковский государственный университет. Научный руководитель: **Солодкин Я.Г.**, доктор исторических наук, профессор, Нижневартковский государственный университет.

Даркина Анна Владимировна, кандидат исторических наук, Воронежский юридический техникум.

Делова Людмила Алиевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева.

Ежова Татьяна Владимировна, доктор педагогических наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет.

Еркеш Серик Еркешевич, студент, Павлодарский государственный педагогический университет, Республика Казахстан.

Жуковская Людмила Николаевна, доцент, Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт; Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края, г. Красноярск.

Заболотная Светлана Геннадьевна, кандидат педагогических наук, доцент, Оренбургский государственный медицинский университет.

Загидуллин Эмиль Азаматович, студент, Уфимский государственный нефтяной технический университет, филиал в г. Салавате.

Загуляева Зоя Александровна, аспирант, Челябинский государственный институт культуры.

Залилова Лиана Раисовна, магистрант, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета. Научный руководитель: **Самородов Д.П.**, доктор исторических наук, профессор.

Захаровский Леонид Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный профессионально-педагогический университет, г. Екатеринбург.

Кантимирова Резида Ильгизаровна, кандидат исторических наук, доцент, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета.

Капитонова Виктория Сергеевна, магистрант, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета.

Каримов Кави Каримович, доктор исторических наук, профессор, Башкирский государственный университет.

Киреева Надежда Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, Уфимский государственный нефтяной технический университет, филиал в г. Салавате.

Кожокар Виталий Александрович, аспирант, Алтайский государственный педагогический университет. Научный руководитель: **Труевцева О.Н.**, доктор исторических наук, профессор.

Колпакова Екатерина Владимировна, студент, Елабужский институт Казанского федерального университета. Научный руководитель: **Крапоткина И.Е.**, кандидат исторических наук, доцент.

Корженевский Константин Брониславович, аспирант, Нижневартковский государственный университет. Научный руководитель: **Цысь В.В.**, доктор исторических наук, профессор.

Косарева Анастасия Евгеньевна, магистрант, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета. Научный руководитель: **Самородов Д.П.**, доктор исторических наук, профессор.

Косых Елена Семеновна, кандидат исторических наук, доцент, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета.

Кривицкая Анастасия Владимировна, аспирант, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета. Научный руководитель: **Дударева З.М.**, доктор филологических наук, профессор.

Кузнецов Андрей Игоревич, магистрант, Оренбургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Лаврентьев Никита Михайлович, студент, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета.

Лазарев Артем Геннадиевич, магистрант, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета. Научный руководитель: **Кантимирова Р.И.**, кандидат исторических наук, доцент.

Ларионова Ольга Юрьевна, Воткинский филиал Ижевского государственного технического университета имени М.Т. Калашникова.

Левченко Вероника Александровна, Санкт-Петербургский техникум железнодорожного транспорта.

Левченко Ольга Юрьевна, доктор педагогических наук, профессор, Забайкальский институт предпринимательства – филиал Сибирского университета потребительской кооперации, г. Чита.

Лихоманова Елена Викторовна, кандидат исторических наук, Волгоградский колледж управления и новых технологий им. Ю.Гагарина.

Локайчук Ольга Юрьевна, магистрант, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета. Научный руководитель: **Павлова О.С.**, кандидат исторических наук, доцент.

Малахова Анна Валерьевна, студент, Оренбургский государственный педагогический университет.

Микитюк Владимир Петрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник центра экономической истории, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук, г. Екатеринбург.

Морозова Ирина Павловна, Муниципальное общеобразовательное автономное учреждение «Лицей № 2» г. Оренбурга.

Мухаметдинова Алия Валиевна, студент, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета.

Мухаметзянова Эльвира Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета.

Мыслева Наталия Степановна, кандидат исторических наук, доцент, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета.

Нижегородова Любовь Леонидовна, Первая детская школа искусств.

Низамова Дилара Николаевна, студентка, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета.

Олейникова Елена Геннадьевна, доктор исторических наук, профессор, Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ «Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России»

Павлова Оксана Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета.

Панасенко Сергей Леонидович, аспирант, Челябинский государственный институт культуры. Научный руководитель: **Сафаралиев Б.С.**, доктор педагогических наук, профессор.

Пеев Георги Йорданов, кандидат исторических наук, доцент, Нов Български Университет (Новый болгарский университет – г. София), Болгария.

Полянина Ольга Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, Институт истории и государственного управления Башкирского государственного университета.

Преснякова Асия Кавиевна, патентовед, Башкирский научно-исследовательский институт сельского хозяйства Уфимского Федерального Исследовательского Центра Российской Академии Наук.

Разинков Сергей Львович, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный профессионально-педагогический университет, г. Екатеринбург.

Рукосуев Евгений Юрьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник центра экономической истории, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург.

Рыкова Ирина Сергеевна, студентка, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета.

Самородов Дмитрий Петрович, доктор исторических наук, профессор, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета.

Саяхимова Шолпан Назарбековна, кандидат исторических наук, и.о. ассоциированного профессора, Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина.

Селивёрстов Юрий Александрович, кандидат философских наук, доцент, Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Красногорск.

Семенова Наталия Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета.

Симонова Светлана Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ «Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России»

Скальская Елена Сергеевна, магистрант, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета. Научный руководитель: **Мухина Н.Б.**, кандидат филологических наук, доцент.

Соегов Мурадгелди, доктор филологических наук, профессор, действительный член (академик) Академии наук Туркменистана, Институт языка, литературы и национальных рукописей имени Махтумкули Академии наук Туркменистана

Солодкин Янкель Гутманович, доктор исторических наук, профессор, Нижневартковский государственный университет.

Суздальцева Ирина Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, Дагестанский государственный педагогический университет.

Тапилин Александр Иванович, Южно-Уральский многопрофильный колледж.

Тарасов Олег Владимирович, кандидат философских наук, доцент, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета.

Тимерказыков Ильнур Робертович, магистрант, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета. Научный руководитель: **Рахимкулова Л.А.**, кандидат политических наук, доцент.

Тохметова Гульнар Масеновна, старший преподаватель, Павлодарский государственный педагогический университет, Республика Казахстан.

Труханова Анастасия Владимировна, магистрант, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета. Научный руководитель: **Самородов Д.П.**, доктор исторических наук, профессор.

Урожаева Татьяна Петровна, кандидат исторических наук, Иркутский государственный университет.

Усманова Азалия Шамиловна, студентка, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета.

Усманова Резида Минияровна, доктор юридических наук, доцент, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета.

Фаизов Азат Ильдарович, студент, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета.

Фомушкина Анна Николаевна, магистрант, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета. Научный руководитель: **Кантимирова Р.И.**, кандидат исторических наук, доцент.

Хуснутдинова Эльза Ильдусовна, студент, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета. Научный руководитель: **Бадретдинова С.А.**, кандидат исторических наук, доцент.

Цыбко Наталья Сергеевна, студентка, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. Научный руководитель: **Савицкая О.Н.**, кандидат исторических наук, доцент.

Чернова Александра Игоревна, студентка, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета.

Шарапова Лиана Ишмухаметовна, научный редактор, Государственное автономное учреждение науки Республики Башкортостан «Башкирская энциклопедия».

Шварев Алексей Николаевич, магистрант, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета. Научный руководитель: **Самородов Д.П.**, доктор исторических наук, профессор.

Шуб Мария Львовна, доктор культурологии, доцент, Челябинский государственный институт культуры.

Щербин Марина Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент, Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина, Республика Беларусь.

Юсупова Лейсан Яркеевна, кандидат исторических наук, доцент, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета.

Явнова Ирина Ивановна, кандидат исторических наук, доцент, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДА В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Самородов Д.П. Развитие советской альтернативной историографии во второй половине 50-х – середине 80-х гг. XX в	4
Тарасов О.В. Иерусалим против Афин... и снова Афины (по поводу одной оценки противопоставления Л.И. Шестовым типов философствования)	15

РАЗДЕЛ 2. НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ГОРОДА

Григорица А.В. Образ японского города в сочинениях русских путешественников XIX в.	18
Косарева А.Е. Русская Духовная миссия в Корее в XX веке	19
Косых Е.С. Святые покровители городов России	20
Мухаметзянова Э.В. Урбанизация башкир в пореформенный период на материалах Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.	22
Суздальцева И.А. Армянская община Темир-Хан-Шуры в середине XIX в.: формирование, состав, численность	24
Щербин М.М. Актуализация этнокультурного самоопределения в гражданско-патриотическом воспитании личности (на примере педагогической мысли Беларуси)	26

РАЗДЕЛ 3. САМООРГАНИЗАЦИЯ И САМОРАЗВИТИЕ ГОРОДСКОГО СООБЩЕСТВА

Гайнуллина В.Ф. Основные принципы, цели и задачи государственной молодежной политики в РФ	29
Ганина О.Ю., Кузнецов А.И. Особенности конституционно-правового статуса законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации	31
Ганина О.Ю. Специфика территориальной организации местного самоуправления в городах федерального значения	32
Даркина А.В. Идентичностные проекты и варианты самоорганизации пространства Парижа в романе Ж.-П. Сартра «Дороги свободы»	35
Микитюк В.П. Екатеринбургские самодетельные организации и процесс саморазвития городского общества (вторая половина XIX – начало XX в.)	37

Мысляева Н.С. Организационно-правовые основы контроля за проституцией до 1917 года	40
Пеев Г.Й. Законодательство болгарского города после Освобождения: между местными традициями и европейскими моделями.....	45
Полянина О.А. Дореволюционная Уфа на страницах журнала «Городское дело»	48
Семенова Н.Л. Всеподданнейший отчет гражданского губернатора за 1843 г. о состоянии городов Оренбургской губернии	51

РАЗДЕЛ 4. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ И МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ

Залилова Л.Р. Население Башкирской АССР в 1920-е годы.....	55
Кантимирова Р.И. Динамика численности населения в уездах и городах Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX в	56
Кривицкая А.В. Эргонимы питейных заведений как показатель социально-экономического развития городов Республики Башкортостан.....	59
Лазарев А.Г. Голод в Башкирии в 1921–1922 гг. и его последствия	61
Мухаметдинова А. В., Семенова Н.Л. Роль Жалованной грамоты городам 1785 г. в сословной политике Екатерины II.....	63
Олейникова Е.Г., Симонова С.С. Социальная история городов России: возможности научного анализа.....	66
Рукоусев Е.Ю. Екатеринбург в 1845 году: социально-экономический облик города.....	69
Тимерказыков И.Р. Реализация молодежной политики в городских поселениях Республики Башкортостан.....	72
Усманова Р.М. Проект «Умный город» как механизм социально-экономического развития городов в РФ.....	73
Фомушкина А.Н. Причины и последствия голода после Великой Отечественной войны 1946–1947 гг.	76

РАЗДЕЛ 5. ИСТОРИЯ ГОРОДА В ЛИЦАХ

Баширов Т.А. Кенигсбергский мыслитель: размышления о Канте	78
Баширов Т.А., Фаизов А.И. Вклад Н.И. Вавилова в отечественную и мировую науку	79

Баширов Т.А., Чернова А.И. Вклад башкирских деятелей культуры в историю Уфы	80
Боровик Е.В. Взгляд на роль Владивостока в воспоминаниях представителей местного бизнеса (конец XIX – начало XX в.).....	82
Гайнуллина В.Ф. Кто они-люди Югры?.....	85
Делова Л.А. Память о великом сказочнике	87
Ежова Т.В., Малахова А.В. «Белая роза» Александра Шмореля	88
Заболотная С.Г. Оренбург в лицах: Олег Валерьевич Бухарин – академик РАН.....	92
Киреева Н.А., Загидуллин Э.А. Славный сын башкирской земли – Муса Гареев	94
Лаврентьев Н.М., Явнова И.И. Научная деятельность Александра Белла.....	95
Ларионова О.Ю. Дом купеческой семьи Адамовых.....	97
Низамова Д.Н., Явнова И.И. Мустай Карим: «Мы с вами из одного аула...»	101
Рыкова И.С., Явнова И.И. Стокгольм и изобретатели. Нильс Болин	103
Самородов Д.П. Отечественный родоначальник «укороченной» модели хронологии всемирной истории. Профессор химии Николай Александрович Морозов.....	105
Соегов М. О первом градоначальнике Мерва после вхождения его в состав России (к 115-летию публикации «Закаспийских воспоминаний» генерала Максуда Алиханова-Аварского)	115
Усманова А.Ш., Явнова И.И. Жизнь и творчество Михаила Афанасьевича Булгакова	118
Хуснутдинова Э.И. Город в лицах: белорецкие историки и краеведы.....	120
Цыбко Н.С. Личности и деятельность лидеров Православного Всероссийского братского союза русского народа	122
Шварев А.Н. Профессор В.А. Чудинов – идейный вождь современной альтернативной историографии	124
РАЗДЕЛ 6. ГОРОД КАК ЦЕНТР КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ	
Богдан С.В. Социокультурный капитал города как ресурс культуры и образования	127

Богданова А.А. Культуросообразное измерение современного образовательного пространства	130
Гребенкин А.Н. Военно-учебное заведение как элемент социокультурного пространства города	132
Жуковская Л.Н. Библиотека в информационном и культурном пространстве сибирского мегаполиса	135
Капитонова В.С., Бадретдинова С.А. Деятельность национально-культурных центров в городе Уфа.....	138
Каримов К.К., Преснякова А.К. Уфа – центр формирования научного потенциала Башкирской АССР (1930-е годы).....	141
Кожокар В.А. Город Павлодар как центр краеведческой работы Павлодарского Прииртышья в 1930-х начале 1940-х годов	143
Колпакова Е.В. Преподавание региональной истории как способ популяризации школьного исторического образования среди учащихся (на примере школьного элективного курса «История Чистополя»).....	146
Левченко В.А. Из истории деятельности Кяхтинского училища китайского языка.....	148
Левченко О.Ю. Преподавание иностранных языков в учебных заведениях Нерчинска (XIX – начало XX вв.)	150
Лихоманова Е.В. Страница из истории Сталинградского машиностроительного техникума (1950–1951 учебный год)	151
Локайчук О.Ю. Уфимская духовная семинария в системе религиозных образовательных учреждений Русской Православной Церкви.....	153
Морозова И.П. Деятельность библиотек в период «оттепели на территории БАССР	155
Павлова О.С. Уфимское епархиальное женское училище в конце XIX – начале XX вв.: страницы истории	157
Саяхимова Ш.Н. Из истории уездного города Капал в XIX – нач. XX вв.	160
Селивёрстов Ю.А. Концепция идеального города в эпоху Возрождения	163
Скальская Е.С. Лингвистические компетенции как основа взаимодействия языка, культуры, образования	165
Солодкин Я.Г. Являлся ли Березов центром городского летописания?	168
Тапилин А.И. Город Пласт Челябинской области как научный, образовательный и архитектурный центр Южного Урала.....	172
Шарапова Л.И. Города Салават и Сибай как центры культуры и образования на страницах изданий ГАУН РБ «Башкирская энциклопедия»	175

РАЗДЕЛ 7. ИСТОРИЯ ГОРОДА В КОНТЕКСТЕ МАКРОИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Бахарева О.Я. Восточные предместья Оренбурга сегодня.....	178
Викторов А.Г. Общественно-политическая жизнь в СССР в 1965–1985 гг. с позиции современного научного знания. Ретроспектива исторических и политических тенденций	181
Захаровский Л.В., Разинков С.Л. Перевозки призывников Государственных трудовых резервов из Башкирской АССР в Свердловскую область в 1940-е гг.: межрегиональный аспект модернизации.....	183
Корженевский К.Б. Советская власть и сибирский город: к истории переименования Новониколаевска в Новосибирск	186
Ларионова О.Ю., Нижегородова Л.Л. К вопросу о культурной преемственности на примере анализа топонимики города Воткинск Удмуртской республики.....	189
Мухаметзянова Э.В. Развитие телевизионной сети в городах Башкирской АССР в 1950–1960-х годах	195
Панасенко С.Л. К вопросу изучения проблемы формирования экологической культуры	197
Тохметова Г.М., Еркеш С.Е. Памятники войны Павлодарского Прииртышья	201
Труханова А.В. Деятельность благотворительных учреждений императрицы Марии в Санкт-Петербурге в XIX – начале XX веков.....	203
Урожаева Т.П. Трансформация системы дошкольных учреждений городов Приангарья во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг	205
Шуб М.Л., Загуляева З.А. Специфические черты социокультурного пространства современного российского закрытого города (на примере г. Озерска).....	208
Юсупова Л.Я. Начало гендерных исследований в городе Стерлитамак	211

Для заметок

Для заметок

Научное издание

**ГОРОД В КОНТЕКСТЕ
МИКРО И МАКРОИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ**

**Сборник научных трудов
Международной научно-практической конференции
Республика Башкортостан, г. Стерлитамак,
14 ноября 2019 г.**

Ответственный редактор – кандидат исторических наук, доцент **Ирина Ивановна Явнова** (Стерлитамакский филиал БашГУ)

Заместитель ответственного редактора – кандидат исторических наук, доцент **Резида Ильгизаровна Кантимирова** (Стерлитамакский филиал БашГУ)

Начальник управления по ВР и СО *О.А. Шарипова*

Заведующий РИС *А.В. Кирилов*

Компьютерная вёрстка *Л.В. Леонтьева*

***Материалы печатаются в авторской редакции.
Авторы, редакционная коллегия несут ответственность за достоверность
материалов, изложенных в сборнике***

Подписано в набор 26.11.2019 г.

Бумага офсетная.

Печать оперативная.

Гарнитура «Times».

Тираж 300 (1-й завод – 7) экз.

Подписано в печать 03.12.2019 г.

Формат 60x84_{1/8}.

Уч.-изд.л. 25,9.

Усл.-печ.л. 26,0.

Заказ № 440/19.

Редакционно-издательский сектор Стерлитамакского филиала БашГУ:
453103, Стерлитамак, пр. Ленина, 49.